В. ЦИММЕРМАН

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ

(ПО ЛЕТОПИСЯМ И РАССКАЗАМ ОЧЕВИДЦЕВ)

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ТОМ I

ПЕРЕПЕЧАТАНО СО ВТОРОГО ИЗДАНИЯ 1872 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

9 (43)
Ц 61

Настоящая работа является переизданием русского перевода 1872 года. Циммерман — автор ряда исторических работ, из которых наибольшей известностью пользуется его «История крестьянской войны». Богатый фактический материал этой работы был использован Энгельсом в его работе «Крестьянская война в Германии».

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Выпускаемая нами работа В. Циммермана представляет собой большую ценность, ибо она дает огромный фактический материал из истории крестьянской войны 1525 г. в Германии. «Если же в изображении, — говорит Энгельс, — которое дает нам Циммерман, нехватает внутренней связи; если ему не удается представить религиозно-политические спорные вопросы этой эпохи как отражение классовой борьбы того времени; если в этой классовой борьбе он видит лишь угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых; если его понимание общественных отношений, обусловивших как начало, так и исход борьбы, страдает весьма значительными недочетами, то все это является ошибкой той эпохи, в которую возникла книга. Напротив, для своей эпохи она представляет из себя славное исключение из немецких идеалистических исторических произведений и написана весьма реалистически» [1].

Автор этой книги Вильгельм Циммерман (1807—1878) родился в семье ремесленника в Штутгарте. Он окончил Тюбингенский университет, был пастором, потом профессором Штутгартского политехникума. В 1848 г. он был избран депутатом франкфуртского национального собрания, где примыкал к демократической левой. За сочувствие революции и левизну у него отняли кафедру. В 1854 г. он опять стал пастором.

В то же время В. Циммерман неустанно работал над историческими вопросами и написал ряд крупных работ. Но главный его труд, который создал ему европейскую известность,—это «История крестьянской войны в Германии». Даже в последние годы

[1] *Энгельс*, Крестьянская война в Германии, Предисловие, стр. 3, изд. 1931, Соцэкгиз, Москва.

жизни В. Циммерман занимался изучением истории своей родины. Он умер в 1878 г. Его религиозные воззрения сказываются также в толковании им исторических событий и явлений крестьянской войны 1525 г. Но тем не менее самое изложение фактов дано в книге чрезвычайно ярко; симпатии автора, несомненно, на стороне восставшего крестьянства. «История крестьянской войны в Германии» впервые была издана в 2-х томах в Германии в 1840 г., 2-е издание вышло там же в 1856 г., а 3-е в 1891 г. Все эти издания германские фашисты изъяли из библиотек, подменив их фальсифицированным изданием 1933 г. На русском языке работа Циммермана была впервые напечатана в 3-х томах в 1866—1868 гг., переиздана в 1872 г.

Эта ценная работа Циммермана представит большой интерес для широких кругов советских читателей, занимающихся историей революционных движений.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Скажу несколько слов об источниках, которыми я пользовался. Не стану перечислять печатные, потому что они известны каждому ученому. Знающий человек поверит мне наслово, да притом и увидит из самого сочинения моего, что я прочел и сличил все имеющиеся печатные сочинения по моему предмету. Но даже самые знаменитые источники такого рода, как например книга Гнодаля, были мне почти совершенно бесполезны, так как при сравнении с рукописными актами и рассказами современников они оказываются почти невероятно поверхностными, недостаточными и несправедливыми. Поэтому я пользовался печатными источниками только в тех случаях, где не имел рукописных, что впрочем случалось чрезвычайно редко и то лишь относительно саксонских событий; зато чрезвычайно богата рукописная литература касательно событий в Швабии, Франконии, Эльзасе, Швейцарии, Австрии, состоящая как из актов, так и из рассказов очевидцев и людей, писавших со слов очевидцев. В примечаниях я везде указал на эти источники.

Важнейший источник, которым до меня еще никто не пользовался с этой целью, составляют акты Швабского союза, которые я цитирую в тексте под именем союзных актов. Они состоят из нескольких тетрадей, из коих многие заключают в себе более 100 номеров или фолиантов и находятся в Штутгартском государственном архиве.

Там же находится другой богатый клад для историка крестьянской войны. Это собрание покойного прелата фон Шмида. Этот благородный ученый занимался около 40 лет собиранием материала для истории крестьянской войны, но умер, не успев ничего сделать, кроме известной статьи в «Энциклопедии Эрша и Грубера». Частью этого собрания воспользовался Эксле, но воспользоваться всею коллекциею, чрезвычайно богатою актами и выдержками из них и рассказами современников, было предоставлено счастливым случаем мне.

Между прочим, собрание это заключает в себе копии с рукописи: 1) Ганса Луца, герольда Трухзеса Вальдбургского во время

крестьянской войны. 2) Никласа Томана, вейсенгорнского капеллана во время войны. Он писал частью как очевидец, частью со слов вейсенгорнского бургомистра Дипольда Шварца, который все время состоял при Трухзесе и пользовался большим значением в Швабском союзе. Рукопись Томана, оконченная в 1533 году, заключает в себе много важных актов. 3) Роггенбургского лесничего Якоба, бывшего также очевидцем многого. Рукопись его относится к 1530 году. 4) Зейдлера. Рукопись эта есть копия с рукописи Цейля, секретаря Трухзеса, «который всюду бывал с ним и везде присутствовал». Зейдлер списал ее впоследствии в вольфеггской канцелярии.

Я всюду отметил в примечаниях места, для которых я воспользовался печатными трудами Эксле и Бензена, основанными на изучении рукописных источников, а также превосходными статьями Шрейбера в его историческом альманахе; касательно некоторых подробностей читатель может сравнить эти труды, не потерявшие своей цены и своего значения и по появлении моего.

В. Циммерман.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В жизни народов и государств доселе гораздо менее изучали болезненные состояния, причины их и их излечения, чем времена процветания и здоровья. Слишком мало обращали еще внимания на внутреннюю борьбу и развитие их и всего менее исследовали и всего пристрастнее судили то, что жило, действовало и страдало в глубине обществ, что томилось там и вырывалось на поверхность. Эта жизнь мало исследована повсюду в Европе, но в особенности в Германской империи, хотя без полного понимания этой жизни и этого движения в глубинах невозможно правильное понимание истории вообще.

Еще в отдаленнейшие эпохи средних веков слышится по временам, точно подземный гул вулканических сил, какое-то глухое брожение под тою почвою, на которой расположились господствующие классы общества. По временам то там, то сям происходила вспышка или взрыв. Как газы и пары и потоки пламенной лавы из отверстий и расселин кратера, так поднимались восстания из глубины общества. Они свидетельствовали о внутреннем пламени, но на них не обращали внимания и верили, что это брожение может продолжаться безвредно; думали потушить внутренний огонь, закупорив отверстие, сквозь которое он прорывался, и успокаивались, когда за взрывами следовали продолжительные паузы, в которых все казалось спокойно. Когда затем земля начинала снова дрожать и снова грозил взрыв, но миновал благополучно, люди, жившие на вершине вулкана, безумно верили, что грозная стихия под ними совершенно исчезла.

Но пока на поверхности все казалось спокойным, под ногами общества накоплялось все более и более материалов для взрыва. Общество не знало этого и благоденствовало, но благоденствовало путем неправды.

Настала эпоха перехода от средних веков к новому времени. Мысль работала, делались открытия, печатали и читали. Новые идеи проникли вглубь, где кипело негодование, и довели его до крайней степени напряжения. После долгого спокойствия снова явились предостерегающие признаки, указывая на при-

ближение великого взрыва. Были люди, чувствовавшие, что почва под ними подрыта и трепещет; но все властвующие не верили в серьезную опасность, несмотря на то, что уже начинались подземные удары. Они не верили, потому что за этими ударами вместо взрыва снова водворялась тишина. Они даже усилили иго, хотя уже явились чрезвычайные симптомы, каких не замечали при прежних взрывах. Тогда разразилась катастрофа. Взрыв воспоследовал внезапно со всеми ужасами естественного явления.

Новые силы мысли подействовали могущественно и в обширных размерах на низшие слои общества, а гнет, давивший на них сверху, ежедневно усиливал жар, горевший в них, и силу паров, клокотавших в глубине, пока наконец от этого давления не лопнуло бремя, нагнетаемое сверху. Как при извержении вулкана земля дрожит на большом расстоянии в окружности, молнии взлетают через горы к облакам и при страшном гуле вся поверхность земли горит ярким пламенем и слышится треск низвергающихся каменных масс, так было и при общественном взрыве: при гуле и грохоте вставали над землею огненные столбы пламени пожаров, день и ночь обагряя небо. Гибли невинные с виновными; низвергнувшиеся скалы покрывали горы и часто на далекое пространство загромождали равнины; то были осколки разрушенных замков властителей.

Доселе всюду лежат тысячами развалины монастырей и замков, остатки и свидетели этой катастрофы. Задача этой книги описать ее. В недрах общества загорелось. От этого пламени размягчилось, растопилось и потекло потоком огненной лавы все, застывшее и окаменевшее; лежавшее внизу было поднято вверх; земля расселась; кора тогдашних общественных отношений лопнула; но вот пламя утихло, улеглось, и извергнутые массы остыли. За внезапным поднятием Германии посредством революции религиозной и политической наступило медленное поднятие ее посредством постепенного прогресса, совершающееся уже три века.

Взрыв опустошил и разрушил все и всюду, куда проникли потоки его лавы. Он был послан в наказание и наказал. Его вызвали человеческие поступки. Вопиющие несправедливости накликали это страшное бедствие на тех, которые их творили, или на детей и внуков их. Несчастие поразило их, как наказание за преступления, перешедшие всякую меру. После взрыва все изменилось. Вся страна приняла другой вид. Настало новое время; день занялся среди разрушений и потрясений, в буре и крови. Но это миновало, и при наступившей затем тишине люди увидели вместо ночи день. Это была насильственная сторона великого процесса перехода от средних веков к новым. Отжившие и пережившие свой принцип элементы общества, уже давно склонявшиеся к упадку, были окончательно низвергнуты этим ударом. Пробыв полтысячелетия рабами, крестьяне не могли усвоить себе в течение одной мартовской ночи дух и

характер свободы и прочную любовь к ней. Во многом они действовали не лучше своих господ, которые с детства и систематически ожесточали их и делали дикарями. Кто в истории крестьянской войны желает останавливаться лишь на бесполезных, иногда страшных, эпизодах, тот точно так же должен видеть одни только эти эпизоды и в реформации и в католицизме. Или разве кто-нибудь решится сказать, что в истории их нет ничего ужасного?

Если бы германская революция 1525 года была доведена до конца, она создала бы политическое и религиозное единство Германии. Но по причинам, которые указаны в этой книге, она не удалась. Однако, несмотря на это, она многое уничтожила, выравнила, дала доступ воздуху и свету, оставила неизгладимые следы не только разрушения и правосудия, но и провела борозды и бросила в них семена будущего развития.

Семена эти произросли с неотразимой силой и стали благодеянием для человечества, между тем как уже давно забыты дикие и бедственные стороны взрыва. Дух времени и влияние работающей человеческой мысли действуют не тóлько на страсти, разыгрывающиеся наверху общества, но и на деятельность в глубине его.

В крестьянской войне мы видим некоторые идеи, которые на первый взгляд поражают нас, но в которых при более близком знакомстве мы узнаем зародыши будущего прогресса. Все, к чему шло впоследствии человечество в течение многих веков и к чему идет и теперь, — все, что оно доселе вырабатывает и развивает,— представляется нам еще в революции 1525 года уже вполне сознанным и определенным, возможным, даже необходимым, долженствующим исполниться немедленно и остаться господствующим, прочным навсегда. Это есть то желанное и ожидаемое состояние общества, которое перекрещенцы называли тысячелетним царством, где государство и церковь стали бы излишними для народа, достигшего совершеннолетия, где люди следовали бы каждый собственному побуждению, личному закону под непосредственным правлением самого бога. Фихте говорит, что всякое правительство по самой сущности своей стремится сделать себя излишним. Влияние этого стремления он называет культурой свободы, самоуправления. К тому с излишней, быть может, крутостью стремились люди в буре и вихре 1525 года, но в самых ошибках их лежал зародыш глубокой истины. 1525 год нес в своем потоке зародыши многого, что теперь глубоко волнует жизнь европейских наций. Дурные волны потока пронеслись, но зародыши остались и развивались в тиши. Идея совершеннолетия и самостоятельности народа, составляющая центр всех европейских стремлений и мышлений, всех общественных событий, уже лежала в основании движения 1525 года. Тогда же первый раз явилась живо в сознании идея единства нации.

Подобно вулканическим силам, которые после долгого спокойствия пробивают себе новые пути в стороне от места первого

взрыва и порождают новые, совершенно особые явления, так и дух нового времени выразился в следующие разы уже не на германской почве. Его последующие взрывы происходили в стороне, но сначала поблизости от места катастрофы 1525 года, а именно в Нидерландах; затем последовал взрыв в Англии, потом в Северной Америке, у двух народов германского происхождения. Вскоре после последнего совершился великий взрыв во Франции. Все они были совершенно не похожи друг на друга в политическом отношении. Но, несмотря на разницу в результатах их, в них были стороны почти совершенно одинаковые или, по крайней мере, весьма схожие. Это ясно из сравнения английской и французской революций с германской 1525 года.

В этом новом переделанном издании я старался еще нагляднее выяснить причины, возбудившие эту революцию, помешавшие ее развитию и вызвавшие ее окончание. Я постарался исследовать соки и силы, бывшие в брожении, возбуждавшие и возбужденные элементы, связь событий, их значение и влияние. Со времени выхода первого издания архивы и литература представили много нового материала, а критика осветила многое ярче прежнего. Шлоссер не раз наводил меня на истинный взгляд. Я во многом также воспользовался разборами моего сочинения господ Бутке и Кортюма. Такие критики столько же служат делу, как и автору. Я столько же благодарен г. Бутке за его порицание, как и за похвалу. Меня порадовал лестный отзыв Гервинуса о моих историографических приемах. Наконец, я сам стал не только богаче опытом и знанием, но и пережил в это время подобное же народное движение и отчасти сам принимал в нем участие. Я мог делать наблюдения и сравнения над живою действительностью, и она научила меня многому.

Дух истины стремится вперед, смеясь над усилиями реакции остановить его. Кто не чувствует этого движения вперед, тот стоит слишком далеко позади и слишком низко. Остановясь, он воображает, что с ним остановилось и время, не замечая, что оно давно пролетело мимо него и вступило в новый свет, в новый воздух, в новую жизнь. Молодежь, выросшая на наших глазах, невольно дышит иным воздухом, чем тот, который окружал нас в нашей юности. Притоки нового воздуха питают ее сердце и ум, и старости не преградить этих притоков.

В. Циммерман.

Ф. Х. Шлоссеру
с глубоким уважением
посвящает автор

Редки становятся в Германии высокие мужи, соединяющие в себе силу ума с силою характера. На почве нашей литературы лишь изредка встречаются еще могучие дубы, выросшие в более сильную эпоху германского духа и олицетворяющие собою мужество и свободу. Годы и бури помрачили и покрыли мхом их ветви; но с прежней энергией действует в них присущая им бессмертная сила жизни.

В Вас, высокочтимый учитель, видим мы одного из таких мощных мужей.

Позвольте мне называть Вас учителем. В буквальном смысле я никогда не был Вашим учеником; я даже ни разу не видел Вас. Но, действуя силою духа на обширнейшие области, Вы без Вашего ведома поучали меня, и я буду гордиться, как лучшей славой моей, если Вы признаете меня своим достойным учеником.

Были дни, когда большинство германских историков боялись говорить правду и не стыдились искажать ее; в эти дни Вы остались верны историографическим законам древних, ни разу не сказали неправду и не боялись говорить истину. Вы проливали яркий свет на все неправое в истории, одинаково обличая несправедливости, исходившие как сверху, так и снизу, указывая, как на нравственно высокое и благородное, так и на низкое и подлое в жизни.

И я научился у Вас чтить честность, совестливость и чистоту лиц и событий; чтить и в Вас человека, принявшего на себя труд историка как священную обязанность, как призвание свыше искать и находить, беречь и хранить истину. Зная жизнь так же хорошо, как и науку, Вы обладаете не одними только достоинствами собирателя и исследователя источников; Вы выказали сверх того ум государственного человека и критика, образованный разум, способный видеть в событиях идеи и обнимать их в общей их связи; Вы любите свободу и добродетель; Вы обладаете мужеством вступаться за права угнетенных и проницательностью пророка, который в одно и то же время смотрит и назад и вперед,

сравнивает, предостерегает, поучает и предсказывает. Поэтому Вы писали историю ясно и сильно, и вот что я научился уважать в Вас и уважаю.

Семь месяцев тому назад Вам исполнилось восемьдесят лет, но ни ум, ни рука Ваши не утомились. В Вашем любезном ответе мне Вы говорите, что посвящение Вам моей книги приносит Вам честь. Но принятие этого посвящения есть высокая честь, которую Вы, учитель, оказали мне и моему труду.

В. Циммерман.

Леонбронн 16 июня 1865 г.

ВВЕДЕНИЕ

История народов имеет свои грозы и бури, как и внешняя природа. Как землетрясение или наводнение, рушат народные бури города и уничтожают человеческие существования. На них привыкли смотреть с отвращением и ужасом, как на кровавые бедствия. Иначе смотрит на них историк. Наука и возвышенный ее разум ставят его выше всяких временных бедствий. Он спокойно наблюдает за ходом мировых событий и движениями народной жизни, взвешивая и соображая, как астроном за ходом светил. В разрушении он отличает живительное начало, видит силу духа там, где, повидимому, действуют только грубые физические силы.

Человечество идет вперед и преобразовывается; народы вырабатывают себе высшие способности и в тяжкой борьбе стремятся к своей цели. Эта цель — свобода. В ней одной все величие и весь блеск жизни; только она может облагородить и возвысить человечество, говорит Шиллер. Только под покровом мудрых и свободных учреждений могут роскошно распуститься цветы культуры, говорит Александр Гумбольд. Без политической свободы нет совершенствования, говорит англичанин Финле. Но свобода, кроткая и благодетельная, когда возмужает, является на свет при тяжких страданиях и должна окреститься кровью. Так бывает всегда, потому что те, у которых в руках власть, забывают научить народ справедливости и отвечают жестокостями и презрением на его справедливые требования. Борьба за право не прекращается, пока право не восстановится или пока не будет уничтожено то, что называется народом.

Сколько веков уже свобода служила и знаменем в борьбе и наградой, которая, казалось, ждала победителей. Однако во все времена ее не понимали или понимали ложно, как все простое и глубокое.

Народы пользовались бы бо́льшими правами и бо́льшей свободой, если бы не искали свободы ложными путями. Но они или не умеют искать ее, или засыпают на полдороге, утомленные жертвами и усилиями. Нередко засыпают целые нации, но в нации всего чаще низшие классы. Народы, как и отдельные лица, нуж-

даются от времени до времени в толчке, который бы разбудил их и заставил итти вперед.

Такие толчки дают войны как внутренние, так и внешние. Поводы к ним накопляются среди народов медленно и постепенно. Когда же накопившийся материал воспламенится и пройдет бедой по всей стране, люди называют его бичом судьбы или неба. Но сопротивление является вследствие того, что беззаконие и близорукость угнетают право. Когда безнравственность, роскошь, насилия и притеснения становятся отличительным характером властвующих, низшие классы побуждаются всем этим к восстанию. Яд излечивается ядом. Одним из бедственнейших событий, каким-то вторжением темных сил природы в жизнь германского общества, считают вооруженное восстание крестьян, известное под не совсем точным именем — Большой крестьянской войны. Останавливаясь более на отрывочных фактах и явлениях, чем на общем духе и характере ее, в ней привыкли видеть только мрачный факел пожара и смерти, поднесенный грубою рукою мятежа к сердцу германского отечества.

При этом обыкновенно упускали из виду, главным образом, три вещи. Во-первых, то, в чем особенно обвиняют крестьянскую войну, обыкновенно сопровождало все войны того времени. Во-вторых, что крестьяне были возбуждены к крайностям непомерным игом, которое терпели от господ, и их вероломством в течение борьбы. Наконец, в-третьих, что необходимо очень внимательно прислушиваться, чтобы расслышать слабый голос истины среди оглушительных криков монашеского и аристократического фанатизма, к которым после поражения присоединили свой голос и побежденные, чтобы отклонить от себя преследование. Победи народ, мы бы имели совершенно иные известия. Наши летописи говорили бы языком освободившихся швейцарцев и англичан. Но народ был побежден, и вследствие этого все движение было оклеветано, все величественные стороны его обойдены молчанием или искажены в рассказах. Мы знаем теперь, что в основании движения лежали и в нем выражались великие принципы и высокие интересы человечества.

Движение это было остроумно названо пророческой увертюрой новой истории. Это, действительно, громкая увертюра спектакля, разыгрывающегося на почве нового времени и не лишенного трагизма. В движении 1525 года заключаются все явления позднейших социальных движений в Европе. Европейские революции не только начались им, но и отразились в нем все, всеми своими сторонами. Все явления, изменившие государства в течение следующих веков, а равно и те, которые готовят в наше время преобразование общества, имеют свои первообразы в движении 1525 года как относительно идей, так и относительно деятелей. Трейчке справедливо называет личность Томаса Мюнцера зеркалом, в котором пророчески отразились все явления последующих времен. Он справедливо указывает, что из массы идей, наполнявших дух

Мюнцера и осмеянных его современниками, каждая нашла себе впоследствии представителя, выработавшего ее и заслужившего этим славу и удивление, как Вильям Пен, Спенер, граф Цинцендорф, Жан Жак Руссо, французские демагоги и натурфилософы. А теперь сколько новых известных имен могбы он прибавить к этому списку. Весь ход идей следующих веков и нового времени, насколько он заключает в себе политических и религиозных революционных элементов, выражен в Мюнцере намеками или совершенно ясно. То, что в нем было несовершенно и являлось лишь вспышкою, выразилось с совершенною ясностью столетие спустя в английской революции. Начатое и неудавшееся в Тюрингии, оно осуществилось раньше всего в обоих великих англо-саксонских государствах по сю и по ту сторону Атлантического океана, у соплеменных народов на почве Англии и Северной Америки.

Движение 1525 года имеет свою прекрасную и свою мрачную стороны. Чистые и благородные силы управляли им наряду с нечистыми и темными. Но дух, вызвавший борьбу, был дух свободы и света. Как бы печальны ни были отдельные явления, омрачающие его, он не теряет от них своей цены и, напротив, примиряет нас с ними.

Движение это не было ни внезапно, ни случайно. Оно долго подготовлялось и имело основанием тогдашнее положение крестьян. Поэтому так быстро распространилось оно и едва не увлекло всю Европу. Народ был давно готов к нему, с тех пор как началось его угнетение. Любовь к свободе не угасает и в цепях.

История долго или вовсе обходила это великое событие или, затрагивая его, представляла его в искаженном виде по недостатку беспристрастной и возвышенной точки зрения. Даже те из писателей, рассматривавших различные эпизоды его, которые вносили в свой разбор более свободные воззрения, относились к своему предмету робко, не раскрывая сущности его — тяжких властвовавших преступлений и тысячи ран, покрывавших грудь доведенного до отчаяния народа.

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В течение всех средних веков происходили по временам крестьянские возмущения против дворян и духовных владетелей; они были направлены на защиту древней свободы от произвола высших классов, которые хотели усилить бремя, тяготевшее над несвободными, и обратить ленников в крепостных.

Борьба эта происходила во всей Европе. Но крестьяне постоянно терпели неудачи, потому что силы их были разрознены; они не могли действовать одновременно общими силами на огромном пространстве; предводители их были люди неспособные или изменники, а сами они не умели владеть оружием.

Крестьяне счастливо боролись в Нижней Германии только в Дитмарсене и Кеннемаре; в Верхней Германии с успехом действовали швейцарцы. Обоим благоприятствовала местность их стран: первым — реки, море и болота; вторым — Альпийские горы и теснины.

Победа швейцарцев и распространение их союза до Констанцского озера и Шварцвальда произвели сильное впечатление на всю Швабию и даже на Франконию. С одной стороны, влияние свободных и светлых мыслей, с другой — мотовство и разврат высших классов, которые вследствие этого усиливали бремя, лежавшее на низших классах, возбуждали в народе желание изменить свое положение. В половине XV века изобретение книгопечатания занесло в Швабию кое-какие летучие листки; в массе неграмотных часто попадался человек, умевший читать и растолковать прочим содержание бумажки, часто оно оказывалось враждебным духовным или светским господам, а иногда и тем и другим.

То там, то сям происходили вспышки, и страсти, таившиеся в глубине масс, вырывались наружу. В 1476 году Ганс Бегейм из Никласгаузена, нрозванный «Иванушкой Свистуном», проповедывал в Вюрцбургской области про общее равенство и про свободу. Долго наигрывал он на своей дудке в церковные праздники и на свадьбах; но вдруг заговорил о новом царстве господнем, «где не будет ни князей, ни папы, никаких господ и повинностей,

где все будут братья, каждый сам себе будет зарабатывать насущный хлеб и никто не будет желать иметь больше, чем другие». Епископ Вюрцбургский велел схватить его ночью и сжечь, и волнение утихло.

В 1491 году нидерландские крестьяне были принуждены голодом, дороговизною, налогами и монетными операциями просить об облегчении их положения; им отвечали на это новым налогом по два червонца с дома; это вынудило их восстать. Их называли «сырниками», потому что они нарисовали на своих знаменах скверный ячменный хлеб с зеленым сыром. Для подавления этого восстания потребовалась большая военная сила. В Верхней Германии возбуждение было так сильно, что, по словам современников, движение распространилось бы по Мозелю и по Рейну, если бы вовремя не прекратили возмущение сырников.

С исходом второй половины XV века, точно какая-то нить соединила всех крестьян; слышно было, что какие-то люди ходят по деревням и тайно носят грозные планы и решения. Крестьяне стремятся соединиться. Не все еще забыли старое доброе время.

О тогдашнем положении крестьян и о средствах, которыми они были лишены своей свободы, можно судить по событиям в Альгау в Верхней Швабии, а именно в Оксенгаузене и в княжеском аббатстве Кемптене.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О том, как лишились своей независимости свободные кемптенские крестьяне

Летописи Альгауского аббатства Кемптена и местные акты наглядно показывают, каким образом тамошние крестьяне были постепенно лишены своей свободы и обременены несправедливыми повинностями.

Прекрасная область Альгау возвышается на восточном берегу Констанцского озера и склоняется на северной стороне Тирольских гор к реке Леху, спереди же непосредственно примыкает к Альпам. С давних времен здесь удержалось многочисленное свободное крестьянское население, «свободный род»; они жили деревнями и дворами, а иные одиноко. Первоначально личность и имение их были так же свободны, как в дворянстве. Они могли по своему желанию выбирать себе покровителя, уходить, когда и куда угодно, и были подчинены своему ленному владельцу только в судебном отношении. Многочисленный класс вольных оброчных крестьян имел некоторые другие права, как то: передавать свое имение по завещанию своим родственникам, заключать договоры, по произволу располагать своим имуществом и выезжать, не платя

за себя и за свое имущество. Они платили только небольшую поземельную подать аббатству и известную сумму своему ленному владельцу, которого могли переменять по своему усмотрению. Они не несли никаких повинностей: ни барщинных, ни дорожных, ни наследственных; пошлина на наследство состояла в подарке господину лучшего платья покойника или покойницы. Но монастыри, бароны и города мало-помалу подчинили их себе. В Кемптене дело происходило следующим образом.

Сначала увеличили пошлины на наследство; затем стали обязывать свободных монастырских ленников нести те же подати и повинности, которые несли крепостные монастырские крестьяне; вольных оброчников стали причислять к одному разряду с крепостными. Так как они не остереглись и не восстали во-время за свои права, то мало-помалу были причислены к крепостным и подвергались соответственному обращению. Аббатство присвоило себе бо́льшую часть поземельной собственности, так что вольные оброчники сделались вассалами монастыря и стали считаться крепостными. Прежде всего у них отняли право свободно вступать в браки. Аббатство запретило безбрачным крестьянам, бывшим его ленниками, вступать в браки с людьми, которые были или совершенно свободны, или находились в подданстве у других господ, потому что по аллеманскому закону дети свободных женщин считались свободными; наоборот, аббатство покровительствовало бракам свободных оброчников с его крепостными, потому что дети, рождавшиеся от таких браков, были монастырскими крепостными.

Достоверно известно, что в половине XII века многие крестьяне были еще совершенно свободны и находились под непосредственным императорским покровительством, будучи обязаны только военной службой. Монастырь всячески старался привлечь их под свое покровительство, что давало ему возможность постепенно обращать их в несвободных и все более и более забирать в свои руки. Многие свободные люди терпели это, не находя удобного времени для того, чтобы требовать возвращения своей свободы и прав, так что, наконец, долговременная несправедливость обратилась в древнее право.

Монастырь действовал систематически. Чтобы ограничить свободу крестьян, каждый аббат пользовался всяким удобным случаем и продолжал работу своего предшественника; наконец, от свободных крестьян потребовали тех же повинностей, которыми были обложены монастырские крепостные; однако они воспротивились. Тогда аббат прибегнул к грубому обману: он велел состряпать акт и выдал его за учредительную грамоту Карла Великого; так как в ней упоминалось о требуемых повинностях, то они обращались этим в древнее право монастыря. Крестьяне знали, что с ними поступают несправедливо, но против них был документ — старый пергамент. Они не могли обличить обман; в то время — это было в начале XV века — в тех странах крестьяне не были так

просвещены, чтобы подозревать подобное надувательство со стороны столь знатного и благочестивого человека; притом они не имели нужных научных сведений, чтобы иметь возможность доказать подложность документа, а духовенство, которое могло бы помочь им в этом случае, никогда не действовало в подобных делах против своего брата. В таких обстоятельствах крестьяне прибегли к своему древнему, основанному на грамотах, праву переменять ленного владетеля, в случае притеснений с его стороны. Они отдались под покровительство графа Вильгельма фон Монтфорт-Тетнанга. Аббат возопил против нарушения своих прав. По приказанию герцога Людвига Баварского дело было отдано на решение высшего суда, составленного из дворян и горожан. Земское дворянство и горожане решили против крестьян: графу было запрещено принимать их под свое покровительство.

Крестьяне избрали своим покровителем монастырского фогта, рыцаря фон Фрейберга, владевшего Волькенбергом, и стали силою защищать против монастыря свое доброе старое право. Монастырь обратился к папе Мартину V, и рыцарю фон Фрейбергу было приказано, под страхом отлучения от церкви, не принимать монастырских крестьян под свое покровительство и в течение 14 дней явиться к папскому делегату в Констанц. Так как он не явился, то был отлучен от церкви со всеми своими слугами и подданными и осажден в своем замке Волькенберге.

Вольным оброчникам также угрожали отлучением, если они не согласятся платить монастырю должные десятины, оброки и подати и не явятся в течение четырнадцати дней в Констанц для оправдания своих поступков. Третейский суд, состоявший из председателя, дворянина Бертольда фон Штейна, и членов — ульмского гражданина Ульриха Лева и дворянина Петра фон Гогенека, потребовал, когда спор затянулся до весны 1423 года, чтобы аббат поклялся, что он и предки его пользовались налогами, оброками и повинностями с монастырских ленников, как с своих крепостных; затем двое знатнейших членов капитула должны были присягнуть, что клятва аббата чиста. Аббат просил отсрочки; крестьяне требовали немедленной присяги. Отсрочка была разрешена, 4 июля 1423 года аббат принес присягу, и крестьяне проиграли дело. Свободные оброчники, жившие в городе, были счастливее: их защитили города и, что весьма странно, сам святейший престол, хотя в Швабии духовенство деятельно поддерживало друг друга против крестьян.

Все епископства и монастыри считали тяжбу вольных оброчников с Кемптенским аббатством своим собственным делом. Сорок прелатов соединились на двенадцать и более лет, чтобы общими силами вести тяжбу с крестьянами, сообща платить судебные издержки и всячески помогать друг другу.

Чтобы лишить крестьян папского покровительства, аббат позволил себе солгать в письме к святейшему престолу, будто бы свободные оброчники с незапамятных времен несут те же повин-

ности, как и крепостные; несколько прелатов подтвердили эту ложь своими свидетельствами и печатями.

Но крестьяне также отправили посольство в Рим, обличили лживость письма аббата и добились того, что аббат принужден был просить посредничества городов. Но затем они согласились не представлять более дело святейшему престолу.

Клятвопреступление, ложь и другие подлости, до которых дошел аббат в тяжбе с крестьянами, начали беспокоить его совесть. Он обратился к папе, который разрешил его от всех грехов, заставив его предварительно исповедаться аббату Цвифальтенскому. Но он не вознаградил крестьян за свою несправедливость к ним. Таким образом, свободные оброчники были лишены посредством явного клятвопреступления и обмана своей свободы и древних прав.

Через несколько лет монастырь выпросил у императора запрещение, кому бы то ни было принимать под покровительство против воли аббата монастырских крепостных и оброчников. Таким образом, император лишил вольных оброчников последней возможности избавиться от притеснений монастыря и одним росчерком пера уничтожил их древнее право свободно переселяться и отказываться от лена в случае несправедливых притеснений. Но притеснения не прекратились и даже усилились. Местные акты доказывают, что этот самый аббат, который выпросил у императора такой указ, обратил в крепостное состояние многих свободных крестьян; его племянник и наследник требовал и взыскивал с вольных оброчников барщинные, оброчные и наследственные повинности и подати, как с своих крепостных. Когда вольная девушка или женщина выходила замуж за монастырского оброчника, ей до тех пор не давали причастия, пока она не отдавалась в подданство монастыря; если вольный оброчник женился на крепостной, то его также отлучали от церкви, чтобы принудить перейти в крепостное состояние.

Если это насилие, совершаемое над совестью, оказывалось недостаточным, то мужа сажали в тюрьму и томили, пока новобрачная не подчинялась монастырю. Жалобы и воспоминание о своей прежней свободе наказывались тюрьмою и цепями. В подобных обстоятельствах двадцать шесть семейств вольных оброчников решились, вопреки императорскому постановлению, отдаться под чье-нибудь покровительство. Они утверждали, что постановление императора Сигизмунда не имеет значения, потому что противоречит их древним грамотам, так как император не знал истинной сущности дела. Некоторые семейства ссылались на особые грамоты, но преимущественно на одну древнюю книгу, где находилась грамота 1144 года, в которой положительно было сказано, что вольные оброчники должны платить только оброк и пошлину с наследства. Вопреки этому, говорили они, аббат принуждает нас к военной службе, требует податей и других повинностей, причем некоторые из нас потерпели тюремное заключение, так что мы

вынуждены искать другого покровителя, согласно нашим грамотам, которые дают нам право поступать таким образом.

Монастырь ссылался на указы и приговоры, изданные против крестьян во время прежних тяжб аббатства с крестьянами. Но эти акты не могли иметь никакого значения. Они заключали в себе несправедливость, облеченную в законную форму, и теряли всякую силу перед древними, подлинными грамотами, которые были найдены крестьянами. Аббат должен был признать древние грамоты своих предшественников и право перехода крестьян. Он удержал за собой лишь несколько семейств, о которых не было упомянуто в древних грамотах; чтобы удержать их в своем подданстве, он подтвердил свои права на них клятвою, после чего эти оброчники стали считаться законными крепостными монастыря.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О том, как кемптенцы защищали свои права в конце XV века

В то самое время когда в Нидерландах происходили восстания сырников, крестьяне аббатства Кемптена возмутились против своего господина. Некоторые из них ушли от притеснений в Швейцарию. Прочие терпели такие притеснения, что неудовольствие их возрастало и кончилось, наконец, открытым сопротивлением. Наглость и высокомерие каноников погубили многих монастырских крестьян.

Аббат Иоанн II, принявший в конце 1481 года пасторский и княжеский жезл, старался, повидимому, мудро и осторожно, кротостью исцелить раны своего народа. По крайней мере, таковы были надежды крестьян в первое время его правления. Но вскоре «овца превратилась в волка», как выражается монастырская хроника. Все повинности и налоги — и прежде несправедливые и тяжкие — были повышены. Поступки нового аббата были таковы, что давали повод думать, что он намерен обратить всех свободных крестьян своего округа в ленников, а ленников в крепостных. Тех, которые противились этому, долго таскали по духовным судам, сажали в тюрьмы, заставляли представлять за себя поручителей или лишали имущества. Строгость наказаний смиряла самых строптивых и мужественных; они давали требуемую клятву не отдаваться под чужое покровительство и послушно несли подати и повинности. Свободные женщины и дети оброчников были обращены в подданство монастыря. То же бремя падало и на совершенно свободных людей, которые брали в аренду монастырскую землю. Крепостные, умирая, должны были отдавать аббату половину своего наследства. У сирот отнималось имущество. Дети, находившиеся под опекой, записывались в крепостное состояние.

Непослушных наказывали денежными пенями, простиравшимися до ста гульденов или даже до третьей части всего имущества; потом пени эти обращались в постоянный оброк с ленных имуществ. Оброк и налог, взимаемые с оброчников и составлявшие сначала всего два шиллинга, были, смотря по величине имения, произвольно увеличены до 2, 3 и 4 гульденов. Двойной сбор налогов и увеличение судебных пеней считались самым обыкновенным делом. На жалобы отвечали, что «налогами обременены теперь не только крестьяне, но и князья и дворянство, и что даже император и короли бывают нередко принуждены поступать против своей воли; зачем же делать исключение в пользу крестьян?».

Аббат и защитники говорили в свое оправдание, «что поступают не хуже других землевладельцев». Это оправдание служит страшным свидетельством против дворянства. Никто не возразил на эти слова, никто не опроверг их. Вероятно, они были справедливы, если не в отношении всего дворянства, то в отношении большей части его. В 1489 году случилась великая дороговизна, распространившаяся из Швабии до Нидерландов и доходившая до того, что в некоторых местах мальтер ржи стоил восемь фунтов геллеров. Однако, несмотря на то, что в следующие два года дело дошло до совершенного голода, аббат наложил на своих подданных новые налоги.

Они не могли платить, хотя их заставляли. 15 ноября 1491 года все крестьянское население собралось в Луибасе и целый день совещалось о составлении союза на защиту своих древних грамот и прав. Семь дней спустя, они снова собрались близ Дураха, поклялись не отступать друг от друга и решили прежде всего подать жалобу на аббата дворянству и городам Швабского союза. Старшиной своим они избрали Иерга Гуга из Унтерасрида. Они поручили ему защищать их дело перед Швабским союзом. Князь-аббат знаменательно назвал этого крестьянского старшину Гуга «унтерасридским Гусом».

Но дворянство и города считали дело аббата своим собственным, так как волнение распространилось и в их владениях; поэтому они обещали аббату помочь ему усмирить «мятежных подданных». Только Нердлинген был против этого и требовал законного разбора крестьянской жалобы. Поэтому уполномоченные союза собрались в кемптенской ратуше под председательством рыцаря Ганса фон Фрондсберга из Миндельгейма, дяди знаменитого Георга.

Крестьянские депутаты на коленях вымаливали правосудия. «Если мы ошибаемся, — говорили они, — пусть нам докажут это, и если окажется, что мы поступаем противозаконно, то мы готовы ответить за это головами». Но благородные члены Швабского союза следовали своей выгоде, а не праву. Они ограничились тем, что не допустили князя-аббата до кровавой мести крестьянам. В замке Либентанне было заключено соглашение, весьма выгодное для аббата. Поэтому крестьяне не хотели покоряться их

приговору, хотя сложили оружие. Они послали свою жалобу самому императору и поручили Гейнриху Шмидту из Луибаса защищать свои права перед высшим главою империи, который при коронации присягал защищать свободу и бедных. Но крестьянский депутат на пути к императорскому двору был, по приказанию аббата, схвачен и пропал без вести. Счастливее был другой крестьянский уполномоченный, Себастиан Бехерер из Кемптена. В возвращении его уже отчаялись, как вдруг он неожиданно вернулся и привез известие, что император намерен пригласить князя к ответу по жалобам вольных оброчников и бедных монастырских крестьян.

Аббат неоднократно позволял себе насилия против крестьян и в особенности против их депутата; это заставило их снова собраться. Аббат просил Швабский союз помочь ему смирить своих непокорных подданных. Союз грозно потребовал, чтобы крестьяне сложили оружие и возвратились к повиновению. Они простодушно согласились, чтобы жалобы их были снова отданы на рассмотрение союзному сейму в Эслинген. Но решение сейма было, разумеется, таково, что крестьяне не могли принять его.

Тогда союз постановил: «Силою принудить крестьян к послушанию, потому что дальнейшая снисходительность может подвергнуть опасности все власти и всех благородных людей, схватить и наказать зачинщиков и оружием смирить крестьян, если они не покорятся добровольно».

Союзное войско собралось в Гюнцбурге, а в Миндельгейме стояли наемники аббата. Однако власти не решились прибегнуть к силе. Мирно проходили недели, месяцы, потому что хотели успокоить крестьян и внушить им уверенность в безопасности. Крестьяне, действительно, перестали ожидать нападения, но вдруг вечером в михайлов день союзная конница и пехота окружили деревни и напали на крестьян. Солдаты били, мучили и убивали их, грабили их добро, жгли жилища. Убыток простирался более чем до 30 000 гульденов. Схваченные зачинщики были отведены в тюрьму. Несколько сот человек крестьян бежали в Швейцарию. После такого начала союз назначил новый сейм в Меммингене для законного разбора крестьянского дела. Но крестьяне лишились не только своего имущества, но, что важнее, своих начальников, предводителей и ораторов. Тем не менее, на сейм пришли 252 депутата из двадцати двух деревень.

Им сказали: «Вы — подданные аббата, должны повиноваться, подчиняться, служить ему и нести все повинности, как присягали ему при начале его правления; вы должны расторгнуть ваш союз и не заключать нового; обязаны платить ежегодно все налоги, оброки, подати, пошлины, которые платили доселе, пока не докажете законно, что имеете право поступать иначе.

Третейский суд разберет жалобы князя на своих подданных и жалобы крестьян на аббата, в том числе спор о военных и других повинностях; все обязаны вернуться домой, и обе стороны должны

обещать друг другу забыть прошлое. По принятии договора пленные будут освобождены, опальные прощены. В договор будет включен всякий, кто пожелает; впрочем, каждому предоставляется право не принимать договора; но кто отвергнет его, тот останется в том положении, в каком находился прежде, и отношения монастыря к крестьянам останутся на прежней ноге».

Некоторые крестьяне вернулись домой, явились в аббатство и присягнули договору; но большинство отвергло его. Они не без основания утратили доверие к законным решениям и перестали жаловаться, находя обстоятельства неблагоприятными для хода своего дела. Повидимому, князь примирился с частью своих подданных. На время все утихло, но неудовольствие осталось, потому что остались его причины[1]. Крестьянские жалобы не были удовлетворены; аббат же вскоре снова начал угнетать крестьян. К этому времени относится первое известие о «Башмаке».

До сих пор нигде не найдено указания на то, что крестьяне в Кемптенской области водрузили в своем лагере башмак; но рассказывают, что в то время башмак уже давно считался знаком народного восстания. Происхождение этого знака гораздо древнее, хотя неизвестно, где и когда он был в первый раз принят. Во время несогласий крестьян с князем-аббатом на одной свадьбе в городе гости, которых было до двухсот человек, выпивши, вздели башмак на высокий шест. Это происходило в предместьи, в трактире «Колокола». Народ сбежался и с удовольствием смотрел на это зрелище. Он желал дождаться того времени, когда можно будет «рассчитаться с аббатом».

Узнав, что в предместьи поднят башмак, совет послал в трактир городского старшину с магистратскими служителями. Старшина объяснил гостям, какую важность имеет поднятие башмака, и уговорил прекратить эту шутку [2]. Это было в 1492 году.

Употребление башмака вместо знамени имело следующий смысл: рыцарь носил в знак особого отличия сапоги; крестьянин, по крайней мере несвободный, — башмаки (знак подчиненности и неволи); башмаки эти обвязывались вокруг ноги ремнем, вследствие чего крестьянский башмак назывался *Bundschuh*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Башмак в Эльзасе

Во время дороговизны города были обязаны кормить бедных на общественный счет; но поселяне не получали и той помощи, которая оказывалась в голодное время городским бедным. Поэтому

[1] По *Гаггенмюллеру*, Geschichte V. Kempfen, обработана по монастырским и городским летописям и местным актам. Это громкое, неопровержимое свидетельство против дворянства и за народ, I, 408—414.

[2] *Гаггенмюллер*, стр. 415.

на второй год дороговизна и нужда дошли в деревнях до последней крайности.

Эта нужда и непомерные требования землевладельцев соединили в 1493 году в Эльзасе горожан с крестьянами. Союз этот был облечен в глубокую тайну. Члены его были связаны между собою таинственными символами и обрядами. Новичков принимали с особыми церемониями при страшных угрозах изменникам. Ночью члены тихо пробирались к месту своих общих собраний на уединенной Голодной горе. Вскоре союз имел в числе своих членов многих жителей Шлеттштадта, Зульца, Дамбаха, Эпфига, Андлау, Штоцгейма, Кестенгольца, Тифенталя, Шервейлера и других окрестных мест. Членами его были люди не только низших классов, крестьяне и рабочие, но и лица занимавшие городские должности. Рассказывают, что в «тайных совещаниях принимали участие гнусные личности»; но свидетельства эти вообще не скрывают своего нерасположения к простому народу.

Союз имел двоякую цель: во-первых, преобразовать современный религиозный и политический порядок; во-вторых, расположить простой народ в пользу этого преобразования. В видах последнего было предположено грабить и истреблять евреев, учредить юбилейный год, в который должны прекращаться всякие долговые обязательства, и отменить разные повинности, подати и пошлины. В видах первого хотели ограничить духовенство, отменить духовный и роттвейльский суды, дать общинам самоуправление, суд присяжных и право самим налагать на себя подати.

«Священник, имеющий более одного прихода, — гласил пятый параграф, — должен уступить лишние без всякого вознаграждения, потому что им не следует получать более 50 или 60 гульденов в год». Тайная исповедь, в которой заключается главное основание власти духовенства, отменялась совершенно. Народ получал право по своей воле налагать на себя налоги, а общины — сами судить себя.

Чтобы начать борьбу, заговорщикам было необходимо иметь точку опоры и значительные денежные средства. С этой целью было решено овладеть укрепленным Шлеттштадтом и кассами этого города и тамошних монастырей, чтобы оттуда поднять весь Эльзас.

Заговорщики долго совещались о том, какое выбрать знамя и что изобразить на нем, чтобы привлечь к себе простой народ; они полагали, что знамя имеет в себе магическую силу и что без него нельзя обойтись. Было решено изобразить на нем башмак и восстать, как скоро соберется достаточное число заговорщиков. Они не сомневались, что городское и сельское простонародье пристанет к ним, и намеревались призвать на помощь Швейцарский союз, если собственной силы их окажется недостаточно, чтобы доставить торжество народному делу.

Вскоре общество значительно возросло. Можно было с точностью определить срок поднятия знамени восстания и свободы.

Он был назначен на страстной неделе. В первые дни ее должно было произойти нападение на Шлеттштадт.

Но тайна открылась. Ошибка заговорщиков состояла в том, что в общество принимали не одних только крестьян, но всякий народ: горожан, мещан, поселян и солдат, притом упускали из виду брать клятву со всякого, вступавшего в общество.

Несмотря на строжайшие наказания, которыми грозили за измену обществу, оно было предано и уничтожено. Многие, во-время узнавшие об обнаружении их замыслов, успели разбежаться, но многие были схвачены неожиданно. Некоторые зажиточные шлеттштадтские граждане были пойманы на пути в Базель, уличены в участии в обществе и четвертованы. Казни, конфискации, отсечения рук и пальцев постигли многих других; некоторые успели скрыться и избежать облавы, устроенной на заговорщиков. Но, попав на чей-нибудь след, правительства преследовали жертву, пока не овладевали ею. Рейтер Ульрих Шюцен из Андлау отдался под покровительство одного дворянина, Давида фон Ландека, жившего в замке Эбнете близ Фрейбурга. Дворянин, знавший беглеца, принял его гостеприимно, но фрейбургские граждане, побуждаемые шлеттштадтцами, преследовали его и требовали его выдачи; областной начальник поддерживал их требование. Фон Ландек, пользовавшийся в Фрейбурге правом гражданства, был, таким образом, осажден требованиями своих сограждан и императорского наместника, но зато нашел поддержку в местном дворянстве. Дело рассматривалось несколькими земскими судами. Дворянство деятельно хлопотало, и в Фрейбурге господствовало сильное волнение. Однако граждане настояли, наконец, на том, чтобы беглецу отрубили два пальца, которые он поднимал, присягая обществу.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Швейцарцы

Многие бежали к швейцарцам. Швейцарцы приняли беглецов гостеприимно и симпатично. Они все еще были — даже больше прежнего — бельмом на глазу для дворянства всех стран. Чтобы не допустить дух свободы распространиться за Рейн, немецкое дворянство заключало между собою частные союзы и даже призывало на Швейцарию дикие орды грабителей и убийц — арманьяков; но швейцарцы со срамом прогнали эту жалкую сволочь и союзных с нею немецких рыцарей. Они в высшей степени презирали дворян, считая их «наглыми негодями, которые разбойничают и жрут и скверным образом развратничают, картежничают и пьянствуют». «Когда мы заколотим, — говорили они, — этих негодяев насмерть, то об них, верно, никто не пожалеет».

Но дворяне еще больше презирали швейцарских мужиков. Это обнаружилось в швейцарской или швабской войне 1499 года. Война эта разгорелась бы даже в том случае, если бы к ней не подали повода особые разногласия из-за податей и владений, потому что в душе и на языке швабская аристократия воевала с швейцарцами задолго до объявления войны. Высокомерное дворянство раздражало швейцарцев дерзкими речами: «Мы поищем, — говорили рыцари, — в крестьянских животах коровьих хвостов» Но дворянство постоянно терпело в этой войне позорные неудачи.

Многие крестьяне этих дворян заразились швейцарским вольнодумством; весь Брегенцский лес, все Вальгау пристали к швейцарцам при первом появлении их в Гегау. Крестьяне разрушили множество дворцов и замков, в том числе Рандек, Штейслинген, Гомбург-об-Штарннген, один из богатейших замков, Фридинген, Штауфен, Оберштадт, Розенек, Блуменфельд, Гейльсберг, Мегдеберг, Ворблинген и др. Если бы швейцарцы разрушали только дворянские замки и щадили деревни, то простой народ всюду пристал бы к ним и принял бы их как освободителей; но они распространяли свободу тем, что жгли местечки и деревни, опустошали поля и этим восстановили против себя простой народ, который был сначала расположен к ним. Они лишили его хлеба и крова, без которых свобода не могла ему нравиться. К таким поступкам швейцарцев возбудило дворянство непомерными жестокостями, которым предавалось в войне с ними. Так например, князья и дворяне сожгли деревню Тайинген, близ Шафгаузена, и перерезали встречных и поперечных. Тридцать человек крестьян искали спасения в церкви, но дворяне подожгли ее и удушили их.

Один крестьянин с своим ребенком на руках взобрался на колокольню и, когда пламя достигло туда, бросился с ребенком с вершины креста; рыцари подставили свои копья и пронзили его, но ребенок уцелел.

Последняя блестящая победа швейцарской свободы возбудила смелость и надежды в пограничных крестьянах. Во время мирных переговоров, происходивших в Базеле, по городу расхаживал крепостной крестьянин из Лейненталя, по имени Биттерле; на нем были надеты длинный плащ, шелковые башмаки и берет с плюмажем графа фон Фюрстенберга, убитого швейцарцами в этой войне; за ним шла толпа мужиков, изображавшая его драбантов. На вопрос епископа́ Вормского, что они за люди, они отвечали: «Мы мужики, которые наказывают дворян».

Если бы швейцарские крестьяне сумели воспользоваться победой, то привлекли бы к себе все окрестные страны и далеко распространили бы свой союз. Однако немецкие крестьяне все-таки сохранили к ним расположение. Среди них все более и более распространялись правила и стремления шлеттштадтского Башмака. От истоков Рейна до его устьев, от Констанцского озера и Тирольских Альп до берегов Северного моря крестьян волновал не дух мятежа, а глубокое и общее чувство необходимости политическо-

го освобождения громадного большинства народа от ничтожного меньшинства привилегированных лиц. Политические и религиозные идеи в одно и то же время волновали массы. За стремление освободить народ уже много людей было четвертовано, сожжено, обезглавлено, посажено в тюрьмы, изгнано. Крестьянское дело уже имело своих мучеников; а те, которым удалось бежать, продолжали тихо работать, не устрашившись ни неудачи, ни кровопролития и жестокостей.

При вступлении на престол Максимилиана крестьяне возымели прекраснейшие надежды касательно намерений этого государя. Макс и его друзья сами давали повод к рассказам, ходившим в народе, о том, что император хочет возвратить всем права и прекратить угнетения. Но кроме преобразования судопроизводства, не было предпринято никаких реформ. О крестьянах не было и помину, и не было учреждено ни одного судебного места, куда бы мужик мог жаловаться на своего господина. Духовные же и светские господа хозяйничали по-своему, не зная над собой никого. Бедные люди решительно не видели, кто может помочь им, кроме их самих, и смелые головы старались составлять братства и общества так, чтобы бессильные частные вспышки разразились общей грозой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Оксенгаузенская учредительная грамота

Еще в половине XV века из рядов князей церкви раздавались голоса, предостерегавшие касательно грозы, собирающейся в немецком народе: «Эти злоупотребления и беспорядки, — писал кардинал Юлиан папе Евгению IV, — возбуждают народную ненависть против всего духовенства, и если их не уничтожат, то надо опасаться, чтобы народ не поступил с духовенством по примеру гуситов. Уже явно слышатся угрозы в этом духе. Все умы с напряжением ждут, что будет сделано, и дело, повидимому, кончится очень трагически. Яд, который они носят против нас в своих сердцах, обнаруживается ясно. Вскоре они будут думать, что, в угоду богу, надо обращаться с духовенством, как с людьми, равно ненавистными и богу и людям» [1].

Аббаты и епископы были не всегда сами виноваты, подобно князьям кемптенским в недостойных поступках многих немецких монастырей с своими крепостными и свободными крестьянами. Большею частью виноваты были их чиновники. У крестьян вошла в пословицу поговорка, что «нет такой мелкой должности,

[1] Сочинения *Энея Сильвия*, стр. 66—67.

за которую не следовало бы вешать». Главная ответственность падает на этих чиновников и на защитников их — юристов римского права.

Кроме кемптенских событий, происшествия, случившиеся в духовном владении Оксенгаузена, лучше всего показывают, какими средствами монастыри увеличивали свои доходы и с какою алчностью кидались они на наследства. Существование в Оксенгаузене одного акта, представляющего род конституции, на основании которой были удовлетворены некоторые жалобы, доказывает, что там, где притеснения прекращались во-время, крестьяне вели себя мирно, хотя кругом повсюду пылало зарево и свирепствовала буря. Оксенгаузенские события замечательны, кроме того, тем, что описаны в летописях до малейших частностей и даже более подробно, чем кемптенские.

Богатое аббатство Оксенгаузен находилось там же, где и Кемптен, т. е. в Альгау, на реке Роте, и аббат его, подобно кемптенскому, был непосредственным имперским чином.

Еще в 1466 году крестьяне имели несогласие с аббатом, который, незадолго до того, противозаконно, силою отнял у них их имения и наследства.

Оксенгаузенские крестьяне пользовались многими правами, хотя между ними было мало людей совершенно свободных. В течение многих столетий эти древние права передавались из рода в род не только как предание, но как фактическое достояние. Крепостное состояние не сопровождалось здесь своими обычными явлениями и было известно только по имени, но ни аббат, ни крестьяне не имели грамот, которые бы определяли их права и обязанности, основывавшиеся поэтому только на многолетнем обычае.

Монастырь начал позволять себе несправедливости лишь в начале XV века. Некоторые крестьяне повели дело судебным порядком и выиграли его, хотя, впрочем, дорогою ценою. Поэтому монастырь принял за правило, в случае, если крестьяне снова решатся пожертвовать деньгами и временем, чтобы снова начать против него тяжбу, не допускать дело до законного решения и стараться кончить его полюбовно [1].

Однако, когда аббат вознамерился овладеть деньгами и имением, оставшимися после отца Георга Гана, последний не согласился на мировую сделку и представил дело в суд.

Аббаты утверждали, что касательно наследства существует следующий древний обычай: если на монастырской земле живут муж с женой, имеющие законных детей, которые женаты и выделены, то по смерти родителей наследство переходит не к детям, а к монастырю, если же дети при смерти родителей еще не выделены, то наследство достается им, и младшее дитя получает все имение в пожизненное ленное владение.

[1] Показания родственника аббата Никласа, Эрнха Иерга Феффера, данные под присягою.

Георг (Иерг) Ган выиграл тяжбу; аббат долж
вратить ему наследство.

Монастырские чиновники оставили дело на вр
раясь только расположить некоторых крестьян
зрения на наследство. С этой целью они пре
ные выгоды. Прошло несколько лет, неско
нец, монастырь начал выдавать свое
после своих крестьян за древний обыча
телей, которые подтверждали его слов
и внуки тех, которые согласились с

По крестьянскому обычаю
чем начинать тяжбу, на кото
Из числа же начинавших
проигрывали. Часто случ
и наследник умершего
Таким образом, спор
тянулись довольно
столетие со време
XV века монас
суждений, св
силою. В э
Тесть его
ное им
Но
абб

Аббат был уличен в том, что с некоторого времени наложил подати на людей, которые в течение пятидесяти и более лет владели отцовским наследством, не встречая ни с чьей стороны препятствий; на других он наложил, вопреки древнему обычаю, новые тяжкие повинности и даже принуждал платить новые оброки за бороны и за глину.

Аббат был уличен в том, что притязание монастыря на наследование отнюдь не основано на древнем обычае, а присвоено четырьмя последними аббатами; что крестьяне никогда не признавали этих притязаний, считая их противными обычаю, и постоянно оспаривали их. Большинство призванных свидетелей показали, что никогда не знали и не слыхивали о подобном обычае, который постоянно оспаривался.

Даже третейские судьи и адвокат истца объявили, что свидетели аббата опровергли существование подобного обычая и доказали лишь, что в последние пятьдесят лет были некоторые случаи наследования монастырем имущества своих крестьян. Но обычай этот чужд Оксенгаузену; по всем императорским, естественным, духовным и светским правам дело аббата о наследовании — несправедливо, если бы даже было согласно с древним обычаем. По словам свидетелей, даже те крестьяне, которые не противились поступкам аббата в делах о наследстве, уступали с неудовольствием; по мнению крестьян, это притязание обременительно, нестерпимо и невыносимо для них, противно рассудку, праву и обычаям страны.

Этому не противоречил даже защитник аббата; но сам аббат ссылался на обычай страны и сказал: «Однажды я пригласил к себе нескольких благородных и умных людей из соседних дворян и советников Ульма и других городов; они всячески старались убедить крестьян жить на монастырских землях согласно местному праву. В таком случае я бы уступил им в деле о наследствах. Но они не приняли этого предложения, объявив, что не хотят нарушать монастырских обычаев, существующих уже 200 или 300 лет». Аббат утверждал далее, что обычай относительно наследования приносит монастырю не прибыль, а ущерб. Если бы оксенгаузенские обычаи не составляли в этом отношении исключения из местного права, то монастырь имел бы на тысячу фунтов геллеров ежегодного дохода более, чем теперь. Если крестьяне хотят пользоваться обычаями монастыря, которые выгодны для них относительно оброков, то должны следовать им и относительно наследования. Кто хочет пользоваться одною стороною дела, тот должен быть согласен и на другую. Древний обычай наследования монастырем крестьянских имуществ не вымышлен и не навязан силою, но честно существует 200 или 300 лет; поэтому он справедлив, а не противен праву, и, напротив, подтверждается всеми древними законоположениями.

Аббат представил суду несколько старых монастырских счетных книг и грамоты, которыми аббатству предоставлялись разные

права. По его словам, аббаты собственноручно записывали свои доходы в эти книги в течение более ста лет; по ним обыкновенно рассматриваются в судах спорные дела. Грамоты же доказывают, что императоры и папы утвердили древние права и обычаи монастыря.

Аббату возразили на это: книги эти незапечатаны, так что каждый аббат мог писать в них все, что ему было угодно, следовательно, им нельзя придавать никакого значения. Никто не имеет права утверждать несправедливые обычаи. Ни папа, ни император не могут утверждать обычаи или давать привилегии, противные праву. Крестьяне справедливо отвергли предложения, которые делал им аббат во время происходившего у него собрания дворянства, потому что, по собственному сознанию аббата, обычай требовал, чтобы они платили монастырю только по одной мере ржи с участка, тогда как по местному праву, на которое ссылается аббат, им пришлось бы платить по десяти мер.

Желая во что бы то ни стало доказать справедливость своих притязаний на право наследования, аббат представил в суд старые записки своих предшественников, но на основании этих же записок — на основании его же собственных свидетельств — ему доказали, что притязания его на десятину с сена, на пошлину с дров и бревен из монастырских лесов противоречат обычаю и даже несогласны с представленными им записками. Кроме того, было доказано, что он насильственно завладел многими наследствами.

Наконец, суд решил, чтобы аббат подтвердил под присягою, что притязания его на право наследства согласны с правом и обычаем и чтобы затем двое каноников поклялись в чистоте клятвы аббата. Исполнив это, они могут вступить в пользование своими правами, — Динкмут проигрывает свою тяжбу. Если же аббат или его каноники откажутся присягать, то суд решит по справедливости.

Таким образом, по мнению тогдашних юристов, присяга могла заменить право.

Аббат согласился дать присягу, но Динкмут и его адвокат, помня присягу князя-аббата и каноников кемптенских, объявили неудовольствие на решение суда и подали апелляцию. Они взяли из суда все акты этого процесса, чтобы на основании их продолжать иск.

Процесс имел влияние на отношение монастырских крестьян к аббату. Они не согласились на изменение древнего права и обычая и платили только то, что платилось в старину, не считая себя обязанными удовлетворять новые требования. Аббат жаловался Швабскому союзу, говоря, что крестьяне собираются против его воли по ночам у него за спиной и сговариваются не отправлять повинностей, которыми доселе пользовался монастырь. Аббат говорил далее, что крестьяне дошли до такой дерзости, что грозили ему вооружиться и сопротивляться по мере сил, если монастырский управляющий будет настаивать на своих требованиях.

Но крестьяне повели дело законным путем. Им велено было обратиться к судьям Швабского союза. Они просили совета

у юридического факультета Тюбингенского университета, и затем представили союзным судьям запечатанную бумагу, заключавшую в себе их жалобы. Начался словесный допрос. Крестьяне считали себя вправе не платить аббату до окончания тяжбы того, что считали противозаконным требованием и на что жаловались. Но монастырские управляющие прибегли к силе; тогда крестьяне взялись за оружие и общими силами отразили управляющих. Аббат доносил, что поступки их преступны, и просил Швабский союз, членом которого он был, силою уничтожить опасное вооруженное сопротивление его крестьян; он умолял союз помочь ему, как своему члену, оружием смирить крестьян, наказать их за неповиновение и принудить к покорности.

Союзный военачальник Иерг фон Фрейберг созвал союзников, и на помощь аббату двинулось многочисленное войско дворян и прелатов, состоявшее из конницы и пехоты.

Но «благоразумные, благородные и мудрые бургомистры и советники городов Ульма и Меммингена, узнав о бунте и желая предупредить дальнейшее несогласие, возмущение и бедствие, которые могли бы произойти, — решились»[1] послать своих искуснейших и любимейших крестьянами поверенных с поручением употребить все усилия, чтобы предупредить наказания и другие поступки, которые намереваются предпринять против бедных людей, и склонить обе стороны к примирению.

Посланным удалось убедить крестьян, что им нельзя противиться союзным силам и что потому лучше дождаться исхода процесса, который стоил им столько труда, издержек и неприятностей. В противном случае им придется еще хуже. Посланные говорили, что крестьянам невозможно силою прекратить раз навсегда свои несогласия с монастырем; поэтому им лучше заключить с аббатом условие, на основании которого дело должно быть предоставлено на полюбовное решение третейскому суду из шести уважаемых лиц. Приговор этого суда будет безапелляционен; председательствовать в нем предоставляется троим союзным судьям.

Вероятно, посланные давали крестьянам самые благоприятные обещания, потому что крестьяне приняли предложение. Вероятно также они сделали самые серьезные представления аббату и капитулу, потому что последние также согласились, хотя посланные прямо сказали аббату, что «прекратить раздор можно лишь улучшением положения крестьян».

Лица, устроившие это соглашение, были: Иерг фон Фрейберг, председатель союзных прелатов, графов и господ Швабии; рыцарь Эгольф фон Ридгейм-цу-Ангельберг и уполномоченные городов Ульма и Меммингена, старший ульмский бургомистр Яков Эгингер, Конрад Фелин, бургомистр мемингенский и ульмский советник Матвей Лупин.

[1] Из объявления ульмского совета.

Третейский суд был избран. Аббат назначил заседать в нем одного из своих каноников и двух управляющих; крестьяне избрали трех уважаемых людей из народа. Суд произнес приговор. Чтобы спасти честь высокой особы, было постановлено, чтобы все монастырские крестьяне, восставшие против аббата, сложив оружие, повергались к его стопам с непокрытыми головами и босиком, просили у него прощения за свое ослушание, сказав, что не понимали беззаконности своих поступков, и почтительнейше умоляли его снова сделаться их всемилостивейшим господином. Во-вторых, они должны были снова присягнуть ему на верность. В-третьих, они должны были заплатить триста гульденов за издержки. Но союз прощал им пени, которые следовало взыскать с них за неповиновение; союз наложил бы на них взыскание лишь в том случае, если бы они не приняли договора или, приняв, не стали соблюдать. В-четвертых, они обязывались уничтожить свой союз и поклясться, что никогда не будут составлять заговоров и обществ против аббата и монастыря и не будут никоим образом действовать против них. Затем оканчивалось всякое неудовольствие, немилость и вражда между обеими сторонами. Обе стороны должны примириться и присягнуть соблюдать договор, в котором третейские судьи определили и изложили в новом виде и в новой форме обязанности и права монастыря и крестьян.

Аббат, его капитул и должностные лица одобрили эти условия и согласились принять их. Восставшие крестьяне сложили оружие и пали без шапок и босиком на колени перед аббатом, сообразно с предписанными им условиями. Аббат изрек милостивое прощение.

Эти условия были, повидимому, в пользу аббата, хотя в сущности крестьяне выиграли дело в главных пунктах: аббат лишился всего, присвоенного им вопреки обычаю, за исключением десятины, которая осталась за ним по праву давности. Право на наследство, из-за которого монастырская политика столько хитрила и которого добивалась в течение ста лет, было навсегда отнято у монастыря.

По новому закону монастырские имения должны были считаться наследственными ленами, так что монастырь навсегда утрачивал право наследовать их, за исключением тех случаев, когда не было законных наследников. Прежде монастырь наследовал все движимое имущество своих крестьян: одежду, постель, полотно, нитки, лен, паклю и др.; новая же договорная грамота постановила, «что движимое имущество крестьян должно по праву переходить к прямым наследникам, которые могут распоряжаться им, как заблагорассудят. Имения даются в наследственные лены двум лицам: мужу и жене; им наследуют прямые наследники, если в течение трех месяцев возьмут имение у монастыря в лен, за что должны заплатить двадцатую часть стоимости имения; при продаже при жизни владельца имение должно быть переведено на имя покупщика и его жены. Каждый должен вечно пользоваться правом беспрепятственно продавать и променивать свое

имение; продавец обязан лишь всеподданнейше просить прелата отдать имение в лен покупщику за уплатою двадцатой части стоимости имения со стороны покупщика. При передаче имения в лен должна изготовляться наследственная ленная грамота, и новый владелец должен давать монастырю реверс и гульден в пользу аббата. Монастырскими имениями могут владеть только монастырские крестьяне, хотя бы другие давали за них законную цену. Чтобы богатые не притесняли бедных, не должно позволять ни одному монастырскому крестьянину владеть более, нежели одним участком; исключение допускается только в таком случае, если покупщик хочет владеть имением сообща с другим монастырским крестьянином. За движимое имущество наследники должны платить монастырю столько же фунтов геллеров, — считая по ульмским ценам, — сколько приходится заплатить гульденов за недвижимое: за платье один фунт геллеров; если умирает мужчина, то монастырю следует отдавать лучшего вола его; если женщина — то лучшую корову; если у покойника скота не было, то наследники не дают ничего; ремесленники должны платить наследственную пошлину с своего ремесла».

Доселе монастырские управляющие отдавали внаймы участки общинных ленов, что уменьшало доходы общин. Новой грамотой было запрещено отдавать внаймы эти участки без разрешения общин. Кроме того, боронение, выгоны, дрова и бревна были предоставлены в общее безвозмездное пользование, согласно древнему обычаю, с тем однако, чтобы бревна и дрова выдавались монастырским сторожем по просьбе крестьян, которые не имеют права сами брать, продавать и дарить их.

Древний обычай, по которому крестьяне могли принимать или отвергать чрезвычайные налоги, был сохранен в пользу крестьян.

Таким образом, в 1501 году обязанности и права Оксенгаузенского монастыря и его крестьян были определены письменным договором, заключенным при посредничестве соседнего дворянства имперских городов и под покровительством Швабского союза. Причиной этого был верный взгляд на положение дела и опасение, возбужденное им в городах Ульме, Аугсбурге и Меммингене, которые были соседями Оксенгаузена. Оксенгаузен же находился в Альгау, а Альгау граничил с Швейцарией. Впрочем, немало способствовало этому и то, что притязания монастыря были лишены всякого основания, тогда как права и обиды крестьян были ясны и несомненны [1].

---

[1] Монастырские акты в Штутгартском государственном архиве, а именно: «Договор и соглашение между Оксенгаузеном и его подданными для полюбовного решения впредь их несогласий. 1, 12, 6. Приговор Швабского союза в Аугсбурге, в понедельник, канун св. Екатерины 1501 года касательно тяжебных расходов и пеней. Соглашение между монастырем и его подданными по поводу их ослушания и составления ими союза. Fasc. LVI (II, 28). Пятница после успения 1501. Договор в день воздвижения 1501 о правах монастыря. Fasc. LVI (II, 28).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Башмак в Брухрайне в Унтергрумбахе

Шпейер стяжал себе особенную известность благодаря веселой жизни своих епископов, которые жили, как богатый Лазарь.

Сами защитники духовенства рассказывают, на основании исторических данных о том, как изволил шутить шпейерский епископ Матфий с горожанами и с самим его императорским величеством. Предметом княжеской шутки была жизнь одного невинного человека, которого император и граждане рекомендовали в должность при соборном капитуле. В этом-то епископстве при преемнике Матфия, Людвиге Гельмштедте, обнаружились первые следы дальнейшего развития эльзасского тайного общества.

В Брухрайне в Унтергрумбахе, близ Бруксаля, принадлежащем к Шпейерской области, несколько смелых людей задумали освободить своих собратьев от ига духовенства и дворянства. Еще в 1502 году шпейерский двор получил известие о новых, опасных для аристократии движениях в простом народе. Но бдительность властей внушала обществу осторожность, так что правительство не могло поймать нить заговора. Заговорщики продолжали действовать втайне. Вскоре к обществу принадлежало до семи тысяч человек, и о нем знали четыреста женщин. Нити заговора были распространены по всем рейнским округам вверх и вниз по течению Рейна, по Майну и по Неккару. Дело шло не о местном, но о всеобщем движении, в которое предполагалось вовлечь крестьян всей империи. Целью предприятия было ниспровержение духовной и светской аристократии.

Цель эта ясно выражалась в их лозунге: «Угадай, что это значит?» — спрашивал один, а другой должен был отвечать: «Нам плохо от попов и дворянства». Главные задачи их были: свергнуть с себя иго крепостной зависимости, освободить себя оружием, подобно швейцарцам, овладев духовными имуществами, раздать их народу и не признавать никакой власти, кроме римского короля.

Вступление в союз сопровождалось религиозными церемониями. Вступающий должен был на коленях прочитать пять раз «отче наш» и столько же «богородицу», и каждый член обязан был ежедневно исполнять это. Обряд этот выражал собою религиозное настроение, которое во все времена было весьма благоприятно для политических волнений; кроме того, он служил знаком, по которому члены узнавали друг друга, не навлекая на себя подозрений.

Каждый должен был также стараться по мере сил распространять влияние общества между своими знакомыми. В числе постановлений общества были такие, которыми отменялись все десятины, оброки, налоги и повинности, платимые князьям, дворянам и духовенству; было постановлено, что охота, рыбная ловля, луга

и леса должны быть доступны всем, потому что бог создал их для всех. Монастыри и церковные имущества должны были быть отобраны и розданы народу, за исключением нескольких монастырей. Эти постановления должны были привлечь к союзу всех крестьян, которые были так обременены повинностями, что принуждены были употреблять в пользу господ четвертую часть рабочего времени.

Решено было прежде всего напасть на Бруксаль, половина жителей которого участвовала в заговоре и, овладев им, сделать его центром движения. Затем главные силы должны были немедленно вступить в маркграфство Баденское и итти все далее, нигде не останавливаясь более, чем на сутки, пока все страны не вступят в союз и пока не будет восстановлена свобода, а с нею царство господне на земле. Они надеялись, что горожане и крестьяне всей империи добровольно присоединятся к ним из любви к свободе.

«Только божье правосудие», — гласила надпись на союзном знамени. Оно было белое и голубое; посредине образ спасителя в том виде, в каком он явился св. Георгию; перед крестом — коленопреклоненный крестьянин; рядом — большой башмак, а вокруг эта надпись.

Предводители поступили благоразумно, приняв в союз только деревни, села и мелкие города, интересов которых дело это касалось близко; тем не менее, заговор был предан.

Эльзасское общество поступило расчетливо и предусмотрительно, запретив исповедь. Исповедь погубила брухрайнский заговор. Один из заговорщиков, Лукас Рапп, вверил тайну своему духовнику на исповеди, а священник этот выдал ее правительству. Духовенство, светские князья и дворяне, даже сам Швабский союз, поспешили принять меры, опасаясь, чтобы заговорщики не вошли в сношение с швейцарцами.

Тогдашние основы Германской империи и престола были гнилы и ветхи. В свободе крестьян и непосредственном единстве германской нации заключался принцип новой империи.

Но римский король Максимилиан был заклятый враг всякого народного движения, потому что, во-первых, был Габсбург, а, во-вторых, испытал неприятности со стороны Нидерландов и Швейцарии. Он забыл, что имеет теперь возможность осуществить свою юношескую мечту — быть королем народа. Вместо того чтобы взять сторону народа и, помогая крестьянам в горе, основать свое могущество на их любви, он, узнав об их планах, велел жестоко преследовать и наказывать заговорщиков. Приказано было конфисковать имущество всех, принимавших участие в союзе и достигших законного возраста; изгонять из страны их жен и детей, а самих четвертовать; предводителей и агентов движения было велено привозить к эшафоту, привязав к конскому хвосту.

При первом известии об угрожающем крестьянском восстании депутаты князей, дворян и городов собрались в Шлеттштадте. В трех заседаниях были приняты решения касательно необходимых мер. В совете присутствовали советники его императорского величества, послы пфальцграфа, города Страсбурга и его епископа, герцога Вюртембергского, графов Ганау, Бичь, Напольштейн, города Кольмара и других городов и господ, во владениях которых находились ветви заговора, и тех, которые имели причины опасаться у себя восстания.

Но прежде чем войско князей и дворян, согласно решению их, вступило в главный центр Крестьянского союза, вожди последнего успели бежать. Сопротивление было бы бесполезно, потому что приготовления к нему не были еще кончены. Большая часть крестьянских предводителей бежала благополучно. Солдаты хватали по деревням, а судьи пытали и казнили лишь второстепенных участников. Однако число казненных было невелико. Кровавые приказания Максимилиана не исполнялись. Если бы князья и дворяне принялись наказывать по ним всех участников, то разорили бы самих себя, потому что во многих местах к союзу принадлежали решительно все крестьяне. Некоторых изуродовали, но большинство отделалось денежными пенями. Заговор был так хорошо составлен, что рассказывают, будто многие тайные коноводы спокойно остались дома; те же, которые бежали, подолгу проживали безнаказанно, никем не узнаваемые, в императорских землях и во владениях чинов, присутствовавших в Шлеттштадте.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Башмак в Леэне

После удара, поразившего Башмак в Брухрайне, несколько лет в народе царствовала глубокая тишина, но крестьяне не лишились мужества и не отчаялись в своем деле; они хотели только усыпить бдительность дворянства. Настроение умов и отношение крестьян к дворянству и духовенству не изменились. Большая часть беглецов удалилась в свободную Швейцарию, многие в Шварцвальд, в Брейсгау и в Вюртемберг. Они всюду находили друзей; всюду видели такие же бедствия, такое же желание перемены. Еще в 1503 году брухрайнский Башмак сильно распространился в Вюртемберге.

В 1504 году один пленный из крестьян «Бедного Конрада» показал, что общество их основано одиннадцать лет тому назад и сначала называлось «Башмаком».

В народе были люди, желавшие действовать, а не болтать и жаловаться; они не хотели покидать своего дела и не теряли надежды, хотя первые попытки их были расстроены изменою.

Таков был Иосс Фриц, родившийся и живший в Унтергрумбахе и бывший одним из главных зачинщиков тамошнего Башмака. Ему удалось спастись бегством от плена и от неизбежной мучительной смерти от руки палача, которая ожидала его. Долго, никем не узнаваемый, скитался он в Верхней Германии; но и в изгнании и в бегстве не утратил он своих надежд, не забыл своей цели. Человек, который знает, чего хочет — непобедим и, потерпев неудачу в десятый раз, приступает в одиннадцатый к делу, полный мужества и веры в будущее. Таков был Иосс Фриц; он носил с собой вдали от родины свои планы, уже однажды неудавшиеся; он умел скрывать свои мысли до тех пор, пока не наступила благоприятная минута и пока не нашлись нужные люди.

Иосс обладал красивою наружностью и щегольски одевался; он носил то черную французскую одежду (и белые штаны), то красную с желтым, то коричневую с зеленым. Его обращение и манеры также отличали его от простонародья; он участвовал в походах и сражениях и усвоил ловкость и достоинство воина. Кроме того, он был красноречив, умел притворяться и господствовать над людьми, умел внушать веру и надежду недоверчивому, мужество и спокойствие робкому; умел применять свою речь к характеру каждого собеседника, одного увлечь материальной, другого религиозной стороной. Не недели и не месяцы, а целые годы посвятил он на то, чтобы неутомимо сшивать и связывать порванные нити своего плана.

Он жил то на озере в Ленцкирхе и Штокахе, где женился на Эльзе Шмид, то в разных местах Шварцвальда, в Виллингене и Горбе.

Около 1512 года он прибыл в окрестности Фрейбурга в Брейсгау и поселился в деревне Леэне, отстоящей на час пути от этого города и принадлежавшей дворянину Бальтазару фон Блуменеку. Он был даже выбран в старосты; тогда он счел, что наступила благоприятная минута.

Сначала, заходя в кабак или в дома, он жаловался в общих выражениях на современные нравственные и материальные недостатки. Когда бедные люди собирались у своего нового старосты, который много гулял по свету, и, обступив его, внимательно слушали его речи; он умел красноречиво рассказывать им о том, как исчезают честность и богобоязненность и вместо них распространяются грехи, лихоимство, прелюбодеяние, пьянство и все дурное, чему начальство и не думает препятствовать. Затем, мало-помалу переходя от рассуждений о религии и нравственности к политике, он сперва слегка касался того, что господа слишком угнетают бедных людей, так что, если это будет продолжаться, дело кончится плохо, как может судить каждый сам. Господские прегрешения, о которых он любил говорить, были велики. Всякий

видел своими глазами то, о чем он свободно говорил; каждый чувствовал и понимал, что речь его лилась из сердца и что он говорит сущую правду. Поэтому крестьяне всею душою привязывались к нему. Он не мог рассчитывать на сочувствие только тех, «которые превозносились до небес и приучили себя много есть и мало работать». Ему сочувствовали все, не утратившие еще мужества и сознания тяжести своего положения.

Он благоразумно долго не высказывал того, к чему стремится. Часто и подолгу говорил он крестьянам об их тяжелом положении, о пороках времени, но ни о чем более. Наконец, исследовав, осмотрев и приготовив почву, он начал осторожно сеять по зернышку се́мя свободы; он возбудил в крестьянах сознание своих бедствий и полное доверие к нему; тогда только начал он говорить им, что если они обещают ему молчать, то он скажет им нечто, что послужит им на благо и на пользу.

Он говорил с каждым наедине и сообразуясь с характером слушателя. Встречая робкую совесть в собеседнике, который спрашивал его, честно ли то дело, о котором он обещает молчать, ибо, если оно бесчестно, то он и слушать не хочет, — Иосс говорил с ним «простодушно и так сладко, что всякий убеждался, что благодаря ему сделается счастливым и богатым»; «он говорил, как бы по лукавому внушению дьявола», как выражаются акты процесса. «То, — говорил он, — что я тебе скажу, есть дело честное, такое дело, которое касается самого меня и многих благочестивых людей; это предприятие угодно богу, благородно и справедливо». Когда затем мужик давал ему обещание молчать, он сообщал ему, что хочет соединить угнетенных и что к нему уже многие пристали. Если слушатель все еще колебался, он убеждал его, что дело, задуманное им, вполне согласно с священным писанием и само по себе божественно, справедливо и удобоисполнимо. Затем он удалялся, предоставляя собеседнику наедине обдумать его предложение.

К другому он приходил на дом и говорил: «Видишь, каково нам: нынче у нас отбирают то, завтра другое и уничтожают наши старинные обычаи и права. Если ты желаешь помочь нам выполнить божественное правосудие, то должен молчать и никому не говорить ни слова об этом». Если собеседник отвечал, что охотно послушает его, если он укажет ему, как помочь беде, то Иосс продолжал: «Мы хотим жить честно и по-божески, избавиться от знатных обдирал, которые поступают нечестно и не по-божески; мы не хотим терпеть, чтобы они брали с нас проценты, равные капиталу, поэтому не будем отправлять барщину; мы хотим управляться сами, по своему праву и по своим старинным обычаям, которых господа насильно лишили нас. Ты ведь знаешь, что мы долго тягались с нашим барином в императорском правлении в Энзисгейме за наше имущество и получили его по праву и приговору суда, который постановил, что крестьяне деревни Леэн могут беспрепятственно пользоваться и распоряжаться своим доб-

ром; но, вопреки грамоте, печати и праву, барин лишил нас нашего доброго права и отдал наше имение за деньги другим. Кроме того мы потерпели от него обиды во многих других случаях». Затем он уходил, не распространяясь на первый раз далее.

Подобные речи глубоко западали в душу слушателей; они обдумывали их и сами приходили к Иоссу; тогда он шел дальше и говорил, что необходимо совершенно изменить организацию империи, прибавляя, что, если они придут в назначенный час в назначенное место, то встретят там его и других и кое-что узнают.

На дороге из Леэна в Мундергофен простирается по опушке леса, по ту сторону реки Дрейзама, уединенный луг, называемый Гартматтэ; в сумерки Иосс созвал туда крестьян на тайное совещание. Когда они собрались, он сказал им, что было бы хорошо, если бы не было помещиков и вообще никаких властей, кроме бога и папы, что необходимо даже добиться этого, что виновных следует представлять местному судье, а не таскать по всей стране, как теперь. С этой целью следует уничтожить роттвейльские суды, а духовным судам должно предоставить только духовные дела. Нужно также положить конец злоупотреблениям духовенства относительно приходов и отнять у священников лишние приходы, раздав их тем, у которых нет ни одного. Налоги и пошлины наложены на крестьян несправедливо, а беспрерывные войны князей губят народ. Поэтому во всем христианском мире должен быть утвержден вечный мир; крестьянам должна быть возвращена прежняя свобода, леса и сенокосы; реки и охота должны быть общими, а из монастырских и епископских избытков следует помочь бедным.

Собранию понравились эти предложения. На Гартматтэ присутствовали люди бедные: крепостные, разоренные и недовольные. Однако некоторые поколебались, когда Иосс сказал, что основание Башмака есть единственное средство осуществить эти мысли. Они обратились к своему священнику, патеру Иоганну, и спросили его, что думает он о Башмаке, предлагаемом Иоссом, но Иоганн, действовавший заодно с Иоссом, отвечал своим духовным детям: «Это дело богоугодное, ибо доставит торжество справе[...] ливости. Сам бог желает этого. И в священном писании сказ[...] что так должно быть». Первые леэнские крестьяне, прист[...] к Иоссу, были: Августин Эндерлин, Килиан Майер, Ган[...] дер, Ганс и Кариус Гейнц, Петер Штюблин, Якоб Гау[...] Гуммель, портной, родом из Фейербаха близ Штутг[...] живший в Эльзасе и Брейсгау. Они деятельно вербо[...] ство членов, повсюду отыскивая нужных людей: ход[...] мам, в поле, в кабаки, на церковные праздники; но всего [...] нее и искуснее действовал в Леэне от имени Иосса в [...] Башмака некто Гиероним, булочный подмастерье из Эча, слу[...] ший на леэнской мельнице. Он побывал во многих землях и бы[...] искусным оратором.

Эти люди искусно располагали своих знакомых в пользу своих целей. Они подготовляли их, сообщая им план свой лишь в об-

щих чертах, затем отправляли их к Иоссу, который посвящал их в тайну подробнее. Он говорил им, что Башмак восстановит правосудие и спасет святой гроб господень. Под святым гробом он подразумевал народную свободу. Заговорщики ободряли робких, рассказывая им о сильном распространении общества во всех сословиях и областях; они уверяли их, что к нему принадлежат благородные и неблагородные, духовные, горожане и крестьяне и что он распространен до Кельна.

Уверения эти не были лишены основания. Иосс Фриц еще до основания леэнского общества соединил прежние нити шпейерского заговора и завязал новые на обоих берегах Рейна, в Шварцвальде, маркграфстве Баденском и Вюртемберге.

Иосс имел тесные сношения с другим агитатором, которого называют то Вельтлином, то Штофелем из Фрейбурга. Он большей частью жил в Альткирхе, в загородном трактире близ пробства; он одевался по-рыцарски, имел много различных платьев и головных уборов, но чаще всего носил белый плащ, обшитый черным бархатом, берет с серебряным лучом и разъезжал на белом коне в Верхнем Рейне, в Кинцигтале, в Шварцвальде и на Дунае до Эхингена в Швабии, куда являлся очень часто.

Этим двум людям удалось составить огромное общество, так умно организованное, что каждый член знал по имени только своих ближайших знакомых. Однако положение их все-таки было опасно, вследствие чего они не пренебрегали содействием нищих и бродяг, которые служили им гонцами, рассыльными и агентами; они предназначали им более важную и опасную роль, когда наступит время действовать. Бродяги, бывшие в то время чрезвычайно многочисленны и пользовавшиеся привилегией беспрепятственно переходить из страны в страну, составляли нечто вроде официально признанного цеха и имели выборных старшин и предводителей. Иосс и Штофель вошли в сношение с старшинами, которые предоставили в их распоряжение свои отряды нищих.

Им было обещано 2 000 гульденов с тем, чтобы в назначенный час они начали восстание в маркграфстве Брейсгау и Эльзасе и, когда в Эльзас-Цаберне будет происходить ярмарка или освящение церкви, привели в Розен 2 000 человек для овладения Цаберном. Из жителей предместья этого города в заговоре участвовал трактирщик с сыном и работником, а из горожан — отставной капитан французской службы Георг Шнейдер, Вюльфлен Зельцер и Павел Шпрингер. Нищие должны были поступить под начальство этих лиц. Так как в Цаберне в праздничные и ярмарочные дни бывало много простого народа и так как многие горожане знали о заговоре, то предприятие могло рассчитывать на успех.

Но нищие имели в нем незначительное участие. Зато обязанности помощников вождей заговора были очень важны; в каждом округе были лица, присылавшие вождям донесения о положении дел в своей местности и о количестве завербованных людей. Им было обещано значительное вознаграждение за каждого.

Иосс и Штофель по временам ездили наблюдать за ходом дела и осматривать завербованных. Смотры происходили большею частью по ночам. Особенно старались вовлечь в заговор трактирщиков, в домах которых происходили сходки.

В союзе участвовали и дворяне. Кроме леэнского священника, упоминают о рыцарях Якобе Бегерсе-цу-Нидеринберген, Томасе Вирте-цу-Эгенцшвейлер, служившем офицером во французской службе, и о Стефане, дворянине из Дердингена близ Бреттена; он владел самым нижним из горных замков и в Дердингене в доме Клэ-Вельтена, где помещался монастырский трактир, познакомился с пфальцским солдатом Иоссом Бреттенским, близким другом Иосса Фрица.

Следствие показало, что общество распространялось по всему Эльзасу, в Брейсгау, в маркграфстве, в Шварцвальде, в Верхней Швабии, в Верхнем Крайхгау, где главный город Бреттен, и в Нижнем Крайхгау или Брухрайне, где главный город Бруксаль. Без сомнения, оно вскоре перешло бы за средний Рейн. В Вюртемберге, оно было преимущественно распространено в Цабергау и в Ремской долине.

По временам в трактирах или где-нибудь поблизости происходили ночные собрания, куда являлись или лишь главные члены, или целые толпы заговорщиков. Такие сходки часто происходили в Миттельберхгейме в Эльзасе, в Книбисе близ Клейстерлейна и в Об-гаслахском лесу. Заговорщики отдельных округов собирались по праздникам и торговым дням.

Иосс выдумал особенный знак, по которому заговорщики могли узнавать друг друга; знак этот имел форму латинского H, был сшит из черного сукна на красном суконном поле и пришивался спереди к нагруднику; некоторые заговорщики не носили этого значка и вместе того делали три крестообразных разреза на правом рукаве. У них был также тайный лозунг, который они произносили, приходя друг к другу. В собрании на Гартматтэ Иосс сказал им, что необходимо иметь подобный лозунг. Думали принять лозунг шпейерского Башмака, переменив в нем несколько слов: «Да благословит тебя бог, товарищ! как поживаешь?»—должен был спрашивать один, а другой отвечать: «Бедному человеку на свете живется плохо». Другие предлагали взять лозунгом имя св. Георга, но не приняли ни того, ни другого. Иосс выдумал новый, который, повидимому, был сообщен большинству уже незадолго до восстания, а сначала был известен лишь небольшому кружку; он хранился втайне и не дошел до нас. Даже пытка не могла заставить пленников выдать его. Килиан Майер сознался под пыткой, что у них был лозунг, но утверждал, что он забыл его. Этим он спас многих заговорщиков, потому что при прежних преследованиях многих открыли по лозунгу.

На гартматтском совещании после частых сходок и многих прений были вынесены постановления общества, содержавшие в себе то, что предлагал Иосс:

«Во-первых, отменяются все власти, кроме бога, императора и папы; во-вторых, все будут судиться местным судом; роттвейльский суд будет уничтожен; духовным судам предоставляются только духовные дела; в-третьих, все ленные проценты (оброки), платившиеся так долго, что в сложности стали равны капиталу, отменяются, и все векселя и заемные письма объявляются недействительными; в-четвертых, относительно процентов, которые соста вляют менее двадцатой части капитала, будет поступлено сообразно с божественным правом; в-пятых, птичья и рыбная ловля, дрова, строевой лес и сенокос будут свободны; бедные и богатые будут пользоваться ими сообща; в-шестых, священники не могут иметь более одного прихода; в-седьмых, число монастырей будет ограничено, лишнее имущество будет у них отобрано и из него составится военная касса общества; в-восьмых, прекращаются все несправедливые налоги и пошлины; в-девятых, будет учрежден вечный мир для всего христианства; с этой целью должно убивать всех, противящихся ему, а тем, которые непременно хотят воевать, нужно давать денег и посылать против турок и неверных; в-десятых, вступающим в общество должно гарантировать жизнь и имущество, а противящихся этому наказывать; в-одиннадцатых, общество должно овладеть хорошим городом или крепостью, чтобы иметь центр и опору для предприятия; в-двенадцатых, каждый член общества должен содействовать его успехам; в-тринадцатых, должно уведомить о предприятии его императорское величество, как только соберутся все силы общества, и, в-четырнадцатых, в случае, если бы его императорское величество отверг общество, просить помощи и союза у Швейцарской федерации».

Таковы были параграфы общества по показанию разных свидетелей.

Но, повидимому, в обществе были и такие лица, которым параграфы и предприятие казались слишком опасными и сомнительными, потому что в одном собрании на Гартматтэ Иосс Фриц был принужден защищать их и предлагать доказать их справедливость священным писанием. Он вызвался письменно изложить все доказательства и потом прочесть им, чтобы показать, что все его планы и намерения богоугодны, благонамеренны и справедливы. Булочный подмастерье Гиероним искусно и ревностно содействовал ему. Наконец, все присутствующие присягнули Килиану Майеру быть верными обществу, свято хранить тайну и не отставать друг от друга.

Они также придавали большое значение знамени. «Они думали, —хотя сначала их было мало, — что все бедные пристанут к ним, когда они распустят свое знамя». Поэтому они не щадили ничего, чтобы приобрести знамя.

Члены общества были так бедны, что с трудом могли собрать деньги на знамя. Собрав деньги, Иосс поспешил с большими предосторожностями заказать знамя. Он избрал одного крестьянина, принадлежавшего к обществу, но бывшего родом издалека и не-

знавшего никого ни в Фрейбурге, ни в окрестностях. Иосс послал его в Фрейбург к живописцу Фридриху заказать ему знамя с башмаком; но живописец немедленно донес об этом городскому совету. Однако, так как крестьянин исчез и никто не знал, кто он и откуда, то невозможно было догадаться, в какой местности готовится вспыхнуть «столь возмутительный пожар». Фрейбургский совет не мог ничего предпринять и должен был ограничиться извещением об этом факте своих чиновников, которым было приказано зорко наблюдать за крестьянами. В городе бдительность была также усилена и было тайно приказано розыскать это дело.

Когда первая попытка добыть знамя не удалась, Иосс решился сделать вторую лично. В это самое время леэнскую церковь расписывал другой фрейбургский живописец, Теодозий. Однажды вечером Иосс пришел к нему с старшиной Гансом Эндерлином и Килианом Майером; они весело роспили несколько стаканов вина, и Иосс сказал живописцу, что в деревню пришел какой-то чужой человек, которому хочется иметь расписное знамя. Иосс спросил живописца, может ли он сделать это и сколько это будет стоить? Живописец пожелал знать, что требуется изобразить на знамени, но когда Иосс отвечал: «Башмак», живописец перепугался и сказал, что ни за что в мире не напишет такое знамя; Иосс не настаивал, но сказал, что, кроме воздуха и земли, никто не должен знать об их разговоре, прибавив, что если он проболтается, то ему придется плохо. Леэнский старшина взял с живописца такую же клятву в том, что он будет молчать, какую тот давал, присягая городу. Живописец смолчал, боясь, что леэнские крестьяне не заплатят ему денег, следовавших за работы в церкви.

Иосс Фриц понимал, как опасно было бы сделать третью попытку, особенно так близко от той местности, где должно было начаться движение. Шелковая материя для знамени была уже куплена, и знамя сшито; оно было голубое с белым крестом. Все, видевшие его, радовались, но некоторые полагали, что вместо белого креста лучше нарисовать орла. Им казалось недостаточным иметь знамя; они полагали, что необходимо, чтобы оно было раскрашено и разрисовано знаменательными символами, которым они приписывали магическую силу. Иосс по опыту знал, какую сильную веру и какое сильное религиозное чувство питают солдаты к св. заступнику, изображенному на военном знамени, и такое же влияние должно было иметь, по его мнению, на крестьян знамя с изображением башмака.

В это время он отправился по разным другим делам в Швабию. Во время этого путешествия он сделал третью попытку приобрести знамя и на этот раз достиг цели.

Он пришел к одному живописцу в имперском городе Гейльбронне на Неккаре. Выдав себя за швейцарца, он простодушно начал рассказывать ему, что был в большом сражении и среди опасности боя дал обет, если уцелеет, сходить на богомолье в Аахен и пожертвовать богородице знамя. Он просил его нарисовать

ему такое знамя, чтобы на нем было изображено распятие и рядом с ним пречистая дева и св. Иоанн креститель, а внизу башмак. Последнее привело гейльброннского живописца в недоумение; он спросил Фрица, что это значит? Но Иосс прикинулся дурачком и сказал, что он — сын башмачника, что отец его имеет заведение в Штейне в Швейцарии и, как всем известно, на вывеске у него башмак; поэтому ему хочется изобразить на знамени вывеску своего отца, чтобы все знали, кем оно пожертвовано. Эта простодушная речь обманула живописца; он нарисовал все, чего желал Иосс, и вскоре знамя было готово.

На нем было нарисовано распятие, у креста богоматерь Мария и св. Иоанн креститель, а рядом — папа и император; внизу крестьянин на коленях и подле него башмак, а кругом надпись: «Господи, помоги нам своим божественным правосудием».

Радостно спрятал Иосс под нагрудник это знамя, о котором так долго хлопотал, и поспешил в Леэн; но прежде чем он пришел туда, общество было предано и рассеяно.

Перед отъездом Иосс принял все меры, чтобы восстание вспыхнуло тотчас по его возвращении. По его приказанию двое заговорщиков, в том числе некто Ильк из Леэна, отправились через Симонов лес приготовлять друзей к восстанию и сзывать прежних и новых союзников. Церковный праздник в Бингене, который должен был происходить 9 октября, был назначен днем большой сходки, где следовало условиться о последних мерах и, главным образом, о том, на какой город напасть прежде, — на Фрейбург ли, Брейзах ли или на Эндинген. Эльзасские союзники получили приказание перейти, как только начнется восстание, в Брейсгау, через Рейн при Бургкгейме, где на противоположном берегу будет развиваться знамя общества. Предводителям бродяг были также даны новые определенные инструкции. Нищие должны были ревностнее прежнего наблюдать за городами, располагаясь в трактирах, на башнях и у ворот, и доставлять подробные отчеты обо всем в Леэн. Сами леэнские заговорщики должны были стараться приобрести приверженцев в Фрейбурге и непременно привлечь на свою сторону двух или трех человек из каждого цеха, чтобы через них распространять влияние общества между прочими членами цехов. Иосс принял меры и на тот случай, если бы предприятие не удалось или было раньше открыто, так что члены общества были бы принуждены рассеяться. В таком случае леэнский старшина должен бы был хранить знамя у себя до более благоприятного времени, чтобы, когда понадобится, можно было найти его. Но с уходом Иосса общество лишилось главного руководителя.

Вербовка в союз производилась в его отсутствие без соблюдения осторожностей; можно подумать, что с приближением срока восстания заговорщики стали считать лишними всякие предосторожности. Двое членов общества встретили на большой дороге, в полумиле от Фрейбурга, одного крестьянина, шедшего по своим делам. Они сказали, чтобы он поклялся всеми святыми молчать

о том, что услышит от них. Так как он не соглашался, то они свели его с дороги в лес и там сильно настаивали на своем, уверяя в правоте того, что скажут ему, так что, наконец, он был вынужден дать клятву; тогда они сказали ему, что так как простой народ беден и терпит нужду и голод, то они, в числе шестисот или семисот человек, решились поднять Башмак и напасть на богатых духовных и светских, овладев сначала Фрейбургом, где надеются найти все, что им нужно; «Ты должен помочь нам», — прибавили они. Крестьянин противился и сказал, что такой поступок бесчестен. Тогда они хотели убить его, но, услышав на дороге лошадиный топот, оставили его и убежали в лес. Придя домой, мужик сказал на исповеди своему духовнику о случившемся с ним приключении и о том, что он вынужден был дать нехорошую тяжкую клятву, вследствие чего не знает, как быть. Священник выдал исповедь фрейбургскому комиссару, мейстеру Иоаганну Цезару. Комиссар не называя священника и крестьянина, сообщил об этом городскому совету.

Совет в величайшем ужасе немедленно обратился к маркграфу и умолял его побудить мейстера Иоганна Цезара назвать крестьянина, с которым случилось это происшествие. В то же время в самом обществе нашлись два изменника, то были Ганс Манц из Вольфенвейлера и Михаэль Ганзер из Шалльштадта.

Последний вступил в общество недавно и был посвящен в тайну одним из ближайших друзей Иосса Фрица — Матерном Вайнманом из Менгена. Но кроме самого факта существования заговора и ближайших планов заговорщиков Михаэль Ганзер не знал ничего, а из членов общества — очень немногих; тем не менее, он рассказал маркграфу Филиппу Баденскому все, что знал. В то же время Ганс Манц сообщил маркграфу подробные указания. Он был одним из главных членов его и знал большую часть нитей заговора, особенно в Эльзасе и Шварцвальде.

Маркграф поспешил сообщить свои открытия фрейбургскому совету и императорскому правлению в Энзисгейме. В тот же день, 4 октября, поздно ночью, Ганс фон Шенау и Бликардт Ландшад переехали через Рейн, отправляясь с известием о заговоре в Энзисгейм; курьеры и гонцы поскакали из Фрейбурга во все соседние города, везя разные предостережения и указания. Маркграф Филипп советовал прежде всего пресечь путь Ильгу и его товарищу, посланным в Шварцвальд, и овладеть ими. Он считал неблагоразумным тотчас же схватить всех своих подданных, участие которых в заговоре было известно. Он опасался, что шум, произведенный их арестом, заставит бежать многих заговорщиков, остававшихся пока неизвестными. На следующий день нейенбургский совет получил известие из Реттельна, что там, по указанию фрейбургского совета, арестован один человек, показавший, что на следующее утро, 6 октября или 7, т. е. в пятницу ночью, где-то в Тюнгене, Бингене или Менгене, а, может быть, во всех этих трех местечках, соберется много крестьян с целью начать восстание.

Стража у ворот, на башнях и стенах Фрейбурга была усилена, и граждане призваны к оружию. Леэнские заговорщики во-время узнали, что фрейбургцы получили уведомление о Башмаке. Иоес еще не возвратился. Тиролец Гиероним, самый способный из заговорщиков, был также в отсутствии. Килиан Майер созвал ночью леэнских заговорщиков на Гартматтэ. В собрании этом господствовали страх, нерешительность и упадок духа. Все хотели отступиться от дела и прекратить его. Килиан взял со всех присутствующих обещание хранить молчание обо всем, что происходило на этой сходке и до нее.

Между тем, правительства принимали энергичные меры. Они спешили овладеть важнейшими заговорщиками прежде, чем силы общества успеют собраться. Маркграф схватил в Менгене Матерна Вайнмана. В полночь 200 вооруженных фрейбургских граждан напали на деревню Леэн, взяли старшину Ганса Эндерлина с сыном, жену Иосса Фрица, Эльзу, и некоторых других и привели их в Фрейбург. На следующее утро полиция арестовала в мунцингенской церкви Маркса Штюдлена. По взятии их, прочие заговорщики обратились в бегство. Они направились в Швейцарию, в том числе Килиан Майер, Якоб Гаузер, Аугустин Эндерлин и все прочие главнейшие участники. Штоффель совершенно исчез. Иосс Фриц также бежал с тирольцем Гиеронимом. Возвращаясь из своего путешествия, предпринятого с целью приготовить восстание, он узнал об измене и о падении общества и поспешил в Швейцарию. В Зевене, за Базелем, он встретил Аугустина Эндерлина, Томаса Мюллера, Килиана Майера и Якоба Гаузера, которые бежали сперва в Баден, где узнали, что сотоварищи их в Зевене.

Иосс имел при себе знамя, которое Килиан Майер увидел здесь в первый раз. Иосс снова доказал, что энергия его непобедима. Все, что он так долго и умно подготовлял, было разрушено и уничтожено; но он не отчаивался в своем деле. Он продолжал верить в возможность вынудить у судьбы победу и тщательно хранил на груди своей знамя как ручательство в том, что еще не все потеряно. Сама судьба, казалось, хотела поддержать в нем эту уверенность. Его счастливая звезда, проведя его здравым и невредимым через столько опасностей, не покинула и теперь.

В Зевене было решено отправиться на день в Цюрих. Товарищи отправились в путь, но в поле между Зевеном и Листалем их настиг разъезд базельского совета, посланный по приказанию императорского энзисгеймского правления. Килиан Майер и Якоб Гаузер были взяты, но Иоссу и прочим удалось бежать.

Правительства приняли относительно заговорщиков самые строгие меры; но из пленных одни знали весьма немногих соучастников; другие же были так мужественны, что никакие мучения пытки не могли вынудить у них показания. Матерн Вайнман сказал — и то только на второй пытке, — что Маркс Штюдлен сообщил ему, будто в заговоре принимает участие много народа

из Кейзерштуля и в маркграфстве. Но он не хотел называть других имен. Маркса Штюдлена он назвал, зная, что он взят в Фрейбурге и что для него нет спасения. Таким образом, одни члены общества убежали, другие ничего не показали, так что фрейбургцы и маркграф не могли раскрыть весь заговор, тем более, что и старшина Ганс Эндерлин, на которого был сделан донос фрейбургскому совету живописцем Теодозием касательно его просьбы нарисовать знамя, ни в чем не сознался.

Но вдруг из Базеля было получено известие об аресте Килиана Майера и Якоба Гаузера; однако и они указали лишь в общих чертах на план и ход общества, не назвав ни одного имени, исключая тех, которые были за границею в безопасности или уже сознались сами, как например Конрад Броун и Кириак Штюдлен.

Епископ Констанцский отнял у фрейбургцев леэнского священника Иоанна, желая произвести над ним духовное следствие, и, в случае виновности, подвергнуть его церковному наказанию. так как очень могло статься, что откроются преступления и против церкви.

Таким образом, мстительности светских властей оставалось мало жертв. Но зато тем страшнее была их участь. Власти хотели навести страх, понимая, что необходимо обеспечить себя со стороны крестьян. Еще в октябре четвертовали в Баденвейлере Маркса Штюдлена; старшину Ганса Эндерлина с сыном четвертовали в Фрейбурге; Конрада Броуна и Кириака Штюдлена беценгаузенского казнили тою же казнью; Матерн Вайнман и некоторые другие были обезглавлены; Килиан Майер и Якоб Гаузер были приговорены в Базеле к отсечению головы топором, но «по просьбе их, им оказали милость и казнили мечом». Другим были отрублены последние суставы пальцев.

В Эльзасе подробности заговора были раскрыты лучше, вследствие чего казней было столько, что народ заговорил против кровопролития, и распространился слух, будто император приказал не притягивать больше к суду ни одного заговорщика, а если кто попадется, то не наказывать, не представив сперва ему дело на рассмотрение. Но императорский наместник и эльзасские городские советы публично опровергли этот слух, объявив, что это выдумка, распущенная друзьями общества и заговорщиков. Власти говорили, что его императорское величество желает, чтобы все эти злодеи были наказаны со всею строгостью закона, так как они замышляли позорное истребление всех властей и своих законных господ, стремились освободиться от лежащих на них справедливых повинностей и не хотели исполнять своих обязанностей. За столь злостное и несправедливое предприятие, его императорское величество строжайше повелевает задерживать членов общества повсюду, во всех поместьях, округах и областях, подвергать их пытке, судить, обвинять и наказывать со всею законною строгостью, не щадя никого.

Преследование бежавших предводителей возобновилось с новым усердием. Императорский советник Рудольф фон Блуменек и послы города Фрейбурга лично отправились в Швейцарию и привезли списки и приметы беглецов. 22 октября в Шафгаузенской области были взяты Аугустин Эндерлин и Томас Мюллер и допрошены под пыткою. Но счастливая звезда Иосса спасла его от подобной участи. Товарищи его сделали под пыткою некоторые показания, и шафгаузенцы употребляли все усилия, чтобы найти его, но безуспешно. Жена Иосса, Эльза, отрицала свое соучастие и потому 26 октября была освобождена из-под ареста по взыскании судебных издержек. В следующем году она была снова заподозрена в том, что принимает к себе мужа. Его след показывался и исчезал во мраке Шварцвальда, как молния среди ночи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Современные крестьянские волнения в Швейцарии

Некоторые швейцарские кантоны не без причины с такою готовностью помогали, вопреки своему обычаю, германским правительствам преследовать и наказывать крестьян. В самой Швейцарии деревенский народ волновался против городского дворянства. Червь точил швейцарскую свободу. В правительстве господствовали преступления, вероломство и несогласия. Трудолюбивые общины, бедное городское и деревенское население находились в самом жалком положении.

Неудовольствие народа возбудило летом 1513 года восстания, вспыхнувшие сначала в Люцернском кантоне, потом в Золотурне и, наконец, в Берне. Бернские крестьяне собрались на церковный праздник в Кюнюц, и пока бернские господа танцовали за городом, они вломились в дома наиболее ненавистных аристократов, выламывали двери и окна, били мебель, посуду, грабили погреба и опустошали все, что встречали. Ганс Блатер, портной из Валлиса, надел на себя шелковую одежду, опушенную лисьим мехом, одного городского советника, прыгал и с восторгом кричал: «Теперь и я дворянин и бернский господин!» Крестьяне припоминали аристократам, что в прошлый карнавал они «презрительно передразнивали и осмеивали крестьянское сословие, нарядившись в мешки с сажей, и разными другими комедиями».

Бернские господа поспешили отклонить от себя грозу, назначив поход в Дофинэ и пожертвовав своими товарищами, которых народ особенно ненавидел за продажность и разные другие преступления. Крестьяне подвергли розыску и пытке аристократов, которых им удалось поймать.

Восставшие крестьяне угрожали тем общинам, которые остались в повиновении. Распространение движения принудило бернских аристократов не шутя уступить требованиям крестьян и принять посредничество третейского суда. Городской совет в публичном заседании лишил большую часть советников их должностей и почестей и предал их уголовному розыску. На их место были избраны люди, пользовавшиеся доверием города и земства.

Крестьяне требовали голов; впрочем, они удовлетворились двумя жертвами; остальные преступники были подвергнуты пытке и наказаны лишением почестей и денежными пенями. Зато все земские общины, не только те, которые восставали, но и те, которые оставались спокойны, получили новые вольности; сверх того начальство их было сменено и все распоряжения его отменены. Аристократы весьма неохотно принимали участие в игре, «в которой свинья забрала власть над царем».

Люцернские крестьяне, подобно бернским, жаловались на налоги. Первые голоса против городских дворян раздались в Виллизау, но аристократы вознамерились силою заткнуть мужикам глотки. Тогда виллизауские крестьяне соединились с другими общинами и поклялись в Русвиле действовать в этом деле единодушно и не отступать друг от друга. По просьбе их, к ним присоединилось множество бернских и золотурнских крестьян, несмотря на запрещение своего начальства. Они отвечали начальству, что хотят лишь быть посредниками и будут стараться уладить дело добром.

В день св. Ульриха они явились под Люцерном в числе шести тысяч с твердою решимостью не отступать, пока не будут исполнены их требования. Они требовали, чтобы их оставили при их древнем обычае и освободили от новых налогов и чтобы прекратили союзы с иностранными государями, вследствие которых они теряют своих сыновей и друзей и благодаря которым между ними столько вдов и сирот; они требовали также, чтобы часть денег, платимых иностранными государствами, отдавалась крестьянам, которые заслужили свою часть, и наконец, чтобы город выдал им подлецов и злодеев, замышлявших измену, а именно: городского старшину Ферра с сыном и пять других членов совета.

Люцернские дворяне подняли мост городского рва и заперли ворота. 8 июня депутаты союза уговорили крестьян согласиться на договор. Люцернские дворяне должны были обещать им исправиться, снять налоги и не выдумывать новых, согласиться на уступку денег, не трогать предводителей восстания и, арестовав семерых названных членов совета, предать их суду, долженствовавшему состоять из четырех членов малого, четырех — великого совета, четырех членов общин и нескольких других, по одному от каждого округа. Суд этот должен был немедленно вынести приговор, если бы открылось какое-нибудь преступление.

Затем крестьяне удалились. Виновные члены городского совета были посажены в башню, и пятеро из них, особенно городской

старшина, подвергнуты пытке. Старшина был лишен чести и имущества, русвильский управляющий Эрнемозер казнен, а прочие задержаны в башне для дальнейшего розыска.

Но вскоре дворяне стали действовать попрежнему, и в день всех святых крестьяне снова собрались и вторично соединились против своих господ с тем, чтобы, если последние не уступят, призвать другие общины и «наказать господ за их постыдный обман».

Испуганные дворяне согласились на все, но крестьяне ограничились тем, что пригласили в третейские судьи общины трех лесных кантонов. Они успокоились лишь через полгода, истратив много денег и времени.

В то же время поднялись и золотурнские крестьяне из Буксгау, близ Ольтена. 3 августа они подступили к Золотурну в числе 4 000 человек с фалькенштейнским знаменем. Они обещали вести себя в городе мирно, вследствие чего им было позволено входить в город отрядами по 600 человек. Через три дня городские дворяне принуждены были согласиться подвергнуть часть городского совета пытке и розыску, лишить их, после жестоких мучений, почестей и должностей и возвратить поселянам многие важные права.

Так как беспокойный дух обнаружился в швейцарских крестьянах одновременно с заговором Башмака в Леэне, то соединение их могло бы иметь опасные и грозные последствия для дворянства замков, монастырей и городов.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бедный Конрад или Коонц

Одним из ближайших соседей Швейцарии был Вюртемберг. Страна эта, пересекаемая множеством мелких владений, простиралась, как прекрасный сад, по обоим берегам Неккара. Но среди этой чудесной, разнообразной природы простой народ был также беден и забит, как и в других государствах Германии. После счастливого царствования Эбергарда Бородатого царствовал его двоюродный брат, Эбергард Младший «Он держал при себе скверных, развратных негодяев» и жил так безобразно, что, как выражался император Макс, «и говорить-то об этом не хочется». Поэтому через два года вюртембергские чины изгнали его, и он умер в нищете. Место его занял его родственник, еще дитя, именем которого в течение шести лет страною управляли несколько аристократических фамилий, не преминувших воспользоваться кратковременным могуществом для своего обогащения.

Эбергард Бородатый, любивший свой народ и предвидевший будущие события, мудро постановил считать государя совершеннолетним не раньше 18-го или 20-го года жизни. Несмотря на это и незирая на договоры, император и вюртембергские чины признали шестнадцатилетнего Ульриха совершеннолетним и предоставили ему правление страною.

Вскоре народ, к своему несчастью, убедился, что в роскоши и пышности Ульрих далеко оставил за собою своего предшественника. Банкеты и турниры, пиры и маскарады, медвежьи травли и военные походы, поездки за границу и всякие увеселения составляли круг его деятельности.

Он хотел, чтобы в числе его советников и слуг были знатные графы и дворяне, которым он давал большое жалованье; он потешал свое самолюбие, угощая при своем маленьком герцогском дворе могущественных имперских государей. Герцог тратил огромные деньги на певцов и музыкантов, стрелков и сокольничьих, на конюшни и псарни. Он выписывал все самое замечательное по этой части из Италии, Франции, Испании и Англии. Приезжая к императорскому двору, он привозил с собою триста рыцарей, одетых наряднее, чем слуги прочих государей. С этой веселой ватагой Ульрих зачастую проживал по нескольку месяцев в каком-нибудь городке. Правление было предоставлено прежним опекунам герцога. В администрации господствовали взяточничество и воровство, а судопроизводство отличалось бесстыдными и явными несправедливостями. В 1511 году на свадьбе Ульриха с племянницей императора, баварской принцессой Сабиной, присутствовало более семи тысяч знатных гостей. Двухнедельные празднества были до того роскошны, что, по словам многих очевидцев, были куплены ценою разорения всей страны. Но эта баснословная роскошь была только началом еще более расточительной придворной жизни, где пиры и танцы следовали друг за другом непрерывно каждый день. Доходнейшие должности отдавались тем, которые отличались особенною изобретательностью в устройстве увеселений, и самыми жирными приходами пользовались священники, угодившие герцогу искусною игрою на скрипке или флейте. Большая часть светских и духовных должностей были предоставлены иностранцам. Придворные, даже те, которые не отправляли при дворе никакой службы, держали на герцогский счет превосходных лошадей, а герцогские коннозаводчики сами жили и пировали по-герцогски. Иностранные и туземные аристократы, бывшие друзьями и товарищами герцога, делали, что хотели, и позволяли себе относительно народа всякие дерзости и насилия. Они нередко безнаказанно наносили подданным увечье и убивали горожан и крестьян. Грабеж и разбой на больших дорогах считались забавной шуткой и невинным развлечением. Когда однажды один судья предал их за подобные поступки суду и изгнал из страны, герцог позволил им немедленно возвратиться, и судье пришлось бояться за свою жизнь.

Судьба народа была в руках подобного двора и подобного правительства. Народ один нес на себе все повинности, так как, вопреки древнему обычаю и договорам, герцог освободил своих придворных и лесничих от всех налогов и государственных повинностей. Сверх того, ежеминутно посягали на собственность и честь подданных. Егеря и охотники топтали своими лошадьми и собаками поля и виноградники граждан и крестьян, а дикие звери, особенно кабаны, наносили чувствительный вред сельскому хозяйству. Осенью птицы опустошали виноградники, но за ловлю птиц, а особенно хищных животных зверей, крестьян строго наказывали. Древние права общин, позволявшие им пользоваться лесом, сенокосом и рыбною ловлею, были стеснены или нарушены в пользу княжеских слуг и придворных. Герцогские чиновники овладели в свою пользу доходами богаделен и других богоугодных заведений. Лесничие продавали в свою пользу даже хворост, который издавна был предоставлен бедным. Общины имели право выбирать своих должностных лиц, но придворные и чиновники не обращали на это никакого внимания и дарили или продавали все общинные должности — от бургомистра и секретаря магистрата до пономаря, сторожа и полицейского служителя. Чиновники считали общественные должности источником своих доходов, брали взятки и требовали подарков. Они были невежественны и негодны, но обнаруживали остроумие в изобретении средств добывать деньги; все они, особенно лесничие, были наглы, своевольны, высокомерны и жестоки. Некоторые отдавали свои должности другим, но жалованье брали себе; иные торговали фруктами и вином и занимались сельским хозяйством. Они грабили общественные кассы, никому не давали отчета, и когда бедный человек жаловался на них штутгартской канцелярии, на жалобу не обращали внимания и не отвечали. Правительству было не до того; у него была другая забота. Правители строили себе и своим детям великолепные дома, копили деньги и переводили их за границу. Они изобрели себе новый оригинальный источник дохода, постановив, чтобы свидетельства, которые всегда выдавались прежде местным начальством бесплатно, впредь продавались, и не иначе, как в штутгартской канцелярии. Так например, свидетельство на получение денег стоило в канцелярии 1 флорин 15 крейцеров. Римское право, которое в это время было введено повсюду, было еще более обременительно и стоило еще дороже. То, что двенадцать лет тому назад обходилось в суде в 10 пфеннигов, стоило теперь более 10 гульденов, не считая траты времени и неприятностей. Дворянство не обращало на римское право никакого внимания в тех случаях, где оно противоречило его интересам. Все это совершалось в стране, обладавшей сеймовой конституцией и весьма значительными вольностями. Герцог не заботился о делах, пока советники его платили ему деньги, а придворные доставляли удовольствие. Он вырос в их обществе и сделался бездушным, высокомерным тираном, без малейшей любви к своему народу; конституцию он

в грош не ставил. Вольности, данные народу его благородным и великим предшественником, были, по его мнению, нарушением его высокой власти, вверенной ему богом. При низложении Эбергарда Младшего чины увеличили народные вольности, но Ульрих считал эти новые права народа плодом мятежа и полагал, что, будучи законным государем, он может считать недействительными народные привилегии, возникшие во время безначалия; поэтому при каждом удобном случае он выражал презрение к законам и к конституции. Презирая подданных, он видел в стране только самого себя. При малейшем противоречии со стороны придворных или граждан он не помнил себя от ярости и грозил дерзкому кулаками.

Такой порядок существовал в Вюртемберге уже двенадцать лет.

Все кассы, общественные кладовые и запасные магазины были пусты; на случай войны или голода не оставалось ничего; сверх того, Ульрих наделал долгов на целый миллион, что для того времени и для его государства было непомерной суммой. Таким образом, был исчерпан последний обычный источник дохода — кредит. Любимцы Ульриха изобретали новые подати и налоги. Герцог предпочитал погубить всю страну, чем хотя сколько-нибудь ограничить свое мотовство. Целые округи и общины были заложены кредиторам герцога, и жителей их принуждали отдавать в залог свое имущество. Стоимость денег была повышена; выпустили новую монету, достоинство которой было ниже нарицательной цены. Тощее поле земледельца было в начале 1512 года обложено новыми податями, акциз был повышен, за провоз ведра вина взималось 5 шиллингов, за полведра — 15 пфеннигов. Это делалось в стране, где виноделие и виноторговля составляют главную отрасль промышленности и торговли.

Но всего этого было недостаточно. Герцог, отличавшийся столько лет тем, что держал на своей службе князей и графов, был принужден сам искать места с жалованьем у других государей. Тогда советники его выдумали новый налог на имущества. Было приказано платить ежегодно, в течение 12 лет, по пфеннигу с каждого гульдена. Ульрих хотел обойти необходимое утверждение этого налога чинами и с этой целью разъезжал по городам, требуя от магистратов согласия на него. Но взимание этой подати было неудобно и производилось слишком медленно, поэтому была изобретена другая. Дошли до того, что обложили пошлиной все количество мяса, муки и вина, идущее на ежедневное потребление каждого человека. Мясники, мельники, булочники и трактирщики должны были платить герцогу по три шиллинга с каждого центнера мяса, шестую часть с каждой меры вина и муки; при этом правительство ввело в употребление новые фальшивые весы и меры. Двор радовался этому изобретению, считая его счастливой находкой.

О первом герцоге народ говорил: «Если бы бог не был богом, то богом следовало бы быть Эбергарду». В то время соседи постоянно

острили над преданностью вюртембергцев своему государю; но при Ульрихе эта преданность остыла. В последние семь лет его царствования измученные, презираемые и голодные вюртембергские крестьяне были готовы последовать за людьми, которые заботились об их освобождении. Уже целые округа, как Цабергау и вся Ремская долина, побывали в союзе с брухрайнцами.

Некоторые местности Вюртемберга находились в очень близком расстоянии от Брухрайна, а вюртембергская полиция была весьма плоха; поэтому после неудачи унтергрумбахского движения многие бежали в Вюртемберг. Такие люди, как члены Бруксальского общества, могли свободно и безопасно возобновить свои планы в Вюртемберге — стране, где все отношения были в такой степени перепутаны и где правители так беззаботно играли народом.

Спустившись с Гогенштауфена, путешественник вступает в дикую, почти мрачную долину, где течет Ремс. Немного далее, на берегах его, возвышаются приветливые холмы, покрытые виноградниками.

С 1503 года в Ремской долине начало составляться тайное общество, которое было отраслью унтергрумбахского Башмака; оно имело сначала вид мужицкой шутки.

В числе членов ремстальского общества был один веселый малый, отличавшийся забавными выходками; он придумал комическое соотношение между своим именем и положением; его звали Конрад, и он говорил о себе, что до него нет дела никакому совету (по-немецки kein Rath или, по местному произношению, Koan-Roth). Острота понравилась, и общество назвалось «Братством бедного Бессовета или Конрада».

Оно тайно существовало под этим именем, скрывая под веселыми выходками и проказами планы прежних крестьянских обществ.

Подобно леэнскому Башмаку, общество это имело особенную организацию, с своими должностями и законами и с определенными днями и местами собраний. Во главе общества находился начальник, носивший белый полотняный крестьянский китель и серую войлочную шляпу; он вел списки членам и по временам учил военным приемам неловких и неспособных. В общество принимались не все. Сначала в него не допускались те, которые еще сохранили какой-нибудь достаток; нищие, бродяги и негодяи были исключены из общества, впрочем, только вначале. Из бедняков принимались только рабочие, которым с каждым днем становилось все хуже, которые не получали никакого вознаграждения за свой дневной труд и, возвращаясь вечером домой, находили плачущих голодных детей и грустную жену или встречали господ, смотревших на них гордо и презрительно. Начальник принимал в братство ударом по плечу и раздавал членам владения «на луне», поля и виноградники «на Голодной горе» в «Нетовой земле», на «нищем Рейне» и в «пустом округе» и т. п.; много было подобных

острот, повидимому, пустых и забавных, но разъедавших, как едкая соль, нравственные раны бедного люда. Подобно другим крестьянским обществам, Ремстальское братство имело знамя, похожее на прочие. На голубом поле было нарисовано распятие и перед ним коленопреклоненный крестьянин с надписью: «Бедный Конрад». Но знамя, планы и лозунг общества были известны лишь немногим. Общество ежедневно возрастало и вскоре распространилось в нескольких округах.

Правительство долго не знало об этом, будучи занято другими заботами. Оно ничего не ведало, хотя во всей окружности часто слышались фразы: «такой-то тоже принадлежит к Бедному Конраду» и даже угрозы: «ты должен поступить к нам, к Бедному Конраду». Нагло и легкомысленно тешился деспотизм, а у подножия его престола замышлялась народная месть, скрывавшаяся покуда под видом дикого шутовства.

Центром общества был Бейтельспах; но главные заговорщики жили в Шорндорфе. Ремстальцы избрали Шорндорф точкою опоры для своих действий, когда наступит время.

После падения леэнского Башмака никто не подумал облегчить участь крестьян, и, напротив того, их осыпали насмешками. Явились карикатуры, в том числе большая гравюра, называвшаяся: «Дурацкий корабль Башмака»; на ней был изображен корабль, а на нем толпа мужиков в дурацких колпаках; в тексте осмеивалась глупость архидураков, хотевших перебить своих господ и сделать новые законы; эпиграф гласил: «Я желал бы теперь знать, принадлежишь ли ты к Башмаку?» Но самой горькой насмешкой были воспоследовавшие затем новые угнетения. Насмешливые поступки дворян были более метки, чем их насмешливые речи.

В начале 1514 года в Вюртемберге был установлен и обнародован налог на имущества. Тогда начальник Бедного Конрада собрал на открытом поле собрание, поднял лопатой большой обруч, положил его на землю, вошел в этот круг и сказал: «Я — Бедный Конрад. Кто не хочет платить неправого налога, пусть войдет в этот круг»[1].

Желающих нашлось до двух тысяч человек крестьян и горожан, что доказывает, что Бедным Конрадом представлялись не одни неимущие и обнищалые, как долго повторяли писатели один за другим, потому что бедняков не задел бы за живое налог на имущество. Кроме того, это доказывает, что зажиточные люди присоединились к обществу, чтобы противиться несправедливому налогу, противному конституции. Здесь Бедный Конрад в первый раз приобрел политическое значение. Но прежде чем окончательно сбросить маску, он еще раз явился в принятой на себя роли шута под видом дурачества и под покровом народного остроумия.

[1] Der arm Konrad heisz ich, bin ich, bleib ich,
Wer nicht will geben den bösen Pfenning,
Der trete mit mir in diesen Ring.

Начальник жил в Бейтельспахе. Это была беспокойная голова, и враги его говорили о нем, что у него злой, возмутительный язык, а на имении много долгов. У него было четверо детей; он назывался Петер Гейс. Когда налог на съестные припасы, этот перл финансового искусства, должен был войти в силу и быть сперва испробован на мясе, Гейспетер [1] предложил собранию испытать на воде — не фальшивы ли весы: «Если всплывут, то герцог прав; если же утонут, то правы мы». Собрание весьма одобрило это предложение. Это происходило утром 15 апреля, в страстную субботу; в этот день, по распоряжению правительства, новые весы должны были в первый раз войти в употребление. Толпа отправилась в ратушу и взяла оттуда хранившиеся там барабаны и трубы; из ратуши пошли к мяснику, где Гейспетер взял новые весы и велел своим товарищам нести их. Забили барабаны, заиграли трубы и вся толпа пошла к Ремсу, возрастая с каждым шагом. У реки Гейспетер взял весы у своих товарищей, которые несли их на шее, и, бросив в воду, сказал: «Если крестьяне правы, утони; если же герцог прав, всплыви». Гири, конечно, потонули, и народ возликовал: «Наша взяла». Место это доселе называется Весами (Wage).

Эта народная острота была достойным возражением придворным и финансовым острякам. Под покровом забавной шутки здесь виден едкий сарказм: таков юмор швабского народа. Эта, повидимому, сумасбродная проделка была задумана и рассчитана заговорщиками, хотя имеет вид экспромта. Это доказывает скандал, с которым затея эта была приведена в исполнение: процессия к ратуше и взятие деревенской музыки. Целью выдумки было произвести скандал. Они хотели поднять насмех перл финансовой мудрости и, вместе с тем, произвести опыт, чтобы узнать, насколько можно рассчитывать на крестьян Ремской долины. Гейспетер и вся толпа немедленно перешли Ремс, отправились в Геппах, где с таким же торжеством и с равным успехом повторили эту комедию. В то время, как Гейс шел вниз по долине, другой заговорщик, Шлехтлинс-Кляус пошел с тою же целью вверх по реке.

В течение нескольких лет был неурожай не только на виноград, но и на хлеб. Мера вина поднялась с обыкновенной цены — 21 крейцер 5 геллеров до 2 флоринов 4 крейцеров 3 геллеров; к тому же мороз снова побил виноградники. Крестьянин должен был отказаться от пятой части стакана вина, который доставался ему так редко. Вместе с тем ему приходилось дорого платить за хлеб и мясо.

Гейспетер громко заговорил о необходимости вооружиться и соединиться. Он уверял, что в таком случае к крестьянам присоединится много народа, особенно из областей соседних имперских городов Гмюнда и Эслингена, потому что тысячи людей стра-

[1] В Швабии простой народ, называя друг друга, сливает имя с фамилией в одно слово, причем, имя ставится в конце. — *Прим. ред.*

дают и желают того же, что и они, и нигде нет недостатка в товарищах, владеющих имениями на «голодной горе» и в «Нетовой земле».

В тот же вечер крестьяне вооружились и отправились из Геппаха, Грумбаха и Бейтельспаха к городу Шорндорфу, находящемуся оттуда в двух часах ходьбы. На пути к ним присоединилось много народа, так что к городу подступило 3 000, а по другим сведениям 5000 человек крестьян. Они приглашали город пристать к ним, говоря, что хотят уничтожить новые налоги и возвратить свои древние права. Наместник города, Адельман фон Адельмансфельд, и фогт, Георг фон Гайсберг, были очень любимы народом; они вышли к крестьянам за город, дружески разговаривали с ними, велели вынести им за ворота вина и хлеба и сказали им, что представят их жалобу герцогу и исходатайствуют отмену налога. Попив и поев, крестьяне ночью разошлись по деревням.

В то время Ульрих совершал одну из своих многочисленных увеселительных поездок за границу и был в гостях у ландграфа Филиппа Гессенского. Три главных грешника из штутгартской канцелярии испугались народной демонстрации и написали герцогу, умоляя его возвратиться.

Он прибыл 2 мая; в Ремской долине было уже все тихо, так что он счел движение безумной минутной вспышкой, в которой крестьяне упустили из виду свои обязанности в отношении государя. Он был убежден, что его присутствие и лицезрение возбудят в них полное раскаяние и прежнюю покорность.

Поэтому он поехал сам в Шорндорф, взяв с собой свою обычную свиту — 80 рыцарей. Перед отъездом он написал всем должностным лицам, что новый налог отменяется и будет созван сейм, который рассмотрит крестьянские жалобы. Он считал необходимым дать подобное обещание, чтобы рассеять неудовольствие. В Шорндорфе он призвал к себе крестьян. Они пришли без оружия на ту самую площадь, где стояли в страстную субботу, и герцог сказал им речь. Крестьяне просили прощения, говоря, что не понимают, кто и каким образом мог увлечь их в это дело. Ульрих обещал не наказывать их, уехал домой и написал к соседним имперским городам, что в Ремской долине все обстоит спокойно и благополучно.

Намерение Бедного Конрада обнаружилось еще во время похода к Шорндорфу, где стало также ясно, кто руководит обществом. Кроме вышеупомянутых лиц, крестьянами руководил Ганс Вольмар из Бейтельспаха. Этот смелый и зажиточный человек рисковал жизнью и хорошим материальным положением. Крестьяне принудили его принять начальство над ними в движении к Шорндорфу. Быстрый успех первой попытки привести народ в движение ободрял заговорщиков приступить к решительным мерам. Не должно смешивать заговорщиков, т. е. общество Бедного Конрада, с массою народа, которою общество управляло и которую оно увлекало. Общество и не думало просить у герцога про-

щения, но, напротив того, обнаруживало после страстной субботы многостороннюю деятельность, стараясь расшевелить страсти и поднять всю страну. Главной квартирой заговорщиков был дом шорндорфского гражданина слесаря Каспара Прегицера.

Достоверно известно, что из числа шорндорфских жителей к обществу принадлежали не только простой народ, но и должностные и именитые люди, богатые граждане и члены городского совета. Хотя некоторые из них руководствовались эгоистическим расчетом, но многие также действовали под впечатлением общественных бедствий и под влиянием новых идей, распространившихся в народе. Так как герцогские чиновники зорко наблюдали за городом и за каждым шагом граждан, то последние сходились лишь по ночам в доме Прегицера. Герцог старался предупреждать взрыв различными полумерами, которые по его приказанию предпринимались фон Гайсбергами в городе и округе. Тем временем он готовился пригласить иностранные войска, чтобы с их помощью действовать решительно. Но, между тем, заговорщики деятельно писали циркуляры, рассылали гонцов по всем округам и находили единомышленников во всех городах и деревнях.

Вопреки конституции, которой Ульрих присягал, он в течение многих лет не собирал сейма; поэтому никто не верил его обещанию созвать ландтаг. Он поступил чрезвычайно неосторожно, разгласив о своем намерении призвать иностранное войско. Недовольные ухватились за это и писали всем общинам, советуя им принять меры к защите себя от вооруженных врагов. Они назначили общее собрание в Унтертюркгейме. Каждая община должна была отправить туда депутатов под предлогом тамошнего церковного праздника, но в сущности, с целью повидаться с заговорщиками и условиться о необходимых мерах.

Заговорщики называли дом Прегицера «канцелярией Бедного Конрада». Секретарем их был адвокат Ульрих Энтенмайер, который сочинял циркуляры. Жители других городов также принадлежали к многочисленному шорндорфскому клубу и присутствовали при совещаниях. Шорндорфский клуб и бейтельспахцы составляли главный комитет движения, который находился в деятельных сношениях со всеми недовольными страны. Он посылал агентов, лазутчиков и гонцов во все округи и получал все известия о всем, происходившем в долине и в других местах.

В назначенный день, 28 мая, много недовольных со всех сторон стеклись в Унтертюркгейм на Неккаре. Депутаты округов Беблингена, Леонберга, Бакнанга, Виненденa, Марбаха, Маркгренингена, Ураха и других обещали ремстальцам помощь в случае восстания. На совещании присутствовали даже послы из области Дикого Альпа [1]. Конрад Гризингер из Блейхштеттена близ Мюнзингена и Ганс Зингер из Вюртингена вызвались собрать в Ге-

[1] Альп (Gabreta или Alba mons древних) — отрасль Юрского хребта, идущего от Тутлингена к Кобургу. Дикий Альп — одна из ветвей его между Мундингеном и Фельдштеттом. — *Прим. ред.*

хингене всех альпских крестьян и овладеть городами Урахом и Мюнзингеном. Из Эрмской долины в собрании присутствовал Ганс Бантель из Деттингена и обещал помощь своей и Эхацкой долины. Решили вооружиться и восстать.

По возвращении Бантельганс стал готовиться к восстанию. Он долго служил в войске Ульриха и других государей, а в последнее время был зажиточным гражданином и жил в Деттингене близ Ураха; он имел много знакомых и друзей в долинах Эрмса, Эхаца, Лаутера и по всему Альпу до Блаусской долины; Бантель был умен, красноречив, пользовался общим уважением, имел дом и землю, отлично ездил верхом.

В Деттингене ему помогали Ганс Брендлин и Томас Бадер, также люди зажиточные. Последний пожертвовал для крестьянского дела всем имуществом. Когда его пытали, он сказал, что «готов снова пожертвовать жизнью и всем своим добром на защиту своих и народных прав и что крестьянское дело так дорого ему, что он рад умереть за него».

Брендлин руководствовался менее благородными чувствами. Поступки деттингенского бургомистра, урахского фогта Швикгера фон Гундельфингена и лесничего Стефана Вейлера были в высшей степени возмутительны и возбуждали народные проклятия. Однажды в Вюртингене Брендлин сидел в трактире Кляуса Гауга. Разговор коснулся современных событий, Брендлин бросил на стол четыре гульдена и воскликнул: «Послушай, Никлас, если ты сломишь шею нашему бургомистру, то получишь эти деньги, а хочешь, так и больше». Впрочем, пока дело кончилось словами.

Через восемь дней после тюркгеймского праздника Бантельганс уже имел на своей стороне всю общину своего города и в троицин день принудил бургомистра и магистрат принять в совет двадцать четыре новых члена от крестьянства. Вскоре и здесь разнесся слух о предстоящем нашествии иностранного войска; тогда община выбрала Бантеля в бургомистры, чтобы иметь опытного военачальника на случай нападения.

Бантель деятельно разъезжал взад и вперед по Альпу в Берінген, Цайнинген, Дорнштеттен, Фельдштеттен, Лайхинген, Гуттенберг, в Леннингскую долину, в Энинген, Фуллинген и в долину Эхаца. Он не прекращал сношений с Бедным Конрадом Ремской долины. «Гонец, приезжавший из канцелярии Бедного Конрада, всегда спрашивал: где живет Бантельганс?» Ночью он возил известия об успехах Бедного Конрада в Мецинген, где в доме Мартина Мецгера происходили главные собрания тамошних заговорщиков. Кроме Мартина Мецгера, в Мецингене действовали другие, особенно Иерг Фехтлин, человек богатый, и по свидетельству даже ненавидевших его, бургомистра и магистрата, — хороший и безупречный. Жители Деттингена и Мецингена послали герцогу жалобу и поговаривали об устройстве лагеря на Флориановой горе. Жалобы их были справедливы и основательны. Несмотря на волнение, крестьяне не утратили доверия к личности герцога,

«своего всемилостивейшего государя». Они приписывали все зло его советникам и думали, что все дурное делается помимо его воли и ведома, а если он узнает, то непременно поможет. Предложение устроить лагерь на Флориановой горе основывалось на этой наивной вере. Если, думали они, советники откажут нам, то всемилостивейший государь, узнав, что мы стоим лагерем, приедет к нам, как приезжал к леонбергцам, и даст нам хороший ответ на нашу жалобу. Некоторые, впрочем, не доверяли герцогу. Один из предводителей, Гейнц Меш, говорил: «Если же он нам ничего не ответит, то мы обойдемся без него».

Но члены общества Бедного Конрада действовали и здесь иначе. Они хлопотали преимущественно о занятии Ураха и Мюнзингена. Вместе с Гансом Бантелем в Рейтлингенском и Мюнзингенском Альпах действовал Зингерганс из Вюртингена, один из вождей и агентов Бедного Конрада.

Этот крестьянин, пользовавшийся общим уважением во всем округе, собирал сходки в Гехингене на Мюнзингенском Альпе. Тамошние крестьяне, главным образом, желали свободного пользования лесом и охотой. На первой же сходке один мужичок, Петер Клеменс из Вюртингена, начал шутить, вспоминая про Башмак. Он нашел на дороге старый башмак, поднял и его вздел на шест. Впоследствии, когда Башмак осуществился он говорил: «Если б меня послушали, то Башмак давно бы начался с найденного мною башмака». Другой, Эндерлин Амей из Упфингена, назвался Бедным Конрадом. Слышались серьезные фразы; поговаривали об убийстве лесничего и ему подобных. Зингерганс взял с присутствующих обещание следовать за ним на взятие Ураха и Мюнзингена. Он имел сношения с некоторыми недовольными урахцами, которые обещали ему отворить ворота парка. По взятии этих городов, он предполагал соединиться с крестьянами Эрмской долины, из Энингена и Фуллингена, из Миттельштадта и Плицгаузена на Неккаре и отправиться к Бедному Конраду в Ремскую долину. Было решено, подойдя к Ураху, расположиться на Гешпахе.

Побывав в окрестностях Фуллингена, где сделал последние распоряжения, Зингер отправился вверх по долине, через Мецинген, в сопровождении Куэнтлена (Конрада) Гризингера. На дороге на них напал Стефан Вейлер, подстерегавший их с рейтарами. После храброго сопротивления Гризингер убежал, весь израненный, так что его потом причащали. Зингерганс был смертельно ранен, взят в плен и посажен в урахскую тюрьму. 21 июня его пытали и допрашивали, но он ни в чем не сознался. Когда крестьяне узнали об этом, весь Альп и вся Урахская долина взволновались. Вооруженные толпы спустились к городу и потребовали у властей отчета; но город был хорошо охраняем. Урахский совет жаловался на Вейлера штутгартскому совету, а последний герцогу: «Если лесничий смеет поступать таким образом, то никто не может быть спокоен за свою жизнь». Герцог выслушивал это спо-

койно, сидя в Кирхеймском замке. Лесничий продолжал держать в плену Зингера, одного из самых смелых вождей движения на Альпе, которое с тех пор почти совершенно затихло.

В то время происходили народные восстания в других местностях. Еще до Тюркгеймской сходки произошло сильное волнение в Бакнанге. 25 мая крестьяне собрались перед городом. Народ был возбужден слухами о том, что герцог намерен призвать иностранные войска. Крестьяне овладели воротами и стенами и отняли у правителя ключи, чтобы обезопасить себя на случай нападения. Поселянами предводительствовал Михаэль Шумахер из Коттенвейлера, а горожанами — Георг Иегер. Первый был особенно искусен возбуждать и волновать толпу. Он перебывал во многих местах — в Ремской долине и в других округах. Каспар Шмидт из Оппельшпона возмущал Винненденский округ, а в самом Винненде действовал Штофель Шиллинг. Последний ходил в троицын день по деревням, уговаривал крестьян вооружиться и 5 июня притти к городу, обещая им помощь. Но 5-го числа проливной дождь помешал крестьянам исполнить свое намерение, которое было, однако, впоследствии приведено в исполнение, причем особенно отличились швекгеймские крестьяне. Они охраняли ворота и стены и назначили городское управление из шестнадцати поселян и восьми горожан. В Маркгреннингене умы возбудил городской священник Рейнгардт Гайслин. Тамошние крестьяне также овладели городом. В Вайблингене уже в конце мая среди крестьян замечалось грозное настроение. Два поселянина, Напп и Беденмихель, собрав толпу, окружили на площади нескольких членов магистрата и совета и сказали им прямо в глаза: «Хотите, не хотите, а поступайте в Бедный Конрад, не то мы вас притащим туда за волосы». Главою городских недовольных был Бенедикт Бейтенмюллер. Впрочем, начальство не боялось их, потому что они были слишком малочисленны. В Вайгингене разжигали страсти Ганс Трюмлин и Лаукс Рапп.

В верхней части Цабергау, где прежде действовали Иосс Фриц и Вельтлин, господствовал не столько мятеж, сколько страх нападения. Крестьяне расставили на пфальцской границе, на холмиках и деревьях, сторожевых, поручив им уведомить их ружейными выстрелами о приближении иностранного войска. Однажды в 11 часов ночи раздался выстрел. Крестьяне немедленно сбежались на Бургальдэ — круглую гору близ Цаберфельда, которую они обнесли частоколом, чтобы защищать от рейтаров себя и свое добро. В то же время ударили в набат в Вейлере, Цаберфельде, Фаффенгофене. Окружной правитель Вильгельм фон Нейпперг послал уговаривать их своего помощника Аберлина Шертлина, но они задержали его, равно как и всех других, приходивших к ним с подобными поручениями. Они разослали гонцов до самого Гейдельберга и разошлись по домам только тогда, когда окончательно убедились, что пока нигде не видно пфальцских войск. Но в Нижнем Цабергау, в Бракенгейме явились члены Бед-

ного Конрада и встретили в народе большое сочувствие. В тот самый день, когда в Унтертюркгейме происходило тайное собрание Бедного Конрада, в Бракенгейме происходило то же самое, но открыто. Ударили в набат, и по улицам раздался крик: «Вооружайтесь и ступайте на площадь, там Бедный Конрад!» В собрании обнаружился тот же дух, который господствовал в Ремской долине. Невозможно ничего лучше выдумать, говорили крестьяне, как чтобы господа перестали хозяйничать. «Какой в господах прок? Они только богатеют», —кричали другие. Слышалась такая речь: «Должно наступить равенство, и богатые подлецы должны поделиться с бедными».

В Марбахе город и округ были в волнении. Ганс Шлоссер, Андрей Рамменштейн, по прозванию Музер, Гиероним Велькер и Ганс Фирлай были коноводами. Они назначили для сходок Реннгаузский луг; но туда явилось только двадцать человек из Кирхберга под предводительством некоего Геммингера. Никого не найдя, они на другой день ушли домой. Главный марбахский правитель, умный Эйтель Ганс фон Плинингер, успел на этот раз склонить прочих не нарушать спокойствия. Вскоре, однако, крестьяне овладели городом во время церковного праздника, но через несколько времени были снова выгнаны. Людвиг Дитрих, Михэль Кранцер, Бартлин Ульбелер и викарий приходского священника Петер, по прозванию Гшейтлин, действовали в Гросботваре. Оттуда также отправилась толпа к Марбаху с распущенными знаменами и барабанным боем, но вернулись, подобно кирхбергцам. В Бельштейне крестьян волновал мейстер Эргарт, про которого говорят, что он «был гнусный упрямый человек, занимавшийся медициной». Сходки вейнсбергских крестьян происходили в Швабахе. Они принудили зажиточных людей принять над ними начальство и отправиться в Аффальтрах. С барабанами, трубами и распущенными знаменами они отправились в путь в числе 500 человек. В Нейштадте горожан возмущал Мельхиор Форхтенберген; ему помогали Георг Мецгер и Маркс Пфейфер, и число приверженцев их в городах возрастало ежедневно.

На противоположном краю страны также господствовало волнение. При первом известии о событиях в Ремской долине в Блаубейрене, в трех часах езды от Ульма, «было великое ликование, как будто крестьяне поступили хорошо, уничтожив пошлины; говорили, что каждому крестьянину следует дать двух жен, чтобы наделать много мужиков». Даже магистрат беспрестанно собирался и о чем-то таинственно совещался. Правитель видел, что магистратские члены замышляют что-то недоброе, но на все свои вопросы получал один ответ, что им надобно переговорить о госпитале.

Наконец, они вытребовали у главного правителя Андрея фон Гогенека городские ключи. Воззвания и эмиссары Бедного Конрада проникли и сюда. Крестьяне выбрали в магистрат сверх прежних двенадцати членов двенадцать новых от крестьянства, потом

еще двенадцать, чтобы упрочить за собою преобладание в магистрате и в совете.

Воззвания и агенты Бедного Конрада волновали города и деревни и на высотах Шварцвальда до самых ворот Штутгарта. В Нейенбурге начальство перехватило письма. Но около троицына дня пришли посланные из Ремской долины от Бедного Конрада. Общины стали силою требовать выдачи писем, но впрочем от дальнейших поступков их удалось воздержать. Жители Дорнгана отняли у бургомистра Каспара Шмидта ключи от ворот, желая сами охранять город. В Кальве 200 крестьян расположились перед воротами, отняли у правителя ключи от города и от замка и заняли их своей стражей. В Герренберге господствовало такое же настроение. В Розенфельде главную роль играл Ганс Стефан; он резко и наглядно описал поступки чиновников и судей, которые действуют так, как выгоднее им самим и дворянам, не заботясь об общине. Затем он пригласил всех не желающих терпеть этого и желающих отмстить за это присоединиться к нему. Тогда вся община согласилась с ним, и он послал 15 человек подымать Берхфельд, Беринген на Мюльбахе и другие соседние местности, которые немедленно пристали к ним и послали Ганса Фрея подымать Зульцскую общину. В Горнберге старый городской секретарь, Лукас Штраубингер, старался усыпить сельский народ. В Вильдберге мятежный дух проявился только между беднейшими, и начальство одержало верх. Но движение возрастало и становилось все серьезнее по мере своего распространения внутрь страны, потому что здесь оно имело точку опоры в Леонберге, подобно тому как волнение, господствовавшее на противоположном краю государства, сосредоточивалось в Шорндорфе.

Большая часть страны давно уже восстала, тогда как в Леонберге все еще было спокойно. Но, наконец, и здесь явились признаки возмущения. Тогда правитель Вернер Келлер созвал по совету магистрата всех горожан в ратушу. Он сказал им речь, в которой говорил, что герцог отменил фальшивые меры и весы, которые, быть может, подали повод к беспокойствам в Ремской долине; поэтому леонбергцам не следует вмешиваться в чужие дела, а итти по стопам своих благочестивых предков, поведение которых относительно начальства всегда заслуживало особенного благоволения. Благодаря своему благонравию предки их часто выигрывали важные тяжбы. Правитель уверял горожан, что питает к ним полное доверие, потому что во все время его службы они вели себя вполне верноподданно. Но он считал своим долгом предупредить их, что в настоящее время шляются какие-то люди, намерения которых, очевидно, зловредны, как в отношении начальства, так и подданных, и цель которых состоит в том, чтобы подстрекать глупцов к мятежу и вовлекать в бесчестные дела. Поэтому они должны остерегаться, чтобы эти негодяи не увлекли их в какое-нибудь дурное дело. Он уверял их далее, что начальство всегда будет благоволить к ним и к их детям, хотя, впрочем, они, во всяком

случае, обязаны повиноваться властям. В заключение правитель сказал, что Штутгарт, Тюбинген, Урах и другие города изъявили намерение пожертвовать жизнью, кровью и достоянием за своего всемилостивейшего господина и государя, герцога Ульриха.

Речь эта не произвела никакого влияния на слушателей, подобно увещаниям правителей всех прочих городов. Леонбергцы уже давно решились, и то, что правитель принимал за спокойствие, было опасное тайное брожение умов. В Леонберге, как в Шорндорфе и Бейтельспахе, давно организовался клуб заговорщиков, и собрания происходили по ночам в доме Георга Шейтлина. В конце своей речи правитель объявил, чтобы те, которые хотят оставаться верными начальству и готовы пожертвовать за него жизнью и имуществом, отошли к малым дверям залы ратуши; но на этот вызов откликнулось всего двенадцать человек магистратских, несколько человек городского совета и небольшая кучка граждан; прочие стояли, опустив головы, перешептывались между собой. Правитель подумал, что они не поняли его, и хотел повторить свое приглашение; но они, не слушая его, всей гурьбой направились к большим дверям, и на замечания правителя Георг Шейтлин отвечал: «Разве большие двери — не двери?»

С этих пор возмущение стало явно. Некоторые члены городского совета — в том числе Стефан Вортвейн, Петер Шафф и Людвиг Дольмеч — тайно вступили в клуб и сообщали ему все решения совета, что давало ему возможность предупреждать все меры, принимаемые начальством, и расстраивать все его интриги. К клубу пристал весь округ. Клубные ораторы вызывали в город депутатов от местечек и деревень и открыто вели с ними переговоры. Они хвалились, что имеют сношения с Швейцарией, Пфальцом и Баденом. Вскоре они вышли из города и расположились на горе Энгельберге, где выставили свое знамя. Сюда прибыл посланный из Ремской долины, сам родом из Грумбаха. Он был прекрасно одет в фуфайку и панталоны красного и зеленого цветов и носил шляпу с пером. Его встретили приветственными возгласами и носили по лагерю на сложенных копьях. Крестьяне намеревались ожидать в этом лагере подкреплений из других местностей и ответа от герцога и сейма, надеясь, что число их возрастет до 16 000, так что правительство будет вынуждено сделать уступки.

Ульрих, несмотря на свое нежелание, был, действительно, принужден созвать ландтаг к 25 июня. В то же время он неоднократно писал соседним государям, настоятельно прося их помочь ему войском, «что необходимо не только для него, но и для всех вообще властей, ибо если непослушание не будет быстро побеждено, то не только курфюрсты, князья и власти, но и вообще все благородные люди во всей империи подвергнутся неминуемой гибели».

Он с трепетом чувствовал, что престол его колеблется. То, что он долго принимал за буйство толпы мужиков, за ничтож-

ное сопротивление, стало казаться ему делом, «которое в высшей степени смахивало на Башмак» [1].

Бедный Конрад стал, действительно, настоящим Башмаком, так что маркграфское правительство еще в половине февраля 1514 года получило официальное известие о том, что на границе происходит волнение в духе Башмака. 14 февраля гохбегский окружной правитель Людвиг Горнек фон Горнберг писал совету города Фрейбурга в Брейсгау: «*Я имею достоверные сведения*, что снова существуют происки или попытки [2] восстановить Башмак. Злоумышленники расхаживают и разъезжают под видом священников и богомольцев. Иногда также расписывают они себе лицо язвами, переодеваются скоморохами и нищенствующими монахами. Поэтому рекомендую городу зорко наблюдать за этими, столь зловредными происками, дабы предупредить их последствия».

Перед открытием сейма депутаты городов Штутгарта и Тюбингена ездили по округам, прося крестьян дождаться по крайней мере результатов сейма; они старались успокоить этим возбужденные страсти страны. В Цабергау и в Шварцвальде они успели в этом, хотя сельские общины были очень недовольны поступками правительства в деле созвания ландтага. Действительно, на сейм были приглашены из каждого окружного города только правитель и казначей и по одному члену от магистрата и городской общины, от земства же ни одного. Крестьяне же требовали права отправить на сейм своих депутатов. «Сейм только тогда, — говорили они,— может помочь нам, если в нем будут участвовать крестьяне, потому что духовенство, дворянство и граждане не станут заботиться о нас».

Чтобы прекратить эти толки, Штутгарт и Тюбинген издали циркуляры, в которых крестьянам было приказано поручить городам защиту их интересов, а если города находятся во вражде с ними, то посылать жалобы прямо на сейм. Но многие округи не согласились на это, и последствия оправдали их упорство. Более всех противились леонбергцы, уже избравшие себе военных начальников; пример их и подействовал на другие округи. Горожане Беблингена и Зиндельфингена согласились выждать результатов сейма; в ожидании их, они удовольствовались тем, что выбрали в Зиндельфингене 24, а в Беблингене 12 членов в магистрат и совет. Но крестьяне округов этих городов собрали сходку в Дагерсгейме, а через день другую в Зиндельфингене. На вторичную сходку пришли крестьяне из Гольцерлингена и принесли распущенное белое знамя, на котором были изображены два черных скрещенных меча. Когда они проходили через Беблинген, именитые беблингенские граждане начали уговаривать их, но они резко упрекали беблингенцев за согласие быть прихвостнями штутгартцев и тюбингенцев. Жители Беблингена и Зиндельфингена так пе-

[1] Ein seltsam bundschühlich Ansehen habe.
[2] Neue Uebung oder Praktik.

перепугались крестьян, что просили помощи у Штутгарта, говоря, «что у них в Беблингене только 12, а в Зиндельфингене всего 6 ружей».

В Ремской долине волнение дошло до крайности. 1 июля шорндорфский совет писал герцогу, что, «повидимому, гражданам придется скоро поплатиться за верность, которую они ему доказали во время первого восстания в долине. В городе множество лишнего народу, который находится в сношении с бунтовщиками; поэтому, если герцог не поможет гражданам, то они заплатят жизнью и имуществом за верность ему, ибо верноподданных и покорных граждан слишком мало, чтобы противиться готовящемуся восстанию».

Шорндорфский клуб хлопотал о том, чтобы неожиданно овладеть городскими воротами. Этого особенно желали бейтельспахцы. 6 июня явились толпы крестьян из верхней долины Шорндорфского округа и потребовали, чтобы их впустили в город, говоря, что слышали, будто герцог хочет напасть на них; но наместник и правитель при содействии совета убедили их ласковыми словами вернуться в свои деревни. Однако городским членам Бедного Конрада удалось добыть ключи от одних из трех дверей городских ворот. Магистрат писал об этом гофмейстеру герцога Филиппу фон Ниппенбургу следующее: «Вечером какие-то негодные и гнусные люди подняли в пьяном виде шум, требуя ключей от ворот и угрожая в случае отказа выпалить со стены из ружья, чтобы призвать этим сигналом весь округ на помощь. Священники и другие лица уговорили их согласиться удовольствоваться ключами от средних дверей, оставив ключи от внутренних и внешних дверей правителю и магистрату».

На первой неделе июня произошли беспорядки даже в Тюбингене, самом верноподданном из всех городов. Беспорядки эти были произведены «некоторыми злонамеренными личностями». Правитель и магистрат хотели подвергнуть зачинщиков уголовному наказанию, но общинный комитет двадцати четырех воспротивился этому, а обвиненные, узнав о намерении магистрата, бежали.

Волнение господствовало почти в равной степени во всей стране, но побуждения и интересы, из которых оно происходило, были различны. Большинство желало уничтожения только частных и местных стеснений. Многие принимали участие в движении только из любви к шуму, а другие были вовлечены в него агентами Бедного Конрада, не давая себе отчета в своих желаниях. Сравнительно с волновавшейся массой Бедный Конрад был очень малочислен. Он хотел полной свободы, общего равенства, тогда как большинство было бы счастливо, если бы могло получить кое-какие права, если бы могло добиться хотя ничтожной свободы. Масса имела в виду легальное сопротивление антилегальному насилию правительства; тайное же общество замышляло революцию. Если бы в это время нашелся человек, обладающий энергией и талантами, необходимыми для примирения различных частных инте-

ресов для сосредоточения сил страны, то движение получило бы важное значение не только для Вюртемберга, но и для всей Германии. Но такого человека не было. В Бедном Конраде было много рук, довольно искусных, чтобы завязывать нити заговора, и достаточно сильных, чтобы нанести удар, но не было головы, которая бы руководила ими. Это вскоре обнаружилось.

18 июня 24 сеймовых депутата собрались в Штутгарте. Так как старания герцога призвать против своих подданных войска соседних государств были очевидны, то первым долгом депутатов было предостеречь пограничные города, прося их уведомить как можно скорее о всех движениях заграничных войск. Ульрих намеревался напустить на сейм, которого он боялся, с одной стороны, императора, а с другой — иностранных солдат. Для этой цели он выпросил у императора «на всякий случай мандаты и опальные грамоты».

Вместе с городскими депутатами в Штутгарт наехало много сельских; они привезли жалобы земства. Прелаты еще не приехали; рыцарство не получило приглашения и потому не присутствовало. Зато приехали посредники, посланники императора, Пфальца, Вюрцбурга, Бадена и Швейцарского союза. Епископы Страсбургский и Констанцский прибыли лично.

Прежде всего герцог потребовал денег для уплаты своих долгов и помощи против мятежных крестьян. Но сейм находил необходимым, прежде чем согласиться на герцогские требования, прекратить его мотовство и дурное управление его советников. Жалобы, представленные сейму, отчасти характеризуют не только Вюртемберг, но и другие страны. Некоторые, например, жаловались, что согласно договору откупились от барщины деньгами, но, тем не менее, их принуждают отправлять все повинности, хотя они аккуратно вносят деньги. Другие говорили, что дела идут не так, как было в старину, что налоги и повинности чрезмерны, чиновники несправедливы и деспотичны и, взимая налоги, требуют гораздо больше, чем сколько назначено герцогом. Иные жаловались на новые, незаконные подати, против которых они уже представляли жалобы в канцелярию, но маршал всякий раз отказывал им, говоря: «А вы все-таки должны платить». Многие также жаловались, что денежные штрафы решительно невыносимы и увеличены против прежнего вчетверо. Наконец, крестьяне говорили, что им приходится запирать своих собак из опасения, чтобы они не помешали зверям портить их поля. Сейм действовал тем смелее, что и крестьянские депутаты принимали участие в заседаниях ландтага. Было даже сделано предложение такого рода: так как Лампартер, Тумб и Лорхер управляли доселе довольно скверно, то герцог должен согласиться на учреждение правительственного совета из 12 человек: 4 от дворянства, 4 от городов и 4 от деревень. На покрытие всех расходов по содержанию его особы и двора герцог будет получать ежегодно известную сумму, и для него будут содержаться шестьдесят лошадей; остальные же доходы дворцовых

вотчин будут итти на покрытие его долгов. *Монастыри будут значительно ограничены в числе; лишние имения их будут обращены в государственную казну.* Сверх того сейм громко требовал наказания трех вышеупомянутых государственных преступников, т. е. канцлера, маршала и государственного секретаря (подчеркнуто автором. — *Ред.*).

Эти меры устрашили герцога и его советников. Они приписывали их влиянию крестьянских свободных отрядов, стоявших в грозной позиции при Леонберге и в Ремской долине, следовательно, одни всего в 3, а другие в 4 часах от столицы, где заседал сейм; кроме того, в действиях сейма они видели происки некоторых штутгартских граждан.

Через три дня по открытии сейма, в ночь с 20 на 21 июня, герцог неожиданно уехал в Тюбинген с своими рыцарями и советниками и оттуда послал приказание городским депутатам последовать за ним из Штутгарта в Тюбинген.

Прелаты немедленно приехали к нему; городские депутаты поссорились с деревенскими, покинули крестьянское дело и также отправились в Тюбинген. В начале июля крестьянские депутаты писали герцогу, прося его вернуться в Штутгарт по окончании тюбингенских заседаний для выслушания их жалоб и для словесного ответа на них. Они говорили, что, в силу своих полномочий, могут вести переговоры только с ним, так что если вернутся домой, не добившись этого, то неудовольствие сельского населения усилится.

Вероятно, ответ был неблагоприятен, потому что в Штутгарте стало господствовать сильное волнение: опасались, что герцог нечто замышляет против города. Недовольные граждане собрались в ночь на св. Ульриха (4 июля), приняли сторону крестьян и отняли городские ключи у магистрата и правителя Ганса фон Гайсберга. Хотели призвать в город всех окружных крестьян, и граждане заняли все военные посты. 6 июля волнение было очень сильно, но следующие дни прошли спокойно, потому что большинство жителей оставалось ко всему равнодушно.

Между тем тюбингенский сейм быстро кончил свои занятия. Результатом их был известный тюбингенский договор, данный в день св. Килиана (8 июля). Подробности договора общеизвестны и не относятся к цели этого сочинения. Сущность же его состояла в том, что герцог согласился на весьма незначительные ограничения, которые, впрочем, не намеревался соблюдать и не соблюдал. Город позаботился только о себе. Хотя из 910 000 гульденов герцогского долга большую часть приходилось заплатить крестьянам, «ибо горожан нельзя было так обирать, как сельских людей простого звания, и так грабить именитых людей, как простолюдинов». Для крестьян было сделано только вот что: обещано сравнять и по возможности сбавить повинности, не удерживать подаяние, предназначаемое нищим, менее заботиться о диких зверях, запретить чиновникам заниматься сельским хозяйством, тор-

говлей и ростовщичеством, а лесничим — ездить по полям; дозволить хозяевам выгонять птиц из своих виноградников; выслушивать крестьянские просьбы, подаваемые в канцелярию, и давать на них ответы.

На сейме не было произнесено ни одного слова о главнейших требованиях крестьян, об их настоятельнейших потребностях и главных правах. Было даже постановлено, что на будущее время крестьяне не могут заседать на сейме и посылать представителей на ландтаг. Земством пренебрегали попрежнему, считая его собственностью городских господ.

Крестьяне были раздражены таким пренебрежением к себе; они с негодованием узнали, что города и правительство не дали им ни одного голоса на сейме и ни малейшей частицы прав, дарованных им природою и гражданским обществом. Они негодовали на герцога, который считал их депутатов слишком ничтожными, чтобы можно было переговорить с ними и выслушать их жалобы. Правда, некоторые условия тюбингенского договора были выгодны и для крестьян, так что многие недовольные удовлетворились бы этими уступками, если бы могли иметь хотя малейшее доверие к обещаниям на бумаге.

Граждане, которые вели тюбингенские переговоры, не имели права подписывать договор, не испросив предварительно согласия округов; но они не обратили на это никакого внимания и, считая результаты своих действий вполне удовлетворительными для всех, предписали всему государству немедленно присягнуть договору. Желая страхом отклонить упрямых от дальнейшего сопротивления, они вывесили рядом с договорной грамотой огромный лист, в котором грозили лишением жизни и имущества всем, кто будет упорствовать.

При этом ясно обнаружилось, как мало единодушия и мужества было в вюртембергцах и как мало влияния имел Бедный Конрад. Большая часть сельского народонаселения подчинялась повелениям, как ни были они тяжелы. Сговорчивее всех были шварцвальдские округи: Дорнштеттен, Дорнган, Зульц и Розенфельд.

В Урахской долине большинство, желавшее примириться с герцогом, одержало верх над теми, которые предпочитали Бедного Конрада.

Бантельганс снова разъезжал по стране. В Мецингене было решено итти навстречу Бедному Конраду, о котором думали, что он уже выступил в поход.

Во время сенокоса Бантельганс поехал на Альп к Дорнштеттену и проездом остановился у кузницы Буркгарда Полля. В деревне было все пусто и тихо, в кузнице горел огонь и стучал молот. «Где же ваши?» — закричал Бантель. «Все в поле», — отвечал кузнец, выходя. «Ну хорошо, — продолжал Ганс, — не забудь сказать им и всей общине, чтобы завтра непременно подымались пораньше и послали бы гонцов к Фельдштеттену, а оттуда к Лайхингену — звать тамошних вместе итти на деттингенскую

Замковую гору. Там все соберутся и пойдут дальше». Затем он ускакал, сказал, что едет к деттингенской Замковой горе.

Он спустился в Леннингскую долину. В Гуттенберге Ганс Гандель идет из бани в трактир и видит: сидит Бантель верхом и разговаривает с каким-то малым: «Слезай с лошади. Пойдем попотчую», — сказал он ему. «Нет, — отвечал Бантельганс, — мне нужно ехать. Подойди ко мне на пару слов». Гандель подошел. «Мне нужно с тобой посоветоваться», — продолжал Ганс. «Деттинген, Мецинген, Фуллинген и Энинген шлют 400 или 500 человек через Тифенбах к деттингенской Замковой горе. Они послали меня в Беринген, Цайнинген, Донштеттен и Фельдштеттен, которые тоже восстали и пойдут. Как ты думаешь: пойдут ли они? К ночи мы сойдемся при деттингенской Замковой горе». «Не знаю, — отвечал гуттенбергец; — кажется, в долине пока все тихо». Затем Бантельганс уехал вниз по долине.

В этот же вечер дорнштеттенский кузнец созвал общину. Послали гонцов. Утром явились фельдштеттенцы и хотели итти дальше; за ними подошли лайхингенцы. Но тем временем пришел из Ураха корнмессер [1], отвел некоторых в сторону и уговорил воротить товарищей. Толпа ушла домой. Шедшие из Мецингена также встретили неожиданное препятствие и не пришли. Бантельганс поспешил в Ремскую долину. В других долинах крестьяне приняли тюбингенский договор. В Урахском округе они выговорили себе право стрелять дичь на своих полях, полную амнистию, уменьшение повинностей и освобождение Зингерганса. За эти уступки они присягнули договору.

Но в некоторых местах крестьяне выказали больше энергии и стойкости. Центрами сопротивления были Леонберг и Шорндорф: первый влево, а второй вправо от столицы. Некоторые города и все селения от Лайтербаха до высот Штутгарта последовали примеру Леонберга и не соглашались присягать, пока не присягнут леонбергцы.

Но вскоре леонбергцы приняли договор. Вероятно, их побудили к этому ответ герцога и известие о приближении иностранных войск, так как конница курфюрста Пфальцского вступила 26 июля в Маульбронн. Соседи последовали их примеру.

Жители Ремской долины вели себя во время тюбингенских переговоров достойным и твердым образом. Не было ни шуму, ни беспорядков. Общины вели себя совершенно спокойно; они ждали тюбингенского решения и хотели посмотреть, как примет его страна.

Герцог очень желал успокоить этих древнейших подданных своего дома. Немедленно по утверждении договора он приказал объявить его им и назначить день, в который намеревался лично принять присягу всех ремстальских общин. Он приказал им собраться без оружия к городу Шорндорфу, куда отправился сам, в сопровождении только восьмидесяти человек своей свиты.

[1] Корнмессер — общинное должностное лицо, состоявшее при хлебном магазине и обязанностью которого было мерить выдаваемое зерно.

В назначенный день крестьяне собрались в числе 7 тысяч, но в полном боевом вооружении, с саблями, копьями, ружьями и в панцырях. Ульрих имел дерзость не только не удалить трех преступников, ненавистных стране, — канцлера, маршала и государственного секретаря, но даже взять их с собою в Шорндорф. К довершению безрассудства, он поручил маршалу прочитать крестьянам договор.

Крестьяне стояли тихо, спокойно; но когда началось чтение, послышался ропот, который продолжался и усиливался. Раздались резкие речи против советников и придворных: «Это изменники и воры, строящие себе великолепные дома на деньги страны». В этих речах не щадили даже особы герцога. «Наши жены и дети,— кричал народ, — терпят голод, благодаря его пирам; причина наших бедствий — его знатные тунеядцы, толпы певцов и музыкантов, вымогательства и воровство его чиновников!»

Ульрих остался в городе и не присутствовал при чтении. Его известили о происшествиях за городом. Он взбеленился и поскакал туда; за ним следовали несколько рыцарей, едва поспевавших за ним.

Он был уверен, что вид его августейшей особы внушит трепет крестьянам и что довольно показать им его шляпу с перьями, чтобы водворить порядок. Увидя его, они выстроились в боевую линию и сомкнули свои ряды. Он подъехал к ним, бранил их за упрямство и приказал разойтись и отправляться домой, — мирно и трудолюбиво обрабатывать свои поля, обещая простить и забыть все их преступные речи и поступки. Но в ответ ему народ закричал, что этими словами он не смягчает свою вину и что прежде всего ему следует прогнать своих финансистов, певцов и придворных шутов, своих егерей и собак, которые разоряют народ.

Тогда заговорил маршал Тумб. Он крикнул, что, кто хочет оставаться верным герцогу, тот должен подойти к нему. Но тут поднялся страшный шум и крик, и все спешили отойти подальше от Ульриха на противоположную сторону. Около него остались только придворные. Лицо его то вспыхивало яркою краскою, то покрывалось смертельной бледностью. Блуждающие глаза выражали ярость и желание уничтожить непокорных. В первый раз громко и бесстрашно раздавались в ушах его проклятия нищеты, бедствий и голода. Он спешил удалиться.

В ту минуту, как он оборачивал коня, Шлехтлинс Кляус схватил его лошадь под уздцы. Другой, Вейт Бауэр из Буоха, живший в Грумбахе, хотел ударить герцога копьем, но его сильный конь и свита спасли его от побоев и смерти. Рупрехт из Бейтельспаха, также принадлежавший к Бедному Конраду, увидя неудачу своих товарищей, закричал толпе с страшными проклятиями: «Стреляйте в негодяя, не то удерет!» Кто-то приложил фитилек к курку, но герцог был уже далеко, прежде чем последовал выстрел.

В то же время заговорщики действовали и в городе. Когда Ульрих выехал за город к крестьянам, граждане, участвовавшие в заговоре, заняли и заперли ворота, так что часть герцогской свиты, остававшаяся в городе, не могла выйти оттуда, и когда Ульрих, спасаясь от крестьян, прискакал к воротам, они были уже заперты. Повидимому, узнав о результатах сейма, шорндорфский клуб решился во что бы то ни стало овладеть герцогом, живым или мертвым. Вероятно выполнение этого решения приняли на себя Шлехтлинс Бауэр и Рупрехт, которые старались поэтому протесниться поближе к герцогской лошади.

Ульрих поспешил в Штутгарт, оставив или послав городу и округу приказание отправить к нему в резиденцию уведомление о том: согласны ли они принять договор или нет. Он давал им три или четыре дня сроку на размышление. Заговорщики быстро вели дело далее, понимая, что после всего случившегося, нельзя и думать об отступлении. Они слишком хорошо знали герцога, чтобы не понять его намерения воспользоваться данной отсрочкой для сбора значительных военных сил. Кроме Каспара Прегицера и его брата Георга, в городе главную роль играли Вагенганс, сын его Бернгард и один опытный воин, по имени Фаульпельц. В городе происходили сильные раздоры между умеренною партиею, желавшею принять договор, и крайнею, которая хотела поднять знамя бунта. Первая, желая привлечь к себе округ, предложила, чтобы поселяне приходили в город для обсуждения договора, но не все вместе, а каждая деревня особо. Партия эта надеялась, что чем меньше будет в городе крестьян, тем легче будет уговорить их принять договор. Клубисты же призвали в город всех сельских членов Бедного Конрада. Толпы крестьян вступили в город, заняли все важнейшие посты, соединились с партией клуба, помогли ей сменить чиновников и членов магистрата и совета и возвратились домой, оставив в городе сильный гарнизон. В то время было решено, чтобы каждое местечко отправляло в Шорндорф, смотря по своей величине, от 4 до 8 депутатов, которым было предоставлено решить вопрос о принятии договора. Крестьяне и граждане должны были избрать по два предводителя. Правитель и приверженцы правительства не противились этому. Таким образом, шумно и бурно прошел трехдневный срок. На четвертый день избранные предводители и депутаты города и округа собрались в ратуше. Предводителями были избраны: со стороны земства—Ганс Вольмар из Бейтельспаха и Вольмар Браун из Урбаха; со стороны горожан — Генрих Шертлин и Ганс Гиршман.

Во время совещаний в народе распространился слух, что большинство граждан, заседавших в ратуше, хочет принудить крестьян принять договор и что там вообще неладно. Прегицер и его друзья призвали сигнальными выстрелами, повторявшимися во всех деревнях, всех крестьян из округа в город. В городе господствовал сильный мятеж. Народ овладел ратушей и сбросил с лестницы одного из городских начальников, Генриха Шертлина.

Так как срок, назначенный герцогом, прошел, то именитые граждане обратились к нему с просьбой об отсрочке. Герцог согласился, потому что войска его еще не собрались. Граждане и крестьяне решили избрать из своей среды умнейших людей, которые должны были силою сдерживать и прекращать всякие беспорядки, которые бы возникли в городе. Но городские заговорщики полагали, что настала удобная минута действовать. Они давно уже принудили правителя к уступкам, заняли все укрепленные места в городе и, таким образом, имели точку опоры в Шорндорфе. Хотя город этот был обращен в крепость лишь 24 года спустя, но и в то время он уже был довольно хорошо укреплен. Ворота были укреплены большими башнями и сверх того восемнадцать высоких башен защищали город, который поэтому назывался башенным городом (Турмштадт).

Городские начальники приступили к выбору лиц, которым вверялась охранительная власть, и с этой целью повели граждан и крестьян за город. Члены Бедного Конрада вмешались в толпу и воспламенили ее так, что поднялся крик, и народ начал требовать военных действий и хотел, чтобы начальники вели его во все округи возбуждать повсюду крестьян к восстанию. Городские начальники стали уговаривать толпу, но Генрих Шертлин должен был искать спасения в церкви, а Гиршман был принужден вести народ в поход, неся знамя Бедного Конрада, которое в этот день впервые начало развеваться. Рядом с ним несли знамя городской управы.

Крестьяне отправились с воинственным видом от города вниз по долине. Число их простиралось до шестисот человек. Они дошли до живописных Герадштеттенских холмов, покрытых виноградниками и возвышающихся по берегам реки, в $1^1/_2$ часах ходьбы от Шорндорфа. Придя туда, народ принудил именитых богатых людей присоединиться к нему с своими слугами. По дороге крестьяне сделали то же самое в Винтербахе и Гебзаке; но в Герадштеттене их встретили герцогский гофмейстер Конрад фон Нипненбург с конным отрядом, Ганс фон Гайсберг и местные депутаты; они прожили несколько дней в Вайблингене, наблюдая за шорндорфскими событиями. Крестьяне встретили их вечером 23 июля. Они предложили от имени герцога вступить с крестьянами в переговоры, но крестьяне успели усилиться подкреплениями, шедшими из других деревень, и потому отвечали кратко, что будут ночевать в Грумбахе, где всякий, кому нужно, может найти их.

Повидимому, они опасались, что их хотят задержать переговорами, пока не соберутся войска, вследствие чего они и дали этот уклончивый и обманчивый ответ. Вместо того чтобы итти ночевать в Грумбах, они переменили путь, сошли с большой дороги и пошли влево, проселком.

Против Грумбаха, на южном берегу Ремса, расположено торговое местечко Бейтельспах, а далее к востоку возвышается гора, на которой некогда стоял старый замок того же имени. Гора эта

была покрыта виноградниками, а на месте старого замка была выстроена часовня (капелла) во имя св. апостолов Петра и Павла. Вследствие этого гора называлась Часовенною горою (Капелленберг, в просторечии Капельберг).

Крестьяне вступили в эту боковую долину Ремсталя, восточный край которой покрыт великолепнейшими виноградниками, и расположились на Капельберге. В народе слышались странные речи: «Что же вы хотите делать?» — спрашивали их в деревнях, через которые они проходили. «Мы несем, — отвечали они, — Бедного Коонца на Капельберг, чтобы зарыть его на горе. Бедный Коонц пробыл у бейтельспахцев десять лет, а теперь воскрес в Бейтельспахе; поэтому мы хотим опять зарыть его, а потом вернемся домой».

Узнав, что герцог восстановил против них города Тюбинген, Штутгарт и Каннштадт, они послали с горы спросить Ганса фон Гайсберга: не угрожает ли им нападение? Правитель отвечал, что они безопасны, пока будут вести себя мирно в округах, присягнувших договору.

В ту же ночь и на следующее утро на Капельберг пришли толпы крестьян из других округов. Уже 24 июля Ганс фон Гайсберг писал герцогу, что на горе более полуторы тысячи народа, который на все предложения отвечает, что подумает. Некоторые округи из числа тех, откуда пришли первые подкрепления, отстояли от Капельберга на 4 и на 6 часов пути, например Марбах и Бакнанг. Поэтому надо предполагать, что там были люди, предуведомившие своих о намерениях шорндорфцев и знавшие день, когда следовало собраться. Из Шорндорфа пришло на гору еще много народа. Когда эти толпы выходили из ворот Шорндорфа, Ганс Гуммель говорил им: «Ну, теперь мы так оттузим большеголовых, что у них кишки вылезут». Эльзасец Зейферлин Шнейдер из Кейзерберга ударил в набат в Винненде.

Кажется, на Капельберге было много людей из прежних Башмаков и много членов общества Бедного Конрада. Кроме того там находились депутаты от отдаленнейших округов. В официальном донесении сказано, что на горе «было много герцогских подданных и других». «Они надеялись, что к ним пристанет вся страна», и послали гонцов и грамоты не только во все вюртембергские округи, но и во владения других государей, графов, господ и соседних имперских городов; они просили тамошний народ помочь им и «помочь справедливому делу и божественному правосудию».

Общество Бедного Конрада изложило свои планы в трех статьях.

В первой выражалось намерение освободить крестьян и горожан от ига князей, епископов, прелатов, рыцарей и граждан имперских городов не только герцогства Вюртембергского, но и всех окрестных стран; уничтожить все налоги, подати и повинности и жить свободно. Во второй статье указывались средства общества и назначался срок выполнения плана. Общество должно было

всеми силами стараться усилиться; начинать же борьбу против светских и духовных господ следовало не прежде, как собрав от 20 до 30 тысяч вооруженного народа. У монастырей и богатых землевладельцев следовало отобрать излишек имущества, дабы улучшить быт крестьян. Третья статья касалась герцога и его советников. Касательно того, как поступить с ними, члены общества не соглашались между собою еще до нападения на герцога некоторых шорндорфских крестьян. Большинство желало взять его в плен; другие — предать смерти вместе с советниками. Это обстоятельство спасло Ульриха во время шорндорфского происшествия. Если бы народ решился предать его казни, то легко мог бы застрелить его, потому что он не подозревал такого умысла. Впоследствии один крестьянин сознался, что когда не удалось взять герцога в плен, то многие сожалели, что не убили его. Вопрос этот был снова поднят на Капельберге, и было решено взять или убить герцога, если он не уступит требованиям крестьян. Некоторые говорили о передаче престола его брату.

Удачное начало предприятия ободрило крестьян тем более, что само небо предвещало великий политический переворот «страшными знамениями на солнце и на луне». Одна женщина исполнилась пророческого духа и предрекла, что Бедный Конрад будет трижды побежден, но в четвертый раз восторжествует. Из ближайших деревень крестьянам привозили — частью добровольно, частью из страха — продовольствие, повозки и другие предметы; они уже начали жить в свое удовольствие на счет соседних духовных владетелей.

В то же время восстала Фильская долина, лежащая по ту сторону Гогенштауфена. Движение началось в Гейслингене, принадлежавшем к области вольного города Ульма. Правитель, попечитель и именитые граждане города Гейслингена бежали с своими деньгами, детьми и сокровищами. В Штейнлахской долине, за Тюбингеном, стоял вооруженный отряд в пятьсот человек. Известие о походе ремстальцев на Капельберг, их агенты и воззвания, которые сотнями писал Уц Энтенмайер и которые призывали всех на Капельберг для завоевания общей свободы, снова возбудили сильнейшее волнение во всей стране. Если бы сумели воспользоваться им, то под знамена Бедного Конрада собралось бы не 20 и не 30 тысяч человек, как желало общество, а вся Швабия, целая стотысячная армия, но для этого следовало итти вперед, а не стоять, как они, на горе.

Ничто не препятствовало походу, если бы он был предпринят в первые же дни; у герцога не было войска, а без денег нельзя было достать наемников; финансовые же затруднения герцога были всем известны. Его слуги с большим трудом набирали в разных местах человек по 20 или 30. Все надежды его основывались на помощи верных городов и союзных государей и рыцарей. Для прикрытия Вайблингенского округа, он еще 24 июля собрал 200 человек из Штутгарта и его округа; но придя в Каннштадт —

на час пути от Штутгарта, — отряд этот отказался итти далее, если не получит подкрепления из других округов.

Крестьяне едва не овладели столицей. Один штутгартец, Иерг Тигель, мать которого называлась Лэгелин и жила у ворот парка, отправился на Капельберг и обещал предать крестьянам Штутгарт.

Отряд крестьян в 1 000 человек выступил и расположился перед Штутгартом, на северо-западной возвышенности, называемой Военной горой. Тигель, которого звали Лэгелин-Иерг, подговорил четырех солдат отворить крестьянам в полночь ворота, у которых они стояли на карауле. Он рассчитывал также на поддержку 200 горожан. Но часа за два до выполнения намерения, заговорщиков случайно подслушали и арестовали. Узнав об этом, крестьяне отступили.

В Капельбергском лагере было немало людей, опытных в военном деле; в особенности многие жители верхней Ремской долины служили в молодости в военной службе в иностранных войсках. Но большинство не имело проницательности, смелости и энергии. Главный предводитель Вольмар и его военные помощники Иерг Кремер и Себастьян Шварц, сын Ганса, уговаривали народ итти вперед — поднимать остальную страну и осуществить планы Бедного Конрада. Это возбудило сильные споры и несогласия.

Этому воспротивились те, у которых еще было чем рисковать; другие испугались предложения, которое вело прямо к убийству всех духовных и светских властей. Депутаты сейма, которые по случаю этих опасных обстоятельств переехали в Штутгарт, ежедневно ездили на гору. В крестьянском лагере было много герцогских шпионов и агентов, настраивавших крестьян в пользу правительственных. интересов и противодействовавших намерениям клуба. Раздор и ожесточение дошли в лагере до того, что произошла драка, и крестьяне обратили свое оружие друг против друга. Наконец, сеймовые депутаты обещали им отмену всего, на что они пожалуются сейму. Тогда большинство потребовало полюбовной сделки. Затем крестьяне услышали, что герцог хочет разогнать их иностранными войсками. Слух этот побудил их обратиться в поспешное бегство, чтобы укрыть себя и свое имущество за стенами городов и спастись «от чужих кровожадных и хищных собак». Герцогские советники, которым было поручено успокоить народ, писали правительству: «Народ этот жалок, напуган, труслив и озабочен». Вскоре оказалось, что слова эти были справедливы.

Партия Бедного Конрада увидела невозможность убедить толпу следовать ее планам. Ей удалось только уговорить собрание присягнуть, что никто не согласится ни на какие условия, невыгодные для прочих, и что все будут действовать сообща. Затем в четверг, 27 июля, после дня св. Якова, предводители Ганс Вольмар, Ганс Вагнер из Шорндорфа, которого звали Вагенгансом, Бернгард с сыном, Браун-Урбан из Урбаха, Ганс Геерер

также из Урбаха, Ганс Фахендаг из Плюдергаузена, Ганс Линденшмид из Вальдгаузена, Вейт Бауэр из Грунбаха, Гори Шнейдер, также из Грунбаха, и Юнг Ульрих из Урбаха сошли с горы и отправились в бейтельспахский трактир, где вступили в переговоры с депутатами сейма и Гансом фон Гайсбергом. Они условились с ним заключить обоюдный мир и обещали друг другу не начинать враждебных действий до окончания сейма, собравшегося в Штутгарте — с целью облегчить бремя, тяготеющее на крестьянах. Крестьяне обязались мирно разойтись по домам, а герцог — не принуждать их к принятию тюбингенского договора, предоставить сейму решить, насколько крестьяне должны соблюдать договор.

Условия эти были заключены в полдень 27 июля крестьянскими предводителями, с одной стороны, и герцогскими и сеймовыми депутатами — с другой. Условия были написаны коварно. Очевидно, что добродушные крестьяне, наслушавшись речей депутатов, ожидали для себя всего лучшего со стороны герцога и сейма и придавали совершенно иной смысл статьям договора, чем господа, которые нарочно написали его двусмысленно и неопределенно. Но коварство, заметное уже в переговорах, обнаружилось вполне в поступках.

Немедленно по заключении договора, в тот же самый вечер, многие крестьяне покинули Капельбергский лагерь и мирно разошлись по домам. Другие, более осторожные и менее доверчивые, старались приблизиться к границам областей вольных имперских городов — Эслингена, Гмюнда и Аалена.

Между тем Ульрих собрал значительное войско. Кредит его возвысился с тех пор, как страна приняла на себя его долги. Людвиг фон Гуттен, деятельно хлопотавший о заключении тюбингенского договора в качестве посланника епископа Вюрцбургского, дал ему в займы 10 000 гульденов для найма рейтаров. Кроме того, по ходатайству его, епископ прислал герцогу сильный вспомогательный отряд. Вскоре Ульрих отблагодарил Гуттена, зарезав его сына.

Достигнув своей цели, города стали сговорчивее относительно герцога. Городское дворянство никогда не питало симпатии к крестьянам. При самом начале волнений в Марбахе собрались депутаты почетных граждан 14 городов и совещались о том, чтобы серьезными мерами противодействовать глупым поступкам негодного черного народа.

Но так как они объявили, что для усмирения крестьян необходимо удовлетворить их главные жалобы, то герцогский советник Филипп фон Ниппенбург обругал их бунтовщиками, держащими сторону крестьян. Но именитое гражданство постоянно выказывало относительно крестьян такой же эгоизм, как и дворянство. Алчные и властолюбивые горожане были не прочь обременить поселян несправедливыми податями и находили незаконным, чтобы крестьяне участвовали в выборе сеймовых депутатов и за-

седали на ландтаге рядом с почетными господами. Города поспешили на помощь герцогу. Тюбинген уже послал ему пятисотенный отряд под начальством дворянина Эрнста фон Фюрста. К этому отряду присоединились господские милиции Балингена, Штутгарта, Каннштадта и Кирхгейма; последняя встретила при Унтертюркгейме толпу крестьян, которые старались воспрепятствовать ей перейти Неккар. Вспомогательный отряд вюрцбургского епископа, состоявший из 300 всадников, в том числе 77 дворян, стоял 29 июля в Лауфене на Неккаре. От курфюрста Людвига Пфальцского пришло известие, что его рейтары прибудут в Маульбронн между 26 и 27 числами. Маркграф Филипп Баденский писал, что кавалерия его рано утром вышла из Форцгейма. Войска епископа Констанцского также находились в походе. Ульрих имел 1 800 человек наемников и вассалов. Трухзес Георг фон Вальдбуг прислал ему 100 человек конницы, 600 пехоты и несколько пушек.

Городская милиция двинулась вперед к Вайблингену. 28 июля герцог, известив, что принимает договор, послал своим чиновникам тайную инструкцию, предписывавшую им, как соблюдать условия договора. В то же время он двинул вперед свое войско. По получении известия о согласии герцога на договор, последние толпы крестьян удалились с горы, беспечно доверяя данным им обещаниям. Но 31 июля утром войска Эрнста фон Фюрста внезапно напали на смирных вайблингенцев; герцог в своем рескрипте сам говорит, что это было сделано по его приказанию. Шпионы заранее сообщили имена подозрительных граждан, имевших сношения с крестьянами. Эти лица были схвачены, имущество их разграблено, дома опустошены. Так поступали потом с обвиненными повсюду, по свидетельству герцогского рескрипта.

Затем фон Фюрст и герцогские советники вступили в Ремскую долину, схватили, связали и отослали в цепях к Шорндорфу главного крестьянского предводителя Ганса Вольмара из Бейтельспаха и его помощников, которые никак не ожидали этого, полагаясь на договор, обещавший им мир и безопасность.

По заключении договора, часть крестьян, находившаяся в Шорндорфе, разошлась по деревням. В 3 часа пополудни Эрнст фон Фюрст подступил к городу. Городская стража, испуганная внезапными появлением войска, растерялась, покинула ворота и разбежалась. Филипп фон Ниппенбург без выстрела занял отворенные ворота. Войска вступили в город и получили приказание никого не впускать и не выпускать. Однако большинство заговорщиков успело спастись бегством, перескочив через стены. Затем прибыл герцог с своею конницею. Он прошел мимо мятежных деревень, затаив пока свою злобу, и был принят шорндорфцами с подобающими почестями. Вступив в город, он дал войску сигнал начать грабеж. Солдаты бросились в дома заговорщиков и обвиненных, потащили хозяев в тюрьму, грабили имущества, разрушали дома перед глазами плачущих и оскорбляемых женщин и де-

тей. Дом Прегицера, где помещался клуб заговорщиков, был первый сравнен с землей. Та же участь постигла дома Вагенганса и пятерых других, но грабеж свирепствовал повсеместно, без разбора, кто прав, кто виноват. Особенно пострадали богатые люди, которые, будучи совершенно невинны, никак не ожидали подобной участи. Грабеж еще продолжался, когда наступил вечер. Все выходы были заперты, чтобы слух о городских событиях не проник в деревни. Это известие предупредило бы крестьян о предстоящей им участи и побудило бы членов Бедного Конрада поспешно бежать. Герцог приказал всем крестьянам Шорндорфского округа Ремской долины и окрестностей явиться 2 августа на луг, находившийся за городом. Собралось около 3 400 человек; прочие не пришли, а многие бежали в горы и имперские города. Крестьян собрали под предлогом сообщить им решение сейма. Дело началось тем, что крестьянам приказали сложить оружие. Собравшиеся мужики были по большей части совершенно невинны. Они повиновались приказанию, и вдруг были со всех сторон окружены войском. Некоторые, увидев несущиеся на них эскадроны, разбежались по полю, как голуби, преследуемые коршунами; но рейтары догнали их и притащили в круг; за попытку бежать их сочли «особенно подозрительными». Затем народу прочитали следующее решение сейма:

«Наш всемилостивейший государь и господин и город с округом Шорндорф объявили ландтагу, что желают передать на решение сейма вопрос о принятии тюбингенского договора и готовы следовать всему, что сейм постановит. Поэтому созванные депутаты страны единодушно решили и постановили, что город и округ Шорндорф приняли тюбингенский договор, присягнули ему, соблюдали и исполняли его согласно всем его статьям, а так как после сейма, происходившего в Тюбингене, в городе и округе Шорндорфе возникли некоторые беспорядки и неповиновения, несмотря на дарованное им милостивое прощение, то сейм объявляет, что все, участвовавшие в этих беспорядках, словами, поступками, советами или делами, заслуживают ареста и наказания. А потому наш всемилостивейший государь и господин может по усмотрению чинить всем таким людям вообще и каждому в особенности допрос и розыск, согласно верховным правам его великокняжеской милости и принятому договору и судя по вине каждого».

Тогда безоружному народу пришлось раскаяться в своем легковерии; он понял, как безрассудно было вверить свою участь аристократической партии, которая при заключении тюбингенского трактата не удостоила отозваться ни одним словом на основательнейшие жалобы крестьян и обратить внимание на пошлину на вино, бывшую одною из главных причин обеднения жителей Ремской долины. Крестьяне с ужасом увидели свою слепоту, вспомнив, что доверились мирным предложениям того самого человека и тех самых советников его, которые еще недавно прибегали к насилию, чтобы вынудить у депутатов согласие на незакон-

ные налоги, которые мучили своих поручителей военным постоем и с проклятиями говорили бургомистрам городов: «Если вы не согласитесь платить добровольно, то вас принудят. Государь может снять с вас головы».

Ульрих выехал навстречу крестьянам, с головы до ног покрытый латами; даже лошадь его была закована в железо. Увидя его, крестьяне робко и малодушно сняли шапки. Он дал знак, и рейтары бросились на крестьян, хватали из толпы и уводили всех, на кого указывали шпионы. Было схвачено 1 600 человек. Недоставало цепей и веревок. Скручивали по нескольку человек вместе, как собак. Все городские башни и тюрьмы были битком набиты. Прочих оцепила конница и погнала в город, где их заперли без пищи и питья в ратушу, которая хотя была обширна, но для такого множества все-таки тесна. Пришлось лежать друг на друге; сесть не было никакой возможности; нельзя было даже свободно стоять. Они бы перемерли с голоду, если бы за деньги и доброе слово сторожа не доставляли им тайком хлеб и воду.

Таким образом они томились между страхом и надеждою; тем временем других допрашивали под пыткой. В полдень следующего дня толпу вывели из ратуши и отвели на берег Ремса. Жажда и голод мучили их, но они не смели наклониться, чтобы достать воды. Наконец, кто-то догадался прислать несчастному народу воды в посуде. Они провели около 36 часов почти без пищи и питья. Долго стояли они у реки под палящим августовским солнцем, пока не прибыл герцог с конницей и пехотой. Увидя его, крестьяне, по данному знаку, пали на колени и просили прощения. Они провалялись на земле целые полчаса, прежде чем им позволили встать. Между тем, герцог советовался с иностранными и своими советниками. Наконец, канцлер Лампартер объявил крестьянам от имени герцога, что он дарует им жизнь, но, чтобы предупредить на будущее время всякое покушение начать восстание, они должны выдать оружие и никогда не держать у себя ничего, кроме ножей, полусабель и копий; затем он прочитал им статьи тюбингенского договора, которым толпа присягнула и была отпущена домой. Это происходило в четверг вечером, 3 августа.

Тем временем приступили к допросу под пыткою других, из коих некоторые были только что пойманы. Процесс был очень короток. Следствие кончилось уже в субботу, 25 августа, следовательно, в три дня, так что суд был назначен 7 числа. Если бы не воскресенье, то дело кончилось бы еще скорее. Семь шпионов и пытка были единственными уликами. При помощи их открыли существование Башмака.

В понедельник, 7 августа, обвиненные были приведены на обычное место, где под открытым небом должен был произойти суд. 46 человек были в цепях; некоторые почти раздеты, потому что одних арестовали в постели, а других солдаты ограбили. Прочие были не связаны. В суде председательствовал штутгартский окружной судья Ганс фон Гайсберг. Обвинителем был Конрад

Брейнинг, фогт тюбингенский; защитником — фогт шорндорфский Георг фон Гайсберг. Судьями были сеймовые депутаты. Когда связанные увидели, что обвинительный акт делит обвиненных на две категории, относя к первой менее, а ко второй более виновных, то стали просить, чтобы их обвиняли и поступали с ними одинаково, так как все они равно принимали участие в восстании. Но прочие позабыли клятву, данную друг другу на горе — жертвовать друг за друга жизнью и терпеть равную участь. Они старались отделить свою судьбу от участи товарищей, бросились перед герцогом на колени, прося пощады и поручая себя его милости. Посоветовавшись, он отвечал им через канцлера Лампартера, что хотя он был готов наказать их со всею строгостью закона, но, благодарение богу, снисходит к их просьбам и готов смягчить их наказание, если они согласны понести то, которое он сам назначит им. В таком случае они должны немедленно и торжественно сказать: «да». 1 650 человек подняли руки и громко сказали: «да». Их наказали денежными пенями.

Те, которые были в цепях, подлежали более строгой мести. Кроме трех человек, схваченных Эрнстом фон Фюрстом, «все зачинщики и истинные коноводы злостного преступления, в котором под видом доброго умысла скрывается ядовитая, греховная змея — Башмак, их помощники, приверженцы, соумышленники и товарищи» счастливо бежали за границу. Поэтому ясно было, что те, которые добровольно остались, были невинны в заговоре. За это ручалось то, что они не обратились в бегство. Но герцогу и аристократии хотелось крови. Герцог ни на минуту не выходил из заседания суда, чтобы не пропустить ни одного слова обвиненных и судей.

Главный начальник Ганс Вольмар и его помощники были преданы в руки палача, потому что сознались под пыткою в революционных стремлениях Бедного Конрада; по произнесении над ними приговора они были немедленно обезглавлены на живодерне. Прочие пленники были снова отведены в тюрьму, так как суд нашел нужным «подумать еще об них». На другое утро были приговорены к смерти семь человек за участие в Бедном Конраде. То были: Михаэль Шмидт, Людвиг Фассольд, Ганс, зять слесарши, Ганс Вейсс, Якоб Гуэт, Ганс Клэзаттель — все шестеро из Шорндорфа — и Якоб Даутель из Шлэхтбаха. Приговор этот был также немедленно выполнен, и голова Даутеля выставлена на средних воротах Шорндорфа. Прочие были навеки изгнаны из страны, с женами и детьми; из них некоторые были высечены, как например Вейт Краут, рейхенбахский волостной старшина Михаэль и др.; иные были подвергнуты клеймению на лбу и разным другим телесным наказаниям; все они должны были дать присягу в том, что не будут мстить за это. Самые меньшие наказания состояли в лишении прав состояния и в крупных денежных пенях. В числе изгнанных находился один из главных участников леэнского Башмака, фейербахский портной Ганс Гуммель. Он отправился

в Аарбург, к Иоссу Фрицу, потом жил в Швейцарии и, наконец, решился вернуться в Фрейбургскую область, но был схвачен и казнен.

9 августа герцог в третий раз чинил кровавую расправу в Штутгарте на площади. Здесь были приговорены к смерти солдаты, хотевшие предать город крестьянам: Ганс Шмек из Вальденбурга, Петер Вольф, сын его Бернгард, Каспар Шмидт, Петер Кох — все четверо из Гласгютте, — и Тигель, по прозванию Лэгелин-Иерг, из Штутгарта. Они были тотчас же обезглавлены на площади; головы Шмека и Петера Вольфа были выставлены на башнях городских ворот, потому что первый был капрал, а второй вовлек в заговор своих родных детей. Трупы их были зарыты на живодерне. Мать Тигеля просила пощадить жизнь ее сына. Получив отказ, она повесилась на образе спасителя в Ильгенском парке. Труп ее выбросили и зарыли вместе с телом ее сына, а дом их разрушили. Много людей, имевших с Тигелем сношения, были наказаны тюремным заключением, позорным столбом и розгами.

Бежавшие члены Бедного Конрада были приглашены явиться в Штутгарт к суду 11 августа, в пятницу; но на зов явилось только восемь человек. Герцог наказал их по своему произволу, но не смертью. Неявившиеся в течение трех дней от срока были приговорены к смерти. В числе бежавших были Прегицер с сыном, Ваганганс с сыном, Шлехтлинс-Кляус, Вейт Бауэр, Петер Гейсс, Уц Энтенмайер и другие, игравшие важную роль в обществе. Было приказано казнить их, куда и когда бы они не вернулись. Точно так же угрожали смертью, конфискациею имущества и разрушением дома всякому, кто бы вздумал заведомо принимать их к себе, хотя бы то были отец, мать, брат, сестра, сын или дочь обвиненных. Из Ремской и других восстававших долин много участников Бедного Конрада бежало за границу. Поэтому во все имперские города и Швейцарскому союзу были посланы грамоты, в которых вюртембергское правительство просило городские и союзные власти «не терпеть у себя и наказывать смертью и лишением имущества этих изменников, осужденных на казнь, из коих лишь немногие очень богаты, но которые все равно ненавидят, губят и оскорбляют святую веру и христианскую церковь, презирают власти и именитых людей, нарушают мир, преданы ереси, скрывают в себе зловредное стремление кощунствовать над св. верою и христианством, презирать и истреблять империю, королевства, герцогства, княжества, графства и господства, заражать духом мятежа города и деревни, уничтожать все обязанности и оподлить все».

Император произнес над беглецами опалу; папу просили предать их проклятию.

Начались розыски во всех местах, где были прежде волнения и сношения с Бедным Конрадом, прекращенные правительством уступками, которые побудили этих крестьян отстать от ремстальцев и принять тюбингенский договор. Шорндорфская расправа

повторилась во многих местах. Везде шли пытки, и следственные акты наполнялись именами людей, подвергнутых денежным пеням. Пени были для того времени очень велики, круглым числом по 24 флорина с человека.

Чтобы собрать побольше денег, у обвиненных вымогали пыткою указания на множество других лиц; некоторые добровольно сделались доносчиками. Бантельганс, уверенный, что приверженцы его не выдали его и что он умно сыграл свою роль, возвратился домой, получив ручательство в безопасности. Он утверждал, что совершенно невинен и даже отправился ко двору герцога. Но здесь он узнал, что правительству известны все его поступки. Один его бывший сообщник, член магистрата, увидя его, пригласил его сесть рядом с собою. «Я не хочу сидеть рядом с предателем!» — воскликнул он с досадой. «Чорт тебя бы предал», — возразил тот. «Нет, — отвечал Бантель, — чорт этого не сделает; это дело людей».

Подданным было приказано воздерживаться впредь от всякого злословия, ибо дознано, что к восстанию и неповиновению подали повод и побуждение праздные, возмутительные, ядовитые и ругательные речи, явно и бесстыдно произносимые священниками, мужчинами, женщинами, мальчиками и девочками. Кто впредь услышит подобные речи, должен немедленно донести о том начальству, дабы духовные лица отвечали за них своим властям, а прочие были наказуемы, смотря по вине, лишением жизни, чести или имущества. Все должностные общинные лица и судьи, назначенные мятежными горожанами и крестьянами были отрешены. Строго было воспрещено на будущее время под страхом казни и конфискации имущества собирать сходки и созывать общины, а также бить в набат, хотя бы даже с ведома и по приказанию должностных лиц округа; даже суд и магистрат городов могли собираться лишь в видах общественной пользы и не должны были ни о чем говорить, что было бы противно интересам герцога и высших сословий. В то же время поселяне были обезоружены всюду, где происходили волнения. 10 августа герцогские рейтары вторично прибыли в Ремскую долину и приступили к совершенному обезоружению крестьян. У крестьянина остался только нож резать хлеб.

Другие правительства, во владениях которых был Бедный Конрад, наказывали участников его не так жестоко. Подданные монастыря Лорха были принуждены дать клятву ничего впредь не замышлять против монастыря, не переходить без позволения аббата в чужое подданство, исправно платить оброк, не бить в набат, не собирать сходок и заплатить денежное взыскание.

Ульрих больше всего заботился о деньгах. На штутгартском сейме были назначены новые налоги; пограничным фогтам было приказано вступить в переговоры с беглецами, которых было много из каждого округа, и предложить им возвратиться на родину за известную сумму. Новый туттлингенский фогт, Ганс фон

Карпфен, уведомлял правительство, что, получив это приказание, он вошел в сношение, как бы от своего имени, с беглецами, проживающими в Шаффгаузене, числом более пятидесяти человек [1]; он дал им знать, чтобы они явились в штутгартскую канцелярию, где наказание будет смягчено, так что богатые должны будут заплатить всего по 8 гульденов со 100, а бедные отделаются тюремным заключением. Многие пришли в Туттлинген, полагая, что дело их будет окончено в этом городе; но они опасались итти в Штутгарт; поэтому фогт советовал правительству даровать прощение тем, которые будут просить помилования, ибо, если изгнанники возвратятся, то правительству можно будет держать их в своих руках, тогда как за границею они свободнее и потому опаснее.

Совет этот был основателен. Хозяйничанье и жизнь Ульриха возбудили через несколько месяцев новые смуты; изгнанники и беглецы собирались на границах и даже проникали в страну под видом богомольцев и под разными костюмами. Они имели сношения с беспокойными швейцарскими крестьянами и, разумеется, с изгнанниками других государств. Правительство опасалось вооруженного вторжения и нового возмущения. Было тайно приказано усилить бдительность в замках и городах, организовать тайную полицию и зорко наблюдать всюду, нет ли каких-нибудь замыслов, не слышно и не видно ли чего-нибудь подозрительного и опасного, нет ли каких-нибудь лиц, ходящих по округам под видом богомольцев или под другими костюмами, и таких людей немедленно задерживать. В некоторых местах были действительно взяты разные люди и подвергнуты пытке, которая вынудила у них сознание в намерении убить герцога и возмутить страну; их казнили. Но через несколько лет сам герцог, чтобы возвратиться в свое государство, из которого был изгнан, привел в страну всех беглецов и изгнанников; по выражению чинов, он хотел начать нового Бедного Конрада.

Ясно, что крестьяне Ремской долины были дважды обмануты: во-первых, коварными приготовлениями штутгартского сейма, который, как их уверяли, должен был помочь их бедствиям; во-вторых, хитрым договором, заключенным с ними, но содержавшим в себе, по толкованию дворянства, требование принять тюбингенский трактат и, следовательно, неизбежно навлекавшим на них наказание. Герцогские войска вероломно напали на крестьян, прежде чем им объявили решение сейма; наконец, некоторые постановления тюбингенского договора были приведены в исполнение прежде, чем крестьяне приняли его.

На ландтаге не поднялось ни одного голоса против подобной несправедливости. Но бежавшие предводители крестьян еще

[1] Надо заметить, что Шаффгаузен, казнивший бежавших участников леэнского Башмака, покровительствовал изгнанным членам Бедного Конрада; причиною этого была победа поселян в Швейцарии и перемена, происшедшая в общественном мнении.

9 августа писали Гансу фон Гайсбергу, напоминая ему, что он договаривался с ними в Бейтельспахе, обещал им мир и безопасность до окончания сейма, и, несмотря на это, на имущество, жен и детей их напали прежде, чем сейм закрылся. Они даже жаловались имперским властям на несправедливость, которой подвергнулись. Но герцог и чины писали властям, чтобы они не верили «лживым вымыслам и козням крестьян».

Итак, Бедный Конрад кончился эшафотом, тюрьмой, лишением чести, имущества и пенями: еще одна волна разбилась, но поток стремился далее.

Чтобы преградить ему путь, швабское дворянство съехалось в Урахе и заключило тесный союз, клеймивший именем мятежа каждое крестьянское общество. «Мы будем всячески поддерживать друг друга против всех покушений простого народа,— гласил союзный акт, — так как в настоящее время происходят бунты и возмущения подданных и бедных людей, которые поднимают Башмак и заключают незаконные союзы против своих законных естественных властей и господ, осмеливаются пытаться сбросить с себя власти высших классов, подавить и истребить дворянство и все высшие сословия, так что можно опасаться, чтобы дворянству и рыцарству не пришлось бы испытать того же, что уже потерпели государи, города и духовенство» [1].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Бедный Конрад в Ортенау

В то время как в Вюртемберге происходило восстание Бедного Конрада, в Бюле в Ортенау основался союз Гугель-Бастиана, называвшийся также Бедным Конрадом.

В начале лета 1514 года, в то время, как в Ремской долине начиналось вооруженное волнение Бедного Конрада, два бедных Куэнца пытались возбудить его в Бюле и по соседству.

Леэнский Башмак имел связи и здесь. Якоб, подмастерье из Ортенау, участвовал в гартматтенских сходках. Баденское правительство, хотя и хвалившееся впоследствии мнимою кротостью своею, возбудило неудовольствие простого народа новою пошлиною на плоды и вино, новым законом о наследстве, по которому супруги не могли наследовать друг другу, чрезмер-

[1] Этот подробный добросовестный рассказ о восстании и заговоре Бедного Конрада показывает, как несправедливо отозвался о нем Шлоссер, говоря о «диких неистовствах» крестьян и называя Гейспетера «дрянным, дерзким негодяем» (т. XI, стр. 315). — *Прим. ред.*

ными повинностями, разведением диких зверей и другими распоряжениями, также нарушавшими старинные обычаи.

В числе оброчных крестьян был некто Гугель-Бастиан, проживавший в Бюле. Он собрал толпу и ходил с нею по долине к Альтшвейеру и Каппелю. В Альтшвейере некто Конрад составил второй «Бедный Куэнц», а другой, по имени Эльзен-Бернгард начертил мелом круг и приглашал вступить в него всех, кто хочет помочь ему уничтожить новые постановления и восстановить древние права. В круг вошло много, и все они присоединились к Бастиану бюльскому.

В среду, 14 июня, много крестьян из долины пришло рано утром в Бюль, одни из страха, другие из желания избавиться от повинностей; они надеялись на содействие других местностей. Надежда эта не лишена была основания. Штольгофенский старшина обещал прийти с условием, чтобы они помогли штольгофенцам отнять у аббата Шварценского награбленный им у них лес; ахернцы также хотели прийти.

Когда крестьяне собрались, Бастиан велел им рассказывать свои жалобы. Желания их были очень скромны. Они хотели иметь право гонять, стрелять, ловить и всячески убивать дичь, если она вредит их виноградникам, и оставлять ее себе или дарить фогту по желанию, не подвергаясь наказанию. Они желали также отмены нового закона о наследстве и уменьшения до прежних размеров пошлин в Штейнбахе и Бюле, которые с 5 пфеннигов возросли до 6 плаппертов с воза; им хотелось еще, чтобы сбавили подать на корм, не принуждали в суде доносить на соседа, отдавали им за барщину и проценты сенокос и объявили недействительными векселя столь давнишние, что проценты сравнялись с капиталом. Наконец, они изъявили желание не платить пошлин за вино, выпиваемое дома, и иметь право ловить рыбу в реке во время беременности жен. Они постановили действовать силою против всех, кто будет противиться возвращению их древних прав. Бастиан распространил общество далее. У леса, близ деревни Енсбах, за Ахерном была назначена сходка, где должны были присутствовать более 800 человек из владений маркграфа и других князей. Но маркграф узнал о заговоре и занял Бюльскую долину конницей; некоторые крестьяне были взяты в плен; другие струсили.

Гугель-Бастиан спасся бегством, но через несколько недель, проведенных в Фрейбургской области, был схвачен в Брейсгау.

Город приговорил его 5 октября к казни как зачинщика мятежа и заговора. «Приговор был выполнен по выздоровлении его жены от родов».

Голова его пала, а крестьянское горе осталось.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Начало борьбы крестьян с дворянством в Венгрии, Каринтии и Виндской мархии

Весною и летом 1514 года, следовательно, в одно время с Бедным Конрадом в Швабии, происходило кровопролитное восстание крепостных в Венгрии; главою мятежа был отставной военный Георгий Дожа; он обнаружил большие военные дарования и в несколько дней организовал из нестройных масс крепостных и оброчных крестьян правильное войско. К этому войску присоединилось и мелкое дворянство из ненависти к высшей аристократии; не желавших присоединяться, народ силою принудил пристать к нему. Низшие классы славянского племени свирепствовали с ненасытною мстительностью против городской и сельской аристократии; в непродолжительное время погибло 400 дворян. Но, одержав много побед, крестьяне были, наконец, побеждены и потерпели жестокое наказание. 60 000 крестьян погибли в битвах и на эшафоте, и иго дворянства стало еще тяжелее.

В то же время, в те же годы происходили крестьянские волнения в австрийских альпийских странах, а именно в Виндской мархии.

Поразительно уже то, что волнения в этих далеких славяно-германских странах совпадают год в год с немецкими Башмаками, как-то: с 1502—1503; 1513, 1514 и 1515. Но еще более поразительно, что ход восстания и лозунг его были вполне одинаковы и там и здесь.

В тот самый год, т. е. 1503, когда в Южной Германии вспыхнул брухрайнский Башмак, крестьяне составили тайное общество в Виндишланде. Кроме ежедневных мучений со стороны господ, крайнские крестьяне страдали от част х набегов турок и походов и поборов, предпринимаемых для отражения их. В 1503 году сельское население, терзаемое такими бедствиями, дошло до крайней нужды вследствие повсеместной дороговизны, постигшей и Крайн. Народ восстал против светских и духовных господ, но безуспешно.

Господа продолжали «ежедневно грабить и обижать» народ, и в 1513 году крестьяне восстали вторично. Но и второе восстание не имело успеха, и дворянству снова удалось «взнуздать мужиков», как выражается повествующий об этом благородный господин. Однако в следующем, 1514, году во время событий Бедного Конрада в Швабии, Виндская земля снова восстала и наделала господам много хлопот. Штирийские, каринтийские и крайнские крестьяне встали, как один человек, и взялись за меч на защиту своих древних прав.

Господа, «взнуздав мужиков», обременили их новым тяжким бременем; в этом отношении императорские чиновники действовали заодно с помещиками. Они намеревались вынудить у на-

рода под именем земской подати огромные суммы; они действовали при этом именем императора, требуя этой контрибуции в его пользу.

Крестьянам нечего было платить; они считали этот налог несправедливым и тяжким и не верили, чтобы он взимался с ведома их всемилостивейшего государя императора. В Среднем Крайне, в герцогстве Готше, населенном почти исключительно немцами, составили заговор; вскоре крестьяне из всех горных долин повалили толпами к городку Райну при впадении Гурка в Зау; здесь они толковали о том, как пособить своему горю и возвратить прежние вольности. Жители герцогства Готше, сохранившие среди славянского народонаселения свои немецкие черты, пользуются доселе репутацией самых трудолюбивых и прилежных из обитателей Альп. Они решили искать правосудия законным путем и послали императорским чиновникам просьбу, прося «о возвращении своих прав».

Императорские чиновники не только не обратили внимания на эту просьбу, но стали совершать еще большие насилия. Они схватили и казнили некоторых крестьян. Это воспламенило гнев готшейцев: они убили своего фогта Георга фон Турна и попечителя Грегора Штерзена. Крестьянская кровь, преступно пролитая, вопияла о мщении, и через несколько дней все горы были охвачены восстанием. Между общинами и помещиками началась открытая война, которую крестьяне, намекая на свое требование, называли «Стора Брауда», т. е. Древние вольности. Вскоре число вооруженных крестьян дошло до 80 000, а по другим — до 90 000. Быть может, показания эти преувеличены, но несомненно, что в Альпах Виндишланда образовался большой Виндский союз, подобно тому, как за два века до того образовался Швейцарский союз Грютли, а за сто лет Серый союз Ретии.

Вооружившись, крестьяне еще раз послали спросить императорских чиновников, намерены ли они оставить крестьянам их древние вольности? Чиновники отвечали, что сообщат просьбу крестьян императору. Крестьяне послали императору депутатов с письмом, в котором жаловались на чиновников; они описывали, как злоупотребляют чиновники своею властью, как они грабят, мучат и угнетают народ, «обгладывая его до костей» и прикрываясь именем императора. Крестьяне выразили уверенность, что все это делается без ведома его величества, а тем более помимо его приказаний и повелений.

Но и благородные господа обратились к императору, призывая его «против наглости и преступлений мятежной мужицкой толпы».

Император Максимилиан находился в Аугсбурге. Он был рад видеть унижение властолюбивого дворянства этих стран; это соответствовало интересам престола; притом Макс был расположен к простому народу. Он призвал к себе депутатов крестьян и дворянства и с участием, которого не думал скрывать, выслу-

шал жалобы мужиков; затем он при них обратился с очень резкой речью к дворянству. С крестьянскими депутатами он говорил очень дружески и сказал, чтобы они шли назад и передали своим, что он под страхом строгого наказания запретил чиновникам нарушать древние права и обременять народ нововведениями. Но он приказал им уважать его повеления, оставить свою полевую стоянку и разойтись по домам. Император прибавил, что действительно угнетения совершались чиновниками без его ведома.

Когда депутаты возвратились с таким ответом, крестьяне пришли в неописанную радость; они радовались в ожидании милостивой помощи императора.

Но возбуждение умов не прекращалось; необыкновенные явления в природе возбуждали воображение народа: на небе показались три солнца в трех радугах, а по ночам точно огненные полчища сражались в воздухе. Народ считал это предзнаменованием необыкновенных событий. Чтобы понять значение подобных явлений природы для настроения умов простого народа, нужно вспомнить, что даже люди, стоявшие на высших ступенях тогдашнего просвещения, разделяли эти предрассудки; известно, что Меланхтон считал пение трех петухов — предвестием смерти, а появление кометы — предзнаменованием печальных событий, пугался этого и, огорчаясь, искал утешения у друзей.

Но так как народ мирно разошелся, то господа полагали воспользоваться для своих выгод кратковременным сроком до прибытия самого императора. Они неожиданно принялись снова притеснять народ; но это вызвало внезапный общий взрыв народного негодования. Нет сомнения, что господа позволяли себе неслыханные насилия, потому что крестьяне, которые прежде только упорствовали и противились, пришли в ярость. Но истории неизвестно, в чем именно состояли эти насилия; так как все источники, из которых можно почерпать сведения, писаны дворянами и духовенством, то, разумеется, они постарались умолчать об этой стороне дела.

Для дворян настало такое времячко, что, по словам одного из них, они предпочли бы быть мужиками, чем господами. Месть народа длилась с весны до осени 1515 года. В Штирии, Каринтии и Крайне Виндский крестьянский союз был ужасом и бичом дворянства. Но в каждой стране было особое войско, особые предводители и военачальники, в каждой по два старшины, по два прокуратора или оратора и по три помощника их. Подобно швабским ремстальцам, они разослали всюду прокламации, в которых говорили, что собрались ради божеской справедливости и с целью уничтожить все новые выдумки. Особенно яростно мстили крайнцы. Бо́льшая часть крайнских замков была сожжена, и, чтобы стереть с лица земли следы их, разрушили их обгорелые развалины. Ни сильная позиция, ни искусные укрепления не могли спасти дворянские жилища от последствий народного гнева;

уцелевшие были обязаны этим уму или хитрости своих владельцев.

Братья фон Мюндорфы-цу-Майхау были особенно предметом ненависти крестьян, и потому их первых постиг божий суд, наказавший их за их долговременные и многочисленные преступления рукою простого народа. Их сильный замок Майхау стоял на вершине высокой горы, у хребта Ускока в Среднем Крайне; его защищали крепкие стены и башни. При первом взрыве народной мести Бальтазар фон Мюндорф и его брат поспешили укрыться в этот замок; они сознавали, что должны быть первою целью мести крестьян. К ним присоединилось еще 17 человек дворян. В вознесенье крестьяне стали подниматься на гору. Несмотря на отчаянное сопротивление, замок был взят, и дворяне попались живыми в руки крестьян.

Крестьяне стали судить дворян. Головы Мюндорфов слетели первые. Затем топор упал на головы Маркса фон Клисы, последнего из рода Клисса, Каспара Вернекчера и 15 остальных. Трупы их были выброшены за стены.

Как прежде дворяне в Аппенцеле хотели в своей ярости перебить крестьянских жен и детей, чтобы не оставить следов и семени крестьян, так мстительные поселяне в Виндии желали до корня истребить сословие дворян. Жертвою их пали два малолетних сына Бальтазара Мюндорфа. Старая нянька успела спасти его маленькую дочь. Но жена его Марта из благородной фамилии и две дочери ее были принуждены расстаться с своими пышными нарядами и надеть простое крестьянское платье. «Вы достаточно пожили в холе, — кричали крестьяне плачущим женщинам, — попробуйте-ка теперь крестьянского труда; испытайте можно ли притеснять простой народ в противность его древним правам!».

Многие другие земли разделили участь Майхау. Великолепный замок Арх в Нижнем Крайне, возвышавшийся среди цветущих садов и виноградников, был обращен в пепел и разрушен до основания; пал лесной замок Турн на Гардте; пала большая, прекрасная крепость Зауенштейн на отвесной скале, повисшей над Зау; пали неприступные, высокие, окруженные Альпами бурги Рукенштейн, Рудольфсек и Буллиграц, Нассенфус, Нейдэк и Цобельсберг и много других. Почти все эти замки находились в прекрасной, плодородной стране, среди тучных полей, веселых лугов, среди садов с дорогими плодами или на холмах с драгоценным вином. Природа сделала все для счастья и довольства даже беднейших сынов своих; но господа отравили беднякам наслаждение дарами природы и отняли у них все, что они от нее получали. Поэтому во многих замках повторились майхауские сцены; многие благородные владетели были низвергнуты с острых зубцов своих башен и разбились при падении.

Крестьяне в течение трех месяцев разоряли владения своих утеснителей; они не щадили и монастырей. В числе пострадав-

ших дворян был и Иосиф фон Ламберг. Он был храбрый воин, много путешествовал по Европе и обращался с своими крестьянами лучше других помещиков; наука и искусство, с которыми он был знаком, смягчили его чувства. Когда крестьяне осадили его замок Ортенег, он попытался отразить их силою. Но убедившись в невозможности дальнейшего сопротивления, он вступил в дружеские переговоры с народом; его ласковые речи убедили их отступить.

Ему удалось даже вообще остановить волнение крестьян; он удерживал их обещаниями и переговорами до тех пор, пока не собралось небольшое войско.

Дворянство хлопотало о том, чтобы получить помощь от дворян соседних земель. Каринтийское рыцарство, находившееся в лучшем положении, чем крайнское, послало в Крайн 100 человек рейтаров и 400 пехотинцев; отряд этот послужил для прикрытия важнейших пунктов страны. Император до 1516 года равнодушно смотрел на события в горах. Но когда крестьяне, не довольствуясь наказанием виновных, стали нападать на невинных без всякого справедливого повода и жестоко мучили встречных и поперечных, Максимилиан приказал вербовать солдат в Виллахе, Фрейзахе и Клагенфурте (в Каринтии) для подавления крайнских мужиков. Господин Зигмунд фон Дитрихштейн, губернатор штирийский, был назначен командиром этого войска. Восстание в Штирии и Каринтии было подавлено. Дворянство сумело задержать и ослабить деятельность тамошних крестьян и разделить их силы.

Император позвал к себе крестьянских депутатов до начала военных действий; но они не приехали и не хотели кончать дело полюбовно, предвидя, что будут обмануты в своих ожиданиях.

Большинство крестьян прекратили, однако, военные действия; только один отряд в несколько тысяч человек бродил по окрестностям, чтобы сжечь замки. Отряд этот осадил городок Райн, гарнизоном которого командовал императорский офицер Кис Марко, усердно служивший императору в Италии и в других войнах. Будучи доведен до крайности, он сжег городок и укрылся только с шестью рейтарами в замке. Крестьяне проломили первую, вторую, третью стену замка, — тогда Марко отворил ворота, решившись пробиться с своими товарищами через толпу. Но народ подпилил все мосты, проложенные через ров, и начальник города с шестью солдатами упали в ров, где крестьяне добили их.

Беспечно стояли они в лагере, торжествуя победу. Дитрихштейн, проведав об этом, быстро перешел при Петтау Драву с 850 человеками конницы, 5 хоругвями пехоты и несколькими орудиями и атаковал крестьян. Крестьяне были вооружены только луками, мечами, дубинами и кольями и не пользовались репутацией храбрости и воинственности. Поэтому войска без труда рассеяли и разбили их. «Так как дворянство было уже достаточно наказано, а мужики, не довольствуясь этим, продол-

жали безумствовать и неистовствовать, как бешеные, то наступило время их погибели, — говорит один летописец. — Бог отнял у народа сердце; мужики превратились в овец или зайцев, разбежались и рассеялись в испуге, как табун или стадо скота, куда глаза глядят».

Нападение это произошло около михайлова дня. Беглецы подверглись кровавой расправе. «Беглых и беззащитных резали и кололи; всюду стон стоял, потому что убивали всех, кто попадался под руку». Те, кого схватили с оружием в руках, подверглись еще худшей участи. Их четвертовали, сажали на кол, вешали на деревьях целыми дюжинами; деревья покрывались трупами, «как стаей птиц». Дома бежавших за границу сожигались, а имущество конфисковалось. Все крестьянское народонаселение было обложено контрибуцией; на всякий дом наложено по гульдену пени, которая платилась впоследствии еще внуками виновных для увековечения памяти об их преступлении. Месть дворянства была так слепа, что оно вредило самому себе и так разорило и опустошило страну, что крестьяне много лет не могли поправиться В Штирии и Каринтии, где мятеж был прекращен ранее, дворяне действовали гораздо умереннее. Тамошний народ в воспоминание о своем преступном союзе был обложен 8 пфеннигами вечной подати с дома, и подать эта получила название союзного пфеннига (бундпфенниг). Таким образом, и здесь крестьянам не удалось защитить свои древние права и спасти свои вольности. Причиною их неуспеха были отсутствие общего правильного руководства и единства в действиях и планах, доверчивость и беспечность их, вследствие которых они медлили, давали надувать себя и подвергались неожиданным нападениям и, наконец, неспособность их воздерживаться от излишеств и умеренно пользоваться первыми успехами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Причины усиления угнетений

Оружие высших классов одержало победу над сопротивлением простого народа на всем юге империи, от берегов Рейна до Карпат. Казалось, что спокойствие всюду восстановлено.

Ружейные дула, наведенные крестьянами Ремской долины на сердце государя, и развалины стольких замков в виндских Альпах, побагровевшие от пролитой на них дворянской крови, могли служить дворянству предостережением и убедить их воздерживаться от несправедливостей. Были, правда, люди, видевшие

в этих событиях перст божий, трепетавшие за будущее и не обольщавшиеся минутной тишиной; буря исчезла с поверхности, но они слышали ее вой под землею, под своими ногами.

Одна грамота Швабского союза от 1492 года ясно доказывает, что еще в конце XV столетия умнейшие дворяне понимали очевидную опасность, грозившую им со стороны народа, если они не прекратят своих насилий. Король разрешил швабским чинам взыскать с подданных поголовную подать для покрытия военных издержек. Но чины отказались от этой милости. «Дела в Швабии таковы, — отвечали они, — что подданные не могут платить новых налогов, потому что и без того до крайности обременены податями и оброками; дворянство не может принуждать их к новым платам, не подвергая себя опасности лишиться всех своих ежегодных доходов, оброков и податей. В Швабии многие крестьяне свободны, и притом существует древний обычай, что власти не могут взыскивать с подданных ничего сверх обыкновенных доходов, пошлин и оброков. Если бы, невзирая на это, чины вздумали требовать новых налогов, то подданные свергли бы власть и искали бы защиту у других».

Но большинство сеймовых членов не принадлежало к числу благоразумнейших. Легкомысленность и жестокость большинства даже возросли после последних событий.

Главною причиною усиления угнетений было честолюбие и роскошь дворянства, в особенности роскошь, которая в последнее время распространилась повсюду и быстро возросла до высокой степени.

Духовенство исстари вело веселую жизнь, особенно относительно еды и питья; с течением времени роскошь его увеличилась и обратилась на новые предметы. Но высшее и низшее дворянство до последней трети XIV века почти не знало роскоши.

Роскошь проникла в дворянство из городов и из-за границы. Когда вследствие деятельной торговли и промышленности благосостояние городов возросло, с ним возросла и роскошь; ярмарки, сеймы и княжеские съезды, усиливая денежные обороты городов, давали им в то же время случай и повод выказывать богатство своих граждан. Не только городские советники и должностные лица, но и частные люди носили жемчуг на шляпах, фуфайках, штанах, кафтанах и плащах, золотые кольца на руках, серебряные кушаки, ножи и мечи в серебряной оправе; разные платья, шитые серебром, золотом и жемчугами, из бархата, дамаса или атласа, шелковые рубашки, украшенные красивыми складками и золотыми оторочками; шапки, плащи и кафтаны обшивались соболем, горностаем и куницей. Роскошь прекрасного пола была, конечно, еще блистательней. Городские женщины и девушки вплетали чистое золото в косы и локоны, обвешивались золотыми вещами и носили жемчуг, золотые венцы и головные уборы из золота и драгоценных каменьев. Они шили себе платья из драгоцен-

нейших материй, бархата, дамаса или атласа, украшали их золотом и каменьями, обшивали соболем и горностаем и носили парчевые рубашки.

Когда рыцари приезжали на городские празднества, жены их, сидя на коврах, тканных золотом, приготовленных магистратом для приема благородных гостей, встречались с женами и дочерьми именитых граждан; драгоценные наряды горожанок, которые переодевались несколько раз в день, возбуждали в благородных посетительницах зависть и тщеславие. Дворяне не хотели отставать от бюргеров и бюргерфрау и старались даже перещеголять их блеском.

Горожане имели поместья и деньги, дворяне же только поместья. Бóльшая часть владений дворянства состояла из полей, домов, усадеб, отданных в лен крестьянам, которые платили за них оброки и подати. Но обыкновенно женское платье стоило 9 или 10 флоринов, а морген земли только 2 или 3 флорина; 83 моргена хорошей земли, свободной от налогов и десятин, продавались за 400 флоринов. Следовательно, цена предметов роскоши была несоразмерно высока сравнительно с ценою земли и ее произведений. Но пышность нарядов была лишь одной стороной общей роскоши. В то время торговля вносила в империю наслаждения и продукты всех стран, и в то же время искусство и промышленность немецких городов производили самые разнообразные произведения.

В течение нескольких веков многие обстоятельства содействовали расстройству имущественных обстоятельств немецкого дворянства как высшего, так и низшего. Многие роды были разорены подарками церкви и всеми другими средствами, которыми монастыри умели присваивать имущества светских людей. Другие обеднели вследствие раздробления владений и вследствие дурного хозяйства. По предрассудку они не обращали внимания на сельское хозяйство. Самые большие поместья давали владельцам весьма небольшие доходы и притом весьма неправильно. Постоянным следствием этого был недостаток в наличных деньгах.

Нуждаясь в деньгах, дворянин попадал в тиски евреев, монастырей и горожан, у которых занимал деньги и которые притесняли его. Несмотря ни на какие залоги, он должен был платить десять, пятнадцать и даже двадцать процентов, и если не выплачивал в срок, то лишался навсегда залога. Приданое дочерям, снаряжение сыновей на войну и на турниры, праздники принуждали самых бережливых отцов семейства делать большие траты. Но многие считали расточительность необходимою для поддержания дворянской чести.

Таким образом, даже самые обыденные потребности усложнялись, увеличивались и требовали больших расходов; и в то же время многие источники, из которых дворянство доселе черпало свои доходы и средства, уменьшились или совершенно исчезли.

Изобретение огнестрельного оружия потрясло денежные средства рыцарей, лишив его некоторых доходов и принудив его к большим расходам. Во-первых, оно изменило способ ведения войны, доставив решительный перевес над конницей пехоте, которая уже и прежде была очень полезна в бою. Военная же служба за жалованье (в кавалерии) была одним из главных источников дворянских доходов. Пехота, напротив, состояла из крестьян; поселянин готов был служить за гораздо меньшую плату, чем рыцарь. Во-вторых, необходимо было строить в замках более крепкие стены, вооружать их дорогими орудиями и платить большое жалованье артиллеристам; и, несмотря на это, замок, считавшийся прежде неприступным, мог быть легко взят при помощи пушек.

Ослабел и другой источник рыцарских доходов; земский мир и имперские законы ограничили малую войну, т. е. мелкие распри и рыцарский промысел — грабеж кулачного права, возможность добывать поживу нападениями на богатые города. Распри, бывшие для рыцарей в течение четырех веков источником доходов, значительно уменьшились, отчасти сами собою, отчасти вследствие строгих законов против нарушителей земского мира. С половины XV столетия законы эти приводились часто весьма энергично в исполнение, особенно благодаря Швабскому союзу. Таким образом, большая война и малая не доставляли дворянству прежних выгод; придворная служба стоила больше, чем приносила. Чтобы вознаградить эти убытки, оставались наука и сельское хозяйство; но за них взялись весьма немногие.

Чтобы занимать места фогтов, всегда принадлежавшие дворянству, и разные должности в советах и при дворах государей, дворянству приходилось учиться. Государи при выборе советников стали с некоторого времени предпочитать докторов, людей научно образованных, и платили жалованье только им. При таком прекращении прежних источников доходов и при возникновении новых потребностей и расходов дворянством овладела страсть к роскоши и наслаждениям в размерах доселе невиданных и неслыханных. Какое-то безумие, какой-то злой дух овладел в одно мгновение всеми, от императорского двора до последнего чиновника.

При подобных условиях было необходимо все более и более давить и теснить народ, выжимая деньги, уже не из алчности и властолюбия, а для удовлетворения чрезвычайных потребностей

Введение римского права было во многих отношениях вредно для крестьян, между прочим, и в отношении притеснений дворянства. С конца XV века при дворах и в судах государей доктора судили по римскому праву. Головы их были набиты римским законодательством и римскими отношениями, но в древнем германском праве и в старых немецких обычаях они были круглые невежды; свое и иностранное перемешалось и перепуталось в их уме, и своими приговорами они обращали отдельных лиц и целые

общины из свободного в несвободное положение. Это может быть доказано сотнями фактов, как например, Арндт доказал уже это относительно Померании. Эти юристы были ревностными поборниками господских притязаний и нарушений народных прав [1].

Они или не поняли или умышленно исказили и не хотели понять истинный смысл древних германских положений; самое отдаленное сходство между отношениями римской и германской жизни считалось достаточным, чтобы подвести, что угодно под параграфы римского права. Достаточно было найти у оброчников какой-нибудь малейший признак, напоминавший крепостную зависимость, как например, пошлина с покойника, чтобы юристы отнесли их к числу крепостных и подвели под постановления римского права, касающиеся рабства. В тяжбах немецких крестьян за имения в основание принимались римские параграфы касательно арендаторства, и таким образом, извращая право, пользовались для подавления свободы законами, основанными на совершенно иных поземельных отношениях. Вскоре господа только и твердили, что о крепостной зависимости и во всякой тяжбе основывали свои претензии на аналогии с крепостным состоянием. Они стали распоряжаться на своих землях совершенно самовластно и забирали без дальнейших распоряжений все, что доселе общины добровольно давали им по их просьбе и по ходатайству судей; точно так же произвольно распоряжались они на ландтаге, где сочиняли и писали с новоримскими докторами законы и решения, касавшиеся крестьянских дел.

Притеснять подданных не считалось стыдом или бесчестием; набожный биограф графа Иоганна Трухзеса-цу-Зонненберга не затрудняется называть его в одно и то же время жестоким угнетателем своих подданных и благочестивым человеком. Некоторые дворяне до того не скрывали свой деспотизм в отношении крестьян, что один рыцарь любил подписываться: «ненавистник мужиков».

Земледельческое иго стало особенно тяжко в Верхней Германии; впрочем, оно было нестерпимо и в Средней.

---

[1] Es ist ein Volk, das seyndt Juristen,
wie seyndt mir das so söll iche Christen!
Sie thunt das Recht so spitzig bügen
und können's wo man will hinfügen —
Darnach wirt Recht fälschlich Ohnrecht;
das machet manchen armen Knecht.

(Вот каков народ юристы: я думаю, они плохие христиане! Они хитро гнут право и могут сделать с ним, что угодно,— *через них право стало неправым; от них многие стали рабами.*) *Т. Мурнер*, «Плутовская пошлина».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Несколько слов о судопроизводстве в Германии в начале шестнадцатого столетия

В судах заседали дворяне и доктора. Всюду, как и в тяжбе кемптенских крестьян, оправдывалась пословица: рука руку моет. Юристы обращали против крестьян римское право, а дворянские заседатели утверждали, что в сомнительных случаях тяжбу крестьян с помещиками всегда должно решать в пользу последних. В конце XV века сделали кое-что для водворения некоторых судебных реформ, законного порядка и для устройства правильного судопроизводства. Но эти реформы не принесли крестьянам ничего утешительного, потому что новое законодательство имело в виду только дворян и горожан. Были учреждены имперский палатный суд и имперское правление. Но они ни мало не заботились об ограждении прав крестьян и не были им защитой от притеснений помещиков.

В 1498 году на имперском сейме в Фрейбурге в первый раз был поднят вопрос об издании закона, определяющего, в каком случае и куда могут крестьяне жаловаться на князей. Фрейбургский сейм не решил этого вопроса и только через два года на аугсбургском сейме было утверждено за крестьянами право прибегать к правосудию против князей. Однако это постановление не касалось жалоб, подаваемых крестьянами против своих господ; в силу его подданные могли жаловаться лишь на постороннего владетеля, а не на своего. Сейм умолчал о том, может ли крестьянин жаловаться на своего господина; нигде не было сказано ни слова о том, как и к кому следует крестьянам обращаться, чтобы найти защиту от произвола и угнетения своего господина.

Да, бедняку приходилось плохо, если он начинал тягаться не только с своим, но даже с посторонним владетелем! Судебных мест было так много, что он часто не знал, куда нести жалобу. Его таскали по разным судам; то ему отказывали, то снова вызывали, взыскивали судебные издержки; часто его благородный противник или друзья его вовсе не допускали его в суд. Не считая уже потери времени и неприятностей, самое ничтожное дело вело за собой так много издержек, что в сущности крестьянину была недоступна дорога к правосудию. Даже большие имперские города не всегда решались обращаться в суд. Все имперские чиновники были продажны; судьи торговали правосудием; партии интриговали друг против друга, и дела решались в пользу того, кто больше и дольше платил. «В комитете императорского надворного суда, — писал из Вормса депутат регенсбургского городского совета, — заседают столь справедливые люди, что да избавит бог всякого от подобного судилища на том свете».

Истинные патриоты доказывали уже в продолжение целого столетия необходимость государственной реформы и составляли

преобразовательные планы. Имперские советники, горожане и земство чувствовали необходимость правильного судопроизводства и, еще более, государственного устройства, общего для всей Германии. Но эгоизм имперских князей и противоположность интересов мешали осуществлению этих стремлений. Опираясь на имперское рыцарство, на города и крестьян, Максимилиан мог бы создать политическое и национальное единство в разъединенной Германии; он мог бы принудить владетельных князей дать этим трем сословиям право голоса в империи. Но чтобы совершить это, Максу нужно было быть поискуснее и поумнее.

Могущественнейшие князья всего менее желали государственной реформы. Императорская власть сохранила только тень своего прежнего значения. Для ограждения общественного спокойствия было учреждено высшее судилище — имперский палатный суд. Но и эта мера не принесла никакой существенной пользы, потому что князья повиновались его решениям только тогда, когда это было им выгодно. Имперское рыцарство также не обращало на него внимания и называло его оружием сильных против слабых. Города жаловались на несправедливость его приговоров. Для крестьян он был разорителен и совершенно бесполезен, потому что аристократия преграждала всякую возможность наказывать нарушителей земского мира и судебных определений. Восставшие крестьяне требовали единой Германии, под управлением одного главы — императора, и низвержения всех прочих государей; они считали, что реформа эта может совершиться только снизу и притом только силою. Воззрения эти были не инстинктивны, но возникли как результат долговременного ежедневного опыта.

Для сохранения земского мира образовались союзы; чтобы поддержать их, нужно было прибегать к налогам и поборам. В 1515 году сам Швабский союз признал, что главный повод к неудовольствиям крестьян подают частые поборы и походы, к которым он принуждает их.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Настроение умов в народе в 1517 году

Перемена в способе ведения войны была разорительна для подданных, потому что увеличила военные издержки. Имперские чины и члены союза взвалили на подданных все расходы на боевые припасы, по ремонту, и содержанию ландскнехтов. Кроме того, вновь организованная артиллерия потребовала от крестьян большого числа подвод и более тяжелой службы. Таким образом, крестьян угнетали, с одной стороны, рыцари, а с другой — солдаты, жестоко притеснявшие их в мирное время. Солдаты эти были

вновь организованное войско ландскнехтов или ланцкнехтов, которые были очень полезны на войне, но для поселян были вреднее чумы.

Прежде, когда имперские чины и отдельные области не были еще между собою в столь тесной связи, крестьянин имел возможность избегать невыносимых притеснений, перейдя к другому господину. Но, как доказывает пример кемптенцев, они лишились этого права. Точно так же было давно уничтожено право уходить от притеснений в города. Высшие классы крепко связали крестьян по рукам и по ногам, чтобы держать их в рабстве, к которому их принуждали под видом дружественного обоюдного соглашения; все крепче и крепче затягивали они петлю и все кровавее стегали бичом.

Но между крестьянами начали появляться умные и отважные люди. В народе распространялись летучие листки, которые, как молнии, пугали и просвещали. Содержание их было, например, такого рода:

«С ними, право, всякое терпение лопнет. Долго морочили они людей, чванились, рядились и обезьянили. Если взглянуть поближе, так это просто соломенные чучела. Они все кричат о своем величии и могуществе, но видно делишки их плохи, если они взваливают на бедный люд бремя за бременем; ведь известно, как произошли их древние права: нынче выпрашивали подачку, а через год уже требовали ее, как должного. Откуда они взяли, что бог дал им право требовать от нас барщины? В хорошую погоду мы трудимся для них, а в дурную дождь губит в поле все, что мы вырастим для себя своим кровавым потом. Справедливый бог не мог допустить такого ужасного вавилонского пленения; нас, бедняков, гоняют косить их луга, пахать поля, сеять лен, таскать его, стлать, колотить, чесать, мыть, прясть, шелушить горох, копать морковь и спаржу. Упаси боже, чтобы где-нибудь было слыхано о таком бедствии. Они кладут оценку на мозг костей наших, выжимают его, да еще заставляют платить проценты за него. А что делают турнирщики, игроки и обжоры, которые сытее псов, наевшихся до рвоты? За жир их платим мы, наши жены и малые ребята; оттого и нет у нас ни хлеба, ни соли, ни сала. Где они? надо добраться до них, с их ленами и правами. Да будут прокляты они с своим развратом и грабежами. Где тираны и изверги, позволяющие им брать налоги, пошлины и поборы, которые они преступно и позорно проматывают, уверяя, что все идет на пользу страны; и попробуйте-ка не послушаться их! Они поступят с тобой, как с изменником; начнется вешанье, резанье, четвертованье. убьют, как бешеную собаку. В какой главе вычитали они, что бог дал им подобную власть? Какая тут воля божья? Они дьявола слуги, и сатана командир их. А богу будет приятно, когда вытурят этого Моава и Бегемота».

Эти народные жалобы можно счесть преувеличенными; но Эней Сильвий, впоследствии папа Пий II, приводит в своей исто-

рии императора Фридриха III, у которого он служил секретарем, следующие слова австрийских крестьян, будто бы, сказанные ими во второй половине XV столетия камергеру Унгенаду (немилостивому): «Твое высокомерие несносно; но несравненно невыносимее твоя алчность; ты притесняешь всех и превратил мирян и духовенство в оброчников. Ты делал все за взятки. Бедняки платили своей кровью за твои блистательные пиры и лакомые обеды. Ты приказывал приводить к тебе по ночам наших жен и позорил молодых девушек». Эней Сильвий, хорошо знавший положение Австрии и всей Германии, не говорит ни слова, чтобы в этих словах было что-нибудь несправедливо или преувеличено.

Показания всех современников доказывают, что в шестнадцатом столетии дела пошли еще хуже.

Розенблют говорит: «Дворяне увеличивают свои требования, и если крестьяне не хотят исполнять их, то отбирают у них скот». На имперском сейме в Гельнгаузене был поднят вопрос о необходимости облегчить положение крестьян. «Крестьяне до такой степени обременены барщиной, повинностями, налогами, податями и другими тягостями, что дела не могут более продолжаться таким образом». Но дело кончилось словами. В 1517 году на имперском сейме в Майнце императорские уполномоченные требовали от имперских чинов в видах предупреждения народного восстания, чтобы на военную службу брали одного из 50, а не из 400. Но имперские чины отвергли это предложение на том основании, что сельские и городские крестьяне и без того уже разорены дороговизной и голодом. Требование это, говорили они, еще хуже озлобит их и может ускорить восстание. Сейм приписывал повсеместные беспорядки, главным образом, тому обстоятельству, что солдат, непокорных императору и империи, отпускают домой, где они распространяют мятежный дух. Говорили также и о других причинах, волновавших крестьян, но не было предложено никаких мер для улучшения их положения. Таким образом, и этот сейм разошелся, не решив этих вопросов, хотя религиозное неудовольствие начинало уже усиливать в народе брожение, вызванное притеснениями помещиков и чиновников.

После восстания Бедного Конрада народные предводители продолжали, хотя безуспешно, действовать втайне. В 1516 году герцог Ульрих боялся новых волнений, которые могли возбудить бежавшие и изгнанные после восстания Бедного Конрада. При виде каждого крестьянина ему начинали мерещиться ружья и стрелы, направленные против него. Беглецы собирались для совещаний в нескольких пунктах. Многим из них удалось благополучно пробраться на родину: в Вюртемберг, в Брейсгау и в Ортенау.

Неутомимый Иосс Фриц снова появлялся то там, то сям, в Шварцвальде и на верхнем Рейне. Его жена ходила с места на место и сводила его с его старыми знакомыми. Летом 1517 года беглецы и другие недовольные собрались на Книбисе в Шварц-

вальде. Начальство было настороже: всюду шныряли шпионы. Некоторые товарищи Иосса были схвачены и судились в Ретельне. Гохбергский земский судья принялся сечь батогами одного из пойманных. Крестьянин сознался, что один из его товарищей, называвший себя Бастианом — Винным Царем, скрывается в бане в Зуккентале или в Глоттере, что предводитель их (Штоффель фрейбургский?) в Сент-Блазене, а Иосс и еще один (Гиероним тиролец?) в Цурцахе. Но ни один из них не был пойман.

19 сентября 1517 года оберфогт шварцвальдский Ганс Витинген известил фрейбургцев, что получил правдоподобные сведения о возвращении Иосса Фрица, который «снова принялся за свои проделки». Он расхаживал с своими сообщниками по шварцвальдским округам и осмеливался продолжать свои действия и злые замыслы.

Все рейнские города были взволнованы этим известием. Страсбургский совет писал от 26 сентября 1517 года фрейбургскому: «Получив ваше донесение о собрании башмачников на Книбисе, мы немедленно навели справки. Оказалось, что не без того, но, несмотря на некоторые указания, мы не могли еще узнать ничего положительного об их действиях».

Некоторое время разыскивали Иосса и его спутников и подозревали, что «их товарищи, или подобные им находятся в Брейсгау». Но Иосс и его спутники счастливо избежали розысков, и, таким образом, догадки об их местопребывании ничем не подтвердились. С этих пор имя Иосса исчезает из истории. Но посеянные им семена продолжали всходить. Весной 1518 года тоттенауские горцы явились к императору с жалобой на притеснения королевского лесного управляющего. В одном кабаке сидели рудокопы и крестьяне и говорили об этом деле. Один тоттенауский крестьянин, Конрад Огкерс, заметил, что не следует давать себя притеснять и вызвался, если хотят, провести через горы швейцарцев. На это один рудокоп возразил, что «не следует говорить этого, потому что, скажи он это в Фрейбурге, то поплатился бы головой». Крестьянин ударил его в лицо; прочие крестьяне изрядно отдули мужика, не разделявшего чувств своего сословия. Случай этот сочли столь важным, что о нем донесли императору, который приказал в случае надобности отдать дело на рассмотрение инсбрукскому правлению.

Таким образом, росло затаенное восстание. Правительства следили за ним, но не знали его; боялись, но не видели. В это время совершилось событие, давшее перевес религиозному элементу, который и прежде был примешан к политическому. Для политического элемента нужны целые годы, чтобы овладеть немногими сердцами и подвинуть их на самопожертвование, между тем как религиозный энтузиазм быстро увлекает сотни тысяч на всякую жертву и на всякое отважное дело.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Реформация

Здесь не место говорить о самой реформации.

Реформация явилась по вине церкви. Христианство с самого своего начала было католическим, т. е. «религиею равною для всех». Весть спасения была возвещена прежде всего пастухам; бедняки первые услыхали проповедь Христа. Величайшим временем папства было то, когда поддерживаемое общественным мнением оно, по прекрасному выражению Шатобриана, представляло собою «судилище народов перед наступлением политического периода христианства». В то время папство защищало бедных от феодального гнета; в то время оно было главным непогрешимым защитником христиан и ограждало народ от тирании королей. Пока древняя церковь оставалась верна своему назначению, она делала много великого и прекрасного для народа и для государей, для бедных и для богатых, для несчастных и для счастливых.

Но вскоре служители церкви развратились от высшего до низшего; большая часть духовенства отступила в жизни и поступках от принципов первоначальной церкви; церковь не могла помолодеть сама собою; только сила могла произвести в ней этот переворот.

Проснувшийся дух нации высказался сначала в научной жизни и литературе, получившей двойное значение, для науки и для народа. Народная литература была двух родов, поучительная и сатирическая. Сочинения Таулера, Генриха Сузо, Иоганна Руйсброка, Фомы Кемпийского, Иоганна Весселя и др. были исполнены духом реформации; они выражали протест против современного порядка церкви и, хотя действовали медленно, но производили на читателя глубокое впечатление, распространяясь со времени изобретения книгопечатания в массе публики. С другой стороны, насмешка явно восставала на развращенное папство и на пороки своего времени, ведя малую войну за свободу ума и народа. Розенблют, Роленгаген, Себастиан Бранд, Томас Мурнер порицали в своих сочинениях современный порядок. «Рейнеке-Лис» и «Забавник» были народными книгами. Гайлер кезерсбергский проповедывал о «Корабле Дураков» Бранда. Францисканец Мурнер обошел с 1500 года почти все германские округи и грубо, а часто непристойно, но в высшей степени популярно, бичевал пороки всех сословий. Не забудем и язвительного Генриха Бебеля, который осмеивал в кабаках и за столом прелатов слабые стороны церкви и ее служителей. Все доказывало, что ум нации достиг совершеннолетия.

Ульрих фон Гуттен был посредником между популярной и ученой литературой. Он принадлежал обеим. Он и некоторые друзья его, в том числе Рейхлин, производили сильное впечатление своими «письмами темных людей», обскурантов (epistolae obscurorum vi-

rorum), заключавшими в себе карикатуру на современное духовенство[1]. Карикатуры эти делали духовенство столь смешным в глазах всей нации, что папа счел нужным запретить их. Кроме того, Гуттен был одним из блистательнейших представителей возрождавшейся науки; поэтому очень жаль, что большая часть его сочинений написана по-латыни.

Эразм Роттердамский, человек пользовавшийся европейскою известностью, был одно время в большой дружбе с Гуттеном. Вся его литературная деятельность была едкою, хотя тихою, скромною и осторожною оппозициею против современных глупостей. Он обладал тонким юмором, облеченным в легкую и изящную форму, и меткими стрелами его поражал поповщину и монастырщину, которые с ранних лет привык ненавидеть за все зло, перенесенное от них. Воззрения его на религию были крайне свободны, и он смело высказывал их, пока это было безопасно и пока его едкое остроумие смешило даже те классы, на которые он изливал его. Восстановив классическую древность, он сделался распространителем ее и предшественником наступавшего света своим правильным латинским переводом нового завета; этим он заслужил бессмертную славу, которая, несмотря на пятна, покрывающие его светлую броню, должна быть священна для рыцарства нового духа, обязанного ему великой благодарностью. Другим передовым бойцом науки был Иоганн Рейхлин, сын форцгеймского хожалого. В руках этих людей, вечно юных, порожденных духом свободы, произведения классической древности, открывшиеся во всей Германии университеты и книгопечатание — это новое исскуство распространять с быстротою молнии в массах мысли передовых людей — разлили свет и внесли во внутреннюю жизнь той эпохи новые семена развития. Таким образом, аналитический разум разнес и рассеял в немного лет более камней существующего порядка, чем было доселе сделано в несколько столетий; прежние формы религиозной и политической жизни стали казаться устарелыми и порочными.

Чтобы быть вполне беспристрастным, я прерву изложение моих собственных мыслей и буду говорить подлинными словами одного из защитников католической церкви, автора «Лекций и очерков для истории реформации», которого католичество само признает своим лучшим адвокатом.

«Во всех сферах церкви, как в духовенстве, так и в мирянах, как в главе ее, так и в членах, совершались преступления, прегрешения и злоупотребления, которые достигли с течением времени таких размеров, что, наконец, по неисповедимому божескому попущению, восстал мятеж для наказания и покарания грешников»[2].

«Безмерная жадность была господствующим пороком этого времени, когда любовь охладела во многих сердцах. Духовенством

[1] Гуттен никогда не отрицал свое участие в этих письмах, но говорил, что чужд заключающихся в них непристойностей.

[2] *Jarke*, Studien und Skizzen, 1846.

всех степеней и разрядов овладела страсть возвышать до крайней степени церковные таксы, поборы и всевозможные доходы. Такую же алчность выказывали государи и власти, которые в это самое время изобретали свою финансовую систему, и дворянство, обдиравшее и грабившее крестьян. Политика того времени совершенно совпадала с этим пороком всего тогдашнего духовного мира: она основывалась на грубом эгоизме, была совершенно пуста, бездушна и чужда всякой высокой идеи, всякого стремления приблизиться к богу. Развращение нравов всех классов общества, было третьею причиной религиозного распадения. Люди, которые по своему сану или рождению должны бы были служить примером христианскому миру, отличались, напротив того, наибольшею безнравственностью.

Это подтверждается не только историей римского двора незадолго до реформации, но еще больше жизнью духовных германских государей. Революционные движения XVI столетия были следствием этого продолжительного зла. Страшный общественный нарыв созрел и, наконец, прорвался»[1].

Богослужение сделалось для мыслящих людей тягостным, потому что оно стало пустым обрядом, лишенным всякой идеи. Так как дух сомнения был сильно возбужден, а невежество глубоко, то масса должна была притти или к безверию, или к суеверию, или к стремлению к новой религиозной жизни.

Суеверие было в то время сильнее, чем когда-либо. Реликвиям стали снова молиться с глубоким чувством, и пречистая дева почиталась более прежнего. Умные священники охотно удовлетворяли религиозным потребностям этой эпохи, предлагая народу самые странные реликвии и заказывая художникам сотни и тысячи образков и образов. Они продавали молитвенники, чтение которых давало отпущение грехов на целые годы и столетия, а по церквам мадонны творили чудо за чудом. Кельнские доминиканцы вели с императором переговоры об учреждении в Германии инквизиционного трибунала. Игумен Нейгаузенского монастыря в Вюрмсгау, в Швабии сказал, радостно потирая руки при известии о такой победе:«Погодите,мы ещеуговорим людей жрать сено».

Искусство было полезным рабом старой церкви; вдохновленные живописцы и скульпторы создавали в это время свои лучшие произведения. Культ достиг апогея внешней красоты. Все искусства в полном блеске своем присутствовали под сводами церквей, и только теперь достраивались, наконец, хоры, престолы, порталы и куполы храмов, строившихся в течение целых столетий.

Казалось, что средние века хотели еще раз блеснуть тремя характерными чертами своими: верой, поэзией и рыцарским героизмом.

Многих охватил какой-то религиозный экстаз, и вера в сверхестественное возобновилась с новою силою. Хотя представите-

[1] *Jarke*, S. 7—12.

лями поэзии были теперь не трубадуры, а живописцы и ваятели, тем не менее феодальный мир, несмотря на свою грубость и кулачное право, возвысился до понимания высоких идей; мы видим это в рыцарях, как Зиккинген и Ульрих фон Гуттен.

Но все эти явления были предсмертным напряжением сил, последней вспышкой жизни. Несмотря на все усилия средневекового духа спастись от смерти, внимательные люди уже слышали удары топора, которым она, незримая, готовила гроб могуществу феодализма и духовенства. Убранство, которым искусства украшали средневековую церковь, было ее погребальным нарядом; в нем ее должно было постигнуть разложение.

Множество людей предчувствовали и предсказывали приближение нового времени. Снова пришли на память древние пророчества; пронеслись и новые. Были два великие пророчества, на которых останавливалась вера и надежда народа в его мраке и горе, в его тоске и жажде освобождения. Одно предсказание касалось политики, другое — религии. Существовало древнее пророчество: «На Лебединой горе [1] будет некогда стоять корова и так громко мычать и реветь, что ее будет слышно в Швейцарии». Предсказание это обратилось в поговорку и истолковывалось так, что со временем вся Германия сделается, как Швейцария, т. е. также свободна.

Другое предсказание заключалось в словах, сказанных, будто бы, умирающим Гусом или Иеронимом. Слова эти, отчеканенные на гуситской медали, были следующими: «Через сто лет вы ответите богу и мне».

Повсюду ожидали того, который будет человеком божиим и народным и свергнет тиранию папы и попов[2]. Предсказание францисканца Иоганна Гильтена было гораздо определеннее. Перед тем, как его посадили в Эйзенахе в тюрьму, он сказал, ссылаясь на пророка Даниила: «В тысяча пятьсот шестнадцатом году начнут падать сила и власть папы».

Нет ничего чудесного во сне, виденном курфюрстом Фридрихом Саксонским в ночь на 31 октября 1517 года.

Ему снился монах, который писал огромными буквами на стене виттенбергской дворцовой церкви таким чудовищным пером, что оно доставало до Рима и, задевая за корону папы, шатало ее.

Его Лютер три недели тому назад сказал в дворцовой церкви проповедь против индульгенций.

[1] Лебединая гора (Шваненберг) находится во Франконии при Ипгофене, близ Нюренберга и Вюрцбурга, т. е. в сердце Германии.

[2] «Катарина фон Гольцгаузен, старая слепая матрона, вдова Гизельберга, узнав о приезде во Франкфурт Лютера, ехавшего на вормский сейм, велела привезти себя к нему. Она свидетельствовала, что слышала еще от своих родителей, что бог ниспошлет со временем человека для побарания людской суетности. Человек этот не кто иной, как брат Мартин. Да будет над ним благословение божие!» (*Kirchner*, Geschichte von Francfurt, II, 10, Anmerk. M.).

Как ни могущественно влияние на народ умственной силы, но нельзя отрицать, что материальные лишения для него гораздо чувствительнее, чем духовные; как ни больно крестьянину изнывать по духовной пище, но ему еще тяжелее голодать физически, не иметь хлеба на своем столе. Недостаток телесной пищи еще сильнее побуждает его искать перемены.

Непомерные поборы, обманы и грабительства римского двора и духовных владетелей, а также отказ духовенства участвовать в платеже налогов, главным образом, побудили народ к восстанию и расположили его к республике и реформации. Индульгенции и юбилейные сборы, доставлявшие римскому двору чудовищные доходы (во Франкфурте в один год было собрано 1 500 червонцев), не наносили материального ущерба отдельным лицам. Но бесстыдство и грязная наглость, с какими производилась эта торговля, обратили, наконец, на себя внимание, заставили призадуматься и вызвали сомнение, сопротивление [1].

Столь же бесстыдны были обманы странников, которые показывали за деньги перо первой попавшейся хищной птицы, выдавая его за перо из крыла архангела Михаила, или ящики, набитые сеном, будто бы, из яслей, в которых лежал господь; прикосновение к этим святыням они выдавали за лекарство от чумы. Недурны были также финансовые спекуляции прекрасной регенсбургской мадонны. При вакансии епископств римскому двору уплачивались громадные суммы, называемые аннатами. Для уплаты этих сумм подданные облагались новыми разорительными налогами. Это случалось так часто, что высасывало из народа последние соки. Каждый прелат при вступлении в должность должен был внести от 15 000 до 20 000 и более гульденов, и случалось, как например в Пассау, что в восемь лет престол был три раза, а в восемнадцать — четыре раза вакантным; так что в этот срок пришлось платить аннаты 4 раза. В Майнце в семь лет, от 1505 по 1513, архиепископский престол был трижды вакантен, и каждый раз на подданных, и без того уже разоренных налогами, налагался сбор в 20 000 гульденов. Римский двор так дорого продавал прелатуры, чтобы иметь возможность поддерживать свою роскошь и покрывать все свои расходы, что с несчастного народа приходилось сдирать последнюю шкуру. Вследствие всего этого народ пришел

[1] Бернгардин Самсон Миланский, комиссар по индульгенциям. «Этот торгаш индульгенциями был так искусен, что, как сам говорил мне, доставил трем папам в продолжение 18 лет более 800 000 дукатов. Он давал всем, кто просил, за дешевую цену отпущения грехов, разрешение, очищения, восстановления, позволения не ходить к обедне и исповеди, не соблюдать постов, избавление от ада на разные сроки. За противоречие он наказывал строго, так что один член магистрата едва выпросил на коленях прощения за пустые слова. Он преступал даже инструкции своей буллы, действуя, как говорил, на основании словесного приказания своего всемогущего отца — папы». «Если папы обладают такой властью, то они страшные злодеи, потому что допускают несчастные души до таких страданий; на что же выкупиться мужицким душам?» — говорил народ. «Через пять лет, в 1521 году, на всех улицах распевалась песня Никласа Мануэля». Ансельм.

к тому убеждению, что религия духовенства заключается в мирской страсти извлекать из всего деньги.

Духовенство отказывалось в столь тяжелое для крестьян время от всякого участия в общественных бедствиях и налогах на том основании, что светские и духовные законы и священное писание строжайше запрещают обременять его таксами, податями и налогами. Опираясь на это, духовные лица без зазрения совести перебивали у крестьян заработок, занимаясь корчемством, мелочной торговлей и т. д.

Тогда явился сын рудокопа Лютер. Такой высокоодаренный человек, как Лютер, не мог не встретить сочувствия при общественных отношениях того времени. Хотя число врагов его было велико, но еще больше было и таких, которые действовали с ним заодно и помогали ему. С ним были все сыны проснувшегося столетия, все друзья науки, все умные люди того времени; опорой ему была вся нация. Многие видели гораздо раньше самого Лютера религиозно-политическое значение его предприятия.

Император Максимилиан оценил по-своему и с своей точки зрения значение Лютера. «Что поделывает ваш виттенбергский монах? — спросил он курфюршеского советника Дегенгарда Феффингера; — его словами нельзя пренебрегать. Он заводит игру с папами». Он велел Феффингеру сказать курфюрсту: «Берегите монаха, он понадобится». Когда Лютер говорил на диспуте в Гейдельберге, один из профессоров воскликнул в испуге: «Если бы мужики услыхали это, они побили бы нас каменьями!». Лютер довел до слуха народа то, что до сих пор говорилось только в ученых кружках. Он говорил народу со всею силою и прелестью немецкой речи, как не говорил еще никто. Все передуманное и выработанное им в его уединенной келье сделалось предметом разговора в чертогах и хижинах, за княжеским столом и за прилавком кабака. «Доктор Лютер был знаменит тем, что первый нарушил молчание епископов и навязал кошке колокольчик»[1].

Через несколько лет Лютер мог справедливо сказать: «В плотине сделалась трещина, и не наше дело задерживать воду».

Деятельности Лютера придавали значение только религиозной борьбы, как будто в стране, лучшею половиною которой владели духовные государи, религия могла быть в стороне от политики и как будто буря, потрясшая церковь, могла остаться без влияния на государственный строй. Главная цель Лютера была религиозная, но уже в первые два года к ней примешивался политический элемент. Деятельность Лютера разделяется на несколько периодов. В 1517 году Лютер был не тот, каким в 1521 году, а в 1521 году он был не тем, что в 1525 году и впоследствии. Это обыкновенно упускают из виду. Но даже оставив в стороне политические стремления самого реформатора, создание его, реформация, тем не менее имела глубокое политическое влияние. Лютер никогда

[1] Собственные слова Лютера.

сознательно не стремился к политическому перевороту, но обстоятельства были таковы, что церковный переворот должен был необходимо повести к государственному, не говоря уже о том, что религиозные перемены всегда влияют на политические события.

Большинство народонаселения стонало под страшным нравственным и материальным бременем и чувствовало себя униженным, обращенным в вьючное животное, в вещь. Величайшим словом Лютера было возвещение свободы христианина, прекрасное евангельское правило, что христиане — все царского рода, все равно слуги господа; что каждый из них духовная личность, с правом и обязанностью употреблять свои силы на благо общества.

Величайшим делом Лютера был великолепный перевод на немецкий язык библии, ставшей книгой народа, истинной книгой жизни для мира. Если бы учение Христа о том, что все люди братья, дети одного отца и, следовательно, обязаны любить друг друга, применялось в жизни, то оно озарило бы ее солнцем свободы. Эта любовь не допускает ни рабства, ни кастового духа, ни других связанных с ними гадостей.

Долго держали народ в состоянии умственной и особенно духовной незрелости; на невежестве его держался деспотизм. Страшная истина, но тем не менее истина есть то, что деспотизм основывается на невежестве и что невежество есть его неизбежное следствие.

Исторгнув у народа его священную грамоту, библию, легко было уверить его, что деспотизм основывается на священном писании, вытекает из библии и установлен ею. Нельзя отрицать, что лживые толкования священного писания, выдумки и басни, пущенные насчет его в ход, заставили народ видеть в нем кодекс рабства. Ложь помрачила рассудок суеверием и терзала людей во имя божие.

Лютер возвратил народам библию, чтобы они могли руководствоваться ею, изучать ее и выводить свои заключения. Деспотизм не мог уже безнаказанно ссылаться и опираться на нее, как прежде, пока она была недоступна народу.

Таким образом, был сделан первый великий шаг к освобождению; обманы, на которых власти основывали свои притеснения, были обличены. Казалось, что истинно христианский принцип проникает во все жизненные отношения и преобразует религию и государство. Человечество научилось мыслить, и можно было надеяться, что оно не остановится на одном вопросе, но обнимет мыслью все общественные отношения. Стали сбываться пророчества. Все указывает на кровавые движения, писал Эразм в 1522 году. На рождестве 1517 года курфюрст Фридрих, идя вечером в церковь в сопровождении своего двора, увидел на ясном небе, над дворцом, большое блестящее знаменье, в виде пурпурового креста; много прольется крови за религиозные вопросы, сказал он.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Планы Гуттена относительно немецкого народа и восстание Зиккингена

Империя находилась в таком жалком положении, что не одним крестьянам, но и всей нации жилось очень плохо. «Все сословия развращены, — говорит Иероним Эмзер в своем сочинении против нехристианской книги августинца Мартина Лютера. — Положение дел таково, что без серьезной реформы должен наступить страшный суд». Вот что говорили даже противники перемены, которая уже начинала овладевать политической и религиозной жизнью.

Переход из средневекового мира к совершенно новому времени ставил имперское рыцарство в крайне неловкое положение. В нем происходила борьба духа нового времени с дерзким, самовластным средневековым духом, духом кулачного права.

Большая часть верхнегерманского высшего дворянства составила с горожанами Швабский союз для противодействия насилиям некоторых рыцарей, которые, гордясь своим древним баронством, не хотели подчиняться законному порядку.

Сильные государи империи воспользовались для расширения своей власти избранием испанского короля Карла в германские императоры. Новый император Карл V должен был часто и надолго отлучаться из империи в свои многочисленные и разбросанные владения. Во время его отсутствия управление переходило в руки государей, которые получали безграничную власть. Власть их должна была усиливаться, если по истечении срока Швабского союза он не был возобновлен.

В ноябре 1521 года, по отъезде молодого императора, в Нюренберге собралось имперское правление под председательством императорского наместника пфальцграфа Фридриха, а имперский палатный суд усилил свою деятельность. Но имперское правление не имело значения. Против него было низшее дворянство, недовольное тем, что его отстранили от участия в правлении; мелкие государи также относились к нему враждебно. Таким образом, несмотря на учреждение этой новой центральной власти, в империи царствовали беспорядок и несогласие; поэтому было необходимо продлить Швабский союз, о чем особенно ревностно хлопотали герцоги баварские.

В 1521 году последовало возобновление Швабского союза, состоявшего из князей, городов и части дворянетва. Союз этот сам служил лучшим доказательством распущенности в империи законного порядка. Прежде он был заключен для отражения внешнего и внутреннего насилия, подчинен верховной власти и приводил в исполнение ее постановления. Но он уже давно присвоил себе оружием роли обвинителя, судьи и исполнителя приговоров и самовластвовал, не обращая внимания на имперские сеймы, правление и палатный суд.

С 1521 года Швабский союз стал высшею имперскою властью, что испытывали дворяне, не соблюдавшие земского мира.

Таким образом, Абтсберги, Розенберги, Шотты, Берлихингены и другие им подобные соединились для поддержания древнего феодального порядка. Эту стаю волков, забравшуюся в овечье стадо, Гец фон Берлихинген очень наивно называл своими милыми товарищами. Дерзкие рыцари эти грабили на всех дорогах Франконии, Швабии и по Рейну и воевали с городами и духовными государями. Они утверждали, что имеют право поступать таким образом; так как государи и города все более и более стесняют их, а император не хочет защищать, то, по словам их, им приходиться соединиться клятвою на защиту своих древних вольностей и прав против всех, кто вознамерится посягнуть на них.

Они были правы: возрастающее могущество государей, действительно, крайне стесняло мелких владетелей.

Несколько государей стремились подчинить себе тысячи царьков, считавших себя столь же независимыми государями. Баронов оскорбляло, что самоуправство было запрещено низшему дворянству, но позволялось государям; это оскорбляло их тем более, что бедные дворяне, подобно крестьянам, не были ограждены правосудием от притеснений и посягательств на их права со стороны государей. Поэтому они восстали на государей и города под предлогом защитить свои и чужие права.

Такая деятельность имела у некоторых из них характер величественный. Таков был Франц фон Зиккинген.

Эту величественную личность, стоявшую на рубеже двух веков, справедливо называли последним древнегерманским бароном. Рыцарское величие в последний раз ярко блеснуло в нем, анархисте и неограниченном властелине своих владений, чтобы погаснуть совершенно и навсегда. Этот герой, исполненный древней силы и благородства, с которыми, по рыцарскому воззрению, могло уживаться кулачное право и хищничество, отважный духом, с возвышенным умом, счастливый во многих военных предприятиях, он возвел на высокую степень свое богатство и свою славу. Простой дворянин, он победоносно сражался не только с равными себе, но и с большими имперскими городами, с государями и курфюрстами. Французский король Франциск, домогаясь германской короны, просил содействия Зиккингена, ценя его помощь не ниже помощи государей и курфюрстов.

Зиккинген был в империи силою: его именем и его золотом в несколько дней можно было собрать под его знамя довольно значительное для того времени войско. Все низшее дворянство считало его своим главой и вождем, и новоизбранный император Карл V почитал себя счастливым, когда Зиккинген поступил к нему на службу и сделался его главнокомандующим.

Несмотря на свое пристрастие к кулачному праву, этот рыцарь был другом ученых. Он держал при себе двор, как государь, и этот двор походил на маленькую академию. Здесь господство-

вала та свобода мыслей, которая всегда развивается в умных кружках. Ульрих фон Гуттен и Рейхлин внесли с собой дух римских и греческих классиков в любимые резиденции Зиккингена — Эбернбург и Ландштуль. В числе ученых людей, которые окружали его, кроме Гуттена, Дидриха фон Дальберга и благородного рыцаря Гартмута фон Кронберга, державшего библию в одной руке, а меч в другой, были Иоганн Гаусшейн (Эколампадий), Мартин Бусер, Каспар Аквила и Иоганн Швебель — люди, знаменитые в истории реформации. Зиккинген призвал к себе Эколампадия, чтобы «пасти на зеленых нивах божественного слова его домочадцев и служителей — «народец, уже познавший христианское учение». Новые обряды богослужения были введены при дворе Зиккингена в Эбернбурге ранее, чем даже в Виттенберге; Зиккинген находил, что для блага простого народа нужно изменить обычные обряды.

Смелый и свободный юноша Ульрих фон Гуттен, обнимавший своим пламенным сердцем все человечество, имел большое влияние на Зиккингена.

Ульрих фон Гуттен происходил из могущественного имперского франконского рыцарского рода. Дядя его был первым министром при вюрцбургском дворе и играл значительную роль в Вюртемберге. По совету его, отец Ульриха предназначил сына к духовному званию, и одиннадцатилетний мальчик был послан в монастырь. Но в ребенке жил дух нового времени. В 1504 году, шестнадцати лет от роду, он бежал из монастыря незадолго до пострижения, чтобы спастись от духовного звания, к которому принуждал его отец. Он чувствовал себя способным к лучшей деятельности и не хотел хоронить себя под клобуком. Известие о его бегстве до того взбесило его отца, что он отрекся от него и приказал всему семейству прервать с ним всякие сношения. Таким образом Гуттен был исключен из своей знатной семьи и с этих пор принадлежал весь отечеству и народу; гениальное легкомыслие его сменилось тогда серьезностью. С шестнадцатилетнего возраста он остался одинок и не имел ничего, кроме своего пера и меча. Ему пришлось испытывать на самом себе нищету своего народа. Но вдохновлявшая его идея ставила его выше пошлых забот жизни. Он сам говорил, что «божественная истина и всеобщая свобода составляют предмет его глубокой преданности и горячей любви».

Около 1519 года Гуттен познакомился с знатным рыцарем Францем и вскоре стал пользоваться его полным доверием. В это время он отдавал уже себе отчет в своих стремлениях и поступках: ум его был поглощен мыслью о возрождении его народа.

Но и в его жизни была минута колебания. Отец его умер, и он сделался обладателем богатого наследства. В это время он выздоровел от продолжительной болезни, и добрая мать упрашивала его приехать в свое родовое имение и, женившись, поселиться в нем. Но Гуттен не долго колебался: «Мой жребий брошен, — сказал он, — я решился». Он отказался от отцовского наследства

и отрекся от семьи, чтобы быть свободнее в своих действиях и не увлекать ее в свою борьбу, покинул плачущую мать, все надежды на земное счастье и еще решительнее, еще смелее поднял оружие, добровольно обрекшись на смерть за истину и свободу народа.

Он никогда не простил бы себе, если бы предпочел наслаждение в эти печальные дни, среди тогдашних обстоятельств; ему пришлось бы краснеть всякий раз, когда при нем произносилось бы имя Лютера. В Гуттене бодрствовал дух его народа. Гений сына рудокопа укрепил его и усилил его веру в «будущность Германии».

«Проснись благородная свобода!» — таков был эпиграф его первого послания к Лютеру. «Мы все-таки что-нибудь сделали здесь, — продолжал он; — господь за нас, потому что мы способствуем угодному ему делу и стараемся представить его правдивое божественное учение в его настоящем свете и распространить его повсеместно. Вы служите этому делу сильно и беспрепятственно, я же — по мере сил моих. Будьте смелы и решительны, мужайтесь и не отступайте! Будь что будет, но я твердо решился быть верным помощником в вашем великом предприятии, и поэтому вы можете смело довериться мне и открыть мне все ваши планы. С божией помощью мы защитим свою свободу и мужественно избавим наше отечество от всего, что угнетает и обременяет его. Вы увидите, что бог поможет нам. А если бог с нами, то кто же против нас?»

В начале 1520 года он издал несколько диалогов. «К шатрам твоим, Израиль! — говорил он Германии. — Мужайтесь, мужайтесь; вперед, вперед! Да здравствует свобода!»

Это был лучший год его жизни. Чело его горело пламенем пылких надежд и намерений. Он деятельно старался об отделении Германии от Рима и с этой целью искал содействия важнейших политических лиц. Все, в том числе и Гуттен, возлагали надежды на нового императора, который ехал в Германию. Но идеи Гуттена не находили себе сочувствия в Карле, который не понимал духа, пробудившегося в Германии. Вормский сейм разочаровал Германию. «Горе стране, которою правит ребенок!» — говорил Гуттен словами библии. После вормских событий друг Гуттена, Гартмут фон Кронберг, поступивший подобно Зиккингену на службу к императору, отказался от нее, хотя терял через это 200 дукатов жалованья.

Но Гуттен, хотя обманутый во многих ожиданиях, не останавливался; он не терял мужества и не покидал своих планов. Он был убежден, что для возрождения нации и для восстановления империи необходимо уничтожить владычество духовенства и многовластие государей и сделать Германию единою и свободною под управлением одного монарха, облеченного новым величием.

Подобный политический переворот не мог совершиться без кровопролития. Гуттен, хотя был увлекательный демагог, но не имел ни войска, ни владений, ни материальных средств, ни талантов

полководца. Но у него был друг, обладавший всем этим, и потому надежды его, обращавшиеся к высокопоставленным особам, всегда останавливались на Франце фон Зиккингене, как на последней опоре народа.

Замышляя освободить Германию, Гуттен рассчитывал на Зиккингена, Лютера, германское дворянство, имперские чины и весь угнетенный народ. Положение империи было шатко и бедственно. В ней не было ни уложения, ни правительства, ни финансов, ни регулярных войск. Все элементы, некогда собравшиеся для великой жизни, распались или враждовали между собой. Но все предвещало новые великие события. В такое время Гуттен мог смело рассчитывать на успех своего национального и совершенно современного предприятия, начатого им со смыслом и мужеством. Гуттен надеялся на Зиккингена более, чем на всех государей. «Это величайший человек Германии, — писал он с восторгом Эразму. — В Германии давно не было такого человека, и я уверен, что он прославит имя нашей нации». Вскоре Гуттен приобрел полное влияние на рыцаря Франца и убедил его в необходимости проложить одновременно путь политической и религиозной свободе. Он неоднократно приглашал Лютера от имени Зиккингена в Эбернбург. Лютер был доволен, что имеет на всякий случай такое безопасное убежище. Сверх того его привлекала в Эбернбург типография, в которой Гуттен, Кронберг и другие печатали свои сочинения, где смело требовали свободы; но Лютер испугался смелых замыслов этих энергичных людей, когда Гуттен открыл ему эти замыслы.

В первые годы своей деятельности Лютер проникался по временам революционным духом. В конце 1517 года он писал: «Если бешеная ярость их (папистов) не уймется, то, я думаю, лучшим средством против них будет нападение королей и князей вооруженной силой на этих вредных людей, которые отравляют спокойствие всего света. Не словами, а оружием надо прекратить эти проделки. Мы вешаем воров, казним разбойников, сжигаем еретиков; отчего же не обращаем мы нашего оружия против пап, кардиналов, епископов и всей прочей челяди римского содома; почему не истребим мы оружием этих вредных проповедников и не омоем рук в их крови» [1]. Почти во всех первых сочинениях его проглядывают местами, как бы помимо его воли, подобные революционные вспышки.

До 1521 года стремления Лютера удовлетворяли пылкого и решительного Гуттена и согласовались с его видами. Но в конце 1521 года Лютер изменился. Еще в предыдущем году он издал замечательное сочинение, в котором указывал германскому дворянству на бедствия и тягости, обременяющие все христианские об-

[1] Лютер, правда, оговаривается, что слова эти не относятся к тем епископам, которые были вместе с тем германскими государями, курфюрстами и князьями; но, делая эту оговорку, он замечает: «Здесь мы должны предоставить месть богу». Такая оговорка не спасла бы его в нынешнем суде от осуждения.

щества, а особенно Германию, и принуждающие Лютера воззвать к господу о ниспослании помощи несчастной нации. В сочинении этом Лютер требовал уничтожения или преобразования монастырей, подчинения всего духовенства и папы светской власти, отмены налогов, взимаемых в пользу папы, прекращения его светской власти и изгнания из Германии его посольства. Лютер увещевал все христианское дворянство восстать на эти беззакония. «Да поможет нам бог спасти нашу свободу, — говорил он в заключение. — Пусть папа откажется от Рима и от всего, отнятого им у императорской власти, избавит нашу страну от своих невыносимых грабительств, возвратит нам свободу, могущество, богатство, честь, тело и душу и перестанет препятствовать нашей империи быть тем, чем ей следует быть».

Но требуя, чтобы духовенство было лишено светской власти и чтобы создавшие ее религиозно-политические элементы были расторгнуты, призывая к борьбе против папских притязаний, Лютер в то же время хотел, чтобы подвиг этот был предоставлен богу и чтобы все это совершалось без всяких усилий со стороны людей. Странное заблуждение! Как будто духовенство могло без борьбы и насилий уступить свою мирскую власть.

В том же духе Лютер отвечал Гуттену на предложение его мечом проложить путь новому евангелию:

«Я бы не желал защищать евангелие насилием и кровопролитием. Мир был побежден словом, слово спасло церковь, слово и восстановит ее, и антихрист, без насилия достигший господства, будет без насилия низвержен».

Зная историю, Гуттен знал, что последнее ложно. Он продолжал итти вперед без Лютера и думал о том, чтобы произвести политический переворот посредством вооруженной силы. Потеряв содействие самого Лютера, он надеялся на силу религиозного движения, вызванного Лютером. Задуманная им политическая революция была, главным образом, направлена против светской власти духовенства, против которой евангелие представляло самое действительное оружие, потому что оно отрицает ее.

Недовольное низшее дворянство или рыцарство составило против угнетавшего его деспотизма государей обширный союз, главою которого был Зиккинген. Многие рыцари уже приняли новое религиозное учение и были искренно преданы ему; таковы были Кронберги, Шауэнбурги, Фюрстенберги, Гельмштетты, Геммингены, Менцингены, Ландшадены фон Штейнахи и сотни других. Вопрос об уничтожении духовных владений, неизбежно вытекавший из учения Лютера, и о медиатизации светских князей был для рыцарей очень важен. Весною 1522 года Зиккинген созвал в Ландау множество низшего дворянства из Франконии, Швабии и с Рейна. Рыцари заключили между собою клятвенный союз на шесть лет, с мнимою целью взаимно поддерживать друг друга и охранять порядок. Зиккинген был избран главою союза. Но ему хотелось сделаться вождем немецкого народа, германским «Жижкой»,

идеалом его был этот непобедимый герой гуситов. Но союзники сознавали, что их рыцарского меча недостаточно. Поэтому в это же время Гуттен издал к вольным городам Германии манифест, в котором беспощадно обличал проступки, притязания, насилия и несправедливости государей, предлагая городам соединиться с дворянством для ограничения власти их. Целью этого манифеста было склонить города принять сторону дворян или, по крайней мере, соблюдать нейтралитет в предстоящей борьбе дворянства с государями.

Гуттен высказывал в нескольких своих сочинениях мысль, быть может, несвоевременную, но во всяком случае великую,— о соединении дворянства с бюргерством и о совершенном преобразовании общественного положения первого. Высшее и низшее дворянство шли доселе рука об руку с духовенством и дружно притесняли крестьян. Но Гуттен желал соединить дворян с бюргерством, а главное, с народом, чтобы оградить свободу всех от деспотизма государей и духовенства. Он надеялся, что дворянство, лишенное своего средневекового значения, может восстать из своего упадка для новой высокой роли защитника национальной свободы. Впоследствии история Англии оправдала эту мысль Гуттена, потому что свобода Англии есть плод союза низшего дворянства с средним сословием.

Когда, отвергнутый своим семейством, Гуттен скитался одинокий по свету, испытывая страдания нищеты, он сумел возвыситься над предрассудками того сословия, к которому принадлежал по рождению, и полюбить своих низших братьев. Так как крестьян было гораздо легче возбудить к политическому, чем к религиозному восстанию, то Гуттен, имея в виду политический переворот, еще более старался приобресть их содействие, чем помощь вольных городов. Чтобы Германия могла сделаться великою, необходимо было нравственно и умственно возвысить крестьянское сословие и поставить его в благоприятные материальные условия. Желая возбудить в крестьянах чувство мести, Гуттен издал для народа книгу под заглавием «Нейкарстганс», с приложением катехизиса из тридцати параграфов, «в верности которым крепко поклялись дворянин Гельфрих, солдат Гейнц и Карстганс со всеми товарищами». Сочинение это, вполне народное, дышало страшной ненавистью ко всем, кто посягает на совесть, домашнее счастье и карман простолюдина.

Простой народ представлял собою значительную военную силу. Славная пехота, решавшая в новейшее время участь сражений, и знаменитые ландскнехты формировались из крестьян, и многие опытные солдаты возвращались в крестьянский быт, а в некоторых местах случалось даже, что крестьян призывали к оружию и заставляли служить на войне. В последней итальянской войне Гуттен видел под знаменами ландскнехтских эскадронов оберландских поселян и крестьян из Ремской долины при Милане и под Падуей.

Друг Меланхтона, Каммерарий, писал: «Если бы Гуттен имел материальные средства, необходимые для исполнения его смелых замыслов, то ему непременно удалось бы совершить великий переворот, который изменил бы весь строй империи».

В пожаре Эбернбурга погибли все бумаги и документы касательно предприятия Гуттена; поэтому мы не можем судить, насколько вольные города и крестьяне сочувствовали его планам. Сохранившиеся сочинения Гуттена объясняют цель его стремлений, но не показывают, что успел он для нее сделать. Вероятно, он желал, чтобы рыцарство и вольные города восстали и увлекли за собою крестьян. Из слов Зиккингена видно, что Страсбург и другие города, преданные реформации, были согласны на это. На вормском сейме врагов Лютера стращали соединением эбернбургцев с простонародием: я говорю о прокламации, в которой идет речь о 400 союзных рыцарях и 8 000 войска, поклявшихся защищать Лютера, и которая кончалась словами: «Башмак, Башмак, Башмак!»

Можно положительно сказать, что Зиккинген слишком поспешил восстанием и не рассчитал своих сил. Он всегда пользовался любовью народа и мог бы быть душою и вождем великого движения 1524 и 1525 годов и освободить немецкий народ при помощи своего войска и своих военных способностей, если бы подождал еще один год. Мейстер Бальтазар Слер, старый доверенный и верный слуга Зиккингена, говорил ему, что успех его предприятия еще невозможен; но несчастная судьба Зиккингена и его народа увлекала его и Гуттена вперед.

В начале сентября 1522 года эбернбургский рыцарь начал великую борьбу, предводительствуя своим стройным небольшим войском из 5 000 пехоты и 1 500 конницы с достаточною артиллерией. Первое нападение было направлено на Рихарда фон Грейнффенклау, архиепископа и курфюрста Трирского. Предлогом к нападению служило то обстоятельство, что курфюрст запретил двум своим подданным выполнить обязательства, в исполнении которых Франц поручился. Впрочем, в манифесте своем Зиккинген говорит, что объявляет ему войну, главным образом, за его поступки против бога и императорского величества. Но в воззвании к трирским подданным он говорил, что «пришел дать им евангельскую свободу».

Фровен фон Гуттен, обергофмейстер курфюрста Альбрехта Майнцского, участвовал в тайном союзе и секретно помогал Зиккингену. Зиккинген овладел штурмом Санкт-Венделем; 7 сентября он стоял под Триром. Он надеялся, что, пока будет брать крепости архиепископства, к нему подойдут подкрепления, которые набирали в Нидерландах служившие ему рыцари. В походе этом не принимали участия франконские, швабские и верхнерейнские рыцари, что доказывает, что он был лишь небольшим опытом, интермедией, имел целью лишь набрать контрибуции и приобрести добычу для содержания навербованного войска; в случае ус-

пеха предприятия, это, доставив Зиккингену обладание несколькими крепостями, могло быть полезно для предстоявших обширных действий, которые должны были открыться в будущем году.

Но государи догадались о замыслах Гуттена и подстрекаемого им рыцаря Франца. Солдаты Зиккингена говорили странные вещи: «Наш господин будет скоро курфюрстом, и пожалуй чемнибудь и побольше». Нападение на Трир нарушило спокойствие государей. При дворе герцога Георга Саксонского говорили, что имперским князьям уже много столетий не грозила опасность, подобная замыслам Зиккингена. Дело идет к тому, говорили другие, что скоро нельзя будет разобрать, кто император, князь или господин.

8 сентября 1522 г. баварский канцлер Леонгард Экк писал своему герцогу: «Зиккинген возбудил народное восстание. Лазутчики ежедневно доносят, что дело смахивает на Башмак. Если произойдет восстание и крестьяне одержат верх, то рейнские государи заплатят за завтрак, прочие за ужин, а простому дворянству придется расплачиваться на сон грядущий». 8 марта он писал ему уже следующее: «Подумайте, ваша милость, о тревоге, которая теперь повсеместна. Для народа издали книжку, в которой уговаривают его сбросить с себя иго королей, князей и дворянства, которому он подчиняется из страха их тирании, и уверяют его, что этим он сделает прекрасное дело. Все это исходит от злодея Лютера и от партии Франца. Теперь более, чем когда-либо государям грозят Башмак и мятеж».

Когда Зиккинген начал войну против духовных государей Германии, Лютер прямо объявил: «Я знаю, что говорят, будто опасно возбуждать восстание против духовных государей. Я же отвечаю: а что же, если слово божие забывается и весь народ погибает? Если духовные государи не слушают слова божия, свирепствуют, ссылают, жгут, режут и творят всякое зло, то что же с ними делать, как не начать сильное восстание, которое бы истребило их? Если бы оно произошло, то следовало бы веселиться» [1]. В то же время он писал следующее: «Все, кто жертвует животом, добром и честью для разрушения епископств и уничтожения епископского правления, — любезные сыны господа и истинные христиане, противящиеся диавольскому порядку. Всякий христианин должен жертвовать жизнью и имуществом, чтобы положить конец их тирании и радостно попрать всякие обязательства в отношении их, как в отношении диавола. Вот моя, доктора Лютера, булла, дающая всем, кто следует ей, благодать божию. Аминь» [2].

Имперское правление, душою которого были государи, призвало к скорейшему походу против опасного рыцаря всех соседних владетелей. К Зиккингену были отправлены послы с увещаниями. «Приходится еще раз выслушать старую имперскую пес-

[1] *Лютер,* Против сословия, ложно называемого духовным, сочинения Лютера, Иенское издание, II, *Fol.* 120.

[2] Там же, стр. 122.

ню!» — сказал он, когда в его лагерь прибыл имперский герольд. Он принял послов дерзко и насмешливо и отвечал на их увещания, что очень хорошо знает, что император не прогневается на него, если он поприжмет папу и повыжмет из него деньги, полученные от французов. Он сказал им, между прочим, что намерен позволить себе поступок, на который не решался еще ни один римский император, т. е. водворить в империи новый порядок. Зиккинген не согласился предоставить решение его ссоры с архиепископом палатному суду; у меня свой суд, сказал он, из рейтаров, в котором дела решаются ружьями и пушками.

Зиккинген рассчитывал на жителей Трира и на магазины монастыря св. Максимина. Но архиепископ собственноручно зажег монастырь, и Франц нашел только дымящиеся развалины. Архиепископ и его войска, которые он успел во-время ввести в город, держали в страхе низшие классы города, так что Зиккинген никак не мог надеяться на их помощь. Вассалы и солдаты архиепископа храбро защищали городские стены и башни. Таким образом, Зиккинген, надеявшийся овладеть Триром внезапным нападением, наткнулся на непреодолимые препятствия; подкрепления, которых он ожидал, были также задержаны. Рыцарь Реннеберг имел от него поручение вербовать солдат в Клеве и Юлихе, но владетель этих земель угрожал лишением имущества и жизни тем, кто пристанет к Зиккингену. Такое же запрещение было издано архиепископом Кельнским, во владениях которого вербовал для Зиккингена батард де Санбреф. Михель Минквиц шел к нему из Брауншвейга с 1 500 человек, но ландграф Филипп Гессенский напал на него, овладел самим Минквицем и всеми бумагами его и принудил солдат перейти к нему. Подкрепления, шедшие к Зиккингену из Лимбурга, Люнебурга и Вестфалии потерпели такую же неудачу. Между тем, ландграф и курфюрст Людвиг Пфальцский шли против него с значительными силами. От курфюрста Франц никак не ожидал этого, потому что Людвиг был его всегдашним покровителем и первый помог ему возвыситься; он ожидал скорее всего другого, чем того, чтобы курфюрст первый выступил против него на помощь «трирскому попу». Он не мог подвергать себя нападению столь значительных сил под неприятельскими стенами. Поэтому на седьмой день по прибытии к Триру, он отступил, сделав дорогой неудачную попытку овладеть Кейзерслаутерном, распустил бо́льшую часть своего войска и вернулся в свои владения, не преследуемый неприятелем. 8 октября его постигла опала.

Два курфюрста и могущественный ландграф, соединившиеся под Триром, атаковали союзников Зиккингена. Первое нападение было направлено на Кронберг, крепость зятя Зиккингена Гартмута. Один современник полагает, что войско государей простиралось до 30 000 конницы и пехоты. Гартмут бежал, видя невозможность защищать крепость против таких сил и выдерживать огонь. 16 октября крепость сдалась. Неприятель разрушил замок Фровена фон Гуттена Заальмюнстер и занял другие владения его.

Затем он разорил владения двух других товарищей опального Франца — замок Гаузен, принадлежавший Филиппу Вейссу, и замок Рудеккера — Руккинген; даже с Альбрехта Майнцского взяли 25 000 гульденов контрибуции за то, «что он пропустил за Рейн табун лошадей Зиккингена. Это первое, а о прочем нечего и говорить». Прочим союзникам Зиккингена, как графу Вильгельму фон Фюрстенбергу, Эйтельфрицу фон Цоллерну и франконскому рыцарству, месть государей грозила в далеком будущем.

Зиккинген был теперь в таком положении, в каком всегда оказываются вожди оппозиции после поражения. Бóльшая часть его союзников покинула его, другие бездействовали. Ему оставались только верные друзья его Фюрстенберги, Гуттены и лютеранский народ. Наступил 1523 год. Ульрих фон Гуттен отправился в Верхнюю Швабию, Фровен фон Гуттен в Швейцарию — набирать подкрепления; Бальтазар Слер вербовал людей на верхнем Рейне, верный Франц Фосс — в Нижней Германии; даже из Богемии были присланы обещания помощи от рыцарей. Сам Зиккинген укрепился в Ландштуле, где думал запереться и надеялся продержаться 3 или 4 месяца до прибытия союзников.

В конце апреля государи осадили Ландштуль; у них была отличная артиллерия. 30 апреля началось бомбардирование. Стены, только что отстроенные, сильно пострадали от ядер. Когда Зиккинген подошел к амбразуре, чтобы взглянуть на ход осады, неприятельская картечь ударила в стену, к которой он прислонился, разбив ее, отбросила Зиккингена на острое бревно: он упал, оглушенный ударом, смертельно раненый.

Друзья отнесли его во внутренность замка. Очнувшись, он стал жаловаться на медленность союзников: «Где же, — воскликнул он, — мои рыцари и друзья, так много обещавшие мне? Где Фюрстенберг? Где страсбургцы?» Гонец, которого он послал звать Фюрстенберга на помощь, когда государи слишком стеснили его, был перехвачен неприятелем. Вильгельм получил весть о крайности своего друга лишь вместе с известием о его смерти. Ульрих фон Гуттен тщетно старался что-нибудь сделать в Швейцарии: смертельный враг его и всего его дома, Ульрих Вюртембергский, изгнанный из своего герцогства, получил в Швейцарии право гражданства и противодействовал Гуттену. Герцог помнил, что Гуттен унизил его в общественном мнении, обвинив его в тирании, а Зиккинген более всех содействовал его изгнанию.

Франц видел, что подкрепление не может поспеть во-время даже в таком случае, если уже выступило. Он написал государям о сдаче, но они не согласились дать ему свободный пропуск. «Ну, все равно, я не долго буду их пленником!» — сказал он и перед смертью пригласил их в замок. Смерть уже омрачила его зрение, так что он едва узнал вошедших государей. «Милостивый господин, — сказал он пфальцграфу, — мог ли я когда думать, что кончу подобным образом!» На упреки курфюрста Трирского и ландграфа он отвечал: «Теперь меня будет судить более высокий су-

дья». На вопрос своего капеллана, желает ли исповедаться, он отвечал: «Я исповедался богу в сердце моем». Капеллан вознес дары, государи пали на колени у постели Франца и посреди их скончался рыцарь, которому была бы в пору императорская корона. При известии о его смерти, враги его заликовали: «Умер побочный император!».

Но кого могло это известие более всех поразить, как не Ульриха фон Гуттена? Беспомощно блуждал с места на место несчастный беглец по Швейцарии. Он снова был так же несчастлив, как в молодости, и с несчастьем возобновилась его прежняя болезнь. Но благородный огонь, горевший в нем, возвышал его дух над страданиями тела; кипя негодованием, он излил свой честный гнев на Эразма, обвинив его в небольшом сочинении в измене истине, народу, науке и дружбе; но этот энергичный взрыв как будто подорвал его слабый организм; вскоре после того он умер, пережив Зиккингена только несколькими месяцами.

Он умер 35 лет в Фарргофе на маленьком островке Цюрихского озера Уффнау, куда его послал Цвингли. «После него не осталось ничего, — писал Цвингли, — ни книг, ни утвари, ничего, кроме одного пера».

Нет монумента из бронзы или мрамора, который бы указывал путнику место, где почило в сырой земле пылкое сердце друга народа, — сердце, полное свободной гуманности; но только один памятник мог бы быть достоин его, — это тот, над сооружением которого может трудиться каждый из нас и который со временем, наверно, окружит его драгоценную могилу, — это единая, светлая, счастливая свободою Германия.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Люди движения

Из всего вышесказанного ясно видно, что тяготевшее на народе иго было причиною нескольких возмущений еще задолго до реформации Лютера и постепенно подготовляло всеобщее восстание. Реформация только подлила в огонь масла. Несмотря на то, что уже с давних пор весь народ терпел притеснения, ни одно из всех местных восстаний не сделалось общим до тех пор, пока религиозный вопрос не затронул всего общества. Евангелие стало знаменем, под которым угнетенный народ соединился, если не для общего плана, то для общей цели.

Один благородный и умный человек говорил об этом семьдесят лет тому назад следующее:

«Общий религиозный интерес, пробужденный реформацией, сблизил страдавших людей, возбудил во всех неприязненное чувство к несправедливостям, претерпеваемым от иерархической и политической тирании, и вызвал общее стремление освободиться от этого ига. Не было особенной надобности в том, чтобы все хорошо понимали основания истины и права и ясно сознавали цель, к которой стремились; достаточно было сознания, что духовные власти поступают с ними противно справедливости и божественным законам. Реформация распространила идею свободы и пробудила до тех пор неизвестные чувства ожидания и надежды; она сделала любимым занятием, даже потребностью анализ всего того, что люди считали до тех пор святым; смелость, с которою она разбирала религиозные истины и религиозные обряды, дала возможность обратиться столь же смело к исследованию гражданских обычаев и прав; научила людей выше ценить себя и, следовательно, живее чувствовать несправедливости; возбудила пламенное чувство, выразившееся в сочинениях и песнях, которыми утешались крестьяне. Реформация не могла бы возбудить этих порывов без помощи долговременного гнета; но точно так же и дол-

говременный гнет не вызвал бы без помощи реформации всеобщего восстания»[1].

Лютер не принадлежал к числу истинных вождей движения 1524 года, о которых несправедливо говорят, что действия их вытекали из ложного понимания лютеранского учения и евангельской свободы; они не ложно понимали это учение, но понимали его иначе: исходя из тех же оснований, как и Лютер, они пришли к другим результатам, потому что принимали последствия своих оснований.

Точно так же нельзя сказать, что и народ не понимал или ложно толковал евангельское учение, принимая его не только за избавление от человеческого ига в делах веры и за спасение от грехов и смерти, но видя в нем и освобождение от крепостной зависимости.

Нельзя сказать, чтобы простой народ не понял учения Лютера; нет, но он верно понял учение других проповедников, несогласных с Лютером и шедших дальше его; они выразительно и ясно предлагали новое евангелие религиозной и гражданской свободы всем, стремившимся к спасению и освобождению, и доказывали несовместимость крепостного состояния с учением Христа.

В то самое время, когда Лютер начинал умерять свои революционные вспышки, люди, бывшие частью его сотрудниками, частью продолжателями, действовали одновременно с Ульрихом фон Гуттеном и по смерти его, именно в этом смысле. Они делали из слова божия смелые политические выводы. То были люди с сердцем теплым, горячо бившимся за народ; но между ними были и дикие фанатики. Не все приверженцы и двигатели этого благородного и прекрасного дела были столь же честны и благоразумны, как самое дело. В это религиозное и политическое движение втерлись люди, руководимые менее чистыми, даже дурными, побуждениями и намерениями.

В 1521—1524 годах множество воззваний постепенно настраивали народ в революционном смысле. Сущность их всегда состояла в том, что «дела должны перемениться, пора кончить эту комедию; она опротивела и гражданам и крестьянам; все должно измениться». Но живое слово странствующих проповедников действовало несравненно сильнее. Подобно апостолам, странствовали эти люди всех сословий, ученые и неученые, дворяне и недворяне, с места на место, из страны в страну. Точно то же делалось в первые времена христианства; точно то же, когда Гус зажег в своем столетии пожар для истребления всего нечистого и безбожного; точно то же было и теперь с появлением Лютера и его единомышленников. Эти странствующие проповедники были представителями демократического движения. Целью их была революция и основание новой христианской республики. В их проповедях политика

[1] Прелат фон Шмид в новом теологическом журнале 1795 г., стр. 873—882, при разборе сочинения Сарториуса о крестьянской войне.

сливалась с религией. Они разъясняли библейскими изречениями положение народа и современные спорные церковные вопросы. Их любимой темой была беспощадная критика нравов светских и духовных властей. Масса любила всего больше, чтобы «слух ее щекотали криком против богатых и сильных»[1].

Агитаторы были трех цветов: одни затевали только религиозно-церковный переворот, другие имели в виду чисто политический, а третьи стремились к религиозно-политическому, впрочем, более склоняясь к первому. Во всех трех партиях были умеренные и крайние.

С самого появления их до нашего времени на них сыпались со всех сторон обвинения. Нетерпимость виттенбергских теологов, в особенности Лютера, послужила главным поводом к ложному и несправедливому пониманию их. В этом деле Лютер был далек от обыкновенной чистоты своих стремлений и крайне увлекался чувством личной неприязни.

Другие же осуждали их, потому что были неспособны стать на их точку зрения или понять их самобытные характеры и связь их образа мыслей с действиями их. Очень многие нападали на них только из-за какой-то овладевшей тогда всеми страсти клеймить все, что думало иначе в области религии. Многие смотрели на них неблагосклонно за их политические тенденции; одни потому, что считали намерения их неосуществимыми мечтами, другие же потому, что не знали, что равенство всех перед людьми есть такое же основное положение евангелия, как и равенство перед богом, и что истинная религия только та, которая проповедует гражданскую свободу. Но главною виною их в глазах таких людей было то, что они пали, что дело их побеждено и что в нем было много бредней и злоупотреблений, много нелепого и сумасбродного. Им поставили на счет все нечистое и безумное, что было возбуждено поднятым ими движением. Им приписали успехи, одержанные десять лет по смерти их людьми, с которыми они не имели ничего общего.

Осмысленное революционное предприятие строгих демагогов 1524 и 1525 годов смешали с безумной мюнстерской трагикомедией 1536 года; трезвого, при всей пылкости своих речей, мыслителя Томаса Мюнцера с полоумным Боккольдом. Такое непонимание могло бы продолжаться и доныне, если бы было менее исследовано это движение и если бы, наконец, не перестали давать всему известному направлению названия фанатиков и перекрещенцев, опозоренные некоторыми представителями его.

Но пристрастный суд партии и благоговеющей перед авторитетами толпы не есть суд истории; история должна спокойно и свободно судить о побежденных, особенно в религиозно-политической борьбе.

Поражение делает в глазах толпы преступлением то, что победа преобразила бы в геройство. Выигравшего игру прославляют

[1] *Eberlin von Guntzberg*, Vermahng.

за мудрую расчетливость, а проигравшего обвиняют в глупости. История же должна заботиться о том, чтобы должная справедливость отдавалась и праху побежденных. Но трудно объяснять мысли, побуждения и средства участников тайных планов и предприятий; в данном случае это еще труднее. Победители нашли много защитников, побежденные же, особенно из народа, очень немногих и притом очень робких. Но многое можно сказать за этих людей, не одобряя всего, что они делали и как делали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Томас Мюнцер

Первым и главным деятелем в этом отношении был Томас Мюнцер, один из самых смелых и симпатичных людей реформационной эпохи.

Судя о Мюнцере, постоянно упускали из виду его юношеский характер и вследствие этого совершенно не понимали и искажали его.

Мюнцер жил и умер, как юноша. Этим, и только этим, объясняется многое.

Он родился в Штольберге у подножия Гарца между 1490 и 1493 годами [1], повидимому, он рано лишился отца. Существует сказание, что графы Штольберги приказали повесить его отца, бывшего человеком зажиточным [2]. Причина и год этой казни неизвестны; неизвестно даже, произошло ли это в детстве Томаса Мюнцера или, быть может, уже при начале восстания; но, кажется, что если бы Томас Мюнцер был еще в детстве свидетелем такого позора, нанесенного его отцу, и жестокостей, с которыми многие владетели обращались с своими подданными, то в сочинениях и речах его против властителей можно было бы непременно встретить намеки на этот случай.

В нем рано проявились реформаторские наклонности. Он учился прилежно, вероятно в Виттенберге и Лейпциге, и достиг степени доктора. Даже противник его Меланхтон сознавался, что он был очень искусен в священном писании. Он мог при всяком слу-

[1] *Зейдеман*, Жизнеописание Томаса Мюнцера, Дрезден 1842 г., говорит, что он родился в 1490 г., но я где-то нашел 1493 год, показанный как год его рождения; но теперь не могу найти ни источника, ни сделанного из него извлечения.

[2] Manlii Collect., II, 13, 5. Он говорит, что слышал это от Меланхтона; то же говорит Гейерсберг, который также рассказывает это в своем сочинении «Как должно отвечать на заблуждения перекрещенцев»; *Зейдеман*, стр. 1.

чае подкрепить свои слова библейскими текстами. Совершенно независимо от Лютера и от всех прочих вождей реформации Томас Мюнцер начал действовать гораздо раньше и так решительно, что сразу отделился от государственной церкви и вступил с нею в борьбу. Еще до Лютера он считал библию единственным источником познания и религиозного учения. Он полагал, что существование верховного главы видимой церкви и его высших и низших служителей противоречит тому идеалу христовой церкви, который указан в библии.

Еще юношей, занимая место учителя в латинской школе в Ашерслебене, а потом в Галле, он основал тайное общество против Эрнста II архиепископа Магдебургского и примаса Германии, умершего в Галле 3 августа 1513 года. Целью общества было преобразование духовенства. Число членов его было незначительно. В 1515 году Мюнцер сделался священником женского монастыря в Фрозе близ Ашерслебена. Уже тогда он отступал в отправлении своей должности и в служении обедни от догматов римской церкви. Вскоре он сделался учителем брауншвейгской гимназии Мартина; в 1519 году стал снова духовным отцом в Бейтицком женском монастыре близ Вейсенфельза, а в 1520 году проповедником в цвикауской церкви богоматери. Здесь еще энергичнее, чем в Галле и Брауншвейге, начал он проповедывать против «слепых пастырей слепых овец, которые во время своих бесконечных молебствий успевают прибрать к рукам имущества вдов и у одра умирающих думают не о религии, а об удовлетворении своей ненасытной алчности». В проповедях Мюнцер ссылался на евангелие, а богатые цвикауские нищенствующие монахи очень облегчали ему победу над ними. Оратор их, старый монах, говорил с кафедры: «Тот проповедует дурно, кто проповедует только евангелие, ибо этим он противоречит всем человеческим установлениям, которые должно соблюдать прежде всего. Евангелие требует многих дополнений; не должно жить только по евангелию; если бы смотреть на евангельскую бедность, то князья и прочие не могли бы присваивать себе мирские сокровища; как пастырям душ, им пришлось бы быть бедными и нищими».

В то время Мюнцер был в восторге от Лютера. Он надеялся, что доктор богословия и виттенбергский профессор, действуя под покровительством могущественного имперского государя, может одержать более значительные успехи, чем он, в своем незначительном положении в стране, владетель которой был так враждебен всяким нововведениям.

Но вскоре Мюнцер заметил, что Лютер не делает всего, чего он ожидал от него. Лютер не делал ни шагу к тем реформам, которые, по мнению Мюнцера, были необходимы христианам, а именно, полное преобразование государства и церкви и восстановление их на новых основаниях. Мюнцер был твердо убежден в необходимости разрушить старую церковь до основания и уничтожить все существовавшие государственные отношения.

Деятельность Лютера побудила Мюнцера снова обратиться к богословским занятиям. Дух сомнения усиливался в нем. Его уже не удовлетворяла мертвая буква библии. Чем подтверждается достоверность писаний? спрашивал он...

Римская церковь говорила, что только ее догматы непреложны, что она единственная блюстительница истинного учения, в силу святого духа, ниспосланного на нее божественным основателем и пребывающего в ней вовеки веков. Поэтому она требовала, чтобы все безусловно верили ей и слушались ее, как единой и непогрешимой матери, спасающей души от всякого сомнения и беспокойства.

Лютер отрекся от этой видимой церкви, но продолжал держаться многих догматов ее, защищая непогрешимость древнего церковного учения и ставя его наравне с библейским.

Мюнцер видел эту непоследовательность Лютера. Обломки церковного предания, за которые держался Лютер, не имели значения в глазах Мюнцера. Лютер считал их непогрешимыми, между тем как сам отрицал непогрешимость церкви.

Неудовлетворенный богословием, недовольный христианством, Мюнцер бросился в мистицизм.

Он предался чтению средневековых мистиков. Мюнцер был поэт и эксцентрик. Чувствительность и воображение преобладали над его обширным умом. Он читал преимущественно истории о мужчинах и женщинах, которым приписывались лицезрения бога и тайные откровения. Особенное влияние имел на него пророк двенадцатого века калабриец аббат Иоахим.

Пророк этот жил в эпоху, когда сухая схоластика господствовала под именем христианского учения, церковь была предана мирским интересам, а отечество его находилось под игом тирании. Многие были недовольны настоящим и желали лучших времен. Иоахим показал лучшую будущность в мистическом зеркале. Он восстал против злоупотреблений духовенства, проповедывал, что не нужно посещать видимые храмы, предсказывал судный день, когда Христос, взяв бич, погонит из храма продающих и покупающих. Он говорил, что суд начнется с дома господня и что из святилища его изойдет огонь, который испепелит его; затем настанет царство духа и с ним любовь, радость и свобода; погибнет книжная ученость, и дух вырвется на свободу из оков буквы. Евангелие буквы не вечно; форма его преходяща; вечно только евангелие духа; оно исполнит обещание бога, который сказал, что многое следует еще возвестить, но что люди теперь не поймут этого и что потому оно будет возвещено им впоследствии духом, который наставит их на истину. Тогда на земле учредится братская община сынов духа, для которых священное писание в духовном смысле своем будет живою водою, — то писание, которое начертано силою святого духа в книге сердца человеческого. Сыны духа не будут нуждаться в посредниках, дух сам станет их наставником, внутреннее откровение займет место внешнего авто-

ритета, религия сделается чисто внутренним, непосредственным богосозерцанием, раскроются все тайны и сбудется пророчество Иеремии (31, 33, 34), что бог сам будет учителем всех и начертает в сердцах свой закон. И когда явится величество небесное, посрамятся славы земные [1].

Эти идеи, изложенные преимущественно в рассуждениях его о пророке Иеремии и об откровении, написаны с таким глубокомыслием, с таким высоким полетом фантазии великого ума, горящего желанием лучшего будущего, что западали, как искры, в легко воспламеняющуюся душу Томаса Мюнцера, и от этих искр в ней вскоре вспыхнул пожар.

Во время этих занятий он с успехом проповедывал в разных местах. Простому народу нравилось, что он толкует о деятельном христианстве, о христианской жизни, а не о вере, как лютеране. Еще в Штольберге, где он проповедывал, не имея никакой официальной должности, необыкновенное содержание одной проповеди, произнесенной в вербное воскресенье, «заставило рассудительных людей призадуматься» [2]. Что проповедь эта была произнесена в вербное воскресенье, доказывается текстами ее, так как для развития своих религиозных идей он воспользовался рассказом о торжественном въезде Христа в Иерусалим.

Еще в Цвикау он понимал, что церковная реформация должна обратиться в национальную революцию; однако публично он не высказывал этого прямо, хотя не скрывал, что в религиозных вопросах идет дальше Лютера. Он не приписывал большого значения отрицанию папской власти, индульгенций, чистилища, заупокойных обеден и других злоупотреблений. Мюнцер желал больше энергии, хотел полного разрыва с церковью, требовал основания вполне чистой церкви истинных детей божиих, которая имела бы в себе дух божий и управлялась им самим. Он называл Лютера человеком изнеженным, любящим тешить плоть на пуховиках, и упрекал его в том, что для него вера все, а дела ничего, и что он оставляет народ в его прежних грехах. По мнению Мюнцера, эта мертвая проповедь веры вреднее евангелию, чем учение папистов [3]. Он говорил, что нужно чаще помышлять о боге, который и теперь, как прежде, действует на людей откровением.

Вскоре явились люди, утверждавшие, что обладают откровением духа.

---

[1] Подробности об этом замечательном человеке находятся в церковно-исторических трактатах *Энгельгардта*, Аббат Иоахим и вечное евангелие, стр. 32; см. также *Неандлер*, Всеобщая история христианской церкви, т. V, стр. 290.

[2] Шпангенберг у Штробеля, Томас Мюнцер, стр. 12.

[3] Лютер сам писал впоследствии (Соч. Лютера, XIII, стр. 19): «Это учение об оправдании верою заслуживает сердечной благодарности; по нем должно исправиться и жить благочестиво; к сожалению выходит наоборот, и чем дальше, тем хуже. Прежде людьми владел один дьявол, а теперь целых семь. Люди стали скупее, хитрее, себялюбивее, немилосерднее, развратнее, наглее и злее, чем при папстве».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Цвикауские фанатики

Во все времена христианства существовали представления и ожидания какого-то царства святых на земле, основания тысячелетнего царства, которое обнимет собою всех людей в одну божию семью. От первых христианских сочинений в течение многих столетий шли предсказания о гибели мира, о новых небесах и новой земле. Как у древних народов существовали предания о золотом веке, об утраченном счастии рая и печаль о нем, так в сердцах новых христианских народов жила надежда на золотой век, предстоящий впереди, когда в непосредственном величии явится абсолютная держава бога, уничтожит все злое, все препятствующее свободному развитию, введет всех в полную жизнь, в жизнь свободы и равенства, мира и радости, общего счастия. В дни бедствий ожидание это было особенно живо в народе; являлись пророки, возвещавшие приближение желанного царства божия и даже люди, пытавшиеся проложить ему путь и осуществить его.

Всего сильнее выразились эти фанатические идеи и попытки в великом гуситском движении. Учение таборитов продолжало тайно жить в некоторых людях и после своего поражения и не прошло бесследно для Тюрингии, столь близкой от колыбели его. В течение всего XV века в Тюрингии обнаруживалась склонность к мистицизму и фанатизму. Секта бичевальщиков удержалась здесь долее, чем где-либо. Гонения, которым подвергались эти крестовые братья, как они себя называли, за свой фанатизм в половине и даже в конце XV века, костры, на которых их жгли живыми в Нордгаузене, Ашерслебене и Зондергаузене, если и устрашали фанатиков, то не могли истребить их идей в сердцах народа, где они продолжали тайно жить, пока не вырвались наружу с большей силой, чем прежде.

Они обнаружились в первый раз именно там, где проповедывал Мюнцер. Независимо от него и его проповедей в Цвикау среди всеобщего религиозного волнения возникли странные мечтательные фантазии. Подобно прежним крестовым братьям и другим прежним сектам, цвикауские мистики отрицали, между прочим, присутствие в причастии Христа во плоти и отвергали церковные церемонии и священство. Они хвалились непосредственным откровением, небесными восхищениями и видениями и твердо верили этому. Главою этого нового братства был ткач Никлас Шторх. Он верил, что ему предназначено самим небом учредить «тысячелетнее царство». По примеру господа он окружил себя двенадцатью апостолами и семидесятью учениками. Важнейшими из них были Маркс Томэ и Маркс Штюбнер из Эльстерберга. Последний слушал лекции в Виттенберге. На своих собраниях они проповедывали о скором разрушении мира, о приближении страшного суда,

который истребит нечестивых и безбожных, очистит мир кровью и пощадит только добрых, затем начнется царство бога на земле и будет одно крещение, одна вера.

Меланхтон и Карлштадт увлеклись духом цвикауских пророков. «Многое показывает, — говорил Меланхтон, — что в них присутствуют известные духи». Курфюрст Фридрих Саксонский долго боялся действовать против них, опасаясь оскорбить в них орудие бога. Лютер отверг их, но, когда в доказательство своего божественного послания и дара они сказали ему, что он в эту минуту думает, и угадали, что он боролся в это время против сочувствия к ним, то и ему пришлось сознаться, что они обладают сверхъестественными силами. Но он полагал, что силы эти не божественны, а демонические, сатанинские.

История показывает, что в первые времена христианства и в позднейшем развитии его, в особенности во время религиозных гонений и войн, из неисследованной глубины человеческого духа возникали странные, необычайные явления, изумительные проявления духовной и физической силы, увлекательный фанатизм, который, не подлежа отрицанию, считался одними — непосредственным вдохновением бога, а другими — чародейством ада. Видели детей, стариков, мужчин и женщин во всем прочем совершенно обыкновенных, объемлемыми в пылу молитв восторгом. Они начинали говорить пламенные речи о божественных предметах; в движениях их было что-то сверхъестественное; поразительные корчи и судороги предвещали, казалось, будущее.

Мюнцер верил в возможность пророческого дара, верил в духов, которые, по выражению Шиллера, предшествуют великим событиям, но не поверил пророческому призванию цвикаусцев. Он мало говорил об этих «добрых братьях» и не находил со стороны Лютера особенным подвигом «одурачить» и победить их.

Но не веря в их пророчество, он вступил с ними в сношения. Эти ремесленники, большею частью ткачи, могли служить ему ядром его партии и орудием. Мюнцер хотел опереться на рабочие общества. Вскоре к нему присоединились не только ткачи, но и рудокопы. Он открыто принял сторону небесных пророков и с кафедры прославлял Никласа Шторха. Они уже намеревались произвести в Цвикау реформу в своем смысле. Магистрат запретил им проповедывать. Мюнцер утверждал, что должно позволить им это. Действия их становились все возмутительнее, собрания все фанатичнее. Магистрат запретил собрания. Тогда они стали собирать тайные сходки и обнаруживать ненависть к церковным церемониям и к магистрату. Наконец, последний посадил самых буйных в тюрьму.

После такого поступка и убедившись, что сила не на их стороне, они удалились из города. Одни отправились в Вюртемберг, другие в Богемию, в том числе и сам Мюнцер.

Это происходило в конце 1521 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мюнцер в Богемии и Альштедте

Возмутительным проповедям Мюнцера приписывают беспорядки, произведенные два раза в городе суконными фабричными. Противники Мюнцера официально называли его «кровожадным человеком, жаждущим кровопролития».

«Посмотрите, каких дел наделает этот желтый злодей с своим фанатизмом», — говорилось в одной сатире, написанной врагами его 16 апреля 1521 года.

С того самого времени, как он в первый раз начал размышлять и присматриваться, сердце его сильно сочувствовало «позору и бедствиям его народа». Он чувствовал в себе призвание свыше освободить народ и отомстить за него.

Враги его приписывали его деятельность честолюбию. Правда, в нем было честолюбие; его желания парили высоко, сливаясь с его энтузиазмом; но славолюбие не было главным побуждением в его поступках. В душе Мюнцера было много мрачного, дикого, но в этом мраке ярким пламенем горело жаркое чувство любви к народу, к человечеству. Честолюбец и мечтатель, он был честный человек.

Он ненавидел угнетателей народа, светских и духовных владетелей; он считал их развратителями мира, врагами божественного порядка. В христианском духовенстве он видел продолжение «древней тирании, которая мучит людей». Он ненавидел высшие классы, «врагов царства божия на земле, вечного евангелия и спасения, как людей, приносящих человечество в жертву своему эгоизму, сластолюбию и капризам, всячески злоупотребляющих и препятствующих ему развивать свои силы и наслаждаться жизнью». Он не знал ни одного государя, исполненного истинной гуманности; поэтому он ненавидел их всех, как «тиранов», «гордецов, воображающих себя выше всех людей», и считал их «безбожниками».

Чем глубже вникал он в ветхий и новый завет и его мистиков, тем больше казался ему контраст между существующим порядком и тем, чем ему следовало бы быть. Он полагал, что государство должно быть одушевлено духом христианства. По его мнению, общество и его нравы должны быть организованы по учению Христа. Дабы осуществить таким образом христианство в мире, следовало обратить законы царства божия в государственные постановления и равенство людей перед богом в равенство их на земле.

В своем юношеском увлечении Мюнцер забыл, что невозможно сразу произвести такой переворот и что полное равенство вообще неосуществимо. Его влекли вперед страстность его желаний и надежд для народа, его воображение и, быть может, также честолюбивое стремление сделаться освободителем своего народа. Эти чувства вскоре до того овладели им, что он сам не мог дать себе

отчета, действует ли он по личному побуждению или его влечет вперед высший дух, вселившийся в него. Он ожидал основания нового Иерусалима не за гробом, не в будущей жизни, а на земле, на германской почве; царство свободы и радости должно было возникнуть, по его желанию, немедленно, быстро и насильственно. В нем было что-то огненное, неудержимое, насильственное. Он принял безусловно заветы мести и разрушения, данные в библии израильтянам. Революционные идеи аббата Иоахима обратились у Мюнцера в революционные поступки; мистицизм и прорицательство первого сделались во втором фанатизмом, но не к букве догмата, а к мировому благополучию.

Мюнцер был не простым мечтателем, который способен только бредить и мечтать. Он действовал с расчетом, хотя ошибся в нем; он мыслил, рассуждал, создавал планы; он взвешивал шансы и делал дело. Он вложил в свои мечты и предначертания всю свою полную душу, но политический разум его был незрел; поэтому он решился на такое дело, которое было не по силам ни ему, ни его веку.

Из Цвикау он обратился прежде всего в Богемию, эту колыбель учения таборитов. В Праге он издал воззвание на латинском и немецком языках, названное им «Протестом». «Я хочу, — говорил он, между прочим, — огласить вместе с великим поборником Христа, Иоганном Гусом, своды храма новым гимном. Долго голодали и жаждали люди святой справедливости, и сбылось на них пророчество Иеремии: «Дети просили хлеба, и никто не дал им его». Неудивительно бы было, если бы бог новым всемирным потопом снес с лица земли и избранных и отверженных. Многие народы дошли до того, что называют христианскую религию бесстыдным вздором; но это потому, что защитники ее ссылались не на рассудок, а на мертвую букву, твердя: «Так сказал Христос, или св. Павел, или пророки!». Полный скорби и сострадания, я от всего сердца оплакиваю гибель истинной церкви божией; среди развалин ее христианский мир не видит, что его объемлет египетский мрак. Когда народ перестал избирать проповедников, начался обман; с тех пор учение церкви и порядок перестали быть в Германии гласом божиим». «Но возрадуйтесь, — заключает он после страшных нападок на духовенство и учение церкви, — и всходы ваших пашней побелели и готовы к жатве. Небо наняло меня в поденщики по грошу в день, и я точу мой серп, чтобы жать колосья. Голос мой возвестит высшую истину, уста мои проклянут безбожников; я пришел в ваши благословенные пределы, о любезные чешские братья, чтобы отличить и истребить этих безбожников. Не мешайте, но помогите мне. Я обещаю вам великую славу и честь; здесь начнется новая апостольская церковь и изыдет отсюда во все страны мира. Церковь будет молиться не немому, а живому глаголющему богу. Если я солгу в живом слове божием, которое ныне исходит из моих уст, то готов понести бремя Иеремии и предаться мукам здешней и вечной жизни».

Нужно было большое мужество, чтобы высказывать такие речи, из которых мы привели самые умеренные слова, в незнакомой, чужой стране, в большом городе, среди духовенства, снова сделавшегося могущественным. Мюнцер, вполне юноша, полный доверия к себе, безрассудно отважный юноша; у него нет ничего, кроме самого себя, веры в свое предназначение и убеждения, что настало время действовать. Но в Богемии он не нашел приверженцев; его встретили презрением, и он был принужден покинуть эту страну.

Это не поколебало его веры в самого себя и в свое призвание. Если бы им руководило только честолюбие юношеского легкомыслия, то встреченные им препятствия устрашили бы его. Но Мюнцер серьезно желал исправить мир; он бестрепетно помышлял о терновом венце спасителя народов и считал безбожным не желать уподобиться страданиями Христу [1]. Он был готов, как говорил в заключение своего пражского воззвания, пожертвовать жизнью за свое дело; впоследствии он доказал это на деле.

В конце 1522 года он сделался проповедником в Альтштедте в Тюрингии. Здесь он приказал отправлять богослужение на общепонятном немецком языке; он постановил, чтобы в церквах читали не только отрывки из евангелия и посланий, но и все прочие библейские книги и чтобы говорили об них проповеди. Из Эйслебена, Маннсфельда, Зондергаузена, Франкенгаузена, Кверфурта, Галле, Ашерслебена и других городов стекался народ в Альтштедт слушать проповеди Мюнцера, как на богомолье.

Народу нравились его резкие поучения духовенству и светским владетелям. Он быстрыми шагами шел вперед, с каждым шагом все более увлекаясь. Он намеревался даже склонить государей силою распространить новую проповедь.

Мюнцер неоднократно и настойчиво склонял к тому саксонских братьев, курфюрста Фридриха Мудрого и герцога Иоанна. «Драгоценные и любезнейшие правители, — писал он им, — если вы видите и понимаете бедствия христианства, то вами должно овладеть такое же рвение, как царем Иегу (книга царей, 4, 9, 10). Поэтому должен восстать новый Даниил и показать вам откровение, и пророк этот должен, как учит Моисей (Пятикн., 20), стать во главе народа. Он примирит гнев государей и негодующего народа. Господь говорит: Я пришел не с миром, а с мечом. Но на что вам меч? На то, чтобы истреблять и удалять злых, препятствующих евангелию; вот что вы должны делать, если хотите служить богу. Христос воистину приказал (от Луки, XIX, 27): «Возьмите моих врагов и умертвите их предо мною». За что? А за то, что они испортили правление Христа. Противящихся откровению божию следует истребить без всякой пощады, как истребили Гиский, Иосия, Даниил и Илья жрецов вааловых; иначе христианская церковь не возвратится к прежнему положению своему.

[1] Слова Мюнцера в пражском воззвании, у Штробеля, I, 27.

Необходимо во время жатвы выполоть дурную траву из вертограда божия. Бог сказал (Моисей, V, 7): Не жалейте безбожников, разбейте алтари их, рассейте идолов их и сожгите их, дабы я не разгневался на вас»[1].

Теперь он энергично требовал того, на что сперва только намекал, а именно: освобождения от ига буквы не только церковных догматов, но и библии. Он требовал, чтобы библию понимали и толковали с духовной стороны; он даже прямо противопоставил библейскому авторитету святой дух, действующий в человеческой душе, даже просто разум человеческий, который он считал чистейшим и непосредственнейшим источником истины для человечества.

Речи его были полны мыслей, утвержденных ныне рационализмом и спекулятивною философиею; некоторые идеи, наполнявшие его речи, были впоследствии приняты и обработаны пуританами и индепендентами Англии: У. Пенном, Спенером, Цинцендорфом, Сведенборгом, Ж. Ж. Руссо и ораторами и вождями французской революции, которые приобрели себе славу, проповедуя эти идеи[2]. Мюнцер предупредил на три столетия не только политические, но и религиозные воззрения.

Увидев, что государи глухи к его требованиям, Мюнцер обратился с энергичными воззваниями к народу, убеждая его помочь самому себе. Он старался поддержать силу своих слов устройством обществ. Он учредил тайное общество в Альтштедте, которое обязалось торжественной клятвой действовать заодно и основать новое царство божие, царство братского равенства, свободы и радости. Мюнцер считал единственным средством спасти человечество — восстановить первобытное равенство посредством возвращения христианской церкви к ее прежнему характеру. Для этого необходимо уничтожить все, «губящее правление христово», все, что повергает народ в бедствие и держит его в нищете — господ, священников и деспотию буквы; все германские народы, все христиане должны вступить в общий союз, предпринять общими силами борьбу для освобождения всего христианства, самих себя и всего мира. Государей и господ следует также приглашать вступить в этот союз. Должно братски вспоминать о них. Изгонять и убивать их следует только в том случае, если бы они отказались вступить в союз и сделаться гражданами нового царства господня. Все должно быть общим, работа и имущество; каждому следует давать по нуждам и потребностям его[3].

Чтобы распространять свое общество, Мюнцер послал во все германские области доверенных людей, втайне действовавших в его видах[4].

[1] Подлинные слова Мюнцера у Штробеля, стр. 51—55.

[2] *Трейчке*, История Мюнцера в Архиве Всеобщей истории, I.

[3] Показание Мюнцера.

[4] Он рассылает бродяг, прячущихся от света, говорит Лютер в послании к городу Мюльгаузену.

В то же время он издал несколько возмутительных сочинений и для печатания их держал в Эйленбурге своего особого типографа. Эти сочинения и проповеди его сильно распространяли его учение в простом народе. Он говорил почти всегда об одном: о необходимости завоевать для народа свободу и для царства господня власть на земле. Содержание его речей и проповедей было не столько религиозное, сколько политическое с религиозным оттенком; он возвещал наступление нового, гражданственно-счастливого времени, скорое исполнение пророчеств ветхого и нового завета и начало порядка, где не будет ни тиранов, ни барщины, ни мертвого поклонения букве закона, ни духовного рабства, ни каст, где церковь и государство сольются в царство свободных и святых и настанет истинное священство, священство всего рода человеческого. Он вменял каждому человеку в обязанность всячески, словом и делом, содействовать утверждению этого порядка.

Мюнцер был очень красноречив, хотя не такой великий оратор, как Лютер. Речь реформатора, ясная, как солнце, могущественная, мгновенно создающая для каждого понятия настоящее, понятное всем выражение, была несвойственна Мюнцеру. Лишь впоследствии приобрела его речь ясность, когда он ковал своими словами раскалившуюся докрасна революцию; тогда каждое слово его было, как удар молота. Но для массы неясность его выражений вполне выкупалась декламацией, полной пророческого пыла, увлекавшего и оратора и слушателей. Он не только начитался древних пророков, но имел в самом себе их дух и чувство. Кроме прелести устной проповеди, речь его обладала другим блестящим свойством, общим ему с Лютером. Вполне знакомый с священным писанием, он умел выковывать из него орудие для своей цели, громовые стрелы против существующего порядка, против церкви и государства; и когда он гремел с кафедры пламенными текстами и картинами, народ стоял очарованный и в каждом движении уст, в каждом взоре, в каждом движении демократического проповедника узнавал своего пророка.

Так проповедывал он однажды против «идолопоклонства иконопочитания». Богомольцы во множестве посещали меллербахскую капеллу близ Альтштедта. Народ, разгоряченный проповедями Мюнцера, начал делать грозные заявления против часовни. Мюнцер предупредил келейника, ожидавшего в часовне богослужения, о необходимости убраться, чтобы не потерпеть от народной ярости. Келейник во-время послушался Мюнцера; только что он ушел, как пришли толпы альтштедтцев, разбили иконы и сожгли капеллу. В официальных донесениях Мюнцера не называют ни участником, ни зачинщиком этого дела. Герцог Иоанн Веймарский намеревался напасть за это на Альтштедт, жители которого трепетали день и ночь; Мюнцер просил герцога не пугать свой народ из-за картинки. Старшин и нескольких граждан потребовали к ответу в Веймар; но они не пошли и защищались пером Мюнцера, говоря, что готовы пострадать за то, что было сделано в Мел-

лербахе против дьявола; «но, — прибавляли они, — мы не хотим поклоняться меллербахскому дьяволу и отвечать за тех, кто разрушил его».

Фридрих и Иоанн Саксонские прибыли лично в Альтштедт и приказали Мюнцеру произнести проповедь в их присутствии в замке. Он говорил перед ними так же смело, как всегда. Он снова убеждал их истребить идолослужение и ввести силою евангелие. Далее он говорил, что следует убивать безбожных правителей, священников и монахов, называющих святое евангелие ересью, и ссылался при этом на изречения Христа (Лук., 19, Матв., 18, на ап. Павла, I, Коринф. 5). Безбожники не имеют права жить, говорил он; разве только избранные захотят пощадить их (Моис., II, 23); если государи не истребляют безбожников, то бог отымет у них меч. Вся община имеет силу меча, который хочет править сам, и ему дана вся власть на небе и на земле. Земля полна тщеславными лицемерами, и нет ни одного смелого человека, который решился бы высказать истину. Государи и господа — главные лихоимцы, воры и грабители; они присваивают себе все создания, всякую тварь, рыбу в воде, птицу в воздухе, растения на земле,— все должно принадлежать им. Бедным они говорят о божиих заповедях: бог повелел, говорят они, не воровать, но они считают, что к ним самим эта заповедь не относится; поэтому они дерут шкуру с бедного поселянина, работника и всех, кто живет под ними. Если кто воспротивится, отправляют на виселицу, причем доктор Враль приговаривает: аминь! «Господа, — говорил Мюнцер,— сами восстановляют против себя народ. Они не хотят устранить причину мятежей; какого же добра ждать? О, любезные господа, как славно господь переколотит железной палкой старые горшки! Я теперь же говорю, что непременно взбунтуюсь. Прощайте».

Мюнцер считал себя настоящим ветхозаветным пророком, призванным говорить во имя Иеговы там, где все молчат. Он напечатал свою проповедь. Но герцог Иоанн, недовольный ее изданием, велел изгнать из страны мюнцерова типографа. Мюнцер был этим очень оскорблен. Он писал от 13 июля 1524 года, требуя, чтобы ему позволено было распространять между всеми людьми то, что открыто ему свыше, и прося государей обратить внимание на его боговдохновенные речи.

Но ему запретили печатать свои сочинения без дозволения саксонской цензуры в Веймаре. В соседнем имперском городе Мюльгаузене он напечатал одно из самых энергичных сочинений своих. На первой же странице его он говорил, намекая на 23 главу пророка Иеремии: «Любезные товарищи, я хочу порасширить дыру, чтобы весь мир мог через нее увидеть и понять, каковы наши большие Иваны, что это за гадкие чучела». В заглавии он называет себя Томасом Мюнцером с молотом, по примеру Иеремии (24,9): «Не говорит ли господь, что слово его, как огонь и как молот, разбивающий скалы?» Эпиграфом к сочинению он взял два стиха того же пророка с небольшим изменением (1, 10 и 18). «Знай, что я говорю

твоими устами, что я поставил тебя нынче над людьми и над царствами, дабы ты колол, разбивал, рассеивал и опустошал, сооружал и сеял. Воздвигнута железная стена против царей, князей, жрецов на защиту народа. Пусть воюют они; победа чудесным образом погубит сильного, безбожного тирана». В заключение он говорит: «Миру приходится выдержать великий удар; начнется игра, которая ниспровергнет безбожных с престола и возвысит униженных».

Лютер издал против Мюнцера «послание к курфюрсту Саксонскому о мятежном духе». Он просил государей положить конец бесчинствам и предупредить восстание, так как лжепророки не расположены ограничиться словами и обнаруживают намерение пустить в ход кулаки и начать действовать против властей силою. «Кулакам воли не давать или вон из государства! — вот что должны сказать государи пророкам. — Дьявол действует через смятение умов».

Мюнцер упрекал виттенбергского реформатора в намерении отдать церковь, исторгнутую из власти папы, в руки государей и сделаться новым папой. Лютер, говорил он, бранит только бедных монахов, священников и купцов, а безбожных правителей не судит и не наказывает, хотя они ногами попирают Христа и не прекращают своего живодерства и грабежа. Прежде он, правда, бранил и государей и даже еще недавно, в угоду крестьянам, писал, что князья должны поступать по писанию; но виттенбергский папа умеет обделывать свои дела, так что, несмотря на это, не теряет благосклонности сильных мира сего: он дарит им монастыри и церкви, и они вполне довольствуются этим.

Лютер был раздражен против Мюнцера за его нападки на свою особу и свое учение; кроме того, ему не нравились революционные стремления Мюнцера, потому что они могли иметь невыгодное влияние на дело самого Лютера. Меланхтон писал Спалатину: они обращают евангелие на служение мирской политике. Лютер написал официальное послание саксонским государям, советуя им «противиться духу мятежа». Еще прежде он и Юстус Ионас устно и письменно обвиняли Мюнцера перед курфюрстом Саксонским и его канцлером Брюком. Но главным обвинителем был герцог Георг Саксонский. Мюнцер написал подданным герцога, жителям Зондергаузена, письмо, которое герцог называл возмутительным. Мюнцер же утверждал, что он увещевал зондергаузенцев только твердо стоять за евангелие и восстать против врагов евангелия. Другие владетели, а именно Фридрих фон Вицлебен и граф фон Мансфельд, также подали жалобы.

Подданные Вицлебена послали к Мюнцеру послов с жалобой на своего господина, который хотел запретить им слушать евангелие, хотя они были согласны платить ему оброк и отправлять повинности; они спрашивали Мюнцера, хорошо ли будет, если они заключат союз против своего господина, который наложил на них взыскание за посещение проповедей Мюнцера и не допускает их к евангелию. Такие же жалобы и вопросы прислали к нему кре-

стьяне и рабочие Мансфельдской области. Мюнцер отвечал им, что они могут заключить союз для слушания евангелия. Один член альтштедтского тайного общества, Николь Рюгкерт, донес о союзе саксонским государям. Услышав об этом, Мюнцер, которого государи приглашали в Веймар, издал сочинение с эпиграфом: «Расширяй дыру, чтобы все могли видеть, каковы эти большие Иваны». Сочинение заключало в себе нападки на «безрассудных» государей, преграждающих евангелию путь. В заключение повторялось пророчество: «Настало время великого удара, который унизит их, и удар этот поразит весь мир».

Он мужественно явился в Веймарский замок совершенно один. Его обвинили в возмутительных происках. Он опровергал и в то же время подтверждал обвинение. Когда, по обычаю того времени, проповедник доктор Штраус и нищенствующие монахи вступили с ним в диспут в присутствии курфюрста и герцога Иоанна, Мюнцер, прямо и откровенно сказал им: «Если Лютер и его товарищи не хотят итти дальше нападок на священников и монахов, то им не следовало и браться за дело».

Он ловко защищался против многих обвинений, основанных на его проповедях и сочинениях: при его знании библии ему легко было прикрыться цитатами из нее, так как эти государи весьма почитали ее. Курфюрст уже сказал однажды, что скорее возьмет посох и уйдет из своей земли, чем поступит против бога. И на этот раз также добродушный государь решился предоставить дело на суд бога. Герцог Иоанн и советники пригрозили Мюнцеру изгнанием.

Вероятно, борьба была тяжела для Мюнцера. Выйдя из замка, он был бледен, как смерть. «Ну что?» — спросил Мюнцера его друг рентмейстер Ганс Цейс. «Да то, — отвечал Мюнцер, — что мне придется отправиться в другое государство». Под воротами его окружили конюхи с криком: «Где же дух твой и твой бог?» Каноники также вышли из замка смеяться над ним. Он отвечал им презрительным молчанием и пошел в Альтштедт. Едва пришел он туда, как его встретили новые опасности. Герцог Георг Саксонский требовал его выдачи. Георг грозил, что расправится сам, если курфюрст ничего не сделает. 16 августа курфюрст издал альтштедтскому совету строгое повеление удалить проповедника из города. В городе еще прежде распространился слух, что хотят схватить Мюнцера и выдать «злейшим врагам евангелия». Узнав об этом, он надел панцырь, шлем, щит и взял алебарду и на ночь окружил себя друзьями для безопасности.

Магистрат, как верные подданные, «более уважал присягу и обязанности свои, чем слово божие», и не заступился за Мюнцера; убедившись в этом, Мюнцер понял невозможность оставаться далее в Альтштедте и в ту же ночь удалился из города. Он отправился в соседний имперский город Мюльгаузен. Лютер спешил предостеречь мюльгаузенский совет против Мюнцера и его учения, советуя ему не терпеть в городе ни пророка, ни его проповедей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мюльгаузен и Гейнрих Пфейффер

Мюльгаузен в Тюрингии был сильно укрепленный город с 10 000 жителей; в его округе было двадцать местечек и деревень. В 1523 году «на небе показывались чудесные знамения, а в позднюю осень вторично цвели розы и деревья»; в том же году в этом имперском городе начались народные волнения.

История волнений, происходивших в этом городе, рассказывалась в течение трех столетий, так что по этому можно судить, до какой степени искажена история германского народа писателями, или умышленно извращавшими ее, или бессмысленно повторявшими чужие вымыслы. События, совершившиеся в Мюльгаузене в год, который можно назвать временем родильных мук реформации, и давшие этому городу важное значение не только в германской, но и во всемирной истории, искажены умышленно так, что такое же искажение можно предполагать и относительно других фактов. Извращали факты, лгали, хотели истребить все следы истины, уничтожали с этой целью акты и источники, которых нельзя было исказить. В новейшее время ложь, распространенную об истории Мюльгаузена победившею партиею, рассеял человек, любящий истину и отличающийся проницательным духом исследования [1].

Один мюльгаузенский гражданин, Гейнрих Пфейффер, называемый также Швертфейером и отличавшийся высокими дарованиями, был монахом в монастыре Рейффенштейне в одной миле от Мюльгаузена; он действовал по примеру Лютера. Сначала он проповедывал новое учение в Эйхсфельде. Здесь он встретил препятствия и претерпел гонения, потому что область эта находилась под властью духовного государя, курфюрста Майнцского. Непоколебимый и энергический Пфейффер возвратился оттуда на родину и начал более решительно действовать против старого порядка.

Надев гражданское платье, он сделался народным проповедником в Мюльгаузене. Первый шаг его на этом поприще возбудил сильное внимание народа. Это было в воскресенье, в мясоед. По обыкновению глашатай возгласил с высокого камня пиво и вино; едва он сошел с камня, как на него взошел Фейффер: «Послушайте меня, граждане, — воскликнул он, — я возвещу вам другое питье!». Затем он начал проповедывать на текст евангелия о блудном сыне, браня духовенство, монахов и монахинь. Присутствующие внимательно слушали, и когда в заключение он сказал, что будет проповедывать на том же месте на следующий день, народ начал сбегаться к нему со всех улиц. Городской совет позаботился

[1] Человек этот — штадтрат и архивариус Ф. Стефан, ныне умерший. Исследования его в городском Мюльгаузенском архиве, имеющие большую важность, были сообщены мне в рукописи племянником его, мюльгаузенским пастором Стефаном. Ученый этот представляет собою прекрасный пример самоотверженной любви к истине, что встречается редко в германских ученых.

об общественном спокойствии и пригласил его в ратушу. Пфейффер отвечал, что не может прервать проповеди, но что, окончив ее, придет. Кончив проповедь, он пошел к ратуше, но его окружала такая толпа приверженцев, что магистрат не осмелился постановить что-нибудь против него. В следующие недели Пфейффер продолжал ежедневно проповедывать в церкви богородицы. По мере того, как усиливалась энергия его проповедей, возрастал энтузиазм к нему народа. Магистрат снова потребовал его к себе. Имея за себя весь народ, он стал смелее и потребовал от магистрата ручательства в безопасности; получив отказ, он снова вступил на свою каменную кафедру. «Кто хочет держаться евангелия, — воскликнул он, — пусть подымет пальцы!» И все руки поднялись; мужчины и женщины, юноши и старцы подняли пальцы, показывая, что клянутся в верности евангелию. Они клялись устами и знаками, а он, взирая сверху на эту торжественную присягу тысячей народа, просил его разойтись, взять оружие и приготовиться к бою, собравшись на кладбище церкви богородицы. Все наперерыв бросились исполнять его просьбу; когда народ, вооружившись, снова собрался, была избрана депутация и отправлена к магистрату просить проповеднику охранительной грамоты. Магистрат очутился в большем затруднении, чем прежде.

Между тем, как большая часть мюльгаузенских граждан с восторгом приветствовала евангелие, городская аристократия держалась за старый порядок. Церковная реформа вредила ее выгодам. Подобно другим городам, Мюльгаузен находился под гнетом аристократии; в этом вольном городе истинно свободных граждан было не более девяноста шести человек. То были городские советники, в число которых выбирались только патриции. Прочие имперские граждане города были законом обязаны к слепому повиновению, и совет мог поступать с ними несправедливо, деспотически и жестоко, тогда как они не имели никаких средств избежать насилия; было невозможно найти защиту против совета и его привилегий.

Германия нуждалась в реформе как церковной, так и политической, и особенно нуждался в ней город Мюльгаузен. Но по той же причине аристократические семейства противились церковным преобразованиям, потому что перемена в церковном порядке могла повлечь за собою переворот в политическом.

Когда приверженцы Пфейффера приняли в отношении совета столь грозное положение, совет на время уступил, но вскоре снова одержал верх. Приверженцы его вытеснили Пфейффера из церкви богородицы и принудили удалиться в предместье св. Николая.

Препятствия не устрашают таких людей, как Пфейффер, но побуждают к дальнейшим действиям. Во всей Германии сопротивление людей старого порядка способствовало успехам революции. Отказ на первые умеренные требования побудил тех, которые предъявили их, итти далее, и вожди народа пользовались этим.

Пфейффер, которому запретили говорить в церкви богородицы религиозные речи, начал говорить политические; предметом его проповедей стал гражданский быт народа. Он открыл гражданам глаза. На первый план выступила политическая реформа.

В том же смысле действовали с ним заодно другие монахи, Иоганн Ротмелер, Иоганн Келер, бывший в сношениях с Лютером, и мейстер Гильдебранд. Гильдебранд пришел в город в воскресенье недели милосердия. Он пришел в церковь св. Иоанна и пожелал произнести в ней проповедь. Совет запретил. Он пошел, окруженный толпой народа из города в предместье на Плобах, вошел в дом Каспара Фербера и начал проповедывать на улицу.

Пфейффер имел в виду только преобразовать совет, а не передать власть черни. По предложению его, место общинного совета занял в магистратуре городской комитет, а в администрации восемь начальников кварталов, называемые «Восьмеро». В своих преобразованиях Пфейффер обращал внимание только на городских граждан, а не на мещан из предместий и крестьян из округа. Он желал только доставить всем гражданам участие в администрации. Но так как магистрат противился требованиям Пфейффера и его друзей, то он мог вынудить у него согласие только при помощи мещан из предместий и городской черни. Магистрат должен был заключить договор, по которому остался в должности, и только самые тяжелые злоупотребления его были отменены; был открыт путь для прогресса в развитии общинного быта; граждане освободились от ига и получили законное участие в важнейших вопросах политики и администрации, так как «Восьмеро» защищали их интересы в городском совете и имели право veto. Для себя Пфейффер не выговорил ничего; было определено только, что евангелие может беспрепятственно проповедываться и что устарелые священники немецких орденов будут заменены хорошими проповедниками.

«Договор этот, — говорит Ф. Стефан, — есть славный памятник на опозоренной гробнице Пфейффера».

Но партия совета, городское дворянство не думало серьезно уступать свои преимущества; оно уступило необходимости с намерением при первой возможности возвратить потерянное. Так как все предвещало, что победа народного дела будет прочна, то под впечатлением первого удара даже самые старые советники стали колебаться, думая, что не лучше ли будет принять сторону победоносной партии, дело которой имело за себя истину и все человеческие права, и помышляли стать во главе нового движения. Важнейшим из них был доктор Иоганн фон Оттера, занимавший влиятельное место городского синдика, человек ученый и мудрый, но бесчестный. Политике его следовал бургомистр Эбергард фон Бодунген.

Политические отношения государей и городов были причиною того, что совет уступил требованию народа, не обратившись к содействию соседних государей, с которыми был связан обоюд-

ными оборонительными договорами и к помощи которых против народа так часто обращался прежде.

Государи были всегда врагами республиканской Швейцарии. В последнее время они перенесли эту вражду и на республиканский элемент немецких городов, развившийся среди господства монархического принципа как нечто враждебное ему; прогрессивное развитие городов казалось государям препятствием для развития их власти. Республиканский принцип городов был действительно враждебен многовластию государей: подобно дворянству империи, города желали падения державных прав всех государей, кроме одного императора. Кроме того, богатство городов было приманкою для государей, которые желали подчинить их себе и при случае обращали вольные города в подвластные. В это время обстоятельства приняли такой оборот, что городская сила стала слабеть, а монархическая власть возвышаться.

Даже лучший из тогдашних государей, Фридрих Мудрый Саксонский, неоднократно простирал руку к Мюльгаузену и к его имперским правам. Притом мюльгаузенский совет полагал, что имеет право основательно подозревать брата курфюрста, герцога Иоанна Веймарского, в способствовании восстанию мюльгаузенских граждан с целью извлечь для себя пользу из раздоров патрициев с простыми гражданами [1]. Видя, как опасно допустить саксонских государей вмешаться в городские дела, совет не призвал на помощь ни курфюрста, ни герцога, несмотря на старые договоры.

Вскоре городская аристократия Мюльгаузена оправилась и изгнала Пфейффера.

Герцог Иоанн Саксонский ходатайствовал перед советом о возвращении Пфейффера в город. Совет не согласился. Но в конце 1523 года Пфейффер был снова в Мюльгаузене. Борьба партий продолжалась с возрастающим жаром. Старые орденские священники были изгнаны, а новый, присланный орденом из Веймара, Иоганн Лауэ, был сам горячий приверженец преобразований. «Он попирал святыню вместе с злоупотреблениями; это было крайне легкомысленно, если не делалось с умышленной целью раздражить народ»[2]. Волнения, возбужденные им, обращались не на мирские предметы, а на незаменимые произведения искусства, украшавшие церкви. В Мюльгаузене, как в Виттенберге и других местах, началось варварское иконоборство.

Все символы древней религии, в которых благочестивые живописцы и ваятели набожных средних веков прекрасно выразили тайны и глубокие идеи религии, были истреблены в Мюльгаузене без внимания к тому, были ли то художественные создания, чудеса артистической фантазии и творческой силы или дрянная работа маляров; все было истреблено, как «истуканы», как «идоло-

[1] По открытиям, сделанным архивариусом Ф. Стефаном в Мюльгаузенском архиве.

[2] Слова Ф. Стефана.

поклоннические кумиры», так называли их ревнители новой веры, особенно юношество. Одичалые от старой лжи, разгоряченные новою проповедью, они не знали, что в искусстве есть своя святость, в красоте свое величие, как и в свободе.

Пфейффер не нападал на образа, а действовал против злоупотреблений администрации. Совет продолжал противиться его светско-духовным преобразовательным планам. Главою городского дворянства и старой партии был Родеман. Народ принудил его и его друзей бежать из города. Однако Пфейффер не пользовался полным влиянием между гражданами внутреннего города. 24 августа 1524 года совет даже изгнал из города его и бывшего монаха Матвея фон Альдислебена, и община уступила просьбам совета. «Мы изгоняем его не потому, чтобы он противился слову божию,— говорил совет, — но для предупреждения больших бедствий и опасности». Тогда Пфейффер привлек к своим интересам предместья, которые доселе забывал и которые были угнетены несравненно более горожан. Мещане не хотели оставаться долее без прав. Пфейффер обратился и к окружным крестьянам. Они собрались, и Пфейффер пригласил их принять участие в движении предместий; в то же время совет призвал их против восстания, вспыхнувшего в Николаевском предместьи, прилегающем к городу. Вместо того чтобы обратиться против предместья, крестьяне хотели также улучшить свое положение, что было обещано им проповедником нового учения. Они представили совету двенадцать параграфов, составленных Пфейффером.

Эти двенадцать параграфов доселе еще не отысканы в Мюльгаузенском архиве, ни в подлиннике, ни в списке. Вероятно, это те же самые, посредством которых Томас Мюнцер собрал впоследствии свое войско при Франкенгаузене.

Параграфы христианского собрания в Франкенгаузене заключали в себе следующие требования: должно продать все поля, виноградники и луга, принадлежащие церкви, и все монастырские имущества и подчинить их законным повинностям. Всякие повинности, отправляемые графам и дворянам, должны быть отменены. Должно отменить все подати, десятины и барщины как светские, так и духовные, исключая тех, которые существуют долее двухсот лет. Пруды, пастбища и охотничьи промыслы должны быть собственностью общин, и каждый может пользоваться ими по мере надобности. Граждан и крестьян не должно подвергать аресту и каким бы то ни было насилиям, кроме тех случаев, где совершено уголовное преступление. Но и виновных следует наказывать кротко и человечно. Не должно никого брать под арест в его доме. Городской совет должен избираться и утверждаться гражданами, которые могут смещать его; в совете должны заседать депутаты от граждан, и правительственные дела должны решаться им с согласия депутатов.

Последний параграф доказывает ясно, что эти двенадцать параграфов те самые, которые Пфейффер составил для мюльгаузен-

цев. Параграфы Пфейффера послужили образцом для знаменитых параграфов Верхней Швабии: их перенес в Верхнюю Швабию сам Пфейффер с Мюнцером.

После победы, одержанной в городе партией Пфейффера 27 августа 1524 года, приверженцы совета снова восстали 25 сентября того же года. Поводом к перевороту послужило, кажется, прибытие в Мюльгаузен Мюнцера. Мюнцер держался низших классов и имел мало почитателей между гражданами. Граждане, главою которых был Пфейффер, не могли итти за Мюнцером, действия которого противоречили их целям и интересам. Поэтому народная партия ослабела вследствие раздора; городское дворянство принудило общины при помощи императорского повеления изгнать Мюнцера, а затем и Пфейффера.

Николаевское предместье восстало за них; но это не могло помочь им. Мюнцер пробыл в городе только пять недель и служил орудием Пфейфферу. Пфейффер был умнее Мюнцера, он лучше умел владеть пером и вести практические реформы, чем служить народным трибуном; он воспользовался пламенной речью Мюнцера для умножения своих приверженцев и для проведения своих планов и целей.

Но волнение «всякой сволочи» — мюльгаузенских и эйхсфельдских крестьян — возбудило в большинстве мюльгаузенских граждан беспокойство за начала собственности и за свои доходы[1].

Таким образом Мюльгаузен в Тюрингии был ареною, где разыгрался пролог великой крестьянской войны: первый акт ее был сыгран в бамбергском городе Форхгейме. Многие граждане, преданные Пфейфферу и Мюнцеру, вышли вместе с ними 27 сентября из города; Пфейффер и Мюнцер отправились во Франконию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Движение в Форхгейме и окрестностях его

В праздник тела господня, 26 мая 1524 года, возмутилась община Форхгейма, города, принадлежавшего епископу Бамбергскому.

Она взяла у бургомистра ключи от ворот и принудила его и солдат дать клятву в том, что они будут действовать заодно

[1] Главный источник: изыскания Ф. Стефана в Мюльгаузенском архиве; побочные: древнейшие тюрингские хроники, Анналы Мюльнера (рукопись); извлечения Гольцгаузена из мюльгаузенской хроники в Zeitschrift f. Geschichtsw. Шмида, IV, 368. *Трейчке, Зейдеман*; *Георга Мельхиора Гофмана*: Rusticus Seditiosus, pag. 51.

с нею и помогать ее предприятию; городской старшина бежал, но у него взяли в заложники жену и детей, что принудило его вернуться и присягнуть оставаться в городе; затем были посланы гонцы к епископским крестьянам соседних округов и местечек с приглашением вступить в город и его союз.

Из форхгеймских окрестностей, из Гехштедта, из Герцогенаураха, из окрестностей Эберманштадта и из всего округа пришло 500 человек вооруженных крестьян с хоругвями; городская община и крестьяне приняли некоторые уставы: рыба, дичь, дрова и птица должны быть общим достоянием; вместо десятого дня работать на господ тридцатый, а духовенству ни одного.

Бамбергские советники старались успокоить народ, но народ отвечал им, что епископ непременно утвердит эти требования, если они предъявят их ему. Уже восстали крестьяне и в области соседнего имперского города Нюренберга и у других владетелей.

Казалось, движение перейдет во Франконию, но его прекратили.

В анспахских и нюренбергских владениях крестьяне и бедные горожане говорили на сходках о том, чтобы свергнуть антихристово иго и освободиться от гнета светских господ: не должно впредь платить десятин и процентов, оброков и пошлин.

Маркграф Казимир Анспахский собрал значительные силы конницы и пехоты и послал их против крестьян с несколькими орудиями. Но дело не дошло до кровопролития; крестьяне в ужасе разбежались от кавалерии и пушек. Быть может, этому способствовали те, которые устроили Форхгеймский союз и были против этого движения, находя, что еще рано начинать общий взрыв.

Нюренбергский совет успокоил своих крестьян умными и быстрыми мерами, угрозами и ласковыми словами. Было назначено общее собрание крестьян в Поппенрейте, но совет отговорил начальников и предводителей итти на сходку и убедил их дать клятву вести себя спокойно. Двое горожан, подстрекавшие граждан против совета и говорившие, что дело неладно и что гражданам нужно соединиться с крестьянами, были казнены 5 июля [1].

Таким образом Казимир, аристократический совет Нюренберга и бамбергское правительство, действовавшие из страха и расчета кротко, не допустили восстание разлиться по стране, но все они чувствовали, что положение их опасно.

В июле 1524 года на окружном съезде в Кицингене был заключен для Франконии союз владетелей и городов «не для подавления слова божия, но потому, что теперь во многих местах, особенно во Франконии, случаются часто преступные, злостные и бесчестные восстания подданных против властей, не из рвения к слову божию, а, напротив, из своекорыстной злобы».

---

[1] Донесение Иоганна Мюльнера, тогдашнего письмоводителя нюренбергского совета.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лютер и изгнанники

(Мюнцер, Пфейффер, Карлштадт и другие изгнанники во Франконии)

Религиозные волнения принудили многих людей бежать из своей страны; эти беглецы переселились в ту же местность, куда еще ранее бежали политические изгнанники, а именно, башмачники 1513 и 1514 годов, друзья Зиккингена, опальные рыцари, участвовавшие в эбернбургском предприятии, и опальный герцог Ульрих Вюртембергский; местность эта была страна по Констанцскому озеру и на верхнем Рейне.

«Новые пророки» уже отправились туда; за ними последовали некоторые пылкие ученые головы, как то: Гугвалд, Эколампадий, Бусер и другие. Некоторые из переселенцев, как Эколампадий, заняли общественные должности и гостеприимно встречали прибывавших вновь, делая для них все, что «следовало делать для товарищей и изгнанников по заповеди божией»[1].

В Верхней Швабии и Швейцарии было множество людей, лишенных за евангелие должностей, гонимых и изгнанных не католиками, а лютеранами. Новая религия еще не успела образовать церковь и утвердиться, как уже сделалась нетерпимою, властолюбивою, деспотическою, слепо привязанною к букве догматов; она утверждала, что истинны только ее догматы и обряды, силою навязывала их и преследовала, как ересь, каждое противоречие и даже каждое уклонение от них.

Лютер, заслуживший все эти упреки, позволял себе в отношении своих евангелических и католических противников такие поступки, за которые сам обвинял католических государей и правительства в безбожном насилии и тирании духа. «Против их скверностей и обмана, — говорил он гласно, — я допускаю всякие меры, ради спасения душ»[2]. Он отказывал своим противникам в свободе печати, которой требовал для себя. Против Карлштадта, против Мюнцера он яростно взывал к полиции и склонял правительства запрещать и истреблять их сочинения и изгонять не только самих авторов, но и лиц, печатавших их сочинения.

Иенский проповедник Мартин Рейнгардт писал против Лютера в защиту Карлштадта. Лютер не мог успокоиться, пока Рейнгардта не выслали из Иены. Рейнгардт со слезами простился с кафедрой; прихожане сложились и дали ему денег на дорогу. Он отправился с женой и детьми в Нюренберг. В то же время Лютер выгнал за дружбу с Карлштадтом доктора Гергарда Вестербурга кельнского; но и в изгнании он продолжал преследовать их, писал письма совету города, в который они удалились, и подговари-

[1] Письмо Эколампадия к Пиркгеймеру из Базеля от 21 сентября 1525 г.
[2] Luthers Schreiben 1525 bei de Wette I, S. 478, Nro. CCL.

вал знакомых ему советников выслать врагов его из последнего убежища их. Сам Карлштадт был изгнан по настоянию Лютера из саксонских владений и отправился в одно время с Мюнцером на верхний Рейн в Страсбург и Базель.

Настоящее имя Карлштадта было Андрей Боденштейн. Родом он был из Карлштадта близ Вюрцбурга. Он был старше Лютера и четырьмя годами раньше его сделался профессором богословия в Виттенбергском университете; впоследствии он был каноником и архидьяконом в соборной церкви, в 1511 году ректором, в 1512 году и позднее деканом богословского факультета и возвел Лютера в звание доктора богословия. Он слушал лекции на нескольких иностранных факультетах, был в Риме и в самом источнике познакомился с римскою церковью. Лютеране были впоследствии до того пристрастны к нему и так клеветали на него, что утверждали, будто он не имел никаких познаний. Но еще в 1520 году сам Лютер говорил, что он удивительно учен и великолепно комментировал Августина. В то же время Лютер сказал о сочинении Карлштадта «Мистическое немецкое богословие», что это лучшая книга после библии и Августина. В 1508 году доктор Шейрлен, говоривший в Виттенберге публичную речь, хвалил необыкновенные познания Карлштадта в греческом и еврейском языках, называл его великим философом и великим богословом и прославлял его прекрасный приветливый характер, доставивший ему общую любовь и уважение.

Лютер и Карлштадт долго жили и действовали дружно, хотя Лютер был большим, а Карлштадт малым светочем, как называл их цейцский монах, тем не менее, Лютер признавал в Карлштадте превосходство в научных сведениях, а Карлштадт отдавал полную справедливость гению Лютера и его реформаторскому призванию. Характеры их вовсе не были так несхожи, как обыкновенно думают. Несмотря на полный разрыв их впоследствии, они многим походили друг на друга как хорошим, так и дурным. Оба были самолюбивы, деспотичны, оба легко увлекались, оба стремились к реформации и были одинаково непреклонно непоколебимы в своих убеждениях. В отношении народа оба действовали равно чистосердечно и равно серьезно стремились к своим целям. Наконец, оба были склонны к мистицизму, но у Лютера он был в сердце, а у Карлштадта в рассудке. Зато они далеко расходились во взгляде на конечную цель реформации. Лютер хотел освободить новым евангелием только души, а Карлштадт желал освобождения христиан и в земной жизни. Лютер думал действовать постепенно, умеряя рассудком порывы своей страстности; Карлштадт хотел итти быстро, все ниспровергая на пути. Лютер, желая очистить церковь, искал опоры в государях; Карлштадт — в народе. Он хотел провести реформу снизу вверх, в нем глубоко укоренилось мнение, что весь хлам схоластического богословия ничего не стоит и что вся внешняя обрядность христианской церкви не имеет никакого значения. Его ясный взор проникал всякий туман, которым

его хотели омрачить; еще в первые годы реформации он говорил, что религия в настоящем своем виде скорее вредна, чем полезна народу. Внутреннее свидетельство духа он ставил выше внешних доказательств писания. Его критический ум и ученость дали ему возможность притти касательно книг священного писания к тому мнению, которое установлено только недавно. Впрочем, несмотря на это, он высоко ценил священное писание, хотя не считал обязательным буквальный смысл его. Пока Лютер жил в Вартбурге, в Виттенберг пришли товарищи Мюнцера, цвикауские пророки, и увлекли Карлштадта. Он как бы увидел перед собою новое царство духа, чуждое всех прежних обычаев и установлений. В христианстве он уже видел не богословие, а живое дело народа: им следовало жить, а не препираться о нем. Тогда Карлштадт покинул как ненужный и вредный весь арсенал своей учености. Он ходил по лавкам и мастерским и беседовал с рабочими о взгляде их на священное писание. Когда он вступил в среду этих непосредственных натур, чуждых предрассудков и туманов богословия, схоластика показалась ему отвратительною. В нем явилось убеждение, что для счастия людей необходимо возвратить их к природной простоте и потом уже образовать вновь. Он прямо говорил, что всякое ремесло лучше и полезнее кабинетной учености. Он все более и более убеждался, что пустая ученость заволакивает, как паутина, цветущее дерево жизни и, в негодовании на окружающее, смешивал истинную науку с ложной и восставал против науки вообще. В пылу фанатизма он вытаскивал из собора картины, памятники искусства, называя их «масляными идолами», языческими фетишами и предавал на истребление фанатической молодежи. Впрочем Карлштадт не принимал личного участия в иконоборческих волнениях; он только возбуждал их. Уничтожение образов и некоторые другие изменения в богослужении совершились в Виттенберге с согласия университета и магистрата. Городская община, увлеченная Карлштадтом, принудила совет формально разрешить это. Затем Карлштадт покинул университет и отправился в Зегрен к своему тестю, честному земледельцу, на дочери которого он был давно женат. Перед уходом он склонил совет закрыть все публичные дома и послать в миноритский монастырь официальную бумагу, в которой говорилось, что нищих не будут впредь терпеть в городе, потому что в христианстве не должно быть нищих и что поэтому молодые монахи должны выучиться какому-нибудь ремеслу, а старые служить сидельцами в госпиталях. Карлштадт предложил обратить в пользу бедных имущества монастырей, которые иначе были вредны. Студентам он советовал отправиться домой учиться ремеслам или заняться хлебопашеством, потому что проповедники обязаны, подобно апостолу Павлу, снискивать себе пропитание трудом рук своих. Придя в Зегрен, Карлштадт надел крестьянское платье, работал в поле и назывался не доктором, а соседом или братом Андреем. В Виттенберге господствовало сильное волнение; многие студенты пошли

за Карлштадтом; университет опустел. Тогда Лютер в Вартбурге воспламенился гневом и прибыл в Виттенберг. Карлштадт также возвратился. Лютер объявил, что не видит ничего дурного в предпринятых без него церковных реформах, но находит только, что дьявол слишком поторопил их. Не следует, говорил он, всякому делать то, что ему кажется справедливым; достаточно, чтобы все исполняли хорошо то, что приказано. Лютер сам вводил впоследствии те же нововведения, которые начал Карлштадт, но ему было досадно, что Карлштадт предупредил его, предприняв их без него, и вмешался в его дело. Поэтому он начал полную реакцию против всего, что было сделано Карлштадтом. Благодаря его значению и энергичной проповеди ему легко было сделать это, особенно в городе, который ему одному и первому был обязан своею славою. Поступки Лютера произвели разрыв между ним и Карлштадтом. Глубоко оскорбленный, Карлштадт отправился в Орламюнде, решившись во что бы то ни стало «восстать против гнусных злоупотреблений за бедный обманутый люд». Он говорил, что не может видеть, как ложные церковные обряды истребляют любовь к богу, уничтожают веру, обременяют совесть ужасными заблуждениями, и что будет по возможности противиться безумству, проповедуемому во всех церквах. В Орламюнде народ встретил его с радостью; но приверженцы Лютера изгнали его, и Лютер настоял, чтобы ему было запрещено говорить речи и писать и чтобы было наложено запрещение на изданные сочинения его. Карлштадт сам говорил, что Лютер связал его через курфюрста по рукам и ногам. Кроме того Лютер проповедывал против него, называя его бунтовщиком и убийцей, в особенности в одной проповеди, произнесенной в Иене, за что Карлштадт поставил его в неловкое положение за обедом, где присутствовали императорские и маркграфские послы: «Вы поступаете несправедливо, — сказал Карлштадт, — приписывая мне убийственные намерения. В сегодняшней проповеди вы поставили меня на одну доску с мятежниками и убийцами, как вы их называете: вы сказали неправду. Кто ставит меня на одну доску с убийцами, тот говорит неправду и действует не по чести. Я протестую теперь в присутствии всех против причисления меня к бунтовщикам».

«Помилуйте, любезнейший г. доктор, — отвечал Лютер, — это совершенно лишнее: я читал письмо, которое вы писали из Орламюнде к Мюнцеру, и вижу, что вы против бунта».

Дело в том, что Томас Мюнцер написал из Альтштедта послание к орламюндцам, приглашая их в свой союз. В ответ на это Карлштадт напечатал письмо, в котором говорил от имени орламюндцев, что они не желают действовать мирским оружием против утеснителей евангелия, так как сам Христос велел Петру вложить меч в ножны и не позволил защищать себя. Орламюндцы вооружатся против своих врагов не копьями и ножами, а панцырем веры. Если бы они соединились с Мюнцером, то были бы не свободные христиане, а люди, привязанные к людям; это уронило бы

евангелие, и тираны, обрадовавшись, сказали бы: вот они хвалятся единым богом, а сами соединяются между собою; значит бог их не в силах защитить их.

Карлштадт не выходил еще из круга преобразований религиозных форм и мнений и не был политическим революционером. Он был человек кабинета и кафедры, радикал идеи, а не дела, и, несмотря на свою природную горячность, не мог быть демагогом. Он мог только надеть на себя грубый мужицкий кафтан и простую войлочную шляпу, мог опоясаться мечом, —но не более. Тем не менее Лютер кричал, что Карлштадт проповедует восстание устами и пером [1].

Вскоре после того высокомерная вражда Лютера к Карлштадту и его неловкие поступки в отношении к орламюндцам возбудили против него такое негодование, что он едва спасся поспешным отъездом от ругательств и камней, которыми народ хотел забросать его. Тогда Карлштадт и друг его, проповедник Рейнгардт, были изгнаны из Саксонии. Лютера восстановлял, главным образом, против Карлштадта начавшийся в то время спор о причастии, так как Карлштадт отрицал телесное присутствие Христа в причастии. Еще очень юный в то время профессор Меланхтон, боявшийся каждого сильного движения, каждого прикосновения сквозного ветра, вырос среди шелеста страниц книг и пергаментных свертков и ни разу не осмеливался приблизиться к шуму и сумятице действительной жизни. Такой сильный, пылкий, сангвинический характер, как Карлштадт, смущал и устрашал его и возбуждал в нем ненависть. Карлштадт возбуждал в Меланхтоне ужас. «Я подозреваю, — писал Меланхтон к своему другу Камерарию,— что он намерен просиять над Германией и взволновать ее не как Перикл, а как новый Спартак». Меланхтон и Лютер столько писали и кричали о возмутительном духе Карлштадта, что, по словам его, это сделалось предметом уличных толков. Ярость Лютера дошла до последней крайности, когда лучшие люди верхнерейнских стран, сам Цвингли и страсбургцы приняли религиозные воззрения изгнанного Карлштадта и когда, как выражался Лютер, яд его распространился всюду. С верхнего Рейна Карлштадт отправился в Восточную Франконию. Маркграф Казимир приказал наблюдать за ним. Его видели в Швейнфурте, в Кицингене и в окрестностях Роттенбурга. Наконец он остановился на долгое время в Роттенбурге. Священник, доктор Дейшлин, «слепой монах» Христиан, почетный бургомистр Эренфрид Кумпф и другие граждане тайно укрывали и угощали его и содействовали печатанию его сочинений. Он долго прожил в доме Филиппа суконщика. Городской совет запретил его сочинения и доступ ему в свою область. Однако он остался. Тем временем в Роттенбургской области готовилось восстание [2].

[1] Соч. *Лютера*, Альтенб., II, 799, III, 50, 52.
[2] Рукопись Томаса Цвейфеля; извлечение Лемуса.

Главной идеей движения, возбужденного Лютером, была свобода мнений. Но свобода мнений в религиозных вопросах по необходимости приводила к тому же и в вопросах политических. Лютер, восстав против свободы мнений, когда другие пошли дальше его, очутился в противоречии с своей собственной основной идеей и стал тормозить собственное дело. Одно из двух: или все имели право свободно мыслить, писать, печатать и учить, или право это не принадлежало и Лютеру.

Люди, которые вели современное им свободное движение духа в другом направлении и дальше, чем Лютер, в сущности только защищали право свободы совести, мысли и речи и пользовались им. При этом весьма естественно, что свободное движение умов, однажды начавшись, вызвало множество различных мнений и учений и привело по таким путям к таким последствиям, которых Лютер и не желал и не предвидел.

Пламенно любя свое творение, Лютер не мог допустить, чтобы возбужденное им движение перешло границы, которые он определил ему. Лютер, которого Боссюэт называл громом и молниею, выведя мир из оцепенения, чувствовал себя по временам исполненным божественного духа и, слушая себя, в эти минуты верил, что устами его говорит сам бог. Убеждение это тем более укоренялось в нем, что его считали пророком не только простые люди, называвшие его «человеком божиим», но и ученые, как Ионас и Меланхтон. В этом убеждении он сам поставил себя авторитетом. «Лютеранство» было шагом назад к верованиям, основанным на авторитетах. Вместо того чтобы не допускать свое учение до этого упадка, Лютер спешил заменять одни догматы другими, налагать на совесть новые узы взамен расторгнутых им. Сам того не сознавая, он желал сосредоточить в своем лице все умственное движение реформации.

Появление множества различных мнений как мечтательных, так и рационалистических побуждало Лютера ограничивать умственное движение религиозными законами и судами. Он опасался, что терпимость может повредить главным основаниям христианства и совершенно уничтожить веру.

Сам он сбросил с себя иго, которое друзья древней церкви считали необходимым для всех и в особенности для таких горячих и неукротимых людей, как он, т. е. иго законной власти. И, несмотря на это, он был так сроден по духу древней церкви, что считал законную власть и определенные правила в религиозных вопросах необходимыми для всех, кроме него. Вследствие этого он действовал с такой нехристианской жестокостью, с таким озлоблением, резкостью и подозрительностью против проповедников, отступавших от его догматов.

При этом Лютер упускал из виду, что единство допускает разнообразие, которое всегда может быть оправдано и необходимо вытекает из сущности дела, и что христианин — всякий, кто притекает к кресту. Карлштадт, Мюнцер и многие другие, хотя во многом ошибались, но были правы в своем желании извлечь из хри-

стианской религии, которая давно признала равенство людей перед богом, естественное демократическое равенство людей в обществе. «Область христианства, — говорит пиэтист Шатобриан,— безгранична. Она распространяется по мере распространения разума и свободы, причем крест указывает на ее неподвижный центр».

Лютер, забыв это и противясь прогрессу движения, затормозил прогресс в церкви и государстве. Вместо того чтобы примириться с самыми пылкими силами умственной революции, он насильно вытеснил их с религиозного поприща и таким образом содействовал перенесению революции на поприще политическое.

Германия, не имевшая политического единства, имела несчастие распасться на два враждебных религиозных лагеря в ту минуту, когда оно казалось достижимым. В довершение несчастия самый ожесточенный внутренний раздор господствовал в лагере новой религии.

Лютер был главной помехой религиозному единству движения, которое было возможно и необходимо для новой религии. Он отвергал всякое примирение с Мюнцером и Карлштадтом, а также с Цвингли и Кальвином, и через это стал главным препятствием на пути к единству политическому. Он действовал таким образом не по раздражительности или капризу, но потому, что действительно не понимал смысла дальнейшего хода движения, которому сам дал первый толчок.

Он и его партия преследовали множество людей, которые в главном отрицали то же, что и они, стремились, хотя в другой форме и иными путями, но к тем же целям, как и гонители их, т. е. к церковному государственному перевороту. В Верхней Швабии на всех улицах встречались отставленные или изгнанные священники, принужденные вести скитальческую жизнь. То были большею частью люди сильного характера, готовые пожертвовать своим убеждениям всем: имуществом и достоянием, родиной и званием, даже свободой и жизнью. То были истинные мужи; некоторые из них подверглись своей бедственной участи не столько ради существенных идей религии и политики, сколько по упрямству, по излишнему рвению к второстепенным воззрениям; но и они были достойны уважения за верность своим убеждениям и за свой мужественный характер.

Кроме изгнанников и ссыльных, многие проповедники скитались добровольно, чтобы распространять свои мнения. Они были бедны и беззаботны, полагались на бога, часто не имели ни копейки в кармане. Мюнцер, Пфейффер и Рейнгардт отправились во Франконию.

Во Франконии, где простой народ был более расположен к движению, они встретили и приобрели приверженцев своему учению. У них были друзья даже в самом Нюренберге. Лютер, услыхав о движении в Нюренбергской области, писал: «Там явился сам сатана, сам злой дух альтштедтский» [1].

[1] Письма *Лютера*, Соч., т. XXI, стр. 85.

Многие крестьяне советовали Мюнцеру начать проповедывать в Нюренберге, где он остановился. Он писал одному приятелю в Эйслебен: «Если бы я имел охоту производить мятеж, то мог бы поставить нюренбергцев в затруднение; но я отвечал (народу), что пришел не проповедывать, а издавать свои сочинения. Господа (магистратские), узнав об этом, обрадовались, потому что они любят хорошо пожить, и пот работников им сладок, но вскоре сделается горче желчи».

Однако ему удалось напечатать только одно сочинение, а именно защитительную речь против Лютера. Он выражался в ней, подобно Лютеру, грубо и запальчиво. «Ты сам еще слеп, — писал он, — а хочешь руководить миром; ты смешал христианство, начитавшись своего Августина, с разными лжеучениями и потому теперь не можешь судить о нем; оттого-то ты и лицемеришь пред государями. Ты думаешь, что все уже прекрасно, оттого что ты приобрел себе славу, но знаешь ли, что ты усилил власть безбожных злодеев и помог им держаться на старом пути; поэтому с тобой будет то, что бывает с пойманной лисой: народ освободится, и бог один будет властвовать над ним».

Нюренбергский совет велел отобрать все экземпляры этого сочинения, которые можно было схватить, и посадил в тюрьму типографщика, который напечатал его. Мюнцеру пришлось удалиться из города.

В Альтштедте друзья заботились о его дневном пропитании. Теперь же, изгнанный из Нюренберга, он был принужден написать одному приятелю: «Если можете, пришлите мне чего-нибудь поесть, но не обижайтесь, если я не приму ни геллера денег». Живя только для своей идеи, он не помышлял о себе. В нем жило чувство только для того, что он считал своим призванием, для всего прочего он умер. Когда его известили о рождении сына, он промолчал, а когда его стали порицать за такое равнодушие, то сказал: «Вы видите, меня ничто не трогает, я оторван от природы». Даже друзья, не сопровождавшие его, увидя его гонимым и преследуемым, испугались за него и, повидимому, уговаривали оставить свои смелые замыслы. «Вас слишком волнует досада на зло, — писал он им. — Ах, что-то сделаете вы, когда спадет личина с коварного света!» Сам он был невозмутим среди этих превратностей, полон доверия к самому себе, к богу и к своему делу. «Любезный брат Кристоф, — писал он — наше дело похоже на прекрасное румяное пшеничное зернышко, которое разумные люди любят пока оно у них в руках, а, бросив в землю, не думают о нем, как будто оно уже никогда не взойдет. Я не удивляюсь, что свет поносит меня. Я знаю, что имя мое должно перейти через поношения, пока достигнет славы; но безбожники будут ниспровергнуты, несмотря на их вопли. Если я стрелял прежде из ружья, то теперь буду греметь с богом на небесах, потому что безбожники и без того слишком долго мошенничали. Благодарю бога, что имею больше причин восставать против них, чем имел Самсон против филистимлян.

Сердце мое бестрепетно вверяет себя моему спасителю. Истина восторжествует, несмотря ни на что. Люди голодны; им нужно и они хотят есть. Саул тоже ведь начинал делать добро, но совершить его предстояло Давиду. Как бы они ни закусывали удила, я сумею разжать им рот».

Мюнцер никогда не думал оставаться долго в Нюренберге. Его влекло в Верхнюю Швабию, в Шварцвальд, где давно были в ходу восстания поселян. Эти первые движения ошибочно приписывали личному влиянию Мюнцера; они начались за несколько месяцев до него, пока он был еще в Северной Германии.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Насилия дворянства в Верхней Швабии

С возникновением деятельности прессы и свободной проповеди народ живее почувствовал бремя налогов и различных пошлин, которое усилилось в конце XV и в начале XVI века введением новых податей, выплачиваемых государству и союзу и вызванных нуждами и своеволием владетелей. Бедняки все еще страдали от беспорядков в судопроизводстве; причин жаловаться на пристрастные и дорогие судебные решения было теперь у них даже больше, чем когда-либо. Народилось множество докторов римского права и плутов стряпчих, которые, стараясь удовлетворить возрастающим нуждам дворянства, подводили под параграфы римского права древние германские юридические отношения и перепутали все понятия о праве; все это делалось с целью поддеть бедняков и высосать из них последний сок. Роскошь и обеднение дворян, в числе которых под княжескими мантиями и рыцарскими шлемами скрывалось много кругом задолжавших негодяев, повели к искусственному увеличению всякого рода доходов; налоги были увеличены всеми средствами: введением новых пошлин, увеличением старых, возвышением стоимости денег, уничтожением некоторых денежных знаков и всяческими другими монетными спекуляциями; произвольным возвышением штрафных денег и даже обращением пеней в постоянные подати. Кемптенское аббатство ввело в свой устав о наказаниях правило, что каждый оброчный крестьянин, штрафованный за какой-нибудь проступок, подлежит вместе с тем в наказание платежу подушной [1].

Немецкие крестьяне считали саксонских государей милостивыми; но даже самый кроткий из них курфюрст Фридрих Мудрый под влиянием своего министра Феффингера, получавшего гро-

[1] *Гаггенмюллер,* Акты аббатства, 414.

мадное жалованье, наложил пошлину на вино, что возбудило сильное неудовольствие в народе [1].

Общее положение судопроизводства в Германии было в то время так же печально, как всегда. Имперское правление, без денег, без власти, без значения, было нулем. Император жил в Испании; брат и наместник его, эрцгерцог Фердинанд, был очень молод и совершенно подчинялся влиянию одного еврейского финансиста Саламанки из Испании, который пользовался дурной славой; Швабский союз присвоил себе исключительную независимость от судебной власти имперского правления; могущественные землевладельцы не обращали на правление и его постановления ни малейшего внимания, и народу приходилось более прежнего страдать от произвола и насилий дворянства и от разбоев случайных рыцарей, от грабежей и разных бесчинств солдат. Народу приходилось платить жалованье наемникам и издержки по новым государственным учреждениям; но все эти расходы не доставляли ему правительственной защиты. Народ же давал деньги на расходы Швабского и других союзов, которые заключались владельцами для взаимной обороны. Эти расходы обрушивались на него в виде постоянных налогов, но, несмотря на это, крестьянин в поле и горожанин в городе были менее всех ограждены от произвола аристократии. Государи тянули с народа последнее достояние, чтобы поддержать свое величие за счет чести империи и возвысить многовластие в ущерб достоинству императора. Ни в Кемптене, ни в других местах Швабский союз не поступал с крестьянами так снисходительно, как в Оксенгаузене. Патриции, забравшие в свои руки власть в городах, подобно духовным и светским князьям, царившим в замках и аббатствах, продолжали величаться и разыгрывать роль монархов, угнетая народ: поэтому потребности их были велики, вследствие чего были велики и налоги, которые они взимали, попирая древние обычаи. То, что было величайшим несчастием Германской империи, т. е. отсутствие единства и недостаток могущества под скипетром сильного императора, многовластие со всеми его невыгодами, сильнее всего отражалось на быте низших классов — ленного крестьянина, земского горожанина, даже свободного простолюдина — все равно, находился ли он под властью епископа или герцога, барона или имперского города.

Кроме того страсть к удовольствиям и привычка к искусственным потребностям глубоко въелись во все классы народа, от высших до низших; простой народ был предан пьянству, праздности, трактирной жизни и разврату, словом, всем порокам, которые, как он видел, обратились в привычку у дворян и духовенства, особенно низшего. Истощив все средства на платежи правительству и разным другим пиявкам, народ не имел ничего для удовлетворения собственного стремления к удовольствиям, и неудовольствие его

[1] *Зекендорф*, I, стр. 67.

возрастало. Но большая часть бедного народа волновалась не из любви к своеволию, а потому что терпела самую горькую нужду, голод и холод. Один молодой крестьянин вскричал на лобном месте: «О господи, вот приходится умирать, ни разу во всю жизнь не поев досыта хлеба!» Господа знали, что это не ложь.

И аббат Ротский в Альгау знал, что подданные аббатства были правы, скромно говоря ему: «Мы, подданные вашей милости и аббатства, люди бедные; кругом нет ничего, кроме великой нищеты, которая точит нас денно и нощно; мы не видим ничего, кроме великой нищеты» [1].

В 1522 году Лютер писал: «Народ повсюду волнуется и все видит; он не хочет, не может позволить так угнетать себя долее».

Некоторые имперские чины отклоняли новые налоги, говоря, что простой народ и без того не по силам удручен и что новые подати могут произвести общее восстание. Слова эти не были пустой отговоркой. Народ, действительно, чувствовал и понимал общественную гниль. Это чувство возросло до страстного желания и нетерпеливого ожидания улучшения. В то же время некоторые внешние обстоятельства доставили этому стремлению новую пищу.

В разных местах были изданы постановления, которыми крестьянам воспрещалось собирать сходки для обсуждения своих дел. Древнее право созывать общественные сходы было частью ограничено, частью же совершенно уничтожено. Народные увеселения, свадьбы, церковные праздники, крестные ходы, стрельба, цеховые пирушки представляли много поводов к сборищам, где можно было повеселиться и облегчить душу, потолковать о своем горе. Но закон, лишивший простолюдина возможности уходить от угнетения, переменяя место жительства, отнял у него в то же время разными ограничениями народных празднеств средство отводить душу и разгонять тоску беседой о своих печалях. Волнение распространялось. Но среди жестоких господ были и кроткие. Где с крестьянами стали во-время поступать честно и справедливо, там они остались спокойны. В Оксенгаузене волнение не повторялось. Факты эти говорят за них красноречиво.

Гейнрих фон Эйнзидель получил в наследство от предков поместье, некогда принадлежавшее Альтенбургскому капитулу. У него возникло сомнение в законности существующих в его поместье оброков; ему казалось, что прежде они были легче и что, следовательно, несправедливо брать теперь больше. Впрочем, предки его давно владели этим имением; несомненно было, что крестьяне платили оброки и в то время, когда еще принадлежали капитулу, и что предки его купили поместье, уже обложенное оброками. Притом крестьяне были освобождены от подушной, и самая барщина, полагавшаяся для подданных в 15 дней конной и 12 дней ручной работы, а для ленников в 18 дней поденщины, казалась для того времени незначительною. Далее, с самого начала кре-

[1] Речь крестьянских депутатов аббатства 14 февраля 1525 г.

стьянских волнений он имел за себя решение курфюрста, принятое и крестьянами; и, наконец, прекращение оброков должно было повлечь за собою некоторые столкновения с другими владельцами, крестьяне которых несли одинаковые повинности.

Однако, несмотря на все это, этот благородный человек обратился за советом к Лютеру; Лютер старался успокоить его, говоря, что оброки могли быть наложены или в наказание или по договорам, и потому он может по совести оставить их и помочь своим крестьянам как-нибудь иначе. Сперва эти доводы успокоили Эйнзиделя, но вскоре в нем снова пробудилось сомнение в справедливости оброков. Тогда он обратился к Спалатину с просьбою снова переговорить об этом с Лютером.

Лютер повторил свое прежнее мнение, сказав, что если оброк наложен не самим Эйнзиделем, то он может спокойно пользоваться им, и что даже дурно отказываться от своих прав, «потому что крестьяне должны нести тяжелые повинности, иначе сделаются своевольны».

Спалатин был совершенно согласен с Лютером. Но и это не успокоило Эйнзиделя, равно как и новые убеждения Спалатина. Спалатин говорил ему: «Порядок, который должно поддерживать, требует, чтобы чернь держали в руках; ведь не вы ввели оброки сам Иосиф в Египте потребовал с народа пятую часть дохода, и господь одобрил это. Если совесть ваша встревожена, то вы можете иногда прощать оброк бедным; но никак не следует совершенно отменять его, потому что это только избалует чернь и сделает ее дерзкою. Не прощайте оброка тем, кто не будет просить вас об этом; всякое нововведение влечет за собою недоразумения, которые не следует возбуждать. Оброки существуют всюду, и отмена их не только невозможна, но причинила бы страшное потрясение; во многих местах народ платит несравненно больше, чем у вас. Когда подобные сомнения овладевают вами, беритесь за целительные псалмы и помните, что на земле никогда не будет так хорошо, как вам хочется, пока мы не сойдем в могилу». Все это не могло успокоить человека с таким благородным и бескорыстным характером, как Эйнзидель. Правда, когда ему представили, что налоги не противоречат св. писанию, он приписал свое беспокойство внушениям дьявола, с которым следует бороться молитвою и постом; но он поступил так, как будто эти сомнения были внушениями доброго духа; в своем завещании он определил некоторые из своих доходов на выдачу бедным пособий для уплаты податей и оброков «в вознаграждение за то, что с них было взято несправедливо».

Спалатин был в то время недоволен новыми налогами и, одобрив это распоряжение, посоветовал хранить его пока втайне, чтобы не возбудить в крестьянах своеволия, а против себя подозрений[1]. Другие владельцы действовали иначе.

[1] Рукопись в собрании манускриптов покойного прелата фон Шмида в Штутгартском государственном архиве.

Летом 1524 года бедствия, которые претерпели жители придунайского города Лейпгейма, принадлежавшего вольному городу Ульму, дошли до того, что они были принуждены униженно просить о сложении с них податей. Достопочтенный совет прогнал просителей, объявив коротко и ясно: подати жителям Лейпгейма не прощаются [1]. Как целые общества, так и отдельные личности подвергались страшным обидам. Ульмский старшина Якоб Эгингер требовал, чтобы кирхбергский окружной, Ганс фон Рехберг, выгнал из Кирхберга несколько крепостных его с женами и детьми за то, что они отказались внести оброк курами [2].

Крестьян Кемптенского аббатства угнетали все хуже и хуже. Союз еще ничего не решил окончательно. Осенью 1507 года несчастные подданные аббатства, наконец, могли порадоваться, увидав мертвым ненавистного мелкого тирана Иоанна II. Но по смерти его им не стало лучше. Новый князь-аббат был в отношении оброчников и свободных людей таким же деспотом, как и все предшественники его; правление его было даже еще хуже. Все монастырские ленники, как оброчные, так и крепостные, были принуждены дать подписку, что будут платить арендную плату без замедления, каков бы ни был урожай и сколько бы кто ни понес убытку от неблагоприятной погоды. Аббат требовал оброка даже с тех, на которых не имел никаких прав. Бенц Функ из гюнцбургского прихода выхлопотал из Рима позволение своей жене, которая была лично свободна, не вступать в его сословие; кроме того, он хотел продать городу или частному лицу иллербергское угодье. За это аббат посадил его в башню в Либентанне. В тюрьме он через своих наемников грозил ему, что изрубит его в куски, если он не покорится его воле и не отдаст ему и жену и угодье. Функ, человек уже пожилой, от страха захворал; тогда аббат перевел его из башни в комнату. Арестант, решившись бежать, связал свои простыни и платки и по ним спустился из замка, но так неудачно, что полгода спустя умер от последствий своего падения. На другой день после его побега аббат силою овладел иллербергским угодьем, занял его на счет Функа своими людьми, запер вольную хозяйку дома в тюрьму и принудил ее пойманного больного мужа дать подписку, что она вступит в его сословие и что он не продаст своего имения никому, кроме аббатства, по цене, которая будет назначена четырьмя оценщиками. Но аббат не исполнил даже этого договора и по смерти Функа затянул дело и ввел наследников его в большие убытки.

В Боденвальце вольный мельник жил спокойно на своей мельнице. Аббат потребовал с него оброка; мельник, разумеется, отказался платить то, чего вовсе не был обязан платить. Тогда духовный владыка пригрозил сжечь мельницу, если он будет упрямиться, и угнетенный, беззащитный мельник был принужден за-

[1] Протоколы ульмского совета.
[2] Из актов Штутгартского государственного архива.

платить. Аббат собирал совершенно произвольно военные налоги, взимавшиеся под названием подорожных пошлин, и считал справедливым все, что могло увеличить права и владения аббатства [1].

В 1523 году чума свела в могилу и этого мелкого тирана. Его преемник Себастиан фон Брейтенштейн, воспитанный в правилах монастырской политики, пошел по его следам, хотя неудовольствие усиливалось и расположение умов в крестьянах принимало грозный характер. Вместо того чтобы выполнять договор 1492 года и оставлять своих подданных в покое, при всех правах их, аббатство бесчестным насилием уничтожило многие вольности и права, присвоенные вольным оброчникам.

В актах того времени сохранилось до четырехсот подобных случаев. Не довольствуясь всем этим, новый аббат еще более увеличил налоги и совершал такие несправедливости и притеснения, как будто намеревался в три месяца сделать больше зла, чем все предшественники его вместе.

Поземельный налог, взимавшийся как ленная дань, был увеличен им с 800 фунтов геллеров до 1 266 фунтов пфеннигов; кроме того, он наложил военный налог. Таким образом, крестьянину, который прежде платил 5 шиллингов, приходилось теперь платить 5 фунтов или 5 гульденов, т. е. в двадцать раз больше прежнего. Дворы, никогда не бывшие ленами, обращались в лены; владельцы имений, которые никогда не подлежали платежу десятины, были вынуждены платить, и у них отбирались старинные грамоты, которыми доказывалось их право на неплатеж десятины. Арендаторы монастырских имений должны были представлять аббатству залог (реверс) в обеспечение того, что под страхом потери имения и всего достояния будут верны и покорны аббатству и не перейдут в зависимость к другому владетелю. С оброчных крестьян брали 3% дохода под именем добавочной платы; принимая аренду, они давали обещание подчиняться уголовной и гражданской судебной власти аббатства, нести налагаемые на них наказания, служить ему, платить налоги, путевые пошлины, натуральные повинности, оброки, подушные, деньги за пользование лугами. Аббат весьма оригинально расплачивался с монастырскими кредиторами из крестьян. Когда они требовали платежа, аббат обещал уплатить долг с тем, чтобы они приписались к аббатству. Иногда крайность их была такова, что они решались и на это, в надежде получить свои деньги; тогда обязательство, принятое ими, отдавалось на хранение в архивы аббатства, а денег они все-таки не получали; аббат и не помышлял об отдаче им долга, и они оказывались обманутыми вдвойне.

Восставших на такое надувательство укрощали тюрьмой и кандалами, отлучали от церкви и не давали причастия, пока он не произносил клятву, что не будет никому жаловаться и не станет искать защиты ни у императора, ни в других судах.

[1] *Гаггенмюллер*, История Кемптена по актам аббатств, городским и земским, в Мюнхенском архиве.

Аббатство поступало так, находя свой образ действия совершенно справедливым и правильным; оно считало себя вправе так действовать, потому что порядок этот существовал уже более тридцати лет; притом земство начинало было против него тяжбу, но не продолжало ее; следовательно, такой порядок вещей мог считаться вполне законным «за давностью лет» [1].

Вследствие всех этих несправедливостей князю грозило восстание. Он думал избежать взрыва тем, что, вопреки обычаю, пригласил к присяге не все земство вместе, а каждый округ особо, в особый день. Он говорил, что от общего собрания больше беспорядков, чем путного.

Ему удалось отчасти получить присягу без сопротивления, но некоторые перед присягой просили об отмене тех податей, которыми были несправедливо обременены они сами и предшественники их.

Кроме податей, которыми обложены все общины, некоторые жаловались на исключительные притеснения: у одних аббат отнял право на пользование сенокосами и лесом и силою отобрал грамоты, утверждавшие за ними это право; у других обратил арендные проценты в постоянную подать. В Кюмрацгофене, где жители противились незаконным притязаниям фогта, слуги его с натянутыми луками принуждали мужчин и женщин исполнять эти требования; многим общинам навязали монастырских хлебников; в местечке Обергюнцбурге аббат присвоил себе право суда, силою отнял у ратуши льготные грамоты и собрание ремесленных уставов, изданных с незапамятных времен императорами и королями; имения, приобретенные покупкою, обратил в лены; наконец, так увеличил повсюду ленную плату, что большая часть крестьян отказывалась брать имения аббатства в ленное владение.

Князь, подняв руку, поклялся своим саном и честью освободить народ от всех незаконных повинностей и сказал, что если к сретению 1524 года не исполнит этого, то крестьяне могут считать себя развязанными от присяги и клятвы.

Тогда все подданные аббатства присягнули.

Как будто смеясь над людьми и над своею клятвою, князь в том же году, не отменив ни одного прежнего налога, учредил новую тяжкую повинность; он потребовал еще 3% со всего имущества, с которого аббатству платилась подать. Первые, которых коснулся этот налог, отказались платить. Князь расположил в свою пользу императора, который решил, что подданные должны взять на себя и этот налог.

Чтобы полюбовно покончить с князем этот спор, угнетенные решились вступить в переговоры, которые велись в продолжение 13 заседаний сейма и стоили им 4 000 гульденов, но кончились ничем. Высокий князь-аббат смеялся над терпением и доверчивостью

[1] *По Гаггенмюллеру* и некоторым актам, описанным с рукописей Кемптенского архива прелатом Шмидом; они находятся теперь в Штутгартском государственном архиве.

своих подданных, которые надеялись найти защиту от притеснений господина в суде, где судьями были все знатные господа. Когда эти добрые люди думали, что их дело на сейме приходит к концу и князь примет предложенное приглашение, он объявил им: «Я хочу, чтобы все оставалось так, как было до меня; если вы не будете повиноваться, то я пошлю на вас Георга фон Фрейндсберга»; после этих слов он вскочил на лошадь и ускакал. Вслед за тем (в 1524 году) он наложил новую путевую пошлину. Жестокое наказание постигало всякого, кто облегчал свою душу смелым словом о поступках мелкого деспота. Всемилостивейший князь сажал несчастного в тюрьму, мучил и продавал с публичного торга его имущество.

Дело было во время сенокоса в 1524 году. Монастырские крестьяне косили на лугах, а сын аббата, Пелагий, прогуливался между работниками. «А ведь у аббата славный, красивый сынок», — сказал один крестьянин, посмотрев ему вслед.

«Да, — возразил один семидесятилетний старик, видевший лучшие времена, — был бы хорош, не будь сыном монаха». Узнав об этих словах, аббат послал своих слуг, которые стащили бедного семидесятилетнего старика в тюрьму. Он пробыл в тюрьме 14 дней, и никому не пришло в голову обратиться в суд. После 14-дневного дурного обращения его свели в замок Волькенберг и продержали там еще четыре недели; он опасно заболел. Тогда, наконец, великодушный князь выпустил его, вытребовав, однако, предварительно 50 фунтов геллеров пени и обязательство за подписью и печатью в том, что под страхом заключения и смерти он не будет называть его сына монашеским сыном [1].

Сколько таких проделок можно доказать актами со стороны многих, более или менее значительных духовных владетелей. Урспергский аббат, встречая со стороны крестьян сопротивление своим неправым притязаниям, сажал их в тюрьму. Как-то раз одному из них удалось бежать: аббат велел своим наемникам схватить его сына. Отец с другими крестьянами освободили его и бежали; тогда аббат завладел их имениями за то, «что они осмелились поднять руку на монастырских служителей». Хорошо еще было, если кто-нибудь из владельцев, к заступничеству которых прибегали несчастные крестьяне урспергского аббата, соглашался просить его, чтобы он не наказывал их слишком жестоко [2]. Но высшие духовные лица в это время были все из дворян и поступали с крестьянами совершенно так же, как и светское дворянство.

В 1494 году один мужичок поймал в ручье, принадлежавшем господину фон Эппштейну, несколько раков. Благородный владетель велел его схватить и послал во Франкфурт, прося совет дать ему палача, чтобы отрубить мужичку голову. Совет вольного города нашел, что «по закону нельзя рубить бедняку голову из-за

[1] *Гаггенмюллер.*

[2] Акты из Монтфортского архива в собрании прелата Шмида.

какого-нибудь рака». Но господин фон Эппштейн достал себе где-то другого палача и заставил его казнить мужика [1]. Так крестьяне мелких владетелей расплачивались жизнью за самый ничтожный проступок. И никому не приходило на ум, что там, где жизнь человека ценится до того дешево, что крестьянин может лишиться ее за каждую безделицу, он сам разучается дорожить ею и не задумается поставить ее на карту, если это даст ему возможность выместить свою злобу и надежду на победу и на лучшую участь в будущем. Да, казалось, что задачею дворян было отнять всякую цену у жизни простолюдина. Крестьяне графов фон Лупфена и фон Фюрстенберга жаловались в 1524 году, что кроме многих притеснений, которым они подвергаются, «они не только не имеют ни праздника, ни отдыха, но принуждены в праздничные дни и во время жатвы искать для графини раковин улиток, наматывать на них пряжу, собирать землянику, терновые ягодки и т. п. [2]. На господ работаем в хорошую погоду, а на себя в дождь; охотники и собаки бегают по полям, не думая о наших убытках [3].

Благочестивым людям, которые видели положение несчастного народа при таком порядке вещей и старались облегчать судьбу ближних, удалось вставить несколько светлых дней в мрачную жизнь крестьян; церковным уставом было положено, что по праздникам крепостные люди должны отдыхать и свободно располагать собою. Но Елена фон Раппольштейн, графиня фон Лупфен, столько же заботилась о заповедях божиих в церкви, сколько и вне ее. В праздник, день отдыха от трудов и забот, она заставляла подданных своих работать в ее пользу; крестьянин не должен был и в прекрасный летний праздник забывать, что носит цепи рабства и что осужден на вечную каторгу. Муж ее славился своею ненавистью к крестьянам, а граф Фридрих фон Фюрстенберг, которого не должно смешивать с его братом Вильгельмом, был с крестьянами в таких отношениях, что, когда он был ранен в сражении, крестьяне говорили: «Если наш господин, по милости божией, умрет, то нам с горя придется надеть красные колпаки» [4].

[1] Акты Франкфуртского архива, Кирхнер, I, 507.

[2] Шлоссер во Всемирной истории (т. XII, стр. 18) говорит: «Мы утомили бы читателя рассказом о всех мучениях, которые были придуманы, чтобы превратить мужика во вьючное животное. Мы упомянем только о постоянной жалобе крестьян на то, что их заставляют собирать раковины улиток и землянику. Жалоба на собирание раковин для нас не совсем ясна; что же касается до земляники, то собирание ее не могло быть особенно тягостно, если сообразить, какое множество ее приносят ежедневно на рынок; вероятно, помещики того времени истребляли ее в непомерном количестве».

Трудно понять, как мог написать это Шлоссер, после того как ему был знаком труд Циммермана. Приводя в пример жалобу крестьян на сбор раковин и земляники и умалчивая о значении этого как барщины в праздничные дни, он как будто хочет подвергнуть сомнению справедливость крестьянских жалоб. Как бы то ни было, но эти слова его могут быть правильно поняты только при помощи такого комментария к его «Всеобщей истории», как сочинение Циммермана. Иначе они легко могут вести к недоразумению. — *Прим. ред.*

[3] *Ансельм*, Бернская хроника, VI, 298; рукопись виллингенской хроники.

[4] *Ансельм* а. а. О.

Дворянство города Ульма, никогда не отличавшееся кротостью, просило общее собрание Швабского союза «всеподданнейше и всеусерднейше обратить милостивое внимание на те случаи, известные государственным чинам, когда бедных людей деспотически обременяют непосильными налогами, и посодействовать, чтобы впредь с ними поступали по справедливости» [1].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ганс Мюллер и Евангельское братство

Народ толковал: «Откуда дьявол нанес столько повинностей, десятин и налогов?» [2], и в некоторых местах уже началось сопротивление насилиям. Еще в 1515 году одно село в епископстве Аугсбургском оказало такое непослушание, что о нем делались донесения Швабскому союзу [3]. Союз был сам того мнения, что непомерные налоги и подати, которыми члены союза были принуждены облагать своих подданных, возбуждали их неудовольствие. После усмирения форхгеймского восстания волнения в Бамбергской области не прекратились. 4 августа 1524 года епископ обещал 50 флоринов за поимку каждого крестьянина, уличенного в поджоге, потому что ночью сгорело множество овинов, где хранился десятинный сбор. В окрестностях Нюренберга десятина была сожжена еще на поле у светских и у духовных владетелей; то же произошло и в окрестностях Бамберга. Известно было, что это сделали крестьяне, но виновных не нашли, несмотря на тщательные розыски. Епископу Бамбергскому и нюренбергскому совету доносили, «что какие-то таинственные и неизвестные люди» бродят по монастырским владениям и волнуют народ, уговаривая его не платить десятину. Всем чиновникам был отдан приказ изловить эти «чужие и неизвестные личности». Но они увернулись от преследований. В епископстве Трирском и в Фальце, в окрестностях Гейдельберга, крестьяне отказались платить десятину еще в июле 1524 года [4]. Еще до этого вспыхнуло более сильное восстание в Верхней Швабии и одновременно с ним на Дунае. В 1523 году насилия были совершены крестьянами в монастырях Эльхингене и Шуссенриде [5]. В начале апреля 1524 года крестьяне аббата мархтальского отка-

[1] Протоколы ульмского совета.
[2] Себастиан Франк.
[3] Акты Швабского союза в Штутгартском архиве.
[4] Манифесты епископа Бамбергского 5 и 14 августа 1524 года. Письмо Ганса фон-дер Планица курфюрсту Саксонскому от 26 июля 1524 года; *Ферстеман*, Новое собрание актов, I, 209.
[5] Акты Вейнгартенского архива. Там же.

зались платить ему подати [1]. В мае подданные аббатства Сент-Блазия объявили своему господину, аббату Иоганну, что отменяют все крепостные повинности и хотят быть свободными, как жители других местностей [2].

В июне меммингенский бургомистр Людвиг Конрадтер объявил на городовом сейме в Ульме, что меммингенскому госпиталю принадлежит право церковного суда, сбора десятины и правительственная власть в местечке Штейнгейме, но что крестьяне не хотят платить десятину, какова бы она ни была. Притом городские власти опасаются, что беспокойные монахи тамошнего августинского монастыря не сегодня так завтра разбегутся из монастыря, похитив сосуды, драгоценные вещи и другую церковную утварь. Монахини также «смущены и взволнованы»; недавно одна монахиня вышла замуж за картезианского монаха из Буксгейма; женским монастырям также, следовательно, грозит грабеж, а потому совет просит города помочь ему советом. Города отвечали: совет должен сначала попробовать действовать на крестьян кроткими мерами, а если это не поможет, то прибегнуть к силе; если же ему невозможно справиться одному, то пусть обратится за помощью к союзу. Церковную утварь должно тщательно беречь. Если монахи и монахини разбегутся, то беда еще невелика [3].

Таким образом, в первой половине 1524 года во многих местах Верхней Швабии показывались уже искорки; в августе вспыхнуло уже пламя в ландграфстве Штюлингене, а вскоре разгорелся целый пожар.

В древней Альпской области, там, где Шварцвальд склоняется на юго-восток к Верхнерейнской долине, находилось ландграфство Штюлинген; выше Штюлингена лежало австрийское графство Гауенштейн, а ниже ландграфство Фюрстенберг с истоками Дуная в Баарском округе, который обнимал собою весь южный склон Шварцвальда. Далее, на восток, между Рейном, Дунаем и нижнею частью Боденского озера простирался Гегау, а еще восточнее к нему примыкал Линцгау, граничащий на востоке с Гегау, на севере с Федерским озером, на юге с Боденским, а на западе с речкою Шуссеном; границы Линцгау и Рейнгау сливались. Рейнгау называлась долина по обе стороны Рейна. Плоская возвышенность, носившая название Большого Альгау, замыкала ряд этих прекрасных стран и непосредственно примыкала к Альпам.

В этих то местностях, находившихся в столь близком соседстве с свободными крестьянами Швейцарии и Тироля, действовали некогда Иосс Фриц и таинственный Вельтлин: здесь вспыхнуло теперь восстание и отсюда оно распространилось. Восстание началось в Штюлингене. Ландграфом штюлингенским был Сигизмунд II, владетель лупфенский, именовавшийся по своему родовому замку графом фон Гогенлупфен-ин-дер-Баар. Он был женат

[1] Решение Швабского союза от 10 апреля.
[2] Из Верхнерейнского провинциального архива, «Taschenbuch» г. Шрейбера.
[3] *Флумерни*, Annal. Biberac. Рукопись.

на Елене фон Раппольштейн. Сбор улитковых раковин и земляники в праздничные и рабочие дни не был главною причиною восстания, а только поводом к нему.

Нередко великие государственные перевороты и войны возбуждаются событиями, сами по себе неважными; часто безделица производит самые неожиданные последствия.

Графиня истощила, наконец, терпение штюлингенских жителей, кажется, в день Иоанна Крестителя [1], глухой ропот неудовольствия перешел в мятеж. Штюлинген, Бондорф, Эватинген, Бетмаринген и другие крестьянские общины одна за другою отказались нести барщину, платить подушную, соблюдать вассальные обязанности и уважать дворянские права; в несколько дней собралось до 600 недовольных. Они нашли предводителя в лице Ганса Мюллера, родом из Бульгенбаха, деревушки, лежащей близ Штюлингена и принадлежавшей аббатству Сент-Блазию. Ганс Мюллер был солдат, он участвовал в походах против французского короля Франциска I и хорошо знал военное дело. Внешние достоинства, природное красноречие, хитрость и опытность делали его способным руководить партией и предводительствовать крестьянами.

Они сделали трехцветное знамя, черное, красное и желтое, как имперское [2]. В Варфоломеев день, 24 августа, Мюллер двинулся к Вальдсгуту во главе 1 200 крестьян будто бы на церковный праздник, приходившийся в этот день. К прежним шести сотням инсургентов присоединились крестьяне графа фон Зульца, барона Давида фон Ландека и аббатства Сент-Блазия.

Вальдсгут, один из четырех так называемых австрийских лесных городов, к числу которых, кроме него, принадлежали Лауфенбург, Зекинген и Рейнфельден, лежит на верховьях Рейна, близ Швейцарии. В это время он вооружался против Австрии за своего проповедника Губмайера.

Здесь крестьяне соединились с горожанами, собрались на совещание об общих делах и заключили союз, который назвали Евангельским братством. Каждый, желавший вступить в него, должен был вносить в союзную кассу по бацену в неделю на плату тайным гонцам, которых предполагалось разослать по всей Германии с письмами для привлечения в союз всех крестьян. Были посланы гонцы в Гегау, Брейсгау, Зунтгау, в Швабию, Франконию и Тюрингию, в Эльзас, на Рейн и на Мозель. Евангельское братство писало им, что не хочет более повиноваться своим господам и никому, кроме императора, что согласно платить подати только ему, но за это он не должен вмешиваться в их дела, не препятствовать разорению замков, монастырей и всего, на чем печать духовенства [3].

[1] «Anno 1524 г., около иванова дня — во время жатвы»; рукопись виллингенской хроники.

[2] По рукописной сент-блазиенской хронике оно было желтое; по виллингенской же — белое.

[3] Виллингенская хроника.

Без сомнения, как доказывают позднейшие письма главного крестьянского вождя Ганса Мюллера, план братства был выражен несколько иначе в посланиях, отправленных во все страны; но мы следуем краткому и ясному рассказу враждебной крестьянам виллингенской летописи. Во всяком случае несомненно, что в Вальдсгуте и в Евангельском братстве были люди способные мыслить и пытаться соединить к одной цели забитых бесчисленными господами крестьян для восстановления древних вольностей и для ниспровержения настоящего порядка вещей. С этой целью они могли основать по всей Германии общества, вооружить их и поддерживать с ними постоянные сношения письмами и гонцами.

Не действовал ли в крестьянах дух Гуттена, который посещал не задолго до смерти эти страны и замышлял то же, что и они? Не был ли его прямым последователем этот таинственный Карстганс, который, по донесению Фрейбурга, расхаживал в этом году в тех местах и призывал шварцвальдских крестьян к Башмаку? И не приходил ли сюда из Ландштуля сам Ульрих, под именем Карстганса, которое он так часто поминал в своих последних народных статьях?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Губмайер и Вальдсгут

Губмайер, уроженец баварского городка Фридберга близ Аугсбурга, имел успех как проповедник еще до появления Лютера. Воспитанный в высшей фрейбургской школе в Брейсгау, искусный диалектик и потому охотник до богословских прений, «высокоученый Бальтазар» читал лекции на богословском факультете, сначала в Фрейбурге, а потом в Ингольштате, и получил степень доктора богословия и звание проректора. После того он был сделан священником соборной церкви в Регенсбурге и уже в начале 1516 года заслужил своими проповедями общее внимание и уважение. Помимо своей воли, он первый способствовал устройству здесь капеллы богородицы и с сожалением увидел, что экзальтированные поклонники мадонны начали впадать в корчи и пляску св. Витта. До Лютера он следовал господствовавшему духовному направлению и проходил мимо многого, не останавливаясь; зато тем сильнее увлекся он Лютером. Он чувствовал, что религиозный дух Регенсбурга не по нем, и перешел пастором в Вальдсгут в Шварцвальде. Здесь, посреди истинных потомков древних аллеманов, простодушных, предприимчивых, умных и любящих свободу жителей лесов, и в самом близком соседстве с Швейцариею, он нашел себе круг деятельности, правда, не обширный, но свободный; ему было здесь привольно, и он мог многое преобразо-

вать по своему желанию. Он вступил в сношения и дружбу с швейцарским реформатором Цвингли, а сам действовал в качестве первого реформатора Шварцвальда. Жители Вальдсгута с увлечением последовали за ним; духовенство в городе и окрестностях также приняло его сторону. Австрийское правительство в Энзисгейме потребовало выдачи доктора Бальтазара, но горожане отказали. Правительство видело в его церковных нововведениях содействие Башмаку, восстанию простонародья, которое волновалось как раз в то время, летом 1524 года. «Отпустите меня,— просил Губмайер, — дабы никто не пострадал за меня и дабы у вас сохранился мир и спокойствие». 17 августа он по собственному желанию оставил город в сопровождении всех жителей. Его встретили вооруженные всадники из Шафгаузена; он пошел туда и нашел там защиту и радушный прием. Энзисгеймское правление послало людей «ловить доктора», а когда он скрылся от них, они требовали его выдачи, причем позволили себе нарушить неприкосновенность священного убежища. Во время всей этой тревоги Губмайер обнаружил полное упование на правоту своего дела и на всепобеждающее могущество истины. «Это не мое дело, — писал он шафгаузенскому совету, — а божие. Не бойтесь, всемилостивейшие господа, и я также не буду бояться, потому что божественная истина бессмертна и, хотя позволяет некоторое время бичевать себя, венчать терновым венцом, распинать и класть в гроб, но в конце концов воскреснет победоносно в третий день и будет вечно господствовать и торжествовать». Он предлагал доказать перед целым светом истину своего учения. «Так как власти,—говорил он,— выставляют меня возмутителем народа, бунтовщиком и еретиком, то я должен быть готов дать всем отчет в моем учении, верованиях и надеждах. Если я учил истине, то за что же преследуют меня и ради меня других. Я знаю, что в течение двух лет не сказал в своих проповедях ни одного слова, которое не было основано на св. писании. Но я должен сознаться и объявляю себя виновным в том, что не высказывал прямо всего, что понимал; я щадил слабых, которых был принужден питать молоком вместо более питательной пищи. Быть может, тюрьма, пытка, меч, огонь или вода принудят меня веровать и говорить иначе, чем теперь, когда меня озаряет божественное откровение; но я заранее протестую против этого и свидетельствую перед богом, моим небесным отцом, и перед всеми людьми, что хочу страдать и умереть, подобно Христу, чтобы никто не сомневался в деле, вверенном мне богом. Да пошлет мне господь мужественный, безбоязненный дух!»

Совет г. Шафгаузена гордился, что не выдал человека, отдавшегося под его защиту, даже тогда, когда восемь членов католического союза трижды грозно требовали его выдачи. Австрийское правление в Энзисгейме, по удалении мятежного священника, стало грозить преследованием самому городу Вальдсгуту.

Жестокое гонение, которому подвергались проповедники евангелия в Юго-восточной и Юго-западной Германии, много

способствовало усилению волнения крестьян, начавшегося по политическим причинам; оно освятило и фанатизировало его. Правительства сами подливали масло в потухавшее уже пламя политического мятежа; они разжигали восстание примерами религиозного мученичества в то самое время, когда идеи Мюнцера и перекрещенцев начали уже овладевать движением.

Правительства, защитники старого порядка, соединились на преследование проповеди евангелия, где бы она ни раздавалась. В архиепископстве Майнцском, в Баварии, в Зальцбурге, во всех австрийских землях, в Оберланде и Нидерландах, в епископстве Трирском, в Регенсбурге, Аугсбурге, Шпейере, Страсбурге, Констанце, Базеле, Фрейзингене, Пассау и Бриксене преследовали проповедников и последователей евангелия; в Вене, Праге и Офене, Меце, Антверпене, в княжестве Дитмарсенском, в Оденвальде, Шварцвальде, в Вогезах и Зальцбургских горах их ловили, мучили, казнили и сжигали живыми. Многие были изгнаны из отечества. Особенно жестоко действовали австрийские правительства — Инсбрукское, Штутгартское и Энзисгеймское. В городке Энгене был учрежден инквизиционный комитет.

Городок Кицинген первый испытал тяжесть австрийского правления. Проповедник этого города Якоб Оттер был принужден бежать. Полтораста человек его прихода проводили его до границы и пробыли с ним несколько дней. Когда они хотели вернуться к своим женам и детям, дорога была преграждена им, и они не могли попасть в город; тогда они сели на корабль и отправились в Страсбург. Кинцинген был окружен войском из Фрейбурга и Энзисгейма, взят, и многие жители захвачены по подозрению в ереси. Под топором уголовного судьи пала голова городского секретаря, за то, что он причащался под двумя видами; кроме того было казнено еще пятнадцать человек. Инквизиционный суд думал изгнать таким образом из этих местностей дух нового религиозного учения. Вальдсгут стоял после Кинцингена на очереди.

Совет этого города послал посольство в Энген к дворянам. Послы должны были сказать, что ради сохранения мира город удалил проповедника, готов попрежнему жертвовать кровью, жизнью и достоянием для светлейшего австрийского дома и просит всемилостивейших господ членов правления исходатайствовать ему прощение его княжеской светлости. Член совета Иоганн Якоб Боллингер был оратором посольства. Ища аудиенции, он встретил прежде всего графа Рудольфа фон Зульца. «Боллингер, ты здесь?» — спросил граф посланника. «Да, милостивый государь», — смиренно отвечал тот. «Боллингер, Боллингер! — вскричал граф, — тебе и детям твоим не повредило бы, если бы ты остался верен государю. Клянусь св. Вельтеном, я не понимаю, как мог ты допустить еретика ослепить тебя и увлечь в свою ересь». «Я не еретик», — отвечал Боллингер. «Во что же ты веруешь?» «Я верую в бога, милостивый государь». «В чорта веруешь ты, — перебил его граф. — Если бы ты остался покорным князю, как все честные

люди, то дело до этого не дошло бы; мы ведь знаем тебя и тебе подобных; все вы у нас на замечании. Чорт подери, тебе первому следует отрубить голову, потом Юнгансу, а затем Брози. Зачем, мейстер Ганс, с тобой не прислали Юнганса и Брози. Унеси меня нелегкая, если мы не казним и женщин, когда до них доберемся; мы вырвем дурную траву с корнем. Мы отдуем вас по ушам вашим же евангелием, так что вы схватите себя за голову и будете служить примером всем приверженцам лютеровой секты. Таких злодеев, как вы, надо гнать долой со света. Ты клятвопреступник перед государем, ты и тебе подобные: вы не исполнили его предписаний». «Я не преступник, милостивый государь, — отвечал мейстер Ганс; — если я виноват, то судите меня; на то у вас и меч». «Ах, дьявол, — возопил граф, — как же ты не преступник; постой-ка, вот я сейчас пойду к государю и скажу ему обо всем».

В той же зале присутствовали посланники трех других лесных городов, Лауфенбурга, Зекингена и Рейнфельдена. Их потребовали в собрание, а посланных от Вальдсгута заставили дожидаться. «Боллингер, — сказал зекингенский старшина, выходя из присутствия, — наши господа немилостивы; подумай о жене и детях. Советую тебе, как придешь к правителям, броситься на колени и просить их именем бога простить тебе и забыть твою вину; скажи, что ты заблуждался и был увлечен». «Как, господин старшина? — возразил Боллингер. — Не дай мне боже поступить таким образом; я скорее дам отрубить себе голову. Моя вера истинна; как же можно отречься от своей веры. Меня никто не вводил в заблуждение. Я не брошусь на колени; только перед богом падают ниц».

Правители выслушали извинения жителей Вальдсгута. «Я не буду ни преследовать вас, ни хлопотать за вас, — сказал наместник Ганс Иммер фон Гильенберг, — вас накажут; другого исхода не ждите». Посланные пожелали обратиться к суду имперских городов. «Мы требуем своих прав, — кричали Боллингер и его товарищи, — прав, прав своих, господа!» «Что? — отвечали правители, — право — государь». «Какое дело государям до имперских городов?» «Вам покажут ваши права огнем и мечом!» — кричал граф Рудольф фон Зульц.

Жители Вальдсгута, полагаясь на божию помощь, решились готовиться к обороне. Ганс Мюллер из Бульгенбаха был наготове с своими крестьянами из лесных округов; 1 200 крестьян вступили в Вальдсгут с трехцветным, черным — красным — оранжевым, знаменем; тайный союз Евангелического братства был заключен, и религиозное восстание обращалось в революционное. Энзисгеймское правление не намеревалось откладывать далее наказание «плутов и еретических попов, смущающих народ», в числе которых особенно отличался вальдсгутский доктор Бальтазар. Послано было многочисленное войско с пушками для наказания вальдсгутцев. Но они говорили, что вера живет в сердце и ее не выгонишь оттуда ни пыткою, ни цепями. Цюрих и Шафгаузен хо-

датайствовали за соседей. Официально Цюрих не мог помогать угнетенным, потому что был связан договором с австрийским домом; но тем не менее частным образом 300 храбрых цюрихцев, вооружившись на собственный счет, пошли на помощь вальдсгутским братьям. «Не из-за денег пошли мы, — писал цюрихскому совету один из ополченцев, Рудольф Коллин, — не из личной выгоды, а для защиты слова божия. Дух божий призвал нас к оружию; между нами нет мятежников; нами руководит Иисус Христос».

К большой радости граждан, Губмайер вернулся в это время в Вальдсгут. «Его встретили с барабанным боем и трубными звуками и с таким торжеством, как будто это сам император» [1]. На базаре ему задали большой обед. В то же время в этих местах явился Томас Мюнцер с несколькими приверженцами.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Перекрещенцы

Так как в последнее время накопилось много такого, что могло воспламенить и без того легко увлекающихся обитателей лесов, то казалось, что столь искусный и красноречивый оратор, как Томас Мюнцер, с толпою своих последователей в поярковых шляпах и грубых кафтанах, мог легко еще более усилить волнение. Еще до встречи с Мюнцером Губмайер принял от последователя его Вильгельма Реблина из Роттенбурга на Неккаре учение о наступлении царства божия. Реблин окрестил его, и потом Губмайер сам перекрестил около 100 человек.

Цвикауские фанатики, толковавшие библию иначе, чем Лютер, но пользовавшиеся его учением о свободе веры и проповеди, были очень распространены под именем крестителей. Они называли себя крестителями потому, что отвергали крещение детей, так как о нем не говорится в библии, и крестили только взрослых, уже знакомых с религией. Противники называли их перекрещенцами. Католические писатели еще недавно хвалили этих сепаратистов нового евангелического учения «за их честное рвение и верность своим убеждениям» [2]. Но, как часто бывает, что второстепенное делается главным, так и они дошли до того, что объявили вторичное крещение необходимым условием, существенным основанием христианства.

[1] Письмо виллингенского городского секретаря штутгартскому правительству. В Штутгартском государственном архиве. См. прекрасную статью «Бальтазар Губмайер» в «Taschenbuch» Шрейбера, составленную по швейцарским и оберландским архивным источникам.

[2] *Деллингер*, Реформация; *Ярке*, Лекции и очерки.

Эта секта быстро прошла все ступени фанатизма. В Мюнстере безумие имело другой характер; мечтатели, явившиеся после крестьянской войны, веровали и действовали иначе, чем перекрещенцы, жившие до нее.

В первые три года существования этой секты даже враги ее должны были соглашаться, что перекрещенцы ведут прекрасную нравственную жизнь. «Я желал бы, — говорит Вицель, — чтобы все, называющие себя христианами, жили, подобно им» [1]. Они старались вести безупречную жизнь, были умеренны в пище и питье, просты в одежде, дружны между собою, кротки в разговорах, но в спорах горячи до крайности, потому что предпочитали умереть, чем отступиться от своего учения [2]. Они удаляли всех недостойных из своего братского кружка, учили серьезно верить, любить и терпеть мучения и даже смерть [3]. Они были неутомимы в проповедывании и распространении своего учения о новом царстве господнем. Они узнавали друг друга по условным словам при встрече; один говорил: «мир с тобой», а другой отвечал: «аминь, и с тобой также». Если не было возможности проповедывать открыто, они собирались по ночам в уединенных домах или долинах; в собрания эти часто являлись посланные от иноземных братств; они по ночам переправлялись через реки и горы, путешествовали вообще только ночью и ночью же возвращались домой [4]. Вскоре из уст их от Тюрингервальда до долин Швейцарских и Тирольских Альп раздалось учение Мюнцера, что близко время, когда мир обновится и безбожники сотрутся мечом с лица земли [5]. «Они проповедывали всюду на те тексты ветхого и нового заветов, где говорится о мече, броне, войнах и убийствах; вообще они стремятся к убийственным войнам, грабежу, резне и мятежу, хотят быть благочестивыми убийцами и одни владеть миром». Так описывает нюренбергский совет «этих нетерпеливых, отважных людей, у которых ум заходит за разум» [6].

Перекрещенцы эти были заодно с Мюнцером и действовали в его духе. Но надо заметить, что секта перекрещенцев, отличавшаяся при возникновении своем чисто религиозным направлением, вскоре распалась на множество толков; вторичное крещение считалось необходимым и выражало собою вступление в тайный религиозно-политический союз с целью насильственного переворота не всеми перекрещенцами, а лишь частью их. Так, вальдсгутский перекрещенец Якоб Гросс, бывший впоследствии предводителем перекрещенских общин Страсбурга и Аугсбурга, был изгнан из Вальдсгута за то, что утверждал, что никто не имеет права убивать человека или подстрекать к убийству и на этом основании не хо-

[1] Epist., S. 146.
[2] Historia reformationis Sangallensis.
[3] *Ансельм*, VI, 268.
[4] Ср. интересные извлеч. из актов у *Гайлера*, Рейтлинген, стр. 297—318.
[5] *Ансельм*, VI, 268.
[6] *Виль*, стр. 266, 271, 317.

тел итти с прочими жителями Вальдсгута на помощь восставшим крестьянам [1].

Но все перекрещенцы без различия держались того убеждения, что каждый верующий может веровать и поступать так, как учит его «дух»; все они были убеждены, что слышат голос «небесного отца». Многие имели «видения».

«На них находила, — как говорил один из них перед судом, — страшная сила против их воли»; конвульсии сопровождались вывихами членов, и с ними делалась «точно падучая болезнь». Такие припадки делались часто со многими вдруг, и в это время они начинали говорить и часто предсказывали удивительные вещи [2].

Такие припадки стали общими у всех перекрещенцев уже после крестьянской войны. Как ни усердно слушали они «внутреннего голоса», который «беседовал с ними», и «хотя перед начатием каждого дела испрашивали совета у бога», но, кажется, что «они советовались также с книжками Мюнцера и Карлштадта» [3].

Имущества их считались общим достоянием, и каждый нуждающийся мог располагать имуществом своего достаточного брата. Однако это не порождало беспечности, каждый желал жить своим трудом, и они не терпели ленивых и праздных.

Эти «новые пророки», эти «мечтатели», эти «ясновидцы» ходили по всей Тюрингии, Бамбергской области, Вюрцбургу, по Швабии, по верхнему и среднему Рейну, в Швейцарии, Тироле, Зальцбурге, Штирии и по верхнеэнской стране; они проповедывали «о будущем и о суде божием», о скором уничтожении всего существующего и о грядущем общем равенстве и братстве; они учреждали тайные общества, отрасли мюнцеровского союза, и речами, внушаемыми им «духом», воспламеняли во многих местах народ. Общества находились между собою в сношениях, но через посредство весьма немногих «посвященных»; лишь немногие знали имена членов [4].

Провозвестники «нового мира», где, «по истреблении всех безбожников, особенно всех безбожных государей и господ, будет царствовать справедливость», меняли, в случае надобности, имя и одежду [5]. Вожди обществ, путешествуя, умели хранить инкогнито; таким образом, они много лет укрывались от лазутчиков. Друзья Мюнцера, разъезжавшие всюду, не носили обыкновенной одежды перекрещенцев и проповедников. Одним из главных и важнейших перекрещенцев был Иоанн Гут из Гайна близ Швейнфурта, «очень ученый и ловкий малый», как называет его нюрен-

[1] *Рерих*, История реформации в Эльзасе, I, 331.

[2] *Ильдефон фон Аркс*, по показаниям очевидцев, II, 503; *Ансельм*, бернская хроника, сам очевидец.

[3] Многие акты о перекрещенцах.

[4] Письмо нюренбергского совета маркграфу Казимиру от 18 марта 1527 г.

[5] «Ганс Гут записал всех крестившихся и поступивших в союз. Гут не сказал нам, кто будет наказывать за грехи и истреблять начальство, а только назвал тех, к кому имел доверие». Показание Маркса Майра альтенэрлангенского. Анспахские акты.

бергский совет. Он был сначала церковнослужителем в Бибре и в 1521 году изгнан оттуда за то, что не хотел крестить своего новорожденного ребенка; оттуда он перешел в Нюренберг. Здесь он завел мелочную лавочку и был так расторопен и ловок, что торговал книгами, водкою и «разными мелкими статьями» [1]. Незадолго до крестьянской войны он исключительно посвятил себя книжной торговле. Белокурый, с зачесанными вверх волосами, с рыжеватой бородкой, высокого роста, он, по описанию нюренбергцев, постоянно носил черный кафтан, серые штаны и широкую серую шляпу. Он окрестил многих в той местности. Легенда говорит, что он давал новокрещенным питье, которое вселяло в них непоколебимую преданность своему делу, и вслед за тем они имели «видения», слышали «небесные голоса» и пророчествовали. Он распространял преимущественно запрещенные книги Мюнцера и другие, а также и сочинения Лютера. Он издал то сочинение Мюнцера, которое последний написал проездом через Нюренберг и где проповедывал насильственный переворот; по изгнании своем из Мюльгаузена, Мюнцер зашел в Бибераду в дом Гута и провел там «одну ночь и один день» [2].

Гут играл во время крестьянской войны значительную роль в Вюрцбургской области, особенно в лагере перед Вюрцбургом.

Как оказалось впоследствии, многие перекрещенцы принимали деятельное участие в возбуждении крестьянской войны; но некоторые из наиболее замешанных в этом деле в то время не принадлежали еще к анабаптистской секте и вступили в нее лишь впоследствии. Перекрещенцы весьма деятельно участвовали в волнениях и восстаниях в Форхгейме, в соседней Ансбахской области, в Байерсдорфе и Герцогенаурахе в мае 1524 года; здесь, между прочим, из них отличились Петер Вагнер, Кунц Циглер и трое братьев Майр [3].

Однако перекрещенцы не столько принимали непосредственное участие в крестьянской войне, сколько возбуждали ее своим влиянием. Большинство их не было последователями Мюнцера.

Мюнцера совершенно ошибочно причисляли к перекрещенцам и даже считали основателем этой секты. По несомненному свидетельству современника, вполне достойного доверия и знавшего это дело близко, Мюнцер не был перекрещенцем и никогда сам не перекрещивал [4].

Тайные ученики его, которых было множество даже по смерти его, также не были перекрещенцами. Мюнцер пользовался пылкими перекрещенцами и вторичным крещением для своих высших планов. Они были его орудиями и союзниками, и он руководил наиболее деятельной частью этой секты, члены которой сами расходились между собой во мнениях и верили «каждый во

[1] Показание Гута 5 октября 1527 г.
[2] Показание Ганса Гута.
[3] Анспахские акты, официальные донесения от 15 и 20 сентября.
[4] Себастьян Франк, которого многие подозревали в анабаптизме.

что ему вздумается»[1]. С половины 1524 года Мюнцер, хотя сам не крестил, но требовал вторичного крещения как необходимости.

Таким образом, Мюнцер позволял себе пользоваться религиозными символами и формами для достижения своей цели. Он поступал в этом случае с тою же вольностью, которая характеризует все его действия. Он часто скрывал от народа свои мысли под видом снов и видений и выдавал расчеты своего рассудка за откровения свыше. По его мнению и учению, бог открывается людям только через разум их, и просвещенный ум есть единственный посредник между человеком и богом. Сидя одиноко в своей комнате и размышляя, Мюнцер иногда громко разговаривал сам с собою, и потом этот разговор казался ему беседою с богом.

Когда он жил в Альтштедте, один из его приверженцев подошел однажды к его комнате и услышал, что там разговаривают двое. Отворив дверь и увидев, что Мюнцер один, он спросил его, кто был у него в комнате? «Я спрашивал господа моего, — отвечал Мюнцер, — что мне завтра делать?» «А разве он сейчас же и отвечает?» — спросил ученик. Мюнцер отвечал утвердительно[2]. Но, говоря это, он не обманывал; он чувствовал в себе присутствие божества и верил ему и слышал слова этого бога в ответ на думы свои о судьбе своего народа. Но слово, раздающееся прямо с небес, действует на народ иначе, чем человеческая речь, и Мюнцер находил нужным прибегать к видениям и непосредственному откровению, чтобы удостоверить людей в своем призвании.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Т. Мюнцер и Пфейффер в Верхней Швабии

Ученики Мюнцера пошли в Оберланд задолго до его изгнания из Нюренберга. Он сам говорит, что избрал эту страну, чтобы узнать тамошнее положение дел, воспользоваться оберландским восстанием и распространить границы преданных ему областей[3]. Он пошел через Швабию в Клеттгау и Гегау. В Базеле, в Цюрихском округе и в Эльзасе оказались следы его. Карлштадт был также здесь, на верхнем Рейне. Очень вероятно, что и Пфейффер сопровождал сюда Мюнцера и действовал здесь своим метким и ясным пером.

Мюнцер пробыл несколько недель в Клеттгау, в деревне Гриссен, оттуда ходил по соседству в ландграфство Штюлинген и ра-

[1] *Ансельм*, VI, 268.

[2] Разговор между мюнцеровским фанатиком и лютеранским крестьянином.

[3] Признания Мюнцера.

спространял свое учение[1]. Еще в Базеле он проповедывал, что если правители — отступники, то и народ теряет веру, и что надо помочь этой беде. В Клеттгау и Гегау он много говорил об избавлении Израиля: близок час, когда господь посетит свой народ и воздвигнет царство святых, свое тысячелетнее царство, где все христиане будут братьями. Он писал и распространял воззвания против тирании дворянства. Общины этих стран, уже волновавшиеся, а частью давно уже восставшие явно, просили его остаться у них; но это не соответствовало его видам. За него были и некоторые ученые люди, как например Конрад Гребель, сын цюрихского городского советника, и вальдсгутский проповедник доктор Бальтазар Губмайер.

Мюнцер прибыл в лесные округи в конце октября 1524 года, а в ноябре между крестьянами этих стран началось движение, гораздо более серьезное, чем в первый раз. В таких обстоятельствах австрийское правительство призадумалось и откладывало нападение на Вальдсгут. «Тяжело смотреть на все, что здесь делается, — рапортовали ему, — и можно опасаться, что дело дойдет до земской войны. Здесь все очень дико, странно и тревожно».

Ученики Мюнцера, еще многочисленнее, чем прежде, ходили по Оберланду, распространяя свое религиозно-политическое учение. Оно более нравилось крестьянам, чем лютеранское и цвинглийское. Число проповедников, по словам одного сентгалленского очевидца, было так велико, что по воскресеньям и в праздники, куда бы ни пойти, везде встречались толпы горожан и крестьян, слушавших какого-нибудь проповедника. Между последними можно было тотчас узнать перекрещенцев по их грубому платью и по широким войлочным шляпам; очень многие, бывшие прежде лютеранами, приняли их учение. «Да, да, — говорил один крестьянин другому, — вот это так истинное евангелие. Видишь ли как старые-то попы лгали и обманывали; нужно бы им, мошенникам, свернуть башки за то, что они так славно нас надували». Скоро ни один поп в своем длинном черном платье не осмеливался проходить мимо толпы крестьян или мещан[2].

Народ был в то время взволнован очень многим. Казалось даже сама природа сбилась с толку; необыкновенные явления на небе и на земле и особенно толки и рассуждения о них кружили крестьянам головы. То рассказывали, будто бы видели на солнце три круга и внутри их горящий факел; то на луне представлялись два круга, а внутри крест. В Венгрии будто бы видели ночью на небе две венчанные главы, сражавшиеся друг с другом; на Рейне говорили, что слышали в самый полдень в воздухе смятение и гром оружия, как будто от сражения. В некоторых местах у животных рождались необыкновенные уроды. В одном месте видели бой между аистами, в другом между воронами и галками. Распростра-

[1] *Буллингер, Фюссли, Отт,* собственные признания Мюнцера.

[2] Донесение Фридолина Зихера у Ильдефонса фон Аркса. В Альгау было также множество перекрещенцев. Кемптенская хроника.

нился слух о землетрясениях в южных землях; в Швабии, Баварии и Австрии свирепствовали повальные болезни; в одном городе Кемптене, в Альгау, в два года, от 1521 до 1523, умерло более 1 600 человек. Ко всему этому прибавились еще проливные дожди и кометы; времена года перепутались: в течение трех последних лет зима была однажды так тепла, что бедный народ ходил на босу ногу, как в михайлов день; червяки и бабочки ползали и летали, точно летом; в феврале цвели вишни, а на деревьях все почки разбухли и начали развертываться. К святой же вдруг настала холодная зима; вследствие сильных бурь и непогод плоды были значительно побиты, и во всем Оберланде простой народ впал в крайнюю нужду. Все это считали предзнаменованием чего-то необыкновенного. Но и без всяких явлений и пророчеств весь порядок вещей, продолжавшийся уже много лет, предвещал важный переворот. Однако следует заметить, что предсказаниями занимался не только народ, но и сама высокая наука, которую тогда уважали и которой удивлялись, — сама астрология признала 1524 год за предел, «после которого должен совершиться неслыханный доселе переворот». «Астрологи, быть может, говорят правду, — писал в начале 1520 года баварский канцлер Экк своему герцогу; — трудно предполагать, чтобы огонь, воспламеняющийся повсюду в настоящее время, утих, не произведя никакого опустошения» [1]. Одна народная поговорка, распространенная издавна, говорила следующее: «кто в 1523 году не умрет, в 1524 году не утонет, а в 1525 году не будет убит, скажет, что с ним случилось чудо»[2].

С такими-то мыслями окружал простой народ возбуждавших его проповедников: — один, с бледными, впалыми щеками, слушал их с яростью в глазах; негодуя, что вместе с ним приходится голодать и жене его и детям; другой, у которого продолжительное рабство и вечная барщина, казалось, отняли все силы, слушал проповедь, сгорбившись; а впереди, поближе к проповеднику, стояли, выпрямившись самые понятливые, с энергией во взгляде и поступи; за толпой виднелись другие группы; один рассказывал другому, как ему было до сих пор плохо, и крепко сжимал товарищу руку, клянясь, что дождутся лучших дней. Некоторым проповедь нравилась тем, что раздувала огонь, готовый уже потухнуть, и этим давала надежду на возможность мстить и грабить. Немногие, конечно, стояли и слушали просто из любопытства и праздности. Для слушателей было неограниченное пространство, потому что новое учение редко проповедывалось в церкви, для этого обыкновенно выбиралось свободное пространство на чистом воздухе у большой липы, где-нибудь в поле, на лугу, или на опушке леса; подобно первому провозвестнику евангелия бедных, они проповедывали, где случится. Сам Мюнцер пробыл в Оберланде около трех месяцев. Пфейффер ушел раньше обратно в Мюльгаузен.

---

[1] Письмо канцлера к герцогу Вильгельму от 13 января 1520 г.; *Иерг*, 316.
[2] Рукописи и печатные хроники.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Дворянство начинает действовать соединенными силами

Едва дошло до князей, дворян и городов Швабского союза известие о начале волнений, они послали к крестьянам графа Вильгельма фон Фюрстенберга, чтобы успокоить их ласковыми словами и вместе с тем подробнее ознакомиться с положением дел. Крестьяне отвечали ему, что «не следуют евангелическому учению и собрались вовсе не для слушания проповедей» [1]. Для графов фон Лупфена и фон Зульца эта неудача в попытке подействовать на крестьян ласками была тем неприятнее, что подданные их приняли в войне с Швейцарией сторону Швейцарского союза [2], и по окончании войны владетели эти наказали крестьян за сочувствие швейцарцам.

Крестьяне Клеттгау, где ландграфом был граф Рудольф фон Зульц, были сначала всего менее расположены иметь что-нибудь общее с штюлингенцами. Опасаясь взбунтовавшихся соседей, которые беспокоили и тревожили их, они искали защиты и помощи у цюрихцев. Год тому назад граф Рудольф фон Зульц, наследственный верховный судья в надворном ротвейльском суде и первый советник австрийского инсбрукского правительства, назначил своим наместником в Клеттгау Ганса фон Гейдегга. Наместник этот, по просьбе крестьян, послал в Цюрих вместе с выборными крестьянскими депутатами одного из земских судей, по имени Петера, просить содействия цюрихцев для восстановления мира и спокойствия. Крестьяне представили совету 44 пункта жалоб и просьб против своих помещиков. Когда совет спросил их, хотят ли они положиться на его решение и примут ли учение Цвингли, крестьяне отвечали — да; посланник же Гейдегга сказал, что не имеет на этот счет никаких инструкций. В то же время совет объявил, что если жители Клеттгау уверены, что граф и его чиновники не противятся евангелию и не станут принуждать своих подданных к старым церковным порядкам, то он готов написать Гансу Мюллеру бульгенбахскому и его товарищам, чтобы они не причиняли им никакого зла. Совет написал также, и с успехом, предводителю шварцвальдских крестьян [3].

Цюрихцы полагали, что беспорядки вызваны только религиозными причинами; но сами крестьяне говорили, что первым и главным поводом были чисто политические причины; с этим согласны и свидетельства современников всех оттенков [4].

[1] Герберт из Paralip. ad calc. chronici Abb. Ursperg.

[2] Сборник прелата фон Шмида.

[3] Из Тиенгенского архива в собрании прелата фон Шмида.

[4] «...так как настоящее восстание подданных против властей происходит, главным образом, вследствие мнимых тяжестей — подушной, барщины, повинностей и небольших десятин». Послание одного имперского города городу Ульму (источники из собрания прелата фон Шмида). Рукопись вейсенгорнской хроники говорит: «Их первые предприятия были направлены против начальства, которое их обременяло службой, оброками и крепостным состоянием и от

Еще в начале августа Швабский союз совещался о беспорядках, распространявшихся в простом народе. «Так как общины и подданные собираются во многих местах, в городах и окрестностях, бунтуют и возбуждают к мятежу других, пока еще смирных, и стараются поставить власти в зависимость от воли и от прихоти подданных», то союз полагал, что к следующему заседанию сейма «уполномоченные должны представить мнения своих государей». Союз снова совещался в октябре и обещал скорую помощь всем владетелям, которым грозила опасность от подданных.

Эрцгерцог Фердинанд, к которому, как к своему сюзерену, обратился в то же время граф фон Лупфен, отдал крестьянам приказ — оставаться спокойными и обращаться с жалобами к назначенной им в конце августа комиссии в Радольфцелле. Но как часто и как долго они бесполезно обращались с своими нуждами и просьбами в имперский палатный суд, не находя себе нигде ни малейшей защиты! Теперь они должны были надеяться на помощь от эрцгерцогской комиссии, а в ней, кроме Ганса фон Фрундсберга, Кристофа Фунса фон Фуксберга и нескольких депутатов Швабского союза, заседали владетельный граф Рудольф фон Зульц и Ганс Иммер фон Ильенберг, главный австрийский наместник в Энзисгейме, образ мыслей которых был уже слишком хорошо известен крестьянам.

Немудрено поэтому, что ни один крестьянин не явился в комиссию. На приказ эрцгерцога крестьяне не обратили внимания. Они продолжали стоять лагерем с распущенными знаменами. Назначив комиссию, эрцгерцог в то же время приказал собрать 200 человек конницы и 1 500 пехоты, 4 пищали, 6 шлангов, 100 штыков и 25 рогаток; Трухзес Георг фон Вальдбург присоединил к этому отряду еще 200 всадников. Но так как все эти войска медлили, то дворяне в конференции 3 сентября в Целле положили снова вступить в переговоры с крестьянами, по желанию последних в Шафгаузене; между тем, все дворяне должны были «через женщин и других способных к этому делу лиц» разведывать, «где находятся крестьяне, какие у них замыслы, как они сильны, какие питают надежды и на какую рассчитывают помощь». Энзисгеймское правительство обязано было наблюдать, чтобы к крестьянам не приходили подкрепления и не привозились припасы из Эльзаса [1].

От имени графа фон Лупфена на съезд в Шафгаузене явился городской цельский секретарь Больштетер и потребовал, чтобы крестьяне выдали господам знамена, на коленях просили у них прощения за свои беззаконные поступки и заплатили бы за причиненные убытки [2]. Но так как при всем этом граф не обещал ни-

которого они хотели освободиться». Один из тогдашних лесничих говорит, что главной причиной восстания должно считать «слишком большие налоги, слишком тяжелую работу и обременение крестьян долгами».

[1] Протоколы заседаний в Целле.

[2] Рукопись боллинг. хроники.

чего, кроме прощения и оставления при прежнем порядке, то крестьяне не имели большой охоты принять его предложение.

Между тем, медленно собралась часть назначенных войск. Чтобы узнать наверное, не будет ли Швейцарский союз поддерживать крестьян, господа написали 14 сентября в Шафгаузен: «Его императорское величество намерен надлежащим образом наказать своих непокорных подданных, чего можно ожидать вследствие этого от союза?» Союз отвечал: «До крестьян нам нет дела; если бы наши крестьяне взбунтовались, то и мы наказали бы их».

Ганс Мюллер бульгенбахский привлек к себе крестьян Шварцвальда и двинулся из Бахена через Леффинген, Ленцкирх, Нейштадт, Шолах и Урах 30 сентября в Фуртванген, 1 октября в Брегталь и Брейнлинген, 2 октября в Гюльцинген, где на следующий день, в воскресенье, был церковный праздник.

Тут соединились с ними новые отряды Евангелического братства из Гегау и Гери, т. е. из епископства Констанцского и из деревень аббатства Рейхенау; ими предводительствовал Ганс Маурер, и между ними и сводным отрядом Мюллера долго шли переговоры. К 11 октября под трехцветным знаменем стояло более четырех с половиной тысяч человек. Ганс Мюллер, услыхав о приближении дворян, занял безопасную позицию у Эватингена и Ритгейма. Люди его были большей частью вооружены еще только вилами, косами и топорами.

Несмотря на это, дворяне боялись атаковать их. В городке Гюфингене у дворян было не более 800 человек пехоты и 200 конницы, а восстание, между тем, с каждым днем распространялось далее. При таких условиях поражение могло бы иметь самые опасные последствия. К этому присоединялись еще затруднения, представляемые Шафгаузеном, который энергически противился вторжению в Альпегау и Клеттгау.

Шафгаузен имел в ландграфстве Штюлингене много имений, которые во время сражения могли подвергнуться сильному разорению как со стороны крестьян, так и со стороны дворянских войск. Поэтому кантон серьезно противился вторжению туда, а господам в их положении совершенно невозможно было впутаться в войну с Швейцарским союзом и потому было опасно оскорбить его; вследствие этого они по многим причинам с удовольствием приняли предложение Шафгаузена открыть вместе с комиссарами от правительства путь к переговорам. Но когда Шафгаузен составил условия договора, господа объявили, что не могут принять их без согласия эрцгерцога Фердинанда и Швабского союза, а крестьяне, что не согласятся на них, не узнав предварительно желаний всего крестьянства, состоявшего с ними в союзе.

Зима уже приближалась; не то было время, когда войска охотно живут в поле. Господа ничего так не желали, как перемирия.

Тогда в лагерь к крестьянам отправились Ганс фон Фридинген, гофмейстер епископа констанцского, боллингенский фогт

Вернер фон Эгинген и два юберлингенских советника и начали с ними переговоры о том, чтобы они или помирились с своими господами или предоставили свои дела на решение посредников. Граф Зигмунд фон Лупфен должен был получить подобное же приглашение и дожидаться решения. Земский суд в Штокахе должен был разобрать жалобы, а пока крестьянам следовало вести себя смирно [1]. Крестьяне приняли предложение и разошлись, когда удалились дворянские войска. Между собравшимися крестьянами были люди всякого рода. Если бо́льшая часть действительно искала только освобождения и улучшения своей участи, то были, однако, и такие, особенно ландскнехты, которым нравилась праздная, бродячая жизнь. Такой разгульный отряд гегаусцев и кемптенцев приблизился к швейцарской границе. Шафгаузен и Цюрих послали депутатов уведомить их, чтобы они не входили в их область и не производили в ней волнения, а, напротив того, постарались бы успокоить своих.

Когда депутаты спросили о цели их похода, они отвечали, «что идут подобно тому, как летают вороны в воздухе, туда, куда их посылает воля божия, дух и необходимость». На предложение, не вступать в сношения с крестьянами Цюриха и Шафгаузена и немедленно возвращаться назад, они отвечали, что не могут ничего обещать без своих братьев; однако ушли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Крестьянское восстание в Тургау

Швейцарский союз имел основание не подпускать швабских крестьян к своим границам, хотя они делали точно то же, что некогда сами швейцарцы. Между кантонами господствовало несогласие. Цюрих, Шафгаузен и Аппенцель приняли новое учение; Базель, Золотурн, Берн и Гларус также склонялись к нему, хотя официально придерживались еще старой веры; Люцерн, Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг и Фрейбург твердо держались старого и открыто высказывались против новой религии и ее последователей. Подобно немецким дворянам, они приписывали все волнения и бунты новому учению, тем более, что и их собственные крестьяне весной этого года взволновались и обнаружили неповиновение.

«Религиозные нововведения, — говорил оратор десяти кантонов, не принявших реформации, — до того волнуют народ, что он

[1] Письмо юберлингенского бурмистра Фрейбургера.

отказывается платить подати, десятину и другие налоги, при этом ему внушено, что все должно быть общим, и он научился так презирать власти, что это может кончиться падением Швейцарии».

Крестьянство волновалось, особенно в Тургау. Тургауские крестьяне поклялись не бриться, пока не освободятся. В Тоггенбурге они отказались платить десятину; то же происходило и в Заргансерланде и в Рейнской долине. Монастыри Ст. Галлен, Роршах, Мюнстерлинген, Крейцлинген, Фельдбах, Деникен трепетали от угроз своих крестьян. В середине июля тургаусцы разграбили и сожгли картезианский монастырь Иттинген. Это происшествие имело очень сильное влияние на решение, принятое союзом против швабских крестьян. На одном из последних сеймов в Цуге Иозеф Ам-Берг, тургауский ландфогт Кантона Швиц, в ярких красках описал положение Тургау, волнение крестьян и проповеди проповедников; по его предложению союз дал окружным судьям ландграфств Баденского и Тургауского приказание и полномочие хватать каждого, без различия возраста, пола и звания, кто примет новое учение, а особенно главных зачинщиков; приказано было сажать их в тюрьму и держать в заключении до наказания.

Четыре тургауские общины — Верхний и Нижний Штаммгеймы, Нусбаумен и Вальталинген — подлежали верховной власти тургауского ландграфства, но находились в непосредственной зависимости от земских судей Цюриха; подобно самим цюрихцам, жители их отменили обедню и иконопочитание и заключили союз с жителями Штейна на Рейне; они обязались помогать друг другу и защищать друг друга, если подвергнутся насилию из-за евангелия или если будет нанесено оскорбление их проповедникам и землякам.

Ландфогт Ам-Берг особенно преследовал и лично ненавидел подсудка Иоганна Вирта, заведывавшего судопроизводством и собиравшего подати именем Цюриха в Штаммгейме. Этот Вирт был горячий приверженец реформации. Пользуясь своей властью, ландфогт вступил ночью 17 июля с ротой солдат в бургский приход близ Штейна; тамошний священник Ганс Эксле из Эйнзиделя был проповедником нового учения; ландфогт, арестовав его, увел в резиденцию свою Фрауенфельд.

Когда его уводили, Ганс кричал и звал на помощь; крики его разбудили соседей; в Штейне ударили в набат, сигнальные выстрелы из замка Гогенклингена призвали к оружию ближние деревни; жители вооружились и бросились выручать проповедника; но его успели увезти в Фрауенфельд.

К утру собралось до 4 000 крестьян. Штаммгеймский подсудок Ганс Вирт выдал им знамя из часовни св. Анны и сам принял начальство над ними, чтобы восстать против такого насильственного преследования евангелия; штейнский фогт Конрад Стефан и цюрихский церковный регент Эразмус Шмидт, рьяный проповедник, деятельно хлопотали при этом. Общее собрание и совещание должно было происходить у соседнего картезианского монастыря

Иттингена. Предводители решились вытребовать у окружного начальника освобождения священника, а в крайнем случае освободить его силою. Они послали в Диссенгофен и Шафгаузен просить помощи и оружия; но города эти отказали им и даже отправили к ним людей уговаривать их успокоиться.

Между тем, толпы крестьян вломились «к утренней похлебке» в монастырь. В страшном беспорядке от ночной тревоги и вина [1], они разломали ворота, разогнали монахов, поделили между собою церковные драгоценности и одежды, разграбили кладовые, розлили дары, сожгли молитвенники, св. книги и на огне варили и жарили рыбу и, наконец, сожгли весь монастырь. Его зажег, говорят, один несчастный отец, у которого, несмотря на его просьбы, настоятель монастыря отнял сына и не отдавал ему, и кончилось тем, что недавно мальчика растерзала дикая свинья.

Явившись на пожар, предводители были недовольны излишествами и старались по возможности прекратить бесчинства. Ландфогт, услышав в окрестностях набат, приказал звонить и в Фрауенфельде и в других местах; на звон к нему сбежалось много народа, но не крестьян, а дворян, которые выразили готовность жертвовать жизнью и достоянием для восстановления порядка. Но прежде чем у ландфогта дело с крестьянами дошло до драки, из Цюриха явилась депутация совета с городским знаменем и приказала противникам примириться и разойтись. В то же время пришла депутация и из Шафгаузена. По требованию депутатов, крестьяне разошлись по домам. Цюрихцы арестовали некоторых из них и увели в Цюрих; арестованы были нусбаумский подсудок Буркгард Рюттман и подсудок штаммгеймский Ганс Вирт с двумя сыновьями, из которых один, Ганс, был священником в Штаммгейме, а другой, мейстер Адриан, женился на монахине; оба брата были ревностные проповедники.

Союз потребовал, чтобы Цюрих выдал арестованных на суд всем кантонам и с этой целью доставил бы их в Баден; но город хотел судить их у себя. Однако, когда посланный от сейма, заседавшего в Бадене, Себастиан фон Штейн представил городу, что сейм желает судить арестованных не за религиозные мнения, а за бунт, цюрихцы согласились выдать их. В суде, который судил их, заседал между прочими староверами-фанатиками ландфогт Иозеф Ам-Берг. Арестованных жестоко пытали и допрашивали не только о бунте, но, главным образом, об учении Лютера и Цвингли. Дворяне из религиозной и политической ненависти жаждали крови. Несмотря на то, что подсудки были совершенно невинны в разграблении и пожаре картезианского монастыря, их приговорили к смертной казни и 24 сентября обезглавили в Бадене. С ними был казнен и старший сын Вирта Ганс. На допросах они откровенно сознались, что преданы евангелическому учению, любят свободу и восставали против насилия, которому подвер-

[1] *Ансельм*, «Когда крестьянин обратился в свинью...»

галось евангелие; как люди свободные, они пошли на смерть с христианским терпением и мужеством, возбудив этим всеобщее сожаление и удивление к себе, как к истинным мученикам; все, даже католики, почувствовали негодование против жестокого и противозаконного поведения их судей. Быть может, общее неудовольствие было причиной того, что судьи помиловали священника Ганса Эксле и Адриана Вирта; они были освобождены, но должны были заплатить тяжкую пеню. Конрад Стефан штейнский бежал в Констанц, который не выдал его. Цюрих потребовал удовлетворения от девяти городов, казнивших его подданных; тургауский окружной был изгнан из цюрихских владений, а фрауенфельдский ландвебель, уличенный в насилии против евангелия и поношении его дерзкими словами, казнен [1].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Выжидательная политика швабских дворян

Верхнешвабские дворяне охотно усмирили бы своих крестьян так же быстро. Требования крестьян были изложены в шестнадцати статьях, с которыми были согласны также крестьяне Клеттгау, Гегау, Штюлингена и Баара [2]. Бо́льшая часть крестьян искренно желала и надеялась заключить с господами мирное полюбовное соглашение. Аристократия питала другие замыслы. Предложение дворянства разрешить несогласия законным порядком происходило единственно из того, что господа находились в замешательстве и затруднении. Смущение дворян было тем сильнее,

[1] *Ансельм*, VI, 233—237, собрание люцернских актов.

[2] Статьи эти были следующие: во-первых, мы не будем ни стеречь дичь, ни охотиться для господ; дичью, рыбой и птицей должны иметь право пользоваться все; во-вторых, не должно принуждать крестьян водить своих собак в намордниках; в-третьих, каждый должен иметь право носить пищали и арбалеты; в-четвертых, егеря и лесничие не должны никого обижать; в-пятых, крестьяне не обязаны возить помещику навоз; в-шестых, не обязаны косить, жать, рубить, возить сено и дрова; в-седьмых, не обязаны исполнять тяжелые рукоделья; в-восьмых, никого не должно сажать в тюрьму, если он может представить поручителя; в-девятых, не обязаны платить никаких налогов, податей и пеней, кроме установленных законом; в-десятых, не обязаны давать семян, ни ходить на барщину; в-одиннадцатых, не должно никого наказывать за брак мужчины или женщины с чужим подданным или ленником; в-двенадцатых, если кто-нибудь повесится или каким-нибудь другим способом лишит себя жизни, то господин не имеет права воспользоваться его имением и вообще, в-тринадцатых, господин не может брать ничьих наследств, покуда существуют родственники; в-четырнадцатых, должно ограничить права фогтов; в-пятнадцатых, каждый может безнаказанно угощать дома кого угодно вином; в-шестнадцатых, судья, призвав кого-нибудь в суд за какое-нибудь преступление, не может наказывать, не доказав вины свидетелями.

что бóльшая часть войск или уже находилась в Италии, или должна была вскоре отправиться туда, так как император вел там войну с Францией. В конце 1524 года туда ушли последние, сколько нибудь значительные отряды войск. К тому же эрцгерцог не имел вначале денег и потому не мог навербовать новых солдат. Чувствуя себя слишком слабыми, владетели хотели протянуть переговоры [1]; они тянули их, чтобы собрать значительные силы и все необходимое для открытия военных действий и тогда, неожиданно прервав переговоры, с превосходными силами напасть на крестьян. Этой политики владетели держались все время, и надо быть слишком наивным и совершенно не знать дипломатических актов того времени, чтобы, подобно некоторым историкам и их последователям, видеть честные и искренние намерения в их мирных предложениях и верить, что они действительно хотели отказаться от некоторых прав своих.

Нет, мы знаем, что владетели не приезжали на переговоры, хотя сами назначали для них какой им было угодно срок; они всячески обманывали доверчивых крестьян. Вооружившись, они бесстыдно стали говорить, что прежде нужно усмирить крестьян, а потом уже отвечать на их жалобы; мало того, есть подлинные письма, в которых откровенно высказано, — так как владетели, переписывавшиеся между собой, знали, что это останется тайною, — намерение обманывать народ ложной уступчивостью и мнимым желанием законных переговоров до тех пор, пока можно будет усмирить его силою [2].

Обещав оставаться спокойными до законного решения их дела, крестьяне предполагали, что и владетели, с своей стороны, не станут в продолжение этого времени пользоваться своими правами. Однако, едва они возвратились домой, как помещики стали снова требовать с них выполнения барщины, оброка и других повинностей, которые крестьяне не хотели давать. Крестьяне отказывались платить и работать. Они утверждали, что дворянство должно на время прекратить свои требования, так как законность их оспаривается; если же оно намерено чего-нибудь требовать, то пускай обращается в суд с жалобой на крестьян.

Поступки дворян в высшей степени раздражали крестьян, и некоторые сочли себя вправе не соблюдать своего обещания — не нарушать спокойствия во время переговоров [3].

[1] Сборник прелата Шмида, Вейнгартенский архив.

[2] Ульмский архив, Вейнгартенский архив в собрании прелата Шмида, у Вейдлера, копия с манускрипта из собрания прелата фон Шмида, где эрцгерцог пишет: «Пусть Трухзес переговаривается с крестьянами мирно, пока не соберет войско». Ср. письма Экка к герцогу Баварскому в 19 главе.

[3] Народная песня того времени:
«Die Bauern zogen wieder heim, sie wollten sich basz besinnen;
Da muszten sie Erdbeern und die Morachen gewinnen.
Sie zogen wieder heim und waren nit lang ausgewesen;
Da muszten sie auch Schneckenhäuslein lesen.
Sie möchten sein nit geniesen,

В это время приехал Мюнцер, и началась деятельность проповедников, распространявших волнение проповедями и прокламациями.

Это было в ноябре. Подданные города Виллингена, особенно в Брегской долине, начали волноваться; волнение распространилось уже в Гогенбергском округе, в Вюртемберге, в окрестностях Туттлингена. Австрийское правительство послало в Туттлинген отряд конных войск под начальством Рудольфа фон Эгингена для наблюдения за движением крестьянства. В этой местности крестьяне стояли в числе 300 человек при Тунингене близ Туттлингена. Ими предводительствовали «Щука» и Освальд Медер. Здесь с ними соединился Ганс Мюллер бульгенбахский и хотел вести их в Вюртемберг. Соединившись на пути с австрийскими и союзными крестьянами, Ганс Мюллер отступил к Брейлингену и послал гонцов в Шварцвальд, и вскоре уже стоял с шестью тысячами человек у леса, по прозванию Гальде. Он хотел овладеть Виллингеном и Гюфингеном, но намерение это было выдано или предусмотрено, и неприятель, к которому подходили сильные подкрепления из Фрейбурга и Вальдкирха, занял оба города прежде, чем он успел что-нибудь сделать. Его люди разбрелись большей частью по домам, а с ним остались только настоящие ландскнехты и небольшая часть крестьян.

Они напали на замок графа Зигмунда фон Лупфена; в то же время клеттгаусцы осадили Кюссенбург, один из замков ландграфа Рудольфа фон Зульца, а толпа гегаусцев двинулась против Гюфингена и Донауэшингена.

В Гегау в это время стояло снова до тысячи вооруженных крестьян. Трухзес Георг фон Вальдбург вступил с ними в переговоры, наблюдал за ними и, наконец, чтобы испытать их мужество, взял у них на глазах деревню Мюльгаузен, где жил главный начальник их, и отогнал у них скот. Он погнал скот через брод под горой Мутбергом, надеясь, что крестьяне будут преследовать его, и тогда он атаковал бы их с тремя сотнями рейтаров. Но они не решились пожертвовать выгодою своего положения и, напротив того, отступили и заняли еще более сильную позицию, на которой Трухзес не осмелился атаковать их; оттуда они отошли еще далее к Донауэшингену. Рудольф фон Эгинген и сильный гарнизон

Sondern muszten in die Kriesen,
Die Herren sammleten sich und huben an zu tagen;
Da sprachen die Bauern: Wir wendt die Herrn zwacken.
Die Herrn zogen wieder heim, ihnen fing an zu grausen;
Da sprachen die Baurn: den Herrn welln wir lausen.
Sie kamen zusammen und fingen an zu schieszen;
Desz wollt die Herrn sehr übel verdrieszen».

(Мужики пошли домой подумать, а там их опять заставили собирать землянику; они пошли домой и пробыли в отлучке недолго, а им велели искать улитковые раковины; эдак им не исправиться было, а стало еще хуже. Господа собрались и начали советоваться; тогда крестьяне сказали: надо господ поприжать; господа ушли домой; они стали трусить. Мужики сказали: мы поищем у барина вшей; они собрались и стали стрелять. Господам пришлось плохо).

Виллингена оттеснили их в Вутахскую долину. Здесь отряд разделился; одна часть пошла домой, а другая перешла Вутах, подняла гауэнштейнских крестьян, проникла до монастыря Сент-Трудперта, разграбила и опустошила его и оттуда сделала набег на Сент-Блазий, где также опустошила и разграбила монастырь, не пощадив даже священные сосуды и церковные книги. Тогда прибыли старшина Фрей и другие члены советов Бадена и Клингнау и старались успокоить народ. Но усилия их были тщетны; областной съезд, происходивший в мартынов день в Рейнфельдене, также ничего не сделал. С каждым днем возрастало число недовольных в Блуменегге, в Вутахской долине, во владениях аббатства Сент-Блазия и в фюрстенбергских поместьях. Австрийское энзисгеймское правительство, собрав, сколько могло, солдат, подкрепило ими силы Трухзеса и Эгингена. Все эти силы вступили в Сент-трудпертскую долину, разбили там отряд крестьян, сожгли множество крестьянских дворов и угнали скот.

Между тем наступил день, в который в Штокахе должны были начаться судебные прения по крестьянскому делу. Для этого был назначен иванов день, 27 декабря. Увидев, что судьями все дворяне, крестьянские депутаты протестовали и объявили, что хотят беспристрастного, а не дворянского суда. Тогда владетели велели прочитать указ императора Максимилиана о земских судах в доказательство, что члены земского суда должны быть благородные. Затем владетели начали жаловаться на крестьян суду, состоявшему из их же братии. Обвиненные ни на что не согласились и просили отсрочки, чтобы иметь возможность представить объяснения на обвинение дворян. Дворяне были принуждены согласиться, потому что этого требовал порядок суда. В крещенье, 6 января 1525 года, был назначен новый съезд, на который должны были собраться, кроме выборных крестьян, депутаты от городов Юберлингена, Зекингена, Лауфенбурга, Рейнфельдена, Виллингена, Фрейбурга, Вальдкирха, Триберга; посланники епископа Констанцского должны были явиться в качестве посредников.

Положение дел не должно было нравиться тем из дворян, которые были поумнее. Пламя восстания быстро распространялось и перебегало от границы к границе. Большая часть местного дворянства, члены правительства и штокахского земского суда бежали из своих замков и городов в Радольфцелль, крепкие стены которого и благонамеренное городское население обещали им больше безопасности. Наступило крещение, приехали посредники, прибыли выборные от крестьян, но дворяне не явились. Не было ни графа Зигмунда фон Лупфена, ни графа Рудольфа фон Зульца, ни Давида фон Ландека. Поэтому крестьяне снова ни на что не согласились. Положили вновь собраться через четыре недели [1].

[1] Рукопись Виллингенской хроники. Несколько рукописных актов в собрании прелата фон Шмида. Рукописная хроника Сент-Блазия. Акты Штутгартского государственного архива. Особенно же Анналы Людвига Зейдлера и одна рукопись из собрания прелата фон Шмида (то же, что цейльская рукопись).

20 января 1525 года происходили переговоры Трухзеса Георга и нескольких австрийских комиссаров с брегтальцами и другими подданными города Виллингена. Предложения его, по которым крестьянам делались некоторые уступки, были приняты всеми, кроме брегтальцев. В воскресенье перед сретением он приезжал снова один и уговорил брегтальцев возобновить свою присягу городу и более не нарушать спокойствия [1]. Также успешно кончил он переговоры с подданными аббата Санкт-Георгена [2].

Но он потерпел неудачу в переговорах с жителями Гегау. Здешние крестьяне не послушались ни его красноречия, ни увещаний, ни угроз. Они думали, что уступки, которые он им предлагал, не что иное, как обман, и были правы.

Незадолго до того граф Вильгельм фон Фюрстемберг, который был еще лучше многих аристократов, вел переговоры за себя, за своего брата и за графов фон Лупфена и фон Зульца с крестьянами штюлингенскими, баарскими и клеттгаускими; переговоры происходили в имперской судебной палате в Эслингене. Крестьяне настаивали на своих 16 статьях, требуя, чтобы они были приняты в основание переговоров, но граф соглашался признать и принять только некоторые из них. Таким образом рушились и эти переговоры, хотя уже прошел слух, что здешние крестьяне примирились в Эслингене с своими господами [3].

Между тем, эрцгерцог сделал заем у Вельзеров в Аугсбурге и готовил войско; поэтому господа заговорили с крестьянами иначе.

Еще в половине января эрцгерцог писал в Штоках своим комиссарам: «Конница должна напасть на мятежных непослушных крестьян и подданных. Следует, где только можно, хватать их, поднимать на дыбу и пытать иными способами, допрашивая, кто их начальники, коноводы и зачинщики, велики ли силы их, чего они хотят и против кого замышляют действовать; и по допросе должно их закалывать, или удавливать, или иначе строго наказывать, не давая никакой пощады; но в особенности должны стараться тщательно выслеживать их предводителей, военачальников и других вождей, разузнавать, где они чаще всего бывают, и тайком, неожиданно, в ночную пору забирать по домам и трактирам порознь или всех вместе и затем губить их, как найдется удобнее. Если же до ареста они успеют убежать в леса или укрыться где-нибудь, то следует без милосердия опустошать, разрушать и жечь их дома, имения и имущества, а у беглых зачинщиков мятежа, не ограничиваясь истреблением имущества, выгонять и изгонять из страны их жен и детей [4]. Вальхнер относит это письмо к третьему числу января, но по началу его видно, что оно не могло быть писано ранее половины этого месяца.

[1] Рукопись Виллингенской хроники.

[2] Седьмой документ в приложениях к сочинению Вальхнера «Трухзес Георг».

[3] Сборник прелата фон Шмида.

[4] Седьмой документ в приложениях у Вальхнера «Трухзес Георг».

Так говорил враг народной свободы, полуиспанец, полуголландец, эрцгерцог Фердинад, воспитанный попами в принципах деспотизма. Он продолжал собирать деньги и войско, «дабы иметь под рукой все нужное, если бы пришлось силою покорять и наказывать крестьян» [1]. И подобные приказания он давал в то самое время, когда еще шли переговоры.

Подавить восстание было порученоТрухзесуГеоргу фон Вальдбургу, назначенному главнокомандующим. При нем состояло два военных советника — фон Герольдсек и Рудольф фон Эгинген.

Опасаясь, чтобы городок Энген не пристал к крестьянам, Трухзес поспешил занять его. Между горожанами происходили несогласия, и некоторые из них были уже в крестьянском лагере. Трухзес с трудом выхлопотал, чтобы его впустили в город. Из города он старался посеять раздоры между крестьянством [2] и, потерпев в этом неудачу, 15 февраля объявил «мятежным крестьянам Гегау»: «Если они не отстанут от людей и подданных, принадлежащих его великокняжеской австрийской светлости, а именно от мятежников мюльгаузенских, викских и кирхштеттенских, виновных в неповиновении и измене; если не выдадут ему всех, имеющихся у них, мятежников для поступления с ними по закону; если до завтрашнего вечера не внесут ему наличными деньгами по 10 рейнских гульденов с каждого дома, принимавшего участие в мятеже, или, по крайней мере, если не представят залог и поручительство в том, что выплатят эти деньги в течение месяца, то с ними будет поступлено, как с нарушителями имперского земского мира, т. е. их накажут грабежом, огнем и мечом; пускай они подумают об этих условиях» [3].

Гегауский народ не имел никакого желания принять эти «умеренные предложения». В течение последних двух недель крестьяне значительно усилились, и к ним пристало много народа, бывшего доселе спокойным. Деревням, не желавшим присоединяться к ним, они грозили нападением. Едва Трухзес уехал в Энген, как восстали многие местности, которых до того времени удерживала в повиновении близость войска [4]. В конце января крестьяне Шварцвальда снова собрались в Эвантингене, взяли друг с друга клятву и решились силою добиваться своих прав. В ночь на 27-е число этого месяца австрийское правительство получило известие, что они хотят расположиться перед Гюфингеном. В воскресенье 30-го клеттгауские крестьяне вступили с белым и синим знаменем в город Вальдсгут, бывший в открытом восстании.

Правительственные комиссары не знали, что делать. При таком широком распространении мятежа, который охватил множе-

[1] Там же.

[2] Донесение комиссаров эрцгерцогу от последнего числа января 1525 г. Приложение десятое у Вальхнера.

[3] Документ там же. Приложение восьмое. Вот те «умеренные предложения» Трухзеса и эрцгерцога, о которых говорят многие историки.

[4] Донесение комиссаров.

ство городов и селений от Брейсгау до Констанцского озера и от Альгау до Риса, с их небольшими военными силами нельзя было ничего сделать. Положение правительства было бы гораздо лучше, если бы Трухзес мог действовать против всех соединенных сил крестьян вместе, хотя они были многочисленны. Притом эрцгерцог, живя в Инсбруке, не имел никакого понятия о том, что делается. Его инструкции, быстро следовавшие одна за другой, противоречили друг другу. Едва приходило приказание, как вслед затем оно отменялось; едва прислал он приказ собрать на озере из разных мест австрийских владений в Швабии конные и пешие войска и атаковать ими крестьян, как приказ этот был уже отменен и было, наоборот, повелено повременить решительными действиями против крестьян, отослать назад уже прибывшую кавалерию и оставить до дальнейших приказаний прочие войска на квартирах. Комиссарам пришлось взять на себя ответственность поступить вопреки этому последнему приказанию, «потому что от него произошел бы для его княжеской светлости явный ущерб, вред и посрамление»[1].

Швабский союз также немало стеснял комиссаров. Они принуждены были советовать и предписывать Трухзесу ничего не предпринимать против крестьян без явного повода; иначе Швабский союз мог заметить им, что они начали войну без его ведома[2].

Швабский союз начал действовать ревностно только тогда, когда восстание стало слишком грозно и когда ему стала грозить опасность и с другой стороны. Старый враг союза желал, казалось, стать во главе крестьянского движения. 11 февраля 1525 года канцлер Экк писал герцогу Вильгельму Баварскому: «От некоторых лютеран вторично слышали, что вальдсгутские бунтовщики и другие мятежные крестьяне получают деньги от герцога Ульриха Вюртембергского».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Герцог Ульрих Опальный и крестьяне

Когда в 1514 году в Вюртемберге крестьянам не удалось «удержать за собой свои древние права и остаться при справедливости», или, как говорили другие, «помочь божественному правосудию», когда сотни крестьян и в том числе «многие добрые люди», «многие благочестивые, невинные люди»[3] были принуждены удалиться

[1] Донесение комиссаров.
[2] Там же.
[3] Рукопись Виллингенской хроники. «В то время многие благочестивые невинные люди должны были расстаться с хозяйствами и семьями вопреки богу и праву». Так судили беспристрастные современники вне Вюртемберга.

из родины, тогда Швейцария и Шварцвальд дали им убежище и пристанище. «Несчастные вюртембергские изгнанники» являлись на швейцарские сеймы с просьбою заступиться за них. Судьба и характер их возбуждали участие федеративного правительства. Оно услышало их просьбы и ходатайствовало за них, но Ульрих отвечал, что готов простить всех, просящих о возвращении в страну, «кроме зачинщиков, начальников и подстрекателей». «Мы не можем принять этих условий, — отвечали изгнанники на люцернском сейме, — потому что мы все, сколько нас есть, зачинщики и подстрекатели, но не на мошенничество какое-нибудь, а на возвращение себе наших древних прав. Таковы были и предки швейцарских союзников Штауфахер и Вильгельм Телль, храбрые подвиги которых доселе честно славит весь союз, хотя, если послушать государей и дворян, то честные люди эти не что иное, как изменники и злодеи» [1].

Швейцарский союз часто ходатайствовал перед герцогом за изгнанников. Вюртембергцам, столь привязанным к своей родине, приходилось в течение долгих лет изнывать в тоске по родине у самых пределов своего отечества, не смея переступить их; но они не теряли надежды на возвращение, если не добром, то силою. Еще в конце 1518 года герцог требовал, чтобы союз не слушал этих людей и не помогал им.

Но в апреле 1519 года он был сам опальным изгнанником, сам молил швейцарские сеймы о помощи и блуждал бесприютный на рубеже своего отечества.

Ульрих продолжал попрежнему преследовать Бедного Конрада, «как будто находил какое-нибудь удовольствие потешаться над кровавым потом народа».

Тщетно сами советники его представляли ему, что если он не вспомнит о своих верных подданных, а главное, о господе боге, и не переменит образа жизни и управления, а будет действовать попрежнему произвольно, то из всего ясно и очевидно для каждого, что он подвергнет себя опасности лишиться княжеской чести и сана, здравия и жизни и доведет до погибели своих советников и всю страну.

Но в этих советах он видел лишь доказательства честолюбивого и властолюбивого намерения городской аристократии приготовить ему участь его предшественника, Эбергарда Младшего. Поэтому, чтобы держать их в страхе, он действовал жестокостями, ввел в стране систему террора и казнил с неслыханными мучениями нескольких советников, в том числе Конрада Брейнинга, обвинителя крестьян при кровавой расправе над Бедным Конрадом. Он тиранил свою жену, баварскую герцогиню; он, как убийца, собственноручно зарезал одного из своих приближенных, Ганса фон Гуттена, происходившего из могущественного франконского дома и имевшего красавицу жену. Сабина, страшась за свою

[1] *Готтингер*, История Швейцарии, т. I.

свободу, а, быть может, и за самую жизнь, бежала в Баварию. Против герцога поднялись вассалы Гуттенов, почти все франконское и швабское дворянство и герцоги баварские. Он был объявлен опальным и, наконец, когда, невзирая на все это, он напал на вольный имперский город Рейтлинген, подчинив его себе, присоединил к вюртембергским владениям, Швабский союз изгнал его из государства, которое было завоевано, занято и, наконец, продано австрийскому эрцгерцогу Фердинанду.

Таким образом, иностранцы распоряжались в Вюртемберге. Но ненависть вюртембергцев к Австрии коренилась так давно и так далеко, что заставила их забыть все, что они претерпели при Ульрихе. Три месяца спустя после своего изгнания Ульрих попытался возвратить себе свои владения; он собрал двенадцать рот вольных ландскнехтов, и к нему пристали почти все, «которые некогда по его милости должны были покинуть страну», в том числе 40 крестьян верхом без седел.

Таким образом, за него шли изгнанные им вюртембергцы, бывшие против него в Бедном Конраде. Враги обвиняли его в желании возвыситься посредством нового Бедного Коонца. В конце 1518 года император обвинял его, что он приманивает к себе главных начальников Бедного Коонца и сам затевает восстановить его. Дворянство же незадолго до его изгнания объявило публично, что, «увидав неудовольствие именитых людей своего государства на его безрассудные поступки и действия, он перестал им верить, пристал к развращенной черни, расположил ее к себе, окружил себя некоторыми легкомысленными особами, из коих многие уже давно заслужили казнь своими преступлениями, и при помощи их действовал против именитых людей» [1]. Первый, принявший его сторону и говоривший в его пользу перед штутгартскими воротами, был шорндорфец Бестлин, служивший в его войске начальником. В его войске было много людей, принадлежавших прежде к Бедному Конраду, особенно ремстальцев. Они были очень преданы изгнанному герцогу.

Он завоевал Штутгарт и большую часть своего государства. Одна современная песня говорит, что «крестьяне и бедный люд силою восстановили его» [2]. Но он не мог удержаться против аристократии и Швабского союза. Несмотря на храбрость и искусство начальника вольных ландскнехтов, Ганса Мюллера, он потерял сражение при Унтертюркгейме. Герцог вторично бежал из своих владений. Сражавшиеся за него крестьяне разошлись по деревням и домам. Многие, возвратившиеся с ним, снова бежали из страны. Кроме того, много бежало таких, которые прежде не были изгнанниками.

Таким образом, Опальному не удалось восстановить себя на престоле с помощью простого народа. Тем не менее, австрий-

[1] Послание вюртембергского дворянства Швейцарскому союзу от 7 ноября 1519 г.

[2] *Аретин*, 5, 514.

ское правительство, овладевшее его государством, продолжало опасаться с его стороны новой попытки.

В богатом замками и развалинами Гегау, между восемью отдельно стоящими вулканическими вершинами возвышается надо всеми ими скала Твиль или Гогентвиль. Высота ее от лежащего у ее подножия торгового местечка Зингена до вершины три четверти часа ходьбы. На ней стояла крепость, которую природа и искусство сделали неприступною. Она была известна еще римлянам. Теперь она срыта. С 1515 года герцог Ульрих приобрел от Генриха фон Клингенберга, которому она принадлежала, право доступа в нее, а с 23 мая 1522 года вступил в полное пользование ею. Он жил то в своем наследственном зарейнском владении Монбельяре, то в Золотурне, где, как и в Люцерне, считался гражданином, то, наконец, в Гогентвиле, но большею частью он ездил по Швейцарии, из города в город, испрашивая помощи у союзников. С высокой отвесной скалы Твиля он часто смотрел на расстилавшиеся внизу области Верхней Швабии, тоскуя о своем Вюртемберге, которого не мог видеть.

В конце 1522 года в Вюртемберге разнесся слух, что в верхних странах поднялся «новый Башмак» на помощь герцогу Ульриху, что восстали крестьяне в Тургау, в Гегау и других окрестных местах, что они выкинули белое шелковое знамя, на котором нарисовано солнце и золотой башмак с надписью: «Кто хочет быть свободным, иди к этому солнцу».

Город Юберлинген также извещал об этом штутгартское правительство. Он писал, что такие вещи делаются по всей стране, в лесах и на задворьях. Барон Георг фон Гевен, известный своей преданностью слуга Ульриха, женился недавно на графине фон Гогенталь и намеревался приехать с ней в свой замок. Когда, по обычаю некоторых местностей Швейцарского союза, молодые парни пошли навстречу невесте, чтобы с почетом принять ее, «к ним пристали башмачники и «практиканты»; под предлогом встречи ее они хотят собраться в Фрауенфельде и итти оттуда с распущенными знаменами прямо в Гогентвиль, куда герцог только что приехал и где собралось много вюртембергских подданных; оттуда они пойдут на княжество Вюртемберг».

Штутгартское правительство так испугалось этого, что поспешно отправило гонцов к эрцгерцогу Фердинанду на имперский сейм в Нюренберг. Вооружили всю страну, усилили пограничные гарнизоны, просили скорой помощи Швабского союза и приказали окружным фогтам и начальствующим лицам в Брейсгау, Эльзасе, Зундгау и в других приавстрийских странах готовиться к отражению нападения. «Простой народ, — писали правительственные власти эрцгерцогу, повсюду стремится теперь сделаться свободным, завладеть имуществом богатых и не платить никаких повинностей. Мы заметили такое же настроение и в Вюртемберге. На пехоту, состоящую из горожан и крестьян, полагаться нельзя, поэтому пришлите скорее корпус кавалерии, чтобы можно

было принять своевременные меры, пока мятеж еще не усилился».

Правительство отправило в округи вюртембергского Шварцвальда двух тюбингенских граждан, Михаэля Реслера и Иерга Тишмахера. Им было поручено обратить внимание городов на грозящий Башмак, внушить им верность правительству и представить всю опасность, которая грозит им со стороны мятежа. «Хотя Ульрих, поджигающий это восстание, и бунтовщики обещают свободу, но известно, что бывшие подданные этого герцога не видали от него большой свободы и, напротив того, он хотел даже лишить их всех вольностей. Поэтому каждый разумный человек понимает, что приверженцы Ульриха нимало не помышляют о свободе, а просто хотят отнять и поделить между собою имущества тех, которые приобрели его с великим трудом и заботами. И таково всегда желание злонамеренного Башмака — лишать всех всяких вольностей, которые они имеют, и повергать людей в худшее рабство, чем прежде. Если бы герцог и его приверженцы вздумали поддерживать свободу, то на какие средства стали бы они удовлетворять своей роскоши, гордости и требованиям своего сана? Следовательно, под заманчивым предлогом свободы, он хочет покорить неразумных и глупых людей тайной отраве своего прежнего тяжкого ига и повернуть их в прежнее рабство. Всякий честный человек должен подумать, как бы воспротивиться всеми силами своими этому яростному покушению, жертвуя жизнью и имуществом. Если бы злой умысел этот не осуществился теперь же, то следует принять меры, чтобы он не мог осуществиться и в будущем, потому что очевидно, что герцогу Ульриху невозможно возвратиться в свои прежние владения иным путем, кроме того, который так недостоин князя и христианина. По всем же предшествовавшим поступкам его должно ожидать, что он и его приверженцы нимало не задумаются снова возжечь этот адский Башмак. Если, чего сохрани боже, ему удалось бы каким бы то ни было образом достичь этого, то, конечно, он возобновит свою прежнюю тиранию и приведет в исполнение все, чего не успел исполнить, т. е. уничтожит все вольности, которыми ныне пользуются подданные, и обратит их в такое рабство, какого еще не было ни в одной немецкой стране. Так действовал он и при недавнем вторжении своем в это государство».

Швейцарскому союзу правительство писало следующее: «Не верьте слухам, будто Ульрих имеет в стране приверженцев и будто простой народ пристанет к нему, когда он начнет свое башмачное предприятие. Поэтому не помогайте, а препятствуйте ему».

Яков Раммингер, посланный правительством в Верхнюю Швабию и Швейцарию, нашел всюду спокойствие. Он не заметил никаких признаков опасности. В Цюрихе ни о чем не знали. Швейцарский сейм, заседавший в Бадене, писал от 18 декабря в Вюртемберг, что ничего не знает и не слыхал о Башмаке или о нападении, будто бы готовящемся па Вюртемберг, о которых его из-

вещали. Однако будут приняты меры для охранения горных проходов и мостов и для поимки лиц, оказавшихся мятежными.

Трудно сказать, насколько слухи эти были в то время справедливы. Незадолго до того Ульрих занял у золотурнцев 11 000 гульденов под залог имений своих, Клерваля и Пассавана. Приверженцы его, Каспар фон Фрейберг, Буркгард фон Вейлер и фон Лир, прибыли в это время в Гогентвиль под предлогом успокоить гарнизон, недовольный задержкой жалованья. Но трудно сказать, нужна ли была для этого столь значительная сумма. Известно, что от 16 декабря до 19 января Ульрих не выезжал из Мемпельгарда, но нельзя сказать, чтобы это доказывало, что он не был в Гогентвиле в первых числах декабря, как носился слух. Наконец, невозможно решить, был ли рассказ о белом знамени Башмака чистой выдумкой или знамя это действительно уже готовилось, или, наконец, оно было уже развернуто, но потом снова спрятано, до более благоприятного времени. Однако нельзя оставить без внимания тот факт, что в Ремской долине, между Громбахом и Гебахом, на дороге был найден плоский кирпич, неизвестно откуда взявшийся, точно упавший с неба. На одной стороне его был изображен олений рог с надписью: «Привет Вюртембергу», а на другой — охотничий рожок и латинская надпись: «Да здравствует герцог Ульрих!».

С наступлением лета 1524 года опасения австрийского правительства возобновились.

Около михайлова дня геппингенский фогт Яков фон Бернгаузен доложил совету имперского города Ульма от имени наместника и совета штутгартских, что гегауские крестьяне отказались служить своим господам и вступили в сношения с герцогом Ульрихом, намереваясь вторгнуться в Вюртемберг.

30 ноября город Констанц писал аббату Цвифальтенскому, который отослал его письмо в Штутгарт, «что герцог Ульрих как последователь лютеранской секты имеет в Швейцарии много приверженцев и обещал по завоевании своей страны защитить евангелие, освободить народ от крепостной зависимости и от всяких повинностей и уничтожить монастыри и аббатства»[1]. В конце года было получено много донесений из округов Туттлингенского и Балингенского о том, что тамошние крестьяне находятся в сношении с гегаусцами и герцогом, который набирает в Швейцарии войско и держит в Гогентвиле много пушек.

Вскоре после того правительственная комиссия, находившаяся в Штокахе, получила известие, что «восставшие крестьяне в Гегау, Шварцвальде и других местах сносятся и сговариваются с герцогом Ульрихом, проживающим в Шафгаузене», комиссию извещали, что «герцог и крестьяне как мятежные, так и мирные нападут на замки и города и отнимут у австрийского дома не только Гегау, но и все княжество Вюртембергское» [2].

[1] Рукопись в Штутгартском государственном архиве.
[2] Донесение комиссаров эрцгерцогу; приложение X у Вальхнера.

До новейшего времени часто сомневались в намерении Ульриха вооружить крестьян; но это совершенно справедливо. Чем более распространялось крестьянское восстание, чем более приходилось австрийскому правительству и Швабскому союзу хлопотать о сохранении порядка между своими собственными подданными в своих собственных странах, тем более надежд открывалось Ульриху возвратить себе свои утраченные владения. Поэтому Ульрих не только пользовался крестьянским восстанием, но и поджигал его, что было совершенно естественно в его положении; тем более, что он никогда не был слишком разборчив в средствах.

Он уже давно состоял на службе у Франции, воевавшей с главным врагом Ульриха — Австрией. Французским золотом хотел он платить крестьянам Гегау, Тургау и герцогства Баденского.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Фуксштейнер и план Опального

Тайные переговоры в этом деле со стороны Ульриха вел в это время один замечательный авантюрист, называвший себя рыцарем и доктором Иоганном фон Фуксштейнером. Пфальцский дворянин, он был сын не баварского регенсбургского городского правителя, о котором мы говорили выше, а амбергского земского судьи; до 1523 года он был канцлером пфальцграфа Фридриха и титуловался по своему пфальцскому лену Эбермандсдорфу.

Современники, даже враги, отзываются с похвалой о его способностях. Менее благоприятны отзывы не только врагов, но и друзей о его характере. «Хитрый плут, прибегавший ко всяким подлостям», — называет его один современник [1]. Губерт Томас, наследовавший Фуксштейнеру в должности секретаря пфальцграфа, говорит о нем: «Фуксштейнер был очень ловок, но несколько подловат; он продавал за деньги право и честность и вертел ими, как хотел, если видел в том свою выгоду; он так умел своим языком расписать порок, что многие обманывались и принимали его за честного человека; но в этом они ошибались».

При дворе пфальцграфа он отличался тем же гениальным легкомыслием, тою же блистательною низостью, как и сами пфальцграфы, его сластолюбивые государи. В 1522 году пфальцграф Фридрих сделал его членом имперского правления.

В этом звании он помогал предприятию Зиккингена. Он участвовал в заговоре франконского рыцарства и старался вовлечь

[1] *Гемейнер*, Регенсбургская летопись по свидетельствам современников.

пфальцграфов в план Зиккингена против духовных государей, а когда это не удалось, хотел запутать их в распри с их родственниками. Интриги его обнаружились, потому что в бумагах Зиккингена были найдены его собственноручные письма; положение его стало шатко. Он бежал из страны прежде, чем пфальцграфы успели притянуть его к ответственности за то, что, по собственным словам его в письме к Зиккингену, он «следовал духу времени» и старался «обуздать государей и освободить германское дворянство от их невыносимого ига». В наказание были конфискованы его лены; он уехал в Швейцарию, куда после падения Зиккингена бежали и другие опальные рыцари.

Он поступил на службу к Ульриху Опальному, герцогу Вюртембергскому. С этих пор его называют то советником, то канцлером Ульриха. Как бывшему сообщнику членов дворянского заговора Зиккингена и как политическому изгнаннику по той же причине, как и они, ему нетрудно было составить союз между ними и своим новым господином, князем-эмигрантом Ульрихом.

Из числа опальных друзей Зиккингена в Швейцарии находились Гартмут фон Кронберг, гофмаршал курфюрста майнцского Фровен фон Гуттен, Розенберги боксбергские, жестокий Томас фон Абсберг, сын Франца Зиккингена — Швейкер фон Зиккинген и, кроме этих именитых вождей франконского рыцарского союза, многие другие опальные рыцари с Майна, Таубера и Рейна. Между ними, кажется, находился и Флориан Гейер фон Гейерсберг на Гибельштадте.

Бо́льшая часть этих рыцарей участвовала под знаменем Швабского союза в изгнании герцога Ульриха из Вюртемберга в отмщение за убитого Ульрихом родственника их Гуттена. Несчастие свело в Швейцарии этих старых врагов герцога и рыцарей и соединило их против общего врага: у них, как и у него, главною целью было вернуться в отечество и возвратить себе свои владения.

Еще до этого Ульрих завел сношения с богемским рыцарством. Рыцари готовили ему вспомогательные войска и крепости на богемско-баварской границе.

Франконские опальные с отрядом в 110 человек конницы собрались в зарейнском графстве Ульриха, Мемпельгарде. В Базеле герцог собрал всех своих друзей и держал военный совет. Было решено прежде всего разделить силы Швабского союза; для этой цели было положено соединиться с мятежными крестьянами Верхней Швабии и произвести нападение на владения герцогов баварских со стороны Богемии.

Бавария, т. е. тамошние герцоги и умный баварский канцлер Экк, была главною опорою Швабского союза. Было положено отвлечь внимание их, произведя частью опального дворянства Франконии и богемским рыцарством вторжение в Баварию из Богемии. В то же время альгауские крестьяне, соединившись с Ульрихом и собранным им войском из швейцарцев и изгнанников, участвовавших некогда в вюртембергском восстании Башмака, должны

были напасть на Баварию спереди. Таким образом, Ульрих мог бы быстро занять свое герцогство. Искуснейшие из членов Бедного Коонца намеревались отправиться туда немедленно, чтобы расположить в его пользу крестьян.

Гартмут фон Кронберг с частью франконских опальных лично отправился в Богемию; при нем был и Фуксштейнер. Другая часть изгнанных франконских дворян осталась в Оберланде, чтобы руководить вторжением швабских крестьян в баварские владения.

Франконские опальные сновали по богемской границе, заводили сношения, набирали солдат. Служители их вербовали конницу даже в Верхнем Пфальце. Осенью 1524 года сам Фуксштейнер ездил с конным отрядом на границу между Баварией, Верхним Пфальцем и Богемией.

В январе 1525 года Фуксштейнер поспешно возвратился к Ульриху в Швейцарию и был послан за деньгами к королю Франциску французскому. Тем временем прочие должны были ждать благоприятной минуты для вторжения в Баварию с набранными войсками и поднятыми ими богемскими крестьянами. В письме своем к королю французскому Ульрих говорит, что ему представился случай собрать некоторое число храброго народа, конного и пешего, в том числе подданных врагов его и короля, австрийских и других, и жителей Верхнего и Нижнего Шварцвальда, Гегау и Клеттгау, всего несколько тысяч человек. При помощи их он надеется возвратить свое наследственное княжество, но ему недостает небольшой суммы денег, поэтому он просит его величество дать ему взаймы 15 000 крон; на эти деньги он наймет упомянутых шварцвальденцев, гегаусцев и клеттгаусцев, а также отряды швейцарцев и рейтаров — всего до 12 000 человек с пушками и артиллеристами; он наймет их на месяц, платя по гульдену за человека, а если понадобится, то и на дольше, пока не возвратит себе свое княжество.

Фуксштейнер отправился в лагерь короля Франциска при Павии. Тем временем герцог продолжал вербовать людей и интриговать. Он жил в своей крепости Твиле между бунтующими крестьянами; сборный пункт клеттгаусцев и шварцвальденцев, Гюльцинген, лежал у самого подножия Твильской горы. В это время он уже старался войти в соглашение с Гансом Мюллером, бульгенбахским, которого не следует смешивать с Гансом Мюллером, отличившимся на службе Ульриху в 1519 году в качестве начальника ландскнехтов; последний, прозванный одноруким, служил в это время в войске Швабского союза[1]. Вторжение предводителя шварцвальденских крестьян в вюртембергские владения было, впрочем, только рекогносцировкой. Ни крестьяне, ни Ульрих не были еще в конце 1524 года готовы к войне. Притом герцог надеялся, что

[1] Рукописное описание крестьянской войны Ганса Луца аугсбургского, герольда Трухзеса Георга; он был очевидцем войны. Оригинал этой важной рукописи находился прежде во владении у г. фон Гальдера в Аугсбурге, и Шмидт сам снял с него копию.

Франция одержит в Верхней Италии решительную победу над Австрией; тогда крестьянам нетрудно бы было восторжествовать, и Ульрих без труда занял бы Вюртемберг. Король Франциск сам писал Ульриху от 10 февраля 1525 года, что надеется вскоре доставить ему добрые вести.

Ульрих снова получил большие суммы от Базеля и Золотурна под залог своих зарейнских владений, откуда он вывез артиллерию в Твиль, накупил новых пушек и велел приготовить порох и ядра. В Шафгаузене, на Гогентвиле и под ним, в Гюльцингене, он нанимал солдат и крестьян в свою службу. В веселом расположении духа он разговаривал за столом в трактире с верхнеэльзасским дворянином Вольфом Дидрихом фон Пиртом о том, как несправедливо упрекают его, будто он хочет ввести в свою страну Башмак; впрочем, говорил он, его поставили в такое положение, что ему нельзя разбирать, кто поможет ему овладеть своей страной, сапог или башмак (рыцарство или крестьянство). Но, тем не менее, он надеется вернуться с честью. Он намерен сперва покорить страну и подданных в области Швабского союза, а потом без труда овладеть своим герцогством, так как будет располагать большими силами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Происки герцога Ульриха и Фуксштейнера

Прежняя репутация Ульриха была такова, что не могла привлечь к нему крестьян. Поэтому герцог начал подделываться к ним, ездил к ним и говорил, что он, как и они, «стоит за божеское право». Он лично ездил к крестьянам Гегау и Клеттгау и на крестьянскую сходку в Нейкирхене, а на другие крестьянские сходки разъезжали его агенты [1]. Но ему не удалось приобрести доверия клеттгаусцев: он слишком походил в их глазах на их господина, надменного графа фон Зульца. Не более удачи имел он сначала и в других областях.

Канцлер его Фуксштейнер отправился поэтому в Альгау и поселился там в небольшом имперском городе Кауфбейрене.

Там, как и во многих других имперских городах, были две партии: аристократическая и общинная; в ту пору они сильно враждовали друг с другом. Аристократы как в религии, так и во всем прочем держались старого порядка; община же стояла за новые. Главою ее был в городе и округе новый бургомистр Блазий Гонольд. Главою старой партии был прежний бургомистр Георг Реслин. Перевес был на стороне общины.

[1] В Штутгартском государственном архиве находится целый ряд документов по этому предмету.

Живя в Кауфбейрене, Фуксштейнер имел возможность руководить восставшими крестьянами и побуждать к восстанию других. Он находился здесь в центре крестьян епископа Аугсбургского, князя-аббата Кемптенского, аббата Ирзейского и многих других духовных и светских владетелей, области которых лежали между Иллером, Лехом и Дунаем, на самой границе Баварии. Оттуда можно было вступить в сношения с тирольцами, которые уже начали волноваться и распространять восстание по верховьям Леха в Баварию, посредством агентов и прокламаций; оттуда же можно было силою принудить крестьян Верхней Швабии пристать к Крестьянскому союзу.

Фуксштейнер прибыл в Кауфбейрен не как военный начальник и не как бывший министр курфюрста, а как проповедник нового учения, как секретарь и слуга крестьян. Он велел устроить для себя в церкви кафедру, с которой проповедывал и объяснял по-немецки слово божие [1]. Кроме того, он писал челобитные для многих крестьян, общин по сю и по ту сторону Леха; все эти челобитные имеют чисто местный характер. Вскоре Фуксштейнер приобрел в качестве крестьянского адвоката и проповедника такое доверие между крестьянами, что в марте они сослались на него перед Швабским союзом как на одного из своих поверенных, на суд которого они желали представлять свои жалобы. Швабские комиссары менее всего желали иметь его посредником, а крестьяне, особенно альгауские, кроме него не хотели никого.

Атаковать герцогов баварских разом с двух сторон, из Богемии и Швабии, и пресечь сношения между ними и Швабским союзом—вот что было единственной целью Ульриха и Фуксштейнера, тогда как коноводы крестьянского движения горячо стремились, напротив того, восстановить вооруженный союз швабов через Баварию с тирольцами, зальцбуржцами и населением Верхней и Нижней Австрии. Они имели агентов во всех этих краях и находились с ними в постоянных сношениях, руководя из Швабии их действиями [2]. В первых числах марта крестьяне Ирзэ Аугсбургской области, графства Монтфортского и княжества Кемптенского ожидали для восстания только сигнала из Верхней Баварии. Между крестьянством царствовало такое единодушие, что баварские полководцы не решались предпринимать никаких мер против баварских общин, находившихся в этом краю. «Когда в Баварии ударят в набат, — писали они в Мюнхен, — на помощь им тотчас восстанет большой Крестьянский союз, в который вступит всякий, кто только способен взяться за палку или за кол»[3].

Герцогу Ульриху хотелось заставить баварских епископов и князей поплатиться за его военные издержки. Он располагал,

[1] Донесение баварского полководца Зиг. Феффенгаузена из Шонгау в Мюнхен от 9 марта 1525 г., *Иерг,* 168.

[2] Письмо канцлера Экка к герцогу Вильгельму Баварскому от 15 февраля 1525 г., *Иерг,* 379.

[3] Донесение Феффенгаузена от 9 марта, *Иерг,* 178.

следуя плану Фуксштейнера, двинуться через Брегенцский лес, где все проходы были открыты в графство Ротенфельс, соединиться с монтфортскими, кемптенскими и другими крестьянами и немедленно вторгнуться в Баварию [1].

Баварские лазутчики доносили, что «швейцарцы уже проложили через Гамс дорогу, по которой могут пройти и конница и пехота, а прежде там ее никогда не было».

Но герцог Ульрих не спустился в Ротенфельс через Бухенберг и не вторгнулся в Баварию; вместо того он пошел ближайщим путем в Вюртемберг.

Неизвестно почему он изменил свой план, вероятно, по недостатку в деньгах. Он не мог долее платить жалованье тысячам швейцарских и других наемников, а следовательно, не мог и удерживать их долее под своими знаменами. Эта причина и желание как можно скорее снова вступить во владение своим герцогством побудили его поспешно вторгнуться в отечество.

Потерпев неудачу у крестьян Гегау и Клеттгау, Ульрих начал вербовать в Швейцарии, где дело пошло успешнее. В половине февраля Ганс Мюллер бульгенбахский заключил с ним тайный договор за крестьян Гегау и Шварцвальда, причем Ульрих, вероятно, сделал уступки, которых потом не сдержал. Узнав его ближе, Мюллер перестал доверять ему. Поэтому к герцогу присоединилось из всей лесной части страны, из Гегау и из Гери, всего только семь рот; они и собрались в Гюльцингене, Штейслингене и Бааре. К ним присоединились четыреста человек из Базеля, триста из Шафгаузена, отряды из Золотурна, из Тургау, Ааргау и других округов, что составило вместе шесть тысяч человек пехоты и двести конницы.

Ульрих двинулся с этими силами в конце февраля в свое герцогство Вюртемберг. Артиллерия его состояла из трех картаун большого калибра, трех кулеврин и четырех фальконетов [2]. Из Шпайхингена он потребовал 26 февраля сдачи Балингена.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Швабский союз и канцлер Экк

В начале 1525 года ульмская комиссия союзного сейма не находила нужным назначить поголовный сбор союзников, потому что крестьяне Верхней Швабии не могли собраться в большом

[1] Доклад лазутчика Фолькера фон Фрейберга на Эйзенберге от 24 февраля; *Иерг*, 171.

[2] Обо всем этом находится множество документов в Штутгартском архиве. По рукописи Ганса Луца, артиллерия состояла из 13 пищалей, 10 кулеврин и 3 картаун.

числе по случаю зимы, а собравшиеся не могли по причине холодной погоды долго продержаться в лагере. К тому же крестьяне из Альгау и из окрестностей озера были хорошо вооружены и обучены военному делу, так что против них было необходимо выставить хорошее войско; но оно находилось большей частью с императором в Италии. Если бы союзные чины приступили немедленно к найму и набору войск, то можно было ожидать, что многие солдаты поспешат из Италии в Германию наняться на службу союзу, что поставило бы покинутого ими императора в крайнее затруднение.

Чрезвычайный сейм, собравшийся 5 февраля 1525 года в Ульме, нашел восстание черни в высшей степени опасным. «Оно распространялось так быстро, что отряд крестьян из двух или трех сот человек в несколько дней вырастал до трех, четырех тысяч. Они желали свергнуть все власти и всякое начальство и сделаться сами себе господами». Поэтому 11 февраля последовало предписание союзным чинам выставить к 27 февраля, а, если можно, то и ранее, на указанных местах первую треть контингентов, а другую треть держать наготове к походу. Первая треть состояла из 1 035 человек конницы и 2 407 пехоты. Сборными пунктами были назначены Штутгарт и Ульм. Союзный полководец Ульрих Арцт писал 15 февраля имперскому городу Эслингену: «Если не будут приняты немедленно меры, то истории этой не будет конца. Нельзя терять ни одного часа» [1].

На сейме господствовали несогласия и робость. Причиною этого были частью возраставшие опасность и слабость союзного войска, частью разнородный состав сейма, на котором сталкивались самые противоположные политические и религиозные интересы. Города, а с ними и все последователи новой религии желали действовать в отношении крестьян кротко и без вражды или, по крайней мере, из благоразумия делать вначале вид, что намерены действовать так. Князья и графы, хотя приверженцы старой церкви и противники городов, соглашались с ними, потому что трусили, не знали как быть. Но баварский канцлер Экк полагал, что «не следует давать потачки с самого начала, так как одно зло влечет за собою другое, и что с пятью-и шестьюстами конницы можно разбить, рассеять и наказать крестьян». Он видел ульмских крестьян, но не видал альгауских и поозерных. Трухзес знал их лучше. Экк писал своему герцогу от 12 февраля о малодушии дворянства: «Те из владетелей, у которых крестьяне восстали, боятся их до смерти; это просто старые бабы. Они опасаются за свои дома, и никто не решается действовать, пока не соберется союзное войско. Боюсь, что крестьяне нападут на нас, увидя великое малодушие дворянства».

Канцлер советовал взять в плен предводителя ближайшего крестьянского отряда из окрестностей Ульма, напав на него ночью,

[1] Из Эслингенского архива. Коллекция прелата Шмида.

не обращая внимания на переговоры, которые союз вел с ним. Большинство сейма было пока еще слишком честно для подобной меры. Канцлер, негодуя, пишет насмешливо своему государю от 12 февраля: «Достаточно десяти человек конницы, чтобы схватить крестьянского предводителя, но эти набожные добряки на сейме только плачут, слушая мои советы и мнения»[1].

Однако этот мудрый государственный муж сам не отправился с своими баварскими рыцарями, которых легко мог бы собрать десяток, на воинственные похождения, пожинать лавры. 15 февраля он писал, уже поохладев, своему герцогу: «Завтра крестьяне снова соберутся. Мы предложим им прислать к нам депутацию, с которою мы могли бы вести дальнейшие переговоры, и дадим ей надежный конвой. Если они согласятся, то мы задержим этих бездельников до прибытия наших войск, а потом нападем на мятежников и примем против них серьезные меры»[2].

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Князь-аббат Кемптенский и его крестьяне

В Альгау, в Кемптенском аббатстве, восстание получило определенную форму и связь ранее, чем на пространстве между Шварцвальдом и Констанцским озером.

В то время, когда в Гегау и поозерные страны проникало вооруженное восстание, вспыхнувшее в Клеттгау и Бааре, кемптенские крестьяне еще стояли только за свое доброе старое право. Воспоминание о свободе было у них еще свежо, угнетение еще ново; поэтому они действовали с самого начала осторожнее, спокойнее и умереннее, чем другие крестьяне. Но тем ярче обнаруживались здесь несправедливости и деспотизм владетелей, с презрением и насмешкою отвергавших самые справедливые, самые законные просьбы и всякое соглашение с подданными.

Главным проповедником евангелического учения в городе Кемптене был Матиас Вайбель, приходской священник церкви св. Лаврентия. Он не принадлежал к революционной партии и предостерегал свою паству от восстания; но он с жаром восставал против своеволия и роскоши духовных владетелей. Они питали к нему за это такую ненависть, «что умертвили бы его, если бы друзья не охраняли его».

Когда в Швабии начались волнения, князь-аббат Себастиан на минуту струсил, подобно другим владетелям, и согласился

[1] Многие письма Экка; *Иерг*, 405.

[2] Письмо канцлера от 15 февраля 1525 г., из Баварского тайного государственного архива; *Иерг*, 407, см. 15 главу.

снова отдать дело на рассмотрение третейского суда. Он и крестьяне его избрали для этой цели шестерых дворян: маршала Иоахима фон Паппенгейма-цу-Ротенштейна, Адама Штейна-цу-Ронсперга, кемптенских бургомистров Гордиана Зейтера и Генриха Зельтмана, бургомистра вангенского Леонгарда Кольба и кауфбейренского городского старшину Матиаса Кламера. В понедельник, после праздника богоявления 1525 года, они должны были собраться в Гюнцбурге и полюбовно уладить несогласия между аббатом и крестьянами.

На собрание в Гюнцбург явились крестьянские депутаты и сам аббат. Первые ясно изложили свои жалобы, но аббат стал смелее и упрямился, как владетели на штокахском и радольфцельском съездах; он не уступил крестьянам ни в чем и отказался даже продолжать переговоры на пасхе. Таким образом, аббат подшутил в четырнадцатый раз над крестьянскими депутатами и над законными формальностями. Депутаты поручили третейским судьям повторить их просьбу князю. Но Адам Штейн передал им от имени аббата, что ему не о чем более толковать с ними. Тогда депутаты объявили третейскому суду, что они обязаны сообщить всему земству о всем, что происходило в Гюнцбурге, и передать ему последнее решение князя.

Они вернулись во-свояси и созвали представителей всех общин в Луибас, где с древности собирались сходки. Каждый из двадцати семи приходов, принадлежавших к Кемптенскому аббатству, прислал по нескольку человек на общий сход. Они согласились, не принимая пока никакого решения, разойтись по своим общинам и объявить им, что в понедельник после себастианова дня (именин аббата) весь кемптенский народ должен собраться в Луибас на общее народное собрание, чтобы выслушать отчет о происшедшем на съезде в Гюнцбурге и решить, как следует действовать далее, путем ли полюбовного соглашения или судебным порядком.

В назначенный день, 21 января, крестьяне потянулись со всех сторон в Луибас на народное собрание; народ шел из Гуминфурта, где шумит стесненный утесами Иллер; с крутой Роггинской горы на Гауенберге; из Гелленьерста и с реки Иснера; из Эшаха и Лаутраха; с лесистой возвышенности Гогенрайна и из Зедельбруннена; из Беренбруннена в Бегене и с истоков Минделя; из Вертаха, Иельтнаха и Ротаха.

Толпами повалили через монастырские ворота и город в Луибас крестьяне, жившие за городом выше, в Альгау. Туда же шли и подгородные крестьяне из деревень, лежавших ниже города. Крестьяне Аугсбургской области потянулись предместием. Город дал им свободный пропуск, чтобы поживиться от них деньгами за еду и питье. Между гражданами дело не обошлось без ссор и брани, потому что одни стояли за крестьян, а другие за аббата. Некоторые из членов городского совета поехали в Луибас на крестьянское собрание.

Крестьянские депутаты прочли собранию все жалобы, принесенные ими на гюнцбургском съезде, рассказали о ходе переговоров и о своих бесплодных стараниях и объявили, что теперь, когда последний ответ аббата устранил всякую возможность полюбовной сделки, они намерены обратиться к правосудию. С этой-то целью они и созвали крестьянство, а не для того, чтобы вредить аббатству или возбуждать против него мятеж и насилие. Кто пожелал бы или стал бы делать это, должен быть указан и подвергнут наказанию.

Но даже для больших общин было очень тяжело и накладно вести дело в суде. Крестьянство поэтому и пыталось столько раз добиться соглашения, чтобы избежать больших издержек. Чтобы обеспечить средства на ведение тяжбы, ораторы предложили, чтобы те, кто хочет судиться, заявили об этом и дали друг другу клятву до конца платить все расходы.

С этой целью двое крестьян подняли рогатину, и все присягавшие должны были пройти под нею. Прошли все, кто принадлежал аббатству; не отказался никто, кроме членов городского совета и других, пришедших из окрестностей поглазеть и послушать; они не пошли, потому что присягать следовало только подданным монастыря. На покрытие издержек назначили треть ежегодного господского оброка и положили, чтобы в следующую пятницу каждый приход отрядил от себя по одному или по два депутата в город Кемптен для избрания комиссии, которая должна вести судебный процесс. Условившись далее бить в набат в случае, если бы против которой либо из общин была употреблена сила, собрание разошлось по домам. Толпы повалили обратно через город с музыкой, пением и бодрыми криками, воодушевясь мужеством; но не было произведено никакого бесчинства, и народ разошелся в порядке по своим околоткам и хижинам [1].

Этот твердый, вполне легальный образ действий кемптенских крестьян, которого они не изменили, несмотря на все притеснения, несправедливости, нарушения их прав и презрение к ним, это терпение и решимость их искать правды только законным путем, хотя они составляли многочисленное вооруженное сборище, это-то называется многими историками кемптенским мятежом!

25 января депутаты общин сошлись в Кемптене и избрали комиссию, уполномочив ее защищать крестьян судебным порядком от их несправедливого господина. Самым деятельным членом комиссии был Иерг Шмид из Луибаса, по прозванию Кнопф [2], сын того Шмида из Луибаса, который был тридцать лет сряду крестьянским оратором и депутатом и исчез однажды на пути к императору, вероятно, вследствие преступных козней духовенства. Благодаря аббату сын поверенного кемптенских крестьян так обеднел, что

[1] Извлечение из крестьянских актов и из рукописной городской летописи, в собрании прелата Шмида; из земских актов; *Гаггенмюллер*, стр. 505—511.

[2] Обычное прозвище у швабов для дюжего, коренастого человека (Knopf — пуговица).

должен был наняться работником к одному белильщику в Кемптене. Но имя его и честность доставили ему хорошую репутацию.

Его первого избрали в комиссию. Вторым был Иерг Теубер из лаубенского прихода, который был бы вольным человеком, если бы духовенство не обратило его деда в крепостное состояние. Жена его была также вольная. Аббат Иоганн Рудольф, предшественник нынешнего, насильственно лишил их свободы. Третьим был избран Конрад Майер из Гецена, бецигауского прихода.

Комиссия из трех лиц подала Швабскому союзу и императору протест против действий князя-аббата. В этом протесте они просили рассмотреть законным порядком их жалобы и изъявляли готовность без возражений уплачивать аббату все подати, оброки и пошлины, на которые он имеет старинные права; при этом они выражали надежду, что союз не позволит князю предпринимать что бы то ни было против крестьян, пока спор их не будет решен судом. Но князь жаловался с своей стороны Швабскому союзу, что подданные его составили заговор против аббатства и союза, и требовал вооруженной помощи. Он видел преступный мятеж в том, что крестьяне его соединились законным образом для защиты своих древних вольностей.

Находясь в стесненном положении, члены ульмского союзного совета заговорили примирительным тоном; они отправили к кемптенским крестьянам послов и обещали кончить их тяжбу с князем полюбовным решением или судебным постановлением. Ульмский союзный совет обнаружил даже предупредительность: дело в том, что восстание вспыхнуло еще в трех пунктах; по сю и по ту сторону Ульма.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Крестьянские лагери на Иллере, Констанцском озере и на Дунае

Проповедники возбуждали народ новым учением не только в Меммингене и Кемптене, но и по всему Альгау. Еще не далее, как в конце прошлого года, аббат Гервик Вейнгартенский писал совершенно спокойно, довольным тоном: «Благодаря бога, у нас в Альгау Лютера мало уважают» [1]. А в начале следующего года во всем этом крае уже бродили мюнцерские и другие перекрещенцы, которых народ слушал очень охотно [2]. Но как нимало было лютеранства в учении этих проповедников, не хотевших и знать о Лютере, приверженцы старого порядка называли этим именем все,

[1] Из Вейнгартенского архива у Шмида.
[2] *Гаггенмюллер*, I, 512.

что уклонялось от древней религии или противоречило ей. Все современные писатели этих стран, из монашеского и духовного сословий, согласны между собой в том, что восстание было возбуждено в их краю подстрекательством и речами лютеранских проповедников, которые соблазняли будто бы крестьян, доказывая им, как тяжко власти угнетают их рабством, барщиною, налогом на наследства и другими податями. Вследствие их происков крестьяне собрались и поклялись «пособить св. евангелию и слову божию и восстановить его во всей чистоте»[1].

На тесном пространстве между Кемптеном и окрестностями Ульма было, кроме аббата Кемптенского, множество других духовных владетелей с их аббатствами, как то: аббаты Оттенбейренский, Ирзэйский, Шуссенридский, Вейссенауйский, Альтшгаузенский земский командор; аббаты Ротский, Оксенгаузенский, Вейнгартенский, Мархтальский, Роггенбургский, Вейссенгорнский, Виблингенский, Эльхингенский, Веттенгаузенский, Цвифальтенский и много других менее крупных. Кроме того, значительная часть этого пространства принадлежала епископу Аугсбургскому. Между владениями духовных господ были разбросаны замки светских, также притеснявших народ. Наконец, крестьяне чувствовали на себе и руку городской аристократии, которая также имела здесь владения.

На Риде, выше Ульма, жил в Зульмингене кузнец Ульрих. Он был искусный оратор и мастер как составлять планы, так и ковать железо. Когда крестьяне собирались где-нибудь в окрестностях за чаркою вина, Ульрих непременно являлся между ними оратором[2]. Он встал во главе восстания крестьян, живших между Биберахом и Ульмом. 29 января на совещании с двадцатью крестьянами в трактире в Бальтрингене, местечке, принадлежавшем биберахскому госпиталю, он решился приступить к делу. У них ежедневно происходили сходки, 2 февраля на сходку пришло уже восемьдесят человек, собравшихся будто бы на пирушку. Стечение народа в Бальтрингене увеличивалось со дня на день. Такие же сходки по трактирам, «будто бы для попоек», собирались во многих местах в Альгау и далее, в Иллертиссене, Крумбахе, Иеттингене, Вейсенгорне. Через неделю, 9 февраля, собралось уже 2 000 крестьян на Риде при Лаупгейме, между Биберахом и Ульмом, которого не должно смешивать с другим Лаупгеймом, лежащим ниже Ульма. Они расположились здесь лагерем и учредили братство. Вступавшие в него записывались, внося два крейцера. Целью этого братства было освобождение «от обременявших их барщины, оброков и рабства и восстановление св. евангелия и слова божия, которые долго утаивались».

[1] Краткий отчет о крестьянском возмущении против города Фюссена. Из архива этого города в собрании прелата Шмида. Описание крестьянской войны из Зальмансвейлерского архива. Там же.

[2] Извлечение из рукописной летописи Иоганна Эриста Флуммерна, в собрании прелата Шмида.

Вскоре братство это возросло до 12 000 человек. Оно рассчитывало на содействие города Бибераха, где многие граждане сочувствовали крестьянам и уже столкнулись между собою. Два городских пекаря, Вейт Трелин и Александр Стеффан, говорили в лагере, что не пройдет трех дней, как биберахские господа будут выброшены за городские стены [1]. Крестьяне свободно приходили и уходили из лагеря, где развевалось красное знамя. Вождем был Ганс Ваннер из Вартгаузена, а знаменосцем — зять его; секретарем же, оратором и душою лагеря был кузнец Ульрих зульмингенский. Лагерь был известен под именем «бальтрингенского сборища» или «красного знамени». К нему пристали все ридские крестьяне, все вассалы аббатств и светских владетелей всей страны при низовьях Иллера, до самого Мемминген [2].

Но ясно было, что эти крестьяне не страшны ни храбростью, ни военною дисциплиною. «Нас вынудила к этому предприятию несправедливость господ» [3], — говорили они.

Между тем, в Верхнем Альгау собрался другой сводный отряд, и также стал лагерем.

Природа разделила Альгау на две различные части, верхнюю и нижнюю; границею между ними служила линия, проведенная от Лейткирха до Обердорфа через Дитмансрид. К верхней части принадлежали, следовательно, округи Тетнанг, Ванген, Исни, Лейткирх, Кемптен, Нессельванг, Имменштадт, Зонтгофен и вся область до Леха, до той страны, где на заднем плане уже рисуются покрытые вечными снегами вершины Альп. Широкие равнины этой южной горной страны флецовой породы, поросшей лесом до самых вершин гор, слишком прохладны для земледелия, но представляют зато превосходные альпийские пастбища. Они населены красивым, сильным племенем, занимающимся скотоводством; дворы и деревни этого племени разбросаны по склонам и на вершинах гор; густо населены только местечки около приходских церквей. Нижняя часть Альгау, лежащая к северу, состоит из наносных холмов, удобных для земледелия, и заключает в себе округи Аулендорф, Вальдзэ, Вурцах, Оксенгаузен, Вейнгартен, Равенсбург, Обергюнцбург, Оттенбейрен, Кауфбейрен, Мемминген и Миндельгейм.

25 февраля верхнеальгауские крестьяне расположились лагерем. Первые поднялись крестьяне округов Тетнанга, Райтенау, Лангенаргена и все подданные графа фон Монтфорта. Вскоре собралось до 7 000 человек, потому что к ним пристали и другие округи Верхнего Альгау. Кемптенские крестьяне также находились в грозном настроении.

[1] Извлечение из рукописной летописи Иоганна Эрнста Флуммерна в собрании прелата Шмида.

[2] Вейсенгорнская летопись Томана; летопись Зейдлера; описание Зальмансвейлера; летопись Флуммерна; все эти рукописи из собрания прелата фон Шмида.

[3] Письмо канцлера Экка; *Иерг*, 405.

Видя, что, вопреки всем расточаемым обещаниям, Швабский союз вооружается, кемптенские крестьяне решились и с своей стороны приступить к вооружению, тем более, что получили уведомление, что они первые подвергнутся нападению. Разнесся слух, что на них идет конница, и, вероятно, тот же слух побудил вооружиться тетнангских крестьян.

По условию, заключенному в Луибасе, в воскресенье 26 февраля во всех кемптенских церквах ударили в набат, и вскоре призывный колокол загудел по всему Верхнему Альгау. Кемптенские крестьяне собрались в Дитмансриде, чтобы отразить нападение, но, не дождавшись его, вечером разошлись.

Тетнангские крестьяне собрались в Райтенау. Через день кемптенцы собрали в Луибасе общее народное собрание. Это происходило по условию, принятому заранее, в понедельник на заговеньи. Целью собрания было заключить более тесный, прочный и обширный союз для правой защиты своих древних вольностей. На этот раз в собрание явились также подданные епископа Аугсбургского и многих других владетелей и были приняты в братство.

Собрание продолжалось несколько дней, но спокойно и чинно; крестьяне совещались и договаривались между собою на основании древних и законных прав и обычаев своих. Город Кемптен снова прислал к ним депутатов, которые обещали крестьянам от имени своих сограждан не покидать их в этом деле и, когда понадобится, поддержать их жалобы своим свидетельством. Здесь были и другие кемптенские граждане, между прочим цеховые старшины, и также много наобещали.

Князь-аббат прислал сказать крестьянам, что готов решить спор, как им угодно: полюбовно, оружием или судом. Крестьяне ответили, что и не думают поднимать оружия против его милости и желают решить дело полюбовно или по закону. Аббат и его приближенные сочли этот скромный ответ за доказательство робости крестьян и вообразили, что всего лучше окончательно запугать их угрозами. Княжеские советники — Маркварт фон Шелленберг, Ганс фон Фрейндсберг [1] и Отт Цвикер, выехали к крестьянам. «Вы вздумали тягаться с нами судом,—закричал Ганс фон Фрейндсберг, — но я не за тем приехал. Мы не дадим вам никаких прав, а расправимся с вами мечом; мы сделаем вдовами ваших жен, осиротим ваших детей. Вас рассудят наши копья!» Крестьяне спросили его, что же он сделал бы на их месте? Он посоветовал им уплатить налоги, как установлено, а дорожные повинности через год. Аббат не будет никого насильно брать в подданство, но кто уже приписан к аббатству, тот должен на будущее время нести свои повинности, и они не будут ни сбавлены, ни прощены. Он дал сутки срока на размышление, сказав, что пришлет к ним потом гонца за ответом; с непокорными же обещал строго расправиться.

[1] Не должно смешивать его с знаменитым Георгом фон Фрейндсбергом (или Фрундсбергом).

Он прислал охранную грамоту для депутатов, которых им следовало отправить к аббату в его резиденцию, замок Либентанн. Но когда депутаты явились туда, Ганс Фрейндсберг объявил им, что «аббат не утвердил ничего, о чем он с ними договорился».

Даже слепой увидел бы, что аббат издевается над крестьянами; это их раздражило; они были многочисленны и сознавали свою силу. «Карлик задумал сделаться великаном; крестьяне решились победить Швабский союз». Собрание разошлось, избрав предводителей и ораторов и условившись между прочим, собрать в сборное воскресенье, 5 марта, на сейм в городе Кемптене депутатов от всех альгауских крестьянских общин. Крестьяне с торжеством прошли обратно через город, куда в последние дни часто приходили, когда вздумается, и получали за деньги все, чего желали, несмотря на запрещение ульмского союзного совета [1].

Кнопф из Луибаса не был в то время в Альгау; он был послан от земства с двумя другими выборными в Тюбинген за советом к знаменитому юристу, доктору Иоганну Феннингеру. Феннингер посоветовал крестьянам судиться и не итти на соглашение с владетелями. Но тут прибыл от крестьян Бартоломей Фрей из Лутпольца и сказал выборным: «Чего вы так копаетесь в Тюбингене? Крестьяне в Оберланде так сильны, что не нуждаются ни в каких судах». Депутаты вернулись в Альгау.

Народ волновался и в самом городе Кемптене. В среду на первой неделе поста, 1 марта, вечером восстание началось в цеховом доме ткачей. Народ подстрекал друг друга, жалуясь и на аббата и на магистрат. В четверг несколько цехов составили сходку, чтобы изложить, что каждый из них имеет сказать против совета и против аббата. Много было заявлено при этом мнений и жалоб; один хотел того, другой — другого. Жаловались и на то, что все ремесла обременены пошлинами и что всякая производительность в стране стеснена, так что простому народу в городе трудно кормиться. Собрание отказалось платить аббату налоги и повинности, требуемые церковью, и заявило желание иметь проповедников лютеранского учения. Цехи снеслись друг с другом, как им действовать, и согласились, чтобы каждый цех избрал по несколько выборных, которые составили бы между собою совет; но между цехами не было согласия, потому что одни стояли за совет, другие за общину, третьи за аббата, четвертые за крестьян. На следующий день цеховые выборные собрались и согласились, что лучше всего воспользоваться настоящими беспорядками, чтобы совершенно освободиться из-под княжеской власти. В субботу созвали общину, которая приняла этот план, и предложение выборных было передано совету, чтобы обсудить, как освободиться от аббата и каноников. Совету, разумеется, понравился такой план, и он

[1] Городская летопись; рукопись из Кемптенского архива, в собрании прелата Шмида; *Гаггенмюллер*, I, 513—514.

обещал заняться им. Таким образом, совет и община остались в добром согласии [1].

Крестьяне всего Верхнего Альгау, всех владельцев, собрались вместе и составили один общий Верхнеальгауский лагерь. Начальниками отдельных отрядов в нем были Вальтер Бах из Ау, Петер Миллер из Зонтгофена, Вейхлинг из Ау, Томас Бертлин из Нессельванга, Михаил Кемпф оттуда же, Ганс Верц из Вертаха и Кнопф из Луибаса.

В сборное воскресенье, 5 марта, все эти вожди поехали в Кемптен; их сопровождали выборные из всех альгауских приходов. В Кемптене они держали первый союзный сейм и решили силою привлечь в свой союз все окрестное население. Альгауские крестьяне, столь умеренные до той поры, сделали тогда первый решительный шаг; их легальная оппозиция господам впервые приняла теперь вид вооруженного восстания, но и тут еще их не покинули благоразумие и умеренность, которыми они отличались доселе.

За ними, на Лехе, лежал город Фюссен, принадлежавший Аугсбургскому епископству. Для них было важно не оставлять у себя в тылу такой важный укрепленный пункт, и им было необходимо во что бы то ни стало овладеть им или привлечь его в свой союз. Принадлежавшие к городу поселяне пристали к кемптенскому братству еще на сретение.

24 февраля в Оберндорфе, между Кауфбейреном и Фюссеном, собралось восемь тысяч крестьян, большей частью из Аугсбургского епископства. Они пристали к Гегаускому союзу. Примеру их последовали деревни на швабском берегу Леха, состоявшие под верховной властью Баварии.

Епископ Аугсбургский Христоф фон Стадион приехал в Оберндорф, чтобы лично объясниться с крестьянами. Он ласково просил их «не бунтовать и смирно дожидаться решения дела». Они предъявили ему десять или пятнадцать требований, говоря, что не последуют его совету, пока он не согласится на них. Епископ нашел среди них несколько священников; они стояли в кругу крестьян в оружии и латах и руководили ими; здесь находился, между прочим, викарий оберндорфский, Андрей Штромайер из Кемптена.

Вообще между верхнеальгаускими инсургентами было много священников, состоявших у них в качестве сельских проповедников, секретарей, советников и даже предводителей; называют имена Матиаса Рета, викария мемгельцского; Христиана Ваннера, священника гальденвангского прихода; Вальтера Шварца, викария мартинсцельского; Манга Батцера, викария бухенбергского; Ганса Геринга, викария легауского; Ганса Гафенмайера, старшего викария обергюнцбургского; Ганса

[1] Городская летопись, рукописная. Тут прелат Шмид значительно расходится с Гаггенмюллером в подробностях, хотя оба пользовались одним источником; I, 515.

Унзинна, викария обертингауского; Вейта Ридле, младшего викария обергюнцбургского.

Епископ увидел, что «от него отступились почти все его вассалы» и решились перейти к гегаусцам, потеряв к нему доверие. 25 февраля он поспешил, не обещав ничего, в свой город Фюссен; но на следующий день уехал оттуда, обнадеженный обещанием помощи и защиты со стороны граждан этого города, к которым он обратился с воззванием, уговаривая их оставаться верными ему.

Баварские государи энергичнее отозвались на известие, что восстание уже проникло далеко в Баварию, до самых долин Леха, и что к Оберндорфскому лагерю присоединились крестьяне Эпфаха, Ледера, Аша, Денклингена и Швабшзоена, угрозами принуждая и других следовать их примеру. Герцоги еще 25 февраля двинули в долину Леха отряд конницы и пехоты с достаточною артиллерией; но епископу Аугсбургскому они не послали помощи. Его фогт, отправленный к ним послом, вернулся из Мюнхена в Фюссен с неутешительным ответом, что «на этот раз не находится охотников служить попам».

Комиссия и посланные от всего альгауского земства, собравшиеся в Кемптене, издали воззвание к гражданам Фюссена:

«Нашим добрым, мудрым и достопочтенным друзьям, в особенности нашим любезным соседям и верным приятелям, готовы мы оказать дружбу и усердие. До вас, конечно, дошел уже слух, что мы соединились в христианском порядке и согласии, чтобы помочь слову божию и божеским правам и что вследствие этого между нашими властями и крестьянством возникли некоторые несогласия. Теперь мы слышали, что вы соединились и вступили в договор с нашим милостивым господином епископом. Поэтому мы желаем знать, намерены ли вы стоять за божеские права или нет, и каков будет ваш ответ, так мы и будем действовать. Мы просим поэтому вас прислать нам письменный ответ в Нессельванг».

Фюссенские граждане отвечали, что никогда не были противниками слова божия, не заключали никакого нового договора с своим владетелем и до сих пор не понимают, кто поступал или намерен поступить с ними несправедливо. Они изъявляли надежду, что и крестьяне не поступят с ними несправедливо, и обещали с своей стороны быть для них добрыми соседями, насколько позволят обстоятельства [1].

Города Мемминген и Кауфбейрен отнеслись к крестьянам сочувственнее.

Мемминген, сумевший удержать своих крестьян от восстания разумными уступками, следовал той же политике и относительно других крестьян. В этом городе была сильная партия, державшая сторону крестьян; все, кому было дорого евангелие, видели в крестьянах своих братьев по евангелию и находили их жалобы основательными, тем более, что простой народ и в городе имел много

[1] Доклад о восстании около города Фюссена, в собрании Шмида.

поводов к неудовольствию. Мемминrенский проповедник Шаппелер был, по крайней мере, не против восстания пока оно держалось в границах умеренности. Город разделился на две партии. Аристократы, которые и здесь, как и везде, «слушали новое евангелие» и вторили ему неохотно [1], не любили Шаппелера. На проповедях он был принужден окружать себя толпою последователей, как стражею. Но и совет, собираясь, охранялся сотнею преданных граждан [2].

Город сделал необыкновенные уступки по жалобам своих подданных. Совет обещал дать им, если найдет евангелических духовников для тех приходов, которые подлежат его ведению, а для других похлопотал об этом, переговорив с приходскими священниками и с владетелями. Десятинный сбор был приостановлен, пока крестьяне не сговорятся о нем с союзными чинами.

Совет соглашался отменить крепостную зависимость, хотя приобрел ее за значительные деньги но с условием, чтобы крестьяне платили ежегодно вассальную подать и не искали себе другого ленного господина, пока живут под покровительством и властью города Меммингена. Им было также запрещено принимать к себе людей несвободных, заключать браки с крепостными и повиноваться или служить чужим господам. Зато им было позволено ловить, бить и стрелять дичь для своих потребностей, особенно, если она заходила на их землю; но запрещено употреблять для этой цели капканы, сети или петли и вообще наносить кому бы то ни было ущерб. Ловить рыбу они могли только в тех текучих и стоячих водах, которые никому не принадлежали; но и в свободной воде им дозволялось ловить только неводом и за раз не более, как сколько нужно для домашнего обихода; не дарить и не продавать. Воду не следовало отводить; покосы на берегах было запрещено рыть и портить. Совет не требовал от крестьян барщины и позволил им откупиться от нее; поэтому в этом отношении они не могли жаловаться. Впрочем, было обещано удовлетворить всех, кто чем-нибудь недоволен. От платежа вассальной подати при переходе лена из рук в руки крестьяне были уволены; но дворы отдавались им внаймы только на год, так что если крестьянин не заплатил бы оброка или не стал бы содержать двор свой в хорошем порядке, то его можно было изгнать. За рубку леса был положен штраф по гульдену с дерева как для общинного, так и для господского леса; но совет обязался снабжать крестьян потребным количеством строевого леса и топлива. Другие наказания также остались во всей силе тем более, что некоторые из них были учреждены по желанию самих крестьян. Совет обещал исследовать и удовлетворять жалобы общин на недостаток леса, лугов или пахотной земли. Совет не будет препятствовать вассалам, уплатившим оброк, продавать произведения своего труда, но с тем,

[1] Летопись Зильберейзена, рукопись в архиве Веттингенского аббатства.
[2] *Гольцварт*, Рукописная летопись о крестьянской войне, копия в собрании Шмида.

чтобы они показывали, что и сколько продано. В случае убытков от града оброк крестьянам всегда сбавлялся. Было обещано, если крестьяне покажут, что некоторые имения слишком обременены податями, немедленно производить следствие и давать законное удовлетворение. Но, впрочем, совет удержал за собой все свои верховные права во всей силе [1].

В Швабском союзе, разумеется, говорили, что «Мемминген за крестьян» [2]. Альгаусцы надеялись вступить в более тесный союз с этим городом, но совет уклонился от этого. Крестьяне могли беспрепятственно входить в город и выходить оттуда. Таким образом из крестьянского лагеря проник туда, переодевшись крестьянином, священник Никлас Швейкерт и стал публично говорить речи, возбуждавшие простой народ. «Восстание будет еще не таково, — говорил он, — оно еще порядком не начиналось. Никто не обязан платить попам десятину. Довольно они нас морочили; пора покончить с ними». 21 марта в Мемминген прибыли крестьянские вожди и выборные альгауского христианского братства и держали здесь второй союзный сейм [3].

В округе города Кауфбейрена, где жил Фуксштейнер, крестьяне собрались еще на сретение. Они предъявили владетелям следующие требования: чтобы птица, рыба, дичь и лес были общим достоянием; чтобы крестьянам было дозволено свободно переходить к городам и к другим владельцам; чтобы на каждом лежала только законная ленная власть; чтобы никто не платил посмертной и подушной податей, подорожного и других налогов; в случае же необходимости они готовы служить животом и имуществом; если господин обвинит простого человека в суде и проиграет тяжбу, то обязан вознаградить обвиненного за убытки; подсудимых в тюрьму не сажать; барщина и всякие оброки натурой должны быть отменены; крестьян оставить при древних обычаях; оброк взимать кауфбейренскими мерами; наконец, никому не препятствовать искать правосудия [4].

Видя такое настроение народа, кауфбейренский городской совет понял, что для предотвращения восстания и его последствий не следует прибегать к строгости, и решился переждать, пока положение дела не изменится к лучшему. Некоторые из граждан примкнули к крестьянству, и совет, хотя не бывший ни тайно, ни явно заодно с ним, был принужден позволить крестьянам свободно приходить в город, останавливаться, пить и есть в нем, а гражданам — доставлять им из города хлеб и другие припасы. Чтобы восстановить мир и согласие, необходимо потерпеть, говорили в свое оправдание члены совета Швабскому союзу, а то иначе наша маленькая, бедная община, состоящая из всякого сброда,

[1] Акт из архива города Меммингена, в собрании прелата Шмида.
[2] Письма Вольфг. Рейхарда к его сыну Цено; там же.
[3] Из архива города Меммингена; свидетельство Гольцварта и др. из Фюссенского архива.
[4] Из Кауфбейренского архива, в собрании Шмида.

непременно взбунтуется, если отнять у нее единственный источник дохода — торговлю с крестьянами; притом же крестьяне легко могут отвести из города всю воду, потому что знают направление источников и колодцев [1]. Поэтому в Швабском союзе и между дворянством говорили, что кауфбейренцы наполовину за городом, наполовину в городе, т. е. что одни из них в крестьянском лагере, а другие в городе — половина за крестьян, а другая за союз [2].

Между тем, в конце февраля образовался третий сводный отряд крестьян: крестьяне Констанцского озера также собрались в обширный лагерь. Альгауские крестьяне, стоявшие при Райтенау под предводительством Дитриха Гурлевагена из Линдау, приглашали через послов соседей с берегов озера вооружиться и восстать [3]. Крестьяне прибрежья и швабского фогтства собрались сперва в Айлингене и разослали гонцов к Имменштату, Гагенау во владения графа фон Верденберга, к вассалам Зальмансвейлерского монастыря и по всему берегу Констанцского озера до Зернатингена и Зюплингена, а также и за горы — в графство Фуллендорф.

Этот отряд назвался Озерным; им предводительствовал сперва Эйтель Ганс Цейль-Мюллер из тамошнего местечка Унтер-Тейрингена. Вскоре Эйтель Ганс учредил свою главную квартиру в Берматингене и окружил себя гвардиею из двенадцати «драбантов»; он жил в деревне Берматинген, рядом с приходской церковью. При нем, как и при других крестьянских вождях, состояла комиссия из крестьянских выборных советников. Каждый поселянин, вступая в братство, приносил особую присягу. Если присягу приносила целая община, то начальник и его совет брали с нее по пяти гульденов со ста душ на содержание предводителя, совета и телохранителей. Кроме этого налога в пользу главной квартиры никто не платил ничего.

В то же самое время вооружились крестьяне и в Нижнем Альгау. Особенно волновались подданные рыцаря фон Шелленберга и вассалы Цейля. Они восстали еще в половине февраля и старались увлечь за собою подданных Трухзеса Георга фон Вальдбурга, грозя в противном случае напасть на них и разорить. Георг Трухзес, служивший в то время при дворе эрцгерцога, был доселе для своих крестьян добрым господином: он не брал с них ни налогов, ни подорожной пошлины, и они жили под его властью мирно и в довольстве. Призванные к восстанию другими крестьянами Нижнего Альгау, они послали своему господину настоятельное приглашение прибыть к ним в пятницу 5 марта. Это был последний день срока, данного им мятежниками, чтобы решить, как поступать с ними, дружески или враждебно. Они призывали Трухзеса защитить их, извещая его, что если он к этому

[1] Два письма совета из Кауфбейренского архива, у Шмида.
[2] Там же.
[3] Из архива Зальмансвейлера, у Шмида.

сроку не прибудет, то они будут вынуждены пристать к восстанию.

Мятежники подсмеивались над крестьянами Трухзеса и советовали им не рассчитывать на приезд своего господина, потому что он не приедет и очень рад, что на это время не случился в своем имении.

Но чиновники Трухзеса успокаивали их, обещая от имени господина, что им будет дано то же, что получили по праву или по соглашению крестьяне других господ [1].

Георг фон Вальдбург отвечал им на их письмо, что он неоднократно явно поступал с ними наперекор другим владетелям и убежден, что хотя все крестьяне отпали от своих господ, но они не последуют этому примеру и останутся верными и покорными ему, что он и теперь полагается на них и намерен, если они останутся верны ему, осыпать их милостями в доказательство своего расположения к ним. При нынешних смутных обстоятельствах он душевно желал бы находиться в своей семье и среди верных вассалов; но, несмотря на все его желание, долг и честь не позволяют ему уехать, так как он состоит на службе у эрцгерцога, который не внял его верноподданнической просьбе отпустить его к жене, детям и вассалам, но приказал оставаться на своем посту. Поэтому он просит своих крестьян не слушать угроз и не изменять ему; никто не станет жечь и разорять их домов за то, что они верные и покорные подданные. Пусть они вспомнят, каким он был для них всегда добрым господином. Так как, к сожалению, он сам не может приехать к ним, то просит их отрядить человека четыре из своей среды и прислать к нему для изложения своих жалоб, а прочим оставаться пока спокойными. Он намерен милостиво выслушать их и приказать своим чиновникам оставаться попрежнему в мире и дружбе с крестьянами [2].

В назначенный день восставшие крестьяне двинулись против трухзесова городка Вурцаха, чтобы заставить его вассалов, волею или неволею, вступить в христианский союз. Покинутые своим господином, подданные Вальдбурга пристали к мятежникам. Таким образом, из них образовался сводный отряд в 5 000, называвшийся Нижнеальгауским; они избрали себе в начальники айхштеттенского священника Флориана Грейзеля, бывшего вассалом Трухзеса и обыкновенно называемого «попом Флорианом» [3].

Вассалы монастыря Оксенгаузена оставались совершенно спокойны среди окружавших их крестьянских сводных отрядов Бальтрингенского и Нижнеальгауского, хотя главная квартира красного знамени (Бальтринген) лежала всего в миле от Оксенгаузена, а Нижнеальгауский лагерь — в двух милях. Чтобы избежать насильственного присоединения к Крестьянскому союзу,

[1] Письма Трухзеса, Туттлинген, 28 февраля 1525 г.
[2] Письмо Трухзеса, XI приложение у Вальхнера.
[3] *Зейдлер*, рукопись у Шмида.

оксенгаузенцы просили город Ульм принять посредничество между ними и их аббатом.

Испуганный мятежом, вспыхнувшим вокруг его владений, аббат, подобно многим другим владетелям, бежал в Ульм. Вассалы его последовали за ним туда и, убедив его положиться на них и вернуться к ним, проводили его домой и дорогой охраняли его вооруженным конвоем.

«Таковы были, — говорит один из членов этого имперского аббатства, — выгодные последствия договора 1502 года для нашего монастыря и для всего округа».

Договор этот свято соблюдался старым аббатом Андреем Киндшером, наследовавшим 17 лет тому назад аббату Иерониму. Вассалы любили его за это, как отца, и защищали монастырь, как могли [1].

Аббат был так приветлив, что, как говорили, умел доставить больше удовольствия, отказывая в просьбе, чем иной исполняя ее. При нем монастырь слыл за образец истинной набожности и чистоты нравов. Здесь жили в то время многие очень ученые священники, замечательные как сочинениями, так и проповедями.

Подобно тому, как в Нижнем Альгау восставшим народом предводительствовал айхштеттенский священник, так в стране ниже Ульма народными вождями были лейпгеймский проповедник Ганс Якоб Веэ, Якоб Финстернауер, священник лангенауский и священник гюнцбургский.

Ганс Якоб Веэ, близкий родственник известного реформатора Ганса Эберлена Гюнцбургского, был в своем краю одним из первых проповедников ново-евангелического учения; на проповеди его стекался народ из всех окрестных деревень и местечек, между прочим и из бургауского города Гюнцбурга, отстоявшего всего на три четверти часа езды от Лейпгейма; за это окрестные священники, державшиеся старой церкви, прозвали его еретиком и возмутителем народа. Веэ чувствовал призвание проповедывать евангелие всем и вводить в гражданскую жизнь христианскую свободу. Ни преследования, ни опасность, грозившая его жизни, не могли поколебать в нем этого сознания. Им овладело какое-то дикое одушевление. В 1524 году в праздник тела христова, он объявил с кафедры, что отныне никогда не будет служить обедню, прибавив, как показывают его враги, что «не будь в нем христианской любви к ближнему, он желал бы истребить столько людей, сколько отслужил обеден, и когда он сошел с кафедры, слушатели запели молебен» [2].

Епископ Аугсбургский побуждал совет города Ульма, которому принадлежал Лейпгейм, отнять у Веэ приход. Епископ

[1] Краткая история имперского монастыря Оксенгаузена, написанная одним из его членов, стр. 72—76; оксенгаузенские документы в Штутгартском государственном архиве.

[2] Это рассказывает капеллан Никлас Томан Вейсенгорнский, личный враг Веэ. Вейсенгорнская хроника, рукопись в собрании Шмида.

отлучил его от церкви, но совет не настаивал на удалении проповедника из города; Веэ остался, и Эберлен писал в одном печатном сочинении, которое посвятил ему: «Вашей жизни все еще ежеминутно грозит сильная опасность; но бог хранит вас за то, что вы неуклонно и бесстрашно проповедуете его слово, к великой радости слушателей, которые стекаются к вам из самых отдаленных мест» [1].

Между тем, народное волнение началось и в Верхней Швабии и распространялось вниз по Дунаю. Веэ, Финстернауер и гюнцбургский священник, бывший прежде злейшим врагом Веэ, стали открыто во главе восстания. Веэ обвиняли в том, что он возмущал народ в соседних областях [2]. В Ульмском округе было распространено «послание к крестьянам», показавшееся дворянам весьма опасным. Оно было послано из Лейпгейма в Гюнцбург. В пятницу 3 марта; ульмский совет положил найти, отобрать его и арестовать крестьянских ораторов и предводителей, в том числе бывшего лейпгеймского приходского священника Веэ, если он еще в городе. 6 марта ульмский совет предписал не пускать на ульмский рынок жителей Лейпгейма, а 15 марта совещался с союзными советниками, не занять ли Лейпгейм войсками [3]. В начале марта к Лейпгейму стеклось до 5 000 крестьян из Иллерталя, Ротталя и Биберталя, из Бургау и из всех местностей, лежащих между Аугсбургом, Ульмом и Донаувертом [4].

Сперва они собирались не на одном пункте, а в различных местах и делились на отряды, стоявшие в самом Лейпгейме, Лангенау, Альпеке, Гюнцбурге, Лауингене, Эльхингене, Нереништеттене. Называют до пятнадцати общин, взявшихся поголовно за оружие, и, кроме того, сто семнадцать местечек и дворов на Дунае, Роте, Иллере и Риссе; из них в Христианский союз вступило различное количество народа; из некоторых только по одному человеку; так, из одного — только одна вдова, из другого — один старшина. Всего в Ульмском округе и его ближайших окрестностях мятежников набралось до 4 300 человек, в том числе семь главных начальников, пять знаменоносцев девять советников и тридцать два предводителя мелких отрядов [5].

В числе предводителей находились Ульрих Шен и зять его Мельхиор Гарольд из Лейпгейма; Ганс Циглер, Мартин Геринг

[1] «Как должен вести себя во всех обстоятельствах служитель слова божия» Иоганна Эберлена Гюнцбургского, Виттенберг 1524 г., 4.

[2] *Гольцварт*, Современная летопись крестьянской войны, рукопись у Шмида. Гольцварту все это было известно как педагогу Роггенбургского монастыря, находившегося в окрестностях Лейпгейма.

[3] Из документов Ульмского архива.

[4] «Поход и война Швабского союза и т. д.», рассказ очевидца 1532 г., без означения имени автора и места издания, 4—5 листов, принадлежащих мне.

[5] Документы о новом положении в Ульме в собрании Шмида, Rädelsfuhrer — предводитель отряда, а не Rodelsfuhrer — зачинщик. Rôdel, Rodel, Ruder до ныне употребляются в швабском народном языке и означают толпу, небольшое сборище, шайку. Поэтому современные писатели всегда переводят Rodelsfuhrer — tribunus cohortis.

и Мартин Нейффер из Лангенау; Ирег Эбнер из Ингштеттена, по прозванию Баварец; Ганс Гебгард из Лангенау и Ганс Рудин из Бернштата. В числе советников называют Томана Пауля из Лангенау и Каспара Брауна из Лейпгейма; из знаменоносцев — Кнопфа Лангенауского [1]. Весь отряд носил название Лейпгеймского, потому что Лейпгейм был центром, с которого началось восстание, а впоследствии главною квартирою его.

И тут, как повсюду, крестьян побудило к восстанию упрямство владетелей, вначале крестьяне требовали только полюбовного соглашения или законного разбора своих несогласий с угнетателями. Это подтверждает целый ряд фактов.

19 февраля крестьяне Бальцгейма объявили ульмскому совету, что готовы предоставить свой спор на его решение, если он возьмется за это дело; совет согласился. В то же время к его посредничеству прибегли вассалы Рогтенбургского монастыря и герватингенского пробства в тяжбе своей с владетелями. Совет немедленно вступил в сношения с роггенбургским аббатом по жалобам его вассалов и добился от него письменного ответа. Крестьяне взяли копию с этого ответа, и совет назначил им срок для решения до среды на первой неделе поста (1 марта), прибавив, чтобы до той поры они не начинали шуметь; крестьяне обещали не предпринимать ничего с своей стороны против аббата. Вассалы Эйтеля Бессерера также представили свои грамоты на рассмотрение ульмского совета, который и этому владетелю дал недельный срок, вручив ему копию с жалобы.

На матфиев день (24 февраля) к совету обратились крестьяне Веттенгаузенского монастыря, объявив, что заключили между собою общий союз против своего владетеля; совет сообщил об этом пробсту, с которым вступил в сношения еще до этого по поводу жалоб на него со стороны крестьян.

Точно так же и собственные вассалы города Ульма обратились вначале миролюбиво с своими жалобами к совету. Совет предписал своим чиновникам объявить вассалам благодарность за то, что они ведут себя хорошо и законно, и просить их оставаться и впредь покорными и спокойными, за что совет докажет им свою благодарность, даровав им все, чего требуют другие, за исключением права гражданства; им было обещано, что они получат никак не менее, чем сколько бы получили, пристав к мятежникам. Крестьянам Берматингена, которые жаловались, что управляющий обременяет их незаконно барщиною, совет обещал просмотреть в свое время их просьбы и жалобы и взял с них клятву, что они останутся до решения тяжбы верны совету и не перейдут к мятежникам. Крестьяне Фуля, Лангенау и Геклингена также обратились к совету и также получили от него щедрые обещания. Совет потребовал, чтобы все родственные с ним владетели представили ему на рассмотрение свои тяжбы с бедным

[1] Из документов Ульмского архива, у Шмида.

народом и неуклонно выполнили все, что будет решено им. Если же народ не примет этих решений, то тяжбы будут представлены на суд союзного собрания [1].

Совет расточал все эти любезности только для того, чтобы выиграть время; он не выполнил ни одного обещания. Совет города Бибераха был, по крайней мере, честнее. Когда биберахские подданные подали в конце февраля совету просьбу об освобождении их от крепостной зависимости, большинство большого и малого советов отказало им напрямик [2].

Владетели в монастырях и рыцарских замках думали точно так же, как и почтенные советники в ульмской ратуше; только первые не умели так дипломатически воздерживать и обманывать простой народ, и в Ульме на них сердились только за это. Однако Эйтель Бессерер фон Шнирфлинген, ульмский гражданин, вполне следовал относительно своих подданных тактике ульмского совета, который решил его тяжбу с крестьянами тем, что посоветовал владетелю не забывать договоров и не угнетать бедный народ, а крестьянам объявил, что откладывает пока решение их тяжбы, чтобы основательно выслушать впоследствии обе стороны, в ожидании чего они должны отправлять все свои повинности для господина, но зато увольняются от службы шнирфлингенскому приходскому священнику [3]. Прелаты были не так уступчивы. Особенно аббат роггенбургский не хотел уступить своим крестьянам даже на словах, так что ульмские советники объявили ему, наконец, что не могут ничего для него сделать, так как он не хочет ничем удовлетворить своих крестьян, не является в совет и не соглашается на миролюбивую сделку с крестьянами. «Роггенбургский монах», как называли его между собою члены совета, упрямился, подобно князю-аббату Кемптенскому. Аббат Веттенгаузенский потребовал от Ульма вооруженной помощи; но совет отказался поддерживать его против народа. При всем том члены совета гораздо более держали сторону господ. Они прямо объявили крестьянам пробста Гервартингенского, что, хотя совет рассмотрит как их жалобы, так и грамоты аббатства и решит их тяжбу по справедливости, но что они должны оставаться вассалами пробста, а не то депутатов их бросят в тюрьму [4].

Таким образом, мы видим, что общины одна за другой искали полюбовного решения своих споров с господами и восставали, только убедившись, что им не хотят сделать даже самых ничтожных уступок.

Они желали испытать, не уступят ли целой толпе в том, в чем отказывали каждому в отдельности; к тому же сообща им

[1] Все это основано на документах Ульмского архива. Прелат Шмид, открывший эти документы, прибавляет: «Совет свято сдержал слово, т. е. не дал крестьянам ничего, потому что и другие не дали».

[2] Биберахский архив.

[3] Из актов Ульмского архива.

[4] Из протоколов ульмского совета от 25 февраля, 6 марта, 10 марта и т. д.

было бы легче сопротивляться, если бы господа покусились насильственно подчинить их в то время, пока дело их будет рассматриваться судебным порядком. Крестьяне сами говорили и тогда и впоследствии, что соединились между собою потому, «что владетели во многих отношениях поступают с ними несообразно с здравым смыслом и добрыми обычаями, и потому еще, что в святой вере возникли явные раздоры и заблуждения. Вот что тяготит их и побудило соединиться между собою; но как теперь, так и всегда они твердо намерены и желают не противиться и не мешать ничему, что совершается для славы божией, на честь его слова и на пользу святой веры, а напротив того, содействовать этому, как подобает истинным христианам, и наказывать тех, кто преднамеренно покусился бы на какие-нибудь злоупотребления. Они никогда также не желали и не помышляли восставать против его императорского величества или против своих добрых и милостивых господ; они не искали сделаться господами, не добивались выйти в начальство, а соединились между собою покорно и верноподданнически, полагаясь на бога, на своих господ, на достохвальный Швабский союз, на всех умных и именитых людей, и не переставая доныне верить, что они готовы внять их жалобам и просьбам, и облегчить или устранить зло какими-нибудь средствами, равно удобными и для них и для крестьян, за что бог вознаградит их»[1].

Весть о заключении общего Христианского союза между столькими общинами производила всюду, куда достигала, сильное впечатление на народ. Это событие было единственным предметом толков в хижинах, полях и трактирах; дело нередко доходило до жарких споров, потому что всякий принимал чью-нибудь сторону, но большинство стояло за крестьян.

В субботу 18 марта в ульмском городе Гейслингене собралось общество в бане. Тут был и трубач из великолепного замка Гельфенштейна, возвышавшегося над городом и давно уже проданного своими знатными владельцами вместе с городом за долги ульмским гражданам[2].

«Скажу вам, добрые люди, — обратился трубач к присутствовавшим крестьянам и горожанам, — что дело восставших крестьян честно и справедливо, потому что они восстали против притеснений». «Справедливо?» — вскричал ауфгаузенский управляющий Иероним Гейер, также находившийся в бане. «Да, их дело справедливо, — продолжал трубач; — они хотят только того, что указано евангелием». «Не добиться им ничего, любезный мой, — вступился Михаил Фербер из Гейслингена, — им нечем жить в лагере-то. Посмотрим, кто их будет кормить». «Не беспокойтесь, друзья мои, — сказал гельфенштейнский трубач, —

[1] Послание крестьянского отряда, стоявшего за Ульмом, к Швабскому союзу; в нем ясно сказано, что крестьяне в Гегау и в Альгау есть и были с самого начала проникнуты теми же чувствами и намерениями.

[2] *Керлер*, История Гельфенштейна.

крестьяне будут сыты; господь бог прокормит их. Накормил же он однажды многие тысячи пятью хлебами». «Нехороший человек был бы бог, если бы стал кормить своим небесным хлебом таких крапивников[1] и изменников», — перебил его управляющий. «Ты смеешь ругать крестьян изменниками! — вскричал трубач. — Я не взял бы тысячу гульденов, чтобы быть в твоей шкуре, когда ты станешь говорить это среди крестьян, и не будь мы в бане, я ответил бы тебе иначе. Но постой, когда мы выйдем отсюда, ты мне ответишь за эти слова!» «Хорошо, любезный, — сказал управляющий. — Не только отчет дам, но и пристрою тебя к месту, если пожелаешь». После того трубач вышел, управляющий донес на него в суд, что он братается с крестьянами, и ульмский совет нарядил по этому ничтожному делу следствие[2]; вообще он сажал в городскую тюрьму каждого крестьянина своего округа, на которого доносили, что он произнес какое-нибудь подозрительное слово[3].

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Устав союза альгауских крестьян

Гейслингенец верно сказал, что недостаток продовольствия составит главное затруднение, с которым придется бороться крестьянам в лагерях. Видя невозможность долгое время содержать в лагере большое число народа, они были вскоре вынуждены подумать, как помочь этой беде.

В Меммингене, где собрался второй союзный сейм из выборных и предводителей альгауских крестьян, они составили устав своего Христианского общества. Устав этот состоял из двенадцати параграфов. «Честное крестьянство Христианского союза» обязывалось беспрекословно нести все обязательства, лежащие на нем по божественному закону, относительно его духовных и светских владык и отнюдь не восставать против их власти. Крестьяне изъявили желание сохранять земский мир и никому не обижать другого. Если же где-нибудь случится восстание или война, то прочим не должно начинать беспорядков и враждовать между собою; ближайшее лицо, имеющее власть водворить нарушенный мир, обязано употребить все старания, чтобы прекратить вспыхнувшую вражду, и по первому слову его всякий должен повиноваться; ослушники же будут наказаны, смотря по вине.

[1] Аристократы еще в X столетии любили звать крестьян крапивниками, детьми развратниц, бессовестно намекая этим на «право первой ночи».
[2] Следственные акты в собрании Шмида.
[3] Протоколы ульмского совета 21 февраля.

Долги, признанные должниками или засвидетельствованные заемными письмами, печатями или свидетелями, заслуживающими доверия, следует уплатить; если же должник имеет возражение против уплаты долга, то передать дело в суд. Владетелей замков, не участвующих в Христианском союзе, вежливо просить не запасаться лишнею провизиею, не ввозить пушек и не впускать в замки людей, не принадлежащих к Христианскому союзу; если же владельцы или монастыри пожелают укрепить свои замки или аббатства, то обязаны принимать в гарнизон только таких людей, которые участвуют в Христианском союзе. Служители князей и владетелей должны отречься от присяги на верность своим господам; кто откажется от присяги, может поступить в союз, а кто не откажется, должен удалиться из страны с женами и детьми, но обижать их не следует. Если кто из владетелей прогонит управляющего или друг о: лицо, принадлежащее к Христианскому союзу, то оставленный имеет право пригласить двух или трех членов союза, которые разберут, за что он уволен. Приходских священников и их викариев ласково просить проповедывать св. евангелие; кто согласится, тому приход должен положить приличное жалованье; те же, которые не согласятся, будут отставлены и замещены другими, согласными на это условие. Никто не должен заключать сделок с своими господами, не дав об этом знать союзу и не получив его согласия; но и по заключении сделки участие заключившего ее в союзе не прекращается. Каждый крестьянский сводный отряд нарядит старшину и четырех советников; эти выборные всех сводных отрядов будут сообща рассматривать и решать крестьянские дела, так как общинам нельзя беспрестанно собираться. Собственность, похищенная у союзных общин, будет отобрана. Удаляясь из страны на работу, ремесленники обязаны дать старшине своего прихода клятву никогда ничего не предпринимать против Христианского общества и, если узнают, что против него что-нибудь замышляется, немедленно уведомлять его об этом, а в случае надобности тотчас же возвращаться домой, помогать обществу советом и делом. То же вменяется в обязанность всем, служащим за границею в солдатах. Суд и расправа будут итти своим порядком попрежнему; азартные игры, богохульство и пьянство воспрещаются, и виновные в них подлежат наказанию. Наконец, под страхом ответственности личностью и имуществом воспрещается всем, до дальнейшего решения, бунтовать под каким бы то ни было предлогом против своих господ и начальств, прибегать против них к насилию и посягать на их собственность, в виде ли леса, воды или чего другого.

Во вторник 7 марта устав этот был принят всеми отрядами Верхнеальгауского сводного отряда; примеру его последовали Нижнеальгауский, Бальтрингенский и Приозерный сводные отряды [1]. Все они обязались твердо держаться друг друга и скрепили этот

[1] Материалы для истории крестьянской войны, стр. 54—60.

оборонительный и наступательный союз присягою. Но пока никаких насилий еще не произошло. Из главных лагерей, где происходили собрания, крестьяне согласно уставу разошлись по общинам. В главных квартирах остались только начальники и советы. Сборным пунктом крестьян Бальтрингена остался Рид, близ Бибераха; крестьян Верхнего Альгау — Луибас, крестьян Нижнего Альгау — Райтенау, а прибрежных — Берматинген. Приходы, вступившие в союз целиком, имели своих начальников, советников и ближайшие сборные пункты, куда начальник мог сзывать общину. Туда же собирались крестьяне тех общин, где в союзе участвовала только часть населения. Кроме предводителей и советников были еще судьи, избранные для решения споров, возникающих в общинах. По временам предводители собирали сходы, а в случае надобности главный предводитель созывал все общины в свою главную квартиру. Во всех церквах было попрежнему отменено звонить во время церковной службы в большой колокол, так как в него следовало бить только в набат, и тогда всякий был обязан являться с оружием на свой пост и, выслушав дальнейшие распоряжения, делать, что прикажут, или итти в главную квартиру [1].

Вот каким способом соединенное крестьянство этой страны думало найти удовлетворение своим жалобам и защититься. Беспристрастно сообразив все, рассказанное доселе по достоверным источникам, припомнив старинные писаные льготы крестьян, их давнее право вооружаться, когда угодно собираться и держать сходки, их поведение в настоящем случае, исполненное достоинства, — нельзя не согласиться с благородным человеком, не скрывавшим, что сердце его лежит к крестьянам. «Устав, — говорит он, — составленный в Меммингене начальниками и советниками, явно показывает, что крестьянская война была не что иное, как отчаянный вопль человечества, угнетенного дармоедами и деспотами и не видевшего после долгих мучений и многих покорных просьб иного средства выйти из-под гнета кроме страшного взрыва. От зари и до зари им только и твердили: «Плати! Плати!» Наконец, они не хотели, да и не могли более платить; но с них продолжали требовать. Тогда терпение их, долго искушаемое тираническим игом высших классов, лопнуло, и в отчаянии они дошли до того, что светские и духовные тираны назвали потом бунтом и мятежом» [2].

В тот самый день, когда крестьяне присягнули уставу своего общества, комитет и депутаты трех лагерей отправили в Ульм к совету Швабского союза послание, в котором просили не вменять им в вину их союз, так как цель его — соблюсти в чистоте евангельское учение и божественное право [3].

---

[1] Из архива Зальмансвейлера, рукописная летопись Вейсенгорна.
[2] Замечание анонимного собирателя материалов, стр. 55.
[3] Документы из Штутгартского архива.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Швабский союз дипломатически надувает крестьян

Как только крестьяне начали собираться, Швабский союз отрядил к ним своих депутатов, чтобы под видом доброжелательства выпытать их намерения. С этой целью в Бальтрингенский лагерь были отправлены из Ульма граф Ганс фон Кенигсэгг-Аулендорф и ульмский бургомистр Ульрих Нейтгард. Они получили в ответ то же самое, что уже было письменно изложено крестьянским комитетом: что крестьяне никого не намерены обижать и желают только поддержать чистое евангелие и св. писание. Депутаты доказывали им, что дворянство не нарушает евангелие и что если они имеют что-нибудь против своих господ, то должны предъявить свои жалобы и получат должное и справедливое удовлетворение; если же не состоится полюбовного соглашения, то дела будут рассмотрены судебным порядком [1].

Вот что говорило дворянство, имея в виду выиграть время и надуть крестьян. Втайне же между собою ульмские советники подсмеивались над их легковерием. Канцлер Экк писал 15 февраля герцогу Вильгельму Баварскому, что они намерены до времени сдерживать этих бездельников мужиков мнимыми уступками, пока не подоспеет союзное войско, и тогда напасть на них врасплох. «Крестьяне будут наказаны по заслугам, как только бог поможет нам разделаться с твильским сумасбродом», — писал он герцогу 22 числа. Союз получил известие о приближении герцога Ульриха; поэтому ему было необходимо склонить крестьян на перемирие. 26 февраля канцлер писал: «Завтра мы опять должны послать к крестьянам депутатов, чтобы поладить с ними; иначе не будет возможности выслать все войска против герцога Вюртембергского». На другой день он опять писал: «Приходится отложить расправу с крестьянами; мы идем теперь против герцога; если нам удастся покончить с ним, то по возвращении мы так отделаем мужичье, что они пожалеют, что затеяли дело». 2 марта, в то время когда часть союзного совета объезжала крестьянские лагери, стараясь задерживать крестьян переговорами, баварский канцлер писал своему герцогу: «Сегодня союзное войско повсюду выступает в поход. Наконец-то мы дождались этого. Как приеду, порасскажу вашей княжеской милости, как мы ухитрились устроить это». Так подсмеивался Экк над обманутыми крестьянами, которых Швабский союз умасливал переговорами и обещаниями рассудить их жалобы и, пользуясь этим, уводил у них на глазах все войска свои в поход. Экку и его партии было хорошо известно, чем ответят потом на их жалобы. «Пожалуйста пока потише; нужен молчок, — пишет он герцогу от 7 марта; — требования крестьян доказывают, что лютера́нское учение действует. Подай им дичь

[1] Протоколы ульмского совета.

и рыбу для всех, да не бери налогов! Нет, этого чорта без палача не выгнать!»[1] В то время как крестьяне ждали, что Швабский союз справедливо решит их дело, союзные советники хлопотали о деньгах на военные издержки, о порохе и оружии, и Экк писал 9 марта герцогу: «Мы вскоре так расправимся с крестьянами, что их еретическое евангелие пропадет в несколько дней. Добрые, благочестивые люди из Эсслингенского правления вообразили, что мы на самом деле хотим уступить крестьянам. Этому не бывать: мы не хотим терять своей репутации, как старые потаскухи. Мне противна братская любовь, о которой толкует мужичье. Я и с родными-то кровными братьями неохотно поделился, а тут извольте-ка делиться с чужими, да еще с хамами!».

Господин союзный советник канцлер Экк тайно писал все это в то самое время, когда на глазах у него союз условился с крестьянами полюбовно или законно решить их тяжбы и за это добился от них перемирия.

Крестьяне приняли предложение союза вступить в мирные переговоры и заключили с ним перемирие при посредничестве городов Равенсбурга и Кемптена. Крестьянский устав показывает, как серьезно смотрели они на свое обещание вести себя мирно в продолжение переговоров. Депутатам трех лагерей, Альгауского, Ридского и Приозерного, отправившимся с охранною грамотою от Швабского союза в Ульм вести процесс от имени союзных общин, было наказано общим собранием, добиваться прежде полюбовного решения споров; если же союзный совет не согласится на это, а будет требовать решения судебным порядком, то депутаты должны назначить третейских судей, которых крестьяне считают достойными доверия. Такими лицами в инструкции названы эрцгерцог Фердинанд как наместник императора с двумя евангелическими учителями, герцог Фридрих Саксонский с Мартином Лютером, Филиппом Меланхтоном или Помераном (д-р Бугенгаген); города: Нюренберг с христианскими учителями Озиандером и Домиником Шлейпнером; Страсбург с одним или двумя богословами; Цюрих и Линдау. Если же, говорилось в инструкциях, этих судей отвергнут, то депутаты должны предложить союзному сейму самому избрать судей; но депутаты не должны принимать судей, избранных союзным сеймом, пока общее собрание крестьян не утвердит их.

В посредники полюбовной сделки крестьяне Нижнего Альгау предложили двух членов союза — Гордиана Зейтера, бургомистра кемптенского, и Генриха Бессерера, бургомистра равенсбургского, бургомистра и совет города Меммингена в их собственном интересе, и меммингенского проповедника д-ра Христофа Шаппелера; крестьяне лагеря при Констанцском озере предложили Ганса Шультеса, бургомистра и констанцского цехового старшину,

[1] Подлинность этих писем неопровержима. Они хранятся в Мюнхенском тайном архиве, *Иерг*, стр. 407—417.

Цольнера, Ганса Фарнбухлера, бургомистра линдауского и Ганса Боденмайера; Бальтрингенский лагерь: бургомистра ридлингенского — Шпрингера, бургомистра заульгауского Витта Мауера, господина Леопольда Дика, лиценциата из Бабенгаузена, ридлингенского священника д-ра Ганса Цвика, Ульриха Роггенбургера, лиценциата из Кемптена, д-ра Фуксштейнера, биберахского проповедника Бартоломэ, Конрада Штарка из Биберахa и бургомистра кауфбейренского [1]; крестьяне Нижнего Альгау: бургомистра кемптенского Генриха Зельтмана, кемптенского цехового старшину Ганса Гейстунга, лейткирхенского бургомистра Мартина Лохингера, иснийского бургомистра Каспара Эбергарда, иснийского городского секретаря, рейтинского бургомистра из Эренбергского округа, танквеильского управляющего Вельзера и господина Эргарда, управляющего из Брегенцского леса.

Это были люди городской аристократии, пользовавшиеся доверием крестьян. Крестьянские депутаты предложили совету этих посредников с условием, что если соглашение не состоится, то это не поведет к нарушению прав ни одной из сторон. Но советники не захотели и слушать про это условие, находя его излишним и бесполезным для «успешного окончания этого запутанного дела». 25 марта Генрих Бессерер, Гордиан Зейтер и депутаты трех лагерей сделали новое предложение: чтобы каждый владетель и его вассалы, между которыми возникли недоразумения и споры, избрали по два третейских судьи с каждой стороны из светских лиц, и чтобы эти четверо судей деятельно старались уладить спор полюбовно. Если же в каких-нибудь пунктах полюбовное соглашение не состоится, то спорящие должны предоставить дело на решение третейского суда из этих четырех судей и председателя, которого изберут сообща обе стороны; если же они не сойдутся в выборе его, то каждая сторона должна избрать двух или трех кандидатов, из коих один будет выбран в председатели по жребию или по назначению союзного сейма. Что решат единогласно или по большинству голосов этот президент и четыре заседателя по выслушании или прочтении словесной или письменной защиты обеих сторон, то должно исполняться беспрекословно.

По принятии обеими сторонами решения третейского суда крестьяне всех трех лагерей должны уничтожить свой союз, отказаться от налагемых им обязанностей, разойтись по домам и впредь сборищ не составлять. Они должны повиноваться своим господам и начальству, как было до заключения союза, и беспрекословно выполнять все свои обязанности до окончательного решения спора. Все, что будет признано несправедливым, будет отменено и должно быть совершенно уничтожено в течение полугода по решении; впрочем, срок будет окончательно определен

[1] Крестьяне называют его в инструкциях Конрадом Фреем. Но по документам Кауфбейренского архива такого бургомистра никогда не бывало; крестьяне, вероятно, ошибались или в имени лица или в звании и местопребывании этого Конрада Фрея.

по принятии решения третейского суда. Господа и начальство должны забыть вражду и неприязнь к своим вассалам и не мстить им. Все эти пункты должны быть изложены письменно и скреплены поручительством и присягою. Для учреждения третейского суда крестьяне должны прислать от себя в Ульм уполномоченную комиссию.

Обе стороны потребовали неделю срока, чтобы обдумать это предложение; общее собрание крестьян должно было дать ответ в Ульм не позже воскресенья, 2 апреля. До того времени они должны были воздерживаться от насильственных поступков и никого не принуждать вступать в свое общество. Швабский союз обязался, с своей стороны, не предпринимать никаких деятельных мер в продолжение этого времени[1].

Умеренных и доверчивых было в лагерях большинство. Люди умные, люди движения не могли поставить на своем. И хитрый Фуксштейнер ничего не добился.

Таким образом, притворными переговорами удалось задержать крестьян этих трех лагерей; простодушно поверив им, они упустили самое дорогое время для решительной борьбы. А, между тем, миновала опасность, грозившая Швабскому союзу со стороны изгнанного герцога Ульриха.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Военный карнавал герцога Ульриха. Хитрость Трухзеса в Гегау. Швейцарцы изменяют Ульриху

Весть о вторжении опального герцога Вюртембергского испугала не только мюнхенский двор, но и всех окрестных князей и владетелей. К тому же с этой опасностью совпали и другие: крестьянское волнение в Тироле и Форарльберге, бунт рудокопов в Шваце, случившийся в половине февраля и с трудом подавленный самим эрцгерцогом Фердинандом, крестьянские сводные отряды в Швабии, замыслы опальных рыцарей, вербовавших народ в Богемии, наконец, слух, что Пфальц и Гессен заодно с герцогом Вюртембергским.

Глава Швабского союза Трухзес Георг фон Вальдбург, получив в качестве союзного главнокомандующего предписание выступить против Ульриха, поспешил успокоить выгодными обещаниями некоторые крестьянские общины в Гегау. При посредничестве верхних имперских городов он заключил с ними договор или, по крайней мере, перемирие, обещав амнистию всем и содей-

[1] Печатное и повсюду распространенное объявление Швабского союза.

ствие тем, кого господа притесняют [1]. Чтобы придать более веса своему предложению, он напал с двумя сотнями испытанных ратников на один из крестьянских отрядов в Гегау и отправил пленных в оковах в Штоках. Остальное крестьянство приняло перемирие, объявив, что «довольно» предложением Трухзеса, и положило оружие, присягнув соблюдать договор. По этому договору все они должны были явиться в Штоках, где их засадили в тюрьму, чего никто из них никак не ожидал; но, впрочем, их немедленно освободили и отпустили домой, равно, как и прежних пленников, взяв с них вторичную присягу [2].

Из Доттернгаузена близ Балингена, герцог Ульрих послал солдата с письмом к Швабскому союзу. Члены сейма дали солдату 5 гульденов, надрезали ему в некоторых местах платье в знак получения письма и отправили его под конвоем обратно к герцогу. Сам Ульрих стоял в Доттернгаузене, а швейцарцы расположились в окрестных деревнях и праздновали масляницу, так как это было как раз в заговенье, 28 февраля.

Усмирив у себя в тылу крестьян Гегау, Трухзес двинулся по следам герцога в Туттлинген с войском в 300 человек конницы и 700 пехоты, большей частью из ландскнехтов. Главным начальником ландскнехтов был тот самый Ганс Мюллер об одной руке, который так отличился при первом вторжении герцога. Трухзес отправился трудным, но ближайшим путем через Беренталь и пробрался через Лохен — крутой утес, нависший над городом Балингеном. Дорогою он встретил отряд крестьян из Гегау, шедших на соединение с герцогом. Был полдень; во вторник на заговенье Трухзес атаковал крестьян, перебил их человек 60 и отнял у них знамя, черное и красное с белым крестом. Он послал этот трофей своему двоюродному брату Трухзесу Вильгельму, наместнику герцогства Вюртембергского. В этом деле был ранен граф Фридрих фон Фюрстенберг, про которого по этому случаю крестьяне его говорили: «Умри наш господин, — чего пошли боже, — так мы с горя нарядимся в красные шапки».[3] Придя вечером к Лохену, Трухзес стал обозревать с Лохенштейна лагерь Ульриха, причем сам он и окружавшие его рыцари легли на брюхо, чтобы неприятель не заметил их. Они увидели человек 300 швейцарцев и шварцвальдцев, которые совещались, где бы расположиться на ночь, и потом отправились в деревню Вейльгейм, лежавшую у подошвы Лохена. «Вот бы хорошо напасть на них завтра утром, — сказал Георг; — славный был бы нам завтрак!» Ночью он сделал все нужные распоряжения и встал утром рано. Но когда он начал спускаться на заре 1 марта с своим авангардом из Лохена в долину, крестьяне заметили его и хотели бежать в лагерь герцога. Георг увидел это; но с ним успело спу-

[1] Современная рукопись Гольцварта; Зейдлер, рукопись.
[2] 26 февраля, рукопись очевидца Ганса Луца. Гольцварт.
[3] *Ансельм*, рукописи Ганса Луца и Гольцварта.

ститься с горы еще не более 50 всадников, почти все графы и рыцари. Однако он в одно мгновенье построил эту горсть людей в боевой порядок и отрезал путь бегущим швейцарцам и шварцвальдцам, которые бросились к озеру и, укрывшись за рвом, приготовились к бою. Но испуганные неожиданным нападением, они не дождались нападения, пали на колени и просили пощады. Желая настращать швейцарцев и крестьян и показать им пример, чтобы побудить их покинуть герцога и вернуться домой, Трухзес отказал в пощаде и велел защищаться. Рыцари его на конях перескочили через ров, перебили 133 человека и отняли у них знамя. Из дворян некоторые получили раны, но неопасные; пало только 15 лошадей. Когда в лагере герцога услышали этот шум, все вооружилось и выступило навстречу врагу. Но Трухзес, достигнув своей цели и чувствуя превосходство неприятеля, вернулся в Эбинген. Он сражался только тогда, когда был заранее уверен в победе. Оказалось, что он хорошо знал швейцарцев и крестьян. В ту же ночь бо́льшая часть швейцарцев покинула Ульриха, частью из страха, увидя, что герцогство не так-то легко завоевать и что их побили на первом же шагу, частью, убедившись, что у герцога нечем много поживиться и что он намерен взыскивать за грабежи. Ганс Мюллер бульгенбахский также ушел от герцога с своим крестьянским отрядом, вероятно, убедившись, что настроение вюртембергских крестьян вовсе не таково, каким расписывал его Ульрих. Вюртембергские крестьяне из Туттлингена и Балингена стояли за крестьянство, но не за герцога. В конце прошлого года и здесь поговаривали, что добра будет мало, если не одолеют господ. Еще при первой рекогносцировке своей Мюллер встретил в Туттлингенском и Розенфельдском округах сильное сочувствие к себе; некоторые крестьяне даже пристали к нему и пошли за ним в леса. Швенингенцы были также вполне преданы крестьянскому делу, и больше всех — фогт и двое сыновей его. Австрийское правительство с трудом удерживало эти округи от восстания. Оно было вынуждено согласиться 9 января рассмотреть их жалобы и назначить для этого третейский суд из председателя дворянского происхождения, трех членов от правительства, четырех от бюргерства и четырех от поселян. Но крестьянские депутаты, согласившиеся на это условие, были по возвращении дурно приняты крестьянами, и договор был отвергнут.

Такое же настроение умов увидел и Ульрих, вступив в свое гергцогство. В Швейцарии он обещал, если ему удастся возвратить себе свое герцогство, защищать евангелие, освободить народ от крепостного состояния и от всех повинностей и уничтожить монастыри и аббатства. Но крестьяне, восставшие за свободу и последовавшие за Ульрихом, вскоре убедились, что он не брат им, а такой же герцог, как и другие, и что он и не помышляет об отмене крепостной зависимости и повинностей. Поэтому они покинули и дело его и его самого. Вюртембергские крестьяне, разоряемые наемни-

ками Ульриха, обратились к защитнику своих интересов Гансу Мюллеру бульгенбахскому.

Если бы Трухзес знал, что двоюродный брат его Вильгельм выслал к нему из Тюбингена для прикрытия Балингена 300 человек конницы под начальством Рудольфа фон Эгингена, и если бы они успели соединиться, то герцог был бы разбит немедленно. Но Трухзес и Эгинген ничего друг о друге не знали, и Ульриху удалось овладеть Балингеном. С оставшихся швейцарцев он взял клятву, что они будут обращаться с вюртембергцами дружески. Надеясь вознаградить быстротою недостаток силы, он поспешил с остатками своего войска в Герренберг, оставив в Балингене три тяжелые картауны, которые задержали бы его на пути. Здесь, ближе к центру страны, вюртембергцы были расположены в пользу своего герцога из ненависти к австрийцам. Трухзес, разгадав план Ульриха, поспешил занять главные пункты до Штутгарта и самую столицу. Он двинулся к Роттенбургу на Неккаре, между тем, как Рудольф Эгинген пошел обратно в Тюбинген; таким образом, все силы Швабского союза сошлись с разных сторон при Бургерлеэне, между Тюбингеном и Роттенбургом. Отряд в 1 600 человек пехоты с небольшим числом конницы спешил из Ульма через Мюнзингенский Альп к Рейтлингену и Тюбингену, где уже стоял четырехсотенный отряд кавалерии рейнских и других союзных князей[1]. Трухзес принял начальство над всеми войсками союза, составлявшими в общем 700[2] человек конницы и 14 000 пехоты. В том числе было одиннадцать вюртембергских рот, которые собрались в Эстерберге близ Тюбингена, но неохотно шли за Австрию против своего герцога. Город Герренберг, зная, что Ульрих уже близко, также отказался впустить к себе 40 человек конницы, посланной Трухзесом для занятия этого города.

В субботу Ульрих переправился за Неккар и пошел в Бондорф, а оттуда в Герренберг. Завидев его с войском, граждане Герренберга встретили его тремя залпами из двойных пищалей. Приближение его было возвещено тремя зажженными домами в деревне Небрингене которой Ульрих мстил за убитых здесь трех солдат его. В то время, как он подступил к городу, с высот, окружавших Герренберг, стал спускаться и Трухзес. Он шел в полном боевом порядке. В союзном войске били тридцать барабанов и оно блистало пестротою сбруй и развевавшихся над ним 32 знамен. Герцог Ульрих обложил город и направил на него свои орудия, расположившись на госпитальной земле. Георг подошел к нему на расстояние пушечного выстрела. Герцог велел повернуть орудия и сделать три залпа по союзной коннице; но они не причинили ей никакого вреда, потому что были слишком высоко

[1] Очевидец *Ганс Луц*; *Зейдлер*, 600.

[2] Столько же показывает и другой очевидец, автор похода и войны Швабского союза, а не 1 600.

намечены. Трухзес велел вюртембергской милиции итти к Герренбергу защищать его; но милиционеры отказались повиноваться и, не дожидаясь продолжения огня со стороны герцога, отступили в ближайшую деревню (Гюльтштейн), за которою стояла союзная милиция. Последняя хотела остановить бегущих убеждениями и силою; но вюртембергцы решились последовать примеру своих земляков герренбергцев, которые, как они заметили, намеревались перейти к своему прежнему герцогу.

Вюртембергцы ушли от союзников с своим обозом в Тюбинген и расположились там на прежней стоянке — на Эстерберге. Наиболее решимости не итти в бой обнаружили отряды бракенгеймский, Вайнгеймский и маульбронский. По уходе их, Георг продержался в поле до 4 часов, но, не будучи готов к бою, отступил потом к Роттенбургу и Тюбингену. В 5 часов вечера Герренберг сдался Ульриху. Он расположился на ночь по соседству в Гертрингене, а на следующее утро, в понедельник, пошел на Беблинген и Зиндельфинген, которыми овладел без труда, так как они были не заняты войсками. Но тут Ульрих снова доказал, что не обладал талантами полководца. Солдаты его взяли Леонберг, а он простоял в Зиндельфингене от 6 до 9 марта. Его солдаты и швейцарцы выпили в предместье в монастыре вино и пиво, которые нашли у монахов в большом количестве.

Ульрих, видя, что народ со всех сторон стекается к нему с изъявлением покорности, забыл, что, взяв столицу Штутгарт, он овладел бы всей страной.

Трухзес не упустил этого из вида. Союзный совет в главной квартире его требовал занять Тюбинген, Кирхгейм, Шорндорф и Геппинген, откуда всего удобнее было получить подкрепление от союза, что было необходимо, так как на вюртембергцев полагаться было нельзя, и их распустили. Но Георг стоял на том, чтобы не разделять сил, иначе Штутгарт и все остальные города будут потеряны. По его мнению, Штутгарт следовало беречь, потому что кто им владеет, тот владеет и всею страною. Ульрих ничего не сделает с своею слабою артиллериею против Штутгарта, если союзники будут стойко защищать его, потому что он оставил осадные орудия в Балингене. Таким образом, ему придется долго простоять под Штутгартом, и швейцарцы покинут его, потому что не любят долго служить бесплатно, а у герцога денег нет. Эти доводы восторжествовали, и Трухзес предписал графу Людвигу фон Гельфенштейну занять Штутгарт хорошею артиллериею, с 1 600 человеками пехоты и 600 конницы. Тем временем герцог пьянствовал в Зиндельфингене с своими швейцарцами и крестьянами. Ему и в голову не приходила возможность такого действия со стороны союзников. Он, вероятно, думал, что Трухзес такой же герой, как и он, и спешить не будет. Впрочем, Ульрих не забыл о Штутгарте; он велел даже приготовить себе постель во дворце и объявить городу, что на следующую ночь будет там ночевать. Но занять город он не подумал.

Гельфенштейн был очень доволен, найдя такой парад в штутгартском дворце [1].

Граждане стояли за Ульриха, но внезапное появление сильного союзного войска устрашило их. Ульрих потребовал сдачи города. Видя расположение к нему граждан, граф Людвиг фон Гельфенштейн собрал своих солдат, чтобы испытать их верность, и сказал им: «Любезные друзья, герцог Ульрих прислал своего герольда с требованием сдачи города. Но всякому известно, что мы присягали защищать владения его императорского величества и его брата, что я и желаю исполнить, как подобает благородному рыцарю. Вручаю вам поэтому свою жизнь, честь и достояние и иду первый на врага, готовый умереть и возродиться. Кто за мною пусть поднимет руку». Все солдаты подняли руки и поклялись итти за ним. «Ну, друзья мои, — весело вскричал граф, — теперь мы зададим швейцарцам перцу!» Затем он говорил с штутгартцами, приглашая их поднять руку на присягу, что будут помогать ему делом и советом; но нашлось не более двадцати человек, которые последовали этому приглашению.

На следующий день герцог Ульрих выступил из Зиндельфингена через горы к Штутгарту. Приди он ранее, он вступил бы в город без труда, а теперь ему пришлось осаждать его. Самым деятельным союзником герцога в городе был палач. Он жил в башне на городской стене. От четверга до субботы от артиллерии герцога пало человек 70 неприятельских солдат — не более, а палач один убил человек семь; он делал это так ловко, что думали, что пули летели снаружи от неприятеля; в заключение он благополучно убежал [2].

Между тем, покровитель и союзник Ульриха, французский король Франциск, был разбит и взят в плен в большом сражении при Павии 24 февраля. Австрия требовала, чтобы швейцарцы отозвали своих из войска Ульриха и чтобы пригрозили им, если не возвратятся, казнью и лишением собственности; швейцарцы исполнили это, не смея противиться императору. Вюртембергские крестьяне восстали за Ульриха только в Балингене, в Герренберге и в окрестностях Штутгарта. Ему ничего не оставалось более, как убраться, и 17 марта он уже снова был за границами своей страны. Дело его с швейцарцами и с крестьянами расстроилось, и, как говорили крестьяне в шутку, «военный карнавал кончился»; предприятие герцога не принесло пользы ни ему, ни крестьянам; оно не удалось, во-первых, потому, что вторжение его не соответствовало первоначальному плану; во-вторых, потому, что эрцгерцог подкупил швейцарцев, служивших ему, склонив их изменить ему и даже выдать его. Не их была вина, что ему удалось спастись.

Часть вюртембергского народа выказала при этом случае прежнюю привязанность к своему владетельному дому. Бавар-

[1] *Зейдлер*, рукопись в собрании Шмида.
[2] *Ганс Луц*, рукопись.

ский канцлер Экк называл эту верность несчастному герцогу «мошеннической штукой, заслуживающею наказания». Он с восторгом писал герцогу Вильгельму Баварскому по удалении Ульриха: «Я сейчас уезжаю из Ульма, чтобы наказать вюртембергских мошенников. Я не премину сделать с своей стороны все, что могу для этого; это, бог даст, будет мне здорово». Однако герцог баварский счел нужным еще подстрекать его к строгостям, хотя слышал, что канцлер «довольно лют на крестьян». Герцог называл «бунтовщиками» тех вюртембергцев, которые приняли своего законного государя и пристали к нему [1].

Вот что думали, говорили и писали государь и его первый министр о той народной черте, которая называется верноподданством! Притом они высказывали свое мнение в такое время, когда следовало бы ожидать, что они будут особенно высоко ценить это качество даже во врагах. Измена швейцарцев Ульриху была подготовлена в тайне канцлером Экком, его герцогом и Швабским союзом, а эрцгерцог дал деньги на подкуп начальников и на уплату жалованья солдатам.

Когда швейцарцы стояли с Ульрихом под Штутгартом, эрцгерцог сделал им (9 марта) это предложение. Так как он уже заранее заставил кантоны отозвать их и так как швейцарцы знали, что, не овладев Штутгартом, Ульрих не заплатит им жалованья, то решились изменить ему. «Я уладил дело насчет того, чтобы предложить швейцарцам продать нам герцога, — пишет канцлер Экк Вильгельму Баварскому. — Хотя Швабский союз, кроме Австрии, ничего не знает об этом, но я предложил тем, кто будет вести с швейцарцами переговоры, склонить союзный сейм принять на себя уплату половины суммы, следующей швейцарцам. Надеюсь, что мы найдем средство навсегда избавиться от этого сумасброда Ульриха». Герцоги Людвиг и Вильгельм Баварские объявили, что совершенно согласны подкупить швейцарцев, чтобы они хитростью или силою выдали опального герцога Швабскому союзу. Предательство должно было совершиться в Ротвейле, в одном монастыре близ города. «С помощью некоторых лиц» Ульрих успел бежать от швейцарцев потаенным ходом из монастыря в лес. Он так упал духом, что «желал смерти». Жители Ротвейля укрыли его в своем вольном городе, за что он подарил им часть своей артиллерии, а остальную продал за 700 гульденов. Затем он распустил всех своих людей, сказав им: «Идите; теперь я не могу ничем помочь ни себе, ни вам» [2].

Канцлер и герцоги были очень огорчены, что Опальный ускользнул из их рук. Они заподозрили даже Трухзеса Георга фон Вальдбурга в том, что он умышленно дал герцогу уйти из

[1] Письмо канцлера от 14 марта 1525 года. Письмо Вильгельма Баварского от 17 марта, *Иерг*, 417—419.

[2] Письмо канцлера Экка от 9 марта 1525 года. Письмо Людвига Баварского от 17 марта. Два письма канцлера от 18 и 21 марта из Бебенгаузена и Ураха — все это памятники этого предательства.

страны, чего тот не мог бы иначе сделать, потому что был со всех сторон окружен союзными войсками [1]. Но те, кто доставил Ульриху эту возможность, были, конечно, почестнее канцлера Экка и находили, что «мошенничеством» следовало назвать не верность вюртембергцев своему несчастному государю, а предательские козни самого Экка и швейцарцев.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Волнения в Баварии

С первых чисел марта началось движение и в Баварии. Крестьянские сходки возникли даже в окрестностях Мюнхена, особенно в Штарнбергском округе. При всей строгости надзора за страной, куда не допускали проповедывать и возбуждать народ ни одного иностранца, баварские крестьяне также не захотели долее терпеливо переносить иго. Чтобы иностранные купцы не занесли в страну современного духа, в Баварии отменили ежегодные ярмарки. Шпионы из кожи лезли, чтобы пронюхать, не замышляет ли какой-нибудь иностранец или туземец «чего-нибудь в роде заговора или мятежа» [2].

Баварские герцоги, бывшие в 1525 году еще очень молоды, смотрели сначала на реформацию благосклонно. Книги в духе лютеранского учения печатались во множестве экземпляров в самом Мюнхене. В 1520 году, когда восстали тирольские крестьяне, канцлер Экк предупредил герцога Вильгельма насчет опасности распространения в стране новых идей. Его беспокоило, что астрологи предсказали на 1524 год такую перемену, о какой еще и не слыхивали. Нельзя было предположить, что пожар, вспыхнувший повсюду, погаснет, не причинив никакого вреда [3].

Несмотря на то, до весны 1522 года баварские герцоги продолжали, по крайней мере, терпеть новое учение. Смелая попытка Зиккингена и франконского рыцарства испугала герцога Вильгельма, расположенного к городам и бывшего не прочь унизить дворянство. Восстания 1524 года в Нюренберге и в Верхней Швабии окончательно напугали баварских герцогов новыми идеями, и весною 1525 года тревога при дворе усиливалась по мере приближения опасности. Всякий разговор в трактире за чаркою вина давал повод к опасениям. В марте какой-то баварский рыбак с Аммерского озера в Ландспергском округе сидел однажды в трактире «Короны» в Тюбингене и толковал с хозином о тогдашних

[1] Письмо канцлера от 30 марта, *Иерг*, 419.
[2] Правительственный акт о защите страны от 12 апреля 1525 г.
[3] Письмо канцлера от 13 января 1520 г.

слухах. Шпионы немедленно донесли об этом канцлеру, бывшему еще в Ульме. Канцлер поспешил написать в Мюнхен: «Ваше высочество, не пренебрегайте замыслами негодяев; они ведут свое дело все далее и далее. Надо принять меры, пока есть время. Трактирщик очевидно не хотел сказать всего, что говорил с ним рыбак с Аммерского озера, но дал понять, что смысл его речей был тот, что через неделю баварским герцогам придется отозвать свои войска из армии Швабского союза, так как они будут нужнее им дома, чем в Вюртемберге. Рыбак этот родом из Байердисена. Надо отыскать его и допросить под пыткой».

С другой стороны, двор извещали, что деревни: Фрюлинг, Нидерброннен, Гаутинг, Аллинг, Фаффенгофен, Эрлинг, Махтольфинг, Пархтинг, Герменинг, Гохштедт, Аубург, Зентлинг, Менцинг и Графельфинг — подозрительны; что один швабский крестьянин говорил в Ландсперге, будто крестьянское общество распространено до Изера как в Баварии, так и в Швабии; что толкуют о нападении на Андекский монастырь и что Азмус Дейль из Нидерброннена и Вольфганг Фрютингер из Гаутинга объявили другим, что, когда поднимутся крестьяне верхней страны, прочие должны будут вооружиться [1].

Это известие побудило баварского полководца Эглоффштейна произвести 23 марта нападение на Байердисен и Эрлинг; он схватил шестерых важнейших крестьян и приказал заключить в тюрьму некоторых других, в том числе Дейля и Фрютингера [2].

В Баварии народ был вообще в хорошем положении, имел собственную свободную землю и не знал крепостной зависимости в точном смысле этого слова. Но в земских сеймах крестьяне не участвовали. Однако и не пользуясь правом представительства на сеймах, баварцы были, по словам Авентина, «народ веселый, ежегодно платили подать деньгами господам, которые, впрочем, не имели над крестьянами никакой власти, и отправляли барщину. За исключением этого, простолюдин делал, что хотел, пил день и ночь, особенно в праздники, кричал, пел, плясал; имел право носить оружие, рогатины и длинные ножи».

Крестьяне были недовольны, что их лишили права пользоваться дичью, птицею и рыбою, тем более, что придворные, духовенство и дворянство заразились страстью молодых герцогов к охоте и наносили народу большой ущерб гонкой за дичью. 27 марта 1525 года гильхингская община в Штернбергском округе писала герцогу Вильгельму: «Мы терпим такие убытки от охоты, которая портит поля, сады и другие места, что просто хоть выселяйся из края: все пропадает, ничего не поделаешь. Мы готовы беспрекословно отправлять барщину, нести налоги и повинности, насколько позволят наши силы и достояние, лишь бы ваше высочество соизволили избавить нас от дичи».

[1] Письмо Эглоффштейна от 25 марта. Записка герцога Вильгельма, *Иерг*, 372.

[2] Там же.

Таким образом, баварские крестьяне жаловались на убытки от княжеских охот и на то̀, что для дичи запускают луга [1]. Но кроме того возникли другие жалобы — на чиновников, на мелкие десятинные налоги, на подати и пошлины, которыми господа тяжко и вопреки обычаю обременяют крестьян, особенно прелаты, настоятели монастырей и даже простое духовенство. Крестьяне говорили, что не будут платить, что у них нет средств на уплату всех больших и малых десятинных налогов и что они будут вынуждены отказаться от земли [2].

Баварское духовенство, подобно другим, увеличивало свои требования по мере возрастания роскоши, а герцоги, с своей стороны, притесняли духовенство.

Чтобы поправить финансы, истощенные войною, которую Бавария вела двадцать лет тому назад, канцлер Экк предложил герцогам две меры: во-первых, налагать подати, не созывая сеймов, потому что чорт засел в подданных, и чернь вздумала выйти на свободу не только в Баварии, но и в других государствах; она желает всеобщей анархии и баварский крестьянин втайне мечтает об этом, хотя явно не подает вида [3]. Во-вторых, канцлер советовал взять денег у всех монастырей, частью заимообразно, частью в виде налога. Монастыри обязаны дать, заключил он [4].

На эти деньги канцлер советовал навербовать чехов или стратиотов, если крестьяне откажутся выставить конную милицию. Дикие, храбрые стратиоты, или албанцы, служили в то время всякому, кто платил им. Больше всего их было на службе у Венеции. «Это хорошая мера против крестьян, — рассуждал канцлер; — мятеж лучше всего усмирять такими наемниками» [5].

Около 1 000 навербованных чехов прибыли на Лех поздно, уже в половине апреля, и расположились в Шонгау. Туземное войско было трудно заставить сражаться против крестьян. Даже благородные вассалы и герцогские чиновники обнаружили далеко не тот дух, какой ожидали в них встретить. Всего надежнее были горожане. Но понадобилось много денег, потому что только горожане вооружились на свой счет. Мюнхенский двор разослал гонцов во все монастыри для сбора денежного вспомоществования и займа «на отражение немецких турок», обещая возвратить деньги, если они не понадобятся [6].

За невозможностью ли сопротивляться, или понимая положение дел, монастыри немедленно уплатили требуемый налог. В конце февраля в Мюнхен было доставлено более 30 000 гульденов из восьмидесяти монастырей. Количество налога было пропорционально средствам каждого. Например, Тегернзэ заплатил 2 000 гульденов, а Фаффенмюнстер всего 50.

[1] Письмо советников бургаузенского правления от 22 мая.
[2] Письмо баварских герцогов к монастырям и аббатствам от 25 мая 1525 г.
[3] Письмо канцлера от 25 февраля 1525 г.
[4] Письмо его же от 15 февраля.
[5] Письмо канцлера от 24 февраля.
[6] Общ. письма от 20 февраля, распростр. в печат. форме.

2 апреля мюнхенский двор принял, по совету канцлера, новую меру. Всем монастырям тайно предложили отдать свои драгоценности, серебро и дорогую утварь на хранение герцогам, так как бунтующая чернь питает к монахам и духовенству особенно сильную ненависть. Если бы крестьяне напали на монастыри и ограбили их, то серебро и драгоценности, попавшие в их руки, могли бы способствовать успеху их дела.

Впоследствии правительство взяло на сбережение драгоценности и наличные деньги всех церквей и обложило тяжелым налогом даже простое приходское духовенство, будто бы «для спасения родины, так как монастыри и земские чины уже с готовностью уплатили субсидии» [1].

Сверх того духовенству приходилось по старому обычаю выставить военный обоз, упряжь, прислугу, лошадей, тяжелые орудия и продовольствие. 26 апреля от монастырей вторично потребовали вспомогательных сумм. В то же время были заключены займы у богатых городов, как например Пассау, и у богатых соборных капитулов и церквей, владевших землями, как реггенсбургское аббатство св. Эммерана и аугсбургское — св. Ульриха. Этот вторичный побор возбудил вопли среди монахов и монахинь. Полей и лугов никто не покупал; под заклад монастырских зданий никто не давал ничего: положение их было печально. Но герцоги отвечали, что сами были вынуждены отдать все свое серебро и золото на содержание войск против крестьян, которые главным образом хотят повредить духовенству. Дворянство, говорил герцог Вильгельм, также должно пожертвовать свои драгоценности, деньги и золотые украшения своих жен; иначе чернь восторжествует, изгонит дворян и духовенство и захватит в свои руки верховную власть.

Монастырь Бланкштеттен испытал, как взимался вторичный налог с тех, кто медлил внести его: чешские наемники обобрали все имущество у монастырских вассалов и наложили на них сто гульденов контрибуции, ограбив и разорив предварительно самый монастырь [2].

На жалобы настоятелей и настоятельниц, что налог этот — нововведение, противное всем обычаям, герцоги отвечали, что если налог на церковное имущество дело новое и небывалое, то и крестьянское восстание в настоящем его виде столь же ново и небывало. Налог же вызван восстанием [3].

Таким образом баварские герцоги достали денег. Гораздо труднее было приобрести войско, и эта трудность приводила мюнхенский двор в смущение, тем более, что и в Верхней Баварии было неспокойно. Следовало ожидать, что восстание вспыхнет и здесь, так как эта страна граничила между Шонгау и Фюссеном с Альгау и с Тиролем. В Зальцбурге и в нижней Австрии настроение

[1] Инструкции и приказы от 2,22 и 23 апреля, 6,9 и 13 мая.
[2] Письмо аббата от 15 сентября, *Иерг*, 367.
[3] Письмо от 6 января 1526 г.

умов было также очень тревожно. Если бы население Верхней Баварии примкнуло к тирольцам, то крестьянское общество распространилось бы непрерывною цепью от Шварцвальда до гор Нижней Австрии, от Эльзаса до Вены. Поэтому для баварских герцогов было всего важнее прикрыть линию от Шонгау до Фюссена. Не радостно приняли в Мюнхене весть о том, что «Томас Цотт собрал в Шваце рудокопов и объявил им, между прочим, что надо работать кулаками и что если они восстанут, то к ним присоединятся зальцбургские крестьяне и многие баварцы» [1].

Зальцбургская и тирольская границы возбуждали в баварском правительстве особенно сильные опасения за спокойствие страны. Было слышно, что тамошние рудокопы и крестьяне думают направиться по взятии Зальцбурга на Мюльдорф, потом на замок Бурггаузен и пройти таким образом через Баварию к крестьянскому лагерю в Шонгау, с которым они были заодно.

Не меньшая опасность грозила и со стороны франконской границы; но здесь движение началось только в конце апреля. Канцлера особенно тревожили «пьяные буяны» в Кельгейме. «В Кельгейме народ беден, чернь дика и упряма, — писал он. — Это местечко может заразить все герцогство и особенно Нижнюю Баварию» [2].

Напротив того, крестьяне Фаффенвинкеля, вассалы богатых монастырей, лежавших вокруг Пейсенберга, были спокойны и даже заняли Пейсенберг, чтобы не допустить альгауских мятежников в Верхнюю Баварию, когда те переправились через Лех.

Но с Дуная пришло известие, что Лейпгеймский сводный отряд намеревается учредить два лагеря в баварских владениях: один в Моосе, близ Бургау, а другой при Велленбурге, в С. Стогдене, у самого Леха. Они хвастались, что баварские крестьяне в долинах Леха только ожидают их прибытия, чтобы пристать к ним, и что соединившись с ними, они первые нападут на врага. «Когда к нам присоединятся баварцы, — говорили в Лейпгеймском лагере, — то наше общество распространится по всему свету. Тогда мы потягаемся и с князьями и с королями» [3].

Но баварских крестьян, приходивших в швабские лагери поодиночке, не принимали [4], опасаясь впустить к себе лазутчиков и рассчитывая на присоединение баварцев всею массою.

Среди этих обстоятельств герцоги получали самые разнообразные советы. Канцлер постоянно пел одну песню, что «это все плоды лютеранского мошенничества» — он иначе не называл реформацию — и что надо хорошенько припугнуть их. Крестьянам не должно позволять собираться, и нужно строго наказать зачинщиков. Пример много значит. Убеждениями и лаской с крестьянами ничего не сделаешь, потому что они безрассудны и дики. Главное—

[1] Письмо эрцгерцога Фердинанда к герцогу Вильгельму.
[2] Письмо от 24 апреля.
[3] Письмо правителя Ферсфельдера от 6 апреля.
[4] Там же.

деньги и хорошее войско. Здесь все зависит от твердости. Если государи продержатся хоть месяц, то герцог Ульрих и крестьяне останутся без денег; надо только избегать поражения. Покончив лс Уьрихом, можно будет расправиться с крестьянами и с их еретическим евангелием. На требования их нечего обращать внимания [1].

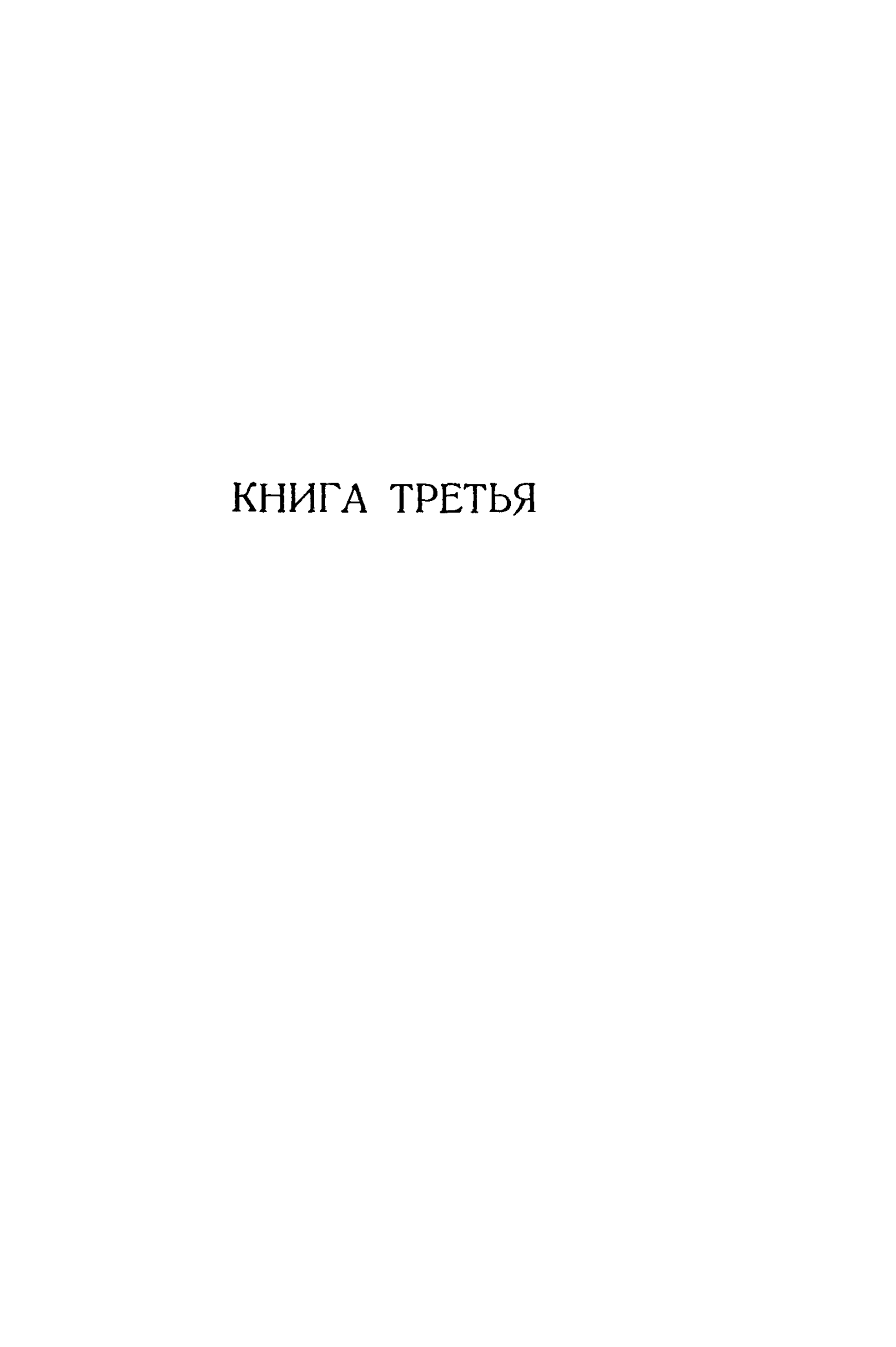
Не так смотрел на дело член имперского правительства, баварский советник Шиллинг:

«Быть может, бог и поможет нам победить мятежных крестьян, — писал он герцогу Вильгельму, — но полагаю, что правительству следует прежде всего устранить то, за что, без сомнения, бог посылает нам эти испытания, бунты и возмущения. Бог испытывает нас, дабы мы познали себя и его» [2].

Но баварские государи не послушались голоса этого честного и бесстрастного человека; они предпочли внушения Экка. При Павии была одержана победа; герцог Ульрих был разбит; теперь можно было располагать войсками Швабского союза и Георгом фон Вальдбургом. Положение крестьян было таково, что господа ничего лучшего и желать не могли. Канцлер Экк, ликуя, писал от 18 марта: «Теперь надо без отлагательства разделаться с крестьянами; к 25 марту союзная армия займет всю страну от Ульма до Эгингена».

---

[1] Письмо Экка от 9 марта 1525 г.
[2] Письмо рыцаря Шиллинга из Эслингена от 13 марта 1525 г.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вероломство Швабского союза относительно верхнешвабских крестьян

Как говорил канцлер Экк, так и сделали: «крестьян задержали переговорами до тех пор, пока собралось войско для нападения на них» [1]. Члены союза беспрестанно ездили из Ульма к крестьянам на Рид, в Альгау и на озеро; они сумели удержать их в бездействии, пока не миновала опасность, грозившая союзу со стороны Ульриха. В числе этих агентов был аббат Гервик Вейнгартенский. Крестьян нельзя слишком строго упрекать, что они верили искренности заявлений Швабского союза, делавшего вид, будто он и в самом деле намерен заступиться за них: в этом обманулась сначала даже противная партия, родственная союзу. Когда дело крестьян было представлено в Ульм союзному совету, графы, прелаты и простое дворянство начали переговоры с своими крестьянами, предлагая им добровольно уступить все, чего они по праву или против права могут добиться от Швабского союза. Они обещали облечь эти уступки в законные формы, написав и скрепив своими печатями [2].

Агенты союза особенно хлопотали о том, чтобы разделить силы трех крестьянских сводных отрядов и побудить каждый к особому соглашению, но усилия их остались на этот раз тщетны [3].

Между тем крестьяне составили свои статьи, чтобы представить их Швабскому союзу. Уже во второе воскресенье великого поста аббат Гервик писал союзу: «Нижнеальгауский сводный отряд, стоящий при Альтдорфе, дал мне прочесть свои статьи; они совершенно одинаковы со статьями ридских крестьян» [4].

Ульмские союзные советники остались верны своей политике: они допускали крестьян писать статьи, вести переговоры и ждать, «пока у союза не развяжутся руки» [5]. Надо как можно дольше за-

[1] Уже цитированное письмо от 15 февраля.
[2] Вейсенгорнская летопись, рукопись.
[3] Вейсенфельд, письмо от 22 марта.
[4] Вейнгартенский архив.
[5] Подлинное выражение аббата Гервика, в Вейнгартенском архиве.

добривать крестьян словами, а тем временем готовиться к сопротивлению [1]. Тогда господа, на которых крестьяне особенно жаловались союзу, объявили прямо: надо прежде привести крестьян в покорность, а потом уже и будем разговаривать [2].

Швабский союз имел то же намерение. Он приказал Трухзесу выступить к Дунаю и атаковать крестьян.

Приказ этот был отдан не только до истечения перемирия 25 марта, но даже еще до заключения его.

В Штутгарте взбунтовались союзные солдаты. Они требовали денежной награды себе за то, что герцог отнял у них город. Трухзес был занят приведением в покорность отпавших округов Леонберга, Беблингена, Герренберга и Балингена; он хотел наказать их, но прежде всего обезоружить. Узнав о бунте солдат, он приказал начальникам рот выехать из города без солдат, так как солдаты не хотели выступать, пока не получат денег.

Командиры и знаменосцы выступили с распущенными знаменами из Штутгарта в Дагерсгейм, где был лагерь прочего войска.

На третий день мятежные солдаты пошли за ними и покорились. Контингенты союзных чинов стекались со всех сторон и шли на Урах, Тюбинген и Кирхгейм к Альпу, чтобы приблизиться через Альп в направлении Ульма и Этингена к крестьянским лагерям, для наблюдения за крестьянами [3]. Но ландскнехты не хотели итти. Начальники их «не сдержали языков», и между солдатами разошелся слух, что «дело затеяно против крестьян». Они взяли оружие и составили сходку. От командиров потребовали прямого ответа, против кого ведут войска, и когда те отвечали, что против крестьян, солдаты согласились между собою не служить против крестьян, потому что крестьянское дело — право; милиционеры объявили единодушно, что «не хотят сражаться против своих друзей, крестьян». Меммингенский командир ушел с своей милицией. За ним последовала аугсбургская милиция; от нее при войске остались только знамя, начальник, Михаэль Фрессенмайер, и семеро ландскнехтов.

Трухзес Георг стоял с рыцарством еще в Беблингене. На военном совете у них было решено послать за ушедшими в Зиндельфинген графа Фридриха фон Фюрстенберга, которого войска очень любили, чтобы уговорить их возвратиться. Граф убедил большинство ушедших вернуться в дагерсгеймский лагерь. Георг пожелал, чтобы командиры собрали сходку, и сказал, что он придет на нее поговорить с ландскнехтами. Командиры собрали милиционеров на поле, при Беблингене; Георг с своим штабом прибыл к ним. Подле него находились граф Фридрих фон Фюрстенберг и Фрейвейн фон Гуттен. Когда все стихло, он начал речь: «Любезные благочестивые ландскнехты и воины! Слышал я, что вы не хотите итти

[1] Вейсенгорнская рукопись. Целый ряд писем в Штутгартском государственном архиве заключает в себе то же выражение почти без изменения.
[2] Вейнгартенский архив.
[3] *Зейдлер*, рукопись.

против крестьян. Если послушать крестьян, подумаешь, что они стоят только на том, чтобы защитить и поддержать слово божие и никому не хотят зла, не замышляют никакой несправедливости. Союз тоже стоит за слово божие; крестьяне же поступают не так, как говорят; у них недобрые замыслы; а что это так, то смотрите: они отняли у меня мое имение, которое я наследовал от моего государя отца, честно им купленное; и не только мне, но и графу Фридриху фон Фюрстенбергу и брату его, графу Вильгельму, и многим господам, дворянам и монастырям нанесли обиду и ущерб. Чтобы доказать вам, благочестивые ландскнехты, что я не затеваю чего-нибудь несправедливого, я полагаюсь на вас, чтобы вы сами решили; как вы скажете, так я и сделаю. Вы увидите, что дурного никто ничего не предпринимает. Поэтому, кто хочет помочь мне в моем справедливом предприятии и итти со мной против крестьян, тот подыми руку».

Глубокое молчание. Поднялось рук пятнадцать — почти все командиры. Смущенный Трухзес сказал, что, кто не хочет служить ему, тот пусть уходит; но пусть они еще подумают; если дворянство и конница покинут их, они погибли. Высокородное же дворянство бог не покинет, об этом им надо подумать, а он поедет в Беблинген. С этим и расстались.

Михаэль Фрессенмайер, командир аугсбургской милиции, уговорил сначала свой отряд; милиционеры согласились не отказываться от похода, но итти, куда поведут. Примеру аугсбургского знамени последовали и другие отряды, послушав увещаний своих начальников. Не послушались только констанцы, которые ушли домой, все до последнего, кроме командира и знаменосца. Все отряды милиции послали выборных: офицера маркграфа Казимира Бранденбургского, Иорка Перленфейна и трухзесова герольда, Ганса Луца аугсбургского, к Трухзесу, «как двух посланников от простых милиционеров к господину Георгу и высокородному рыцарству с изъявлением готовности их служить против крестьян и против дьявола, как подобает благочестивым воинам». Трухзес принял их милостиво и сказал, что поступит, как благочестивый господин и будет везде перед врагом первым, а не последним.

Таким образом, все войска выступили из обоих лагерей при Дагерсгейме и при Беблингене и двинулись к Кирхгейму на Теке, где были прочитаны статьи военного кодекса и принесена присяга знаменам. В Кирхгейме между некоторыми полками снова обнаружился дух неповиновения. Конные ландскнехты рыцаря Вольфа Гремлиха воспротивились итти против крестьян; отряд Ганса Мюллера однорукого также отказался присягнуть. Рыцарь Вольф Гремлих и главный начальник ландскнехтов Ганс Мюллер остались здесь, а Трухзес с остальными войсками пошел к Ульму, оставив для защиты Вюртемберга Рудольфа фон Эгингена. Трухзес хотел поставить всю союзную конницу на два дня и две ночи на квартиры в Ульме, но совет города воспротивился этому и впустил только 400 пехотинцев, и то городских. Ульмские цехи, хотя

вели себя мирно, но были расположены в пользу крестьян. Они продавали им панцыри и оружие и рисовали им знамена; слышались нередко речи, казавшиеся союзным чинам неприличными. Ульмский совет объявил, правда, союзным чинам, что не думает, чтобы простой народ мог замышлять какое-нибудь незаконное дело; но несмотря на такое заявление, совет боялся, что община восстанет и выгонит господ из города.

Главы и советники союза провели в Ульме четыре дня в совещаниях и военных действиях против крестьян. Многие из союзных дворян, в том числе и князь-аббат кемптенский, еще с самого начала переговоров начали открыто готовиться к неприязненным действиям; а теперь и союз не поколебался объявить, хотя еще продолжал вести переговоры, что «решился, с божьей помощью, силою принудить крестьян к тому, на что они не согласятся добровольно» [1]. Однако, несмотря на презрение многих членов союза к крестьянам, союзные советники считали борьбу с ними делом серьезным. Союзный предводитель, аугсбургский бургомистр, Ульрих Арцт, писал следующее: «Если хотят избежать позора, стыда и ущерба, то нужно собрать больше сил, чем теперь. Поэтому, по его предложению, союз приказал как можно скорее собрать и третью треть контингентов, хотя первая и вторая трети были только что выставлены; но эту третью треть он потребовал деньгами, так как только с иностранными войсками можно было достичь желаемых результатов» [2]. Таким образом, союз собрал в последние дни большие суммы, хотя некоторые вольные города не очень-то торопились вносить деньги, и Ульриху Арцту приходилось неоднократно увещевать то тот, то другой, город представляя им, что они лишатся животов и имущества, если не внесут без замедления следуемых с них денег; откладывать нельзя ни одного часа, потому что положение дел слишком грозно [3]. Имея в перспективе много денег и наемных солдат, господа шли самоуверенно вперед. Трухзесу пришла в голову мысль, которая могла бы быстро доставить союзной кассе огромные суммы. Он предложил для удобства военных действий совершенно запретить войскам грабеж и мародерство, так как через это отряды нередко разбегаются и было проиграно не одно сражение; вместо того следовало назначить двух общих сборщиков контрибуций (Brandmiester), которые собирали бы контрибуции со всех занимаемых мест; две трети собираемых ими сумм шли бы в союзную кассу, а одна треть отдавалась бы войску вместо добычи. Так как по всей вероятности целые тысячи местечек будут заняты и обложены контрибуцией и, считая круглым числом только по 300 флоринов с каждого, легко можно было собрать контрибуциями миллион. Но этот план не понравился некоторым ученым: «Они взглянули на это иначе, потому что учились в высших школах» [4].

---

[1] Ульмский архив.
[2] Письма Ульриха Арцта в Ульмском архиве.
[3] Акты нового порядка в Ульме.
[4] *Зейдлер,* рукопись.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Открытие военных действий

Крестьяне доверчиво ожидали какого-нибудь прока от переговоров. Но наконец вооружения Трухзеса и его речи в Зиндельфингене, переданные им перебежчиками из ландскнехтов, чрезвычайные военные приготовления союза и высокомерный тон господ при переговорах с крестьянскими депутатами, причем господа требовали безусловной покорности, — все это показало крестьянам, к чему клонится дело. Тогда сердца поселян ожесточились, доверчивость их обратилась в ярость и настало удобное время для деятельности агитаторов, которых доселе держали в тени люди умеренные, предпочитавшие искать облегчения от ига угнетавшего народ путем соглашений или судом.

Окрестности Ульма воспламенились первые. Отсюда пламя быстро распространилось вверх до истоков Дуная; все крестьяне вооружились, и началась распря между ними и тройственным союзом их тиранов — господами в замках, духовенством в монастырях и городской аристократией. Дымящиеся развалины дворянских резиденций и ограбленные монастыри возвестили вскоре, что рабы свергли с себя цепи гнета и восстали, чтобы кровью рассчитаться за тысячелетнее иго и за коварство, с которым пользовались их доверчивостью в последние дни.

Однако люди решительные имели и теперь за себя только большинство крестьян, а не всех; во все продолжение войны всюду заметно колебание; волны событий возвышают на время то ту, то другую партию, нынче перевес за умеренными, завтра за агитаторами, затем за террористами, а там снова за умеренными. В сердцах масс недоверие и доверие быстро сменяют друг друга; они то всех подозревают, даже собственных вождей, то снова позволяют господам надувать и водить себя за нос; несмотря на столько поводов не доверять господам, они снова верят им и их обещаниям.

Между крестьянами всегда существовали две партии: партия мира и партия войны. Многие даже неохотно пришли в лагерь и оставались в нем против воли. Другие, явившиеся по доброй воле, лишились потом энергии и мужества, и немало было таких, которые искали только случая, чтобы подобру, поздорову выпутаться из дела[1]. Наконец некоторые пристали к восстанию только из страха.

К числу людей, желавших во что бы то ни стало войны, принадлежали, разумеется, ландскнехты, приставшие к крестьянам; они крепко стояли за мужиков, т. е. за восстание, потому что такое движение обещало много добычи. Впрочем, было много ландскнехтов, державших сторону крестьян по искреннему убеждению; особенно многие из них ненавидели аббатов. Наименее располо-

[1] Донесение вейнсенфельдца от 20 марта.

жены были в пользу войны, кроме вовлеченных в восстание насильно, люди очень богатые. Хозяйственные дела призывали их домой. Многие считали также силы крестьян слишком слабыми для борьбы с господами и не надеялись на благоприятный исход войны.

Военные силы крестьян были в этой войне весьма различны. Крестьяне Верхней Швабии были приучены к оружию с детства и вооружены панцырями и копьями, особенно альгаусцы. Многие из них служили в войсках. Хуже вооружены и менее привычны к военному делу были шварцвальдцы. Первым сбором был призван в лагерь четвертый человек по жребию. Кто не хотел итти сам, мог поставить за себя другого за пятнадцать крейцеров еженедельного жалованья. Затем уже был сделан второй сбор, и в лагери был призван третий человек с оружием и припасами; откупаться уже приходилось за двадцать крейцеров в неделю. Но был недостаток в порохе [1]. Не было также тяжелой артиллерии. Особенно же ощутителен был недостаток в коннице, которая, наоборот, составляла главную силу неприятеля. Притом многочисленные сводные отряды не могли долго стоять в лагерях по недостатку продовольствия [2]. Военная подать, которую крестьяне сами на себя наложили, была недостаточна и вносилась слишком неправильно, чтобы можно было нанять на нее хороших ловких солдат. В некоторых лагерях, как например в Лейпгеймском и Бальтрингенском, уже в последние дни марта сделался ощутителен недостаток в продовольствии. Это была достаточная причина для простого народа сильно «желать мира» [3]. Шварцвальдцы наняли много ландскнехтов, но они вели себя плохо. Крестьяне терпели от них, и это обстоятельство склоняло их к примирению с господами. «Они давно сделали бы это, — писал командир фон Вольфштейн, — если бы солдаты не держали их в страхе; а солдаты ищут только своей выгоды; им до простого народа дела нет; такие негодяи всегда так поступают» [4].

Но надувательство, которому подверглись крестьяне, сильно ожесточило даже умеренных, и оно-то дало перевес крайним.

Теперь настало время действовать силою. Так дело шло повсюду. Всюду стремления крестьян были сперва далеко не радикальны, но очень скромны и справедливы, по мнению даже многих дворян, которые были честнее других. Но всюду, с самого же начала, были и такие люди, которые не хотели терпеть никаких обязанностей, стремились свергнуть всякое бремя, истребить всех господ и быть свободными, как швейцарцы. В большей части местностей крестьяне желали лишь ограничения прав помещиков и отмены признанных злоупотреблений; таково было настроение

[1] Так например, у Лейпгеймского отряда. Доклады баварских военачальников в Мюнхене.

[2] Письмо канцлера Экка от 12 апреля.

[3] Письмо герцога Людвига Баварского от 26 апреля. Письма Швабского союза от 5 и 7 апреля.

[4] Письмо Вольфштейна от 13 апреля.

крестьян в Кемптене, в Бамбергской области и в Зальцбургской. Крестьяне Верхней Швабии еще в середине марта, кажется, и не помышляли о республике; они думали лишь об «избрании римского короля» в их духе, вероятно Фридриха Саксонского [1]. Агитаторы также были несогласны между собой в своих видах. Одни хотели единой Германской империи с единым главой; с этой целью они стремились к ниспровержению всех духовных и светских государей. Свобода евангелия была целью их. Другие, более умеренные, желали лишь ниспровержения духовных властителей и свободных государственных учреждений под властью светских. Третьи хотели перебить всех господ и поделить имущества их.

После обмана господ даже благоразумные верхнешвабы, желавшие вначале лишь восстановления своих древних прав, начали считать справедливейшим последнее мнение; оно было принято даже теми, кто еще вчера думал лишь о том, чтобы не платить десятину и приобрести свободу религии. Таким образом и Верхняя Швабия была увлечена в революцию, в пользу которой другие уже давно работали и которая готова была вспыхнуть.

Люди, никогда ничего хорошего от господ не ждавшие, хлопотали еще во время переговоров о расширении и усилении народного союза, насколько то было для них возможно. Теперь те же люди старались найти средства для ведения борьбы и организовать ее.

Прежде всего всюду, где могли, они старались удалить тех, которые, имея возможность особенно влиять на умы простого народа, как например приходские священники, не сочувствовали направлению нового учения. Крестьяне во многих местах приходили толпами к священникам и объявляли им, что начальники их решили и положили удалить их из приходов, если они не будут проповедывать слово божие яснее и ближе к тексту, без всяких человеческих дополнений и толкований [2].

Ввиду богатых средств Швабского союза люди, руководившие народным движением, решились открыть себе также источники денежных средств; с этой целью они положили брать из церквей золотую и серебряную утварь и обращать ее в монету на военные расходы; наличные деньги было решено отбирать у церквей, а также обращать в деньги все общинные имущества деревень [3]. Они надеялись также получить много денег от секуляризации или, собственно говоря и по их выражению, от уничтожения монастырей и других духовных владений. Так как враждебные намерения Швабского союза стали уже очевидны, то все три сводных отряда собрали общую большую сходку в Гейсбейрене [4].

С последних дней марта и первых апреля крестьяне восстали всюду, не только в Верхней Швабии, в долине Инна, на Шварц-

[1] Мы сумеем сделать римского короля, говорили они. Их кто-то очень обнадеживает, не знаю только кто. Письмо Вейсенфельда герцогу Вильгельму от 12 марта.

[2] Донесение Никласа Томана, рукопись в коллекции Шмида.

[3] Там же.

[4] Рассказ очевидца войны Швабского союза.

вальде, в Бреслау и Эльзасе, но и за Ульмом; восстание с быстротою молнии распространилось в местностях между реками Верницем, Якстом и Кохером, с одной стороны, за Уерезгейм Бепфинген, Нердлинген, Эльванген, Эттинген, Диккельсбюль, Крайльсгейм — с другой; в то же время оно проникло в Оденвальд и Рейнгау, в самое сердце Франконии, и разлилось по всему Тюрингенскому лесу, где Томас Мюнцер разжигал самое сильное пламя мятежа, которое наконец охватило громадную местность.

В Южной Германии вооруженное движение народа началось почти в один и тот же день на двенадцати пунктах, весьма отдаленных друг от друга. В одно и то же время, в первые дни весны восстают Тирольцы, Ганс Мюллер Бульгенбахский начинает борьбу на Шварцвальде и в Бреслау; крестьянские сводные отряды при озере Вальгау, на Риде и вновь собравшийся Лейпгеймский готовятся к нападению; крестьяне, предводимые своими вождями, поднимают оружие на Вюртембергском Альпе, во владении города Гейльбронна и Тевтонского ордена; вспыхивает всеобщее восстание на Таубере; Георг Мецлер во главе крестьянского войска выступает из Оденвальда; Вендель Гиплер открывает военные действия во владениях Гогенлое и, наконец, Мюнцер обнажает республиканский меч в Мюльгаузене.

На сходках господствует теперь совсем иной дух. Почти во всех общинах радикальная партия получает преобладание, и первыми восстают те селения, которые позднее других испытали обиды и угрозы со стороны господ.

Всю последнюю неделю марта от озера до вершин Шварцвальда и по всему течению Дуная до Гюнцбурга за Ульмом не умолкали звуки набатного колокола и сигнальных рожков, призывавших крестьян к сбору; все лагери наполнились вооруженным народом, и еще за несколько дней до благовещения Липгейм на Дунае обратился в обширный крестьянский стан, полный воинственного шума. Владетели, крестьяне которых еще колебались, старались удержать их от восстания всевозможными уступками и обещаниями, так например поступил аббат Иодок Роггенбургский: как только крестьяне его начали жаловаться, он уехал в Ульм. Крестьяне, однако, вели себя смирно и ждали решения союзных советников, надеясь, что они облегчат их положение, по справедливости или хоть из милости. Такое мирное настроение их умов придало аббату храбрости; он вернулся в монастырь и начал объезжать своих вассалов, но они не стали его слушать, собрались в Энкштетене и послали тридцать выборных вести мирные переговоры с капитулом монастыря; капитул хитрил и хотел предоставить дело на решение ульмскому совету, Швабскому союзу или какому-нибудь нейтральному городу. На это крестьяне отвечали, что их уже довольно водили за нос и ушли в Лепгеймский лагерь [1].

[1] Рукопись Гольцварта.

Когда депутаты трех лагерей вернулись из Ульма с известием, что переговоры расстроились, что господа требуют безусловной покорности и высокомерно называют такое требование «милостивою, даже излишнею уступкою» [1], когда затем пришло известие, что Трухзес приближается с намерением атаковать крестьян, — тогда Бальтрингенский сводный отряд выступил из своего лагеря и 26 марта напал на несколько замков.

Замки эти принадлежали тем владетелям, которые особенно нагло обманывали крестьян, вели себя высокомернее других и служили теперь в войске Трухзеса. Были разграблены Лаубгеймский замок Ганса Буркгарда фон Элербаха, Шеммербергский замок, принадлежавший аббату Зальмансвейлерскому, и Зиметингенский самого Трухзеса. Крестьяне взяли себе всю домашнюю утварь, вино и съестные припасы, а самые здания сожгли и разрушили до основания. Вассалы Зальмансвейлерские, хотя и потушили пожар замка, потому что боялись за свою деревню, но и сами они и соседние жители Теринга ревностно содействовали опустошению господских кладовых и рыбных садков; добычу они поделили между собой [2]. Затем крестьяне перешли к замку Роттерсгаузену, принадлежавшему рыцарю Конраду фон Роту; его вассалы более всех усердствовали при разорении замка. Самого рыцаря не было дома: он был в союзном войске; в замке оставалось несколько солдат; они не могли противиться крестьянам и потому впустили их, а сами убежали в подвал, где лежал порох. Крестьяне побежали за ними в подвал, и кто-то нечаянно уронил в порох горящее полено. Часть замка с солдатами и крестьянами взлетела на воздух.

Эти происшествия, угрожавшие собственным владениям Трухзеса, побудили его направить свои силы не против Лейпгейма, а сперва в Верхнюю Швабию против крестьян, стоявших на Риде у Бальтрингена.

Вся союзная пехота двинулась к Эрбаху, где все отряды ее собрались к 30 марта. Крестьяне стояли на правом берегу Дуная, а потому союзная армия, состоящая из 2 000 человек конницы и 7 800 человек пехоты с отличной артиллерией, хотела перейти реку с левого берега у Эхингена, но тяжелую артиллерию не могли переправить через Дунай, а кавалерия, составлявшая главную силу союзного войска, не могла действовать в Ридском округе. Трухзесу пришлось ограничиться посылкою за Дунай Фрейвейна фон Гуттена со стрелками; при Дельмензингене Гуттен встретил отряд крестьян, шедший от Минден Теля; отряд этот, называвшийся Винцерским отрядом, отступил, увидя стрелков, за реку Рид, и союзные войска не могли настичь его. Затем большой Бальтрингенский сводный отряд двинулся по течению Рида, вверх к Рисдасену, надеясь заманить Трухзеса; но Трухзес отступил с частью конницы к Ульму, а остальную послал в Эхинген. Граф Вильгельм

[1] Публикация Швабского союза.
[2] Зальмансвейлерский архив.

фон Фюрстенберг остался с пехотой в этот вечер в Эрбахе, и все успехи войска ограничились пока тем, что солдаты ограбили и сожгли несколько деревень.

На следующее утро Георг был занят в ульмском верховном суде своей службой. Тем временем несколько баварских рот начали грабить деревню Дельмензинген. Увидя это, крестьяне спустились вниз по Риду, напали на солдат, убили их более сотни, несколько взяли в плен и отослали в союзный лагерь с белыми тростями; затем крестьяне сделали вид, что намереваются перейти мост Урбан и атаковать лагерь Фюрстенберга, но он стоял в выгодной позиции и начал стрелять в крестьян, однако нанес им мало вреда. Отряды Трухзеса и Эгингенский, услыхав канонаду, поспешили на помощь и так торопились, что кавалерийские лошади были все в мыле. Но крестьяне снова отошли к Рисдасену.

Союзные командиры совещались между собой, как бы напасть на крестьян. Георг и граф Вильгельм осматривали течение Рида, но убедились, что конница не может действовать на его берегах. Войско пошло по левому берегу к Эпфингену. Там Георг увидел крестьян, стоявших несколькими отрядами на расстоянии пушечного выстрела. Он послал к ним девушку с письмом от имени союза; в письме он убеждал их разойтись, обещал свободный пропуск всякому, кто захочет покориться, и спрашивал, может ли он послать к ним другого посланца. Крестьяне отвечали, что не сделают посланному никакого зла, а Трухзес послал к ним барабанщика с новыми поручениями; но наступила ночь, и крестьяне поняли цель этих посольств. Поэтому они снялись с позиции и отступили дальше к лесу. Барабанщик боялся, что на возвратном пути стража нападет на него, и потому, возвращаясь, забил в барабан. Стража союзного лагеря, не знавшая, что барабанщик был [1] послан, не поняла этого сигнала, она забила тревогу, и в одно мгновение весь лагерь был на ногах. Поднялся такой шум, что его было слышно даже в отдаленном крестьянском стане. Но вместо неприятеля явился барабанщик и сообщил, что крестьяне покинули свою прежнюю позицию. Однако ложная тревога пришлась Трухзесу как нельзя более кстати. Крестьяне имели тайные сношения с союзными пехотинцами. Пешая милиция союза предложила крестьянам напасть на рыцарей и их солдат, а потом соединиться с крестьянами. Возмущение должно было вспыхнуть в ту самую ночь, и, пользуясь им, крестьяне атаковали бы союзный лагерь. Услышав там тревогу, крестьяне испугались и пришли в недоумение: они подумали, что дело выдано и потому в ту же ночь отступили до Стадиона [2]. Трухзес снова приказал ограбить и сжечь несколько оставленных ими совершенно невинных деревень. В деревнях этих кавалерия Трухзеса награбила столько скота, что корова продавалась за полбалцеха [3]. Бо́льшая часть крестьян этих деревень оставалась дома

[1] Как прилично посланнику, прибавляет рукопись Зейдлера.
[2] «Впрочем в порядке», — говорит Зейдлер.
[3] *Зейдлер.*

со всем своим имуществом, потому что еще не пристала к крестьянскому братству. Дидрих Шпет с кавалерийским отрядом был послан в погоню за крестьянами. Он настиг их между Стадионом и Грунсгеймом и подошел так близко, что мог говорить с ними, но крестьяне стояли в порядке, так что он не решился атаковать их и отступил.

Крестьяне подступили к Мундеркингену и потребовали сдачи этого городка. Жители переговаривались с ними, пока Шпет подъехал к стенам с другой стороны и закричал жителям, чтобы они держались, потому что помощь близка. Жители не пустили поэтому крестьян, которые пошли дальше, взяли монастырь Морхтем, дочиста ограбили его, изломали и испортили все, что не могли унести; это было уже к вечеру. Трухзес, узнав обо всем от Дидриха Шпета, немедленно пустился в путь, надеясь напасть на крестьян. Он шел всю ночь, не останавливаясь, но не догнал их; они знали о его погоне и перешли через Дунай к Цвифальтену и на Альп, куда Трухзес не мог следовать за ними с войском, потому что они рассеялись по оврагам и лесам [1].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Военные действия по Дунаю за Ульмом

Между тем в лагере при Лангенау и Лейпгейме крестьяне усиливались со дня на день и вместе с тем возрастало беспокойство ульмских союзных советников. В этих двух лагерях стояло более 5 000 крестьян, 4 000 человек шли для соединения с ними из долины Манделя. Швабский союз не имел в этой стране никаких войск, так как все силы его находились при армии Трухзеса.

В городе Вейсенгорне, как в Лейпгейме и Гюнцбурге, община была за крестьян. Еще во время первых крестьянских сборищ многие вейсенгорнцы уехали в крестьянские лагери при Иллертисене, Энтштетене, Лейпгейме и Зумбере, и предприятие крестьян вообще очень им нравилось. В самом Вейсенгорне происходили волнения при выборе в совет, и община настояла на выборе в члены совета двенадцати человек из ее среды; кроме того она выбрала шестнадцать депутатов для переговоров с аристократией и советом по ее жалобам. В воскресенье, 19 марта, к ним присоединилось еще четверо депутатов, и этот комитет двадцати начал выслушивать все жалобы. Когда крестьяне снова начали собираться в лагере, вейсенгорнцы ездили к ним и приглашали их в город. Некоторые советовали городским советникам наказать

[1] Рукописи Зейдлера, Луца и Гольцварта.

этих агитаторов, говоря, что ведь в тюрьме места много и что не мешает дать им там остыть, но совет не слушал этого, будучи напуган еще прежними разговорами о том, что не мешало бы господ вытурить из города; мало того, он не хотел даже впустить в город союзный отряд Вальтера фон Гирнгейма, который 28 марта намеревался войти в Вейсенгорн. Община противилась этому, и совет убедил ее 28 числа впустить Пфальцграфский отряд из 344 конных только потому, что уезжая, Гирнгейм пригрозил, что городские ворота можно отпереть и без ключей. Когда Пфальцграфский отряд стоял в городе, община получила письмо от Лейпгеймского лагеря; в письме этом крестьяне жаловались, что вейсенгорнцы впустили в город их врагов, которые только что напали на них и изрубили один крестьянский пост. Мы слыхали, писали лейпгеймцы, что войска впущены в город против воли простого народа, поэтому мы ждем от Вейсенгорна хорошего ответа, а иначе придется ссориться. Это письмо доказывает, что с этой стороны союзные войска первые начали неприязненные действия. Очевидец говорит, что они убивали дорогой всякого, кто шел к крестьянам или от них. Вследствие этого крестьяне начали так же поступать с союзниками [1].

Из крестьянского лагеря при Иллертисене, где стояли до 6 000 человек, также писали в Вейсенгорн, приглашая город присоединиться к Христианскому союзу здешней страны. «Мы просим вас по братской любви и с полной доверенностью,— писали крестьяне,—уведомить нас, хотите ли вы быть нашими добрыми братьями, и бог да будет со всеми нами».

Посланных, привезших эти письма, выпроводили без ответа. 31 марта Пфальцграфский отряд выехал из города к Трухзесу в Эхинген, так как присутствие его в армии было необходимо для военных действий против Бальтрингенского сводного отряда. Только что он отошел от города, как там поднялся крик, что крестьяне идут с большими силами через Ганисберг; зазвонили в набат, и часть отряда вернулась в город, где не было ничего приготовлено на случай нападения: ружья, порох и всякое оружие было заперто. Однако тревога оказалась ложною.

Но на следующий день, 1 апреля, крестьянские сводные отряды при Лейпгейме, Лангенау и Иллертисене открыли военные действия, начавшиеся в тот же день и во многих других местах государства. Лейпгеймский сводный отряд напал сперва на Беольский замок Вильгельма Литтера; он взял из него ружья, порох и съестные припасы, а строение разрушил; затем крестьяне разделились: одни пошли вверх по Бибераху, а бóльшая часть на Фафенгофен. В Вейсенгорн они послали требование впустить их в город, так как они хотят пообедать там на свои деньги. Получив отказ, они стали требовать выдачи всего, что было укрыто в городе из имуществ аббата Роггенбургского и других духовных

[1] Рукопись Никласа Томана.

владетелей. Совет отказал и в этом требовании. Крестьяне пошли в Аттенгофен. Яков Веэ сам вышел к ним, но не мог воспрепятствовать некоторым бесчинствам, произведенным крестьянами, разгоряченными вином и местью, но он настоял, чтобы из добычи была составлена военная касса.

У лейпгеймцев не было денег, а служившие у них ландскнехты требовали жалованья [1]. Крестьянам нужно было самим чем-нибудь жить. Яков Веэ велел вынести все, что можно, из аттенгофенской приходской церкви; священник был враг народного дела и убежал. Яков хотел разрушить его дом, но оставил в целости по просьбе одной женщины, которая говорила, что дом принадлежит церкви. Во всей окрестности все приходские священники бежали в Вейсенгорн и жилища их были пусты; крестьяне, рассеявшиеся по окрестностям, не трогали их, лишь кое-где выпили они ведро, другое вина, взяли ягненка, корову, пару куриц или каплунов, да повыбили в некоторых местах окна и двери, но и то таким образом поступали далеко не все, а отдельные лица, отделившиеся от главного отряда [2].

Главным Лейпгеймским сводным отрядом предводительствовал Яков Веэ; в Аттенгофене в доме священника он не взял себе ничего, кроме сдобной булки [3]. Он повел крестьян на Вейсенгорн; обоз, состоявший из шестидесяти телег, задерживал их движение, которое привело в ужас вейсенгорнский совет. Войско крестьян с своими телегами растянулось, к ужасу вейсенгорнцев, так, что передовые входили уже в вейсенгорнские сады, когда задние ряды не успели еще выйти из Аттенгофена. При таком значительном протяжении оно представляло и порядочную ширину; Бракфельдское поле считали в тридцать один шаг шириною, а оно заняло его все; притом у страха глаза велики, и вейсенгорнцам крестьяне казались гораздо многочисленнее, чем были на самом деле [4]. Десять крестьян подошли к воротам и снова потребовали пропуска; говорят, что между ними видели и Якова; они говорили, что ведь впустил же город союзных рейтаров, что за деньги кормят даже евреев и цыган, и требовали, чтоб совет вступил в их братство и помогал защищать святое евангелие. Бургомистр Дибгольт Шварц отвечал, что до сих пор вейсенгорнцы свободно пользовались божиим словом и не имели повода жаловаться на начальство, и просил крестьян вести себя, как следует добрым соседям, за что и с своей стороны обещал им мир. Во время переговоров городские советники приказали дать вина и хлеба. Крестьянские посланные стояли на валу, а вейсенгорнские господа между ворот; они пред-

[1] Донесение одного баварского шпиона от 31 марта.

[2] Так положительно сказано в рукописи Никласа Томана.

[3] Рукопись Томана. Профессор Везенмайер, издавший книгу о Якове Веэ, не стыдится утверждать, что Веэ велел себя в доме священника угощать и, напившись и наевшись вдоволь, дочиста все ограбил, и при этом осмеливается ссылаться на рукопись Томана, в которой говорится совершенно противное.

[4] По Гольцварту, их было 20 000, по Томану — 12 000.

ложили посланным выпить с ними, на что те очень любезно согласились. Крестьянский оратор Иерг Эбнер Энкштетенский, по прозванию Баварец, налил свою чарку, которую носил при себе, и простился с господами, обещав уладить дело по возможности к лучшему.

Узнав об отказе вейсенгорнцев, толпа подняла крик; было решено штурмовать город. Два отряда крестьян из Этингена захотели вследствие этого отделиться от сводного отряда, но им пригрозили, что сочтут их за вейсенгорнских союзников, поэтому они остались. Баварец был снова послан к городу с ответом, что если крестьян не впустят добром, то они возьмут город ночью силой, этим он сделал городу формальный вызов. «Ну, — сказал бургомистр Шварц, — так пусть же каждая лиса бережет свою шкуру, с нами бог и рыцарь св. Георгий».

Затем крестьяне сделали все приготовления к нападению; началась перестрелка, и в обороне города приняли участие даже бежавшие туда из окрестностей священники. Перестрелка продолжалась около часу; крестьяне заняли предместье; но стемнело, и военные действия прекратились с обеих сторон.

На следующее утро в Вейсенгорне ожидали возобновления нападения, но впотьмах крестьяне отошли от города к монастырю Роггенбургу. При первом известии о их приближении каноники бежали, и крестьяне без труда овладели аббатством; не обращая внимания на постное время, они стали лакомиться мясом, рыбой и прекрасными винами каноников. Это расстроило дисциплину; подвыпившие крестьяне изломали великолепный орган монастыря, разбили палкой ковчежец, вынули оттуда причастие и бутылку с елеем, переломали все в церкви, вломились в библиотеку, разорвали или вынесли книги и акты, в которых были записаны пошлины и другие повинности крестьян, взяли себе сосуды и другую утварь, изорвали церковную одежду и знамена и понаделали из них себе подтяжек. Крестьянские начальники, опустошавшие монастырь по плану, нашли большие запасы хлеба и вина, рабочего скота, овец, птиц и разной утвари. Иерг Эбнер посвятился ночью в аббаты роггенбургские и радовался с своими крестьянами этой шутке.

Крестьяне пришли к Вейсенгорну и Роггенбургу из многих деревень с значительными запасами и думали разом освободиться от всего. При Роггенбурге их было до 12 000. Иллертисенские, в числе 6 000, хотели соединиться с ними под Вейсенгорном, но запоздали и ночевали в Бабенгаузене. Из большей части деревень к крестьянскому войску подходили почти все жители, «так что остались только петухи петь на рассвете»[1].

Рано утром, 2 апреля, в воскресенье, большая часть Лейпгеймского сводного отряда возвратилась назад в Лейпгейм. В тот же день Иллертисенский сводный отряд пришел к вечерне в Ригген-

[1] Рукопись Томана.

бург, ограбил и опустошил все, что еще оставалось. Один хотел даже поджечь монастырь, но начальник его удержал его алебардой и потушил огонь[1]. Вероятно, это был Августин Шлегель Бабенгаузенский, который вообще, будучи начальником, отличался умеренностью. По пути к Роггенбургу в Кеттерсгаузене, крестьянам попались в руки роггенбургские каноники, бежавшие в Мемминген; народ, бывший в церкви, сбежался, и духовных особ повели пленными в кабак. Крестьяне стали советоваться, как с ними поступить. Одни хотели их убить, другие отпустить; тогда пришел бабенгаузенский начальник Августин Шлегель, отнял пленных у толпы и отпустил их.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Трухзес атакует Лейпгеймский сводный отряд

Гонцы ульмского союзного совета, посланные звать Трухзеса к Лейпгейму, нашли его в лагере при Извифальтене. Он повернул и ночью 2 апреля пошел с одной частью конницы к Эхингену, а другую послал в Мундеркинген. Пехота осталась в деревнях близ Мундеркингена и пришла туда на следующий день, в понедельник на рассвете. Когда конный отряд с квартирмейстерами, выехавший вперед к Эхингену, проезжал мимо обоза, один из рейтаров вдруг закричал: «Бегите, бегите! Трухзес и все его войско убиты; крестьяне следуют за нами по пятам». Обозы в ужасе разбежались куда попало и побросали все, что потом другие, более благоразумные, стали подбирать за ними. Часть обозных ограбила возы.

Когда тревога оказалась ложной, снова возник опасный беспорядок: ограбленные требовали назад свое добро, и между солдатами грозил завязаться бой. Приехал Георг и, чтобы успокоить бурю, выплатил из своего кошелька каждому половину стоимости потери. В тот же день он пошел в Ваблинген, а пехота в Геклинген. Во вторник, 4 апреля, рано утром она переправилась через Иллер близ Ульма. В лагерь при Ваблингене к Трухзесу приехали союзные советники и решили с ним напасть на Лейпгеймский лагерь[2].

Подобно лейпгеймцам, Лангенауский сводный отряд также не сидел сложа руки. Священник Яков Финстернауер и крестьянский начальник Томан Паулус не могли и здесь предупредить некоторых излишеств. 2 апреля начальники и советники Лангенауского лагеря писали начальникам Лейпгеймского лагеря, что они начали нападения и грабят ежедневно. Остался уж только

[1] Рукопись Томана.
[2] Зейдлер, Гольцварт, Луц.

один замок, писали они. Вот завоюем его и покончим с господскими жилищами. Они просили прислать им для этого предприятия две или три тысячи человек с двумя или тремя орудиями, если лейпгеймцы могут обойтись без них. По сожжении замка они намеревались немедленно итти на соединение с Лейпгеймским сводным отрядом, чтобы соединенными силами двинуться на Ульм и, с божиею помощью, помочь братьям. Если же лейпгеймцам нельзя им помочь, то пусть они скажут, что дальше делать [1].

Если бы нападение на Ульм удалось и если бы крестьяне взяли эту крепость, то Швабский союз лишился бы опоры на Дунае, и крестьяне получили бы возможность держаться. Крестьяне до того ненавидели ульмских господ, что те не могли выезжать из города, опасаясь от них всего худшего [2].

Лейпгеймцы овладели хитростью Гюнцбургом, где до сих пор совет не хотел принять сторону народного дела. Из города многие ушли в Лейпгеймский лагерь. Через несколько дней они письменно просили у совета позволения навестить жен и детей. Совет, считавший их по уходе из города исключенными из общины, из трусости, однако, позволил им вернуться. Гюнцбургцы пошли в город, но взяли с собою и чужих крестьян. Первая толпа заняла ворота, прочие вошли за ними в город с обнаженными мечами, пошли к ратуше и принудили совет соединиться с крестьянами. Таким образом Гюнцбург попал в руки крестьян.

Яков Вез думал, что союзная армия занята в Верхней Швабии. Узнав, что Трухзес так близко, он старался выиграть время и завел переговоры в Ульме с предводителями и советниками Швабского союза. Во вторник, 4 апреля, он писал союзу, что господа советники и командиры как опытные и благоразумные воины поймут, что сборище крестьян, возрастая с каждым днем в числе, не может быть без труда рассеяно оружием. Он говорил, что лейпгеймцы и другие, союзные с ними, не виноваты в том, что сделано другими, и что они очень жалеют об этих неловких поступках; чтобы предупредить худшее, они просят союз, для славы божией, заступиться за мир. Со своей стороны они сделают все, что могут, чтобы богобоязненные и разумные люди, презирающие временные блага и сочувствующие общему благополучию, прекратили жалобы и содействовали всем мирным или законным решениям несогласий. С этой целью они будут деятельно хлопотать на всех сходках. Письмо это было написано из Гюнцбурга. Вероятно Яков с другом своим, тамошним священником, ходил в совет; гонец, привезший письмо в Ульм, был уполномочен вести словесные переговоры. Крестьянские предводители надеялись воспользоваться этими переговорами, чтобы стянуть все свои силы для успешного сопротивления союзному войску.

[1] Ульмские акты нового строения.

[2] Письмо Вольфганга Рейхарда в Гейдельберг к сыну своему Цеку, в собрании Шмида.

Но Трухзес был уже возле них. В тот же день часть его конницы, отряды Гессенский и Ульмский под начальством Зигмунда Бергера перешли Дунай и двинулись к Эльхингену, между тем как сам он шел на Лейпгейм. При Форсте, близ Гетлагена, отряд этот наткнулся на толпу в 1 200 человек крестьян, из которых одни, обремененные добычей, возвращались в беспорядке в Лангенау, а другие были еще заняты грабежом монастыря Эхингена. Конница бросилась на них и обратила в бегство. Кто был подальше — убежал; а из атакованных в монастыре человек 50 были убиты. Часть опрокинута в Дунай, где многие утонули, 250 человек были взяты в плен и отведены в Ульм [1].

Предводители Лейпгеймского отряда быстро приготовились к обороне. От трех до четырех тысяч крестьян расположились на камне над мостом через Бибер, подле небольшого леса, прозываемого Юнгхольцем; позиция их была выгодна: слева у них был этот лесок, справа ручей, с фронта болото, а в тылу укрепление из обоза. Поле, прилегающее к Дунаю, они загромоздили старыми телегами, укрепив на их козлах пищали и другие орудия. Когда показалась конница Трухзеса, крестьяне храбро встретили ее сильным огнем. Но Георг знал очень хорошо, что лейпгеймцы были плохо снабжены зарядами [2], поэтому он смело бросился вперед с авангардом и охотниками, тогда как главные силы остались несколько позади. Когда огромное союзное войско надвинулось на крестьян и встретилось с ними лицом к лицу, тогда они увидели, что это войско было вдвое сильнее их, и потому после непродолжительного боя они решились отступить к Лейпгейму, где тем временем собирались все товарищи; но бóльшая часть их только что еще выступила из Гюнцбурга. Вскоре к отступающим присоединилась и другая толпа крестьян. Как ни трудно было отступление в виду неприятеля, однако они выполнили его с таким искусством, что могли увести с собою на телегах своих раненых и убитых товарищей. Прибыв в Лейпгейм, они выкопали на поле подле большой дороги яму и похоронили мертвых. Союзная конница не могла тотчас настичь крестьян, так как ей пришлось обходить болото. И только обойдя его, Трухзес с авангардом бросился за ними в погоню, и ему удалось отрезать им путь. По его приказанию солдаты повернули к каменному распятию и этим движением отрезали неприятелю отступление к Лейпгейму. Многие из крестьян побежали назад, в Юнгхольц, но здесь встретили ариергард союзной армии и были перебиты или взяты в плен. Многие также бросились в Дунай и переплыли его. Но на другом берегу наткнулись на ульмских и гессенских рейтаров, только что одержавших победу при Эльхингене. За то многим из бежавших из под Эльхингена удалось счастливо перебраться через Дунай и спастись в Лейпгейме. По самым умеренным и заслуживающим вероятия показаниям,

[1] Протокол ульмского совета. Рассказ очевидца похода Швабского союза, рукопись Никлаеа Томана.

[2] Донесение Пферсфельдера в Мюнхен, донесение одного шпиона от 20 марта.

крестьяне потеряли при Лейпгейме 500 человек убитыми и 400 утонувшими в Дунае, но более 2 000 успели благополучно добраться до Лейпгейма. Из артиллерии союзники взяли только четыре маленьких фальконета [1].

ГЛАВА ПЯТАЯ

Смерть Якова Веэ. Первые казни

Неизвестно, был ли, как ходил слух, Веэ сам в поле; вероятно во время нападения он был еще в Гюнцбурге, и только когда узнал об опасности, поспешил в Лейпгейм. Трухзес двинулся со всем войском к Лейпгейму и намеревался штурмовать его. Он поставил орудия перед каменным крестом и построил пехоту к атаке. Яков старался внушать мужество своим крестьянам, которые засели большими массами в Лейпгейме и Гюнцбурге. Враги его говорили потом, будто он уверял крестьян, что пушки и ружья союзников обратятся против них же самих. Однако такой человек, как Веэ, обладал другими средствами действовать на народ. Кажется, что крестьяне продолжали еще некоторое время бой, стреляя со стен Лейпгейма. Говорят, сам Веэ стрелял в союзное войско с башни [2]. Но крестьяне не разделяли его мужества; граждане послали к Трухзесу стариков и женщин просить пощады. Трухзес объявил им, что они должны сдаться без всяких условий и, главное, выдать тех проповедников, которые подстрекали крестьян к бунту. Город сдался.

Узнав об этом, Яков поспешил уйти из города; его дом находился у самой городской стены и из него шел потаенный ход под стеной к Дунаю, в поле. На берегу реки, за городом, ему была известна маленькая пещера. Взяв 200 флоринов из учрежденной им военной кассы, он отправился с одним близким лицом через потаенный ход в пещеру [3].

Приготовляясь к штурму, Трухзес обещал пехоте отдать ей город на разграбление; теперь, хотя город сдался, не дождавшись нападения, солдаты, тем не менее, требовали грабежа. Трухзес опасался, что грабежу не будет конца и что солдаты, набрав добычи, пожалуй разбегутся. Он обещал им всю городскую движи-

[1] Донесение эслингенского начальника Ганса фон Дорна от 7 апреля, в Эслингенском архиве. По Гансу Луцу, было убито более 2 000 и 1 500 утонувших. Другой очевидец, автор извлечения, считает потерю крестьян при Лейпгейме и Эльхингене в 5 000.

[2] Везен-Майер говорит, что Веэ сделал вылазку в союзный лагерь ночью, уже по сдаче города. Это неправда, которая произошла от непонимания одного выражения в рукописи Ганса Луца.

[3] Рукописи Гольцварта, Томана и Луца.

мость, но с тем, чтобы они не грабили, а взяли бы, что следует, деньгами. Они согласились. Тогда рыцари и союзные военачальники, «Большие Иваны», расположились в городе, а пехота оставалась перед стенами. Коннице же Трухзес обещал на разграбление Гюнцбург. Но и этот город прислал послов с просьбою о пощаде; послы говорили, что крестьяне вынудили город против его воли соединиться с ними. В ответ на это Трухзес и от них потребовал безусловной покорности. И город сдался. Конница расположилась в Губесгейме, Гюнцбурге и окрестностях. Якова Веэ искали всюду.

Собака, сильно лаявшая перед пещерой, где он скрывался, привлекла к ней внимание нескольких солдат; они бросились туда с копьями и заставили беглецов выйти [1]. По другому известию, один крестьянин, видевший его в чаще на берегу Дуная и вскоре после этого попавшийся в плен, на вопрос, где скрывается Веэ, указал на это место. Веэ предлагал людям, открывшим его, 200 флоринов за свое освобождение, но они привязали его к уздечке и отвезли к Трухзесу в Губесгейм [2]. В среду, 5 апреля, Трухзес решил участь Гюнцбурга; городской совет не подвергался никакому наказанию, община должна была заплатить 900 червонцев, а советник Бессерер, принадлежавший к древней аристократии, единственный, быть может, член совета, державший сторону крестьян, заплатил 100 гульденов контрибуции. Гюнцбургский священник хотел бежать, но был схвачен.

Лейпгеймцев и лангенаусцев постигла еще худшая участь; пехота, желавшая получить свою добычу, назначила сборщиков контрибуции, которые должны были оценить движимость, подаренную Трухзесом войску, и, соображаясь с этой оценкой, назначить контрибуцию. Сборщики пошли к своему главному предводителю графу Вильгельму фон Фюрстенбергу, и он предложил им взять, без дальнейших околичностей, с каждого крестьянина и горожанина месячное солдатское жалованье. Солдатам понравилось это предложение. Пленные горожане и крестьяне были заперты на ночь в церковь. Когда граф пришел к ним с сборщиками контрибуций и объявил об этих условиях, они, «как несчастные пленники», согласились на все. Трухзес, бывший в Гюнцбурге, услышав об этом, поспешил в Лейпгейм и, подозревая здесь какое-нибудь недоразумение, пошел в церковь и спросил пленных, что они обещали пехоте? Месячное жалованье, отвечали они. Тогда Георг объяснил им в церкви, что это составит сумму свыше 4 000 флоринов и что они со страху наобещали слишком много. Выходя, он сказал, шутя: кто мог бы подумать, что я буду проповедывать в лейпгеймской церкви? Он видел, что пленные не могут заплатить таких денег и боялся, что сограждане и старшины их не захотят их выкупать и предадут солдатам на бойню. Поэтому он сам назначил контри-

[1] Рукопись Гольцварта.
[2] Рукопись Томана.

буцию в 1 500 флоринов. В письменном столе Веэ, где хранилась военная касса, нашли еще 600 флоринов, но пехота требовала месячного жалованья. Трухзес охотно отдал бы ей теперь город Лейпгейм совсеми гражданами и крестьянами на разграбление, но ландскнехты хотели непременно получить наличными деньгами.

Во время этих споров военный совет решил участь важнейших пленников, взятых в Лейпгейме.

Ганс Яков Веэ, Иерг Эбнер, по прозванию Баварец, Ульрих Шён и зять его Мельхиор Гарольд были 5 апреля поздно вечером приговорены военным судом к смерти и в тот же вечер их вывели в поле, между Лейпгеймом и Губесгеймом. Гюнцбургский священник и двое схваченных с ним гюнцбургских крестьян были также приговорены к смерти. Кроме того, на казнь был осужден один старый артиллерийский солдат, перешедший к крестьянам из союзного войска. Всего осужденных на смерть было восемь человек.

Когда Якова Веэ вели на казнь, Трухзес обратился к нему и сказал: «Священник, вы хорошо бы сделали и для себя и для нас, если бы как следует проповедывали слово божие, а не мятеж». «Милостивый государь, — спокойно и с достоинством отвечал Яков, — вы поступаете со мной несправедливо: я проповедывал не мятеж, а слово божие». «Я слышал об вас совсем другое», — отвечал Трухзес.

Капеллан Трухзеса подошел к Якову и уговаривал его исповедываться и примириться с богом, но он отказался от исповеди, говоря: «Господа, не возмущайтесь этим, я уже исповедывался самому богу, творцу моему, и поручил мою душу тому, от кого получил ее». Затем он обратился к прочим осужденным с такими словами: «Мужайтесь, братья, мы нынче же встретимся в раю». Потом, подняв глаза к небу, он громко прочел псалом: in te domine speravi, и в заключение сказал: «Отче, прости им, не ведят бо, что творят». После того он еще раз громким голосом поручил душу свою богу, преклонил колено и голова его скатилась на траву.

Затем были обезглавлены Иерг Эбнер, Гарольд, Шён и еще один крестьянский начальник. За ними наступила очередь гюнцбургского священника и старого кавалериста; но было уже поздно, так что казнь пришлось отложить, и отсрочкой этой воспользовались, чтобы выпросить им помилование. Трухзес долго водил священника связанного и под караулом всюду, куда ходило войско; наконец, он освободился, заплатив 80 червонцев и лишившись своего прекрасного коня, прихода и права проповедывать [1].

В Лангенау были также казнены двое пленных, немедленно по разбитии Лангенауского отряда. Прежний совет, смененный общиной, снова овладел правлением, и Трухзес сам поехал на экзекуцию из Лейпгейма в Нау.

Крестьянский старшина Томан Паулус, главный военный начальник их Ганс Циглер и священник Яков Финстернауер благо-

[1] Рукописи Томана, Гольцварта, Луца, Зейдлера.

получно успели убежать. В Ульме совет подверг часть привезенных туда пленных уголовному розыску и наказанию. В четверг совет писал в Нау старшему бургомистру Бернгарду Бессереру и агенту совета Севастьяну Ренцу, чтобы они прислали палача, который понадобится для пленных, присланных союзными чинами. Таким образом, господа ревностно проливали кровь, и со стороны крестьян было весьма естественно подумать о возмездии; они так возненавидели Ульм, что даже распространился слух, будто они намерены разрушить его и избить всех жителей [1].

Господа наложили чрезвычайные денежные пени на все окрестности Лейпгейма. Эйтен фон Вестернах, богатый рыцарь, поступил с своими крестьянами особенно жестоко, взяв по пятидесяти, восьмидесяти и более гульденов с человека, что для того времени было очень много. Опасались, что нужда возбудит этих крестьян к новому восстанию [2].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Действие сводных отрядов Ридского, Альгауского и Приозерного. Австрия

Трухзес не удовлетворил казнями своих солдат, которые требовали денег; они волновались и настаивали на получении обещанного месячного жалованья, грозя, что ежели союз не стребует с крестьян этой контрибуции или не заплатит ее из своих денег, то они не сделают дальше ни шагу. Георг был в большом затруднении: он получил известие, что крестьяне сильно теснят его собственные замки и семейство. Солдаты оказывались несговорчивыми, войско стояло у Гюнцбурга и Лейпгейма уже восемь дней, и ландскнехты не хотели трогаться с места, поэтому он просил некоторых рыцарей отправиться на защиту Вольфене и Вальдзэ, опасаясь, что крестьяне овладеют находившеюся там артиллериею. Рыцари фон Рейнах Розенберг, Рейнах, Фюрт Горнштейн и Ландау отправились во владение Трухзеса. Георг Генце, слуга рыцаря фон Ландау, был у них провожатым; между тем Трухзес и граф Вильгельм склоняли союз войти с войском в соглашение, по которому союз обещал уплатить солдатам месячное жалованье в тридцатидневный срок, а солдаты, с своей стороны, обязались следовать в течение этого времени за Трухзесом, куда бы он их не повел; тогда все союзное войско выступило во вторник на страстной неделе против трех соединенных крестьянских сводных отрядов [3].

[1] Письма Вольфганга Рейхарда к сыну.
[2] Донесение Пферсфельдера герцогу Вильгельму.
[3] Рукопись Зейдлера.

Но пока войско еще стояло при Лейпгейме и Гюнцбурге, граф Ульрих фон Гельфенштейн выступил с конным отрядом из Гюнцбурга и направился к долине Роте, Камлаха и Гюнца до Фафенгаузена с намерением обложить крестьян этой местности контрибуцией. Крестьяне этих долин принадлежали все к красному знамени и считались «сильным и злодейским сводным отрядом». Гельфенштейн ходил по стране, нигде не встречая крестьян. Он не давал своим солдатам грабить, чтобы они не разбегались, но вместо того брал контрибуцию с городов и местечек; так, с Энкштетена он взял 100 флоринов, с Бибераха 101 флорин. Здесь ему попался в плен один роггенбургский монах, Эрбих Маллер, служивший в крестьянском лагере. Граф долго держал его у себя в плену и даже по окончании войны водил его на веревке, как собаку [1]. С жителей Бубенгаузена граф взял насильную присягу и 42 флорина контрибуции. Кроме того, каждый двор должен был внести по 6 флоринов союзной подати и вознаградить за все причиненные убытки. Но крестьяне также не дремали.

Когда в Альгау пришло известие, что Швабский союз начал войну и что Трухзес приближается, здешние крестьяне не захотели отставать от других, и начальники их начали действовать энергичнее: было объявлено, что, кто не пристанет к общему делу, тот будет сочтен изменником, в знак чего перед домом его будет вбит кол. В других местах были наложены тяжкие денежные пени на всех, не хотевших немедленно присоединиться к народному делу.

1 апреля крестьяне поднялись, и 2-го, в воскресенье, Верхнеальгауский сводный отряд подступил к замку Либентану, куда бежал князь-аббат, отрезал его от воды и преградил все доступы к нему. Кемптенский городской совет опасался нападения на город. Было достоверно известно, что крестьяне намерены напасть на монастырь, поэтому на воротах и стенах города все было приготовлено к отражению атаки, и рано утром 3 апреля набатный колокол загудел в городе, призывая горожан на стены, в то же время крестьяне под предводительством Кнопфа из Луибаса, Вальтера Баха и Ганса Шлимера Зодгофенского двинулись большими толпами к монастырю и овладели им. Каноники и вся придворная челядь аббата бежали. Крестьянские начальники взяли себе большую часть запасов и все драгоценности, и весь сводный отряд расположился в монастыре есть и пить. При этом они не забыли и городскую общину — и послали ей в город два большие ведра вина, но совет не принял этот подарок и, чтобы расположить к себе цехи, пригласил их каждый в свою палату, где им было приготовлено угощение, вино и закуска. Крестьяне нагрузили в телеги все книги из библиотеки, все акты и регистры из канцелярии и колокола, опу-

[1] Рукопись Томана: «Наконец, граф сам ходатайствовал за него перед союзом; он был освобожден, но визитатор его монастыря тотчас велел его схватить и посадить в тюрьму в Ауерсберге, оттуда он тайно бежал и впоследствии сделался еретиком».

стошили конюшни и погреба, причем дело не обошлось без насилий. Затем они двинулись на замок Швебельсберг, взяли, опустошили и разрушили его; та же участь постигла княжеские замки Гогентан и Волькенберг. Фогт Вернер фон Райтенау, управляющий Гогентаном, и фогт Мориц фон Альштансгофен были отпущены крестьянами на свободу, не испытав от них никакой неприятности. Крестьяне взялись даже доставить им куда угодно их имущество, и первому отвезли его до Лейткирха, а второму, пожелавшему отправиться в город Кемптен, предоставили в распоряжение восемнадцать телег для перевозки его вещей. При взятии замка Волькенберга особенно отличились крестьяне местечка Обер-Гюнцбурга; это альгауское местечко, лежащее между Дитманридом и монастырем Оттобиртом, было весьма предано народному делу с самого начала и всех ревностнее вступило в войну против господ. Жители его взяли из своей церковной кассы 340 фунтов геллеров и внесли эти деньги в общую союзную кассу. Кроме того, они внесли туда все, что выручили от продажи серебряного распятия, одна работа которого стоила 100 флоринов. По взятии Волькенберга они привели сводный отряд в свое местечко и угостили. Князь заперся в Либентане и считал себя в безопасности, полагая, что крестьяне не могут взять такой сильный замок. Но жители Обер-Гюнцбурга высмотрели замок, когда еще имели доступ в него, и сообщили теперь все свои сведения товарищам своим, которые совещались о взятии замка. Тогда часть крестьян расположилась 8 апреля под Либентаном, а другая, бóльшая часть, пошла к Леху, брать Фюссен.

До сих пор фюссенцы отделывались одними словами, в которых можно было скорее видеть уловки и отговорки, чем искреннее желание пристать к Альгаускому союзу. 6 апреля Вальтер Бах последний раз обращался к ним с требованием, чтобы они объявили, наконец, хотят ли они оказать им помощь по божескому правосудию или нет, намерены ли они держаться за крестьян или против них, потому что до сих пор они себя вели в отношении крестьянского дела холодно и принимали к себе врагов его [1]. Владетель Фюссена, епископ Аугсбургский, не оказывал городу никакой помощи, поэтому жители обратились к австрийскому правительству в Инсбрук, и эрцгерцог Фердинанд прислал им еще 4 апреля артиллериста, пороху и обещание прислать в город конный отряд.

Между тем фюссенцы написали главному начальнику альгауских крестьян, прося его указать им, кто такие те враги крестьян, которых они будто бы принимают в своем городе. Вальтер Бах отвечал, что враг крестьян епископ Аугсбургский, что фюссенцы его благоприятели, что они, несмотря на неоднократные приглашения, не оказали крестьянам никакой помощи и что потому к ним нынче же будут гости.

[1] Донесение Фуртенбаха, рукопись в собрании Шмида.

Гонец фюссенцев не успел еще выехать из крестьянского лагеря, как крестьяне уже начали готовиться к выступлению в поход. В деле этом Вальтер Бах действовал не по собственному усмотрению, а по приказанию общего христианского совета. Приказы эти были вероятно даны ему на большой сходке в Гайсбейрене, где собирались все три сводных отряда вместе и где с общего согласия были составлены планы военных предприятий крестьянства. Осада и взятие замков и укреплений происходили прямо по этим планам и, кажется, что в Гайсбейрене всеобщий Христианский союз разделился на несколько небольших осадных корпусов, причем наблюдалось, чтобы в каждом корпусе были отряды из всех трех сводных отрядов[1]. Таким образом, было приведено в исполнение определенно выраженное постановление крестьян касательно уничтожения замков и монастырей.

Вальтер Бах занял отрядом из 200 человек крестьян мост через Леху в Бинсвангене, чтобы воспрепятствовать войскам пройти из Инсбрука на помощь Фюссену. Сам он пошел с тринадцатью отрядами к Ридену, здесь он стал дожидаться Нижнеальгауского сводного отряда. 300 человек были посланы к Фальсбергу. Они должны были напасть из Фауленбаха на монастырь, едва только главные силы подступят к Фюссену, отрезать фюссенцев от воды, разрушив колодцы и плотины. Другой отряд был поставлен близ Альтенау; при Гиркенгюме и в горах, вокруг Фюссена, было скрыто много крестьян. В вербное воскресенье, за два часа до рассвета, конный австрийский отряд под начальством Юришича шел от Эренбергской пустыни к Бинсвангенскому мосту. Крестьяне, стоявшие перед мостом, отступили. Юришич спросил начальника их Михаила Кемптена, как они могли вступить в австрийские владения; крестьяне отвечали, что получили приказание охранять фюссенскую дорогу и вовсе не имели намерения вредить Тирольскому графству; на это Юришич сказал, что его светлость эрцгерцог велел ему защищать Фюссен против крестьян, желая оставить этот город за собой. А если так, отвечали крестьяне, если город уже принадлежит Австрии, то мы скажем это нашим начальникам, тогда австрийский командир перешел через мост и, перейдя, поспешил разрушить его. Горожанам он послал сказать, что будет к ним на помощь со всем своим отрядом, быть может, еще нынче же вечером и что если крестьяне подступят к городу до его прихода, то им следует объявить, что город принадлежит австрийскому дому и находится под покровительством его княжеской светлости. Шпионы, бывшие между крестьянами, переправились через Лех и уведомили горожан о близости грозящей им опасности; город, не имея другого выбора, предпочел попасть в руки Австрии, чем крестьян. Был составлен акт, которым город передавался покровительству эрцгерцога, но в то самое время, как городской гонец

[1] Это ясно доказывается актом Кауфбейренского архива, в собрании Шмида.

возвратился от эрцгерцога с его ответом, в котором он уверял горожан, что теперь уже им нечего бояться крестьян, под городом показался первый крестьянский отряд под предводительством Ганса Бейхлина Вейсензейского. Отряд этот проник за Ашенберг до домика лесничего, где остановился на роздых. Соседние крестьяне еще в предшествующие дни начали неприязненные действия против Фюссена, разграбили городское имущество, угнали с пастбищ и закололи часть городского скота; горожане вооружились и выжидали дальнейших предприятий крестьян. Совет послал к крестьянам дворянина Ганса Шаде, гражданина Каспара Дешенмайера и одного оруженосца; они имели поручение сказать крестьянам, что город принадлежит теперь австрийскому дому и что главный крестьянский предводитель обещал не предпринимать ничего против Австрии и ее вассалов. Крестьянский вождь Бейхлин отвечал фон Шаде, что Фюссен принадлежит епископу Аугсбургскому, а не Австрии, что все это интриги, но что, впрочем, он сообщит об этом главному предводителю Вальтеру Баху и другим. Он отступил с своим отрядом обратно к Ридену, где стоял Вальтер Бах, ожидая прибытия Нижнеальгауского сводного отряда, который Флориан Грейзель, начальник этого сводного отряда, обещал привести к нему, для того чтобы в понедельник рано утром двинуться общими силами на Фюссен. Бейхлин сказал об этом фон Шаде. «Мы намерены завтра позавтракать Фюссеном, — сказал он, — и, взяв его, пожалуй, подарим его княжеской светлости как плату за исповедь».

Фон Шаде поспешил к Эренбергской пустыни, а командир Юришич послал фон Ицендорфа с письмом к Вальтеру Баху. Бах согласился подождать до 8 часов утра понедельника. Все вербное воскресенье прошло в Фюссене в военных приготовлениях; монахи подобно гражданам вооружились мечами и щитами. В понедельник Вальтер Бах подступил к городу и послал к воротам для переговоров троих крестьян. Горожане выслали фон Ицендорфа и несколько членов совета и магистрата к Вальтеру Баху, который принял их, окруженный крестьянским комитетом из 50 человек. Крестьянский главнокомандующий сказал им, что до сих пор они не дали удовлетворительного объяснения ни на одно требование крестьян, что всеобщее Евангелическое общество в последний раз просит их присоединиться к нему и оказать помощь и содействие евангелию, которое крестьяне хотят восстановить, что крестьянство очевидно угнетено господами, что оно не хочет возвращаться к прежним порядкам и что кровь прольется рекой, прежде чем их принудят покориться. Фюссенцы отвечали, что не могут вступить в крестьянское общество. Фон Ицендорф напомнил Вальтеру Баху его обещание не тревожить подданных и вассалов австрийского дома. Вальтер Бах прикинулся рассерженным; он грозил перевернуть вверх дном город, принадлежащий отъявленному врагу крестьян, епископу Аугсбургскому, и сказал, что находит поведение эрцгерцога неправым, потому что не в обычаях войны, чтобы государь отнимал у своих союзников возможность разде-

латься с врагами, принимая их под свое покровительство или в свое подданство [1].

Должно показаться странным, что крестьянский главнокомандующий назвал эрцгерцога Фердинанда союзником крестьян. Это объясняется следующим образом: эрцгерцог Фердинанд, хитрый политик, был намерен воспользоваться современными религиозно-политическими движениями для увеличения могущества австрийского дома; он серьезно предлагал Баварии разделить между собою архиепископство Зальцбургское, так как тогдашние обстоятельства благоприятствовали подобному захвату чужих владений [2]. По тем же причинам, он вступил в тайное соглашение с некоторыми из предводителей альгауских крестьян, в том числе и с Вальтером Бахом, который долго служил австрийскому дому в итальянской армии под начальством Георга фон Фрондсберга. Он хотел при этом овладеть при помощи простого народа всеми странами прекрасного Оберланда, еще не принадлежавшими Австрии, изгнать всех мелких духовных и светских владетелей и присоединить эту страну вместе с Вюртембергом к австрийской державе. Поэтому Фердинанд, действовавший вначале против крестьян, стал впоследствии выказывать намерение взять их под свое покровительство и привязать к себе [3]. Швабский союз выразил свое неудовольствие против эрцгерцога, прямо объявив его агенту, доктору Франкфуртеру,что в действиях своих против крестьян союзники ни в ком не встретили так мало поддержки, как в его княжеской светлости, причем было присовокуплено, что если эрцгерцог и впредь будет так действовать, то все дворянство отвернется от него.

Это объясняет положение эрцгерцога Фердинанда в отношении крестьян Альгау и других. Вальтер Бах просто предал их Австрии, и когда фон Ицендорф заявил, что Фюссен передался и присягнул Австрии, он согласился немедленно отступить. Из этого видно, что он успел разными обманами склонить крестьян Верхнего Альгау не тревожить австрийский дом, но масса не верила, что Фюссен сделался австрийским; народ кричал, что все это плутни и ложь. Один из предводителей крестьян, несельвагский фогт Петер, прямо говорил: мы сейчас пойдем ко двору его княжеской светлости спросить, правда ли, что нам говорят, будто Фюссен передался Австрии, и если это неправда, если нас обманули, то мы камня на камне не оставим в городе и не пощадим младенцев в утробе матерей; но Вальтер Бах предпринял отступление. Было решено, что так как все крестьянство, до самых стен города, вступило в Крестьянский союз, то горожане останутся в городе и не бу-

[1] Рукопись в собрании Шмида.

[2] Инструкция Фердинанда своим комиссарам у Бухгольца, т. IX, стр. 621.

[3] Манифест герцога Вильгельма Баварского к земству своей страны от 1529 г. Мюнхенский архив. Рескрипт Фердинанда у Бухгольца, т. VIII, стр. 103.

дут выходить из него, пока дело не кончится. Однако людям дальновидным и тем, которые желали грабежа города — в Вейсензи женщины ожидали добычи с целым обозом, — удалось настоять, по отступлении Вальтера Баха к Несельвангу, чтобы он был лишен главного начальства. Место его было передано Павлу Пробсту Оберндорфскому.

Гораздо деятельнее и честнее был другой предводитель Верхнеальгауского сводного отряда Эрн Шмит Пуговица Луибасский. Но и ему не удалось удержать своих кемптенцев, столь благоразумных прежде, от некоторых излишеств. В лагерь его стекался разный сброд из города Кемптена и испортил поселян. Эрн теснил Либентан и взял укрепленные пункты в стране, выжидая, между тем, благоприятной минуты, чтобы занять город. Отряды, осаждавшие замки, по взятии их бродили по стране. Один из них пришел в великую пятницу, 14 апреля, вторично в Кемптенский монастырь и опустошил окончательно все, что еще уцелело от первого нашествия. И здесь также хуже всего вели себя горожане, которые, несмотря на запрещение выходить из города, присоединились к крестьянам и, по свидетельству своих же сограждан, гораздо больше бесчинствовали, чем крестьяне. Они пировали в монастыре, пока не съели и не выпили всего, что там было, потом они выказали всю свою ненависть к древним учреждениям; когда наступило время обедни, крестьяне пошли процессией с оружием, с хохотом и насмешками в монастырь, низвергли образа и нанесли величайшее оскорбление всему, что считалось священным. Они отпилили пилой голову прекрасной статуи Мадонны, разбили туловище, опрокинули и потом унесли купель, разбили ковчежец, кафедру и два органа; в этой фанатической ярости обнаружилось влияние перекрещенцев, которых в этой стране было очень много. Все эти сцены были повторением происшествий, разыгранных перекрещенцами в Вальдсгуте и Цюрихе. С шумом и музыкой вышла толпа из монастыря, превратив его в развалины.

Один за другим падали рыцарские замки в Альгау; Ганс Шницер Зондгофенский и другие осаждали и разрушали их. Были опустошены поместья Адама фон Штейна и Юнкера Иорга Мангольда цу Вальдека. Георг фон Лангенек был вынужден сдать крестьянам свой замок. Дипольт фон Штейн понес большие убытки от пожара и грабежа; крестьяне сожгли замок Фалькен, принадлежавший Ахацу фон Роттенштейну, и воевали со всеми, кто отказывался вступить в их союз [1]. При нападении на замок Измицгофен был тяжело ранен копьем владетель его Кунц фон Ридгейм. Крестьяне считали его своим непримиримейшим врагом и потому, взяв его в плен, всюду возили с собой на телеге, насмехались над ним и принудили быть очевидцем разорения, грабежа и пожара своих замков Ангельберта и Им-Вальда. Тщетно предлагал он им за свое освобождение и за сохранение своих владений от грабежа

[1] Кемптенская хроника и акты Кауфбейренского архива Шмида.

и огня 40 000 гульденов, из всех крестьян только один принял участие в нем во время его тяжкой неволи, только один Ганс из Липерга тайно приносил ему кушанье и питье; наконец, ему удалось подкупить начальников, и это обошлось ему только в 4 000 гульденов, так как они с него взяли по 6 гульденов на брата, по 3 для старших и по одному для прочих крестьян [1].

Наконец, и князю-аббату, господину Себастиану фон Брейтенштейну, стало не по себе в своем укрепленном замке Либентане; сначала он чувствовал себя как нельзя лучше с своим деканом Эхом фон Рейманом, среди своих каноников, родственников и советников, святынь, сокровищ, денежных сумм и бумаг своего монастыря, которые были привезены оттуда. Он считал замок неприступным; сюда были перевезены золото, серебро и иное имущество многих других владетелей, например Адама фон Штейна; но когда замки самого князя и других владетелей были взяты разными крестьянскими начальниками, высланными против них, и когда с каждым днем уменьшалась надежда на получение помощи, князь струсил. Он, так долго попиравший ногами права крестьян и говоривший с ними так презрительно, делал им теперь одно за другим самые благосклонные предложения. Он, обманувший некогда доверчивых крестьян четырнадцать раз сряду на четырнадцати сеймах, посылал теперь Пуговице один за другим разные проекты договоров. Но крестьяне не верили ему, горожане не помогали, он стал советоваться с своими приближенными. Все они были того мнения, что должно сдать замок крестьянам, лишь бы выговорить себе только жизнь. На такие условия крестьяне согласились; они оставили князю-аббату пару лошадей, десять серебряных кубков, постель, триста гульденов деньгами и обещали всем жизнь и свободу, но князь должен был оставить крестьянам все, что было в замке: священную утварь, серебряную посуду, деньги, лошадей, скот, вино, хлеб, огнестрельное оружие, панцыри, алебарды и всякое прочее оружие, домашнюю утварь, акты, грамоты и книги. Этот договор между князем и его оскорбленными поселянами был заключен при посредстве городских советников Кемптена; князь был доволен, что остался в живых и что уцелели его советники. Князю, каноникам и всем его приближенным было даже позволено остаться на жительство в городе Кемптене. Но кроме князя никто из них не получил ничего из своего имущества.

Когда Кнопф Луибасский забрал для крестьян всю добычу из замка, в крестьянский лагерь перед Либентаном прибыл кауфбейренский бургомистр Блази Гонольд с несколькими советниками. Город Кауфбейрен находился с крестьянами в хороших отношениях, и княжеские советники просили его заступничества, чтобы выхлопотать сбережение в целости имущества, найденного в Либентане. Получив свободный пропуск к крестьянам и обратно,

[1] Акты Кауфбейренского архива, рукопись Томана, рукопись Германа Гуттенбергского в Кауфбейренском архиве и выдержка из нее в собрании Шмида.

кауфбейренские господа прибыли в лагерь в великую пятницу, т. е. в самый день сдачи города, и ходатайствовали о сохранении образов, бумаг и других предметов. Крестьянские начальники и советники, числом человек 12, отвечали, что завоеванную добычу намерены употребить на свои военные надобности: они уже поделили между собой часть серебряной посуды и предложили кауфбейренским депутатам выкупить за несколько тысяч гульденов две серебряные раки. Кауфбейренцы отклонили это предложение под предлогом, что у города нет денег. Им не удалось также выхлопотать у крестьян грамот и актов. «Акты мы прочтем, — сказали крестьяне, — которые нам нужны — оставим себе, а прочие отдадим другим».

Крестьяне поделили между собой всю добычу: священные предметы, золотые и серебряные вещи, хлеб, вино, деньги и оружие. Добыча эта дала им порядочные средства вести народную войну. Гюнцбургцы взяли монастырские акты и заняли замок Либентан. После разорения его было зажгли, но пожар не распространился, хотя и повредил замок. Монастырь также часто поджигали, но тем не менее он уцелел [1].

Совет города Кемптена препроводил аббата и его свиту в Кемптен. Желая воспользоваться бедственным положением аббата, город снова приступил к нему, предлагая ему выкуп; князь и каноники его до того нуждались в деньгах, что на пасхе хотели занять 1 000 флоринов у города Кауфбейрена и отказаться за это от всего, принадлежавшего им в городе, но потерпели неудачу [2]. Кемптенский бургомистр Зейтлер убедительно доказал князю, что надеяться нельзя со стороны союза на помощь, и князь, побуждаемый, с одной стороны, нуждою, а с другой, потеряв надежду на спасение и помня беспрестанные тяжбы, возникшие из отношений монастыря к городу и нередко стоившие больших расходов, решился, наконец, хотя и неохотно, продать совету монастырские права над городом. Торг состоялся за 32 000 флоринов, но аббат долго еще противился совершению купчей; он раскаялся, хотел выжидать и, когда просиял луч надежды на помощь от Швабского союза, пытался бежать из города, переодетый городовым. Один горожанин узнал его, и Зейтлер приказал тщательно стеречь его; наконец, он был вынужден сдержать свое обещание и 6 мая выдать купчую. Все цехи праздновали это пиром, в котором приняли радостное участие старые и малые. Аббат, возвратясь в свой монастырь, также угощал городские цехи [3].

В то время, как это происходило в Верхнем Альгау, крестьяне Нижнего Альгау теснили владения своих дворян и в том числе замки Вольфег и Вальдзэ, принадлежавшие самому Трухзесу. В страстную среду крестьянский сводный отряд из Иллерской долины напал на Оксенгаузенский монастырь, но вассалы монас-

[1] Кемптенская летопись.
[2] Кауфбейренский архив.
[3] Кемптенская летопись.

тыря подоспев, прогнали крестьян и заняли аббатство. Под их охраною монастырские здания и каноники были в совершенной безопасности. Главный начальник Нижнеальгауского сводного отряда, Флориан Грейзель, двинулся в Верхнее Альгау, а другой отряд под начальством Якова Гундеиписа осадил Вольфег и Вальдзэ; рыцари, посланные Трухзесом в Вольфег, не могли проникнуть в замок, тесно обложенный крестьянами со всех сторон, но зато им удалось пробраться в Вальдзэ, менее стесненный, хотя и здесь не обошлось без стычки с крестьянским отрядом. Вскоре крестьяне стеснили совершенно и этот замок, а недостаток в продовольствии принудил защитников его вступить с крестьянами в соглашение при посредстве горожан. Было заключено условие, по которому рыцари обещались вознаградить своих обиженных крестьян, не сражаться против крестьянского союза и уплатить крестьянам 4 000 гульденов, за что поручился город Вальдзэ. Тогда крестьяне отступили от замка, где находились супруга и дети Трухзеса, и замок мог снабдить себя свежим продовольствием; но вскоре распространился слух, что крестьяне хотят вернуться к Вальдзэ, овладеть семейством Трухзеса, потом подступить к Вольфегу и принудить гарнизон этого замка, обладавшего сильною артиллерией, к сдаче, пригрозив в противном случае казнью их госпожи и ее детей. Взяв вольфегскую артиллерию, они намеревались двинуться с нею и с семейством Трухзеса навстречу ему самому.

Смирнее всех действовал Озерный сводный отряд. Узнав о нападении Трухзеса на ридских крестьян, Эйтель Ганс Цигельмюллер собрался итти им на помощь. Он дошел до Вейнгартена, но оттуда возвратился в Берматинген, получив известие, что Трухзес уже выступил из Рида. 1 апреля в монастыре заметна была сильная тревога по случаю распространившегося слуха, будто на монастырь идет сильный Альгауский отряд; ночью капитул послал гонца в Берматинген к главному начальнику Озерного отряда. Начальник велел сказать капитулу, чтобы монахи не беспокоились, что слух этот ложен и что завтра он приедет в монастырь с 300 человек, почему и просит теперь приготовить его людям вина и закуски. В субботу, в 10 часов утра, Эйтель Ганс вступил в монастырь. Монахи угощали его людей в гостинице, а самого начальника, его советников, помощников и драбантов — в аббатстве. Пообедав, он пошел в Ауниген, где устроил лагерь, в котором расположил отряд под начальством Уле из Фафенгофена; на обратном пути он заходил в замок ужинать и сказал каноникам, чтобы они присягали Крестьянскому союзу и что сам «светлый сонм» приказал ему привести их к присяге. Капитул просил времени подумать, на что он согласился и ушел с своим отрядом снова в Берматинген. В воскресенье, 2 числа, в Берматингене был большой народный сход, где присутствовало до 8 000 крестьян. В 9 часу вечера они выступили и двинулись к Маркдорфу с намерением его принудить к союзу или штурмовать. Город, застигнутый врасплох,

сдался без выстрела со всею артиллериею. 4000 крестьян вошли в город ночью, и на другое утро Цигельмюллер привел к присяге всю общину, затем в то же утро он пошел дальше к замку Эттендорфу, взял его, занял своими людьми и немедленно двинулся дальше к Марцбургу; горожане вышли к нему навстречу с хлебом и вином, сдали город и принесли присягу. Между тем аббат Занемский, бежавший в Бюберлинген, прислал капитулу разрешение присягнуть Крестьянскому союзу, и двое крестьянских советников, уполномоченные Эйтель Гансом, фогтом берматингенским, Бенедикт и Ганс Яков Иерг из Лехштетена, привели каноников к присяге. Клятва, взятая с них, касалась только двух пунктов: проповедывать евангелие без всяких своих дополнений и помогать крестьянам добыть себе «божеское право». В то же время уполномоченные главного начальника назначили в монастырь трех светских комиссаров, которым был поручен надзор за кладовыми; они должны были смотреть, чтобы от них не утаивали ни вина, ни хлеба; начальник крестьян сказал монахам, что он не хочет обижать их, и вообще он действовал кротко и умеренно в отношении дворян и духовенства. «Он был хороший человек, — говорит залемский монах,—и поступил с нами справедливо, без него нам, быть может, было бы худо». Рейтенауский отряд альгаусцев под командою Дидриха Гурлевагена несколько раз покушался разорить замок, но Эйтель Ганс постоянно препятствовал этому.

От города Марцбурга Эйтель Ганс подступил к замку Марцбургу, который не сдался вместе с городом. Гарнизоном его командовал фогт епископа Констанцского Киллион Вейхлин. Крестьяне хотели штурмовать и разрушить замок, но Эйтель Ганс спас его, заключив с епископом Констанцским Гуго фон Ланденбергом договор, по которому епископ дал за замок 300 гульденов и 6 бочек вина контрибуции и предоставил его в распоряжение крестьянского начальника. Потом он обратился против Тетнанга, принадлежавшего Гуго фон Монтфорту, взял его и занял своими людьми; затем он обложил с суши и с озера город и монастырь Бухгорн, ныне Фридрихсгафен, и здесь к нему явилось посольство от эрцгерцога Фердинанда, побудившее его к отступлению. Таким образом, эрцгерцог был, повидимому, в сношениях с Озерным сводным отрядом.

Жители Бухгорна послали крестьянскому начальнику в Берматинген своих уполномоченных, которые присягнули Крестьянскому союзу от имени города. Эйтель Ганс просил через них граждан Юберлингена об освобождении нескольких пленных крестьян. Но юберлингенцы освободили их не даром; они укрепили свой город и снабдили его продовольствием так, что крестьяне ничего не могли им сделать. Граждане этого города были не расположены к крестьянам, они заперли городские ворота и долго не отворяли их, никого не впуская и не выпуская. Эйтель Ганс отправился с отрядом в 500 человек на другой берег озера, где к Крестьянскому союзу пристал Вольматинген и другие деревни, затем он

снова переехал на эту сторону. В великий четверг, 13 апреля, он держал большой совет в Салеме; здесь присутствовали советники всех общин, вновь поступивших в союз, как то: из Марцбурга и Маркдорфа, всего до 60 человек; были также выборные из Радольфусма, прибывшие для общих совещаний о дальнейших предприятиях [1].

Когда, таким образом, шли военные действия крестьян и недобрые вести приходили со всех сторон государства, «на многих напал ужас», и господа в Швабском союзе при дворах и замках, столь высокомерные прежде, «теперь попритихли».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сражение при Вурцахе

Во вторник на страстной неделе, 11 апреля, Трухзес двинулся с своим войском с орошенных кровью полей Гюнцбурга и Лейпгейма в Верхнюю Швабию. Между Ульмом и Бальтрингеном он встретил отряд из двухсот крестьян, который сперва пытался удержаться на кладбище, потом отступил оттуда в лес и при отступлении потерял 100 человек. Трухзес расположился лагерем в деревне Бальтрингене, бывшей колыбелью восстания. Когда он сидел с своими товарищами за ужином, в трубе загорелось, однако пожар был сейчас же потушен. В ту же ночь отряд баварской конницы в 200 человек, отделившийся от армии слишком в сторону для грабежа, был почти весь уничтожен крестьянами. На другой день Трухзес у своего горного замка Грюнентана встретил 1 000 человек крестьян, шедших на соединение с сводным отрядом к Вурцаху и несколько запоздавших на пути; кавалерия атаковала их, причем они потеряли свое бело-зеленое знамя, 20 человек убитыми и до двухсот пленными, прочие счастливо отступили. Георг быстро двинулся дальше из Ульма. Союз писал ему, чтобы он шел влево, где сводный отряд из Иллерской долины только что произвел упомянутое нападение на Оксенгаузен. С одной стороны до него доходили слухи о стесненном положении его замка Вольфега и об опасности, угрожавшей его семейству в Вальдзэ, с другой — он узнал, что Бальтрингенский сводный отряд разделился на отряды, и он спешил уничтожить их по частям. Все места в окрестностях Бальтрингена подчинились союзу без всякого принуждения и насилия, снова принесли присягу и, таким образом, позорно отпали от крестьян, хотя сами были первою причиною мятежа и восстания[2] . Трухзес двинулся ближайшим путем в свои владения.

[1] Рукопись в Зальмансвейлерском архиве.
[2] Зальмансвейлерский архив. Рукопись.

Пленные, забираемые на дороге, говорили Трухзесу, что Иллерский сводный отряд разделился, что одни пошли к Вальдзэ, другие к Заульгау. Нюренбергский гонец, ехавший из Сант-Галлена, рассказывал, что в Гельндорфе он встретил 800 крестьян с двумя знаменами. Георг и граф Вильгельм фон Фюрстенберг с конницей бросились преследовать их. Увидя их, крестьяне побежали к своим орудиям. Георг, который на войне был, как дома, закричал своим, чтобы они догоняли их и не давали им время оборотить орудия и выстроиться. Крестьяне были опрокинуты и обращены в бегство. Многие бросались в соседнее болото, другие в Рид при Винтерштетине. Конница не могла следовать за ними, и Георг должен был подождать прибытия пехоты; тем временем подоспел новый крестьянский отряд на помощь первому. Конница отрезала ему путь к Риду. Он бросился в лес, который был немедленно окружен кавалерией. Трухзес велел зажечь тростник на болоте. Много крестьян было убито подоспевшею пехотою и 140, по преимуществу из подданных Трухзеса, попались в плен, но бо́льшая часть их, со всею артиллериею, успела спастись, что доказывает, как упорно было сопротивление незначительной горсти крестьян, бывшей в ариергарде.

Союзное войско расположилось у леса, прозываемого Шнайт. Георг написал к своим крестьянам ласковое письмо, приглашая их покориться и грозя в противном случае воздать им по евангелию сторицею. Крестьянский начальник Флориан также любезно отвечал, что крестьяне пошлют депутатов для переговоров, но Трухзес увидел в этом просто намерение обмануть и задержать его до прихода Альгауского и Озерного сводных отрядов. Флориан уже спешил призвать к себе ближайшие отряды. Впрочем, и предложение самого Трухзеса, которое он делал в письме к крестьянам, клонилось к той же цели. Поэтому, не стесняясь тем, что сам он только что предлагал мирные переговоры, двинулся на Вурцахскую равнину, извиняя это вероломство тем, что получил известие, будто Флориан торопит к себе на помощь отряд из-под Вольфега и намеревается атаковать союзную армию. Дорогой он встретил 8 человек крестьян, очевидно депутатов, высланных для мирных переговоров, на которые он их пригласил. Эбергард Шоне с отрядом конницы поскакал на них, но они, не слушая его крика, побежали к сводному отряду. Рейтары преследовали их, однако не догнали и должны были отступить перед крестьянскими стрелками. За часовней при Вурцахе был расположен в боевом порядке семитысячный сводный отряд Флориана; Георг атаковал его, и крестьяне отступили сперва на три высокие холма, а потом в овраг. Трухзес овладел полями, но потом снова отступил к городу, надеясь этим маневром вызвать крестьян из их выгодной позиции. Но крестьяне выдвинули только своих стрелков, метко стрелявших и производивших немалое опустошение в рядах союзной конницы; главные же силы их отступили к порожней белильне у Ааха и прикрылись болотом. Трухзес встретил одного старого крестьянина Ганса Луца, кото-

рый по дряхлости не мог быть в рядах своих братьев, и стал говорить ему: «Чем я оскорбил моих людей? за что вы сделали своим господином подлого попа, а меня гоните прочь?» Старик бросился на колени и отвечал: «Всемилостивейший государь, я сознаюсь, что мы великие мятежники, и потому прошу вашу милость, позвольте мне еще раз сходить к вашим подданным, я надеюсь, они предадутся вам на гнев или на милость». «Хорошо, — сказал Трухзес, — я взыщу только с попа, а прочих я прощу». Но заводя, таким образом, переговоры, он тем временем придвигал артиллерию и войско и строил армию в боевой порядок. Он имел 8 000 человек войска. Конницу он расположил за Вурцахом. Главные силы оставил на равнине, обоз за горой; артиллерию он поставил против неприятельской, впереди всей гвардии, перед авангардом.

В это время к крестьянам подошел отряд с Иллера в 1 500 человек, и они отвергли мысль о выдаче своего предводителя. Тогда Георг приказал без дальнейших рассуждений стрелять из трех самых больших орудий. При каждом выстреле крестьяне ложились на землю, и ядра летели мимо. Наконец, третий залп вышел удачен. В то же время Флориан увидел, что во время переговоров армия Трухзеса обошла крестьянское войско, и потому отступил.

Хотя в этот день — это была великая пятница — в Вейсенгорне на довольно далеком расстоянии слышали около 100 пушечных выстрелов, тем не менее, крестьяне потеряли во время сражения убитыми не более 40 человек; наступила ночь, и сделался такой мрак, что действовать стало невозможно. Крестьянские отряды отступили в разные стороны; Флориан хотел воспользоваться темнотою, чтобы соединиться с другими сводными отрядами; в армии кричали, что нужно крестьян преследовать конницей и пехотой. Георг не предпринимал ничего, лошади вязли в овраге, а солдаты говорили, что «не хотят убивать крестьян, а только потравить».

При отступлении в темноте некоторых крестьян столкнули в глубокие рвы у самого города. Несколько человек было убито и до сотни утонуло [1]. Вурцах должен был сдаться, но как в городе, так и при отступлении крестьяне потеряли пленными не более 400 человек, хотя Георг заранее послал за Аах эскадрон конницы. Флориан благополучно дошел с своим сводным отрядом до Гайсбейрена, но молва, может быть, распущенная господами в нижних странах, преувеличивала потерю крестьян, доводя ее до 7 000 человек, и этот слух нимало содействовал кровавой мести, совершившейся в Вейнсберге. «Куда делись 400 пленных, из которых 100 человек заковали в кандалы, что с ними сделали [2], я уже не знаю», — говорил впоследствии герольд Трухзеса.

[1] Рассказ очевидца.

[2] Рукопись Ганса Луца, трухзесова герольда, присутствовавшего при Вурцахском сражении; по словам Регенбурга, монаха Гольцварта, убитых было 400 человек, 100 утонувших и 100 пленных. Вейсенгорнский капеллан Томан умалчивает о сражении, как о событии, не заслуживающем внимания.

На дальнейшем пути в Верхнюю Швабию при Гайсбейрене Трухзес наткнулся на такие силы крестьян, которые возбудили в нем серьезное беспокойство и внушили трепет союзным советникам и государям. С каждым часом положение дел становилось все хуже и зловещее.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Силы и вспомогательные средства движения

Кроме крестьян, расположенных лагерем, Швабский союз и господа вообще имели много и других причин питать справедливые опасения. Начнем с населения городов.

Всего более возбуждал недоверие Нюренберг, так что имперское правительство перенесло свое местопребывание из этого главного очага новой веры в Эслинген. Сам нюренбергский совет должен был согласиться, что исходные нити прошлогодних волнений выходили из города Нюренберга. Он оправдывался тою таинственностью, с какою и зачинщики и распорядители «движения возбуждали и направляли его из Нюренберга. Тот же совет прибавлял, что не следует, однако, всю вину восстания сваливать на один Нюренберг, что в нем принимали участие подданные маркграфа и других князей и владетельных господ. Но князья и их советники прямо утверждали, что возмущение затеяли нюренбергцы и собрания недовольных в Форхгейме и его окрестностях» [1].

На альгауские города — Кемптен, Мемминген, Линдау, Кауфбейрен и Исни—пало подозрение и даже обвинение в том, что они не только поддерживали восстание в Швабии советом и делом, но даже сами его подстрекали в надежде достигнуть этим путем присоединения к союзу своих швейцарских единоверцев и распространить свободные государственные учреждения по всей Южной Германии.

Чем известнее становились городам зависть и ненависть князей и знати как к ним, так и к их обеспеченному положению, чем яснее высказывалось намерение господ завладеть городами и подавить их свободу, тем более нужно было опасаться, что города перейдут на сторону крестьян и даже станут во главе движения. Уже многие города открыто присоединялись к новому учению. В оберландских городах жили или занимали должности именно те проповедники, которые с наибольшим увлечением и ревностью защищали как устно, так и письменно необходимость политической и церковной реформы. На случай нападения императора и приверженцев старой веры города заключили между собою союз

[1] Донесение аншпахских советников и нюренбергского совета, *Иерг*, 149.

и вступили в переговоры с швейцарцами и богемцами. Отсутствие равноправности в высшей степени раздражало городские общины против высших сословий, и нужно было по меньшей мере опасаться, чтобы общины эти не приняли сторону крестьян, особенно принадлежащих к области города и долго выносивших всевозможные прижимки и презрение господ. С самого конца прошлого столетия между городским населением обратились в поговорку слова: «Если это еще продолжится, то мы будем вынуждены поделаться швейцарцами». Ввиду грозного положения князей и знати, ввиду недавних враждебных и хищнических намерений рыцарства, города для собственной безопасности должны были войти в большие издержки.

К этому надобно присоединить постоянно возраставшие государственные подати, упадок торговой и ремесленной производительности вместе со всеми прежними бедствиями, под гнетом которых страдало целое население.

Итак, уже в продолжение столетия в большие и даже незначительные города империи проникла бедность, захватывавшая везде более или менее густую массу горожан и действовавшая разрушительно на общественные отношения при содействии нового вероучения и многих неурожайных годов. Особенно в тех городах, которые ранее волостей простились с простотою нравов и образа жизни, ежедневно прибывала масса нуждающегося и обремененного долгами народонаселения, частью проводившего жизнь ветрено и распутно, частью же, при всем добром желании, сидевшего без дела и без заработных средств. Оба эти класса населения ненавидели господствующее и правительственное сословие. Они не без основания взваливали на него всю вину своих бедствий и думали поправить обстоятельства переворотом, устранением ненавистных лиц и учреждений. Именно те самые лица, в руки которых стекались почти все деньги, располагали важнейшими городскими должностями, точно наследственной арендой, и при этом брали немилосердную лихву. Их то Мюнцер и имел в виду, когда говорил с ожесточением: «Ах, боже мой, если христианство должно быть направлено на истинный путь, то нужно истребить этих подлых ростовщиков!»

Эти ростовщики, вместе с важными городскими господами, образовали также большие торговые компании в Нюренберге, Ульме и Гейльбронне. Давая взаймы князьям, подкупая их советников и роднясь с ними посредством браков, эти капиталисты прибрали к своим рукам монополию, начали теснить бедное мелкое купечество, лишили тысячи народа работы и пропитания; бедный простолюдин должен был многие предметы, сделавшиеся потребностью времени, покупать у них по таким бессовестно высоким ценам, что сам Лютер написал в 1524 году жестокое порицание лихвы. Их торговые компании назначали товарам совершенно произвольные цены: в четыре последних года цены эти были ими удвоены, даже утроены. Лихоимцы не вели заграничной торговли

немецкими продуктами, но обыкновенно ввозили иноземные предметы роскоши, платя за них не немецкой работой или товарами, а наличным немецким золотом. Составив большие торговые компании, завладев всею торговлею и капиталом, они могли лишить прежней работы ремесленный класс в немецких городах и назначать ему сдельную плату по своей прихоти: работник сделался их полною собственностью. При этом они, завладели правом первой купли в одни руки. Они скупали произведения земли у бедных поселян по баснословно дешевым ценам и, сложив в своих амбарах и магазинах жизненные припасы в огромном количестве, продавали их до-нельзя дорого. Распоряжаясь всем рынком, они в продолжение многих лет поддерживали искусственную дороговизну, которая под конец заставила простого человека говорить часто о насилии, убийствах и дележе. Княжеское корыстолюбие нередко присоединялось к ненасытности лихоимцев в видах общих барышей [1].

«Почетные лица», занимавшие рядом с этими денежными господами городские должности и промотавшие свое наследственное добро благодаря роскошной жизни, сделали свои почетные места источниками нескончаемых барышей. Они не только не заботились об улучшении быта городского ремесленного сословия, но часто даже сами прибегали к взяточничеству и подлогам. Во многих городах эти власти были изобличены в самом грубом, бесчестном мотовстве, и простой горожанин привык видеть в этих почетных особах ратуши «мошенников» и «пиявиц», как прежде он видел в них только тиранов,—хотя, быть может, этот взгляд и не всегда был справедлив.

Однако в этом случае были совершенно согласны между собою обе стороны городской общины — стороны, которые не следует смешивать при дальнейшем ходе событий, — владельцы, не принадлежавшие к «почетным гражданам», и люди неимущие и даже обремененные долгами.

Конечно, этот разлад в городах между «почетными особами и общиной» должен был сделаться еще ощутительнее при появлении нового вероучения со всеми его религиозными и религиозно-политическими стремлениями. Но именно благодаря вновь образовавшимся религиозным интересам, повидимому, отклонившим грозу от почетного населения к духовенству прежней церкви, эти почетные лица сначала встретили радушно новый порядок вещей там, где сами сочувствовали вновь проповедуемому учению.

Люди, более проницательные или смотревшие, по своему положению, из-за кулис княжеской политики, уже двадцать лет тому назад предсказывали, «какие несчастия обрушатся скоро на все сословия, особенно на духовное». Если в народе ходила известная побасенка, что «в это время корабль св. Петра должен понести большие несчастия и разбиться о многие утесы», то при дворах

[1] По достоверным источникам, *Иерг*, 96—98, 115—118.

светских князей также слышались речи, что «приспело время, в которое, по определению божию, светская власть должна завладеть церковными имениями и многие монастыри разрушатся до основания». Государственные люди, державшие сторону церкви, предостерегали, что «если такие беды обрушатся на духовенство, то светские владетели вовсе не должны этому радоваться, потому что при всяком несчастии, упавшем на духовное сословие, почти все обломки посыпятся на светское; если духовенству первому суждено выпить чашу испытания, то светские господа должны будут все-таки проглотить со дна ее всю горечь осадка» [1].

Давно уже на имперских сеймах слышались требования церковной и государственной реформы. На сейме 1523 года все требовали церковного собора и собрания светских сословий. Города, наравне со светскими князьями, были не прочь ради собственных выгод привести в исполнение планы, задуманные Зиккингеном и его друзьями: уничтожить духовные господства как епископские, так и монастырские и обратить духовные владения в светские. Это были мысли, занимавшие горожан и князей задолго до того, как Лютер и Мюнцер с их последователями начали проповедывать уничтожение духовных владений. Это были мысли и задушевные желания, которые католический эрцгерцог австрийский, католические герцоги Баварии вполне разделяли как с приверженцами нового учения — маркграфом Казимиром и другими князьями, так и с почетными горожанами. Когда в Верхней Швабии вспыхнуло возмущение крестьян, знатные господа «с удовольствием предоставили испить духовенству этот почетный напиток, рассчитывая поживиться на его счет; так как восстание было направлено против монахов и попов, то на него смотрели сначала сквозь пальцы» [2]. Особенно в имперских городах уничтожение монастырей и отобрание их имений и прав уже долго были предметом серьезных и оживленных обсуждений многих горожан. Когда почетные особы по ходу событий должны были увидеть, что движение враждебно выступило не против одного духовенства, то почти во всех городах одержали верх приверженцы нового учения, как бы ни были различны их взгляды во всех других отношениях. Князья и их советники говорили о Нюренберге с большим беспокойством: «Дай бог, чтобы он не перешел на сторону крестьян!» Так думали и говорили они о многих городах империи. «Совет лишен власти, всем заправляет община»,— писали со всех сторон поверенные князей. Канцлер Экк извещал 7 марта своего герцога: «Я и другие находятся в большой тревоге (и досаде) по милости некоторых городов». Он же писал от 21 марта: «Крестьяне заметно усиливаются, но все-таки они не извлекут никакой пользы

[1] Все приведенные слова принадлежат императорскому тайному секретарю Грунбеку и заимствованы из его «Зеркала естественных видений всех зол, которые скоро постигнут все сословия», Нюренберг 1508; в извлечении у *Иерга*, 92.

[2] Рукописная хроника Твэбиш-Галля, Геральда.

из своих преступлений, если некоторые города, особенно Ульм, сохранят свою верность. В самом Швабском союзе члены-князья питали так мало доверия к членам-городам, что боялись сообщать комитету союза официальные донесения о ходе вооружения и о положении дел в их владениях; в том же комитете заседали и выслушивали дела представители городов, а между тем, по словам князей, не надобно было забывать, что волнение крестьян выходило из городов. Если бы города узнали, что духовные князья не в состоянии снарядить пехотных отрядов, то еще более утвердились бы в своих враждебных намерениях, а через это положение членов-князей еще более бы ухудшилось»[1].

Только под условием строжайшей тайны князья могли передавать друг другу самые необходимые известия через доверенных лиц, «чтобы никто не узнал, как мало мы полагаемся на поддержку наших пехотинцев». По словам маркграфа Казимира, господа верхней страны были поголовно убеждены, что городские общины потворствуют крестьянам без малейшего зазрения совести.

Вторая причина, заставлявшая господ бояться за свое дело, заключалась в указанной уже трудности набирать для своей защиты пехотное войско. Даже ландскнехты, обыкновенно продававшие себя всякому за деньги, почувствовали на себе влияние нового времени. Выводить этих наемников из их домов и ставить под знамена против крестьян было чрезвычайно трудно, так как сам ландскнехт принадлежал прежде к крестьянскому сословию. Правда, многие из них благодаря долгому знакомству с военным ремеслом до того осолдатились, что забыли о своем происхождении и родине, что думали только о походах, деньгах и добыче; многие даже родились в лагере и не имели другой родины, кроме лагеря, оставаясь совершенно чуждыми как крестьянству, так и горожанам. Набирались они почти все из разных концов империи, и оттого можно было бы воспользоваться, по крайней мере, племенным нерасположением северного немца к южному. Однако в самом начале движения, ландскнехты вообще скорее склонны были заступиться за дело «евангелия» и крестьянского восстания, чем бороться с ним, так как война была объявлена «попам». Притом в крестьянском лагере было вольнее, а богатые резиденции духовных владетелей служили самой соблазнительной приманкой. Конечно, между ландскнехтами не вывелись прежние «распутные ребята», издавна находившие наслаждение в жестокой травле крестьян и пытках бедняков; их и теперь было нетрудно навербовать для той же цели, но и они хотели служить только светским владетелям, а не епископам.

Впрочем трудность заключалась не только в наборе новых солдат для службы против крестьян: многие из ландскнехтов, уже давно состоявших на службе и жалованьи союза, отказывались итти против крестьян, а на верность других, по крайней

[1] Письмо маркграфа Казимира от 12 апреля 1525 г., Иерг, 132—134.

мере, нельзя было твердо положиться. Самые воззвания по областям и даже в Верхней Баварии доказывают, что «все крестьяне стояли друг за друга и что альгаусцы сочувствовали их успеху» [1]. К этому прибавим, что многие из набранных по селам молодых людей, не говоря уже о их довольно подозрительной верности, были необучены или неспособны к военному делу. «Лучше бы их не набирали и не приводили к нам»,— жаловался начальник гарнизона в Шангау на Лехе.

Третью причину опасения для господ представляло мелкое духовенство — светское духовенство прежней церкви, рассеянное по селам, между крестьянами. Многие из этих духовных вели жизнь до того не святую, до того греховную, так низко погрязли в «своекорыстии», что в 1523 году, архиепископ Зальцбургский писал своим подведомственным епископам: «Герцоги Баварии уведомили меня через нарочных послов, что поведение низших духовных в их владении заставляет опасаться внезапного мятежа, беспорядков и кровавого истребления духовенства».

Многие из них, не подражая этому дурному примеру, были порядочными и честными людьми, но и они подчинялись влиянию современных национальных и религиозных стремлений и только по наружности оставались служителями старой церкви, исповедуя втайне новое учение. Они поучали более или менее явно и с истинным убеждением правилам новой веры и притом, как патриоты, всем своим сердцем желали исправления народа посредством политической реформы.

Впрочем, и между ними было много таких, которые при помощи церковной и государственной реформы думали улучшить только свое собственное положение и которые особенно были раздражены против духовных князей.

Почти все имперские епископства и прелатуры уже давно казались какими-то рогами изобилия для княжеской знати. Баварские и австрийские принцы, принимая титулы епископов и прелатов, могли покрывать доходами, присвоенными этим санам, все издержки своего княжеского существования так долго, как этого им хотелось и пока в их руки не попадали другие, светские, доходы. Но даже и этих доходов, как бы они ни были велики, нехватало для роскоши и всех возможных жизненных утех церковных князей. Грабительство угодливых и изобретательных тайных советников сначала запустило когти в кошелек народа, потом стало выжимать доходы низшего духовенства, сельских священников, и без того скупо определенные высшими властями церкви, но еще более обрезанные по требованиям современных взглядов.

В последнее время, когда возрастающие потребности прелатских дворов и финансовая изобретательность их слуг выжали народ досуха, сельскому духовенству выжимать у народа остава-

[1] Донесение баварского капитана фон Пфаффенгаузена от 9 марта.

лось немного или ровно ничего; со времени появления нового учения народ уничтожил, сократил или удерживал не только добровольные и освященные давним обычаем подаяния в пользу своего духовенства, но даже не хотел давать и того, чего оно было вправе требовать. В самой Баварии, где Леонард Экк и его герцоги приняли такие деятельные меры, чтобы не дать разлиться «яду» нового учения, крестьяне «ни за что на свете не хотели давать ни подаяний, ни умеренной десятины, словом ничего, бывшего досих пор в обыкновении». Панихиды по душам чистилища и по умершим, чудотворные иконы и богомольные путешествия, свадебный колокольный звон и крестный ход рожениц потеряли значение доходных статей, и точно таким же образом прекратились многие другие случайные поборы. Когда весною 1525 года, по плану герцогов, сельское духовенство также было обложено чрезвычайной податью, то из Дахау, Ландсберга и других округов Верхней Баварии послышались такого рода донесения от исполнителей герцогских намерений: «Смета налога должна быть ниже означенной в нашей инструкции. Правду сказать, эти попы страшно обеднели, им почти нечем жить в своих приходах» [1]. Наиболее щедрые не могли им уже ничем помочь. Если нашей подачки им нехватит, то поневоле пристанут к крестьянам. Но самые благонамеренные, соболезнуя несчастному положению низшего духовенства, были страшно озлоблены поборами пышной, богатой церковной знати и говорили, что «им приятнее заплатить герцогу Вильгельму в Мюнхене четыре гульдена, чем один гульден в Аугсбурге епископу» [2].

Таким образом, тысячи сельских попов и старшие служители благодаря своему отчаянному положению и против собственной воли были приведены церковью в крайнее раздражение; наконец, голод погнал их на сторону крестьян. Во многих местах крестьяне врывались в комнату священника и бесцеремонно объявляли ему, что если он не хочет проповедывать им «истинного евангелия», то пусть прощается с приходом; духовные и светские власти вовсе не думали о защите притесненных, которым для собственного спасения оставалось соединиться с крестьянами.

По всей Германии монахи и монахини бежали из монастырей, принимались работать и вступать в брак, подобно мирянам. Особенно дурной пример простому человеку подавали монахи и сельские попы, обращаясь с церковными сосудами, считавшимися до сих пор святыней, как с обыкновенным металлом, которым они завладели в свою пользу. В Швейднице минориты без всяких церемоний сплавили золотые и серебряные церковные вещи, поделили между собою слитки и, выйдя из монастыря, зажили мирянами [3]. Это не исключительный случай, и, разумеется, если духо-

[1] Письменное донесение Иоганна Эгкля герцогскому секретарю Кельнеру в Мюнхене, в бывш. тайн. государ. арх.; Иерг, 192.

[2] Там же.

[3] *Буттке*, Развитие Силезии, Лейпциг 1842, I, 109.

венство позволяло себе подобный грабеж, то мирские власти равно как и возмутившиеся горожане и крестьяне присваивали себе, нисколько не смущаясь, имущество и ценности прежней церкви. Так как толпа всегда склонна смешивать религию с заблуждениями ее представителей, то церковь эта, по милости и высшего и низшего духовенства, задолго до того утратила уже всякое моральное значение.

В развратных прелатах недостатка нигде не было. Священник вальмерсбахского прихода, близ Тауберцеля, заложил золотую чашу для причастия, похищенную крестьянами из женского монастыря, неподалеку от Креглингена, во Франконии, хозяину гостиницы в Уффенгейме, чтобы на полученные за этот залог деньги отправить значительное количество вина в дом другого священника. «За неимением золотой чаши, — сказал он, — можно служить обедню и в медной».

Многие священники женились и, однако, оставались в своих приходах. Были, впрочем, между ними и такие, которых насильственно принуждали запасаться женами, потому что швабские и альпийские крестьяне настаивали, чтобы «священник жил честно и по-христиански, с законной супругой, по слову евангельскому, во избежание соблазнов между паствою». Скоро это требование швабов повторили крестьяне в Эльзасе, Франконии и Тюрингии. Женатый священник казался крестьянам неподозрительным уже и потому, что, вступив в брак, он разрывал связи со старою церковью. Разумеется, очень многие между попами уже состояли в браке «пред господом», прежде чем повели «своих избранных дев к налою», и нередко с искренностью признавались в этом крестьянам.

Между приходскими священниками, которые добровольно примкнули к движению или поощряли и направляли его, в самом начале обратили на себя внимание, за исключением уже названных нами, Доллинг, Мэгерлин, Штурмер, Андрей Бартольмэ, Капеллан и многие другие. Все они и сотни других священников из Швабии, Франконии и Тироля взялись за оружие и предводительствовали крестьянами в панцырях и с мечами в руках. Эти священники и по наружности были сторонниками крестьянского дела. В описываемое время священники имели обыкновение носить «взъерошенные и завитые» волосы, но теперь они остригли их в кружок, подражая крестьянскому обычаю, они говорили крестьянам о их властях такие вещи, которые должны были волновать простолюдинов.

От этих вооруженных предводителей крестьян между духовными отличались священники, ограничивавшиеся одною проповедью, как д-р Мантель в Штутгарте, проповедывавший с кафедры о годе свободы, в который, как в древние юбилейные годы иудеев, всем заключенным отворятся тюремные двери, все рабы будут свободны и все долги объявятся недействительными. «О, любезный человек, — восклицал проповедник, — о, бедный, богобоязнен-

ный человек, если бы пришли эти юбилейные годы, тогда настало бы благодатное время!» Против десятины проповедывали: близ Мемменгена священник Николай Швейкарт; в Страсбурге Оттон Браунфельс; в Тироле д-ра Урбан, Региус и Якоб Штраус, священник из Берхтгольдсгадена; в Роттенбурге на Тауберге д-р Дейшлин; в Лауде, в Вюрцбургской области, д-р Леонгардт Бейс; в Ульме Конрад Заам и многие другие. Их проповеди были непосредственно направлены против духовных князей и господ, но они затрагивали в них такие щекотливые вопросы и придавали им такое истолкование, что вели к открытому восстанию против существующего порядка вообще и к его ниспровержению.

Своими отчетливыми объяснениями и логическими выводами, своей искусной речью и священническим здравомыслием, с библией в руке они производили несравненно более глубокое впечатление, чем перекрещенцы и светские проповедники.

Хотя часто огонь вдохновения и охватывал их библейскую мудрость, но то был спокойный свет, сравнительно с пламенем и жаром мечтательного увлечения перекрещенцев, которое в мистических формах и воззрениях возвещало о тысячелетнем царстве и божьем суде над землею. Городские проповедники действовали преимущественно не как революционеры, но как реформаторы и притом на большинство городского населения. Перекрещенцы же были наставниками только такого простолюдина, который в случае переворота надеялся ничего не потерять и все выиграть; они могли приманивать к себе, увлекать и соблазнять только поклонников перекрещенской равноправности то надеждами на общность имуществ, то проклятием неравенства между людьми, то своим пылким воображением, сладкими бреднями, откровениями и «голосами» «внутреннего духа», мрачным избытком чувства своих речей. Этот религиозный элемент под оболочкой таинственного фанатизма мог приковать к себе только там, где простолюдин верил еще в чудесное, где он исполнен был чувством и мечтательностью, как в Тюрингии, Франконии и Старом Вюртемберге; там бедный человек представлялся в виде сукновала, ткача, вообще в виде мелкого горожанина и рабочего маленьких городов, пришибленного бедностью, далее, в виде зависимого, прикрепленного крестьянина, рудокопа, дровосека и винодела, обедневшего после нескольких неурожайных годов. В Верхней Швабии, несмотря на странствовавшие там толпы перекрещенцев, этот элемент не мог пустить глубоких корней, потому что как поселянин, так и горожанин были там более людьми ума, нежели чувства, и потому более практическими существами; там крестьянин пользовался стародавними правами свободы и собственности, правами, которые у него только удерживали или хотели удержать.

Проповедники реформы не подстрекали к восстанию, напротив, предостерегали от него. Во главе их стоял Шаппелер; одни надеялись все исправить путем реформы; другие не ожидали

от преждевременного взрыва никаких благих последствий и боялись каждой частной вспышки. По их мнению и желанию, сначала нужно было подготовить и возрастить все средства к общей цели — как вещи, так и людей. Прежде всего они хотели создать и развить в людях религиозную силу, которая при ясном сознании цели могла бы сообщить политической борьбе одушевление, силу и продолжительность. Сам Мюнцер сначала разделял с ними эти мнения и планы.

Настоящими революционерами, стремившимися к безотлагательному восстанию, были светские проповедники, которые никогда не принадлежали к духовному сословию, но, оставаясь мирянами, вдруг начинали проповедывать. Начитавшись сами библии, они бродили с места на место, как странствующие проповедники. Некоторые из них до того времени не умели даже читать; воодушевясь лютеранской проповедью того или другого оратора, они учились читать, потом покупали новый завет и, начитавшись его вдоволь, принимались проповедывать на его тексты. Попадались, впрочем, и между светскими проповедниками прежние духовные, но они носили одежду крестьян или горожан, занимались полевыми работами или ремеслами и при этом проповедывали.

Разумеется, в светской проповеди не было ничего особенно странного, и некоторые совершенно несправедливо старались представить ее в смешном виде. В первые времена христианства самыми ревностными провозвестниками христианского учения были нередко шерстобои и сапожники, скорняки и красильщики, необразованное мужичье. В эпоху реформации, в то время, как богословы нового учения спорили между собою о догматах веры и их истолковании, в то время, как они блистали в остроумных диспутах, светские проповедники увлеклись тем, что, по их взгляду, составляло дело первой важности для немецкого народа: они старались открыть из разных мест библии «божественное правосудие» — коренные права человека и христианина, как эти права определены словом божиим; все такие места они сводили вместе и о них проповедывали, всегда внушая своим слушателям, в конце проповеди, «блюсти» божественное правосудие, другими словами, проводить его силою и изменить свет согласно предписаниям и основам христианства. Предметы их речей были постоянно незамысловаты и хотя склоняли к возмущению, однако не лишены были чисто практического значения. Так, в Виртембергской области действовал один проповедник, прикрывшись именем Карстанса, сделавшимся популярным благодаря летучим произведениям Гуттена; в Франконии проповедывал бывший швабский священник, сделавшийся крестьянином в Верде, предместии Нюренберга, и приобревший огромную известность под именем «крестьянина из Верда»; его настоящее имя было Дипольд Перингер, а родился он в Эшенброннене на Дунае, против Гюнцбурга; в Эйхштэдтской области проповедывали сукновалы мастера Генле;

в Пфальц-Нейбурге — Захарий Крелль, а в Раунау, в баварском округе Крумбахе, — Симон Лохмейер.

Этот Симон Лохмейер ездил и проповедывал на телеге; четвертую его проповедь слушали до 7 000 человек. Он возвещал, что «всякий должен быть свободным и кроме императора не служить никакому господину; всех, принадлежавших к Швабскому союзу, а также всякого, кто станет действовать против братства верных, нужно умерщвлять, имущество их портить, жечь и грабить». Лохмейер был крестьянин вдовы Ганс фон Фрейберг. Он в числе первых способствовал переходу от проповеди к делу и привел в такое сильное волнение всех помещичьих, городских и монастырских гинтерзасов, находившихся в пределах Швабии и Нейбурга, что многие из них отпали от своих владельцев и образовали «Винцерский отряд». «Никто, — порешил этот отряд, — не должен с этих пор служить и повиноваться своему господину» [1].

Кроме него действовал уже названный нами Захарий Крелль.

Он поддерживал сообщение и связи приязни между Баварией, Пфальц-Нейбургом и епископством Эйхштэдтским, с одной стороны, и теми отрядами крестьян, которые, состоя под командою Якова Веэ и его приятелей, образовались по правую и левую сторону стен Ульма и сосредоточили свои главные силы и сборные места частию в Лейпгейме и Гюнцбурге, частию же повыше Ульма на названных уже пунктах, — с другой.

Захарий Крелль, мюнхенский адвокат, подчиняясь влиянию нового времени, бежал из Мюнхена, прежде чем его успели арестовать; начальники и советники крестьянского общества в Лейпгейме и Гюнцбурге приняли его собратом евангелической истины. Снабженный полномочием этих начальников, он ходил по окрестности, призывая и других к оружию «за евангелие» и собирая их в общий лагерь. Это полномочие он получил 21 марта 1525 года.

Вот каким образом с помощью Крелля дух восстания за евангелие охватил Нейбургскую область.

Он отправился в горный замок Вельгейм, принадлежавший графу Ульриху фон Гельфенштейну. Управителю замка Иергу Губеру он передал письмо от графа; в письме значилось: «Любезный управитель, приказываем тебе, чтобы ты принял в замке вверенном твоему попечению, нашего старого слугу, подателя настоящего письма, и за его деньги доставил ему все, в чем он будет нуждаться, также его служителю и всем, кто при нем окажется. Однако не говори об этом ни попу, ни кому другому».

Управитель впустил его в замок; но скоро им овладело подозрение, и он показал письмо графа священнику. Тот отозвался, что это не почерк графа, его господина. Тогда управитель привел нескольких крестьян в замок, чтобы заставить пришельца объясниться. Вооружившись ружьями, они взошли наверх, но попытались

[1] Прибавление Вальдау, 3, 417. Гангауф, в восемнадцатом годовом отчете исторического общества в Средней Франконии, стр. 81.

сначала ласкою убедить его выйти из замка. Тогда он бросился в крепкую башню. Они начали стрелять по нем из ружей, а Крелль прогнал их от себя камнями. Враги заперли его в башне, но он, занявши в ней крепкую позицию, кричал вниз: «Кто верит в евангелие, — ко мне на помощь, потому что я послан от бога и хочу проповедывать вам слово божие». Человек двести из крестьян прибежали к нему и принялись слушать его проповедь. Некоторые оставались там всю ночь, и соседние господа боялись, чтобы эйхштэдтские и их собственные крестьяне не вздумали собраться в лагерь, выбравши Вельгеймский замок и рынок складочными местами своего оружия. Башенная проповедь Крелля подействовала так сильно, что толпа слушателей беспрестанно становилась плотнее, и многие начали разносить его письма в Рис, чтобы призвать рисских крестьян единодушно «сражаться за евангелие».

Если это будет продолжаться, говорили господа, то в два дня он соберет вокруг себя до тысячи вооруженных крестьян. Округи Грейсбах и Генштэдт были уже в движении, готовясь присоединиться к отряду Крелля. Крестьяне эйхштэдтского епископа заодно с городскою паствою ловили рыбу из заповедных рек своего духовного владетеля, а леса Кипфенберга, зажженные ими в утеху епископа, должны были освещать крестьянам дорогу в Вельгеймский замок. Но прежде чем они туда пришли, замок был уже занят нейбургским штатгальтером Адамом Торрингом с его рейтарами и горожанами; какой-то нейбургский горожанин выстрелил в башню под окном, и проповедник упал без дыхания с простреленной шеей.

При покойнике господа нашли бумаги и между ними перечисление всех имперских сословий, увидели, что замок укреплен и снабжен как оружием, так и съестными припасами [1].

Проповедников, никогда не принадлежавших к духовному сословию, везде было много. Их-то народ слушал даже с особенным удовольствием, однако не надобно смешивать проповедывавших рудокопов, сукновалов и банщиков с такими людьми, как Захарий Крелль: он принадлежал к категории людей, действовавших последовательно и старавшихся организовать и направлять движение.

Эти миряне, с их евангельской проповедью, могли бы назваться четвертою причиною опасений для господ, если бы господа эти уже прежде не презирали глубоко весь народ, а следовательно, и светских проповедников, принадлежавших к среде народа. Конечно, этот элемент был очень важен для движения и при последующем его ходе стал даже выше тайных его вожатых и поборников, которые частию действительно были людьми энер-

[1] Донесение Вольфганга фон Вильденберга в Нейбург от 27 марта; письмо графини фон Гельфенштейн от 30 марта; донесение Иобста из Берлихингена на Райме от 4 апреля; донесение Адама Торринга от 31 марта.

гичными и даровитыми, частию же обладали, по крайней мере, военными познаниями, мужеством и славою или репутациею опытных военачальников. Но эти тайные вожатые, наиболее опасные господам, хорошо умели скрывать от них свои намерения, несмотря на свою близость к ним.

Они действовали на заднем плане. Некоторые из них уже давно работали для революции, другие сделались ее приверженцами только при ее появлении. Одни руководились безукоризненно честными побуждениями, оцененными впоследствии самими врагами; намерения других были обезображены человеческим эгоизмом; третьи действовали преимущественно из своекорыстных видов. Число тех, которые еще до восстания знали о его цели и приготовлениях к нему, было, без всякого сомнения, невелико; число лиц, приставших к нему позже, было, разумеется, гораздо значительнее, чем обыкновенно думают. В великих национальных переворотах встречаются люди, увлеченные могущественным стремлением времени и делающиеся скрытыми приверженцами и вожатыми движения, так что сами его участники ничего о них не знают и деятельность их сохраняется втайне, даже после неудачи дела. Не выступая никогда на авансцену, они всегда остаются в своем прежнем гражданском или общественном положении, как будто покровительствуемые самою судьбою для того, чтобы проводить дальше нити движения, взятые из остывшей руки людей, которые пожертвовали для него домом, имуществом, общественным положением, родиною и самою жизнью. Прошлое для многих становится туманным и неразгаданным еще и потому, что они вследствие неожиданного исхода дела нередко одумываются или, по крайней мере, отказываются осуществлять свои идеалы. В крестьянском движении мы встречаем очень немного высоко даровитых личностей, да и те не выступают на первый план, несмотря на всю свою душевную силу; таковы Вейганд фон Милтенберг, Вендель Гипплер, Шаппелер, Фуксштейнер, таковы многие советники ратуш вольных городов, а между князьями — владетель Геннеберга и маркграф Казимир.

Было бы нелепо смешивать людей, работавших под влиянием идеи для великой цели преобразования немецкой империи, с людьми, не понимавшими этой идеи и действовавшими с корыстными видами. Революция в своем развитии сметает суровой рукою с человеческих убеждений много прекрасного, подобно тому как действительность разбивает идеалы, буря и непогода портят нежные лепестки розы, подобно тому как преступная, грязная рука марает чужой белый плащ или как сам владелец пачкает свое платье в нечистом месте. Никогда человек не выходит таким из революции, каким в нее вошел.

Развратные люди всегда принимаются плавать вместе, как только почуют грязное болото, будь они самого знатного или самого плебейского рождения. Они выжидают только, как бы при случае играть роль и ловить в мутной воде рыбу.

Многие приходят в восторг при виде одного волнения и при мысли, что какая-то пружина лопнула и общество опять обращается в жидкое болото.

Все эти господа много поработали в движении 1525 года, так же как и те, которые прежде решились действовать осмотрительно и осторожно, чтобы спасти себя в случае неудачного исхода. Этим объясняется двусмысленный образ действий господ в городах и сельских замках. Всегда и везде большинство рассчитывало итти с партией, одержавшею верх, и обеспечить для себя отступление.

Так как в империи уже более тридцати лет продолжалось брожение умов, а в последнее время во многих местах происходили даже и открытые восстания, то для подготовления революции здесь не чувствовалось надобности в заговорах. Самый воздух того времени был переполнен революционными атомами, и зараза коснулась всех имперских сословий, от владетельного князя до последнего нищего. Одно невежество может говорить: тот и этот или вот они и они затеяли революцию. Никогда один человек или несколько людей не были в силах затеять действительно случившуюся революцию. Движения революции возникают сами, как гроза из поднявшихся вверх испарений, как болезни из испорченных соков и неестественных отправлений.

Как только соберутся элементы народного неудовольствия, общество обращается к несистематическим мерам, которые, вместо того чтобы устранить раздражение, еще более его усиливают. Затем являются личности, своекорыстно или бескорыстно эксплоатирующие эти элементы, смотря по тому, действуют ли эти личности как эгоисты или как идеалисты и патриоты. В случае взрыва люди, облеченные общественною властью, первые расплачиваются своими головами. Трусость, подруга нечистой совести, приводит умы в смятение. Лживый образ действий, возрастающая отсюда опасность, бегство тех, которые должны были бы оставаться на своих местах, колебание, легкомыслие или слабость людей, которым следовало бы не лишаться твердости, — быстро следуют друг за другом под громом, молниями и всею грозою бога, посетившего землю.

Ведь всякая революция имеет значение божьего суда над людьми; это — небесная кара, но в этой каре скрывается и благодеяние, так как после смут анархии отжившее старое разрушается, чтобы дать место новому зданию; под развалинами погибают и многие разрушители.

Немецкая империя уже долго страдала. Революция явилась как следствие, а не как причина этого болезненного состояния. Благодаря этому кризису государство могло выздороветь, если бы лихорадка пошла своим естественным ходом и не была подавляема до тех пор, пока вся устарелая инерция, все болезненные симптомы не были бы изгнаны из государственного тела и все старые злоупотребления, все повреждения его организма не были

бы окончательно устранены. В каждой революции надобно различать силы строящие и силы разрушающие. Цель первых — разрушение; цель вторых — созидание; в разрушении они видят только необходимое зло, средство к переходу от испорченного к исправленному, к перерождению отечества.

Такие эпохи и события нужно оценивать беспристрастно, а не с точки зрения партий. Когда барские конфедераты в Польше вздумали прибегнуть к революции, чтобы избавить свою родину от чужеземного ига, то их поведение вызвало во многих удивление; им даже говорили: «Вы одни в вашем отечестве проникнуты чувством чести и справедливости». Это им говорила Мария Терезия. Таким образом в 1525 году было и в Германии много людей, которые стремились к обновлению своего обширного отечества, к новой постройке немецкого государства, после падения старого здания; эти люди втайне и не год работали для этой цели. Но события их опередили; взрыв произошел раньше, прежде чем они заготовили для него все средства, прежде чем привели все силы к единству общего плана и общей цели. Но народный мятеж предупредил все их теоретические соображения.

Точные исследования показали, что восстание народа было уже давно задумано и решено. Задолго еще до возмущения дело религиозной и политической реформы подготовлялось: в Тюрингии — Мюнцером и Пфейффером, на нижнем Неккаре и в гогенлоеских владениях — Вендель Гипплером, в Вюрцбургской и Ротенбургской областях — рыцарем Флорианом Гейером и его соумышленниками, на верхнем Дунае — Яковом Веэ, в майнцских владениях — Вейгандом, в Тироле — Гайсмайером и, наконец, в верхних землях и прирейнских городах к тому же стремились целые сотни подобных деятелей. Эти люди имели постоянные друг с другом сношения посредством печати, переписки или, наконец, посредством сходок на местах, «которыми господа не смели распоряжаться», — как говорил Вендель Гипплер.

Повсюду люди умные или высокопоставленные вступили теперь в сношения с ремесленным и крестьянским населением, к чему стремился уже Ульрих Гуттен в эпоху проектов имперского рыцарства. В городах образовались клубы завязавшие сообщения с окрестными селами и другими городами. Ремесленник и крестьянин обращались за советом к людям, выше их стоящим в обществе и умевшим приобрести доверие простолюдинов [1].

Но только перед самой весною 1525 года восстание сформировалось окончательно и назначены были сборные места. Тогда-то в особенности усилились сношения через посредство послов и вестников между Тюрингией, нижнерейнскими и верхними землями, между областью Альгау, Шварцвальдом и альпийскою страною;

[1] Свидетельство банщика Гартлиба в Бамберге: «Восстание было задумано гораздо прежде и многие испрашивали совета у некоторых заслуженных особ, быть может, стоявших в известных случаях на стороне возмущения».

сообщались также вверх и вниз по Дунаю, направо и налево в баварские и австрийские владения.

Как при всякой войне и восстании, так и теперь отчасти были допущены, отчасти призваны к оружию люди всякого звания и всякой репутации; от них требовалось только одно: отвага и уменье. Многие из них и сами пристали к движению и даже впоследствии стали во главе его. Так, честный Кнопф из Луибаса завербовал Конца Вирт фон дер Гальдена и употреблял его для тех поручений, где от человека ничего более не требуется, как только пронырливость, знание дорог и тропинок, смелость и ловкость.

Популярность, которою пользовались благодаря своим отважным подвигам хищнические рыцари-наездники, в конце средних веков досталась и на долю предводителей бесчисленных воровских и разбойничьих шаек реформационной эпохи. Простолюдин проникался уважением к имени головореза. В немецких, богемских и испанских горных странах еще в конце прошлого столетия счастливый разбойничий атаман гораздо более возбуждал к себе народное удивление и любовь, нежели его ненависть. То же самое, но еще в большей мере повторилось и за триста с лишком лет до нашего времени. При помощи ладзарони, воров и бандитов нынешний экс-король Неаполя старался поддержать свой престол. В вандейских войнах, в борьбе Испании с Наполеоном, в испанских гражданских войнах нынешнего столетия, так же как в прусских и австрийских войнах, да и после французской революции множество известных разбойников исправляли службу старших и младших офицеров, лазутчиков, подстрекателей и интриганов. На них сыпались награды и отличия, как на людей весьма полезных и даже необходимых.

Таков был и Конц Вирт фон дер Гальден, разбойник из южнной стороны Верхнего Альгау. До начала революции он выбрал театром своих хищнических подвигов Вюртембергскую область и другие местности Швабии. Он занимался грабежом и мошенничеством, позволяя себе то же, что позволяли себе по большим дорогам благородные рыцари, которым он не хотел предоставить исключительной привилегии грабежа, как и никакого вообще исключительного права. Прикрываясь всеми возможными масками, он разгуливал по берегам озера, по Шварцвальду, Вюртембергским альпам и по берегам Дуная. В одежде нищего он предпринял богомольное странствование к пресвятой богородице и в Старом Эттинге и по пути подмечал благоприятные обстоятельства для нападения. К убийствам он никогда не прибегал [1].

Подобно тому как это случается еще и теперь в Испании и Италии, в Венгрии и Сербии, Конц Вирт фон дер Гальден, этот рыцарь кулачного права без шпор, мог без труда найти доступ к поселянам в тогдашнее смутное время, тем более, что крестьяне скорее считали его за его удачные грабежи человеком

[1] О Конце Вирте у Йерга, 206 и 207.

полезным, чем гнушались им как разбойником. Так, комитет кемптского крестьянского общества с ведения и по желанию духовенства посылал его в Шварцвальд с целью поддержать тамошних поселян и вступить с ними в переговоры. Так, позже его поставили во главе экспедиции, предпринятой для сожжения Волькенбурга.

Вообще тогдашнее время благоприятствовало революционному брожению. В обоих лагерях толпились разные испорченные и беспутные личности, приставшие к воюющим сторонам ради собственных выгод, подобно тому как уличная грязь пристает к обуви людей, преследующих дело своих убеждений. Много сволочи набралось и с той и другой стороны. Ратники баварских князей пользовались такой нелестной репутацией, что после вюртембергской войны, окончившейся лет шесть тому назад [1], их не хотели впустить ни в один из дунайских городов, так как «впущение их произвело бы много несчастий для горожан: ведь они прежде ранили и увечили невинных граждан, расхищали имущества, не давали людям покоя в их собственных домах ни днем, ни ночью, ни в постели, ни за столом, грабили духовных и мирян, хотя они вовсе не были их врагами» [2]. В крестьянских ополчениях и городских отрядах попадались и честные дворяне и беспутная знать, господа, «бессовестно растратившие свое добро, не имевшие уже ни гроша за душою, но сильно желавшие чем-нибудь поживиться». Если в Форхгеймском замке засел Уле фон Пегниц, первый кричавший «так должно быть! так должно быть!» и трезвонивший в набатный колокол, если этот господин, позже состоявший на жаловании города Бамберга, постоянно отличался величайшим беспутством и интриганством [3], то в Байретской области крестьянское знамя держал рыцарь Томас Гросс, прозванный «дитя шинели». Эта важная особа благодаря разбою и убийствам, пользовалась точно такою же славою в аншпахских владениях, какою пользовались другие знатные господа за те же подвиги в Франконии и Швабии. А между тем он имел от своего ленного господина свободный пропуск повсюду «в знак благоволения» [4]. Явившись к крестьянам в Мистельгэй, этот рыцарь сказал им: «Если вы восстанете, я буду вашим воеводой!» И тот же час он начал вербовать повстанцев, грабил духовенство во главе своих гинтерзасов, сторожил на дороге с попом Фледервишем имущество бежавшей дворянки фон Виксенштейн и предложил жителям Оберзеса быть их начальником или знаменосцем и привести к ним на помощь триста храбрых молодцов, если они захотят восстать. Он говорил: «Я не хочу, чтобы меня ругали дворянчиком, буду называться Фомой крестьянином».

[1] За 6 лет до крестьянской войны 1525 г. — *Прим. ред.*

[2] Донесение маршала Ульриха фон Паппенгейма и гюнцбургского совета от 24 и 27 февраля 1525 г. Донесение рамекского совета от 15 марта 1525 г.

[3] Донесение форхгеймского совета от 20 ноября 1526 г.

[4] Отзыв аншпахских властей от 9 ноября 1526 г.

Его кузены, благородные господа Ганс Гросс в Рейцендорфе и Криштоф Гросс в Троккау, никогда не хотели называться Гроссами, т. е. большими, и прозывались: «Криштоф и Ганс Бауэры (крестьяне)» [1]. Такие господа были четвертою причиною опасений для знати.

Не менее насчитывалось в империи дворян, «испорченных» или обедневших людей. Эти господа были как будто нарочно созданы для того, чтобы предводительствовать простым городским и сельским населением. По примеру дворянства, неимущие горожане и поселяне также хотели, как они говорили, «ратовать за евангелие и блюсти правосудие». Как глупцы, они изрыгали проклятия на тех, которые говорили: «Разве отнимать у людей их собственность значит блюсти правосудие?» [2]

В отрядах можно также было встретить много «пьяных и неспособных людей», сыновей «набожных, старых родителей; разносчики, барышники, торговцы, которые поминутно являлись в Нюренберг, распространяли в народе новые слухи и волновали его» [3]. Были между ними и состоятельные лица, сыновья богатых родителей, как Георг Горнис из Вахенроде, о молодости которого читаем следующее: «На пространстве всего Штейгервальда необходилось ни одно дело, ни одна ссора без того, чтобы туда не вмешивался Георг Гарнис с своими когтями»; далее вот как описывают Петра Мецлера клейнвахенродские власти после неудачного восстания в Вахенроде: «Это — беспокойный негодяй, словом и делом преданный восстанию и не хотящий повиноваться никакому другому господину, кроме бога; он увлек за собой к мятежу сотню людей, постоянно забавлялся птичьей охотой и пьянством»[4]. Немало также было людей, которых дурная репутация заставила пристать к восстанию, каковы были: маляры, музыканты, цирюльники, мастера золотых, серебряных дел; всадники, долго служившие князьям и прогнанные ими из службы, также присоединились теперь к крестьянам и получили высшие и низшие начальнические должности. Эти рейтары и духовные, принявшие сторону крестьян, могли бы играть довольно важную роль, если бы только умели вести себя осмотрительно и добропорядочно; но с беспутными попами и всадниками расправа крестьян в Верхней Швабии, как и Франконии, была недолга, в чем мы убедимся впоследствии. Тогда попы, прогнанные крестьянами, обращались в перебежчиков и служили шпионами в неприятельском лагере. Великое народное движение 1525 года носило на себе характер всех вообще народных восстаний. Как во всех революциях Франции, Англии, Северной Америки, Испании и Италии, Швеции и Дании, так точно и в последнем великом восстании немецкого народа принимало участие не одно мужичье или люди, близкие к нищете,

[1] Отзыв аншпахских властей от 9 ноября 1526 г.
[2] Допросы жителей Гезеса от 30 апреля 1526 г.
[3] Поименования зачинщиков мятежа Бамбергской области.
[4] Там же, Иерг, 203.

полагавшие всю свою надежду в революции; далеко не всех повстанцев можно назвать также «бедной, бездомной и бесполезной голью». Как всегда и везде, так и 1525 году, на стороне движения или за него были и идеалисты и патриоты; бок о бок с людьми, преследовавшими только свои личные цели, стояла знать заодно с плебеями, точно так же, как это было, есть и будет во всякое мирное время, при совершенном государственном спокойствии, в салоне, в гостиной, в державном совете, в ратуше, во всех слоях общества.

О некоторых состоятельных и богатых лицах достоверно известно, что они сами по себе не хотели принять участия в движении. «Если нас не принудят к тому силой, — говорили они, — то мы будем держаться в стороне». Так думали многие зажиточные крестьяне в Рисе. Однако из Эттинга явились в Рис к повстанцам два бургомистра, обещавшие отворить им ворота, как только они подступят к их городу [1].

В той же мере несправедлив и нелогичен отзыв канцлера Экка, в котором он говорит: «Не следует упускать из виду разноголосицу среди горожан: бедные лютеране стоят за крестьян; нелютеране или хотя и лютеране, но зажиточные люди, стоят против них» [2]. Между последними были именно люди с нечистой совестью, боявшиеся ответственности за дурное городское управление в ратушах; о них-то простолюдины сочинили стишки, подобные написанным жителями Гезеса на стене гостиницы; стишки издевались над местными шультгейсами (старостами) таким образом:

«Есть люди, что видят в дворянах опору,
Но крадут, как прилично вору» [3].

В Инсбруке, как и его окрестностях «многие крестьяне владели капиталами в десять, двадцать, тридцать тысяч гульденов и более». Правда, они старались сдерживать движение, но в сущности все-таки сочувствовали крестьянам [4], и если действовали с ними заодно, то вовсе не из «страха лишиться своего значительного имущества», так же как далеко не все дворяне, приставшие к народному движению в разных местностях Германии, действовали по своекорыстным побуждениям, по трусости, близорукой надежде или принуждению [5].

В самом начале донесения княжеских фогтов были проникнуты высокомерием бюрократа и знатного барина. Глядя на народ по привычке свысока, они и писали на языке, к которому

[1] Иерг, 217.
[2] Отзыв Экка от 2 марта 1525 г.
[3] Допрос Отто Ангера, консервативного шультгейса в Гезесе, Иерг, 218.
[4] Донесение баварского посла из Инсбрука от 3 июля 1525 г.
[5] Ярке в своих «Исследованиях и очерках», стр. 244, так же неудовлетворительно оценивает характер Лютера, как и побуждения дворянства и народа той эпохи, как и характер всякого национального движения, будь оно с религиозным, политическим или тем и другим значением вместе.

привыкли в своем кругу и на котором крестьяне назывались «навозными жуками», а горожане «чернью». Так, баварский начальник Эргардт Мукенталер извещал следующим образом своего герцога: «На Мессингской горе собралась какая-то жалкая сволочь — воры, игроки, бесприютные мужики, беспутные горожане, бродяги, всякая кухонная дрянь, обозная прислуга, дезертиры, солдаты, музыканты, оборвыши и другой подобный сброд». Конечно, такие люди действительно водились в народных лагерях, но не они были ядром восстания, они не составляли даже большинства; ополчение привлекло к себе многих бедняков, но они не составляли самого ополчения.

Сами князья служили пятой причиной опасений для партий господ, особенно для духовных владетелй. Светские князья и дворянство думали сначала, что движение направлено исключительно против владетельного духовенства, и курфюрст саксонский Фридрих Мудрый выражался прямо в этом смысле, прибавляя, что бедных людей вынудили к возмущению стеснением свободы евангельского слова. Если богу угодно, писал он своему брату, чтобы крестьяне завладели правлением, то это неминуемо и должно случиться. Если же на это нет воли божией и если этого не нужно для его прославления, то притязания крестьян останутся без последствий [1].

Ленное дворянство, подчиненное как духовным, так и светским князьям, рассчитывало выйти из под ига своей зависимости и обратить свои ленные владения в вотчины при помощи народного движения. К этой цели стремился Фриц Цобель фон Гибельштадт, ленник вюрцбургского епископа, бывший в сношениях как с крестьянами, так и с маркграфом Казимиром; сношения эти, хотя и велись с необыкновенною осторожностью и таинственностью, открылись, однако, сами собою, равно как и сношения рыцаря Стефана фон Менцингена с маркграфом Казимиром, герцогом Ульрихом Вюртембергским, с гражданами Роттенбурга и с крестьянами на Таубере.

Мысли воспользоваться восстанием крестьян для низвержения господства духовенства принадлежала в такой же степени маркграфу Казимиру и графу Геннебергскому, как баварским князьям и австрийскому эрцгерцогу Фердинанду. Если геннебергскому владетелю хотелось создать себе независимое княжество и даже завладеть герцогством Вюрцбургским, если маркграфу Казимиру было желательно как можно больше награбить для себя земель и людей, то, с другой стороны, баварские князья с завистью глядели на Эйхштэдтское епископство и зальцбургские владения, а австрийский эрцгерцог Фердинанд домогался тех же зальцбургских владений, епископств Аугсбургского, Бриксенского, Триентского, так же как всех больших и малых духовных областей и

[1] Письмо Фридриха у Ферстманна в его новом собрании достоверных источников, I, 259.

имуществ, находившихся в пределах Австрии или по соседству [1].

Как ни затаены были эти княжеские пожелания и помыслы, все-таки многие из них пробивались наружу, так что скоро духовные князья и господа стали весьма недоверчиво поглядывать на своих светских собратьев. Даже в политике саксонского курфюрста многих поразило то обстоятельство, что в начале восстания во владениях эйхштэдтского епископа крестьяне из Шпальта дружественно относились к саксонскому придворному проповеднику, который завел даже с ними переписку. Везде говорили, что Спалатин, придворный проповедник Фридриха Мудрого и друг Лютера, давно уже находится в секретной переписке с крестьянами и с Гейле, цеховым старшиною суконного мастерства в Эйхштэдте, главою тамошней народной партии. Слух, что Спалатин был в Шпальте, своей родине, и что тамошние жители обращались к нему за советами, не имеет в себе ничего неправдоподобного; но одно то обстоятельство, что проповедник находился в Шпальте именно в это время, было вполне достаточно для того, чтобы в умах возникли подозрения, будто саксонский курфюрст стремится завладеть Эйхштэдтом или, по крайней мере, низвергнуть духовных владетелй и провозгласить новое учение [2].

Таким образом, дело, затеянное крестьянами, вначале, повидимому, касалось только духовных владетелей города; дворянство и князья считали себя в безопасности. Но, по мере развития восстания, их стал одолевать страх. Крестьяне имели уже одно знамя, под которым они сражались единодушно, по крайней мере, вначале, настолько единодушно, насколько это дозволяли обстоятельства. Этим общим знаменем служили «двенадцать тезисов».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Двенадцать тезисов. Фома Мюнцер

Переговоры крестьян с Швабским союзом, принявшим на себя личину посредничества между господами и поселянами Придунайского края, остановились ни на чем. В одном только отноше-

[1] Письмо графа Гевебургского от 10 мая 1526 г. Письмо канцлера Экка от 27 декабря 1520 г. Письмо герцога Вильгельма Баварского к канцлеру Экку в начале июня 1525 г. Письмо канцлера от 7 июня 1525 г. Письмо Ганса фон Газенбурга к герцогу от 22 апреля 1525 г. Письмо фон Казингера, баварского посла в Инсбруке, к герцогу Вильгельму от 24 июля; Иерг, 523, 331, 332, 282.

[2] *Гангауф*, стр. 87.

нии переговоры эти были полезны для крестьян; они оставили после себя лоскуток бумаги, сделавшийся для крестьян заветным памятником и имевшим важное значение как по своеобразности мысли, верности взгляда, так даже и по своему языку. Мы говорим о двенадцати тезисах.

Между городскими и сельскими простолюдинами издавна велось обыкновение излагать свои нужды в форме тезисов. Так, крестьянские общества графских владений Фюрстенберга, Сульца и Штюлингена выразили свои потребности в шестнадцати письменных тезисах, или пунктах, и представили их в этом виде на обсуждение сеймов в Штокахе, Шаффгаузене, Радольфцеле и Эслингене. Во всей Германии простолюдины излагали свои нужды по пунктам и этим способом думали войти в дружелюбные соглашения с своими владельцами, добиться от аристократии уступок и облегчений, заставить ее возвратить крестьянам их стародавние, похищенные права и принять великодушное участие в их горестном положении. Вюрцбургские поселяне представили 50 тезисов, майнцские — 29, франкфуртские горожане — 41, мюнстерские — 34, поселяне в Интале — 19 и т. д. Все эти тезисы во многом сходны между собою, во многом разнятся, смотря по разнообразию местных условий.

В первой четверти 1525 года в Верхней Швабии был составлен небольшой перечень крестьянских требований, приобретший себе скоро громкую известность под именем двенадцати тезисов. Несмотря на запрещения Баварии и Австрии, эти тезисы через посредство печати с марта месяца [1] распространились по всей Германии с быстротою молнии; их печатные экземпляры были признаны всеми крестьянами как общий манифест всего крестьянства, и таким образом великому народному движению была указана цель и дана была общая формула для выражения религиозно-политических стремлений различных крестьянских общин. В заголовке этого документа стоит такая надпись: «Истинные и справедливые тезисы всего крестьянского сословия и всех гинтерзасов, обиженных своими духовными и светскими властями». Затем следует вступление: «Христианскому читателю мир и благодать божия во Христе».

«Многие лицемерные христиане по поводу настоящего соединения крестьян изрыгают хулы на евангелие и говорят: «Вот каковы плоды нового евангелия: никому не повиноваться, повсеместно бесчинствовать и возмущаться, собираться шайками и мятежническими скопищами, для того чтобы реформировать, гонять, даже, быть может, умерщвлять духовные и светские власти! Ответом на эти беспутные и лживые обвинения должны служить нижеследующие тезисы, написанные с целью снять клевету с слова божия и оправдать с христианской точки зрения неповиновение и даже открытое восстание крестьян.

[1] Под одним изданием стоит: месяц martii.

Во-первых, евангелие не виновато в мятежах и волнениях, потому что оно вышло из уст Христа, обетованного мессии, которого слова и жизнь поучают только любви, миру, долготерпению и единению (Римл., 2): все верующие во Христа должны жить в любви, в мире и согласии, а потому все тезисы крестьян, как всякий ясно увидит, направлены только к тому, чтобы внушить крестьянам истинные евангельские правила и научить их жить сообразно с этими правилами. Каким же образом лицемерные христиане могут считать евангелие причиной неповиновения? Если есть между христианами такие лицемеры и враги евангелия, которые с упорством восстают против всех наших требований и желаний, то в этом виновато не евангелие, а виноват дьявол, заклятой враг евангелия, он-то и вовлекает своих сынов в преступления, возбуждая в них неверие, для того, чтобы слово божие — слово любви, мира и единения — окончательно заглохло и было предано забвению.

Во-вторых, отсюда следует ясно и бесспорно, что крестьяне, желающие в своих тезисах строго придерживаться евангельских правил, не могут быть названы непокорными и мятежными. Если господь услышит молитвы крестьян, желающих только одного: жить по его слову, то кто осмелится тогда порицать волю божию (Римл., 11)? Кто осмелится вмешиваться в его суд (Ис., 40)? Кто осмелится противиться его величию (Римл., 8)? Если он внял молениям сынов израилевых, взывавших к нему о помощи и освободил их от руки Фараона, то разве он не может и теперь спасти своих людей. Да, он пошлет им свое спасение и пошлет немедленно (2 Моис., 3, 14, Лук., 18, 8). Итак, христианин, читай внимательно эти тезисы и глубже внимай и обсуждай их.

Первый тезис

Во-первых, мы покорнейше просим и единодушно желаем, чтобы отныне нас не лишали наших прав и преимуществ, чтобы всякий приход сам выбирал своего священника (1, Тимоф., 3) и чтобы прихожане имели право смещать его, если он поступает не по закону (Тит., 1). Выбранный пастырь должен нам проповедывать евангелие ясно и разумно, без всяких своих прибавлений, мудрствований и выпусков (Деян. апост., 14). Когда нам будет постоянно проповедуема истинная вера, мы приобретем право просить у господа, чтобы он снискал нас своею благодатью, поселил и усугубил в нас живую веру (5, Моис., 31). Если благодать божия не вселится в нас, то мы навсегда останемся только никуда негодною плотью и кровью (5, Моис., 10, Иоан., 6); в писании ясно говорится, что только истинная вера может приблизить например к богу и что спасение наше в его милосердии (Галат., 1). Мы нуждаемся в достойном предстателе и духовном отце, который был бы научен писанию так, как это мы высказали.

Второй тезис

Во-вторых, несмотря на то, что справедливая десятина, установленная в ветхом завете, была отменена в новом, мы все-таки охотно будем выплачивать ее зерном, но только там, где это нужно. Поэтому мы жертвуем ее богу в пользу его служителей (Евр., Пс., 109). Если в ней будет нуждаться священник, проповедующий как следует слово божие, то мы спорить не станем, пусть тогда эту десятину собирают и получают церковные сборщики, назначаемые общиной, а священник, выбранный приходом, со всеми своими домочадцами будет пользоваться из сбора соответственною частью, по распоряжению всего прихода; остаток должен быть поделен между бедными прихожанами той же деревни по мере их нужд и по усмотрению прихода (5, Моис., 25, 1, Тимоф., 5, Матф., 10 и Коринф., 9), а все, что за тем останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастия или войны; из этого-то избытка и следует удовлетворять общественным нуждам, не обременяя бедного населения налогами. Если бы случилось, что одна или несколько деревень продали свою десятину по какой-нибудь надобности, то купивший должен прежде всего доказать действительность покупки, и тогда мы войдем с ним в соглашение, смотря по важности дела (Лук., 6, Матф., 5).

Но кто не сам купил деревни, десятину, а получил ее от предков, присвоивших ее себе силою или хитростью, тому мы не хотим и не должны ее давать, мы только обязываемся, как сказано прежде, содержать священников и, по писанию, раздавать милостыню нищим. Кроме того, мы не хотим платить ни духовным, ни светским лицам никакой малой десятины, так как бог предоставил скотину в полное распоряжение человека (1, Моис., 1). И потому эту десятину мы считаем несправедливою, выдуманною людьми, и давать ее больше не будем.

Третий тезис

В-третьих, до сих пор было в обыкновении считать нас чужою собственностью, но это противно священному писанию, потому что Христос своею божественною кровью всех нас искупил и всем нам даровал спасение (Ис., 53, 1, Петр, 1, 1, Коринф., 7, Римл., 13), начиная от последнего пастуха до могущественнейшего монарха. Вот почему священное писание говорит, что мы свободны — и мы хотим быть на самом деле свободными (Премудр., 6, 1, Петр., 2).

Это не значит, что мы хотим необузданной воли и не признаем никаких властей. Мы должны жить по заповедям, а не по внушениям греховной плоти (5, Моис., 6, Матф., 4); мы должны любить бога как своего творца и познавать его в ближних, которым мы обязаны доставлять все то, что сами желали иметь бы, по слову спасителя на тайной вечере (Лук., 4, 6, Матф., 5, Иоан., 13). Поэтому мы не будем нарушать заповеди божьей, которая

вовсе не говорит нам, чтобы мы не повиновались властям. Не только перед властями, но перед всяким мы должны смиряться (Римл., 31). Мы не думаем сопротивляться выбранным и установленным правителям, потому что закон божий (Деян. апост., 5) запрещает нам это. Итак, мы не нарушаем покорности, потому и вы должны с своей стороны поспешить освободить нас из-под ига крепостного рабства или евангельским словом доказать нам, что мы должны оставаться рабами.

Четвертый тезис

В-четвертых, до сих пор велось обыкновение, что ни один бедный человек не имел права ни охотиться на птиц, ни ловить рыб в господских владениях. Это кажется нам совершенно несправедливым, несогласным с братскою любовью и словом божиим. В некоторых местах знатные господа нарочно держат животных, чтобы только повредить нам и увеличить нашу бедность. Эти бессмысленные твари жадно пожирают у нас все, что бог дал человеку для его пропитания, а мы должны молчать, хоть этим явно наносится оскорбление и богу и людям. Создавши человека, господь дал ему власть над всякими животными, над птицами, в воздухе летающими, и рыбами, в водах плавающими (I, Моис., 1, Деян. апост., 19, I, Тимоф., 4, I, Коринф., 10, Колос., 2). Поэтому мы желаем, чтобы всякий, владеющий рекою или озером, представил достаточные письменные доказательства своего права владения и тогда пусть ими владеет; мы не станем употреблять против него насилия; надобно поступать со всяким по правилам христианской любви и братства. Тот же, кто не представит удовлетворительных доказательств своего первовладения, пусть отступится от захваченного в пользу общины.

Пятый тезис

В-пятых, мы считаем себя также обиженными и в отношении владения лесом: наши господа присвоили себе все леса, и если бедный человек нуждается в дереве, он принужден платить за него вдвое дороже, чем действительно желал получить. По нашему мнению, леса, на владения которыми духовные и светские господа не могут представить доказательств, должны быть отданы в распоряжение общины; каждый в случае нужды может получать от общины бесплатно дрова и лес, даже и для столярного производства, разумеется, только с ведома лиц, выбранных общиною, в видах предупреждения истребления лесов. В тех случаях, когда он приобретет собственность честным путем, община должна войти в соглашение с собственниками, по законам христианской и братской любви. Если же лесное имущество было сначала куплено одним, а потом перепродано другому лицу, то с покупщиками надобно войти в соглашения, какие укажет дело, по духу братской любви и священного писания.

Шестой тезис

В-шестых, мы считаем себя горько обиженными тяжелою службою, которая с каждым днем становится все невыносимее и невыносимее. Мы желаем, чтобы на это было обращено внимание и чтобы нас не обременяли так жестоко; пусть нас заставляют служить так, как служили наши отцы согласно с божеским писанием (Рим., 10).

Седьмой тезис

В-седьмых, мы не хотим больше и слышать о поборах и несправедливостях господ; всякий должен неприкосновенно пользоваться своими правами, как они определены в условиях между господином и крестьянином. Господин не должен более мучить и прижимать крестьянина, не должен требовать от него ни службы и ничего другого даром (Лук., 3, Фесс., 6), так, чтобы крестьянин мог свободно и спокойно распоряжаться своим имуществом. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянин должен служить охотно и покорно, впрочем, за известное вознаграждение и только в определенное время для устранения всяких потерь и убытков.

Восьмой тезис

В-восьмых, многие из нас, имеющих собственность, отягчены высоким податным окладом, которого не могут взносить их имущества; отсюда крестьянам часто приходится терять свое достояние. Мы желаем, чтобы господа послали для оценки таких имуществ честных людей и взимали бы оброк, смотря по их стоимости. Крестьянин не должен работать для себя без выгод, потому что всякий работник достоин своей платы (Матф., 10).

Девятый тезис

В-девятых, мы чувствуем себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, с которою постоянно увеличивают наши наказания; очень часто нас наказывают несоразмерно с виною, по злобе, а иногда ради пристрастного снисхождения к другим. Мы желаем, чтобы нас наказывали, согласно с древним писанным законом, соразмерно с виною, а не пристрастно (Ис., 10, Эфес., 6, Лук., 3, Иерем., 16).

Десятый тезис

В-десятых, мы считаем себя и тем еще обиженными, что некоторые лица присвоили себе пашни и луга, принадлежащие общинам. Если эти земли приобретены в собственность не честным путем, то мы опять отберем их в пользу наших общин; но если за них заплачены следуемые деньги, то мы вступим в дру-

жеское и братское соглашение с их владельцами, смотря по важности дела.

Одиннадцатый тезис

В-одиннадцатых, мы хотим совершенного отменения обычая, называемого посмертным отобранием; мы не можем допустить и терпеть, чтобы у вдов и сирот, вопреки чести и божьей воле, так бессовестно отнималась собственность, как это случается во многих местах под разными видами. Вместо того чтобы защищать и оберегать нас, многие обдирают, грабят поселян, и если бы было у них достаточно силы, то они обобрали бы их до последней нитки. Господь не хочет этого более терпеть, и обычай посмертного отобрания должен быть отменен: с этих пор по смерти лица семейство его никому и ничего не платит — ни много, ни мало (5, Моис., 13, Матф., 8, 23, Ис., 10).

Заключение

В-двенадцатых, мы пришли к такому решению: если один или несколько из наших тезисов несогласны с словом божиим, то мы от них отступимся, как только это нам докажут по писанию. И если даже какой-нибудь из наших тезисов будет признан достойным внимания и назван справедливым, а впоследствии окажется неправильным, то мы немедленно от него откажемся как от мертвого и недействительного члена. Если даже многие тезисы будут найдены противными богу и вредными для ближнего, то мы все их возьмем назад и будем молить господа, чтобы он дал нам разум поступать и жить по христианскому учению, потому что этот разум исходит только от бога, а не от кого другого. Благодать господа нашего Иисуса Христа буди со всеми нами».

Внимательно рассматривая этот замечательный манифест, нельзя не видеть, что он образовался не вдруг, а постепенно, из многих составных частей. Вступление и заключение, очевидно, присоединены позже и написаны другим лицом, чем большая часть промежуточных тезисов. Самые тезисы распадаются на три разряда: в одних заключаются требования, повторявшиеся в продолжение длинного ряда столетий, как то: права охоты, рыбной ловли, лесовладения, устранения ущерба от животных; в других — требования, относившиеся к отменению новых злоупотреблений, бесконечной, несправедливой барщины и оброков, пристрастного суда и вообще всякого господского самоуправства; наконец, в-третьих, — требования, в которых выступает новое учение о евангельской свободе и которые объявляют небиблейскими и нехристианскими крепостное рабство, малую десятину и посмертное отобрание, а свободу вероисповедания, выбор священника целым приходом выставляют евангельскими правами. Требования первого разряда относятся к очень давнему времени и здесь только представлены в новой форме; требования второго разряда стали

высказываться уже летом 1524 года; наконец, в требованиях последнего рода сильно отзывается то влияние, которое имели на народное движение проповедники нового направления, соединявшего духовную свободу с светскою.

Двенадцать тезисов вышли первоначально из Верхней Швабии [1], язык их очень похож на язык многих современных документов этой местности. Есть предположение, что они были составлены в то время, когда господа в Штокахе и Ульме четвертый или пятый раз пытались обморочить крестьян, делая вид, будто они принимают серьезное участие в их нуждах. В Штокахе это происходило между 26 и 28 числом февраля 1525 года, в Ульме — около середины февраля того же года [2].

Уже 15 февраля канцлер Экк писал своему государю: «Желания крестьян выражены в длинном ряде тезисов, вообще же они хотят: во-первых, принадлежать только одному Христу, и не хотят знать никаких других господ; во-вторых, они решительно отказываются от всякой барщины и не хотят давать ни кур на масленицу, ни малой десятины; они говорят, что это совершенно противно братской любви и что ни один текст евангелия не говорит о таких обязанностях; в-третьих, они и слышать не хотят ни о каких налогах, податях и оброках; в-четвертых, по их мнению, все речные воды, все леса, птицы воздушные и разная дичь должны быть предоставлены всем в полное распоряжение, потому что все это сотворено для пользы и нужд всех людей. Есть еще и другие отдельные тезисы, которые, как они думают, могут быть приведены в исполнение».

17 февраля он же извещает о «поступлении на рассмотрение требований всего (верхнешвабского) крестьянства».

Нет сомнения, что это был первый, более обширный план [3], набросанный Мюнцером по образцу мюльгаузенских тезисов Пфейффера, так как около тех же чисел февраля Фома Мюнцер отправился вниз по Дунаю.

Заключенные в двенадцать тезисов и высказанные в более умеренных выражениях, эти требования около середины марта могли быть представлены на рассмотрение Швабского союза в форме прошения от трех, сообща действовавших крестьянских обществ Верхней Швабии. Последнюю свою форму тезисы эти получили в комитете Евангелического братства на сейме в Меммингене. Древнейшее издание [4] не приводит никаких библейских текстов и озаглавлено довольно просто: «Выражение неудовольствия и дружелюбных желаний всего, ныне собравшегося

[1] «Двенадцать прилагаемых здесь печатных членов выпущены крестьянами поверх Ульма, на Дунае», — говорит Вильгельм, владетель Лимбурга. Оригинальные источники в собрании прелата фон Шмида.

[2] Первое предположение принадлежит прелату фон Шмиду в его примечании к 12 тезисам.

[3] Ср. ниже допрос Мюнцера.

[4] Оно находится со многими другими изданиями в собрании прелата Шмида в Штутгартском государственном архиве.

крестьянства, с присоединением нескольких христианских предложений».

В среде этого же крестьянства, на верхнем Дунае, возникла и скоро осуществилась счастливая мысль изложить эти тезисы как основные права всего народа. Еще в марте печатные издания получили то заглавие, которым придунайские крестьяне присваивали себе значение всего немецкого крестьянства: «Истинные и справедливые тезисы всего крестьянского сословия и подвассалов духовных и светских властей, обиженных последними».

Вскоре после окончания войны, да еще и прежде, современники, пользовавшиеся наиболее достоверными сведениями, приписывали двенадцать тезисов Фоме Мюнцеру и говорили, что «тезисы были первоначально сочинены им». Однако их умеренный тон совсем не похож на тон Мюнцера. Умирая, он объявил, что никогда не был автором двенадцати тезисов. «Правда, — сознавался он, — в Гегау и Клеттгау я выписывал из евангелия некоторые положения относительно управления, но позднейшие, отсюда возникшие, тезисы были составлены другими». В то же время он, вынуждаемый под пыткою открыть составителей тезисов, показал, что «из нескольких тезисов, взволновавших его братьев и составленных неизвестными ему лицами, возникли двенадцать тезисов шварцвальдских и других крестьян» [1]. Очень может быть, что он с умыслом умолчал об имени составителя тезисов, которым, вероятно, был Генрих Пфейффер.

Деятельность Пфейффера в Мюльгаузене и все произведенные им здесь реформы отличаются умеренностью и благоразумием. Пфейффер, как даровитый писатель, очень искусно владел пером, в особенности, где нужно было убеждать; быть может, его тезисы были только распространены Мюнцером на верхнем Дунае. Шаппелер, меммингенский проповедник и как писатель, уважаемый многими, тоже объявил в глубокой старости, что не он был автором тезисов. Гейглин был обвинен в составлении крестьянских тезисов в Серпатингене, но так как эти тезисы имели совершенно местное значение, то они и были менее замечательны, чем двенадцать тезисов. Сочинителем этих последних мог быть майнцский сборщик податей Фридрих Вейганд; это предположение сделается особенно правдоподобным, если мы сравним его убеждения с характером самих тезисов; он мог переслать их в Верхнюю Швабию, точно так же как впоследствии он переслал в гейльброннский правительственный комитет целый ряд предложений, по своему значению весьма важных для народа. Недавно указывали и на Фуксштейнера, как на составителя двенадцати тезисов. Фуксштейнер находился тогда в Кауфберейне и слыл за «адвоката крестьян», баварское правительство считало его дельцом, писавшим жалобы крестьянам окрестных общин. «Мы думаем, что Фуксштейнер — автор тезисов», — писали в Мюнхен из Эглоффштейна. Разу-

[1] Показания Мюнцера.

меется, невероятно, чтобы Фуксштейнер оставался совершенно безучастен к делу составления тезисов, тем более, что в меммингенском же комитете эти знаменитые двенадцать тезисов обсуждались и редактировались на основании пфейфферо-мюнцерских и многих других, бывших тогда в ходу.

Их содержание и еще более тон, в котором они написаны, отличаются необыкновенною умеренностью. В них слышится голос людей, вовсе не желающих прибегать к насилиям революции или требовать полного равенства и безусловной свободы, а людей, желающих только указать властям и подданным путеводную нить, извлеченную из священного писания, которая тех и других может привести к полной безопасности и спокойствию. Народные желания изложены толковым языком; народ желает избавиться от всех старых и новых неправд и притеснений господ; это желание, само по себе совершенно справедливое, становится еще более справедливым в глазах народа, верующего, что за него стоит сама природа, что за него говорит и слово божие. От слов угнетенного человека веет духом кротости и миролюбия; он высказывает истинно христианское желание сохранить уважение к правам властей, добытым честным путем, и требовать для себя только тех уступок, которые одобряются божественною волею.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Гегаусцы и шварцвальдцы

Лесное (шварцвальдское) Евангелическое братство, одновременно с «двенадцатью тезисами» выпустило также письмо из «тезисов»; на нем отпечатлелся дух Мюнцера, который впоследствии и сам ссылался на него как на программу своей деятельности [1]. Вот что заключалось в этом письме [2].

«Так как в городах и селах духовные и светские господа обременяли бедный, простой народ всеми возможными тягостями вопреки божьей воле и всякой правде, тогда как бедняки не трогали и пальцем своих владетелей, господ, то отсюда ясно, что таких тягостей и неправд ни сносить, ни терпеть больше не следует; в противном случае, бедный простолюдин вместе с своими детьми вечно будет голодать и бродить с нищенским посохом. А потому настоящее христианское братство поставило себе целью освободиться с божьей помощью от претерпеваемых зол, освободиться,

[1] Допрос Мюнцера.

[2] Это письмо состоит из трех членов: 1) о светском отрешении, 2) о замках и монастырях и 3) о тех, которые оказывают помощь врагам христианского единения.

насколько возможно, без насилий и пролития крови, а это возможно, разумеется, только при братском единодушии во всех делах, касающихся пользы христиан и изложенных в прилагаемых здесь тезисах.

Поэтому, наша дружеская просьба, наше желание, наше братское стремление заключается в том, чтобы вы вошли с нами добровольно в христианское единение и братство для восстановления, поддержания и преумножения братской любви и общего благополучия всех христиан. Если вы так поступите, то исполните волю божию и святую его заповедь о любви к ближнему. Но если вы отвергнете наше желание, чего мы, однако, не ожидаем, то объявляем вам наше светское отрешение, и отрешение это не снимется с вас до тех пор, пока вы не откажетесь от вашего намерения и не вступите дружелюбно в христианское с нами единение.

1) Вот в чем заключается наше светское отрешение: вступившие в наше христианское братство должны поклясться своею честью и всем своим достоянием, что они будут избегать и уклоняться от всякого сообщества с людьми, не пожелавшими войти с нами в братское единение для общей пользы всех христиан; что они не станут с такими людьми ни есть, ни пить, ни молоть, ни печь, ни пахать, ни косить; что они не будут им ни доставлять, ни облегчать доставку пищи, питья, мяса, зерна, соли, дров или других каких жизненных припасов; что они не будут ничего покупать и ничего продавать им. Пусть они будут всеми оставлены, как отрезанные и мертвые члены, потому что они не только бесполезны, но даже вредны для пользы христианства и для земного мира. Пусть их никто не допускает продавать и покупать на рынке, пользоваться лесом, лугами, водой, если только они еще не успели завладеть всем этим силою; а кто из вступавших в наше единение нарушит это запрещение, пусть также будет исключен из нашего общества, пусть и он подвергнется тому же отрешению и вместе с женою и детьми будет выпровожен к упорствующим и несправедливым.

2) О замках, монастырях и священнических приходах.

Так как измена, насилие и несправедливость родились и возросли в замках, монастырях и священнических приходах, то все такие места подлежат с настоящего времени отрешению. Но где дворянство, монахи или попы добровольно откажутся от этих замков, монастырей или приходов, переселятся в обыкновенные дома, подобно другим богобоязненным людям, и согласятся войти в наше христианское единение, то такие лица, вместе со всем своим имуществом и стяжанием, должны быть нами дружелюбно и приветливо приняты; пусть всякий честно и нерушимо уважает все принадлежащее им, по божескому праву, без всяких ограничений.

3) О тех, которые скрывают, подстрекают и поддерживают врагов нашего христианского единения.

Также и тех, которые укрывают, подстрекают и поддерживают врагов христианского единения нужно миролюбиво

отклонять от такого поведения, но если они не перестанут упорствовать, то пусть без дальнейших рассуждений, будут подвергнуты светскому отрешению».

Эти тезисы появились в то самое время, когда Мюнцер действовал в Верхней Германии; они были приняты как манифест шварцвальдскими братьями: Мюнцер пробыл здесь с октября 1524 года до начала февраля 1525 года; вступив с верхнешвабскими поселянами в сношения и определив общий план действия, он возвратился в Тюрингию через Франконию, вниз по верхнему Дунаю.

Верхние швабы резко отличаются от нижних.

Трезвость религиозных воззрений составляет отличительную черту их характера. Эта-то трезвость предохраняла их от соблазнов мюнцерского энтузиазма. Порывистое движение вперед было не в их характере, и только оскорбительное высокомерие союзных господ вынудило их отважиться на то, к чему напрасно призывал их Мюнцер. В Верхней Швабии он оставил очень много своих эмиссаров и агентов, а на обратном пути он напечатал еще одно из самых увлекательных и резких воззваний, когда-либо выходивших из-под его пера. Быть может, это было только дальнейшее развитие его проповедей на евангельские тексты о том, «как должно управлять». Не раз заметив, что часть крестьян Верхней Швабии готова вступить или уже вступает в мирные соглашения с врагами, он написал одиннадцать пламенных положений, которыми старался побудить крестьян к осторожности и самохранению [1].

В этом сочинении он старался наглядно и отчетливо объяснять, как господа управляют и как они должны бы были управлять; что истинная христианская вера не допускает никакой власти человека над человеком, что только нехристиане могут признавать власти; далее, он обсуждал обязанности христианского правителя, будь то князь, папа или император, негодовал против безграничного, ничем не сдерживаемого произвола, которому, как ложной власти, никто не обязан повиноваться; далее, он рассматривает вопрос, какую власть надобно предпочесть — наследственную или избирательную, назначаемую на определенный срок народом; защищает права простолюдина на дичь в полях и лесах, затем переходит к праву общины смещать свои власти, признает необходимость этого права и говорит, каким образом община должна им пользоваться в отношении к господам. Право общины

[1] Выписываем заглавие: «Собранию всего крестьянства верхненемецкой нации и многих других мест, начавшего восстание, с объяснением, справедливо оно или нет, а также с указанием, что должны и чего не должны они делать по отношению к властям. Основано на священном писании и издано собраниями верхних земель, по надлежащем обсуждении». На заглавном листе помещена лубочная картина, представляющая колесо с надписью вверху и внизу: «Вот колесо счастья, один бог знает, кто в известное время и час очутится наверху: вот крестьяне, добрые слуги Христа, а вот приверженцы Рима (Romoiuiylin) и софисты».

Штробель, прибавление 11,1. Отрывок, стр. 44.

или волости лишать власти гнетущего ее господина, говорил он, я могу подтвердить многими свидетельствами божественного законодательства, которых не одолеют никакие врата адовы, вместе со всем их рыцарством! Затем он цитировал, в числе других более близкие к делу, но темные места библии (Ис., 1, 7, 8, 1, Тимоф., 5, 8, Деян. апост., 5, 34, 1, Коринф., 7, 22, 23, Матф., 7, 6, 12), и продолжал: «Скажу короче: те господа, которые в усладу своего сердца и по своему самодурству выдумывают новые произвольные предписания, — не говоря уже о произвольных налогах, податях и взятках, — заслуживают название настоящих грабителей и открытых врагов своей собственной родины. Если мы низвергнем всех этих Моавов, Агагов, Ахавов, Фаларисов и Неронов с их опозоренных тронов, мы угодим этим только господу, потому что писание называет их не слугами божиими, а змеями, драконами и волками». Затем он опять принимается объяснять смысл восстания и толкует, кто собственно заслуживает ругательное прозвание бунтовщика. В заключение он убеждал крестьян быть твердыми, крепко держаться своего намерения и не поддаваться ни увещаниям, ни угрозам. Чтобы подействовать на них сильнее, он нарисовал им картину всех тех бедствий и ужасов, которые неминуемо на них обрушатся, если они изменят своему собственному делу. «Если вы проиграете его, — взывал он, — великие несчастия и беспощадные казни разразятся над вами и всеми вашими собратиями. О, горе вашим детям, если вы оставите им свое горькое отцовское наследие. Если вы теперь обязаны отбывать барщину с заступами, лопатами и лошадьми, то ваших детей самих запрягут в бороны; если до сих пор вы могли огораживать ваше имущество заборами для защиты от хищных зверей, то теперь вас принудят оставлять свое добро на произвол хищников и грабителей; если прежде вам выкалывали глаза, то теперь станут сажать самих на колья. До сих пор вы были крепостными людьми, а тогда сделаетесь полными рабами, не будете иметь никакой собственности, ни тела, ни хлеба. С вами будут обходиться, как с турками, вас станут продавать, как лошадей или рогатую скотину. Малейший знак вашего неудовольствия повлечет за собой пытки, истязания, и всем этим ужасам не будет ни меры, ни конца. Как самых преступных изменников, вас станут таскать в замки, станут пытать всякими орудиями — кого сечь розгами, кому выжигать щеки, рубить пальцы, отрезывать язык, кого четвертовать и обезглавливать». Вслед за тем, он старается поддержать бодрость крестьян, напоминая им о древнем предсказании, которое, по его словам, «скоро должно исполниться». «Нам нельзя ждать пощады; высокомерное насилие властей не уймется до тех пор, пока не исполнится древнее пророчество, которое говорит, что корова, зарытая на Лебяжьей горе, во франкской земле, встанет и так зычно промычит, что ее услышат во всей Швейцарии. Может быть, это предсказание вовсе не шутка; оно исполнится нам во благо». Это воззвание было напечатано в Нюрен-

берге [1]; в каждом его слове проглядывает мюнцеровский стиль. В конце сочинения он бросает в лицо аристократа следующий насмешливый вызов: «Поспеши, побежи поскорей, кривоногий!»

Мюнцер был положительно убежден в успехе своего дела. Он видел собственными глазами слабость разных крупных и мелких владельцев, видел, как мало они приготовлены к борьбе, видел всю шаткость, беспомощность и затруднительность их положения. Особенно сильно струсили и приуныли мелкие владельцы [2]. Он видел, как быстро разливалось возмущение от одной местности к другой; в Средней Германии дружно работали вожатые движения, повсюду произносились проповеди и печатались воззвания к народу; даже денежные обещания были употребляемы как средство для привлечения к оружию простолюдинов. Деньги сделали то, чего не могли сделать страх или добрая воля.

Эйтель Ганс Цигельмюллер, главный начальник отряда, образовавшегося у озера, выезжал, как какой-нибудь великий полководец, окруженный многочисленной свитой; подобно ему Ганс Мюллер из Бульгенбаха, шварцвальдский предводитель, любил щегольнуть торжественностью внешней обстановки; на нем был красный плащ, голова его украшалась красной шапкой с перьями, а за ним колесница, разукрашенная зелеными венками и лентами, везла начальническое и революционное знамена. Впереди его ехал разодетый герольд с печатным манифестом и двенадцатью тезисами. Герольд этот громким голосом призывал общины к оружию и читал тезисы. Таким образом разъезжал Ганс Мюллер по Шварцвальду; с первыми весенними днями шварцвальдцы взялись за оружие, а одновременно с ними также и гегаусцы. Уже 9 апреля сводный отряд гегауских крестьян, которым командовал теперь Ганс Бэнклер, соединился с большим сводным отрядом из фюрстенбергских владений, из Барра, из Клеттгау и Шварцвальда. Соединение произошло в Бандорфе. При выходе сводного отряда из Бандорфа в нем насчитывалось не более 4 000 человек. Оттуда, минуя на пути Леффинген, он отправился в Дэкинген. Пфоргейм, Бройнлинген и Гюфинген отворили ему свои ворота, последний 13 апреля; здесь начальник оставил гарнизон; отправил в Филлинген возмутительное письмо и разделил свой, теперь довольно многочисленный, отряд на несколько самостоятельных отрядов, которые быстро и последовательно завладели замками Альтфюрстенбургом, Донаухшингеном, Лупфеном и Вартенбергом, забирая оттуда лучшее оружие; города Меринген и Гэйссинген также были взяты, а Лах

[1] *Штробель*, в прибавлении, т. II, 1 отрывок, стр. 45.

[2] Крестьяне видели, что все без исключения господа, даже самые надменные мучители и кровопийцы угнетенного сословия, подчиняясь паническому ужасу, всюду бегали или старались умилостивить своих врагов; самые отважные дворянчики, из которых прежде один вызывался сдуть с щепоткой перцу десять крестьян, теперь вдесятером боялись встретиться с одним крестьянином. *Ансельм*, VI, 283. «Господа и дворянчики из львов поделались зайцами»; там же, 285. Так выражается современник, владелец и аристократ, хотя и швейцарец родом.

и Энген сами отворили им свои ворота. Во всех забранных укреплениях Ганс Мюллер разместил крестьянские гарнизоны, сам же повернул к Радольфцелю, где находились австрийские комиссары из Энзисгейма, Инсбрука и Штутгарта и множество гегауских дворянских фамилий, укрывшихся там с своим имуществом. Радольфцель был со всех сторон обложен отрядом Ганса Мюллера; эта крепость, облегчавшая сношения с Швейцарией, имела важное значение для крестьян. Впрочем, крестьяне еще медлили приступить к правильной осаде, они только отрезали всякий подвоз к городу, захватывали даже суда на озере, шедшие из Констанца, и опустошали окрестности города [1].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Крестьяне в Рисе и Аншпахской области

Из ульмских земель и графства Бургау движение разлилось по Гертфельду, Аальбуху, Рису и Мюлгау. В двух последних местностях лежали владения графов фон Эттинген, имперских городов Нердлингена и Бопфингена и целый ряд монастырских угодий. Немецкий орден также имел здесь свои земли. В местечке Эллингене, принадлежавшем к Франкскому округу Немецкого ордена, уже в 1524 году поселяне жаловались на обременительную полевую барщину и требовали от ландкомтура, по крайней мере, половинной платы против поденного заработка наемного жнеца. Ландкомтур, думая, что согласиться на такое требование значит поощрять своеволие, отказал поселянам. Неудовольствие сельского класса, тогда еще остававшегося спокойным, проявилось в следующем году. Все окрестные поселяне пришли в движение, средоточием которого сделался имперский город Нердлинген.

Еще прежде в этот город проникло новое учение, и даже в среде городского сословия стали бродить новые идеи. Его жители возбудили и направили восстания поселян в Рисе [2].

Крестьяне уже образовали по соседству два лагеря; один отряд занял позицию на высокой горе Ипфе, между Бонфингеном и Нердлингеном, а другой сводный отряд расположился по ту сторону Нердлингена в деревне Реннингене.

В обоих сводных отрядах участвовали преимущественно подданные имперского аббатства Нересгейма и графов фон Эттинген. Граф Людвиг XV фон Эттинген пользовался репутациею доброго господина. Уже давно он принял к своему двору, в качестве домопра-

[1] Рукопись Зейдлера; филлингенская хроника, также в рукописи.
[2] Архив Нердлингена.

вителя и воспитателя своего сына Вольфганга, кармелитского монаха Мартина Монингера, прогнанного из монастыря за приверженность к новому евангелическому учению.

Когда Швабский союз призвал своих членов вместе с их контингентами к войне против герцога Ульриха и крестьян, граф Людвиг также отправился в поход, сопровождаемый Монингером в качестве полкового проповедника. Но в то же время Монингер был обвинен перед главнокомандующим союза Георгом Трухзесом в ереси и мятежничестве. Обвиненный был предан военному суду. При частых допросах проповедник обнаружил столько душевной смелости, что удивил многих из своих судей; но эта же самая смелость до того распалила ярость всех остальных членов суда, что они присудили его к виселице. Тогда поднялся старый рыцарь из благородного дома Штайнов и смело объявил, что учение и убеждения Монингера вовсе не так предосудительны, как думают и как их представляют. Это произвело свое действие, и Монингера освободили [1].

Очень вероятно, что Монингер был любимым проповедником эттингенских крестьян, что многие из них были сильно раздражены оскорбительным обращением с ним, вину которого они сваливали на графа фон Эттинген. Не раз случалось, что суровые меры против народных проповедников давали крестьянам повод к восстанию или поддерживали его. Сами эттингенские поселяне объявили, что они собрались во имя святого евангелия, вынужденные крайнею необходимостью защищать слово божие и освободить себя от невыносимых тягостей и притеснений властей [2].

Двадцать седьмого марта, близ деревни Дейнингена, между Нердлингеном и Эттингеном, уже до 1 500 человек стояли лагерем; пять дней спустя число их возросло до 8 000. Даже два бургомистра из Эттингена приехали к Дейнингену, чтобы пригласить крестьян в свой город: только приходите, говорили они, а мы с удовольствием отворим вам ворота. Но вожатые крестьян расположились в Нердлингене, и крестьяне входили в этот город и выходили из него без всяких стеснений.

В доме Бальтазара Глазера, по ремеслу кошелечного и сумочного мастера, сходились коноводы крестьян и городские заговорщики; здесь же, вечером 31 марта, они единодушно постановили «напасть на монастыри и священнические дома, завладеть имуществом духовенства, всех монахов и попов выгнать из города, а всех господ — из Риса, присоединить Рис к городу Нердлингену и самим зажить господами» [3].

Главную роль в городских народных смутах играл некто Антон Форнер — человек хорошо знакомый с военным делом, занимавший самые видные городские должности и бывший в то время

[1] Жизнь Цинделя, жизнеописание Мартина Монингера у Георга Уффоренгейма, Часы досуга, II, 731—735.

[2] По достоверным источникам Нердлингенского архива.

[3] Нердлингенский архив.

вторым бургомистром. В доме Глазера [1] сочинялись и распевались песни, в которых осмеивался Швабский союз и восхвалялось крестьянство. Антон Форнер зазвал к себе в дом сочинителя песен, угощал его и даже сам состряпал несколько едких стишков «в посрамление союза». Бальтазар Глазер и Антон Форнер до того времени не долюбливали друг друга, но теперь обстоятельства и общие цели сблизили их. Во время движения в Лангенау особенно отличалась одна женщина, вероятно жена Ганса Циглера. В Лейпгейме женщины принимали почти такое же участие в восстании, как и мужчины [2]. В Нердлингене жена Антона Форнера вела самые тайные интриги мятежа, сзывала собрания, туда и сюда рассылала письма, подстрекавшие народ к восстанию, публично поносила городской совет и хвалилась, что «мятеж вспыхнет, чуть только она шевельнет пальцем» [3].

Этой женщине удалось вместе с мужем и его приятелями в ночь на 1 апреля возбудить народное восстание в городе. На следующее утро, когда мятежники еще спали или боязливо скрывались от достопочтенного совета, Форнер был арестован. Но в ночь на 4 апреля жена арестованного, соединившись с горожанами, освободила его из тюрьмы. Форнер был выбран первым бургомистром, прежний бургомистр Фестнер потерял свое место, а крестьянам, расположенным у Дейнингена, горожане поручили передать, что, в случае надобности, четвертая часть горожан присоединится к ним со всем городским оружием [4].

Теперь Антон Форнер начал царить с властью неограниченного бургомистра; в большой и малый советы были приняты многие члены из народной партии. В этом обновленном и окрепшем совете проведено было насильственно много мер к ограничению аристократии. Господа жаловались, что их вынуждали к принятию тезисов, оскорбительных для их чести. Письма городского секретаря, отправленные им в Ульм, были перехвачены и распечатаны. Люди, стоявшие во главе движения, хотели его отдать под суд как изменника народному делу. Его собственные приятели и родственники засадили его в башню, однако не могли убедить городскую общину действовать по всей строгости законов, так как в перехваченных письмах не имелось против него достаточных улик. Но при своем освобождении он был вынужден дать клятвенное обещание — в продолжение всей жизни никому не мстить за все, им вытерпенное.

Крестьяне оказывали Форнеру особенное доверие. Из своего лагеря у Дейнингена они отправили в Нердлинген письменное воззвание, в котором было сказано: «Мы уверены, что наши мудрые, возлюбленные и милосердные господа, друзья и братья в Нердлингене искренно держатся слова божия. Так как мы все, поселяне,

[1] Там сосредоточивались главнейшие интриги (Praktik) мятежа.
[2] Ульмский архив.
[3] Нердлингенский архив.
[4] Письменный отзыв графа Людвига фон Эттингена от 4 апреля.

находящиеся у Нердлингена, должны оставаться в постоянном сборе и при этом терпим большие недостатки в провианте, ружьях и многом другом, то да позволено нам будет просить у нердлингенских жителей братской помощи и присылки нам всего необходимого. Мы надеемся также на их участие в нашем, во имя божие, начатом предприятии». Антон Форнер хлопотал в совете об отправлении к крестьянам денег, хлеба и дров. Еще в ночь восстания, затеянного женой Форнера и Бальтазаром Глазером, Форнер тотчас после своего освобождения приказал отпереть арсенал, чтобы из него снабдить крестьян орудиями. Однако пушки не были им отправлены. В день возмущения, когда изменился личный состав совета, Антон Форнер был расположен к самым крайним мерам; часто, замешавшись в толпу горожан, он поднимал глаза к небу, бил себя в грудь и, когда до него доходила очередь слова, с жаром начинал доказывать необходимость кровопролития. В заседании большого совета он смело предложил созвать в Нердлингене сейм городов, так как крестьяне просили, чтобы ближайшие окрестные города вступили во взаимные объяснения и переговоры относительно народного дела. Когда Форнеру возражали, что право сзывать сеймы городов принадлежало одному Ульму, он пришел в страшное негодование. Он хотел также, чтобы представители Нердлингена посетили крестьянский сейм в Виндсгейме и чтобы Нердлинген сообща с некоторыми другими городами действовали в интересах крестьян.

С крестьянами Форнер не прерывал тайных сношений. Говорили даже, что он ездил в Дейнинген и обратно в сопровождении сорока крестьянских военачальников; что во время стоянки крестьян лагерем их предводители и советники имели к нему совершенно свободный доступ; ходила даже молва, будто он особенно доброжелательствовал людям, поносившим императора и Швабский союз; будто таких людей он называл своими лучшими друзьями и оказывал им всякое покровительство. Случилось ему даже проговориться, что если бы судьба сделала его крестьянским предводителем, то он набрал бы в Швабии и Франконии целую сотню тысяч народных повстанцев и расплющил бы пуговицу, так называл он Швабский союз. Если верить ходившим тогда слухам, крестьяне, с которыми он вступил в переговоры, предлагали ему 1 000 гульденов месячного жалованья, если он согласится только быть их воеводою [1].

Но благодаря враждебным влияниям переговоры эти остались без всяких последствий.

Чем грознее становилась туча возмущения, тем ревностнее хлопотало имперское правительство и города об успокоении крестьян путем мирных соглашений.

На второй неделе апреля послы имперского правительства и все приозерные города затеяли новые безуспешные переговоры

[1] По актам Нердлингенского архива.

со сводными отрядами, собравшимися в Альгау, у озера и в Рисе [1]. В то же время послы городов Аугсбурга, Динкельсбюля, Верта и Нердлингена переговаривались с крестьянами в Рисе.

Крестьяне предложили своим господам, графам фон Эттинген, такого рода условия: пусть господа освободят их от всякой крепостной зависимости и других тягостей, а они, крестьяне, в виде вознаграждения на эти уступки овладеют всеми духовными имениями в Рисе и предоставят их потом в полное распоряжение графов.

Как в Верхней Швабии, так и здесь крестьяне питали несравненно большую ненависть к духовным господам, нежели к светским, и в этой ненависти к духовенству они вполне сходились с знатью Франконии. Эта знать до того ненавидела духовенство, что в 1520 году к статутам благородного Франкского союза, направленного против папы и духовных, было, между прочим, присоединено такое решение: каждый франкский дворянин обязан считать все римское духовенство — от кардинала до последнего попа — орудием дьявола, каждому нищенствующему монаху, попросившему кусочек сыра, дворянин обязан бросить камень и в свой дом не должен впускать ни одного монаха; если бы нечаянно случилось, что монах вошел в дом, то его следует немедленно выгнать и замести след метлою [2].

Города разделяли эту ненависть, и Антон Форнер, считавший равно вредными и светских владетелей и прелатов, все-таки был главным виновником предложения крестьян о завладении духовными имениями в пользу графов фон Эттинген.

Дело это показалось графам не столько невозможным, сколько опасным. Затем города-посредники предложили соглашение такого рода: вражда, до сих пор разделявшая господ с их крестьянами, должна быть предана забвению. Оба сословия обязаны выбрать от двух до четырех честных, ничем незапятнанных и рассудительных представителей, и пусть эти представители с их помощниками, число которых с обеих сторон должно быть одинаково, миролюбиво решают всякие взаимные распри и несогласия. Все, что они постановят единодушно или большинством голосов, должно быть обязательно для обеих сторон; при равенстве голосов избирается беспристрастный вершитель и, что он повершит, тому и быть следует. Заседание этого мирового или третейского суда было назначено на 21 апреля, и именно в Динкельсбюле, Донауверте или Нердлингене; для приведения в исполнение его постановлений назначен годичный срок; до истечения этого срока крестьяне обязывались делать все, что заведено испокон века [3].

Эти договорные статьи были изготовлены 7 апреля, и крестьянам давалось пять дней сроку на их обсуждение; большинство

[1] Эслингенский архив.

[2] Рукопись 1520 г., напечатанная во франкских провинциальных листках, 1803, стр. 93.

[3] Подлинник договора в собрании прелата Шмида.

приняло этот договор, и 12 апреля крестьяне, оставивши лагерь, рассеялись по своим хижинам.

Поспешность крестьян в этом деле объясняется тем обстоятельством, что в Нердлингене большинство населения опять стало на сторону городских интересов, изменив крестьянским. В несколько дней нердлингенские горожане уже совершенно остыли и успокоились.

Горожане Нердлингена в ответ на послание крестьян обещали снабдить их оружием и жизненными припасами, однако они не дали ни того, ни другого. Они не устояли против хитростей духовенства. Четыре прелата из окрестностей укрылись в Нердлингене с своим имуществом и большими запасами зернового хлеба. При этом они поднесли в дар общине несколько сот кулей ржи; горожане успокоились и приняли под свое покровительство как прелатов, так и имущество их. Десятого апреля при мюнхенском дворе уже говорили, что волнения в Нердлингене почти прекратились. Несколько кулей ржи, писал Пферсфельдер, почти успокоили общину. Таким образом партия Форнера рассеялась. «Зачем вы не оставались в лагере? — спрашивал сердито один из форнеристов, нердлингенский трактирщик, пировавшего у него крестьянина. — Хоть бы подождали возвращения из Швабского союза послов от четырех городов; те бы, верно, привезли вам какое-нибудь хорошее решение». «Эх, хозяин, — отозвался крестьянин, — кабы вы да другие исполнили данное нам обещание, мы бы, пожалуй, пообождали и долее. Голод и нищета — плохие союзники. Да если бы у обеих ворот нашего укрепленного лагеря стояли пять тысяч ландскнехтов с направленными в нас копьями, то и они не могли бы удержать нас в поле».

12 апреля, прежде чем крестьяне разбежались из своего лагеря, один из них закричал: «Господи, избави нас от этой войны, а другой мы уж и сами не начнем!»[1] Многие с ним совершенно согласились.

Во время отступления крестьян от Дейнингена нердлингенский совет поручил бургомистру Антону Форнеру вместе с двумя другими членами совета отправиться к реймлингской заставе с строжайшим приказанием никого из крестьян не впускать в город. Однако Форнер впустил тайно зачинщиков волнения, «самых негодных крестьян», и между ними крестьянского старшину. И с ними-то бургомистр вступил в переговоры относительно ближайшго будущего [2].

Форнеру хотелось завязать тесные сношения между Нердлингеном и Виндсгеймом, где уже целый месяц продолжались волнения среди горожан и сельского сословия. В этом вольном имперском городе, расположенном среди плодоносной долины реки Айша, Фома Аппель давно уже проповедывал в духе нового уче-

[1] Донесение Пферсфельдера в Мюнхен от 17 апреля 1525 года, Иерг, 123.
[2] Нердлингенский архив.

ния. Но резкость и свобода его слова, которым он, подобно Эберлину, Лютеру и Мюнцеру, с одинаковой беспощадностью изобличал как сильных, так и слабых, не понравились ни совету, ни горожанам. Господа совета ясно видели, что свобода народной печати и публичной речи — это дитя нового времени, так быстро подросшее в последние годы, — имели большое влияние на стремления и взгляды народа. Совет отставил смелых проповедников, но уже 24 февраля всюду раздавался ропот народного неудовольствия и неодобрения. А когда в праздник благовещения, 25 марта, в городе не раздавался голос ни одного проповедника, неодобрение перешло в волнение. На рынке собралась толпа ремесленников и десять из них отправились в ратушу, где в то время заседали господа. Ремесленники вызвали к себе бургомистра Себастиана Гагельштейна и, как бы говоря от имени всего городского сословия, потребовали от него объяснений. Община имела много причин быть недовольною как духовным, так и светским управлением; она протестовала против удаления своего любимого проповедника, против стеснения слова божия, против чрезмерных налогов и самоуправства некоторых фамилий. «У нас, — говорили ремесленники, — заседает в ратуше совет только родственников: все господа совета приходятся один другому либо кумом, либо сватом».

Напрасно бургомистр употреблял все свои усилия, чтобы умиротворить их; ни они, ни община не хотели успокоиться. Между тем распространилась молва, будто три тысячи защитников союза готовятся разгромить общину. Вечером горожане засуетились, и все население, вооруженное с головы до ног, высыпало на рынок. Отряды горожан завладели ключами от ворот города, стража была обезоружена, ратуша взята приступом, склад оружия разметан и горожане принялись усердно выбрасывать копья, алебарды, брони на рыночную площадь; кто еще не был вооружен — вооружался, а, между тем, около получаса гудел звон набатного колокола. Граждане выбрали своим главным предводителем Эвхария Гутера и в каждый городской квартал поставили по выборному начальнику. Главный предводитель немедленно постановил: что всякий, без причины занесший руку на кого бы то ни было, должен быть казнен смертью. Всю ночь граждане провели настороже и только на следующий день овладели пушками и башнями. Никто не допускался в город без предварительного осмотра. Двадцать восьмого марта из Нюренберга явились посредники мира, которым и удалось прекратить ссору совета с горожанами на следующем условии: личный состав совета должен быть изменен, а подати должны быть понижены.

Еще горожане Виндсгейма стояли против совета с оружием в руках, когда 27 марта поднялись крестьяне в окрестностях того же города. Крестьяне просили горожан соединиться с ними; Виндсгейм при всей своей незначительности мог бы служить для них надежным убежищем благодаря своим хорошим оборонитель-

ным средствам, которые и теперь позволили общине одержать победу над господами. Но предусмотрительный нюренбергский совет прислал в Виндсгейм убедительное послание, в котором старался отклонить горожан от подобного соединения; посольство совета, явившееся с этим документом, не преминуло пустить в ход предостережения и угрозы для того, чтобы побудить виндсгеймцев отказать крестьянам [1]. Другой сводный отряд крестьян еще в середине марта расположился двумя лагерями близ Вейльтингена и Гессельберга. В бранденбурго-аншпахском маркграфстве новое учение с самого начала проповедывалось свободно и безбоязненно. Но владетельные князья этой франко-бранденбургской местности пристали к новому учению скорей из политических видов, чем по внутреннему убеждению. Они вовсе не думали о первой обязанности всякого евангелического князя поступать с своими подданными в духе христианской кротости и исподволь подготовлять для них то положение, которое удовлетворяло бы требованиям христианского общежития. Уже весною 1524 года среди франко-бранденбургского населения стали проявляться довольно серьезные симптомы волнения. Беспорядки в Поппенрэйте, близ Нюренберга, сборища крестьян у Форхгейма, во владениях бамбергского епископа, в мае 1524 года распространились и в аншпахских владениях. Потому когда аншпахское правительство протянуло епископу руку помощи и послало в Бомберг войска для подавления восстания, то оно действовало не столько из сочувствия к епископу, сколько из видов собственной безопасности [2].

Франко-бранденбургской областью, именно княжествами Байрэйтским и Аншпахским, управлял тогда маркграф Казимир с своим братом Георгом. Отец его маркграф Фридрих IV находился в это время уже 12 лет в томительном заключении в одной из башен плассенбургской крепости; ему не давали даже зеркала, чтобы он не мог видеть свое лицо, обезображенное горем. Растратив все свое имущество при дворе Максимилиана, он наделал множество долгов и кончил ипохондрией. Сын его Казимир с своими двумя младшими братьями напал на сонного больного отца, принудил старика подписать свое отречение, засадил его в Плассенбург и распустил слух через нищенствующих монахов, будто его родитель сошел с ума и потому опасен для народа. Народ поверил на-слово; рыцарство было подкуплено, и Казимир стал править страною, взяв к себе в соправители — впрочем, только для виду — и своих двух братьев.

Поступки Казимира с отцом достаточно характеризуют этого человека. Он был умен и считался весьма тонким политиком. Дворянство его стесняло, и он задумал подчинить его совершенно своей воле. Чтобы не нуждаться в его помощи, он стал с 1520 года набирать по жребию из каждого города и сельской общины опре-

[1] Реляция Мюльнера; виндсгеймская хроника в рукописи.

[2] Акты крестьянской войны в Аншпахском архиве, X томов, 2374 нумера, в извлечении у прелата Шмида, собрание 1, № 15—19.

деленное число способных к оружию людей, одевал их по одному образцу — в черные и белые кафтаны, — вооружал и обучал их под руководством опытных офицеров. Каждый солдат обязан был послужить месяц и потом отпускался до следующей очереди. Содержание войска возлагалось на общины. Таким образом, вскоре он составил себе порядочное войско, весьма хорошо обученное и притом очень дешево ему стоившее. Двор его походил на герцогский двор Ульриха Вюртембергского; придворная роскошь возрастала с каждым днем, и с каждым днем все тяжелее и тяжелее становилось угнетение его подданных.

Когда крестьяне собрались для совещаний у Гессельберга, Казимир написал 18 марта трем графам фон Эттинген—Вольфгангу, Людвигу и Мартину, чтобы они соединились с ним против мятежных крестьян. Графы не заставили себя долго просить. Кавалерийский отряд их напал на крестьян и часть их переколол, часть разогнал [1]. Маркграф радовался, что дело было так легко покончено и не делал никаких дальнейших расследований. Эта стычка имела для него важное значение; он воспользовался ею против Швабского союза.

Вместо того чтобы выслать ему и свою долю денежного сбора, маркграф объявил, что так как в его владениях уже возникли беспорядки, то денег давать союзу он не будет; в то же время он отзывал из союзных войск и свой военный контингент и даже сам просил помощи у союза, но союз, вместо просимой помощи, присылал к маркграфу настойчивые требования выплатить как можно скорее две трети денежного взноса [2]. На самом деле Казимир очень хорошо понимал, что помощь союза была ему решительно не нужна, потому что он сам даже обещал свою помощь городу Роттенбургу на Таубере против его мятежных крестьян [3]. Скоро, однако, дела приняли, как оказалось, совершенно иной оборот. Из Эттингена извещали его, что в Рисе крестьяне повсеместно бунтовались; то же самое писали ему и поверенные в Вальде и Лидвахе; Комбургский капитул от 2 апреля уведомлял, что крестьяне в Гебзаттеле благоприятно приняли предложение пристать к мятежникам. Вольф фон Алецгейн писал от 3 апреля из Вахбаха, что его крестьяне не взбунтовались и что он вынужден был вступить с ними в сделку; граф Людвиг фон Эттинген писал от 4 апреля о народном восстании в Нердлингене, и в тот же день Казимир узнал, что крестьяне на Альтмюле взбунтовались против епископа Эйхштэдтского по случаю нового налога; 5-го числа того же месяца вюрцбургский домпробст маркграф Фридрих прислал просить у Казимира, своего брата, убежища, так как оставаться в Вюрцбурге было не совсем благоразумно; 6-го числа, поверенный маркграфа Эбергард Гейер извещал о восстании в Уфенгейме, а 7-го герцог Людвиг Баварский уведомлял его о беспорядках, начавшихся в его владениях.

[1] Аншпахский архив, I, 22, 25.
[2] Там же, II, 48, 49.
[3] Там же, I, 27, под 25 марта.

Казимир приглашал в конце марта соседних князей на совещание в Нейтштадт на реке Айше. Явилось несколько уполномоченных. Он созвал вторично совещание 4 и, в третий раз, 11 апреля. Но вследствие повсюду поднявшихся смут и затруднительных путей сообщения на совещания приехали только члены советов из Вюрцбурга, Эйхштэдта и Бранденбурга. Князья, владения которых находились вне округа Франконии, не явились на приглашение, извиняясь невозможностью устроить правильное совещание. Бамбергский епископ вместо уполномоченного прислал уведомление о народном мятеже, вспыхнувшем в его резиденции. Казимиру собственно хотелось на совещании уговорить князей к собранию денежных субсидий для войны с крестьянами; он сам предполагал вести эту войну от имени князей. Кто вышлет меньше войска, говорил он, тот должен дать больше денег. Однако ни откуда не видно, чтобы советники князей имели полномочие вступать в такого рода переговоры [1].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Бамбергцы и их епископ

Бамбергский городской мятеж, о котором епископ извещал от 12 апреля маркграфа Казимира, скоро превратился в восстание всего епископства. В описываемое время, на епископской кафедре сидел Вейганд фон Редвиц. Епископство это разбогатело еще в отдаленную эпоху императора Генриха Святого и, подобно эберсбургскому и майнцскому дворам, представляло в последние годы, при умном Георге III, происходившем из владетельной лимбургской фамилии, надежное убежище новому учению, гонимому тогда в Германии. Здесь жил когда-то Ульрих Гуттен, здесь были радушно приняты многие поборники нового учения, здесь многие храбрые рыцари явились жаркими защитниками евангелических принципов; во многих здешних приходах уже давно раздавались проповеди в духе новых религиозных мнений. Когда умер Георг III, в 1522 году, все изменилось. Не задолго перед своим избранием Вейганд фон Редвиц совершил богомольное путешествие в Иерусалим. Теперь прежние советники были удалены или сами удалились. Народ много терпел в продолжение пятисот лет под управлением роскошно живших духовных господ, больших и мелких; но Георг III, при всей своей расточительности, был любим, тогда как мрачный Вейганд приобрел одну ненависть.

Когда маркграф Казимир обращался к Швабскому союзу с просьбою о помощи против мятежных крестьян, союз поручил

[1] Аншпахский архив, I, 31, 50; IV, 2—17; VIII, 4.

бамбергскому епископу послать маркграфу третью часть бамбергского союзного контингента.

Епископ, который не мог набрать столько кавалерии из своих придворных и слуг своих чиновников обратился к рыцарству, желая войти с ним в соглашение насчет требуемого контингента.

Кроме того, еще два проповедника нового учения, именно Иоганн Швангейзер и кармелитский монах Евхариус, проповедывали в духе евангельского учения в Бамберге. Ум и ученость первого из них и то неограниченное сочувствие, которым он пользовался в народе, удержали его в городе, хотя это было весьма неприятно епископу. Как раз в тот же вторник, когда епископ обратился к рыцарству с просьбою о помощи, была объявлена проповедь Швангейзера. Случайно воззвание епископа, обращенное к рыцарству, попалось в руки одного из ревностнейших приверженцев Швангейзера; он сообщил о нем другим, и они, не ясно поняв его содержание, вообразили, будто замышляется нападение на приверженцев евангелического учения. И вот между готовившимися отправиться в церковь св. Гангольфа, где проповедывал Швангейзер, распространился слух, будто епископ желает, чтобы на них напало рыцарство в то время, когда они соберутся на проповедь. Утром 11 апреля, между восемью и девятью часами, сторонники Швангейзера собрались на торговой площади и единодушно решили не впускать в город рыцарство и их рейтаров; Ганс Нейдорфер ударил в набат, а другие поспешили запереть городские ворота; граждане вооружились и выбрали из своей среды предводителей. Городской совет, испуганный этим неожиданным волнением, донес обо всем епископу; епископ объявил гражданам через трех преданнейших советников, что он согласен удовлетворить всем их справедливым жалобам, о которых они заявят. Народ, или, вернее, партия движения не доверяла обещаниям епископа и старалась, по возможности, усилить себя. Она заставила всех граждан принести торжественную присягу в верности; кто отказывался, того принуждали силою; депутаты от граждан отправились по соседним селам, требуя от них помощи и поддержки. Епископ убежал из города, и вслед за ним большинство его приближенных, в старый укрепленный замок Альтенбург, который, однако, не имел ни защитников, ни продовольствия. Тот факт, что епископ не успел укрепить даже и это убежище, ясно доказывает, как неожиданно было для него народное восстание. В замке почти никого не было, за исключением фогта, рассыльного, сторожа башни, привратника, слуги и повара; что же касается съестных припасов, то их и совсем не имелось: прежде их доставляли в замок из города, теперь же город был со всех сторон оцеплен гражданами. Воззвание к селам на следующий же день привело в город тысячи крестьян, которых граждане старались вооружить и подготовить к обороне на случай, если бы князья и господа решились сделать на них нападение. Улицы были оцеплены; воздвигнуты барьеры; кругом вырыты глубокие рвы; дороги и тропинки

уничтожены. Все без различия должны были работать и нести положенную службу: и дворяне, и знатное духовенство, как ни неприятно это им было, отбывали урочную работу и дежурили у рва и ворот, как самые последние граждане. Всем заправлял выбранный комитет из горожан и поселян, заседавший в ратуше. Епископ обратился с просьбой о помощи к соседним князьям и к Швабскому союзу. Вюрцбургский, бранденбургский и эйхштэдтский советы, собравшиеся в Нейштадте, подали ему надежду на помощь, но им и в своих-то собственных владениях много было работы. Швабский союз извинился невозможностью поддержать его в настоящую минуту [1]. Покинутый на произвол судьбы князьями и господами епископ, удалившийся в Альтенбург, увидел себя вынужденным принять приглашение выборных. Под их надежной охраной он в великий четверг снова возвратился в город, намереваясь дружелюбными переговорами положить конец недоразумениям, возникшим между ним и народом. На уступки он готов был заранее.

У Кармелитского монастыря его встретил вооруженный отряд народа, и несколько человек из этой толпы обратились к нему с просьбой снять с народа тяжелые повинности, а главное конфисковать имения, принадлежащие дворянам и духовным; мы хотим, заключили они, иметь одного только епископа господином и владыкой. Г. Вейганд, пораженный этим требованием, старался от него уклониться, как только умел: без суда, отвечал он, я не властен конфисковать чье бы то ни было имение. Тогда лица крестьян и горожан приняли угрожающее выражение; недалеко от себя епископ услыхал щелкание взводимых курков; сопровождаемый выстрелами, он поехал далее. Во дворе замка он был встречен отрядом горожан, одетых в латы, и с ними направился к рынку; здесь все имело военный вид. Он видел граждан, способных носить оружие, из всех городов своего епископства, тесно сплоченными в ряды, в полном вооружении. Епископ обратился к ним с самой дружелюбной речью, на которую ему отвечали только одно: в ратуше выборные будут вести с ним переговоры. Проводники повели его далее по длинной улице, в которой стояли рядами вооруженные крестьяне со всех сел округа. Среди них он должен был итти до самой ратуши. Здесь ему снова было заявлено то же самое предложение, которое он должен был выслушать у Кармелитского монастыря.

Выборные объяснили ему, что они только его одного намерены признавать своим господином. Все имения дворян и духовенства должны быть конфискованы в пользу страны, и замки последних должны быть разрушены, потому что они в высшей степени опасны свободе и собственности горожан и крестьян; иначе никаким образом невозможно успокоить простой народ. Епископ возразил, что удовлетворение этим требованиям нарушает порядок вещей, установленный императором, и противоречит праву

[1] Аншпахский архив, I, 50, 51, 53, 54.

и справедливости; что потому он не может и не хочет решиться на подобное дело. Выборные просили, даже угрожали, но епископ твердо стоял на том, что таких уступок никогда не сделает. Таким образом, это свидание осталось без последствий, и общее спокойствие не было восстановлено; выборные отпустили епископа под стражею обратно в Альтенбург, а народ стал думать о том, как бы собственной властью, без всякого посредничества, привести в исполнение свое решение относительно имений духовных господ. До сих пор сотни дворян, в звании каноников и слуг епископа, не участвуя в трудах и повинностях граждан, жили в довольстве на счет народа без всякой пользы для страны. С этим-то порядком вещей народ и задумал покончить. Еще по дороге в Альтенбург епископ уже слышал громкий гул набата; весь народ пришел в движение и стремительно бросился на соборную площадь, к древнему жилищу императоров, служившему теперь дворцом епископов. Народ намеревался разграбить и разрушить этот замок, а также дома каноников, аббатство на Михельсберге и дома всех духовных. В канцелярии казначейства он с ожесточением бросился на старые списки и акты и изорвал в клочки эти доказательства своего рабства, эти бумаги, написанные потом и кровью стольких тысяч. На Михельсберге действовали крестьяне, а на соборной площади — горожане. Два дня сряду народ грабил и разорял, и шум в городе не стихал до вечера страстной субботы. Впрочем, горожане приняли меры, чтобы как-нибудь не пострадал их прекрасный собор, отряд выборных зорко охранял его от всякого покушения чьей-либо дерзкой руки.

Епископ, увидя, что дела зашли уже слишком далеко, решился вступить в переговоры. К вечеру страстной субботы порешили на том, чтобы составить сейм из выборных, в который епископ должен был назначить девять депутатов со стороны рыцарства: город Бамберг — три, а сельское население — шесть. Этот сейм должен был безотлагательно решить все вопросы, касающиеся нужд и потребностей страны; народ же до 19 апреля должен был письменно изложить все свои жалобы. Сейм положено было открыть 20 апреля; до решения сейма никто не должен был требовать и никто не обязан вносить проценты и десятинный сбор; наконец, капитул должен был прекратить свое существование, и епископ сделаться единственным господином и владетелем страны.

Выстрелы в Альтенбурге и звон всех колоколов в городе возвестили о начале примирения и о прекращении несогласий между епископом и страной. Бургомистр, совет и община Бамберга, обрадованные этим событием, спешили сообщить о случившемся соседним владетелям и именно маркграфу Казимиру [1]. Все в городе снова пришло в обычный порядок и успокоилось. Во время праздников воскресенья христова народ попрежнему стекался в церкви к службе господней. Однако спокойствие было вновь на-

[1] Там же, I, 58.

рушено, и причиною этому был сам епископ. Не обратив внимания на то, что, по ясному постановлению договора, девять членов, которые должны были заседать в сейме со стороны епископа, по случаю исключения духовенства, все без изъятия должны были быть избраны из рыцарства, — он захотел все-таки хотя половину этого числа выбрать из своих духовных советников. Народ громко начал жаловаться на нарушение договора, и признаки волнения снова обнаружились в городе. Тогда епископ поспешил пригласить пять советников от соседних владетелей, но явилось только четыре, и они вместе с другими пятью выбранными со стороны рыцарства в назначенный день соединились вместе с депутатами города и земства. Город опять успокоился; горожане доверчиво ожидали решения сейма; они надеялись, что будут найдены меры к устранению тех бедствий и тягостей, о которых уже было заявлено письменно. Между тем, в окрестностях крестьяне продолжали грабить и разорять дома духовных и. дворян, вырубали леса, вылавливали рыбу в прудах и озерах и действовали вообще самоуправно. Вследствие этого в первый же день собрания сейма появился указ епископа и было обнародовано предписание «представителей трех сословий: рыцарства, городов и крестьянства», запрещавшее всякие самоправные действия и обязывавшее хранить мир и порядок, возложив надежды на предстоявший сейм. Всякому, кто словом или делом нарушит спокойствие и возбудит мятеж, угрожалось лишением жизни и имущества.

Переговоры в сейме шли так успешно, что уже по прошествии восьми дней епископ должен был безусловно согласиться, чтобы «в силу соглашения между высокоименитыми князьями и господами и выборными сейма слово божие проповедывалось свободно, громко, ясно и без всяких искажений и дополнений в пределах всей бамбергской эпархии». Не только при обнародовании этого указа, но даже и при его составлении и написании не было сделано ни малейшего намека о соборном капитуле: золотой век для духовенства безвозвратно прошел в Бамберге[1].

В то время как восстание в Бамберге окончилось миром, обещавшим дать земству новое устройство, в Вюрцбурге, в пределах вольного города Роттенбурга на Таубере и во владениях Германского ордена со всех сторон вспыхнуло восстание.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Движение в Роттенбурге и доктор Карлштадт

В Роттенбурге, укрепленном городе на Таубере, новое учение встретило уже подготовленную, плодоносную почву. Еще

[1] Обнародования от 20 апреля и 4 мая.

в 1522 году в этом городе открыто раздавались проповеди в духе нового учения. Между прочими проповедниками там находился в то время доктор Иоган Дейшлин, напоминавший своим развитием и характером Губмайера, проповедника в Вальдсгуте. Подобно последнему, он проповедывал до того времени против евреев и их синагоги; возбудил народное восстание и, по изгнании евреев, обратил синагогу в часовню пречистой девы Марии; впоследствии часовня эта приобрела славу чудотворной. Между тем свет, исходивший из Виттенберга, и собственное развитие вскоре вывели его на совершенно противоположную дорогу; по словам врагов его, он дошел до того, что стал отзываться о той самой деве Марии, которую недавно еще так высоко чтил, как о какой-то «русалке». Заодно с Дейшлиным действовал Ганс Шмид, по прозванию Лисица, монах из монастыря «босоногих». Он был слеп и потому был известен народу под именем слепого монаха; но недостаток внешнего зрения был щедро вознагражден в нем даром внутреннего предвидения. Этот слепой видел яснее многих зрячих, в чем именно заключаются светские и духовные потребности народа. Немецкий орден также имел дом в городе. Дейшлин и слепой монах склонили на сторону нового учения даже членов ордена, и один из его рыцарей Мельхиор решился даже жениться, и публично, с большою церемонией, женился на сестре слепого монаха; городской совет не обратил на них внимания. Комментур Нейкам, на которого жестоко напали оба проповедника, был отозван гросмейстером ордена и замещен Каспаром Христен. Последний был восторженно предан новому учению. В Вюрцбурге государственный фискал требовал, чтобы он впредь не проповедывал в духе лютеранского учения. Христен отвечал, что он никогда не перестанет громогласно проповедывать слово божие. Фискал отказал ему в инвеституре; но Христен отвечал, что в силу инвеституры, или без нее, он во всяком случае комментур в Роттенбурге. Фискал, чтобы не упустить случая взять взятку, послал Христену инвеституру, взяв за это деньги, и отпустил комментура в Роттенбург «проповедывать как ему угодно не только в лютеранском, но даже и в магометанском духе». Христен проповедывал совершенно в новом духе. Вскоре он был приглашен вместе с слепым монахом и доктором Дейшлином к допросу в Вюрцбург; первые два не явились, но доктор Дейшлин отправился в сопровождении конной свиты, отряженной советом. Ганс фон Плеттенберг, епископ Вюрцбургский и соборный проповедник прямо объявили ему, что ему не было никакой надобности являться по приглашению, что они сами открыто и свободно проповедуют в духе лютеранского учения. Наконец, они посоветовали ему проповедывать слово божие не страшась ничего, даже изгнания. Дейшлин возвратился назад в Роттенбург и начал говорить и проповедывать смелее и свободнее прежнего. К этим трем деятелям в новом направлении вскоре присоединились странствующие проповедники.

Замечательно, что в то время, когда в Шварцвальде, Гегау, Бодензе, Альгау и в верхних частях Дуная сотни проповедников группируются большею частью около учения Фомы Мюнцера, в Франконии и в особенности в Роттенбургской области появляются эмиссары нового учения и даже возникает движение в совершенно революционном направлении именно к концу 1524 года. В начале 1525 года туда явился проповедником один из восставших крестьян Риса и начал проповедывать при огромном стечении народа в Шютценвизе и в Брюле; рядом с ним проповедывали Бартель Альбрехт, Петр Сайлер и «маленький человечек», бывший священник; все они поучали на рынках, улицах и церковных дворах. Подобно Мюнцеру в Тюрингии и анабаптистам (перекрещенцам) на верхнем Дунае по сю и по ту сторону озера, и эти проповедники преимущественно толковали о политике, отношениях подданных к властям и особенно резко напирали на то, что могло быть сказано против последних. Старый и малый внимательно прислушивались к их речам; часто проповедь обращалась в разговор; проповедник расспрашивал слушателей о его личных делах; то тот, то другой горожанин или крестьянин заявляли об угнетении, которому подвергались, и проповедник рассуждал о нем с евангельской точки зрения, разражаясь угрозами и проклятиями против господ; это не была уже проповедь, не было религиозное собрание, а народная речь среди народного собрания. Всех смелее был доктор Дейшлин. Он начал вдаваться в более обстоятельные объяснения и объявил, что церковные приношения, оброк скотом и десятинный сбор ни для кого не могут быть обязательны. Горожане и крестьяне стали еще охотнее прислушиваться к его речам. Он составлял сходки даже в своем собственном доме. Внутренний совет начинал порядком побаиваться и, найдя необходимым удалить немедленно опасного доктора, вошел в переговоры с внешним советом, который предоставил ему полное право действовать по усмотрению. Но господа внутреннего совета не решались удалить из города любимца горожан и сельского населения, хотя и постановили отрешить его от должности. Та же судьба постигла и комментура Христена, который был отлучен от церкви своим епископом. Он с кафедры объявил о том собравшимся слушателям; тогда сотни горожан и крестьян бросились к нему и изъявили готовность пожертвовать за него жизнью и имуществом [1]. Как нарочно, в минуту самого сильного брожения умов явился знаменитый доктор Карлштадт, родившийся во Франконии, недавний друг Лютера, теперь его злейший враг, человек уже приобретший себе славу реформатора. Изгнанный из Саксонии, он появился в Восточной Франконии и посетил Верхнерейнскую область. Маркграф Казимир стал преследовать его; он показывался то в Швейнфурте, то в Кисингене, то в окрестностях Роттенбурга

[1] Извлечения, сделанные из рукописи роттенбургского синдика Цвейфеля и из протоколов совета Иоганном Георгом Лемусом. Они находятся в коллекции прелата фон Шмида.

и, наконец, избрал Роттенбург своим постоянным местожительством. Многие горожане, сочувствовавшие ему, давали ему у себя пристанище и способствовали печатанию и распространению его сочинений. Городской совет запретил ему пребывание в пределах области и наложил запрещение на его сочинения; но несмотря на то, он все-таки оставался. А между тем в Роттенбурге подготовлялось восстание [1].

Агенты, отряженные еще в прошлом году Шварцвальдским братством в видах распространения народного союза, по всей вероятности, весьма скоро вошли в тесные сношения с Роттенбургской областью. В Восточной Франконии лица, сочувствовавшие делу крестьянского восстания, лично могли проникнуть в города и местечки [2]. Учение о евангельской свободе и об общинном владении имуществом нашло здесь благоприятную почву. «Интриги и проделки» пущены были в ход с целью возбудить народное восстание. Уже в начале 1525 года крестьяне составляли сходки и собирались для обсуждения своих дел в трактирах. Совет получал предостережения, обращавшие его внимание на опасные проявления недовольства среди сельского населения, но он пренебрегал ими, принимая их за чистые басни. Карлштадт проповедывал несколько раз в окрестностях, и хотя въезд в город был ему запрещен и он мог жить там только тайком, однако он решился однажды публично показаться на его улицах. В городе в это время собралось множество крестьян по разным делам; он появился среди них, у распятия перед большим кладбищем, в грубом крестьянском кафтане и белой поярковой шляпе и обратился к ним с речью о новом времени, о новых стремлениях, увещевая их итти вперед по избранному ими пути.

Двадцать седьмого января совет обнародовал строгие меры против укрывателей Карлштадта. Он исчез; друзья его говорили, что он находится, по всей вероятности, в Страсбурге. Но в ту же ночь исчез приказ о строгих мерах с судейского стола. Как ни были сильны его друзья, но все-таки они не могли вынудить совет дать ему право гражданства, которого он так домогался. Они не могли даже добиться для него позволения жить в городе; соседние владетели слишком часто обращались к совету с напоминаниями и угрозами, побуждая его изгнать, наконец, из своих пределов «черного». А между тем, приверженец его Эренфрид Кумпф пользовался таким влиянием, что мог говорить, что там, где бургомистр Эбергард имеет за себя один голос, он, Кумпф, имеет всегда два. Остальные друзья, как например Дейшлин, вообще весьма мало обращали внимания на власти. Когда последнего присудили к отлучению от церкви, он отвечал гордо и насмешливо: «Меня крайне удивило, что вы до сих пор еще гораздо более почитаете слово человеческое, исходящее из Вюрцбурга, нежели слово

[1] Фома Цвейфель, рукопись; извлечения, сделанные Иоганном Лемусом.
[2] Донесение Мюльнера.

божие, вечно живое и не пресмыкающееся, подобно первому. Я думал, что вы уже настолько ознакомились с евангелием, что не станете обращаться таким образом с собратом».

Между тем Карлштадт и не думал быть в Страсбурге; он попеременно скрывался то в доме Филиппа суконщика, то у Эренфрида Кумпфа, то, наконец, у старого бургомистра и юнкера Степана фон Менцинген. Многие горожане собирались здесь тайно вокруг восторженного маленького черного человека, которого личность и сочинения были осуждены уголовным судом. Роттенбургские францисканские монахи хотели, подобно виттенбергским, оставить монастырь, выучиться ремеслам и требовали, чтобы им выдали пособие из движимого монастырского имущества. В этих карлштадтских сборищах, которые собирались у него тайно и во время которых он «разливал свой яд и развивал свое мнение», но так искусно, что не было никакой возможности доказать, что эти собрания превратились в революционно-политические, — запылали первые искры, причинившие впоследствии пожар. Их разносили по округам области политические агенты, и уже 21 марта в Роттенбурге вспыхнуло зарево восстания.

В этот день из села Оренбаха, отстоящего на два часа пути от города, явились двое старшин села, Симон Нейфер и Вендель Гайм, во главе тридцати наиболее уважаемых поселян. С барабанным боем и при звуке труб они вошли в дом Ганса Конрада за тем, как говорили, чтобы сдать судейские пошлины. Здесь присоединились к ним и другие недовольные из горожан и крестьяне из Брейтгейма, находившиеся в то время в городе. Долго подавляемое недовольство начало теперь высказываться в громких речах; дело походило, повидимому, на открытое возмущение. Совет послал к крестьянам городского судью и через него приказал им тотчас же выйти из города. Крестьяне шумели, угрожали и осыпали судью ругательствами; чуть-чуть не дошло до рукопашного боя; однако они все-таки вышли из города со звоном и песнями, точно так же как вошли.

С барабанным боем и трубным звуком возвратились они в Оренбах и тотчас же созвали мирской сход. На нем, как и в Верхней Швабии, единодушно было решено соединиться в братский союз и твердо поддерживать евангельское учение. К соседним общинам отправлены были депутаты, с целью пригласить их на общее собрание в Оренбахе, в полном вооружении. Двадцать второго марта в Оренбах прибыли вооруженные крестьяне из восемнадцати общин. Сельские старшины составили выборный комитет в доме Георга Дивольфса; из каждой общины выбрано было по два члена; все выборные члены единодушно избрали начальниками над всеми общинами сельских старшин Нейфера и Георга Икельсгейма. Таким-то образом образовалось Оренбахское ополчение.

Вновь избранные предводители узнали утром 23 числа, что в соседнем Бретгейме составляется крестьянский отряд; они

послали к ним депутатов с поручением разузнать, что они думают предпринять. Оренбахские уполномоченные нашли уже там толпу крестьян, состоявшую из 800 человек, которая притом заметно росла с каждой минутой.

В то же время и совершенно подобным же образом образовалось ополчение и в Бретгейме. Предводители и выборные в Бретгейме разослали депутатов вниз по течению Таубера и по дорогам к Остгеймеру для того, чтобы созвать и пригласить к своему союзу всех способных носить оружие. С депутатами из Оренбаха отправились оба Бретгеймских предводителя, Леонгард Мезлер и Ганс Бегейм, с целью пригласить оренбахцев в Бретгейм на совещание об общем плане действий.

Все эти происшествия привели в сильное смущение господ в Роттенбурге; они послали спросить: чего же хотят крестьяне? Мы желаем веселиться, отвечали оренбахцы, — в селе богатая свадьба: идем пить новое вино на освящение церкви, отвечала толпа, собравшаяся в Бретгейм. Добрый старый обычай дал им возможность отделаться последней отговоркой.

Мы видели в Гегау и в Шварцвальде, какими удобными предлогами служили для политических сборищ освящения церквей и храмовые праздники в Гильцингене и в Вальдсгуте. По древнему обычаю, на храмовый праздник сходились крестьяне из всех соседних сел, разодетые в нарядные платья и шляпы, с распущенными знаменами, с барабанами и трубами, с веселыми возгласами, с копьями и мечами; многие и танцовали-то даже с оружием.

Однако между оренбахскими крестьянами нашелся один сельский старшина, который донес городскому совету, что не для того собрались они, чтобы праздновать свадьбы и пить вино, но для того, чтобы соединиться теснее и сговориться о том, «каким образом составить прочный оплот евангельскому учению». Вскоре после того старшины некоторых общин, находившихся вблизи Бретгейма, обратились к совету с вопросом, как им поступать в настоящем случае? Бретгеймские предводители требовали, чтобы они присоединились к ним, угрожая в противном случае казнию и потерею имущества. Гамесфельдские старшины заперлись в церковном дворе и требовали помощи из города. Но господа магистрата вместо вооруженной силы прислали только несколько букв, которыми предписывали им не поддаваться искушению и отбиться вооруженной рукой; к крестьянским сборищам посланы были строжайшие письменные увещания. Увещание совета вызвало только смех оренбахцев. «Будь это вырезано на бирке [1], — сказали они, — то мы бы пожалуй могли это лучше прочесть», — и увещание не было принято.

Из Бретгейма и Оренбаха крестьянские депутаты явились к маркграфу в Ансбах несколько ранее, нежели из Роттенбурга.

[1] Деревянные палочки, заменяющие крестьянам чуть ли не всех национальностей приходо-расходные книги.

Между тем, маркграф послал своего тайного секретаря в Роттенбург и через него увещевал совет «разбить крестьян наголову», как сделал он в Гессельберге, и, как мы видели, предлагал даже значительную помощь. Члены совета нашли это предложение неисполнимым; военную силу города составляли сами горожане, уже более столетия упражнявшиеся в военном искусстве. Некоторые имели лошадей, большинство умело отлично стрелять; все поголовно имели латы, копья, алебарды, шишаки и кистени; наемных же солдат город почти вовсе не имел, а в довершение всего села были до известной степени укреплены посредством крепких стен церковных дворов и барьеров. Чтобы бороться с ними, совет не имел войска и ничего не мог им противопоставить, кроме верности городского населения. Но на нее он весьма мало мог положиться. Дело в том, что еще с давнего времени горсть аристократов, принадлежащих к «именитым фамилиям», самоуправно владычествовала в городе, дозволяя себе всякого рода неправды и притеснения и не обращая никакого внимания на самые справедливые просьбы, желания и потребности общины, ремесленников и вообще простого народа. Для того чтобы оставаться полноправными господами, правительственный или так называемый внутренний совет был составлен исключительно из представителей именитых фамилий. Рядом с этими двенадцатью членами внутреннего совета существовал также совет сорока или внешний совет. Он должен был представлять общину; но и в нем заседали только одни аристократы. Хотя семьдесят лет тому назад аристократы и были до некоторой степени сравнены в правах с ремесленниками, но после того различными уловками и хитростями им удалось привести дела в прежнее положение, и уже в 1525 году равенство было как бы совершенно забыто. Вероломное и насильственное превышение власти и равнодушие к общему благу лежали тяжкими грехами на совести правителей. Им было чего бояться. Еще более усилились их опасения, когда они удостоверились, что часть городского населения находится в заговоре с крестьянами; что, как только ее призовут к оружию, она тотчас станет на сторону крестьян, вместе с ними овладеет городом, нападет на именитых аристократов, достойно накажет их и разорит их жилище.

Внутренний и внешний советы собрались в пятницу утром, 24 марта, и долго думали и рассуждали; некоторые члены совета выехали из города, чтобы попытаться как-нибудь успокоить крестьян, другие предполагали испытать верность городского населения. Порешили призвать горожан, но не всех вместе, а по кварталам; и начали с наиболее аристократического, именно с Дворянской площади. Совет сообшил им свое решение подавить восстание крестьян силою и обратился к ним с вопросом: может ли он рассчитывать на содействие общины. 25 горожан стали на сторону членов совета, желая этим как бы высказать свою преданность начальству.

В эту минуту юнкер Степан фон Менцинген, который тоже жил на Дворянской площади и явился в совет неприглашенным, вскричал: «Что вы делаете? Что вы, рабы или граждане? Зачем вы так необдуманно стремитесь к своей погибели, неужели вы хотите сделаться убийцами своих братьев? Остановитесь, обдумайте, прежде нежели решитесь и подадите голоса!..»

Горожане переглядывались между собою; в словах Менцингена было много справедливого. Тогда он, обратившись к одному из присутствующих, громко закричал: «Уйдем отсюда, уйдем!» И вскоре в зале никого не осталось кроме этих двадцати пяти; даже и из их числа выступил Лиенгард Шток и сказал, обращаясь к совету: «Господа, я старый, больной и глухой человек, я ни к чему не годен в таком деле и потому прошу уволить меня». Сказав это, он также вышел из совета и присоединился к остальным горожанам, которые собрались в кружок и рассуждали о случившемся.

«Граждане, — говорил там Менцинген, — неужели к явному вреду самим себе вы захотите сделать угодное совету, который нас так жестоко притеснял до сих пор и который будет вас теснить и после еще сильнее и невыносимее? Последуйте за мной, я поведу вас по дороге к свободе; я готов отвечать в том пред императором и государством».

Он посоветовал им потребовать, чтобы желания совета были изложены письменно для большого удобства обсуждения и обдумывания; они поступили по его совету.

Между тем, мало-помалу собрались все граждане города, «все 6 кварталов» сошлись на площади: Менцинген старался отвлечь их как можно далее от совета. По его предложению они избрали комитет выборных от общины, который рядом с советом и даже как бы противопоставленный ему мог служить истинным представителем чисто народных интересов. Таким образом, пока господа в совете напрасно поджидали возвращения граждан, последние составили комитет выборных, который не должен был довольствоваться одним только разбирательством жалоб, но умел бы стать во главе управления, разделить власть с советом, решать всякого рода несогласия, контролировать отчетность и все распоряжения совета и, наконец, взять на себя охранение города.

В то время, когда происходило избрание выборных, приехал гонец маркграфа Казимира с письмом, адресованным к совету. «А, — вскричал Менцинген, — он везет обещание господина Казимира притти и овладеть городом; совет письменно обращался к нему с просьбой о помощи; берегитесь — рыцари уже приближаются». «К воротам!» — закричали Килиан Луц и Лоренц Кноблох, и почти в одно мгновение толпа горожан заперла ворота, овладела ими и вручила ключи в руки выборных. Даже послышались требования выгнать всех заседавших в совете и убить их. Казалось, что дело, пожалуй, дойдет и до этого.

Господа в совете слышали, как усиливалось волнение и шум. Они выслали к гражданам старого бургомистра Эренфрида Кумпфа и Георга Берметера. Эренфрид стал на скамью и рассказывал им все, как было: он сказал, что маркграф уже два раза предлагал свою помощь и что сам совет никогда к нему не обращался и, наконец, он просил своих сограждан не увлекаться и не выходить из пределов благоразумия. Народ уважал и любил господина Эренфрида: он был другом рабочего, приверженцем евангелического учения и потому его выслушали, и толпа начала успокаиваться. «Вздорная болтовня, сказки! — вскричал Менцинген,— покажите нам письмо маркграфа и ответ совета». Ему подали как то, так и другое, все было действительно так, как говорил Эренфрид. После этого объяснения избрание комитета выборных окончилось уже совершенно спокойно. В состав его вошли сорок два человека, почти все — сторонники нового порядка вещей. Степан Менцинген был также в числе выборных, он даже был сделан председателем комитета. Вечером того же дня он привел всех выборных к клятве в верности, братском единении и сохранении в тайне всего, что будет обсуждаемо и приводимо в действие комитетом выборных.

Тогда только Менцинген сообщил совету ответ общины, ответ, ожидаемый им еще с самого утра. Он передал ему, что горожане до тех пор не могут сказать, будут ли они поддерживать совет против крестьян, пока не узнают, в чем заключаются неудовольствия и жалобы последних. Они отправят к ним уполномоченных, чтобы убедиться, не замышляют ли они чего-нибудь против евангельского учения; в таком случае ответ их наверное придется по душе совету. Если совету угодно послать некоторых из своих членов вместе с уполномоченными комитета, то они согласятся на это весьма охотно.

Даже половину ключей от городских ворот Менцинген передал внутреннему совету; впрочем, он сам, вместе с выборными, так тщательно охранял ворота, что без его ведома никто не мог ни войти, ни выйти из города. Вместе с тем, он вынудил от совета дозволение звонить в большой колокол для того, чтобы в случае надобности сзывать общину на собрание во двор еврейской синагоги. На господ совета нагнали такой страх, что они беспрекословно на все соглашались.

Впрочем, волнения извне казалось сами собою начали стихать. Двадцать четвертого числа ночью возвратились те члены совета, которые выехали на переговоры с крестьянами. Они нашли только сто крестьян, собравшихся вместе в Бретгейме из четырех общин. Бретгеймцы с самыми вежливыми извинениями выслали вон из села некоторых крестьян. Оренбахцы действительно приходили к ним и в весьма значительном числе, но они ничего не знают о их замыслах и намерены вести себя, как самые верные подданные. Так говорили бретгеймцы. Крестьяне же, пришедшие и из четырех чужих общин, оправдывались страхом; собравшееся

крестьянство призвало их, угрожая в случае неповиновения лишением жизни и имущества; явились же они сюда только затем, чтобы посмотреть, что намерены предпринять призвавшие их крестьяне.

В ночь между двадцать третьим и двадцать четвертым все способные носить оружие вышли из Оренбаха в латах и полном вооружении. Забрав в сторожевых башнях провинции все винтовки и ружья, они явились в Бретгейм с несколькими знаменами; кто пеший, кто на лошади. Обсудив основательно свое дело, собравшиеся крестьяне снова разошлись для того, чтобы укрепиться и снарядиться, в ожидании пока восстание сделается всеобщим, положив тогда удалиться вместе со всем остальным крестьянством, живущим по Тауберу, в укрепленный лагерь.

Между тем, Степан Менцинген вместе с комитетом выборных пришел к следующему заключению: с крестьянами, как с братьями по Христу, следует вступить в дружеские переговоры; их жалобы и неудовольствия надлежит вручить для рассмотрения комитету выборных, который войдет тогда в сношения с советом и будет посредником между обеими сторонами. На это решение комитета вся община дала свое полное согласие; внутренний же совет отвергнул его. Но такое решение совета ни к чему не повело; комитет ссылался на то, что вся община приняла его постановление. Однако внутренний совет отправил некоторых из своих членов с депутатами, посланными к крестьянам. Когда они прибыли в Гебзатель, крестьяне в большом числе стройно располагались лагерем. В числе депутатов находился также член комитета выборных, трактирщик Крецер, которому приходился зятем большой Леонард, один из крестьянских предводителей; через его посредничество была дана посольству надежная охранительная стража. Таким образом явились они в крестьянский лагерь. Гиероним Гассель, член внутреннего совета, первый обратился к ним с речью, впрочем, далеко не в духе тех инструкций, которые были даны комитетом выборных и всей общиной. Он строго упрекал крестьян за возмущения и обещал им полное прощение, если они тотчас же возвратятся по своим домам, в противном случае, говорил он, совет, с величайшим прискорбием, будет вынужден пролить кровь. Если же вы имеете какие-либо жалобы, заключил он, то должны представить их в императорский верховный суд.

Этой струны не следовало затрагивать члену совета; верховный суд весьма неприятно звучал для слуха простого народа. Как, спросили крестьянские предводители, неужели так думает и вся роттенбургская община? Гассель отвечал утвердительно. «О, это говорит Лисица», — сказал Молкнер, один из предводителей.

Тогда начали говорить другие депутаты, депутаты, принадлежавшие к комитету выборных, и они, разумеется, говорили в смысле полученных инструкций. Выслушав их, крестьянские предводители весьма дружески отвечали, что ни мало не хотят вредить об-

щине. Правда, их притесняли, и они будут жаловаться на эти притеснения, но покамест они испрашивают только свободный проезд на один день, в противном случае они поищут себе другой более укрепленной позиции.

Затем депутация совета отправилась в обратный путь; когда уже значительно отъехали от лагеря, депутаты, уполномоченные от комитета, возвратились снова к крестьянам, долго совещались с ними и много пили; так что члены внутреннего совета прождали их среди дороги ровно пять часов.

А, между тем, в городе движение продолжало усиливаться. В следующую ночь во дворе церкви пречистой девы Марии были отбиты голова и руки у большого распятия. Влияние Карлштадта было очевидно; на другой день толпа, предводимая Христианом Гейнц, вломилась в часовню, сбросила требник с алтаря и выгнала вон священнослужителей. Это случилось в светлое воскресенье. В понедельник двадцать седьмого марта Эренфрид Кумпф тоже выгнал из приходской церкви священников и причетников и сбросил требник с алтаря; отправление обедни прекратилось и началось карлштадтское истребление статуй и икон. Вскоре после этого и часовня пречистой девы Марии была разрушена до основания, та же судьба постигла и прекрасную церковь на Таубере, находившуюся вне города; после одной проповеди Карлштадта ее разграбили дотла, разбили вдребезги образа, а священную утварь выбросили в Таубер.

Это иконоборство было делом той партии, которая считалась лучшей в городе; к ней принадлежали люди, воспламененные рвением к евангельскому учению. Для этой партии главным делом и основным вопросом была церковная реформа; в крестьянах они видели братьев только настолько, насколько крестьяне восставали за евангельское дело. Главой этой партии был Эренфрид Кумпф.

Совершенно к иным целям стремилась другая партия, душой которой был слепой монах, а предводителем Степан фон Менцинген. Это была настоящая революционная партия; ее ближайшей целью была гражданская свобода; ее предводители открыто принадлежали к евангелическому братству, подготовлявшему восстание в немецких землях, и находились в постоянных сношениях с главными руководителями движения в других областях.

Менцинген, происходивший от древнего благородного швабского рода, за двадцать лет до восстания женился на дочери члена совета Преля и получил право гражданства в городе Роттенбурге. Некоторое время он находился на службе у маркграфа Бранденбургского в Эреглингене, а после того поступил на службу молодого герцога Ульриха Вюртембергского. Сделавшись одним из его любимцев, он и после изгнания Ульриха вместе с ним отправился в замок Гогентюбинген; а по сдаче замка принадлежал к числу тех немногих, которые сохранили верность и присягу и действовали в его интересах в Швейцарии. Степан фон Менцинген был одним

из трех уполномоченных Ульриха, вступивших в переговоры с рыцарем Клингенбергом о возвращении герцогских владений [1]. В 1518 году он купил Рейнсбург, поместье в Роттенбургской области, затеял тяжбу с городским советом по поводу взноса повинностей и сложил с себя звание роттенбургского гражданина. Когда высший государственный суд, перед которым Менцинген был обвинен городом Эреглингеном за свои притеснения, передал приведение в исполнение приговора роттенбургскому совету, Менцинген нанес оскорбление самым знатным членам совета и тогда, как кажется, уехал в Швейцарию. Между тем, в начале 1525 года он совершенно внезапно возвратился в Роттенбург, будто бы затем, чтобы выждать окончания своей тяжбы с советом. Находился ли он все попрежнему в связях с изгнанным герцогом Ульрихом? По уговору ли с ним присоединился он к восстанию во Франконии и должен ли был стараться ускорить его, как это делал Фуксштейнер в Альгау и сам герцог в Шварцвальде? — на это нет доказательств. В Швейцарии, в кругу тех людей, под влиянием которых и герцог Ульрих переменил свои воззрения, Менцинген также мог усвоить много новых политических и религиозных идей, по крайней мере, в Роттенбурге он высказывается горячим последователем учения Карлштадта. Однако в то же самое время он находился в сношениях с маркграфом Казимиром, государем, который никогда не прочь был распространять свои владения за счет соседних областей. Кроме того, его материальное положение было не блестяще, и члены совета в Роттенбурге подали ему повод к весьма сильной ненависти.

Вечером 25 марта снова появился гонец от маркграфа. Степан Менцинген, охранявший ворота, не впустил его, и посланный должен был переночевать вне города, на соседней мельнице. Только на следующее утро Менцинген принял от него письма, но все же не впускал гонца в город, потому что гонец ни за что не хотел поклясться, что он не имеет никакой другой вести и никакого другого поручения. От гросмейстера Немецкого ордена из Мергентгейма также прибыл гонец. Менцинген от него принял письма, вскрыл их точно так же, как и письмо маркграфа, и представил его комитету выборных. Письмо маркграфа было писано в чрезвычайно дружеском тоне; он предлагал себя в посредники между советом и народной партией. Внутренний совет отвечал, что смут в городе не существует, и вежливо отклонил вмешательство маркграфа. Страх перед народом и недоверие к могущественному, весьма охочему до чужих владений, государю вызвали ответ совета, который был прочитан в комитете горожан, запечатан и отослан.

Наконец, 26 марта вдруг были представлены в город письменно изложенные жалобы крестьянских обществ. Они писали, что притеснения, противные богу, слову евангельскому и любви к ближ-

[1] Рукопись Клингенберга в Штутгартском государственном архиве.

нему, соединили их в братский союз, что они отягощены налогами, акцизными поборами, копытным сбором[1] (Klauengeld) и тому подобными повинностями; никто, говорили они, в целом земстве не может иметь собственной коровы. Все мы веруем в вечного, истинного и единого бога, все крещены одинаковым крещением и все чаем будущую, вечную загробную жизнь, между тем, диавол посредством тысячи многообразных ухищрений ввел среди христианства преступное и постыдное право, по которому будто бы один человек должен быть собственностью другого. Будем же мы все составлять одно тело, одну духовную общину, главой которой да будет Христос спаситель. К этим жалобам против крепостного права присоединили они еще жалобы против больших и малых десятинных сборов; жаловались, что множество приходских каноников совсем даже не живет в своих приходах и ровно ничего не делает, позволяя себе через своих капелланов грабить и обирать народ и морочить его ложью и надувательством. Тех, которые действительно трудятся для народа, они охотно готовы вознаграждать, но тот, кто ничего не делает, не должен ничего и получать. Наконец, они жаловались на несправедливые пошлины и новые, мелкие повинности. Дальнейшие жалобы они предполагали изложить впоследствии[2].

Невозможно было отрицать справедливость этих жалоб; многие новые повинности, как например, копытный сбор, сбор поземельный и питейный, наконец, таможенные пошлины, которыми были обложены все предметы ввоза и вывоза,— все эти сборы были в высшей степени тягостны и невыносимы простому народу. А между тем, все они были самовластно введены советом—некоторые два года тому назад, другие не более двух месяцев.

Жалобы крестьян были подписаны духовными лицами.

Таким образом, здесь, точно так же как во многих других местах, выступили вперед духовные, как люди народа и руководители движения, и это были не беглые монахи, как некоторые утверждали, видевшие свое единственное спасение в победе народа. Правда, были и монахи, но все же большинство принадлежало к светскому духовенству, которое примкнуло к народу единственно из преданности евангельскому учению и вследствие этого воздвигнутых на него гонений. Кроме того, ему лучше всего известны были те жестокие бедствия и тот гнет, под игом которого так много страдал народ. Наконец, среди него всего более было людей с светлыми головами, усвоивших себе новые современные идеи.

Комитет выборных представил жалобы крестьян внутреннему совету и предложил свое посредничество, но его отклонили. Внутренний совет объявил крестьянам, что если они спокойно разойдутся по домам, то им не будет вменено в преступление восстание

[1] Сбор с домашних животных, употребляемых на хозяйственные работы.
[2] На печати, которой запечатана рукопись, был изображен плуг, а поверх него крестообразно расположены цеп и навозные вилы, внизу находился башмак, на котором был вырезан 1525 год.

и измена присяге; относительно же их жалоб, он обещал их обдумать и представить на обсуждение императорского верховного суда. Уполномоченные крестьян отвечали на это, что они совсем не клятвопреступники, что они хотят только получить то, что им принадлежит по справедливости, что не противно ни богу, ни любви к ближнему. Затем крестьянские уполномоченные снова возвратились к своим. Между тем, во внутреннем совете проводилось такого рода мнение: если даже в настоящую минуту и нужно будет уступить что-либо крестьянам, то такая уступка не обязательна на будущее время, так как она вынуждена насилием.

Рано утром 27 марта гудел большой колокол: Менцинген и комитет выборных сзывали мирской сход. Некоторые горожане произвели насилие в домах духовных лиц и вынудили последних угощать себя вином. Комитет выборных заставил общину поклясться, что она будет повиноваться его предписаниям и оставит неприкосновенными личность и имущества граждан. После этого было решено распустить внешний совет.

Комитет выборных утверждал, что так как внешний совет обязан заботиться о благосостоянии и безопасности общины, то ему следует соединиться с комитетом и вместе с ним заседать, толковать, советоваться и заниматься делами управления. В день светлого воскресенья комитет предложил внешнему совету войти в его состав. Совет отказался. Комитет, опираясь на решение мирского схода, настоятельно требовал присоединения или распущения, т. е. прекращения существования внешнего совета. Поставленный в безысходное положение, внешний совет обратился к внутреннему, с просьбою позволить ему сложить свои обязанности. Внутренний совет, «стесненный и захваченный врасплох общиной и ее комитетом», по достаточном обсуждении, с прискорбием пришел к тому заключению, что он должен теперь поступать так, как того хочет община, не разбирая, хорошо ли это будет или дурно. На этом основании он позволил внешнему совету, чтобы не дать повода нарушить уважение к личностям и оскорблять честь членов совета, «прекратить свое существование «во имя божие», и освободил его от всех его обязанностей.

Таким образом распущен был внешний совет. Некоторые из его членов были приняты в состав комитета. С этого времени заседания комитета происходили в большом зале совета.

До сих пор роттенбургские крестьяне ни с кем еще не вступали в союз. Но теперь к ним примкнули подданные маркграфа и подвассалы других владетелей. Агитация их собственных агентов, посланных ими вдоль по Тауберу и в разные места по другим направлениям, наконец, влияние приезжих проповедников, присланных от евангелического братства в Шварцвальде и в Верхней Швабии и из Тюрингии, начинали приносить свои плоды: день всеобщего восстания, именно 2 апреля, приближался быстрыми шагами.

Роттенбургское крестьянское ополчение, достигшее до четырех с половиною тысяч человек, отправило уполномоченных

в город и требовало от внутреннего совета ответа на жалобы, а от комитета помощи деньгами, военными снарядами и оружием. Вместе с тем, они открыто протестовали против несправедливо взводимого на них обвинения, будто они принуждают подданных посторонних владетелей примыкать к их союзу. К ним приходят с утра до вечера крестьяне без всякого приглашения и принуждения, одушевленные благородным стремлением поддержать правое дело из братской любви и по чувству справедливости.

Комитет выборных настаивал, чтобы внутренний совет безотлагательно обсудил жалобы крестьян и успокоил их уступками, прежде нежели они усилятся до такой степени, что город не будет в состоянии совладать с ними. Он требовал, чтобы внутренний совет уполномочил его заключить договор с крестьянами. Совет полагал, что это подаст дурной пример крестьянам соседних владетелей и что если чужие крестьяне станут ссылаться и указывать на роттенбургских, то их владетели будут неприязненно относиться к городу. Комитет отвечал, что так как внутренний совет своими неблагоразумными мерами навлек на город уже слишком много бедствий, то при настоящем опасном положении дел ему нельзя дозволить действовать, как он пожелает.

В то время, как внутренний совет находился в таком затруднительном положении, встал с своего места старый бургомистр Эренфрид Кумпф. «Я знаю, — говорил он, — человека, которому нетрудно будет заключить мир между городом и крестьянами; я привел его с собой, и этот человек ожидает там, в передней; прошу, чтобы его выслушали и отправили к крестьянам». В ответ на удивленные и вопрошающие взгляды присутствующих Эренфрид произнес имя доктора Андрея Карлштадта. При этом имени удивление совета еще более усилилось: каким образом мог Карлштадт так внезапно появиться в Роттенбурге, когда он давно уже был изгнан из города. Тогда Эренфрид сознался, что доктор вовсе не оставлял города, что он имел постоянное пристанище у него и у других христолюбивых братий, и в заключение сказал, что он не отопрется от сказанного, даже если бы за спиной его стоял палач. Тогда члены совета стали укорять старого бургомистра за то, что он несколько недель тому назад решительно и громко объявил, что не имеет никаких сношений с Карлштадтом и ничего о нем не знает, а теперь оказывается совершенно противоположное. На это обвинение Эренфрид отвечал, что «он решился охранять и скрывать Карлштадта в угодность господу и ради пользы божественного дела; Карлштадт, смиренный и несчастный человек, весьма способен и самим небом к тому предназначен, чтобы прекратить несогласия между советом, городской общиной и крестьянами. «Я знаю свои обязанности относительно совета, — продолжал Эренфрид, — но не считаю себя обязанным исполнять то, что противно слову божьему и несогласно с евангелием; я христианин и желаю повиноваться одному спасителю и служить евангельскому делу, насколько достанет моей жизни и моих средств». Члены совета

выслушали все это с немалым смущением и отвечали, что считают себя точно такими же христианами, как он, и что так же мало намерены итти против евангелия и слова божия, как Эренфрид и ему подобные. Затем они дружно поднялись с своих мест и ушли из магистрата.

Таким образом, община приобрела верховную власть и стала управлять посредством выбранного из ее среды комитета. К этому-то комитету и обратился Карлштадт с просьбой об отмене постановления о его изгнании; комитет заявил о том совету. Совет объявил, что присутствие Карлштадта навлечет на город гнев и месть императора, владетельных князей и других государственных сословий; повсюду, где он жил, народ возмущался — и это уже достаточно свидетельствует о его деятельности и учении. Следует ли ему или нет предоставить право жить и проповедывать в городе, совет оставляет это на решение комитета, который захватил в свои руки всю власть и все управление; на нем же пусть и лежит ответственность за подобное дозволение. На это последний возразил, что дозволяет Карлштадту свободное пребывание в городе, потому что он требует совершенно справедливого. С тех пор Карлштадт свободно и открыто ходил по городу; сошелся очень близко с некоторыми из его учителей и в особенности с членами комитета. Он проповедывал в совершенно религиозном направлении; однако последствиями этих проповедей было упомянутое выше разрушение церковных икон и статуй и разорение некоторых церквей. Комитет не решился выбрать его для переговоров с крестьянами; он послал к ним учителя Валентина Икельсгеймера, Кунца Офнера и несколько других лиц с целью убедить их представить комитету разобрать крестьянские жалобы.

А между тем роттенбургские крестьяне уже начали действовать в духе шварцвальдского послания. Тех, кто не присоединился к ним добровольно, они принуждали силою. Так, в Бетваре и в Остгейме крестьяне отказывались примкнуть к ним; в отомщение за это дома их были разграблены, а у приходских священников были отняты подводы с вином. В Рейхардтсроде расположились они лагерем. Укрепленный замок Каспара фон Штейна был дочиста разорен. Учреждена была военная касса. Распорядители добычей собирали ее и продавали; скот и все прочее обращалось в деньги и хлеб и из этих сумм платилось трактирщикам, рассыльным и удовлетворялись разного рода потребности.

Движение стало принимать более серьезный характер: члены тайного союза мало-помалу присоединились к нему; люди с значением и весом в общественной иерархии становились во главе его; военные предложили свои услуги и были приняты для обучения крестьян военным упражнениям и фехтованию. В числе крестьян, изъявивших желание быть принятыми в состав Евангелического братства, к восставшим явились с распущенными знаменами подвассалы свирепого рыцаря Цейзольфа фон Розенберга.

Уполномоченные города Роттенбурга встретили крестьян при Линдахзе, и в ту минуту, когда они выступали из Рейхардтсроде, в четверг 27 марта, некоторые из них были на конях, другие пешие; у них были новые, прекрасные знамена. На повозках везли винтовки. Шествие направлялось мимо стен Роттенбурга к Нейзитцу, отстоявшему на три четверти часа езды от Рейхардтсроде. Во время их прохода через Роттенбург число их простиралось до 2 000. Остальные 2 000 человек из лагеря в Рейхардтсроде направились по течению Таубера. Крестьяне разделились на два отряда, один остановился в наблюдательном положении около города, другой потянулся далее для того, чтобы в Шюпферґрунде, который был назначен сборным пунктом, соединиться с вспомогательными отрядами из других областей и округов [1].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Восстание в Оденвальде. Вендель Гиплер, Вейганд и Георг Мецлер

В пост 23 марта, в кабаке Ганса Шонхера в Вейнсберге два гостя разговаривали между собою, сидя за кружками пива. Один из них был слугою графа фон Гогенлое, Вольф Таубе, и ехал из Гейльбронна. Его спутник сказал ему: «Я был в одном месте, где удачно обделал твоего господина для той работы, над которой вам придется потрудиться в этом году».

Человек, произнесший эти слова, принадлежал к аристократии: это был господин Вендель Гиплер.

В молодости Вендель Гиплер, стремясь к славе и почестям, поступил на службу к владетельным князьям и более двадцати пяти лет находился при дворе графов Гогенлое в должности канцлера. В 1515 году он оставил службу графа и выехал из его владений. «Гогенлоены не были к нему справедливы»,— говорит о нем Гец фон Берлихинген в своей автобиографии. После того он занимал много различных должностей, потому что был «весьма образованный и способный человек и притом писатель, подобного которому нельзя было найти в целом государстве» [2]. Вследствие своих отношений к Гогенлое Вендель питал к их дому неприязнен-

[1] Из рукописи Ф. Цвейфеля, очевидца происшествий; извлечения сделаны Шмидом. Также хроника Эйзенгарда, рукопись очевидца. Из Винтербаха, история города Роттенбурга. Но преимущественно из Бензена, история крестьянской войны в Восточной Франконии. Бензен руководствовался оригиналом цвейфелевой рукописи; труд этот я чрезвычайно рекомендую читателям, притом я не только не хочу, но и не могу сделать его излишним моими собственными исследованиями.

[2] Автобиография Геца фон Берлихингена.

ные чувства. Но было бы слишком несправедливо и оскорбительно для Венделя Гиплера, если бы мы предположили, что месть была единственной побудительной причиной, заставившей его играть ту роль, в которой мы его тотчас увидим. Хотя месть и была немаловажным стимулом, но далеко не единственным; она только натолкнула его на тот путь, на котором он должен был действовать для блага своего народа, для своей родины; эти-то патриотические стремления и увлечения совершенно отодвигали на задний план его личный интерес. Вендель Гиплер бесспорно был человеком весьма недюжинным, с широкими, смелыми, чисто патриотическими взглядами и замыслами. Он был одарен проницательным умом, хотя и самонадеянным, но всегда умевшим найти средства осуществлять свои великие мысли; он вел дело тихо и осторожно так, что рука его постоянно оставалась невидима; «это была утка, умевшая превосходно нырять».

К весьма прискорбным заключениям пришел он в течение своей придворной службы; он отлично изучил правителей и их основные принципы; знал все причины тяжелого положения народа и своей родины и искренне желал улучшить его. В таком-то настроении захватило его современное движение, и он отдался ему всецело. Нет сомнения, что он действовал не под влиянием тщеславия, не из желания приобрести популярность; честолюбие не могло подвигнуть его вступить на этот путь. Если бы действительно таковы были причины, побудившие его к деятельности, то перед ним ведь было открыто много дорог, на которых он мог бы удовлетворить свои честолюбивые стремления, при самом верном расчете на успех и притом без всякой опасности. Но он на себе лично испытал всю несправедливость и произвол барства, в нем должно было явиться сочувствие к голодавшему и задавленному народу. Его личное дело слилось в одно с делом народным; оба они были обижены. Еще в 1524 году графы фон Гогенлое жестоко оскорбили честь Венделя, когда он в качестве адвоката защищал пред верховным судом гогенлоенских подданных, жестоко и несправедливо наказанных владетелями своими. Одна и та же благородная месть одушевляла его и народ, — то было стремление освободить своих соотечественников.

Не подлежит сомнению, что Вендель Гиплер очень рано примкнул к тайному союзу.

С 1525 года он появился вблизи гогенлоенских владений и по временам снова навещал давно уже покинутые им местности, в которых он когда-то прожил столько лет, занимая высшие государственные должности. Вендель пользовался полным доверием гогенлоенских жителей, которые незадолго пред тем избрали его даже защитником против своего повелителя. Таким образом, ему нетрудно было разузнать настроение умов гогенлоенцев и устроить свои сношения с ними и в особенности с орингенскими гражданами так, чтобы их можно было использовать в интересах народного дела. Гогенлоенские графы так хорошо управляли

своим народом, что при первом известии о восстании несчастного Конца в вюртембергских владениях—восстали и гогенлоенские подданные и с распущенными знаменами пошли в Вейнсбергерскую долину, предлагая присоединиться к несчастному Конраду, если им помогут отнять Оринген [1]. Таким образом, страсти, раздраженные графом, бедствия и нужда, причиной которых был тот же граф, помогли усилиям Венделя, а его красноречие и дипломатическая ловкость дали ему возможность образовать партию, втянуть ее в свои планы, вовлечь в народное движение. Натягивая и в то же время скрывая нити заговора, входя в сношения с современными революционерами, с недовольными всякого рода, с людьми, преданными современным идеям, а также с людьми обиженными, притесненными и выведенными из терпения графом, с разорившимися трактирщиками, надеявшимися воспользоваться переворотом для поправления своих обстоятельств, даже с членами Башмака, — он умел долго работать втайне и, совершенно невидимый, плел свои тонкие сети.

Рядом с Венделем Гиплером появляется другой агент тайного союза и руководитель движения, именно погребщик Вейганд из Мильтенберга в Оденвальде.

Вейганд по своему характеру совсем не был похож на заговорщика; он не употребляет происков и хитростей, не разжигает страстей и не умеет приводить в движение таинственные перья, подобно Венделю; он не более не менее как мыслящий друг народа, к которому он принадлежал по происхождению. Он был одушевлен самыми благородными стремлениями и пламенным желанием поднять и восстановить народ, потребности которого он понимал чрезвычайно верно. Он так же действует тайно и невидимо, подобно Венделю; но он лично не входит в сношения с простолюдинами, не выдвигается вперед и не вступает с ними ни в какие дела. Вейганд демагог, но демагог только по своему перу, суфлер, руководитель народа; он только голос, который научает, что̀ народ должен делать, чего требовать. Он то здесь, то там пускает в народ летучие листки, в которых предлагает или какой-либо проект, или какое-либо мнение, но всегда без своей подписи; личность его, не знакомая народу, была известна только посвященным, тем, кому он сам открывался. Таким образом распространял он свои искусно составленные листки в Роттенбургской области, в вюрцбургских владениях и Гейльбронне.

В Балленберге, небольшом городке, расположенном на возвышенности в двух часах расстояния от Краутгейма, там, где Яста выступает из графства Гогенлое в бывшие куйрманцские владения, содержал гостиницу Георг Мецлер.

Враги Георга Мецлера рассказывают, будто он проводил всю свою жизнь в пирах и бражничаньи; достоверно известно, что в Оденвальде он имел огромные знакомства и пользовался дове-

[1] Штутгартский государственный архив.

рием жителей. В его трактире происходили не одни только крестьянские сборища; здесь также, по всей вероятности, имели свои совещания Вендель Гиплер и другие агенты тайного союза; здесь, быть может, было то место, где, как выразился Вендель, он «обработал графа фон Гогенглое для того дела, над которым им придется много потрудиться в этом году».

Из Обершюпфа вышел Георг Мецлер с трубой и башмаком, насаженным на шесте, и к нему со всех сторон стекались крестьяне «кучами, как пчелы». В Шюпферсгрунде, одной из долин Оденвальда, было назначено остановиться лагерем. Здесь соединились с первыми оденвальденцами те 2 000 оренбахцев, принадлежавших к роттенбургскому ополчению, которые, выйдя из лагеря при Рейхардтсроде, направились вдоль по течению Таубера.

Через густые лесные чащи спустились они в долину Таубера и внезапно появились в назначенном сборном пункте, в светлое воскресенье, 26 марта.

Все собравшиеся крестьяне выбрали Георга Мецлера главным предводителем. Этот человек приходился им по сердцу, и ему они доверили свое дело.

Здесь, на прекрасных лугах Шюпфергрунда, где соприкасались границы земель пфальцграфских, майнцских, вюрцбургских, Немецкого ордена и разных других мелких владетелей, было самое удобное место для соединения в одно целое различных отрядов и ополчений и для устройства общего лагеря. Здесь-то и устроилось и организовалось войско, учреждены были военные должности и составлен определенный план действий. Со всех соседних областей стекались сюда подкрепления отчасти добровольно, отчасти по принуждению; самый главный отряд принял название «Евангелического войска» и объявил своей целью соблюдение слова божия сообразно учению апостола Павла; они разумели под этим следующее учение апостола: «Если можешь быть свободным, то охотно тем воспользуйся». В конце марта Евангелическое войско уже значительно увеличилось. Главный предводитель Георг Мецлер вместе с другими начальниками предписал общий сбор на 4 апреля в монастыре Шонтале, куда приглашались все горожане и крестьяне, не успевшие еще присоединиться к союзу. Их приглашали вступить в войско «во имя братской любви» и для того, чтобы «споспешествовать и поступать сообразно» с словом божиим и учением апостола Павла — наказать зло и искоренить его из среды духовенства и светских людей, «благородных и неблагородных».

Прошло целых четыре дня, пока войско соединилось и укрепилось в одном лагере. Четвертого апреля Георг Мецлер снял лагерь и повел все соединенные отряды к Яхсту. Там, у берега реки, в прекрасной зеленой лощине, находился богатый старинный монастырь Шонталь. Мецлер занял его; было решено устроить здесь на время главную квартиру и до поры не начинать никаких военных действий.

Это посещение дорого обошлось монастырю. Хотя аббату удалось укрыться во Франкфурт и увезти с собой бумаги, письма и всю драгоценную утварь, какую только возможно было захватить, но все же в монастыре осталось еще очень много ценных вещей. Крестьяне разделили между собою доставшуюся им в добычу золотую и серебряную церковную утварь. В продолжение своего короткого пребывания они выпили и частью продали двадцать один воз вина, которое нашли в монастырских погребах. Варварство было следствием такого пьянства; даже алтари были нагло осквернены; с необыкновенным искусством разрисованные стекла в церковных окнах были разбиты вдребезги, иконы в алтаре и по стенам уничтожены. Прекрасные резные и живописные украшения были изуродованы, даже дивный орга̀н разобран по трубочкам, а трубочки разделены между крестьянами. Наконец, они зажгли село Фельтерсберг и село Оберкессах за исключением двух или трех домов. Монастырские крестьяне с особенной тщательностью разыскивали оброчные книги; однако они их не нашли, потому что их увез аббат вместе с другими документами во Франкфурт. Рассерженный и приведенный в ярость неудачными поисками народ задумал пролить кровь монастырских братий. Однако предводители не допустили крестьян исполнить это жестокое решение и убедили их ограничиться только изгнанием монахов из монастыря. Одному только патеру дозволено было остаться в монастыре и то под условием прислуживать предводителям. Старый прелат еще перед тем имел несчастье попасться в плен крестьянам, направлявшимся к сборному пункту; они отвели его в Орингген и Краутгейм, где он находился в заточении до тех пор, пока не внес за себя выкуп; тогда только ему было дозволено вернуться домой в Гейльбронн.

В Шонтале Мецлер поджидал отряды из долины Таубера, Гогенлоенского графства, владений Немецкого ордена и Вюртембергской области; с предводителями этих отрядов он находился в соглашении, и к ним он послал гонцов и письма из Шюпфергрунта [1]. Первыми пришли в Шонталь в беспорядке и весьма неудовлетворительном состоянии крестьяне из Галльской области.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Начало движения в Лимпургской области и Готвольтсгаузерская потеха

Давно уже население имперского города Галля выказывало склонность к восстанию, и когда в других местах крестьяне дей-

[1] Рукописные свидетельства в собрании прелата фон Шмида.

ствительно восстали, тогда галльские крестьяне открыто говорили, что намерены их поддержать из преданности евангелию. В самом Галле уже несколько лет проповедывал известный реформатор Иоганн Бренц в духе евангельского учения; в начале марта он начал особенно много распространяться «об отношении подданных к своим властям»; богатые граждане города и дворяне слушали его весьма охотно. Бедные люди и крепостные крестьяне тоже имели своих проповедников, которые говорили им то, что им больше всего приходилось по сердцу. Одним из таких проповедников был Иоганн Мольц, молодой преподаватель в монастыре «босоногих»; еще в прошлом году он проповедывал крестьянам за городом во время храмовых праздников о христианской свободе. Вместе с ним обращал на себя внимание приходский священник в Орлахе, с особенною силою восстававший в своих проповедях против малого десятинного сбора. Впоследствии благодаря содействию этих двух проповедников в этом округе были распространены известные «двенадцать тезисов». В половине марта несколько крестьян явилось к членам городского совета, из которых один сказал крестьянам, что он охотно пристал бы к ним, ополчившимся за евангельское учение, если бы только на это была воля совета и если бы это не было противно долгу. Но совет не обратил на это внимания, как на «бесполезную, вздорную и безрассудную речь».

Вскоре после того узнали, что крестьяне сходятся и соединяются в Юнгольцгаузене, Эльсгаузене, в Грюнбюле, а в особенности в Браунсбахе. Совет отправил к ним уполномоченных для расследования дела; но крестьяне сумели дать такие ловкие объяснения и так ловко замаскировали свое дело, что совет не видел в их сходбищах ничего опасного. Они все свалили на гогенлоенских крестьян. И совет предостерег братьев Альбрехта и Георга графов фон Гогенлое, но они были уже раньше извещены об этом и объезжали свои владения с отрядом всадников для того, чтобы воспрепятствовать крестьянам собираться толпами.

Между тем, совет в Галле обращался с своими крестьянами так кротко, что они вели себя миролюбиво и были совершенно спокойны. Везде по селам было объявлено, что желающие сберечь в сохранности свое имущество должны скрыть его в городе, что это делается столько же во избежание опасностей, угрожающих со стороны крестьянства, сколько и со стороны союза, войска которого также могут притти и «требовать у них вареного мяса». Все, что только приобретут и чего достигнут крестьяне, восставшие и в других государствах, и даже более того,— все это совет соглашался им предоставить, если только они останутся спокойны и будут вести себя благоразумно, как прилично скромным и богобоязненным людям. Уполномоченные совета обнародовали эти предложения во всех приходах. Хотя действительно многие крестьяне как после, так и до объявления совета укрывались в городе вместе с своим имуществом, однако объявление не везде подействовало. В Рейнсбергской волости два старых крестьянина в присут-

ствии своего приходского священника в ответ на предложения уполномоченных совета громко вскричали: «Мы долго лежали под скамьей, нужно же нам, наконец, полежать и на скамье». И скоро даже те, которые спрятали свое имущество в городе, не только взяли его обратно, но увели также своих детей, служивших в городе.

Главным средоточием движения среди сельского населения этой местности был Гайльдорф, маленькая резиденция лимпургских шинкарей. Здесь порешили устроить крестьянские сходки, сперва в Гайльдорфе, потом в Меклингене, Шехингене, Гогенштадте и еще в других местах. Способ сношения и сзывания крестьян на сходки был, как и везде, весьма простой и скорый. Предводители посылали гонцов и уполномоченных в ближайшие к ним местности, к одному или другому соучастнику, а тот, в свою очередь, приказывал своему сообщнику явиться на луг Гогенштадта, на выгон в Иекинге или Гуда, где предводители назначили свои собрания. Иногда приглашаемы были все крестьяне, иногда только два или три прихода [1].

Из лимпургских земель они скоро распространили свой союз на многие другие соседние владения. Крестьян, не приставших к ним добровольно, они вынуждали к тому угрозами и насилием. То там, то здесь предводители с своими полчищами врывались в какую-нибудь деревню или село, чтобы «приобщить» нерешительных к союзу. К галлийским крестьянам в Оттендорфе они писали следующее: «Предписываем вам евангельскую и братскую любовь и просим вас в силу предписания Петра Грюна немедленно явиться к нам и вступить в наши священные полчища для завоевания евангельской любви и братства. Если вы это сделаете, то доставите нам великую радость; если же нет, то вам придется тогда плохо. Потому предваряем вас, чтобы вы пришли к нам в среду утром. Петр Грюн наставит вас».

Оттендорфцы обратились к галльскому совету с вопросом, как им поступить в настоящем случае; он присоветовал им спрятать движимое их имущество в Вестгейме и обещал им свою помощь. Но они сочли за лучшее присоединиться к Гайльдорфским отрядам. В это время пришла весть, что население союзного имперского города Роттенбурга взбунтовалось. Галльский совет переспросил поголовно всех своих сограждан, чего может он ожидать от них, и все они ответили, что останутся верны своим обязанностям и до гроба не изменят своему начальству. Таким образом совет мог считать себя безопасным внутри города [2].

Это происходило 2 апреля, в воскресенье на пятой неделе поста. Но в ту же ночь восстали крестьяне галльского ландвера. Вечером этого дня семь крестьян вышли из мельницы в Браунсбахе

[1] Признание Михаила Руппа, названного Мульмихелем из Руппертсгофена, в коллекции прелата фон Шмида.

[2] Описание крестьянской войны в окрестностях Галля современного городского писаря Германа Гофмана; рукопись в собрании прелата фон Шмида.

после дружеской попойки и пошли «защищать божие правосудие». Они обежали всю деревню, призывая крестьян к оружию, и в ту же ночь отправились в Орлах, оттуда в Гасфельден. В 10 часов они, набрав уже 200 человек, окружили Рейнсбергский погост и, впущенные приходским священником Герольдом, заставили его угостить их хлебом, вином и итти за ними; в противном случае, говорили они, «все будет ограблено и перебито!» Около полуночи пришли они в Альтенберг. Священник убежал в одной рубашке, а они принялись за «очищение ящиков». Вывели его трех лошадей, двух запрягли в повозку, нагруженную хлебом и другими припасами, добытыми в приходской церкви, а на третью сел аншпахский Гафен Стефан и весело поскакал впереди своего отряда, который направился в Ильсгофен. Здесь взяли они в плен приходского старосту, и он, подобно рейнсбергскому священнику Гансу Герольду, должен был итти за ними в качестве пленника. Чтобы он не убежал от них, позади его шел крестьянин с заряженным ружьем. Энслингенский же священник присоединился к ним добровольно: «Для меня это гораздо приятнее, — говорил он, — чем стоять у спокойного алтаря». В Гельбингене и Гагенбахе множество крестьян охотно пристало к ним. Везде, где проходили, они опоражнивали церковные кружки и грабили жилища тех приходских священников, которые убегали от них; в деревенских домах и башнях они забирали ружья, порох, свинец, камни и все, что попадалось им на глаза. На пути они захватили с собою и галльских граждан, шедших из Нюренберга, и галльских мясников, путешествовавших по своим делам. В понедельник утром отряд возрос уже до 400 человек, а вечером от 2 000 до 3 000. Узнавши в Галле, что крестьяне направили свой путь в Эльтерсгофен, Рудольф фон Эльтерсгофен младший поспешил в свой замок. Эльтерсгофены известны были своей дворянской спесью, и их никто не любил. Прежде, однако, чем он успел прибыть в свой дом, крестьяне уже были там и, когда он явился, заставили его пристать к их сводному отряду. Ночью они пришли в Гайкенкирхен, опорожнили церковную кружку и ограбили дотла приходского священника, которого не было дома; вообще они с каким-то особенным удовольствием опустошали церковные дома.

Этот Галльский сводный отряд имел весьма потешный вид. Кроме Гафен Стефана избраны были еще два предводителя: вязальщик сетей Гедле из Энслингена и Леонгард Зейцингер из Гейслингена. Свои военные познания они доказали тем, что мушкеты и прочее оружие тащили за собою на возах, как полена дров; о том, чтобы отыскивать людей, которые могли бы быть действительно им полезны, никто и не подумал; никто также не думал и о возможности нападения со стороны жителей Галля. Они смотрели на свой поход, как на прогулку с одного места на другое, до Галля; они не прочь были забирать по пути все, что попадалось под руки, не прочь были взять и самый даже город. В понедельник ночью

они достигли города. Отправив распорядителей добычи, «очистителей ящиков и мешков», в Веркерсгофен, военный сводный отряд расположился по ту сторону реки Клинге, на всем пространстве около приходской башни Гайленкирхена, Готвольтсгаузена и проспал ночь с 3 на 4 апреля в приятных грезах о богатой добыче в Розовом саду.

Из города ударил утренний благовест «Ave Maria». Вдруг над спящими раздался выстрел, за ним другой, третий, четвертый, пятый. Уже от первого выстрела между крестьянами «поднялась суматоха, как в муравьином гнезде; крик и гоготанье, как в гусином стаде»[1]; один кричит: беги, беги! другой — оставайся, стройся! И при каждом новом выстреле между крестьянами поднимается настоящий содом; все падали на землю. «Здесь — шестеро упало, тут десять, там еще больше, как будто все убиты». Одни прятались в кусты и лощины, другие убегали, что было мочи, и только когда уже не видно было огня и не слышно выстрелов, павшие поднимались, «как евреи у горы Элеонской». В продолжение немногих минут все обратилось в бегство, вся воинственная армия рассеялась перед горстью галльской пехоты, несколькими лошадьми и пятью выстрелами из фалконет.

Узнавши о походе крестьян, внутренний и внешний советы города Галля собрались еще в ночь с понедельника на вторник и решили послать им навстречу несколько пикетов, чтобы загородить им путь в деревню Готвольтсгаузен. Набрано было 400—500 человек пехоты и 40 всадников, все из граждан и мастеровых. За два часа до рассвета их выслали за ворота с пятью шлангами. Со страхом и трепетом отправились эти 500 человек: по носившимся слухам, число крестьян было гораздо больше, чем по донесениям лазутчиков. Чтобы хоть сколько-нибудь ориентироваться в царившей темноте — неизвестно было даже, где и как крестьяне расположились, — штадтмейстер Михаил Шлец приказал одному шлангу выстрелить, и нимало был изумлен последовавшим затем результатом. «Гафен Стефан, — рассказывает очевидец Ганс Герольд, — который за минуту перед тем находился в таком веселом расположении духа, первый обратился в бегство, за ним последовали и прочие вожди. Не было убито ни одного крестьянина, ибо выстрелы направлены были слишком высоко. Только некоторые старые крестьяне, не успевшие угнаться за остальными, захвачены были в плен. Такого чуда и такого бегства я в жизнь свою не видывал: никого не убили, а у хромых нашлись ноги, старики помолодели, все бежали что есть мочи. Священников они построили в шеренгу и поставили их позади себя; в этом числе находился и я в качестве пленника».

Галльцы захватили 6 повозок с провиантом и амуницией. Тут были и плоды, и мука, и вино, хлеб и куры, и говядина,

[1] Галльская хроника Герольда, рукопись Штутгартской публичной библиотеки, hist. fol. 110 и 569.

и оружие, и порох—и все это было смешано вместе. Добычу совет разделил между участниками похода, кроме того, каждому гражданину выдано было по три, а каждому иногороднему мастеровому по четыре шиллинга. На другой день совет отпустил старых крестьян, взятых в плен. В два последующих дня в Галль приходило множество крестьян просить прощения, объявляя, что они против воли были вовлечены в восстание и даже не знали, с какою целью оно затевалось. Их отпустили с строгим выговором, но без всякого другого наказания, однако они должны были уплатить все причиненные ими убытки. Галльский ландвер был совсем не то, что роттенбургский. Галль с незапамятных времен не принимал участия ни в каких сколько-нибудь замечательных битвах, потому его крестьяне были очень неискусны в военном деле и такими остались навсегда. Главные виновники движения бежали в Гогенлое, где в это время восстали эрингенские крестьяне, чтобы вместе с ними присоединиться к евангельскому войску в Шонтале [1].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Гогенлоенское восстание

И во владениях гогенлоенских графов, где давно уже тайно работал Вендель Гиплер, восстание вспыхнуло, как и в других местах, 2 апреля, на пятой неделе поста, в воскресенье вечером.

Вендель основал в Эрингене клуб, в котором участвовали многие из его прежних знакомых. Собрания происходили в городе, в доме мясника Клавса Сальва. Сальв, разорившийся богач, человек в высшей степени честолюбивый, с удовольствием принял участие в этом деле, надеясь в случае переворота выдвинуться вперед и поправить свои обстоятельства. В его доме собирались и посвящались в кровавые замыслы люди, принявшие участие в заговоре по самым разнообразным побуждениям; многие принадлежали к весьма знатным фамилиям и уж никоим образом не походили на пролетариев. Были здесь и разорившиеся богачи и люди достаточные, но честолюбивые и недобившиеся при старом порядке тех почетных должностей, каких они домогались и, быть может, даже заслуживали, или пострадавшие от притеснений и обид со стороны графов и городского духовенства. Молодые графы Альбрехт и Георг отличались самодурством и презирали народ, а каноники позволяли себе такие вещи, которые не могли не возмущать благородного человека. Напрасно обиженные искали правосудия у епископского престола в Вюрцбурге; им никогда не удавалось добиться наказания виновных.

[1] Рукописи очевидцев Гофмана и Герольда.

Не находя нигде ни правосудия, ни помощи, они с радостью приняли участие в деле, которое давало им возможность самим защитить себя. И эту возможность Вендель Гиплер представлял не в туманном будущем, а в близком настоящем, как нечто весьма вероятное, легко осуществимое. Он раскрывал перед ними все нити тайного заговора, рассказывал, как он условился с оденвальдскими и неккарскими вождями соединиться с ними в Гогенлоене и там содействовать перевороту и делу свободы.

Они получили известие о соединении Оденвальдского сводного отряда с Роттенбургским, о восстаниях в других местах и, наконец, о скором приближении Оденвальденцев. Это известие было отпраздновано пиром в доме Леонарда на пятой неделе, в воскресенье вечером. Они поступили вполне по евангелию: о посте не было и помину; был даже съеден целый теленок. Об этом еретическом поступке и о произносимых ими непристойных речах сообщено было гогенлоенскому ключарю Гансу Зигингеру и приходскому старосте Венделю Гогенбуху; между прочим они говорили, что задавят погребщика в постели. На другой день они забрали господскую муку и испекли себе хлеб. Ключарь и приходский староста донесли обо всем графам, находившимся в то время в замке Неуенштейне. С наступлением ночи хотели отправить посла; сам Зигингер отворял ему ворота; но бунтовщики схватили его, отобрали у него ключ и, жестоко избив, хотели лишить его жизни. «Милые граждане, — кричала прибежавшая его жена, — освободите моего мужа! не шумите так! я отдам вам ключ и от других ворот».

Таким образом восставшие овладели воротами. Заперев ключаря и старосту в свином хлеве, они приказали сторожу трубить тревогу, сами ударили в набат и разослали во все окрестные места послов с факелами призывать крестьян к восстанию, грозя в противном случае сжечь и ограбить их имущество. После полуночи они выпустили обоих господ из хлева, заставив их присягнуть, что они останутся пленными в Эрингене. Уже с рассветом крестьяне толпами валили из окрестных деревень в город; многие давно уже были подготовлены к восстанию на собраниях в Грюнбюле и других местах. Они отобрали у каноников Эрингенского монастыря ключи от их сундуков и кладовых и щедро угостили крестьян свежим хлебом, вином и пр.

Горожане немедленно приступили к рассмотрению и устранению недостатков и злоупотреблений городского управления. Дело это поручено было комитету из 24 выборных. Умеренность требований горожан и их выборных ясно доказывали всю запутанность их городского хозяйства; так например, они требовали, чтобы подати, которые они всегда готовы платить, употреблялись только на то, на что они назначались: на устройство дорог и мостов, и чтобы контроль над этим принадлежал выборным от граждан, которые должны заседать в совете и иметь право голоса во всех важнейших вопросах, в особенности в вопросах, относящихся

до городских финансов. Вместе с этим требовали они уничтожения соляной монополии, уравнения духовных с прочими гражданами относительно повинностей и впредь, до будущего преобразования, понижения пошлин на жизненные припасы, весовой пошлины, добавочных сборов и других налогов. Наконец, если в государстве сделано будет какое-либо преобразование, согласно с предписаниями евангелия, то это преобразование должно быть введено и у них. Таковы были требования горожан. Требования эрингенских крестьян были радикальнее: они требовали свободного пользования лесом и виноградниками, уничтожения десятины с вина и всех пошлин, за исключением пошлины с дорог; они уже ссылались на «двенадцать тезисов», которые раньше еще были обнародованы Георгом Мецлером в Шюпферргрунде.

Свои жалобы и требования, изложенные письменно и в самом умеренном тоне, эрингенские граждане и крестьянство отослали к графам в Неуенштейн. Те прислали своим подданным через своего оберфогта Каспара Шенка из Винтерштейна строгий выговор за их возмущение. Граждане ответили: они готовы признавать графов своими наследственными и законными владетелями, лишь бы те удовлетворили их жалобы, они просят, чтобы «их милости» обратили свое милостивое внимание и обсудили их требования, дабы они, бедные люди, могли всегда при них оставаться.

Молодые графы, надменно и заносчиво относясь к народу, считали восстание как бы уже оконченным; низкий народ, думали они, забылся на минуту и теперь снова возвращается к своим верноподданническим обязанностям. Стоит только показать некоторую строгость, сделать кой-какие обещания — и все снова придет в обычный порядок. Умеренный тон второго послания, в котором эрингенские граждане и крестьянство упрашивали своих милостивых господ немедленно согласиться на их просьбы, потому что в противном случае они будут не в силах противостоять восставшим крестьянам других господ, еще более утвердил графов в их предположении. Они вовсе не подозревали, что здесь тайно действует Вендель Гиплер, так тяжко ими обиженный; они видели только обычную робость своих бедных подданных, привыкших раболепствовать перед своими милостивыми господами. Поэтому они ограничились тем, что послали к ним своего оберфогта Каспара Шенка с приказанием возвратить ему ключи от ворот и, как подобает послушным подданным, разойтись по домам, не нарушая данной присяги; фогт присовокупил, что он испросил у своих милостивых господ обещание доставить им те же права, которые будут признаны за гражданами и крестьянами соседних местностей.

Тогда-то верноподданные, тайно подстрекаемые Венделем Гиплером, заговорили более смелым тоном. Они решили крепко держаться того, что будет признано всем братством, и потребовали от графов письменного и скрепленного графскою печатью документа в обеспечение удовлетворения их требований: облег-

чения чрезвычайных налогов, права на своих полях стрелять дичь с обязательством передавать ее чиновникам, третейского суда для разбора графских требований, в котором каждая сторона будет иметь по 12 человек выборных представителей, наконец, общую, безусловную амнистию: тогда они согласятся возвратить ключи от ворот. С этими решениями фогт возвратился в Неуенштейн.

Движение это должно было принять решительный характер с прибытием союзников с Неккара, которых друзья Венделя и он сам, находившийся все время в Эрингене, ждали с часу на час. Союзники прибыли в то самое время, когда шли переговоры с фогтом [1].

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Яклейн Рорбах и восстание в Гейльброннской Неккарской долине

Нижняя долина Неккара, в особенности окрестности Гейльбронна принадлежат к самым красивым, к самым приятным и плодоносным местностям нынешнего Вюртембергского королевства. Здесь среди холмов, покрытых виноградниками, среди широко раскинувшейся долины, изобилующей хлебом и плодами, весело расположился город, носивший когда-то, во времена священной Римской империи, славное название свободного имперского города Гейльбронна. Вокруг раскинулось множество больших и малых деревень. Господам в городе было хорошо и привольно; но зато положение сельских жителей или даже бедного горожанина находилось в резком контрасте с великолепием гор и полей. Кроме имперских владений, здесь находились и духовные. В особенности Немецкий орден имел здесь богатые имения. Эти полупопы, полурыцари, выродившиеся потомки храбрых предков, жили только для того, чтобы благоденствовать за счет сельского населения, и, давно уже забыв время войн за веру и честь, они в последнее столетие так весело пировали и хозяйничали, что превратили своих подданных в самых бедных, самых недовольных и злополучных людей.

На полчаса езды от Гейльбронна лежит прекрасная деревня Беккинген. Здесь жил на своей виноградной плантации Яков Рорбах, молодой человек, происходивший из древнего имперского рода. Яков, или, как товарищи называли его на своем нижнешвабском наречии, Яклейн, пользовался в своем околотке некоторою известностью. С самой ранней молодости он слыл за умную го-

[1] *Вибель*, История реформации в Гогенлое. В особенности для Гогенлое ср. *Эксле*, Историю крестьянской войны в Швабо-Франкских пограничных владениях, составленную по актам Эрингенского архива.

лову, неподатливого, отчаянно смелого парня. За стаканом вина и в собраниях никто так не умел говорить, как он; выкинет ли он какую-нибудь законом запрещенную штуку, он всегда сумеет оправдать себя и уже никогда не позволит играть собою ни начальству, ни судьям. Страстный, пылкий, необузданный, дикий, он признавал только право самоуправства и право кулачное. В 1519 году он отправил к старосте и приходу Дюринцимmерна собственноручный вызов на поединок и уже много раз находился под судом за свои насилия. В 1524 году он предан был суду по подозрению в убийстве приходского старосты дворянина Якова Олнгаузена. Однако это обстоятельство только усилило доверие крестьян к нему: ведь кровь, которою были обагрены его руки, была кровью аристократа, врага народа.

Своею буйною жизнью Яклейн расстроил свое состояние и наделал множество долгов.

Между прочим, он должен был за несколько лет оброк с одного двора монастырскому викарию в близлежащем Вимпфене. Яклейн стал доказывать, что викарий требует с него слишком много; монастырский викарий подал на него жалобу, и беккингенский приходский староста назначил Яклейну день суда в понедельник 27 марта.

В это время жил еще отец Яклейна, весьма почтенный человек. Викарий отправился к нему в Беккинген и просил его посредничества. Старик Рорбах ответил, что сын его худой человек и отклонил от себя его просьбу. Когда викарий возвращался из Беккингена домой, за ним гнался по улице Яклейн с тремя товарищами и громко кричал ему вслед: «Поп, поп, не ленись, я тоже не ленюсь, собери всех своих друзей и близких, я медлить не буду». Испуганный викарий обернулся и спросил его, что он хочет этим сказать. Яклейн, смеясь, отвечал, что все должно быть отложено до дня суда.

Наступил понедельник средокрестной недели. Монастырский викарий отправился со своим адвокатом в Беккинген. Остановившись в Гейльбронне на постоялом дворе, он заметил, что на улице происходит какое-то странное движение. Эта беготня и шум показались ему подозрительными. Куда ты идешь? спрашивал один другого; не в Беккинген ли? Он спросил хозяина, что все это значит и зачем народ так спешит в Беккинген? Хозяин, который не знал викария, ответил: «Господин Яклейн Рорбах должен сегодня судиться с каким-то попом, но дело в том, что поп несправедливо требует от Яклейна больше, чем господин Рорбах ему должен, и, как видите, — попу не сдобровать».

Все это предвещало грозную бурю. Он обратился за советом к друзьям, те советовали ему не ездить в Беккинген: было ясно, что Яклейн не ленился; он созвал всех, которые были с ним в дружбе и могли ему помочь; народ в городе и за городом восстал и держит его сторону. Викарий известил о грозившей ему опасности гейльброннский городской совет; совет решил отправить од-

ного своего члена, Каспара Берлина, в помощь беккингенскому фогту.

Яклейна не было в Беккингене: он ушел в Левенштейн; но они застали там множество вооруженных крестьян и других лиц, готовых защитить его против несправедливости, причиненной ему попом. Начальство не решилось ни на какие меры. Советник приказал только приходскому старосте быть настороже и первого, кто вздумает буянить, связать и отправить в город. Затем он отправился назад, чтобы доложить о случившемся совету. Совет увещевал викария отложить на время его тяжбу при настоящих неблагоприятных обстоятельствах.

Викарий обратился с жалобою на Яклейна к декану своего монастыря Гансу Гейльману. Декан написал последнему вежливое письмо, советуя ему миролюбиво покончить дело о его долге. «Пусть декан со всеми канониками целует его в задницу, — отвечал Яклейн Рорбах, — и пусть терпеливо подождут; он скоро намерен явиться к ним». Сам Яклейн давно уже держал в руках все нити восстания; он был один из посвященных. Дом его в Беккингене был тем же, чем дом Мецлера в Балленберге, — средоточием всех недовольных, станциею для тайных послов посвященных.

По всей вероятности, Яклейн был в том месте, где Вендель Гиплер «обделывал» князя Гогенлое. Один из современников, принимавший участие во всех этих событиях, говорил после, что «гейльброннцы притянули к себе за волосы Яклейна Рорбаха».

И действительно, кажется это так и было. Поведение гейльброннского совета навлекло впоследствии на город много жалоб и обвинений, и Гейльбронн — этот старый, свободный имперский город — имел в себе очень много такого, что, повидимому, сильно подтверждало подозрение духовных и светских князей; а они подозревали, будто он до некоторой степени способствовал баварскому движению, будто свободные города тайно согласились между собою низвергнуть всех князей в немецкой империи, установить в империи демократическое или аристократическое правление и составить республиканскую конституцию по образцу Венеции и Швейцарии и будто они с этою целью возмущают простой народ через посредство своих купцов и по преимуществу купцов из евреев, имевших большое влияние на простолюдинов.

Действительно, в Гейльбронне были революционеры, революционеры, мечтавшие уже полвека о единой Германии и стремившиеся к перевороту, одни из принципа, другие из отчаяния. Но для того чтобы видеть, какой сильный отголосок встретило в городе народное движение, необходимо ближе рассмотреть внутреннюю народную жизнь в Гейльбронне и проследить на частных примерах общий ход событий.

Вендель Гиплер поселился с 1524 года в окрестностях Гейльбронна, в Вимпфене; как адвокат он пользовался большою популярностью среди горожан и крестьян города и его округа. Среди

своих многочисленных посетителей он встретил немало единомышленников, через которых и сошелся с Яклейном.

В доме булочника Вольфа Лейнгейма, имевшего в городе и кабак, гейльброннские заговорщики держали свои собрания. Собрания начались вместе с восстанием в Верхней Швабии. Из этого-то клуба нити заговора распространились и по соседним деревням, именно Флейну и Беккингену, через него-то попали и знаменитые «двенадцать тезисов» в руки неккарских крестьян. Яклейн носил их у себя на груди; слух об этом быстро распространился среди горожан; один из них, Христиан Ширер, закричал ему на улице: «Яклейн, у тебя есть крестьянские тезисы?» «Да, они у меня на груди, — отвечал Яклейн, — я тебе дам их прочесть». «Я не умею читать», — отвечал Христиан Ширер. «Не хочешь ли ты итти со мною?» — спросил его Яклейн. «Если хотя кто-нибудь пойдет, я тоже пойду», — ответил Христиан Ширер. «Так приходи в дом булочника Вольфа», — сказал Яклейн [1].

В доме Вольфа собралось, между тем, большое общество, здесь были и женщины, в том числе жена Яклейна. Все сидели за блюдом рыбы и бутылкою вина. «Братья, — сказал Яклейн, устроивший в окрестностях уже несколько тайных обществ, — братья, теперь начнем мы жить по-христиански; мы соберем скопище крестьян и затеем такую игру, что о ней все запоют и заговорят». «Горе ребенку в утробе матери!» — сказал Иерг Мартин. «Горе ребенку в утробе матери!» — повторили все хором. «Мы накажем духовенство, — сказал другой, — мы казним господ; да стыдятся они креста господня; их дома — нам должны принадлежать!» «Избави боже, —смеясь, сказал хозяин Вольф, — так пожалуй вы и мой возьмете». «Нет, — вскричал он ему в ответ, — ты славный товарищ, ты будешь на нашей стороне. Мы потешимся в виноградниках, которые будут нащи, как только мы соединимся вместе. Приходи завтра к нам в Флейн, там соберется много наших. Все крестьяне из округа будут там; кто не придет, у того через час же мы подожжем дом, так мы их всех сгоним» [2]. Это происходило в субботу перед пятой неделей поста; Яклейн прибыл сюда из Левенштейна. В этот день Вольф Лейнгейм сделан был их секретарем. «Ну, Христиан, — сказал Яклейн, — хочешь ли ты нам помогать?» «Я буду вам помогать», — отвечал Христиан Ширер. «Ну, так до свидания в Флейне», — попрощался Яклейн.

В ту же ночь, 1 апреля, отправился Яклейн в Флейн; 2-го же числа развязались нити заговора. Он собрал вооруженную толпу народа.

В Флейн пришло 800 крестьян и все гейльброннские заговорщики; барабанным боем и свистками открылось собрание. Ораторами были Яклейн, Иергансен и Реми; содержание всех речей состояло в том, что следует всем соединиться в один сводный отряд и

[1] Акты Швабского союза, № 53.
[2] Там же, № 13, 14, 17, 53.

что все крестьяне должны друг другу помогать. Иерг Мартин вдался и в частности. «Разве, это не обидно, — говорил он, — что наших кур и гусей обложили налогом. Малая десятина должна быть уничтожена. В этом нам поможет Бог». «Нужно выбросить вон и советников», — так далеко зашли требования некоторых. Яклейн тоже предлагал уничтожить таможенные сборы и налоги. Братская преданность должна всех соединить вместе; кто имеет много, тот неимущему должен пособлять и советовать. Немецкий дом они возьмут и разделят вместе с горожанами; город раз навсегда установит пошлины и подати и этим уничтожит все теперь существующие поборы. Немецкие господа — безбожные люди, они ничего тогда не будут иметь; их дома — дома разврата, их луга отнимутся от них и отдадутся бедным. Не будет и монастырей; монахов и монахинь прогонят; им назначат ежегодную порцию.

Поджигая и возбуждая таким образом крестьян извне, гейльброннские заговорщики деятельно агитировали и в самом городе, преимущественно среди густого населения «Виноградных садов»; от него, кроме Глезера, первоначально никто не принимал участия в заговоре. Первый, привлеченный Яклейном к заговору, был Ганс Биссингер.

В тот же день Яклейн как «предводитель крестьян Неккарской долины» привел триста человек крестьян к своим товарищам в Беккинген. Старшина хотел было восстановить против него общину, но Яклейн арестовал его и засадил в тюрьму.

Вечером он послал гонца в соседнюю деревню Соизгейм и угрожал ей смертью и огнем, если она не пришлет ему подкрепления. Соизгеймский старшина при свете факелов собрал общину и увещевал ее сохранять верность их господину. Решено было как можно скорее послать гонцов к господину командиру в Гейльбронн за советом и помощью.

В полночь гонцы уже стучались в ворота Гейльбронна. «Дело идет о жизни и имуществе, — кричали они городской страже, — их следует впустить тотчас же». Но их, однако, тотчас же не впустили. О них сперва доложили бургомистру и коментуру. Оба сошлись у городской стены. Известие, принесенное ими, страшно перепугало коментура, так что он мог только сказать им дрожащим голосом: «Вы должны вести себя, как подобает благочестивым людям; если вы будете не в состоянии противиться — поступайте, как другие; он вас не погубит». До рассвета соизгеймцы ждали помощи из Гейльбронна, но из Гейльбронна помощи не явилось, а от Яклейна приходили между тем все более и более страшные угрозы. Наконец, они решили прислать требуемое подкрепление и присоединились, таким образом, к начинавшемуся восстанию.

Восстание же быстро распространялось по Неккарской долине и в окрестностях, частью само собою, частью путем насилия; Яклейн принуждал все окрестные местечки высылать ему известное число людей. Как какой-нибудь фельдмаршал, предписывал он им

немедленно присоединиться к его отряду, грозя за медленность и непослушание отобрать у них все имущество и сжечь его.

«Таким образом вовлечено было в восстание, — говорит один современник [1], — очень много честных и благородных людей».

Главная квартира Яклейна находилась в Флейне. Здесь-то собирал он своих приверженцев и заставлял их клясться, что они изгонят попов и монахов, не будут отбывать барщины и платить больших налогов богачам, что они ограничат умеренным доходом дворян и господ и поделят между собою имущество монахов и церквей.

Затем, чтобы начать дело пиром, он дозволил крестьянам удить рыбу в озере гейльброннского коментура, что им очень понравилось, и предпринял объехать окрестности, чтобы увеличить свои средства. Большими деньгами откупились от его посещений жители Вимпфена, которых он не забыл, как не забыл ни тамошнего викария, ни декана.

Вернувшись с объезда с новым запасом сил, он созвал собрание на большом лугу в Флейне, для того чтобы сказать людям нечто новое. У него был священник Бельтелин из Массенбаха, отличавшийся необыкновенно пламенным красноречием; он часто проповедывал на лугу о евангельской свободе.

Между тем, Яклейн получил тайное предписание от заговорщиков в Эрингене поспешить к ним с подкреплением и своим внезапным появлением среди колеблющихся граждан дать делу решительный оборот. Это заставило его тотчас же отправиться в Гогенлоенскую область; он и без того, впрочем, давно уже хотел сделать визит графам. Он взял с собою в Эринген 1 500 человек. Когда он туда прибыл, с ним соединились все восставшие в городе; город оказался для них слишком тесен, и потому они, оставив там сильный гарнизон, покинули его и быстро пошли на соединение с большим «евангелическим войском», расположившимся в Шентале.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Поход из Шенталя на Неккар, Флориан Гейер и Гец фон Берлихинген

По дороге в Шюпферoccгрунд Офенбахский сводный отряд, подошедши к сильной крепости Гибельштадт, нашел себе способного предводителя в лице Флориана Гейера, предки которого владели с давних пор этой крепостью. Подобно графу Рудольфу фон Верденберг под Аппенцеллером, этот доблестный воин, сбросив с себя рыцарское звание, добровольно присоединился к крестьянам.

[1] *Себастиан Франк.*

История немного сохранила описаний его жизни, но и эти немногие данные достаточно характеризуют его личность. В молодости на него имел влияние Ульрих Гуттен, а потом он всецело проникся религиозными и политическими идеями нового времени, он не принадлежал более своему сословию, он весь отдался свободе и народу. Нам мало известны обстоятельства его ранней молодости; но что большую часть ее он провел на военном поприще, это можно заключить из того, что он участвовал при Мекмюле, где был взят в плен Гец фон Берлихинген, служивший в Швабском союзе. Легко может быть, что Флориан был некоторое время предводителем какого-нибудь отряда войск. Сводный отряд, которым он командовал, отличался от других сводных отрядов превосходством в военном деле и скоро получил вид хорошо сформированного ополчения. Он гордился своим «черным отрядом», как он сам называл, а об оденвальденцах отзывался, как о сволочи. Без сомнения, Флориан участвовал также вместе с опальными франконскими рыцарями в предприятии Зиккингена. Итак, Флориан во главе своего отряда отправился в Шенталь.

В крестьянский лагерь под Шенталем явился также всем известный дворянин рыцарь Гец фон Берлихинген. Замок Хорнберг на Неккаре, одно из самых неприступных мест тогдашнего времени, служил ему местом пребывания. О силе Геца отзывались так: у Геца одна рука из мяса и крови, другая — из железа. Он ненавидел духовенство, ненавидел князей, стеснявших свободу рыцарей, ненавидел весь Швабский союз и говорил, что он охотно отбил бы им всем бока; к богатым городским барам он относился также враждебно. Из этого видно, что Гец имел очень много общего с крестьянами. Он был любим в народе, потому что, подобно Францу фон Зиккингену, охотно принимал сторону простолюдина и, защищая народные права, пользовался случаем, чтобы вступить в борьбу с сильными владельцами. Когда крестьяне стали теснить его братьев, Гец отправился в крестьянский лагерь. Крепостные, принадлежавшие его братьям, вступили в крестьянское войско. Брат его Ганс засел в своем укрепленном жилище Якстгаузен, отстоявшем на час пути от Шенталя, где находилась фамильная гробница Берлихингенов. Имея влияние на крестьянских вождей, Гец легко убедил их оставить имение своего брата в покое [1].

Здесь, в Шентале, он предложил свои услуги крестьянам, прибавляя, что он легко может привлечь на свою сторону и дворян, потому что и они, подобно крестьянам, терпят притеснения от правительства. Тут же он условился с крестьянами таким образом: если они подойдут к его дому в Гундельстгейме, то это будет значить, что он им нужен [2]. Гец и его братья разослали франконскому

[1] Жизнь Геца, описанная им самим.

[2] Показания крестьянского советника Дионисия Шленда из Швабаха, находятся в сборнике прелата фон Шмида. Если бы Бензен имел случай сам просмотреть эти документы, то, по всей вероятности, оценил бы их по достоинству. Признания Дионисия, хотя и вынуждены, были пыткою, но, судя по тем мелким

рыцарству приглашения вооружиться и в две недели быть готовыми к общему собранию. Цель их была — возобновить план Зиккингена и, воспользовавшись народным движением, низвергнуть духовные власти. Гец сильно на это надеялся. Правительство же, с своей стороны, боялось и ждало, что Гец станет во главе движения. Еще в среду на пасхе вюртембергский оберфогт уведомлял из Шорндорфа австрийское правительство в Штутгарте, что главным руководителем крестьянского восстания был Гец фон Берлихинген, хотя этого и нельзя открыто доказать [1].

Собравшимися в Шентале начальниками и советниками различных общин составлен и предложен был план действия. Из отдельных сводных и мелких отрядов сформировано было «ясное ополчение Оденвальда и долины Неккара» [2].

В это время получен был в Шентале письменный ответ графов из Гогенлое. В ответе говорилось так: параграфы, относящиеся до эрингенских горожан, будут подвергнуты милостивому рассмотрению графов и, что будет возможно, сделают для них. Крестьяне же, писали графы, не должны ссылаться на обнародованные двенадцать тезисов, потому что эти тезисы найдены на основании священного писания неосновательными. Им обещаются льготы, которые даны будут с согласия римских сановников или которыми пользуются Рейнландская, Франконская, Баварская и Швабская области. Все бежавшие снова будут приняты в графстве, если они найдут за себя в Эрингене с обеих сторон двадцать четыре поручителя; имеющие что-нибудь против графов должны искать справедливости по обычаям страны; все будет забыто, если мятежники положат оружие.

Многим бюргерам понравился язык их владельцев; подобных речей они никогда еще до сих пор не слыхивали. Они были того мнения, что если в течение двух месяцев обещания не будут исполнены, то они имеют право вновь собраться. Крестьянам же очень не понравился ответ графов. Вендель Гиплер и крестьянские начальники видели в этих предложениях не более, как попытку выиграть время, и даже, если бы обещания эти были выполнены, то и тогда они не соответствовали бы их дальнейшим планам. Крестьянский начальник Вольф Гербер при этом сказал:

подробностям, в которые он вдавался, нельзя заподозрить, чтобы они были им выдуманы. Что он потом отрекся от своих слов о Геце и что сам Гец опроверг Дионисия, — это понятно, как понятны и причины, побудившие их так действовать.

[1] Из дел Штутгартского архива.

[2] Название «ясное» ополчение должно понимать, как всеобщее. Это выражение общеупотребительно даже в регулярных народных войнах. В своей автобиографии Себастиан Шертлин говорит: «При Гейльбронне сделали меня вскоре вахмистром пехоты Швабского союза против «ясного», т. е. общего отряда». Начальник Озерного сводного отряда «Ганс Тщеславный» уведомляет монастырь Салем, оставляемый им долгое время в покое: «Теперь я должен вас привести к присяге, потому что получил на то повеление от «ясного» отряда, т. е. соединения всех отрядов.

«Все о чем мы раньше писали и эти двенадцать тезисов должны быть приняты, и графы будут оставлены в покое до новых решений; если же они на это не согласятся, то крестьяне вольны поступить, как им заблагорассудится». Все крестьяне согласны были с мнением Вольфа Гербера. Они еще раз послали свой ультиматум графам; но так как графы не обеспокоились отвечать мужикам, то в понедельник, 10 апреля, крестьяне двинулись к Нейенштейну, где находился граф Альбрехт.

Как раз на пути лежал Лангенбург. Без сопротивления заняли они городок и замок. Супруга графа Альбрехта, жившая в замке, умоляла начальников оставить ее в покое; но они, несмотря на ее просьбы, взяли ее со всеми служителями в плен и управляющим замка сделали Альбрехта Эйзенгута, эрингенского ратсгера. Ограничив сразу расходы замка, он навлек на себя неудовольствие графини, которая потом жаловалась, говоря: «Хотя управляющий и бывал прежде при дворе, но поступал, как совершенный неуч,— ничего не сделал в угоду ее милости». Все запасы плодов и вина, заготовленные неприятелем для собственного продовольствия, крестьяне взяли себе. Графам Альбрехту и его брату Георгу предложили прибыть для переговоров, в противном же случае грозили предать пламени городок, замок и другие графские дома со всем, что в них находилось. Получив это приглашение и вместе с ним пропускной вид за пфальцскою печатью, оба графа на другой же день — это было во вторник на вербной неделе — отправились к крестьянам. В Грюнбюле, главном пункте гогенлоенского восстания, между Вальденбургом и Нейнштейном, на открытом поле встретились графы с крестьянскими вождями. Граф Альбрехт, желая дать этому делу мирный исход, предложил устроить третейский суд и покориться его приговору. Но он не добился этого от крестьян. Вендель Креес из Нендерфалля обратился к графам с такою речью: «Брат Альбрехт и брат Георг, если вы уже пожаловали сюда, то оставайтесь у нас, как братья, и обещайте на будущее время ничего не предпринимать дурного против нас. Здесь, в Гогенлое, господа мы — крестьяне, а не вы, и общее мнение нашего войска таково, чтобы вы письменно и под присягою обещали признать тезисы, присланные вам из Шенталя, и чтобы они были в силе сто один год» [1]. Сообразив, что отказ может быть погубит как их, так и их союзников, графы сделали временный договор с крестьянами до следующих реформ, которые, по их словам, они имеют намерение предложить и прочим крестьянам [2]. Подписывая свое официальное согласие под двенадцатью тезисами, графы должны были снимать перчатки, между тем как крестьяне не снимали своих [3]. И все это графы должны были слушать, видеть и терпеть, «так что их сиятельства не знали, куда и девать глаза со стыда».

[1] Сборник рукописей Шмида.
[2] Из рукописи, находящейся у Гофмана, письмо графа в Галль.
[3] Донесение Клауса Сальва.

Когда стало известно «ясному ополчению», что графы перешли на сторону крестьянского братства, событие это праздновалось 2 000 ружейных выстрелов. Согласно договору, графы должны были выдать всех пленных, взятых во время восстания. Тут же Георг Мецлер потребовал у графов пушки и порох. Но так как в договоре об этом не упоминалось, то графы не спешили исполнить его требование. Галльская дружина жаловалась «ясному ополчению» на нерадение гарлеровцев к общему делу. Вследствие этого Георг Мецлер писал галльской общине из Орингена, куда выступил весь сводный отряд. Обращаясь к ним, как к братьям и друзьям, он просил их принять участие в братском и христианском походе, предпринятом для облегчения бедственного положения народа, и содействовать успешному его окончанию присылкою необходимых им ружей, четырех шлангов [1] и четырех бочек пороху [2]. В Эрингене сделано было новое шелковое знамя с желтой, коричневой и зеленой полосами. Несколько отрядов, отделенных от общего ополчения и посланных из Таубергрунда в Шенталь, по условленному плану были при отступлении от Эрингена обратно посланы в Таубергрунд; а «черный отряд» под командою Флориана Гейера, составленный им из наилучших, заслуженных франконских ратников, вместе с главным войском под предводительством Георга Мецлера и Яклейна Рорбаха двинулись к долине Неккара. Вендель Гиплер еще в Шентале избран был в канцлеры «ясного ополчения».

В то же время партия в 400 человек под командою Яклейна отправилась в женский монастырь Лихтенштерн, требуя контрибуцию в 500 гульденов и «обещая освободить монастырь, если получит требуемую сумму». Совет же скрылся в Левенштейне. «Ясное ополчение», подвигаясь в Неккарскую долину, разграбило по дороге Вальдбах и укрылось в долине вместе с вюртембергскими поселянами. На Неккаре жители встречали крестьян с различными чувствами. «На достаточных и богатых наводила ужас эта трехтысячная толпа, владевшая не только ручным оружием, но и пушками; бедный же, угнетенный народ спешил с радостию с нею соединиться» [3].

Яклейн, разграбив Лихтенштерн, отправился в Левенштейн, чтобы принудить обоих братьев, Людвига и Фридриха фон Левенштейн, вступить в их христианское братство. Сначала графы скрылись, но так как бегство могло им стоить потери и разграбления их владений, то они сочли за лучшее лично явиться в крестьянский лагерь.

Место, более других обратившее на себя в это время внимание всего ополчения, был городок Неккарсульм, принадлежащий Немецкому ордену. Многие из отряда Яклейна Рорбаха были вассалами этого ордена и с большим удовольствием желали бы при-

[1] Род кулеврины (большого размера пушка). — *Прим. перев.*
[2] Из рукописи, находящейся у Гофермана.
[3] Доклад вейнсбергского погребщика, Штутгартский архив.

своить себе его поместья. Вообще же они старались привлечь на свою сторону все крестьянское население по Неккару — тогда бы вся местность Вюртемберга была присоединена к их союзу, прежде чем они вступят во Франконию, чтобы нанести там решительный удар. План этот был удобоисполним; здесь не так, как в Верхней Швабии, они обеспечены были от нападений союзной армии.

В то время как ополчение еще стояло в Вейнсбергской долине, распространился слух, что будто наездники графов фон Гогенлое захватили нескольких крестьян, желавших присоединиться к ополчению; кроме того, графы еще не выдали требуемые от них полевые орудия; так что их действия более походили на вражду, чем на дружбу. В войске поднялся ропот, поговаривали, что следует возвратиться, сжечь Неуенштейн и предать графов смерти. Ратсгер Альбрехт Эйзенгут и Ганс Виттлих из Ингельфингена отправились к графам, предостерегая их и прося их выдать крестьянам по крайней мере две шланги. Яклейн же направился к Неккарсульму. Имея с давних пор сношения с тамошними бюргерами, он легко завладел городом. К Вейнсбергу хотя подступили и раньше, именно 14 апреля, но тогда он еще не был взят.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Кровавая месть при Вейнсберге

Крестьяне были приняты в Неккарсульме как друзья; немецкие властители нигде не были так ненавидимы, как здесь. Богатые, в изобилии заготовленные съестные припасы Немецкого ордена пришлись очень кстати крестьянскому войску, которое расположилось частью в городе, частью на лугах перед стенами города.

Неккарсульм отстоял на два часа пути от Вейнсберга. Когда ополчение приближалось к городу и замку, то оберфогт Людвиг Гельфрих фон Гельфенштейн, живший в замке, обратился к австрийскому правительству в Штутгарте с настоятельной просьбою о подкреплении. Уже с 15 лет этот молодой, теперь двадцатисемилетний рыцарь, граф фон Гельфенштейн отличался во многих сражениях [1]. Он был любимцем эрцгерцога Фердинанда, женат был на побочной дочери недавно умершего Максимилиана I, Маргарите фон Эдельсгейм, вдове Иоганна фон Гиллен, форстмейстера в Тироле. Пять лет как они были обвенчаны и жили в Вейнсбергском замке. Теперь графы Людвиг и Дидрих фон Вейлер были отозваны в Штутгарт на общее заседание совета. Здесь решено было

[1] *Келлер*, История графов фон Гельфенштейн, Ульм, 1840, стр. 132.

навербовать тысячу человек и вверить начальство над ними Людвигу фон Гельфенштейну. «Если прибавить к этим рекрутам часть конницы, — полагали они, — то сопротивление будет возможно; а крестьяне, услышав о таких серьезных приготовлениях, вероятно, отступят, как это случалось и прежде [1]. Военный совет надеялся получить конное подкрепление из Бадена и Пфальца; а между тем, в ожидании этой помощи графу Людвигу Гельфенштейну даны были 12 апреля 70 рыцарей и рейтаров, с которыми он должен был спешить к Вейнсбергу, чтобы на первых же шагах остановить вторжение туда оденвальденцев. Едва он успел приехать, как уже уведомлял правительство, что с такой малочисленной командой продолжительное сопротивление крестьянскому войску, состоящему из 6 000 человек из Оденвальда и Гогенлое, решительно невозможно.

«Если мне, — прибавлял он, — не пришлют еще конницы или пехоты, то за последствия я не отвечаю. В ущербе и убытке, которые легко могут произойти, виноват буду не я. Для ограждения своей чести, говорю: все, что будет зависеть от меня, сделаю, даже если бы пришлось положить жизнь. Я буду поступать, как честный и богобоязненный гражданин». Два дня спустя он вторично просил, чтобы выслали ему, не теряя времени, гессенских всадников. Потом, 15 апреля, в субботу на пасхе он еще настоятельнее просил прислать ему немедленно пфальцских рейтаров с деньгами, чтобы избежать, как он говорил, поругания, убытка и вреда.

Попадавшихся им на пути из Штутгарта в Вейнсберг крестьян, граф приказал брать и вешать [2]. По прибытии своем в Вейнсбергскую долину, граф нашел, что уже все селения округа, исключая Эберштадта, находятся во власти «ясного ополчения». 14 апреля, в пятницу на пасхе, крестьяне по дороге из Лихтеншеперта в Неккарсульм послали требование в Вейнсберг, чтобы весь город и находящиеся в нем рыцари присоединились к их «христианскому» братству. В то время как граф, поджидая себе помощи из Штутгарта, для проволочки времени повел переговоры с крестьянами, между ним и его товарищами было условлено: «Весь день, насколько хватит у них сил, вредить неприятелю» [3]. Врасплох напали они на ариергард «ясного ополчения» и нанесли ему немалый вред; поступок этот привел крестьян в большое смятение и гнев [4].

В это же время пришло посольство с Дуная с жалобами на поступки Трухзеса. Рассказывали, как он выжигает крестьянские селения, а крестьян предает смерти, как он казнил мейстера Якова Веэ в Лейпгейме, как Дунай весь обагряется кровью их братьев; рассказывали, что этою кровожадною ненавистью преследует он все их сословия. Слух о 7 000 зарезанных при Вурцахе

[1] Штутгартский архив.
[2] Доклад архивариуса Рютталя в хронике Гельфенштейнов, Бабелькофера; рукопись в Штутгартском архиве.
[3] Собственноручное письмо графа правительству в Штутгарте.
[4] Рукопись Томаса Цвейфеля, находящаяся у Бензена.

привел всех в ярость и возбудил жажду мщения. Эту бойню владельцы называли победою и всюду похвалялись ею; крестьянские предводители смотрели на свое дело, как на правую войну народа против своих притеснителей, потому и хотели, чтобы с ними поступали на основании военных уставов и положений. Действительно, поступки Трухзеса, равно как и графа фон Гельфенштейна, нападавшего на них во время переговоров, были совершенно противны всем военным законам; крестьяне считали необходимым принудить владельцев вести с ними открытую войну, которой эти так избегали. Война эта была им возмездием как за убиение благочестивого Веэ, так и за казнь крестьянских начальников в Лейпгейме и Лангенау, за кровопролитие при Вурцахе, за убийства в Вейнсбергской долине и за нападение во время переговоров.

Как будто бы сама судьба так устроила, что мщение народа должно было обрушиться на графов Людвига фон Гельфенштейна и Дидриха фон Вейлера, распоряжавшегося вместе с графом вейнсбергским нападением.

С полей Неккарсульма разгневанные и жаждущие мщения крестьяне вечером в страстную пятницу послали в Вейнсберг письмо, в котором требовали суда над бургомистром и оберфогтом Гельфенштейном. Это, без сомнения, было последнее слово крестьян. Мятежникам своего округа, примкнувшим к «ясному ополчению», граф угрожал, обещая, если они не вернутся, выслать им их жен и детей, а жилища их предать огню. Ганс Коберер из Бретцфельда, узнав, что граф написал подобное же письмо и начальнику Вейнсбергского отряда, пошел в крестьянский лагерь под Вейденом и объявил крестьянам об этом во время их обеда. Услышав эту весть, крестьяне Вейнсбергской долины поднялись с криком, говоря, что следует или отпустить их, или же заключить мир [1].

Когда граф после атаки на неприятельский ариергард возвратился в Вейнсберг, то нашел часть жителей города в колебании и испуге; прежнее доверие его к ним исчезло, и он не предвидел от них помощи себе. Он писал правительству в Штутгарт: «Не будь я здесь с моими рейтарами, наверно все было бы потеряно. Я употреблял все средства, чтобы горожане оставались на нашей стороне. Потому сегодня (в субботу на пасхе) имел с ними разговор и при этом так их обошел, что они отказались от прежнего своего намерения присоединиться к крестьянам». Он надеялся также, что крестьяне отправятся к Вимпфену, не разоряя Вейнсберга.

В это же время крестьяне получили высокомерный и презрительный ответ графа.

Как ни бдительно охранял Гельфенштейн вход в городские ворота, но женская хитрость нашла туда доступ. Жена Вольфа Нагеля проникла тайно из Вейнсберга в Неккарсульм и, переходя от шатра к шатру, рассказала всему стану, что она послана к ним из Вейнсберга Иергом Рием, по прозванию Крендель, Мельхио-

[1] Показания Дионисия Шмида из Швабаха.

ром Бекером и Бенгардом Геллерманом с поручением передать им, чтобы они не покидали своих вейнсбергских братьев. Еще пришел в крестьянский лагерь бывший в плену в Вейнсберге и убежавший оттуда Земмельганс, нейенштейнский солевар и уверял крестьянского советника Дионисия Шмида из Швабаха, что наверху в замке находится не более 8 человек, а что остальные все в городе. Дионисий Шмид и другой крестьянский советник Ганс Коберер из Брецфельда сообщили это известие крестьянским начальникам и тут же предложили двинуться к Вейнсбергу, с целью взять его. Земмельганс обещал указать и место, наиболее удобное для штурма[1]. Весь отряд приведен был в негодование ответом графа; крестьяне Вейнсбергской долины с радостью узнали о предложениии советников: разорив город и замок, они думали навсегда освободиться от ненавистной барщины. Рано утром 16 апреля, в день пасхи, отряд двинулся в числе 8 000 человек через Бинсванген и Эрленбах к Вейнсбергу «с великою яростию».

Вечером, когда крестьяне условливались о плане своих действий, в Неккарсульме находился один из почетных гейльброннских бюргеров. Проведав, что крестьяне порешили взять Вейнсберг и не щадить дворян, он тайно, через одного сторожа, дал знать об этом в ту же ночь графу. Впрочем, еще раньше, за день до этого один лазутчик донес графу, что крестьяне вскоре готовятся выступить из лагерей и пулями похристосоваться с вейнсбергцами[2].

Вследствие этих известий уже в сумерки рыцари и рейтары были в полном вооружении; лошади ждали их оседланные в конюшнях; для усиления незначительного гарнизона посланы были в замок еще пять рейтаров. Большего подкрепления Гельфенштейн не мог послать туда, хотя там находились его жена, ребенок и все имущество. Впрочем, граф так высокомерно относился к военному искусству неприятеля, что считал невозможным, чтобы он мог взять такой укрепленный замок. Главнейшею его заботою было отразить первые нападения на город; потому сделаны им были необходимые распоряжения о защите городских ворот и бойниц. На площади он собрал рыцарей, рейтаров и всех горожан, ободряя их и прося оказать ему мужественное содействие. Все охотно обещали; граф же, со своей стороны, считая жену и ребенка в безопасности в замке, заверял их, что все старания его будут направлены к защите города, что он сделает для них все, что может, и что без сомнения сегодня же подойдет к ним на помощь отряд конницы [3]. По распоряжению графа, ворота, стены и бойницы были уже заняты. Но неприятель еще не показывался. Время утреннего богослужения, которое предполагалось сократить, приближалось; многие из горожан и воинов отправились в церковь присутствовать при совершении таинства. Граф и Дидрих фон Вейлер также слушали мессу.

[1] Показания Дионисия Шмида.
[2] Штутгартский архив.
[3] Там же.

В 9 часов утра богослужение было прервано известием, что несколько крестьянских отрядов показались уже на Скамеечной горе и что вдали виднелись еще большие партии. Сторож при башне хотел сейчас же бить тревогу, но граф, чтобы не всполошить жителей, запретил ему это. Стоявших на стенах и у бойниц граф просил быть мужественными и бесстрашными. Женщины и девушки, по распоряжению Дидриха фон Вейлера и градского головы Шнабеля, таскали каменья на стены.

Возвышенность, похожая на скамейку и названная Скамеечною горою, лежала как раз против Вейнсберга. Идя из Эрленбаха, крестьяне непременно должны были пройти через эту гору. Они собрались на ней в боевом порядке и послали в город двух герольдов; их можно было узнать по шапке, надетой на длинную палку, которую они держали в руках. Подошед к городским воротам, герольды требовали сдачи города: «Отворите замок и город ясному христианскому ополчению, — кричали они, — в противном же случае, удалите, ради бога, оттуда женщин и детей, потому что как замок, так и город будут взяты приступом и тогда никому не будет пощады». Люди, защищавшие вход, не знали, что отвечать крестьянским герольдам. Послали за графом и тот немедленно поспешил к воротам; но Дидрих фон Вейлер уже подоспел туда ранее.

Этот гордый дворянин боялся крестьян не более «слепней». Ему и в голову не приходило, чтобы эти слепни могли отважиться, на какое-либо серьезное нападение, если встретить их решительным отпором. Он считал постыдным для дворянина вступить в переговоры с подобною сволочью и думал, что лучше всего поддержит свое достоинство, если будет отвечать им пулями. По его приказанию со стен открыт был огонь по крестьянским послам. Один из герольдов был ранен и упал; но, поднявшись, окровавленный побежал, что было сил, к своим товарищам на Скамеечной горе. Дидриха фон Вейлера очень забавляло это бегство; волнение, происшедшее на горе, заставило его предположить, что крестьян устрашил его энергичный ответ. «Любезные друзья, — закричал он вслед, — вы откажитесь от своего предприятия; вы хотели нас только попугать и думаете, что мы очень боимся зайцев». Но не так думал пришедший вместе с графом бургомистр Прецель. Он настаивал, чтобы граф позаботился надежнее укрепить городские ворота, так как, по всем вероятиям, крестьяне устремятся на них. Он предлагал из ближайшего госпиталя перевезти навоз и всякий хлам и завалить им вход. Граф же, поджидая с часу на час пфальцских рейтаров под предводительством маршала фон Габерн и боясь заградить ему вход в город, не согласился на эту меру. К тому же он и сам не верил в храбрость крестьян. Пославши своих парламентеров, крестьяне, разделенные на три отряда, в боевом порядке, спокойно ждали ответа дворян. Выстрелы, произведенные со стен по их парламентерам, послужили сигналом к нападению: Флориан Гейер, стоявший впереди с «черным отрядом», двинулся к замку; отряд, стоявший за ним, поспешил к городу; отряд, рас-

положенный около Эрленбаха и Бинсвангена, тоже быстро двинулся вперед.

На Эрленбахской равнине войско получило напутственное благословение «черной женщины».

«Черная женщина» пользовалась большим уважением в крестьянском войске: она известна была во всей окрестности под именем «черной гофманши». Народная война этого времени также имела своих героинь. По дошедшим до нас преданиям, «черная женщина» представляется обагренною кровью, внушающей ужас; в этом образе нет ничего ни женственного, ни даже вообще человеческого; однако благодаря беспристрастным документам, рисующим «черную женщину» в настоящем свете, слава и доблести этой народной героини восстановлены теперь вполне. Верования и понятия тогдашнего времени возбудили в ней стремления ко всему таинственному; тогда были в ходу чародейства и пророчества; она верила в силу благословений и проклятий. Она была приятельница Якова Рорбаха, его советница и помощница; часто, когда он сомневался или колебался, она поддерживала и подкрепляла его: «Ты не должен бросать начатого дела, — говорила она, — бог того хочет».

Дворянство она ненавидела от всей души. Какие причины вызвали в ней эту ненависть и жажду мщения, неизвестно. Она только тогда успокоилась, когда увидела весь народ вооруженным.

Горожан она также ненавидела, особенно же не терпела она гордых обитательниц Гейльбронна. «Желала бы я подрезать платья, — говаривала она, — их милостям, гейльброннским барыням, чтобы они походили на ощипанных гусынь». Она едва вынесла, когда гейльброннцы завладели прекрасными, долгое время принадлежавшими общине лугами между Беккингеном и городом. Громко жаловалась она на этот захват говоря: «Все, силою отнятое от бедной беккингенской общины, гейльброннцы снова должны ей возвратить».

Крестьянам она говорила: «Если гейльброннские крестьяне будут вас чем корить или что дурное вам делать, то не щадите их. Тяжело проливать кровь братьев своих, но будьте тверды, на то воля божия: бейте, режьте, душите; чтобы камня на камне не осталось в Гейльбронне, так же как и во всех принадлежащих к нему селениях».

С отрядом Яклейна Рорбаха пришла она в Зонтгейм. Здесь, в зонтгеймских каменоломнях, она сделалась действительною предводительницею вооруженного отряда. С ним она пошла в Орингеn, Шенталь и назад в Лихтенштерн. Часто она утешала крестьян своим звучным голосом: «Будьте веселы, смелы и не теряйте мужества», и она благословляла их и заговаривала от копий, алебард и огнестрельного оружия.

В Гейльбронне в начале только что поднимающихся волнений между бюргерами она уже успела заявить себя. Когда бюргеры собрались противодействовать магистрату и составили на рынке

сходку, она примкнула к ним и своими речами возбуждала и поощряла их: «Вы поступаете справедливо, — восклицала она, — так должно быть, сам бог того хочет». Кто будет держать сторону магистрата, того накажет бог, пророчила она. Она подавала советы, знала все решения посвященных, хлопотала, воодушевляла, предостерегала, вела переговоры, и даже когда и у мужчин нехватало энергии, она не переставала с удивительною находчивостью и твердостью отстаивать общее дело, говоря: мы с вами еще не последний раз видимся [1]. Незнатного рода, из убогой крестьянской хижины с берегов Неккара, «черная», угнетенная женщина, искавшая правды и свободы, одичалая страстная душа, одинаково сильная как в любви, так и в ненависти, с своим вечным «на то воля божия» — живешь ты в памяти народа: в песне, предании и истории! А цель, к которой стремилась ты с такою энергией, и до сих пор еще не достигнута.

«Неприятельские пули не повредят вам», — восклицала она уходящим крестьянам, делая по воздуху какие-то таинственные знаки.

В то время как Флориан Гейер окружал замок, другие отряды расположились кругом города. Первое нападение было сделано со стороны больницы на нижние ворота. Граф с бюргерами крепко держались в городе [2]; находящиеся на стенах тоже не бездействовали. Нападающие выдерживали сильный огонь, направленный на них из отверстий бойниц; со стен сыпался град камней. Но крестьяне продолжали свое дело; вид трех убитых и нескольких раненых еще более возбудил их мужество. Яклейн, командовавший в этом месте приступом, поклялся отмстить вейнсбергцам.

Вдруг из города заметили два флага, развевающиеся на башне замка. Флаги эти оказались неприятельскими знаменами, принадлежащими «черному отряду». Отряд этот, состоявший из крестьян роттенбургской общины, гейльброннцев и других бывалых воинов, не раз уже участвовавших при осадах, окружив замок, вскоре взял его приступом; крестьяне взобрались на стены и водрузили там свои знамена.

Между тем взятие крестьянами двух наружных дверей нижнего входа и вид развевающихся на замке неприятельских знамен совершенно лишили мужества горожан. Еще раньше, при начале военных действий, многие из них очень равнодушно относились к защите города; только почетные лица, защищавшие нижние и верхние ворота, усердно содействовали графу; занимавшие же малый вход при церкви, на который устремился Дионисий Шмид из Швабаха с своим отрядом, очень мало заботились о защите своего поста. Здесь все были приятели Яклейна и Шмида, давно уже действовавшие в пользу крестьян внутри города. Та-

[1] Союзные документы, связка 98, № 16.
[2] Рукопись Зейдлера, из канцелярской рукописи (вольфегской) Трухзеса.

раны, молоты и секиры, усердно работавшие снаружи, разбивали последнюю дверь нижнего входа. Приближающаяся опасность отняла охоту к сопротивлению даже у преданных помощников графа. Напрасно разъезжающий по городу Дидрих фон Вейлер призывал бежавших бюргеров и рейтаров возвратиться на стены и к бойницам. Графа окружила целая толпа кричавших женщин, умоляя его не доводить их до крайности, потому что дальнейшее сопротивление будет бесполезно и угрожает им лишь потерею жизни и имущества. Угрозы Яклейна предать огню и мечу Вейнсберг произвели страшное впечатление на жителей, и поэтому тщетны были призывы рыцарей к защите города: бюргеры твердо решились сдаться, чтобы хоть спасти себе жизнь. Некоторые бросились на стены и бойницы и силою стаскивали оттуда рыцарей и рейтаров.

Граф сам видел невозможность держаться долее. «Вейнсбергцы, вы защищались, как только могли; я могу сказать это перед богом и перед целым светом», — обратился он к жителям и тут же приказал одному бюргеру, надев шляпу на шест, предложить крестьянам мир и сдачу города, если те обещают пощадить жизнь граждан. Священник Франц и многие другие, показавшись между зубцами нижних ворот, тоже кричали крестьянам: «мир, мир!» Но крестьяне выстрелом сбросили шапку с шеста и отвечали: «Горожанам нечего бояться за свою жизнь, но рыцари все погибнут». Парламентер просил крестьян сделать исключение для графа, и Гельфенштейн, стоявший тут же, слышал, как они отвечали: «Не будет пощажен и он, хотя бы он нас озолотил». При виде безвыходности своего положения графом овладел страх, и он решился искать спасения в бегстве. Призвав нескольких преданных ему бюргеров, он сообщил им свое намерение. План его был — бежать через верхние ворота, и, чтобы облегчить себе проход сквозь неприятельскую толпу, он просил бюргеров возобновить на короткое время оборону города со стороны, противоположной верхним воротам. Но время было уже потеряно; если бы граф задумал бегство раньше, когда горожане только что начали гнать со стен рейтаров, тогда, быть может, оно и удалось бы. «Где мои верные бюргеры?» — воскликнул граф в отчаянии. Но зов его заглушен был воплями женщин, спешивших с ключами к городским воротам, и криком бюргеров, столпившихся около рыцарей и рейтаров, которые приготовлялись на площади к бегству. «Что же вы хотите оставить нас одних на бойне? Вы принесли несчастье нашему городу; и теперь не время думать о побеге».

Да и действительно, спасение было уже невозможно: со всех четырех сторон, как волны, стремились крестьяне в город. Прежде других подались малые ворота у церкви; сюда ворвались Дионисий Шмид со своими товарищами и с толпою, прибывшей из замка. С другой стороны, где была больница, крестьянам помог перебраться через стену один юродивый, Ганс Мослинг. Главный же отряд, овладев нижними воротами, хлынул с яростным криком в город

в ту самую минуту, когда рыцари садились на коней, чтобы бежать.

«Берите своих жен и детей и убирайтесь по домам; вам нечего бояться», — кричали они горожанам. Горожане, конечно, не заставили повторить приглашения: они немедленно скрылись в дома, затворив предварительно двери и ставни. Некоторые из отряда Яклейна требовали, чтобы «графа и рыцарей прогнали сквозь строй». Между тем, и верхние ворота тоже были взяты крестьянами. В рассказах очевидцев не говорится прямо, были ли эти ворота выломаны крестьянами или же открыты самими жителями. Рыцари со своими людьми бросились на церковный двор; некоторые пробрались во внутренность церкви, думая там найти себе спасение; граф находился в числе последних. Один священник указал ему и некоторым из его товарищей вход на колокольню, но туда успело скрыться только 18 человек.

Несколько рыцарей, пошедших за графом на церковный двор, и несколько других, пытавшихся защищаться, пали все под ударами крестьян. Даже из сорока человек бюргеров, не успевших убраться восвояси, восемнадцать были ранены в общем смятении. Запертые церковные двери были сорваны; спрятавшиеся, кто в храме, кто в склепе, были найдены и тут же убиты. Скоро открыли и ход на колокольню; тогда-то раздались дикие, радостные восклицания: «Наконец-то мы захватили здесь все гнездо, бейте их всех насмерть». Все спешили подняться, но на колокольню вела узкая лестница, так что по ней можно было итти только поодиночке, к тому же труп убитого при входе рейтара заградил им на время дорогу.

Теперь Дидрих вон Вейлер отказался от всякой надежды. Он взошел на верхнюю площадку колокольной башни и закричал собравшимся на церковном дворе крестьянам, что «они сдаются в плен и предлагают 30 000 гульденов за свою жизнь». «Да если бы вы предложили бочки золота, то и тогда не избегли бы смерти!» — отвечали ему оттуда. «Мщение, мщение за пролитую кровь 7 000 наших братьев под Вюрцахом». В то же мгновение раздавшийся выстрел свалил рыцаря, а взошедшие по лестнице крестьяне изрубили его своими мечами и сбросили на церковный двор. Подобной же участи подверглись и многие другие рыцари, между ними форстмейстер Леонард Шмельц.

Между тем, проезжавшие мимо Георг Мецлер, главный крестьянский начальник, и Андрей Реми фон Циммерн, один из старших предводителей, отдали приказание не убивать более никого, а брать всех в плен. Таким образом граф фон Гельфенштейн с несколькими другими рыцарями сведены были с башни. В то время как их вели церковным двором, один крестьянин ударил графа в правый бок алебардой, а Георг фон Кальтенталь был ранен в голову. Осада города, покорение его и взятие в плен неприятеля было делом, продолжавшимся не более часа. В 11 часу утра все уже было кончено.

Так как оседланных лошадей, доставшихся в добычу крестьянам, оказалось более, чем убитых и взятых в плен рыцарей и рейтаров, то отсюда крестьяне и заключили, что, верно, некоторые из них спрятались в домах горожан. Горожанам велено было обыскивать их дома и выдать спрятавшихся.

Только трем из них удалось спастись благодаря благодушию своих хозяев. Все остальные были взяты в плен, связаны веревками, и Яклейн взял на себя обязанность сторожить пленников. По праву победителей, крестьяне хотели теперь грабить город. «Вейнсбергом овладели мы, подвергая жизнь свою опасности, — утверждали многие, — и потому как город, так и земля, на которой он стоит, принадлежат нам». Немалого труда стоило их начальникам объяснить им, что грабежу следует подвергать только имения тех лиц, которые вредили им, помогая рыцарям. Крестьяне не без ропота согласились не трогать дома простых горожан, которым в свою очередь вменено было в обязанность ухаживать за ранеными, снабжать крестьянское войско вином и съестными припасами во все время, пока оно будет стоять в городе. Дома же духовенства, погребщика, градского головы, бургомистра и городского писца отданы были на разграбление.

Также опустошили церковь и ризницу, расхитили церковные суммы, дароносицу и всю церковную утварь. Предавшись грабежу, крестьяне не заботились прибирать награбленное; школьный учитель Вольфганг Шефер имел возможность тайно унести и скрыть два церковных сосуда. Богатый винный запас замка перевезен был в лагерь. Вообще в замке крестьяне нашли богатую добычу. Тому достался прекрасный серебряный кубок, принадлежавший графу; этот завладел шелковыми одеждами и материями, третий оловянной посудой и полотном. На долю одного Дионисия Шмида досталось на 60 гульденов всякой всячины, а Коберер столько награбил в замке, что, по его словам, он и во сне не видал таких богатств. При расхищении замка между крестьянами царствовала такая неурядица и суматоха, что драгоценнейшие вещи были ими оставлены без внимания. Таким образом долгое время валялся на полу футляр, похожий на футляр с ложками; некоторые его поднимали и снова бросали; наконец, кто-то поднял и открыл его: «он был полон драгоценностями». Золотые кольца, разные орденские знаки и т. п. — все сделалось их добычею. Распорядителем добычи был Ганс Виттих из Ингельфингена; он раздавал плоды и вино. В городе же при разграблении домов крестьяне действовали с меньшею алчностью. В одной из комнат казнохранилища найден был сверток с деньгами. Школьный учитель Шефер объявил, что это принадлежит бедным вейнсбергским детям, и деньги отданы были ему на сохранение.

Таким образом в грабеже и пьянстве прошло все дообеденное время, причем Вельфийский замок был сожжен дотла. В это же время начальники имели между собою совещание, на котором

Флориан Гейер предложил сжечь все укрепленные господские жилища, говоря, что дворянин, так же как и крестьянин, должен иметь в своем доме только одну дверь. Раньше еще принято было предложение уничтожить монастыри и заставить монахов работать наравне с крестьянами. Но прежде чем приступить к этим изменениям, решено было итти к Гейльбронну, чтобы склонить город вступить в их братство и через это обезопасить себя со стороны долины Неккара; потом предполагалось итти через Майнц к Вюрцбургу, и если эти города будут взяты, то положено было выгнать оттуда всех каноников, священников и епископов [1]. Флориан Гейер полагал, однако, что такие меры не приведут еще к желанной цели. Он думал, что народ только тогда будет истинно свободен, когда с ним будут сравнены не только одно духовенство, но и дворяне, так чтобы на немецкой земле было только одно сословие — сословие свободных людей. Устранение одних только духовных владык он считал полумерою. По его мнению, молодой отпрыск народной свободы не мог привиться к другим деревьям, и он хотел, чтобы эти негодные деревья не только были срублены, но и вырваны с корнями так, чтобы и следа их не оставалось. Потому он настаивал на разорении всех укрепленных резиденций как светских, так и духовных властей. Флориан Гейер был один из немногих в крестьянском войске, которые знали, чего они хотят; и когда, сложив с себя дворянское звание, он предложил меч свой на защиту народных прав, то он сознавал, что дело, в котором он решился принимать участие, не пустое предприятие, но кровавая драма, и в этой драме он хотел выдержать свою роль до конца — низвергнуть власть не только частных владельцев, но и высших властителей. Член свободного сословия, рыцарь, отрекшийся от своего звания, он понимал свободу в обширнейшем смысле этого слова. Иного мнения был Вендель Гиплер. Ему хотелось втянуть дворян, именно рыцарей, в крестьянские интересы. Устроить это он предполагал таким образом: уничтожив все повинности, стеснявшие свободу народа, светских властей и дворянства, удовлетворить потерпевших через это убытки из отобранных имений духовных лиц и таким образом приобрести согласие и помощь дворян для осуществления новых свободных начал. Еще в Неккарсульме перед выступлением к Вейнсбергу Гиплер предлагал крестьянам принять дворян в свой союз, потому что и они, подобно крестьянам, желают освободиться из-под княжеского гнета [2]. Вендель Гиплер имел большое влияние на Георга Мецлера.

В глубине же души Рорбаха таились мрачные, кровавые замыслы, отличные и от убеждений Гиплера и от обширных планов Флориана. Яклейн был центром крайней партии, к ней же принадлежала большая часть войска. Мщение было их лозунгом;

[1] Первоначальное показание Дионисия Шмида.
[2] Там же.

«задать дворянам страху, внушить к себе ужас» — вот что было их ближайшей целью [1]. Яклейн, расположившийся на мельнице, составил экстренное совещание с своими единомышленниками. Право военного суда над пленниками они удержали за собою, и все были согласны с тем, что следует всех взятых в плен, как рыцарей, так и рейтаров, умертвить, и на будущее время поступать также.

Яклейн с товарищами не сообщили своего решения остальным крестьянам, и чтобы предупредить всякое могущее быть с их стороны возражение, они хотели немедля приступить к исполнению своего приговора над пленниками. Это легко было устроить: пленные были в руках Яклейна; город был в стороне; Андреас Реми, орингенцы и гейльброннцы были с ним заодно.

Тем временем, как большая часть крестьянского войска хозяйничала около винного погреба, перевезенного из замка, толкалась по гостиницам и по другим подобным заведениям или завтракала с горожанами, Яклейн вывел своих пленных на луг против городских ворот, где в настоящее время разведен сад; это были граф Людвиг фон Гельфенштейн, Ганс Конрад Шенк, фон Винтерштеттен и другие рыцари [2], с ними же приведены были многие рейтары и конюхи. Всех поставили в круг для выслушания приговора. В прежние времена существовало наказание гонять сквозь строй; наказанию этому подвергались нарушители чести, но в таком только случае, если виновный был из податного сословия. Эта-то казнь была объявлена пленным, «к стыду и поруганию дворян, как будто бы те поступили против чести» [3]. Вместе с пленными пришла графиня фон Гельфенштейн, разделявшая заточение своего мужа; она держала на руках своего двухлетнего сына, прислужница следовала за ней. Бросившись на колени перед Яклейном и его товарищами, графиня умоляла пощадить ее мужа, отца малютки, которого она простирала к ним. Но они не тронулись ни ее красотою, ни слезами, ни несчастием; в то время как дочь императора с мольбою лежала у их ног, в памяти многих из них восставали те унижения и страдания, которые столько лет выносили они от своих властителей; представлялась плеть, немилосердно взвивавшаяся над их исхудалыми от голода и барщины спинами, наконец, собаки, которыми нередко травили их, как зверей; вспоминали они своих отцов, братьев и сыновей, брошенных за ничтожную вину в темницы и томившихся там без пищи и питья, вспоминали те мучительные ночи, когда бродили они около тюремных стен, чтобы узнать что-нибудь об участи своих родственников, и теперь еще раздавались в ушах их те стоны, жалобы и проклятия, которые при последнем издыхании страдальцы призывали на головы своих мучителей. Свежи еще были в па-

[1] *Герер*, из позднейших дознаний.

[2] «О четырнадцати дворянах, прогнанных сквозь строй». Уведомление из города Гейльбронна Швабскому союзу. «Граф и с ним тринадцать дворян прогнаны были сквозь строй». Из донесений очевидцев.

[3] *Никлас Томан*, рукопись.

мяти кровавая расправа в Верхней Швабии и нападение Гельфенштейна во время переговоров. Подобные воспоминания не могли смягчить сердца крестьян, когда графиня, рыдая и стеная, на коленях умоляла их о пощаде.

Многовековое угнетение и бесчеловечное обращение ожесточили их. Они безжалостно оттолкнули ее прочь, и один из них коснулся мечем груди «маленького барченка», лежавшего у нее на руках. За одну свою жизнь Гельфенштейн давал выкуп в 30 000 гульденов. «Да если бы ты давал нам за себя две бочки золота, то и тогда не откупился бы», — было ему ответом. Мщение жаждало крови. По приказанию Яклейна крестьяне выстроились в два ряда. Строем командовал Ганс Винтер из Оденвальда. По старинному обычаю, он забил в барабан; «телохранители Яклейна» выдвинулись вперед; крестьяне выставили свои копья и при барабанном бое первый выгнанный в строй и тут же заколотый был слуга Конрада Шенка фон Винтерштеттена, за ним следовал его господин; третьим назначен был Гельфенштейн. Полковой крестьянский писарь Яков Лейтц, бывший прежде священником, но лишенный в Риме своего сана при открытии заговора винцерховского викария, исповедал графа и получил от него четки, которые граф постоянно носил на руке. Урбан Мецгер из Вальдбаха и сын Клауса Шмида из Роппаха вели графа. Это мучило его вдвойне: в былые счастливые дни у него была своя застольная музыка, и вдруг здесь, перед своею казнью, он увидел между музыкантами Мельхиора из Илсфельда [1], того самого, который часто играл у него за обедом и даже пользовался его расположением, но впоследствии был уволен. Этот самый Мельхиор подошел теперь к нему и, сняв с головы его шляпу с перьями и надев ее на себя, закричал: «Довольно, поносил ты ее, теперь мне хочется быть графом; довольно потешал я тебя за столом, довольно потанцовал ты под мою музыку, вот теперь я тебе сыграю хороший танец», и, весело наигрывая на рожке, он пошел перед ним до самого строя. Урбан Мецгер из Вальдбаха втолкнул графа в строй, и на третьем же шагу он пал, пронзенный копьями; за ним следовали его оруженосец Блейбергер, потом его шут [2] и, наконец, один за другим рыцари, и каждый, входивший в строй, слышал крики мщения, в которых припоминались злоупотребления дворянства при охоте. Еще и ныне живет воспоминание об этом дне в Цабергау: в Оксенбургском подземелье найден человеческий скелет между оленьими рогами и клыками кабана. Три конюха были подняты на копья и умерщвлены. Рейтар Кунц был освобожден Рорбахом. Злоба крестьян к графу не прекратилась даже с его смертью: труп его предан был поруганию и осмеянию. Мельхиор Нонненмахер его жиром вымазал свое копье [3]. «Черная гофманша» распорола ножом ему живот и вытекшим оттуда жиром вымазала себе башмаки,

[1] *Зейдлер*, рукопись.
[2] *Гофман*, рукопись.
[3] *Зейдлер*, рукопись.

собственноручно перевернула труп и топтала ногами «эту шельму», как она называла графа. Некоторые с торжеством носили на копьях кожу и волосы убитых. Андрей Реми фон Циммерн приколол себе на шляпу перья со шлема графа. Яклейн Рорбах, одевшись в графский колет и штофное полукафтанье, явился к несчастной графине и сказал: «Как я вам нравлюсь, сударыня, в этом штофном полукафтанье?» Графиня, увидя убийцу своего мужа в его рыцарской одежде, упала в обморок от испуга и огорчения [1]. Панцырь он снял и подарил Гансу Зеклеру из Неуенштейна. Грубыми, окровавленными руками сняты были с графини все ее украшения и одежды; ее, ребенка и прислужницу посадили в навозную телегу и отправили в Гейльбронн. Ругательства и насмешки посыпались ей вослед: «Ты приехала в золотой карете в Вейнсберг, а выезжаешь из нее в навозной телеге». Графиня же, вспоминая о только что прошедшей неделе страданий христовых, говорила: «Я очень грешна, но меня утешит спаситель мой, который также въехал с торжеством в Иерусалим в вербное воскресение, но вскоре должен был перенесть ругательства и смерть не за свои, но за грехи других». Так говорила благородная страдалица, продолжая путь, держа на руках свое раненое дитя, и тут же дала обет, если сын выздоровеет, посвятить его богу, предназначив в духовное звание [2]. Молодая вдова двух любимых мужей поехала в Люттих к своему брату, князю-епископу Люттихскому Георгу австрийскому, и там же умерла через 12 лет; сын ее, по обещанию ее, вступил в духовное звание.

Солнце, приближавшееся к полудню, освещало эту кровавую драму. Хотя большинство крестьянского войска и разделяло мнения Яклейна, но личное участие в этом деле принимал только он со своим отрядом. Девять десятых крестьянского войска [3] узнало об этой ужасной расправе, когда все уже было кончено [4].

Начальники и советники составили по этому случаю особое заседание. До нас не дошло, как был принят поступок Яклейна и других участвовавших в нем; известен только тот факт, что имя Флориана Гейера более не упоминалось в крестьянских совеща-

[1] *Гофман*, рукопись.

[2] *Габелькофен*, рукопись; *Кернер*, 134.

[3] Показания Петра Дангейма из Бургау: «Я был тут, когда сбросили Дидриха фон Вейлера с колокольни; когда же гнали сквозь строй, меня не было. Едва ли одна десятая часть знала об этом». Ульмские документы в собрании Шмида. Показания Ганса Вельднера; союзные акты.

[4] Главные источники о случившемся в Вейнсберге суть показания свидетелей, отобранные от них под присягою Эбергардом фон Карпфен и Иоганном Кинспах по распоряжению австрийского правительства; свидетелями этими были немногие избежавшие смерти слуги и некоторые другие беспристрастные очевидцы в числе двадцати одного человека, видевшие все происходившее. В числе этих документов в Штутгартском архиве находится тщательно обработанная, хоть не вполне основанная на доказательствах рукописная статья государственного советника Гюнцера. Рядом с приведенными сейчас материалами особенного внимания заслуживает статья Юстинуса Кернера «Разрушение Вейнсберга», составленная им по рукописным источникам.

ниях, и он со своим «черным отрядом» отделился от «ясного ополчения».

При осаде вейнсбергского замка, как и прежде, Флориан доказал на деле свои военные способности; в «черном отряде» «ясное ополчение» теряло лучших своих воинов; во Флориане же оно лишалось не только единственного человека, опытного в военном деле, но и мужественного, верного и справедливого вождя, какого уже после оно никогда не имело. Удаление его еще тем повредило народному делу, что обнаружило ту пропасть, которая навсегда разъединяла цели «ясного ополчения» с целями большого франконского войска.

В Вейнсберге в понедельник на пасхе собравшимися начальниками и советниками предложено было выбрать в предводители Геца фон Берлихингена [1]. Вспомнили ли они о Геце потому, что Флориан отделился от них вследствие произведенной Яклейном кровавой расправы? или же Флориан ушел потому, что начальники хотели поставить во главе Геца? Недостаточно разъяснено, почему они хотели иметь предводителем Геца: потому ли, что Гец при Шентале сказал им: «Я могу присоединить к вам дворян»[2]; или же мнения, высказанные Флорианом в совете Гиплеру и неодобрения кровавой мести Яклейна как меры неполитической, теперь одержали верх, и крестьяне под предлогом соединить свои интересы с интересами дворянства, поторопились обратиться к Гецу, зная о его влиянии на дворян.

Вскоре после осады Гейльбронна Яклейн Рорбах отделился от Евангелического войска и направился в противоположную сторону.

Из Вейнсберга было послано второе, более грозное требование графам фон Левенштейнам. Оба молодые графа принуждены были явиться в крестьянский лагерь. Когда графов проводили через Вейнсберг, то один из них обратился с каким-то вопросом к одному из вейнсбергских жителей; горожанин, по старой привычке, почтительно снял перед ним свою шляпу; к ним подошел в это время старенький мужичок, вооруженный большой заржавленной алебардой и, угрожая вейнсбергцу, сказал: «Чего раскланиваешься ты перед ним, кланяйся если так и мне, я такой же барин, как и он». И графы должны были шутя снимать перед крестьянами шапки.

Теперь и графы фон Гогенлое поторопились послать при вежливом письме крестьянам две шланги и полцентнера пороху. Они уверяли, что слух, будто бы их рейтары захватили нескольких крестьян, был совершенно ложен; что всем снова отдан от них приказ под страхом потери живота и имущества не причинять зла крестьянам и что крестьяне отнюдь не должны щадить никого, кто не уважает их грамоты, печати и договоры. Георг Мецлер

[1] Первоначальные показания Дионисия Шмида.
[2] Там же.

через начальника гарнизона в Эрингене отвечал, что гарнизоны из всех значительных пунктов будут распущены и что будет взята присяга со всех подданных гогенлоенских графов.

Пфальцский маршал Вильгельм фон Габерн, на помощь которого рассчитывал граф фон Гельфенштейн, отправился действительно к Вейнсбергу с 20 всадниками, но, придя на Скамеечную гору, увидел, что он опоздал. На возвратном пути в Мосбах он наткнулся на крестьянский отряд, состоящий из 60 человек, которые тащили по улице военную повозку. Маршал загородил им дорогу, напал на них со своими рейтарами и многих из них убил, сам же потерял только несколько лошадей. Услышав об этом нападении, «ясное ополчение» угрожало правительству и, намекая на фамилию маршала (Габер — овес), писало: «Мы намерены вымолотить овес; гумном нам будет служить Гедельбергский замок».

Из Вейнсберга «ясное ополчение» направилось к Гейльбронну. Графы Людвиг и Фридрих фон Левенштейны должны были следовать за ним в крестьянской одежде с белыми посохами в руках. В зверинце около Гейльбронна видели их сидящими с крестьянами и «до того испуганными, что они походили на мертвецов».

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

Редактор И. Монько Техн. редактор Е. Раецкая
Корректоры: Е. Литкенс и А. Мамлин

Сдано в набор 21/I 1937 г. Подписано к печати 17/IV 1937 г. Формат $60\times92^1/_{16}$.
Тираж 10 000. Печ. л. $24^1/_2$. Число зн. 45 312 в п. л. Уполн. Главлита Б-13710.
Огиз № 1853. Заказ № 486. Цена книги 6 р. 50 к. Переплет 1 р. 50 к.
Набрано и сматрицировано в 1-й образцовой тип. Огиз'а. РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

Отпечатано в 16-й типографии треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., 9.